

Моему прадеду Власову Е.К. посвящается...

ОТ АВТОРА

Тема коллаборационизма¹, то есть сотрудничества советских граждан с оккупантами в годы Второй мировой войны долгое время была своеобразным «табу». Причем помимо идеологической цензуры здесь, по-видимому, играло свою роль и нежелание касаться столь скользкого и нелицеприятного вопроса. Начиная со времен «перестройки» положение, казалось бы, радикально изменилось. Однако сегодня мы наблюдаем другую крайность, когда часть публицистов, в том числе и недавних ревностных проповедников коммунистической идеологии, развернулись на 180° и с тем же пылом, с каким раньше славили «судьбоносные решения» очередных съездов КПСС, начали прославлять немецких пособников, якобы выступавших «идейными борцами против коммунистической тирании».

Между тем явление это достаточно многогранно и заслуживает большего внимания со стороны исследователей.

Часто высказывается мнение, будто массовое сотрудничество с оккупантами жителей СССР во время Великой Отечественной войны — явление уникальное и беспрецедентное, как для истории нашей страны, так и для мировой истории. Разумеется, элемент уникальности здесь присутствует, как, впрочем, и у любого другого исторического события. Что же касается беспрецедентности и неслыханности, то это далеко не так.

Увы, если обратить взгляд вглубь российской истории, то выясняется, что практически всякий раз, когда враги вторгались на территорию России, среди наших соотечественников находились предатели или просто малодушные, предлагавшие свои услуги противнику. Можно вспомнить и события

¹ Коллаборационизм (от франц. *kollaboration*) — сотрудничество с фашистскими захватчиками (Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1981).

Смутного времени начала XVII века, и измену гетмана Мазепы во время Северной войны. Во время Отечественной войны 1812 года православное духовенство Могилевской епархии, оказавшись в оккупации, в полном составе присягнуло Наполеону и служило молебны за победу французского оружия. Во время русско-персидской войны 1826—1828 гг. на стороне персов сражались целые подразделения, сформированные из русских перебежчиков. Имели место случаи предательства и перехода на сторону противника и в русско-японскую войну 1904—1905 гг. В ходе Первой мировой войны немцами и австрийцами на территории бывшего Царства Польского формировались многочисленные части из поляков — бывших русских подданных. Велось и создание подразделений из финских эмигрантов.

Но может быть, подобное явление свойственно только России? Изучение фактов показывает, что мы здесь отнюдь не уникальны. Чтобы не углубляться в дебри мировой истории, ограничимся Второй мировой войной. Выясняется, что в занятых немцами странах Западной Европы сотрудничество с оккупантами было почти поголовным. Причем если у нас служба немцам все-таки воспринималась, в том числе и в народном сознании, как предательство, а уж если бургомистром становился бывший советский или партийный чиновник, а полицаем — бывший милиционер, то такой поступок расценивался как особо циничный и непростительный, то на Западе это было в порядке вещей — полиция и органы местного управления продолжали исправно функционировать и при оккупантах. Можно также вспомнить наплыв добровольцев в части СС со всех концов Европы.

Тем не менее, нельзя отрицать, что коллаборационистское движение на оккупированной территории нашей страны было достаточно массовым. Почему это стало возможным? Здесь наложились сразу несколько факторов.

В первую очередь, это готовность немецких командиров привлекать на службу местных жителей и военнопленных, хотя подобная инициатива порой и тормозилась гитлеровским окружением. Несмотря на это, часть высшего армейского руководства и руководства секретных служб делало ставку на активное привлечение «расово неполноценного» на-

селения на свою сторону, вооружало его и предоставляло в ряде случаев самостоятельность.

Рост партизанского движения в немецком тылу и активность советских спецслужб вынуждали немецкое военнополитическое руководство искать содействия со стороны «аборигенов», результатом чего стало формирование большого количества армейских, полицейских и «спецназовских» частей и подразделений. Руководство немецких вооруженных сил постепенно пришло к выводу о необходимости замены немецкого кадрового состава тыловых частей восточными «добровольцами», что позволяло направлять высвобождавшийся немецкий состав на передовую.

Далее, нельзя не отметить исключительно тяжелые условия, в которых оказались советские пленные. Зачастую вступление в коллаборационистские формирования было для них единственной возможностью спастись от голодной смерти в концлагере. При этом многие рассчитывали, получив оружие, уйти к своим. Множество соответствующих примеров читатель найдет и в данной книге.

Большую роль в развитии коллаборационизма сыграло наличие крупной антисоветской эмигрантской колонии, разбросанной по странам Европы и Азии. Основы сотрудничества национальных эмигрантских колоний со спецслужбами стран Оси были заложены еще в годы Первой мировой войны, когда усилиями генеральных штабов Австро-Венгрии и Германии, а также Японии были установлены контакты с сепаратистскими партиями и национальными группировками, добивавшимися распада многонациональной Российской Империи и ее растаскивания по национальным «квартирам». В национальной политике немецкие оккупанты искусно использовали принцип «разделяй и властвуй». Важным фактором, обеспечившим наличие массовой поддержки оккупантов, была активная деятельность секретных служб Германии и ее союзников.

Наконец, сыграли свою роль социальные и национальные противоречия, накопившиеся в советском обществе, в том числе и в результате ошибок и просчетов руководства СССР.

Как мы уже отметили выше, тема сотрудничества советских граждан с врагом долгие годы была закрытой. В настоящее

время коллаборационизм 1940—1945 гг. рассматривается, как правило, через призму пресловутого «Власовского» движения. Зачастую с фигурой генерал-лейтенанта А.А. Власова ассоциируют движение украинских националистов или устремления «Туркестанского Национального Комитета». Трагическая и до сих пор во многом загадочная фигура А.А. Власова стала своеобразным «эталон» предательства, национальной измены. Однако на самом деле Русское Освободительное Движение началось задолго до появления на немецкой стороне командующего 2-й Ударной армией.

В данном повествовании будет рассказано о русских, украинских, белорусских, прибалтийских и восточных формированиях вооруженных сил Третьего Рейха и его секретных служб; о людях, организовавших и возглавивших эти формирования; о боевом пути этих частей и подразделений, антисоветских и национальных организаций до появления на горизонте фигуры генерала Власова. В книге также пойдет речь о повстанческих формированиях, действовавших в тылу Красной Армии после освобождения территории ряда советских республик.

Завершая это небольшое вступление, нельзя не сказать пару слов и о моральной стороне поднимаемой в книге темы. Сегодня хорошо известно, какая участь ожидала народы нашей страны в случае победы Гитлера. В лучшем случае — онемечивание с полной утратой национальной самобытности. Для основной же массы населения — превращение в рабов или физическое уничтожение. Причем это не советская пропаганда, а реальные планы, подтвержденные как документами, так и практическими действиями оккупантов. В подобной ситуации, как бы мы не относились к Сталину и Советской власти, оправдать сотрудничество с противником нельзя ничем.

Автор выражает благодарность за помощь в работе над книгой А. Кручину, А.И. Колпакиди, П.М. Быстрову, А.В. Окорокову, С. Дробязко, К. Александрову, В.П. Ямпольскому, Ю. Грибовскому, К. Семенову, А. Литвину, С. Ершу, известной редколлегии, Е.А. Поповой, О.Б. Сладковой, И.В. Пыхалову, Г. Алехину, Г. Мамулия, Э. Абрамьяну, Г. Кокунько, К. Хохульникову, а также Ржевскому книжному клубу.

Часть I.

Русские формирования

1. РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В «ВОСТОЧНОМ ПОХОДЕ» 1941–1945 ГГ.

Русские «правые» в Германии

Нападение Гитлера на СССР было воспринято изрядной частью русских белоэмигрантов как сигнал к началу некоего «нового весеннего похода Белых Ратей». Уставшие ждать падения Советской власти, они рассчитывали освободить свою бывшую Родину от «коммунистического ига» с помощью немецких штыков. При этом, несмотря на нескрываемую русофобскую позицию нацистского руководства, многие из них тешили себя иллюзиями, что, уничтожив сталинский режим, добрые немцы создадут на его месте новую Россию, хотя и союзную «Великогерманскому Рейху», но, тем не менее, независимую.

Невзирая на запрет А. Розенберга, русские эмигранты служили фактически во всех добровольческих формированиях Вермахта на Восточном фронте, в основном в качестве переводчиков и полувоенных чиновников — зондерфюреров. Меньшая их часть подвизалась в аналогичном качестве в войсках СС. Кроме того, значительное количество русских служило в Абвере. Именно там их опыт и знание русского народа особенно пригодились Третьему Рейху.

Особую категорию составляли уроженцы Прибалтики, бывшие военнослужащие Белой армии и немецких Добровольческих Корпусов (фрайкоров). Как и прочие белоэмигранты, балтийцы тоже служили в Вермахте, Абвере и СС, но,

в отличие от своих русских коллег, попадали на Восточный фронт открыто, как полноценные граждане Третьего Рейха.

Первые шаги к установлению дружеских отношений с немецким руководством представители русской «правой» эмигрантской колонии начали предпринимать сразу же после оседания в Германии. Укреплению связей способствовала накаленная до предела внутренняя обстановка в стране. Местные коммунисты активно стремились к власти. Неудивительно, что уже имевшие опыт борьбы с большевизмом беженцы из России оказались востребованными, в первую очередь, немецкими организациями участников Первой мировой войны и зарождающимися партийками нацистского толка.

Одним из первых организовал такой германо-русский антибольшевистский кружок Макс Эрвин фон Шойбнер Рихтер. За внешностью обаятельного, богатого и щедрого денди скрывалось участие в Первой мировой в составе русской армии и участие в Гражданской войне в составе армии немецкой. С 1920 года Рихтер сотрудничает с малоизвестным тогда Адольфом Гитлером, субсидируя его карликовую партию, и принимает участие в капповском мятеже. К концу 1920 года он создал **русско-немецкий фронт «Возрождение» («Ауфбау»)**, в состав которого вошли Альфред Розенберг, Арно Шикеданц, В. Бискупский, П. Щабельский-Борк, полковник И. Полтавец-Остряница. Весной 1921 года под эгидой «Ауфбау» был проведен съезд русских монархистов в Бад-Рейхенгалле. Трудно предположить, как далее развивались бы русско-немецкие отношения, если бы Шойбнер-Рихтер не был убит полицией 9 ноября 1923 года во время мюнхенского путча. Смертельно раненый, он увлек за собой на землю будущего вождя Третьего Рейха Адольфа Гитлера, спасая его от полицейских пуль. По неподтвержденным данным, до ареста Гитлера укрывал у себя на квартире генерал Василий Бискупский.

Однако соратник Рихтера по русско-немецкому «Ауфбау», уроженец России Альфред Розенберг полностью перечеркнул планы своего покойного коллеги по налаживанию сотрудничества между русскими и нацистами. Именно его бездумно-фанатичная славяноненавистническая политика во многом предопределила официальное отношение Рейха к русским как к «скоту» и «удобрениям для немецких полей».

Тесные отношения с русскими правыми организациями поддерживал Арно Шикеданц. Он также принимал активное участие в работе «Ауфбау», затем в рупоре нацистской идеологии «Фелькише Беобахтер». В 1942 году он был назначен главой рейхскомиссариата «Кавказ», однако так и не сумел приступить к работе ввиду успехов Красной Армии. В 1945 году Арно Шикеданц покончил жизнь самоубийством, не желая попасть в руки победителей.

В 1924 году по инициативе русских ветеранов Добровольческого Корпуса Рюдигера фон дер Гольца было создано **молодежное объединение «Русский Отряд»**, фактически ставшее русским филиалом СА. Совместно с немецкими штурмовиками, молодые эмигранты проводили военные учения и принимали участие в потасовках с активистами «Рот-Фронта». Отличительным знаком русских штурмовиков были нарукавные бело-сине-красные повязки с изображением свастики.

В 1933 году было образовано еще одно эмигрантское молодежное объединение — Российское Общенациональное Движение (РОНД), «фюрером» которого стал А.П. Светозаров (Пельхау). В своих рядах оно насчитывало до 200 штурмовиков. Вскоре Пельхау сменил генерал П.Р. Бермонд-Авалов — один из руководителей Белого движения в Прибалтике. Благодаря Бермонду в союз вступили ветераны балтийско-немецкого антисоветского сопротивления, более известные как «балтикумеры». Впоследствии в РОНДе была образована «украинская секция», члены которой впоследствии зарекомендовали себя как подготовленные кадры на службе у Абвера и частей специального назначения.

После подписания в августе 1939 года советско-германского пакта движение ненадолго ушло в тень. По неподтвержденной информации, во время Великой Отечественной войны Пельхау-Светозаров воевал в составе Вермахта на Восточном фронте.

Заметное влияние на становление идеологии немецких нацистов оказала деятельность Федора Винберга. Бывший полковник лейб-гвардии Уланского ее Императорского Величества полка, шталмейстер Высочайшего Двора был известен в дореволюционной России как активный деятель «Черной Сотни» и Союза Михаила Архангела. Во время Первой

мировой войны он командовал кавалерийским полком, был арестован ЧК в 1918 году. После освобождения из тюрьмы уехал в Киев, где началось его сотрудничество с представителями немецкой оккупационной администрации. Вместе с немцами Винберг эвакуировался в Германию. В Берлине издавал газету «Призыв», сотрудничал с журналом «Луч Света», в котором опубликовал «Протоколы Сионских мудрецов». «Протоколы» произвели эффект разорвавшейся бомбы и немедленно были приняты на вооружение зарождающейся нацистской партией. Вскоре они были переведены на немецкий язык Л. фон Гаузенем и опубликованы в консервативном журнале «Ауф Форпостен», а затем переведены и опубликованы на всех европейских языках. Именно Винберга считали вдохновителем покушения на П.Н. Милюкова, совершенного П. Щабельским-Борком и С. Таборицким.

Бывший предводитель российской «Черной Сотни» князь Н.Д. Жевахов также оказал влияние на формирование нацистской антисемитской идеологии. В эмиграции он вел обширную переписку с Б. Муссолини, встречался с Шойбнером-Рихтером и генералом Людендорфом. Жевахов восторженно отзывался о Германии и о том, какой неподдельный интерес вызвало его появление в среде нацистов: «Мой приезд в Берлин в этот момент не мог пройти незамеченным для немцев, и я как лично знавший Нилуса (Сергей Нилус — один из первых публикаторов «Протоколов Сионских Мудрецов» — Ч.С.) и ведший с ним переписку, неожиданно очутился в самом центре этого бурного, здорового национального движения... Русские оказали, несомненно, крупную услугу немцам в деле пробуждения их национального правосознания, и неудивительно, что на этой почве между ними возникли тесное единение и дружная совместная работа. Заслуга же немцев заключалась в том, что они отнеслись к русским не как к «беженцам», требовавшим материальной помощи, а как к подлинным культуртрегерам, и воспринимали их рассказы о зверствах большевизма и завоеваниях еврейства в России как угрозу их собственному бытию, как великую мировую опасность, грозившую всему христианству, цивилизации и культуре».

В 1935 году было создано «**Российское Национальное и Социальное движение**» (РНСД) под руководством полковника

Н.Д. Скалона. В состав этого образования вошли известные русские «правые» — барон А.В. Меллер-Закомельский (впоследствии — фон Мельский), Григорий Бостунич. В ответ на нападки левой прессы барон Меллер-Закомельский заметил: «Движение наше совершенно свободно и самостоятельно и ни в какой зависимости от германской партии или властей не находится. Оно существует и работает на жертвенные трудовые гроши российских эмигрантов. Да, мы преклоняемся перед личностью Вождя Германской нации Адольфа Гитлера и видим в нем, как и в его союзнике Б. Муссолини, духовного вождя мировых сил света, спасающих человечество от крошечной тьмы большевизма. Не деньгами купил Адольф Гитлер наши сердца, а силой своего духа и правдой своей идеи».

Бурную деятельность за границей развил Григорий Бостунич. Бывший офицер Белой армии, он эмигрировал в Германию и посвятил себя пропаганде антисемитских идей. После прихода нацистов к власти, Бостунич получил статус «фольксдойче» и сменил фамилию и имя на «Грегор Бостунич-Шварц». Вскоре СС прибрало к рукам этого идейного антисемита и использовало его познания в пропагандистской работе в «Антикоминтерне», за что он получил титул «почетного профессора СС», а затем звание штандартенфюрера СС.

Германский отдел «Русского Общевоинского Союза» (РОВС) после прихода Гитлера к власти также возлагал определенные надежды на сотрудничество с нацистами.

Обстановку в среде русской белой эмиграции во Франции в первые месяцы войны с СССР характеризует выступление главы русского эмигрантского сообщества во Франции Жеребкова на собрании 22 ноября 1941 года:

«...Вольные или невольные, английские и советские агенты... стараются разжечь в эмиграции ложно-патриотические чувства и постоянно твердят некоторым простакам: “как, неужели вы, русские люди, радуетесь победе немецкого оружия? Подумайте, немцы убивают миллионы русских солдат, разрушают города, течет русская кровь!” Есть даже такие, к счастью, очень малочисленные, которые уверяют, что долг русских — всеми силами поддерживать советскую армию, которая является русской армией, а Сталин — защитником

национальных интересов. Тех же, кто с этим не соглашается, они обвиняют в измене Родине... Да, течет русская кровь, гибнут русские жизни, — но о них как-то меньше волновались, когда жидовское правительство в Москве уничтожало ежегодно еще большее количество людей... Неужели же жизнь в европейских странах заставила вас забыть все ужасы большевизма и то, чем является сам по себе большевизм? Вспомните миллионы жертв советского террора, сотни тысяч офицеров и солдат, десятки тысяч священнослужителей, десятки миллионов русских рабочих и крестьян, уничтоженных той властью, которую некоторые уже готовы были бы принять за национальную! Наконец, вспомните ту страшную июльскую ночь, когда в подвале Екатеринбургского дома, пролилась кровь Императора-Мученика и Царской семьи!! Ни один истинно русский человек не может признать убийц Царя, убийц миллионов русских людей — национальным русским правительством и советскую армию — русской». Жеребков приветствовал стремление эмигрантов отправиться в Россию: «Патриот тот, кто, не ставя условий, идет переводчиком, врачом, инженером и рабочим, со стремлением помочь русскому народу забыть большевистское иго и изжить страшный марксистский яд, проникший ему в душу...»

Одновременно в своем выступлении Жеребков предупреждал и об опасности возвращения в Россию «реакционеров, мечтающих о своих губернаторских постах и имениях». Выступавший также признал, что расчет части эмиграции на оппозицию Советской власти в рядах Красной Армии провалился: «Хорошо когда-то писал «Часовой»: «Поскольку советская армия будет биться за своих владык, русским людям с нею не по пути, поскольку эта армия пойдет против этих владык, она немедленно станет русской армией». К сожалению, она бьется за своих владык!»

По информации историка Ю. Цурганова, попытки, предпринимавшие бывшими белогвардейцами для поступления в Вермахт в индивидуальном порядке, были массовыми, однако попасть на фронт удалось лишь немногим и количество таких волонтеров исчислялось всего лишь сотнями.

Зондерфюреры-переводчики, агенты Абвера

Как эмигранты попадали на Восточный фронт, ведь с самого начала войны немецкое главное командование однозначно дало понять представителям русской эмиграции, что в их услугах не нуждается?

Вербовкой русских эмигрантов в Вермахт в качестве переводчиков занималось «**Русское Представительство**» в Германии («**Vertauernsstelle für Russische Flüchtlinge**») под руководством Сергея Таборицкого, действовавшего под опекой руководителя всей русской эмиграции в Германии генерала Бискупского.

В свое время, в 1919 году Василий Бискупский интриговал против командующего Добровольческим корпусом фон дер Гольца. В 1920 году он участвовал в капповском путче, после его подавления вместе с генералом Людендорфом разрабатывал планы подавления европейских революций. В двадцатых годах Бискупский обвинил одного из будущих нацистских бонз в поддержке украинского сепаратизма, за что впоследствии пострадал. В 1933 году, после прихода Гитлера к власти генерал был брошен в тюрьму.

Позднее, в 1936 году Бискупского назначили на должность начальника «**Управления по делам русской эмиграции**» (УДРЭ). Кроме Германии, аналогичные структуры были созданы во всех оккупированных странах, где проживали русские эмигранты.

Прямое сопротивление назначению Бискупского оказало ведомство Розенберга, которое видело в нем яростного монархиста и защитника идеи «Единой и Неделимой». В своих выступлениях перед эмигрантской аудиторией генерал подчеркивал, что основная его забота — охранение русской диаспоры от национал-социалистических нападков.

13 июля 1941 года в разговоре с немецким послом Ульрихом фон Гасселем В.В. Бискупский высказал свое мнение относительно политики Розенберга:

— Война ведется не против большевизма, а против России... Смертельный враг русских, Розенберг поставлен во главе политического руководства... Если Гитлер будет так продолжать, Сталину удастся создать под своим руководством национальный русский фронт против германского врага...

Бискупский дважды встречался с генералом Власовым. На одной из встреч с власовским генералитетом в 1944 году он заговорил о монархии. Один из бывших советских генералов спросил его:

— Позвольте, какая может быть теперь в России монархия?

Не задумываясь, Бискупский ответил:

— Какая? Рабоче-крестьянская...

По неподтвержденным данным, в 1944 году генерал принимал участие в заговоре против Гитлера, пытался сформировать русское эмигрантское правительство в изгнании.

Заместителями Бискупского были два скандально известных субъекта: Сергей Таборицкий и Петр Щабельский-Борк — убийцы публициста-либерала Владимира Набокова. В 1922 году они застрелили его во время неудавшегося покушения на лидера кадетской партии П.Н. Милюкова.

Ветеран Первой мировой войны Сергей Таборицкий, в отличие от своего начальника, был членом НСДАП, но, несмотря на это, спас жизнь многим русским берлинцам, помогая им покинуть Берлин перед входом в него частей Красной Армии, вопреки запрету Гитлера покидать столицу «Тысячелетнего Рейха». По информации историка Б.И. Николаевского, Таборицкий в эмиграции «...сильно онемечился, носил мундир офицера СС и избегал говорить по-русски. Именно он вел картотеку русской эмиграции, то есть занимался политическим за нею наблюдением». Кроме этого Таборицкий также возглавлял **Национальную Организацию Русской Молодежи в Германии (НОРМ)**, созданную в 1939 году немцами для контроля за молодежью и публиковал в эмигрантской прессе исторические эссе под псевдонимом «Старый Киребей».

В 1941 году на прием к Таборицкому в «Русское Представительство» пришли несколько человек, изъявивших желание поехать на Восточный фронт. Среди них были:

— Заустинский Александр, уроженец Петербурга, до войны проживал в Париже и имел свой продуктовый магазинчик, впоследствии принимал участие в формировании русских добровольческих частей на Восточном фронте;

— фон Швабе Николай Адольфович, также до 1917 года проживавший в Петербурге, после прибытия на фронт стал переводчиком отдела 2-а штаба 9-й армии;

— Максимов Николай Иванович, 1897 года рождения, из дворян, уроженец г. Ковно. Юнкер Николаевского Кавалерийского училища, в июне 1918 года бежал из Петрограда на Кавказ, где вступил в Добровольческую армию. Командовал взводом, три года воевал против Красной Армии. В ноябре 1921 года эмигрировал, проживал в Турции, Венгрии, Югославии, Франции и Германии. По прибытии на фронт назначен переводчиком при штабе 5-й пехотной дивизии, с ноября 1941 года — переводчик отдела 1Ц 206-й пехотной дивизии 9-й армии.

Всего из Берлина только в 9-ю армию прибыло 110 человек, впоследствии распределенных по частям.

Так, переводчиком отдела 1Ц (разведывательный) штаба 9-й армии служил зондерфюрер-К (капитан) фон Карцов Борис Николаевич. Обрусевший немец, он родился в 1897 году в селе Ивановское Ярославской губернии, до эмиграции жил в Петербурге на Васильевском острове. В его должностные обязанности входил прием сводок о противнике из отделов 1Ц корпусов 9-й Армии, участие в допросах военнопленных. Кроме того, он являлся личным переводчиком командующего армии генерал-полковника Штрауса.

Кроме фон Карцова в составе 9-й Армии служили следующие переводчики:

В штабе 6-го армейского корпуса — Волконский, сын помещика, имение которого располагалось у Сычевки, до войны проживал в Париже.

Герцог фон Лейхтенбергский Сергей Николаевич, 1905 года рождения, уроженец Петербурга, родственник Николая II, белоэмигрант, проживал в Германии. Руководил подразделением пропаганды и был переводчиком Ржевской комендатуры и штаба 6-го Армейского корпуса. Прекрасно владел немецким, итальянским и английским языками.

Зондерфюрер-К Шмидт — немец, уроженец России, до войны проживал в Берлине, переводчик отдела снабжения.

Переводчик отдела 1Ц штаба 9-й Армии Шлиппе, чей дядя Федор Шлиппе был действительным статским советником и членом Государственного Совета Российской Империи. Участник КОНРа, он входил в его президиум и летом 1943 года у себя на берлинской квартире организовывал переговоры между генералами А.А. Власовым и П.Н. Красновым.

Меньшиков Николай, 1892 года рождения, капитан царской армии. Служил у Врангеля, затем эмигрировал в Турцию, после чего в Париж. Переводчик отдела ИЦ при штабе 253-й пехотной дивизии.

Архипов Андрей Дмитриевич, бывший офицер царской и Белой армий, белоэмигрант, проживал во Франции, с мая 1942 года командир роты охранного отряда при штабе 9-й армии, с мая 1943 года в Дабендорфе, затем служил в РОА в чине подполковника.

Все эти люди служили на ржевском участке Восточного фронта. Такая же картина с зондерфюрерами-переводчиками наблюдалась и на других участках.

В отделе ИЦ штаба группы армий «Север», размещавшемся в Пскове, в качестве сотрудников работали:

фон Бремен — начальник радиоотделения, прибалтийский немец;

Тедер — капитан, начальник хозчасти, эстонец;

Фридрих — зондерфюрер, сотрудник радиоотделения, по непроверенным данным, где-то в Сибири проживала его жена;

Майснер Борис — переводчик, прибалтийский немец.

По роду своей службы переводчики помогали немецким армейским властям при опросах пленных, допросах лиц, заподозренных в связях с партизанами и органами советской разведки. Большую роль играли переводчики при налаживании контактов с местным населением.

Была и тайная деятельность, скрытая от глаз. Каждый переводчик имел на связи «доверенных лиц» — агентов, которые регулярно доносили о положении дел в той или иной местности.

Многочисленные комендатуры, бургомистраты, тайная полевая полиция (ГФП) и различные хозяйственно-заготовительные команды из Германии также не могли общаться с подвластным населением без услуг «долметчеров».

Помимо эмигрантов, в переводчики вербовались и владеющие немецким языком представители местного населения. В основном ими становились школьные учителя, однако особое предпочтение отдавалось уроженцам немецких районов Поволжья. В Ржевском дулаге служило четыре переводчика: Майер Якоб, Фельде Генрих (1919 года рождения, уроженец

д. Рузенберг Республики немцев Поволжья), Оберст Каспар (1902 года рождения, уроженец села Фанвер Саратовской области) и Делингер Константин, тоже поволжский немец, хорошо владевший немецким и русским языками.

В Ржевском театре, организованном при оккупантах, активную работу по созданию труппы проводил переводчик комендатуры Андреас, выдававший себя за артиста Берлинского театра, частенько появлявшийся на людях в нетрезвом виде. На самом же деле «артист» был Голубевым Василием Федоровичем, приблизительно 1888 года рождения, уроженцем Воронежской губернии, бывшим офицером Добровольческой армии, белоэмигрантом, осевшим до войны в Кенигсберге. Как отмечают свидетели, Андреас-Голубев слабо владел русским языком.

В одной из деревень Ржевского района переводчиком от немецкой администрации был Скобелев Ф.И., 1890 года рождения, который с 1914 по 1920 гг. находился в немецком плену.

Отличительным знаком переводчиков была белая нарукавная повязка, образец которой был установлен приказом ОКХ от 24 декабря 1941 года. На белом фоне черными нитками была вышита надпись «Sprachmittler-Dolmetscher». В Люфтваффе переводчики носили на левом рукаве ниже локтя красную повязку с черной надписью «Wehrmachtsdolmetscher».

В повседневной работе переводчики доводили до сведения немецких властей жалобы, просьбы и чаяния местного населения. От перевода зависела жизнь человека. Многие переводчики старались максимально облегчить жизнь простых людей под оккупацией. Другие старались нажиться на чужом горе или выслужиться, подводя людей под расстрел или концлагерь.

Переводчик отдела ІЦ 6-й пехотной дивизии, остзейский барон Бодо фон Шиллинг однажды высказал свое мнение генералу Вермахта:

«Мы, прибалты, хоть и немецкого происхождения, немцами себя все же не считаем, но храним личную преданность царю и России, господин генерал, и если бы по ту сторону не были Сталин и коммунисты, тогда я тоже был бы на другой стороне, точно так же как до войны я был офицером-кавалергардом царя в Санкт-Петербурге». Фон Шиллинг скончался в Ржеве, где и был похоронен.

Сотрудничество русских белоэмигрантов с Абвером до начала военных действий против СССР проходило, в основном, на уровне **абверштелле (АСТ)** и подчиненных им **абвернебенштелле (АНСТ)** — региональных звеньев немецкой военной спецслужбы, а также так называемых «**Кригсорганизаций**» (**КО**) — **военных организаций**, действовавших под прикрытием дипломатических представительств Германии за рубежом. АСТ, АНСТ и военные организации вели сбор разведывательных данных о военной и экономической мощи СССР, разрабатывали контрразведывательные комбинации. Основной средой для вербовки агентуры были русские эмигрантские колонии и особенно участники различных антисоветских организаций. Для получения интересовавшей Абвер информации агентам поручалось заводить знакомства с сотрудниками зарубежных советских представительств, моряками торгового флота и лицами, прибывшими из СССР или имеющими связи на его территории. Кроме использования отдельных эмигрантов, Абвер при необходимости объединял таких лиц в резидентуры. Так, АСТ «Вена», действовавший на всем Юго-Востоке Европы имел три крупные резидентуры — в Софии и Будапеште («Бюро Клатта») и Варне («Бюро Келлера»). Кроме них сотрудником АСТ был бывший командир Дроздовской дивизии генерал Антон Васильевич Туркул.

Военная организация «Финляндия», более известная как «Бюро Целлариуса», вела сбор информации о советском Балтийском флоте, Ленинградском военном округе и в целом о Северо-Западном регионе России. Официальными сотрудниками КО были бывшие офицеры Императорской и Белой армий Добровольский, Пушкарев, Алексеев, Батуев, активный участник Кронштадтского мятежа Соловьянов и ряд агентов из числа балтийских немцев.

КО «Болгария», или «Бюро доктора Делиуса» также тесно сотрудничала с белоэмигрантскими кругами. Так, секретарь болгарского отдела «Русского Общевоинского Союза» и начальник его разведотдела Клавдий Фосс снабжал Абвер информацией об СССР, полученной от членов РОВС и лиц, приехавших из СССР. Аналогичную работу вели участники «Петровского движения» Яренко и Бутков.

После начала военных действий на Восточном фронте все русские сотрудники Абвера из числа «эмигрантских» резидентур были включены в состав фронтовых органов Абвера либо работали на «освобожденной» немцами территории.

Наибольшее число русских белоэмигрантов было сосредоточено в **Абвернебенштелле «Юг Украины»**, проводившем контрразведывательную работу на территориях Херсонской, Сталинской, Запорожской, Кировоградской, Одесской областей, а с 1942 года — в Крыму. Эмигранты возглавляли штатные контрразведывательные резидентуры, состоявшие из 2–3 штатных резидентов, самостоятельно вербовавших агентуру. Помимо вербовки в Абвер, велась постоянная работа по привлечению в ряды РОВС и НТС.

Советскими органами госбезопасности были вскрыты следующие контрразведывательные резидентуры, действовавшие под прикрытием различных организаций и учреждений:

Резидентура в Николаеве (резиденты Громов и Кошарновский) — действовала с начала 1942 года по февраль 1944 года.

Резидентура в Кировограде действовала под видом «Технической группы по строительству мостов» или «Лаборатории по борьбе с полевыми вредителями», также маскировалась под труппу артистов. Руководил «артистами» поляк Врублевский (он же Вроновский). С этой резидентурой на связи находился сотрудник АНСТ Вольбериц Роберт, работавший художественным руководителем городского театра. Вольбериц создал резидентуру из настоящих артистов, которая затем была передислоцирована в западные области Украины.

Таганрогская резидентура была создана в декабре 1941 года под условным наименованием «Риттершпорен» («Рыцарская шпора»). Возглавлял ее Яренко, он же полковник Воронов.

В селе Новая Одесса Николаевской области **резидентура** действовала под видом филиала исследовательского рыбного института «Фишwart». Во главе стоял белоэмигрант Триколич, имевший псевдонимы «Генбержевский» и «Кусин». В мае 1943 люди Триколича вели активную разработку коммунистов, партизан и активистов. Перед началом немецкого отступления произвели многочисленные аресты и принимали участие в следствии.

Резидентура в г. Вознесенске действовала с весны 1943 года под прикрытием того же рыбного института, под руководством штатного резидента белоэмигранта Носкова (псевдоним «Кюстер»). Носков вербовал агентуру из числа интеллигенции и сотрудников оккупационных учреждений и использовал сотрудников АНСТ, прибывших вместе с ним из Николаева. По данным советской разведки Носков завербовал до 60 человек. На них была заведена картотека, часть которой была захвачена советскими войсками. В мае-июне 1943 года резидентура Носкова при содействии ортскомендатуры г. Вознесенска проводила массовые аресты подозреваемых в причастности к партизанскому движению и 100 арестованных были расстреляны.

В октябре 1943 года резидентура Носкова и Триколича объединились в селе Новая Одесса и располагались там до наступления советских войск.

Херсонскую резидентуру до апреля 1943 года возглавлял Триколич, позднее Закржевский. В качестве конспиративных квартир использовались Херсонский яхтклуб и квартира начальника городской полиции Липко. Помимо вербовки осведомителей, штатными резидентами была создана агентурная сеть в среде технического персонала судостроительного завода, и засылались агенты-provokatory в партийное подполье.

Аналогичные резидентуры действовали в Мариуполе, Керчи, Одессе, Первомайске, Феодосии, Мелитополе, Кривом Роге, Никополе и других городах.

В органе военно-морской разведки «**Маринен Абверштелле «Крым»** работали белоэмигранты из Болгарии П.С. Орловский и Ф.И. Лихо. Они же вели вербовку агентуры из местных жителей в приморских городах Крыма.

Орган контрразведки «Абверофицер-3» при штабе командующего тылом группы армий «Зюд-А» состоял из русских сотрудников — белоэмигрантов, служивших ранее в АНСТ «Юг Украины». Агентурной работой органа руководил упомянутый выше К.А. Фосс. Орган вел контрразведывательную работу через сеть резидентур в Мелитополе, Херсоне, Бериславе, Одессе. В марте 1944 года «Абверофицер-3» был переброшен в Румынию, откуда большая часть его русских сотрудников выбыла в Болгарию.

Русские на Балканах или эпопея «Русского Корпуса»

Как я уже отмечал выше, значительная часть русской эмиграции вынашивала планы «весеннего похода Белых ратей», приурочивая его к нападению Германии на СССР. Предполагалось, что основной объединяющей силой этого похода будет **Русский Общевоинский Союз (РОВС)**. В «борьбе за Россию» предвиделось два пути: «Если эта борьба будет вестись под флагом освобождения России, участвовать в ней в составе вооруженных сил. Если будет борьба против большевиков, но не за русское единство, постараться вложиться в эту борьбу на русской территории и помогать тем русским силам, которые неизбежно пробудятся...» — писал в журнале «Часовой» в 1939 году его главный редактор В.В. Орехов.

Однако гитлеровское руководство, рассчитывая покончить с Советским Союзом за несколько месяцев, пренебрежительно отмахивалось от набивающихся в «союзники» русских эмигрантов. Так, накануне немецкого вторжения в СССР начальник 2-го (Германского) отдела РОВСа генерал Лампе предложил немецкому Главному командованию сотрудничество в борьбе против Советской власти. Ответа не последовало. В первые недели войны Лампе отправил Браухичу еще одно письмо аналогичного содержания, на которое получил ответ и заверение в том, что «привлечения русской эмиграции не предвидится». После этого Лампе издал приказ по отделу, в котором прямо указал, что каждый член союза волен действовать по собственному усмотрению, сохраняя, по возможности, связь с РОВСом.

Французский отдел союза зарегистрировал более полутора тысяч человек, желающих участвовать в войне на стороне Германии. В Болгарии, приютившей русских белых эмигрантов, более 80 % молодежи, окрыленной надеждой включиться в «освободительную войну за свою Родину», начали искать возможности вступить в борьбу с большевизмом.

Особенный подъем среди русских эмигрантов царил в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (как тогда называлась Югославия). В свое время король Александр I Карагеоргиевич,

искренне веривший в идеалы православно-славянского братства и считавший себя обязанным всячески помогать бывшим подданным державы, неоднократно встававшей на защиту его Родины, впустил в свою страну остатки врангелевской Русской Армии, предоставив белоэмигрантам гражданские права. Минимальная численность русской колонии в Белграде к 1941 году составляла 10 тысяч человек. Фактически все университеты, театры, железные дороги были укомплектованы русскими специалистами.

Весной 1941 года после оккупации Югославии немецкая администрация назначила шефом русской эмиграции в Сербии генерал-майора Михаила Федоровича Скородумова. Участник Первой мировой войны, он был тяжело ранен при отступлении, попал в плен, откуда трижды неудачно бежал. По инициативе Великой княгини Марии Павловны был обменен на немецкого офицера и прибыл в Петроград в разгар событий 1917 года. Там Скородумов вступил в конспиративную офицерскую организацию, после раскрытия которой бежал на Юг России, где вступил в Добровольческую Армию. Второе ранение получил при взятии Киева. Вместе с армией генерала Бредова отступил в Польшу, где был интернирован. Вернулся в Крым, воевал на Перекопе, после эвакуации год провел в Галлиполийском лагере, в 1921 году прибыл в Болгарию, из которой бежал в Югославию. Здесь Скородумов возглавил местный отдел РОВСа.

После нападения Германии на СССР бывший генерал-майор обратился к немецким военным властям с предложением создать из эмигрантов русскую дивизию. Вначале он получил отказ, поскольку настаивал на отправке будущего соединения на Восточный фронт, в то время как немецкое командование нуждалось в частях для несения охранной службы на территории оккупированной Югославии. Однако вскоре начальник штаба Главнокомандующего Вермахта на Юго-Востоке полковник Кевиш разрешил Скородумову сформировать из числа белоэмигрантов так называемый Русский охранный корпус.

Интересный момент. В своих многочисленных мемуарах ветераны Русского охранного корпуса пытаются представить свою службу немцам как акт самообороны в ответ на пре-

следования русских эмигрантов в Сербии со стороны местных коммунистов. Однако если принять эту версию, то становится совершенно непонятным, почему генерал Скородумов и другие лидеры эмиграции так настойчиво добивались отправки русских формирований на Восточный фронт. Похоже, пытаясь себя обелить, бывшие коллаборационисты выдают следствие за причину. Дело в том, что подобно белоэмигрантам в других странах, они горели желанием взять реванш за поражение в Гражданской войне, пусть даже и с помощью Гитлера. Неудивительно, что после этого в глазах большей части сербского населения русские эмигранты стали немецкими прислужниками.

12 сентября 1941 года М.Ф. Скородумов издал приказ по русской эмигрантской колонии с призывом вступать в Корпус. Заканчивался он словами «Я поведу вас в Россию!» На призыв генерала откликнулись тысячи добровольцев. В Корпус вступили представители множества молодежных и общественных организаций. Среди них были представители «Сокольства» и монархисты, члены НТС и фашистских организаций, члены ветеранских союзов участников последних двух войн. В их числе был полковник-марковец Кондратьев, раненый 19 раз в годы Первой Мировой и Гражданской войн, погибший впоследствии от двадцатой раны, штабс-капитан Новицкий шесть раз раненый в Гражданскую, погибший впоследствии в бункерах 3-го полка¹. По свидетельству поручика Гранитова, насильственной мобилизации не было, ибо у Скородумова не было сил и средств для проведения таковой. Существовал приказ о наборе, но шли в Корпус те, кто хотел. Вступали в Корпус и русские добровольцы из других стран: Польши, Франции, Греции, Италии.

В Корпус вошли представители казачества, составившие 1-й (казачий) полк под командованием генерал-майора В.Э. Зборовского — бывшего начальника Кубанской казачьей дивизии в Галлиполи. Первоначально этот полк состоял из батальона кубанцев (1-й), батальона бывших чинов армии Врангеля

¹ Бункерные укрепления представляли собой обветшавшие укрепленные огневые точки близ мостов, дорог и др. объектов, где располагались на боевом дежурстве небольшие гарнизоны корпусников.

(2-й), батальона необстрелянной и наскоро обученной молодежи (3-й юнкерский). В конце 1942 года полк стал полностью казачьим, так как в него были влиты казаки из других полков, а его третий батальон состоял из донцов. Донские казаки в большинстве своем проживали в Болгарии и при первой возможности вступили в Корпус летом 1942 года.

29 октября 1941 года на формирование со своими штабдартами в Белград прибыл Гвардейский дивизион Собственного Е.И.В. Конвоя под командой полковника Н.В. Галушкина. В составе Корпуса дивизион был переименован в 7-ю гвардейскую сотню 3-го батальона 1-го полка, в 1942 г. был переименован в 12-ю Гвардейскую сотню, а в самом конце 1942 — начале 1943 гг. при реформировании 1-го полка в казачий, Гвардейская сотня стала числиться первой.

Следует сказать, что были среди эмигрантской колонии и те, кто видел в создании Корпуса измену России и Югославии, приютившей русских эмигрантов. Во главе сторонников подобных взглядов встали два православных священника. Они уговаривали своих белградских прихожан не идти в Русский Корпус и не бояться коммунистов. Просоветскую агитацию развернули также члены партии «Младороссов», один из них — внук Льва Толстого Илья даже напал на улице на М.Ф. Скородумова и грозился убить его.

За время своего существования Корпус сменил несколько официальных названий:

- С 12 сентября 1941 — Отдельный Русский Корпус;
- С 2 октября 1941 — Русский Охранный Корпус;
- С 18 ноября 1941 — Русская Охранная Группа;
- С 30 ноября 1942 — Русский Охранный Корпус (Вермахт);
- С 10 октября 1944 — Русский Корпус в Сербии;
- С 31 декабря 1944 — Русский Корпус.

После окончания Второй мировой войны 1 ноября 1945 года был создан Союз бывших чинов Русского Корпуса.

Первоначально были развернуты три полка. С сентября 1943 года в Корпус пошел поток добровольцев из Бессарабии, Буковины и Одессы. Пополнение составило 50% от общего числа военнослужащих, и из него были развернуты 4-й и 5-й полки.

Служба корпусников первоначально регламентировалась уставом Императорской Армии, затем перешли на уставы

Красной Армии, как более гибкие и приспособленные для ведения боя в условиях современной войны. С 1943 года Корпус перешел на немецкие уставы, которые более оперативно усваивали боевой опыт.

29 января 1943 года личный состав Русского Корпуса был приведен к присяге:

«Клянусь свято перед богом, что я в борьбе против большевиков — врагов моего Отечества и сражающихся на стороне большевиков неприятелей Германской армии, буду оказывать Верховному вождю Германской Армии, Адольфу Гитлеру, всюду, где бы это ни было, безусловное послушание и буду готов, как храбрый воин, во всякое время пожертвовать мою жизнь за эту присягу».

Внутреннее строение Корпуса было следующим:

Пять полков трехбатальонного состава, с наличием отдельных взводов: артиллерийского, противотанкового, саперного, конного, связи, в 1-м и 4-м полках были еще и музыкальные взводы.

Батальоны состояли из трех стрелковых рот и взвода тяжелого оружия. Впоследствии в 4-м и 5-м полках были сформированы артиллерийские роты, а в 5-м полку еще и рота противотанковых орудий. В каждом батальоне также имелись роты тяжелого оружия. Роты состояли из трех взводов, один взвод из трех отделений.

При штабе Корпуса имелся немецкий штаб связи, в строевых частях полков и батальонов — немецкие офицеры связи и ротные инструкторы. Все хозяйственные подразделения Корпуса были в руках немецкого чиновничества и унтер-офицеров. Исправно функционировал отдел семейных пособий, выдававший часть жалования чинов Корпуса их семьям. Имелась разветвленная система медицинского и ветеринарного обслуживания.

Командование Корпуса позаботилось и о подготовке будущих офицерских кадров. Практиковалось сведение молодежи в юнкерские батальоны, взводы и роты. Возраст юнкеров был от 16 до 43 лет, наравне со всеми они несли службу и успевали получать знания от своих преподавателей, разъезжавших по юнкерским частям, разбросанным по всей Сербии. Интересно, что в числе юнкеров Корпуса был и отец

будущего генерального директора НТВ Бориса Йордана Алексей Йордан, произведенный в 1942 году в подпоручики. Постоянно действовали курсы усовершенствования командного состава. Военно-училищные курсы под командованием оберста графа Дю Мулена подготовили пять выпускников лейтенантов. При Корпусе существовали также курсы ПВО, радиотелеграфистов, оружейных мастеров и других военных специалистов.

Всего за время существования Корпуса, если верить эмигрантским источникам, через него прошло 17 тысяч человек.

Вооружение Корпуса оставляло желать лучшего. Так, например, первые немецкие пистолеты-пулеметы МП (в просторечии именуемые «шмайссеры»), были выданы лишь осенью 1944 года, в очень небольшом количестве, и их число росло за счет трофеев. При переходе 1-го батальона 1-го полка во 2-й полк личному составу заменили винтовки Маузера и ручные пулеметы «Чешска Зброевка» на тяжелые и капризные «Шоши» с сильной отдачей. При формировании 4-го полка солдатам выдали итальянские карабины с дальностью стрельбы всего лишь на 500 метров и с разбросом пуль на 2–3 метра.

Артиллерийские орудия Шнейдера, не годившиеся для боевых действий в горах, не имели таблиц для стрельбы и приборов, складов боеприпасов для орудий в Корпусе не было вообще и их пополнение шло за счет трофеев.

Следует сказать несколько слов и об униформе Русского Корпуса. За основу первоначального варианта формы была взята форма югославской армии, при этом предусматривалось ношение двух знаков различия — петлицы на отложном воротнике мундира с указанием звания в Корпусе (система была разработана специально для Корпуса) и погоны, указывавшие чин в Белой армии. Следует заметить, что старые звания Императорской и Белой армий в Корпусе значения не имели, и бывший полковник Белой армии мог носить петлицы фельдфебеля. Югославскую каску в лобной части венчал белый ополченческий крест.

28 января 1943 года согласно приказу немецкого командования Корпус получил обмундирование Вермахта. Многие берегли свою старую корпусную форму для занятий и отдавали ей

предпочтение перед немецкой «ни уму ни сердцу ничего не говорящей». 16 марта 1945 года по приказу командования все чины Корпуса нашили нарукавные щитки-нашивки «РОА».

С 1942 года чины Корпуса получили от немецкого командования право на награждение германским орденом «За храбрость для восточных народов». Первые награды были вручены 12 сентября 1942 года.

Первым командиром Корпуса стал уже упомянутый генерал-майор Михаил Федорович Скородумов. Однако вскоре он был арестован Гестапо за самовольно провозглашенный лозунг «В Россию!» и три недели провел в тюрьме. После выхода из тюрьмы генерал, оскорбленный в своих лучших чувствах, демонстративно стал зарабатывать на жизнь ремеслом сапожника.

После ухода Скородумова с поста начальника русской эмиграции в Югославии эту должность занял генерал-майор Генерального Штаба В.В. фон Крейтер, в то время как Русский Корпус возглавил бывший начальник его штаба генерал-лейтенант Борис Александрович Штейфон, участник Первой мировой и Гражданской войн, происходивший из семьи крещеных евреев.

Среди командиров полков мы можем назвать следующих эмигрантов:

— генерал-майор Виктор Эрастович Зборовский, кубанский казак, командовал 1-м полком до 26 сентября 1944 года, вплоть до тяжелого ранения, 9 октября умер от ран. В его честь полк был назван его именем;

— подполковник, затем генерал-майор Генерального Штаба Борис Викторович Гонтарев, один из основателей Русского Корпуса, начальник его штаба, командир 3-го полка. Награжден «Железным Крестом» 2-й степени. В 1945 году представитель Корпуса при генерале Власове;

— командир 4-го полка полковник Гескет Борис Сергеевич, был убит 23 октября 1944 года в сражении у Чачака разрывом снаряда на наблюдательном пункте;

— полковник Анатолий Иванович Рогожин, терский казак, бывший командир Дивизиона Его Императорского Величества Конвоя. В 1941 году вместе со своими конвойцами-ветеранами прибыл в Корпус. Командир 5-го полка. За боевые заслуги награжден «Железными Крестами» обеих

степеней. 30 апреля 1945 года, после смерти генерала Штейфона, возглавил Корпус.

Весь боевой путь Русского Корпуса можно условно разделить на три этапа:

1. С осени 1941 до весны 1944 года — охрана путей сообщения, промышленных объектов.

2. С весны 1944 до сентября 1944 года — период активных действий против партизан Тито.

3. С сентября 1944 года до окончания войны — период фронтовой службы, когда после капитуляции Румынии и Болгарии Корпус отражал атаки советских и болгарских войск, регулярной армии Тито.

Уже в сентябре 1941 года подразделения Корпуса приступили к первым карательным операциям. Так, его 1-й полк еще на стадии своего формирования принял участие в ликвидации партизанской «Советской Ужицкой Республики».

О первых боях Корпуса рассказывает в своих воспоминаниях один из руководителей послевоенного НТС Я.А. Трушнович:

«...Наступал батальон титовских партизан, а наши сидели в каком-то овраге и обедали. Немецкие офицеры связи, бывшие при каждом батальоне, начали бегать, кричать: “Огонь! Огонь!”, а наши спокойно продолжают обедать. Потом спокойно разобрали винтовки и стали ждать. Немцы уже подумали, что это предательство, потому что наши по-прежнему не стреляли. В конце концов корпусники подпустили титовцев на 50—100 метров и двумя-тремя залпами уничтожили весь батальон.

Второй бой был в котловине, который вела юнкерская рота. Их поместили в простреленные бараки, потому что только что партизаны уничтожили там немецкую часть. Командовал юнкерами полковник Гордеев-Зарецкий. Когда началась стрельба во время очередного нападения партизан, юнкера закричали “Ура!”, выскочили из барачков и бросились в атаку в гору на 600 метров и разбили этот батальон...

...когда партизаны услышали русское “Ура!”, сказали командиру: “Ну вот, теперь мы пропали, это русские”».

О том, каковы были роль и место Русского Корпуса, как впрочем, и других коллаборационистских формирований, во взаимоотношениях с немцами, можно судить по весьма крас-

норечивому отрывку из воспоминаний штаб-ротмистра Корпуса Сергея Вакара:

«Как-то раз в конный взвод зашел приехавший в Бор немецкий унтер-офицер из хозяйственной части штаба корпуса — Вернер. Для его встречи полковник Попов выстроил взвод и скомандовал:

“Взвод — смирно, равнение — направо!”

Когда же я спросил его, зачем он, будучи лейтенантом вермахта, так встречает унтер-офицера, он мне ответил:

“Ну как же иначе, ведь он все-таки немец!”»

Постепенно к концу войны сложилась парадоксальная ситуация: в Корпусе был переизбыток офицеров, а в РОА ощущался их недостаток. В результате слияние двух начал состоялось, но только на бумаге и пришлось преодолеть сопротивление немцев, не желавших объединения. То, что Власов был в прошлом советским генералом, не смущало корпусников, ведь надежда на создание русской армии будоражила умы эмигрантов с 1941 года.

В декабре 1944 года генерал Штейфон отбыл в Германию и, явившись к генералу Власову, предоставил Корпус в его распоряжение. Это был первый генерал из коллаборационистов со своим «войском», подчинившийся Власову без каких-либо предварительных условий.

Следует сказать несколько слов и о местных союзниках Корпуса. Прежде всего ими были сербы-четники генерала Дражи Михайловича и военно-политическая организация «ЗБОР» Думитра Лютича (Летича).

Четники представляли собой весьма трудноуправляемую полупартизанскую армию, с антикоммунистическим духом. Их врагами были титовские партизаны и усташи-хорваты, вырезавшие целые сербские деревни. О жестокости хорватов вспоминает бывший офицер полка «Варяг» Н. Чухнов:

«В течение всей четырехлетней оккупации Югославии германскими войсками марионетное хорватское правительство Павелича, убийцы короля Александра, поддержанное католическим духовенством, занималось “Во славу Господа” истреблением православных сербов, которых в то время оказалось на территории Хорватии свыше миллиона человек. Тысячи трупов расстрелянных сербов, привязанных

один к другому, плыли по Саве в Белград. Смерд разложения отравлял воздух на десяток километров от реки».

Первоначально четники сотрудничали с Тито, но его прокоммунистическая позиция способствовала разрыву отношений. Сами четники считали себя армией югославского правительства в изгнании и получили статус «Королевской армии на Родине». Большую власть у четников имели командиры низового звена, заключавшие договоры со своими многочисленными врагами, как того требовала складывающаяся в том или ином районе ситуация. При каждом батальоне был свой палач.

Широкая поддержка четников Великобританией прекратилась в 1943 году, и поток военной помощи был направлен Тито. В 1945 году четники перешли к ведению партизанской войны против коммунистической власти.

Думитр Лютич имел в своем распоряжении три полных пехотных полка с хорошей дисциплиной и организованностью. В 1945 году «ЗБОР» заявил о своей готовности войти в состав Комитета по Освобождению Народов России и подчиниться генералу Власову. После войны зборовцы ушли в эмиграцию и частично в подполье.

Именно Лютич был автором предложенного генералу Власову плана спасения всех русских добровольческих частей Вермахта и РОА путем объединения их в мощный кулак на территории Сербии. Сам Д. Лютич погиб при невыясненных обстоятельствах, а его брат после войны был задушен в Мюнхене агентами титовской госбезопасности.

Следует также иметь в виду, что к самому концу войны участились случаи откровенного предательства русских частей четниками. Стараясь выслужиться перед Тито, многие полевые командиры четников заманивали подразделения Корпуса в засады, где окружали их и разоружали. В ряде случаев предавали и в открытом бою, внезапно расстреливая корпусников.

В 1944 году Корпус вел тяжелейшие бои с передовыми советскими частями 57-й армии 3-Украинского фронта и болгарской армией, наступавшими совместно с партизанами. 22 октября 1944 года главнокомандующий группой армий «Е» генерал фон Лер издал приказ об образовании из всех имеющихся в районе р. Ибр русских частей боевой группы в под-

чинении подполковника (впоследствии генерал-майора) Б.В. Гонтарева. Группе было поручено очистить от партизан путь Рамка-Сараево, обеспечив тем самым отход немецких войск из Греции через Южную Сербию и Боснию.

26 октября 1944 года из всех русских частей в районе Чачака и Донья Милоновца был создан Сводный полк под командованием полковника А.И. Рогожина. Полк составили три стрелковых и один запасной батальон. 27 ноября этот полк поступил в распоряжение командира 5-го Горного корпуса СС генерала Кригера.

Осенью 1944 года 3-й батальон 3-го полка Корпуса под командованием генерал-майора Н.А. Петровского был окружен советскими танками. Прорваться корпусникам не удалось, и весь личный состав батальона пал в бою с превосходящими силами противника.

Капитуляция Германии застала Русский Корпус на территории Словении. Накануне, 30 апреля 1945 года умер командир Корпуса Б.А. Штейфон. Его сменил полковник Александр Иванович Рогожин. Новый командир заявил, что Корпус не сдаст оружия ни Советам, ни титовцам и будет идти на прорыв в английскую оккупационную зону. Выполняя приказ командира, подразделения Корпуса стали пробиваться в Австрию, в район города Клагенфурт, где и капитулировали перед английской армией. К этому времени в рядах сильно поредевшего Корпуса насчитывалось всего 4,5 тысячи человек.

Вначале бывшие военнослужащие корпуса были размещены в палаточном лагере под Клагенфуртом. Через некоторое время Корпус был переведен в лагерь Келлерберг, позднее получивший наименование «Белый русский лагерь». Руками корпусников там были устроены храм и учебные заведения. Лагерю была отведена долгая жизнь — он просуществовал шесть лет, до тех пор пока все его обитатели не получили статус «перемещенных лиц». Все эти шесть лет над корпусниками висела угроза депортации в СССР. Министр иностранных дел Советского Союза В.М. Молотов с трибуны ООН требовал немедленной выдачи всех чинов Корпуса.

Следует сказать, что новый командир Корпуса предпринял немало усилий для спасения от выдачи в СССР многих власовцев, казаков и представителей других коллаборационистских

частей и подразделений. Все они были обмундированы и поставлены на довольствие как военнослужащие «Русского Корпуса». В состав Корпуса вошли также остатки отдельного русского полка «Варяг» под командованием полковника Семенова.

После получения статуса «перемещенных лиц» многие покинули ставший уже родным лагерь и выехали в США, Австралию и другие страны. Для сохранения связей между корпусниками по инициативе полковника А.И. Рогожина был создан «Союз чинов Русского Корпуса», бессменным руководителем которого он и был вплоть до самой смерти. Штаб-квартира «Союза Корпусников» располагалась в США. До сих пор выходит в свет печатный орган «Союза чинов» журнал «Наши Вести». С недавних пор журнал издается и в России.

Еще одним русским воинским подразделением на Балканах был **Особый полк «Варяг»**.

Основой полка стал добровольческий батальон, сформированный в марте 1942 года из молодых эмигрантов — бывших кадет русских кадетских корпусов в Югославии. В соответствии с приказом командующего балканским фронтом молодежь набиралась для участия в операции по высадке десанта под Новороссийском. Создателем подразделения и его бессменным командиром стал бывший гвардии капитан Императорской армии М.А. Семенов.

Первая группа молодежи (36 человек) отбыла в лагерь Брайтенмарк (Верхняя Силезия) на прохождение курса военной подготовки и поступила в подчинение Главного Управления Имперской Безопасности (РСХА) в Берлине. В Брайтенмарке был создан 1-й батальон под командой старшего фельдфебеля А. Орлова. Снабжением батальона ведал СС-Гауптамт, непосредственно подразделение подчинялось командующим армейских групп, у которых батальон был в распоряжении. Во избежание давления со стороны немецких властей пять офицеров батальона во главе с командиром приняли немецкое гражданство, после чего командир полка М.А. Семенов стал именоваться «фон Семеновф».

В 1944 году в лагере «Предприятия Цеппелин» в м. Замберг батальон был развернут в полк под названием «Варяг» (SS-Sonderregiment «Waraeger»). Личный состав набирался из

добровольцев из оккупированных южных областей России и Украины, основу полка по-прежнему составляла эмигрантская молодежь и лишь незначительная часть пришла из лагерей для военнопленных. К концу 1944 года, несмотря на запрет немецких властей, полк фактически полностью состоял из бывших военнопленных. Большинство командных должностей занимали также бывшие советские офицеры.

По утверждению офицера штаба полка Н. Чухнова, одна из полурот под командованием его брата старшего унтер-офицера Ю. Чухнова была отправлена на Восточный фронт для ведения пропагандистских мероприятий в районе Пскова. Другой взвод проходил воздушно-десантную подготовку в Риге, «...а несколько человек даже летали на Магнитогорск (Южный Урал)...», выполняя, по-видимому, задание немецких разведорганов.

К началу 1945 года «Варяг» включал в себя три батальона (по три роты в каждом), минометную, караульную и разведывательную роты, артиллерийскую батарею, комендантский взвод, взводы противотанковых орудий, саперную, медицинскую и хозяйственную службы.

Как и «Русский Корпус», полк сотрудничал с местными националистическими организациями, такими как словенские домобраны генерала Рупника и полковника Прегеля, льютичевцами и далматскими четниками. В конце войны все эти антисоветски настроенные формирования пожелали перейти под командование генерала А.А. Власова.

В мае 1945 года полк пробился с боями к границе Югославии и Австрии и сложил свое оружие перед частями английской армии, разделив беженский лагерный быт вместе с чинами «Русского Корпуса».

Небольшое количество русских добровольцев служило в **легионе СС «Валлония»** (впоследствии 28-я дивизия СС «Валлония»). Первоначально русскими военнослужащими этого бельгийского формирования стали 20 русских белоэмигрантов из Льежа и Брюсселя. Судя по воспоминаниям соратника Российского Имперского Союза-Ордена (РИСО) Н.И. Сахановского один из них в чине майора одно время командовал легионом, а затем его запасным батальоном, другой — в чине капитана — был командиром роты.

Сам Н.И. Сахновский также командовал ротой, некоторые эмигранты состояли в должностях лейтенантов и унтер-офицеров. Положение русских военнослужащих-эмигрантов во всем было приравнено к положению бельгийцев.

Прибыв на фронт в легион, Н.И. Сахновский увидел ужасающее состояние русских военнопленных и подал рапорт начальству с предложением об их использовании в качестве добровольцев легиона. Вскоре при легионе был сформирован русский вспомогательный отряд.

После ранения Н.И. Сахновский вернулся в Брюссель, но мысли о создании русского добровольческого соединения не оставляли его, и он обратился за поддержкой к руководителю Бельгийского отдела РИСО Н.Н. Воейкову. Последний горячо поддержал идею соратника и отделом был организован сбор эмигрантской литературы и православных крестов с надписью «Сим победиши!», выделенных для этого священником о. А. Шабашевым. Кресты предполагалось использовать как отличительный знак на униформе русских добровольцев. Планы эти оказались несбыточными, ибо сам легион уже эвакуировался самолетами с Северного Кавказа вместе с сотней русских из местного населения. После эвакуации легион был переподчинен СС, получил наименование «5-я Штурмбригада «Валлония»» и размещен в СС-лагере «Вильдфлекен». Командование СС не пожелало переводить всех русских, и из сотни человек было отобрано лишь 40 человек с учетом их физических данных.

Осень 1943 года «Валлония» встретила на фронте у Днепра в районе Корсуни в составе дивизии СС «Викинг». Н.И. Сахновский был назначен комендантом села Байбузы и старался максимально облегчить жизнь местных жителей. На встрече с командиром бригады штурмбанфюрером Л. Липпертом Сахновский вновь обратился с просьбой разрешить сформировать русскую добровольческую часть, однако Липперт сослался на отсутствие у себя таких полномочий. На другой день эмигрант был вызван уже в штаб дивизии «Викинг», где доложил командованию о возможностях формирования русской дивизии, предварительно поставив свои условия:

— формирование дивизии производится при «Викинге» и впоследствии находится в подчинении этой дивизии

— вооружение — за счет трофеев
— офицерский состав вербуются из добровольцев-эмигрантов из Бельгии и Франции через «Валлонию», некоторые переводятся из «Русского Корпуса» в бельгийскую бригаду, затем переводом в русскую дивизию.

Предложение было принято, и Н.И. Сахновский был отправлен в командировку в Берлин для подбора командных кадров для будущего формирования. Судя по его воспоминаниям, берлинское эмигрантское «болото» не смогло дать ни одного офицера, а те, что были, имели закваску РОВСа и для нового дела подходили мало.

По возвращении в дивизию Н.И. Сахновский доложил Л. Липперту о том, что офицеры им найдены, и приступил к формированию. Первый набор в роту был произведен на общем собрании крестьян деревни Байбузы, где эмигрант выступил с речью, наполненной монархическими лозунгами. К Рождеству 1943 года стараниями Н.И. Сахновского «Валлония» получила 200 человек добровольцев. Рота гордо именовалась «Российским Народным Ополчением». На униформе (гражданской одежде) добровольцев располагался уже упомянутый крест. Пропаганда была развернута под лозунгом восстановления монархии в России, императором которой предполагался Владимир Кириллович Романов.

Реальность военной обстановки никак не соответствовала этим радужным планам — «Валлония» попала в окружение, чему способствовало взятие частями Красной Армии Черкасс. В котле вместе с бельгийцами оказалось пять дивизий и ополченцы. Во время январской оттепели 1944 года окруженные пошли на прорыв. Ополченцы, вооруженные лишь советскими винтовками, автоматами и гранатами, в гражданской одежде с крестами «Сим победиши!» сошлись в рукопашной с советскими частями, поддержанными артиллерией. После такого прорыва «Ополчение» фактически перестало существовать.

Те, кому посчастливилось выжить в этой схватке, были выведены с фронта и вместе с «Валлонией» направлены в Европу. Русская рота была расформирована, а ее солдаты отпущены на все четыре стороны. Некоторые из них остались в дивизии, другие предпочли службе демобилизацию.

В январе 1945 года Николай Сахновский вел вербовку **русских добровольцев** в состав «**Истребительного Соединения войск СС**». Набор желающих проводился в лагерях военнопленных в Любене, Альтенбурге, Бад-Ваубене, Вене, Праге и Берлине. К 12 февраля 1945 года им было завербовано 20 человек, которые впоследствии прибыли в замок Фриден-таль «под крыло» Отто Скорцени.

Находящаяся в распоряжении автора скупая информация дает основание предполагать о наличии некоторого количества русских военнослужащих в иных иностранных дивизиях СС.

12 июля 1941 года приказом фон Лампе было объявлено о формировании **Русской Дружины** для боевых действий на Восточном фронте. Личный состав был представлен бывшими чинами 3-й Русской Армии ген. П.Н. Врангеля, воевавшей на стороне польской армии в 1920 году и оставшейся в Польше. Остальные дружинники служили ранее в Императорской, Донской и Добровольческой армиях. О судьбе этого формирования информация отсутствует, что может свидетельствовать о еще одной неудачной попытке формирования боевой русской части либо ее подчинении немецким спецслужбам.

Помимо европейских добровольческих частей представители русской белой эмиграции служили в полицейских, фронтовых и инженерных батальонах прибалтийских стран.

Существовавшие в Третьем Рейхе военизированные организации НСКК (National-Socialistische Kraft Korps, NSKK), «Организация Тодта» (ОТ) и легиона «Шпеер» также имели в своем составе русских служащих. Целью этих организаций во время войны было транспортное и иное вспомогательное обеспечение нужд Восточного фронта, профессиональное обучение личного состава транспортных подразделений армии. Располагая большим количеством учебных частей, военных полигонов и центров подготовки, сами они вскоре стали нуждаться в подготовленных кадрах инструкторов и техперсонала. С 22 июня 1942 года из русских эмигрантов, живших во Франции, и бывших советских военнопленных в легионе «Шпеер» были созданы батальоны и роты, которые вскоре были переданы в распоряжение территориального корпуса ОТ «Запад», обеспечивающего нужды германо-советского фронта. Вербовкой эмигрантов во Франции зани-

мался бывший командир лейб-гвардии Казачьего полка генерал-майор В.А. Дьяков.

В 1943 году два таких батальона (по семь рот в каждом) были переведены в НСКК, получив наименование «Транспортстаффельн 67–69». Первоначально все иностранные служащие НСКК носили черную униформу Корпуса, в 1942 году она была заменена на серо-голубые блузы со стандартными знаками различия. На левом рукаве вместо орла располагались щитообразные нашивки, повторяющие цвета национальных флагов стран, гражданами которых являлись его служащие. «Legion Speer West» объединял в себе прибалтийских, русских, украинских служащих. Пять вербовочных пунктов легиона организовали у себя по запасному батальону, в Киеве легион имел полк, в котором иностранцы служили механиками и водителями по краткосрочным контрактам.

Помимо вышеупомянутых организаций восточные подразделения имела в своем составе «Рабочая служба Рейха» (RAD).

Русский Корпус

*По босанским дорогам
Шел в боях и тревогах
Сорок пятый решительный год.
От Моравской долины
До Дуная и Дрины
Все полки поднимались в поход.*

*Среди зноя и пыли
Батальоны ходили
На врага, на большие дела.
По отрогам горбатым,
По речным перекатам
Наша громкая слава прошла.*

*На Босанском предместье
Тлеют белые кости,
Над костями шумят ветерки.
Помнят псы-партизаны,*

*Усташи, домомбраны
Про ударные наши полки.*

*Скоро в край наш привольный
Хлынут новые волны,
Русский Корпус в Отчизну придет.
По родимым просторам,
По станциям и селам
Снова мирная жизнь зацветет.*

«Три лейтенанта»

Русские под знаменем Восходящего солнца

Рассказ о русских эмигрантских воинских формированиях, действовавших на стороне врага во Второй мировой войне, был бы неполным без упоминания о подразделениях, сформированных под опекой союзника Германии — Японии.

История эта началась с 25 октября 1922 года, когда красные войска заняли Владивосток, и Белое Приморье прекратило свое существование. Тысячи беженцев хлынули через границу. Большая их часть, а также остатки воинских частей генералов Семенова, Дитерихса, Вержбицкого, Молчанова, Сахарова ушли в Маньчжурию, принадлежавшую в то время Китаю. Столицей русской эмиграции по праву стал Харбин — крупный город на Китайско-Восточной железной дороге, впоследствии воспетый в псевдоэмигрантской песенке. Еще до гражданской войны этот город был крупным торговым, транспортным и культурным центром Азии. В нем осела большая часть беженцев из России, вдохнув в город второе дыхание. Значительное количество эмигрантов осело также на станциях-поселках, раскиданных по всей линии КВЖД. Состав этой эмигрантской волны был весьма разношерстным: казаки и солдаты, офицеры и железнодорожники, криминальные элементы и торговый люд.

Многие белые части, перейдя границу, сохранили личное вооружение. Постоянные боевые действия в Китае, наличие большого количества банд хунхузов в Маньчжурии и, как следствие, непрерывное насилие, привели к большой сте-

пени криминализации общества. Наличие опытных боевых белоэмигрантских кадров позволило военным властям Японии создать и постоянно поддерживать в русских белоэмигрантах воинственный дух, готовя для своих захватнических целей хорошо подготовленную «пятую колонну».

В 1925 году была образована «Российская Фашистская организация», к 1931 году разросшаяся в партию. Партия возглавлялась бывшим советским студентом из Благовещенска Константином Родзаевским. К концу 1930-х годов она имела до 23 тысяч членов, объединенных в 48 отделах на территории 18 стран.

При Верховном совете партии существовал **«Учебный отряд (команда) ВФП»** из 40 членов. Отряд имел 67 винтовок, 18 пистолетов «Маузер», 4 станковых и 6 легких пулеметов, 25 ящиков ручных гранат. В 1938 году оружие было изъято японцами, но затем было возвращено. Командовал отрядом полковник Н.А. Мартынов.

Лидером дальневосточной эмиграции был атаман генерал-лейтенант Г.М. Семенов. Еще со времен Гражданской войны он имел тесные контакты с японскими военными представителями, вынашивая планы создания различных буферных государств на территории советского Дальнего Востока, Сибири и Забайкалья. Некоторые руководители японского командования видели в Семенове потенциального правителя государства Сибирь-Го — марионетки, подобной Маньчжоу-Го.

Атаман имел в своем распоряжении постоянно действующую агентурную сеть на советской территории и собственные воинские формирования из казаков.

К концу тридцатых годов в подчинении Атамана находились следующие силы:

1. Монголо-бурятская бригада из трех полков под командованием генерал-лейтенанта Уржина;
2. Две бригады забайкальских казаков;
3. Личный состав двух военных училищ и казаки в Харбине;
4. Пограничные и полицейские отряды, общей численностью до 2500 штыков;
5. Охранные отряды на концессиях;
6. Тяньцзинский русский волонтерский корпус генерала Глебова и военные курсы;

7. Кадры пехотных и кавалерийских полков и артиллерийских батарей.

В январе 1945 года Семенов заявил о подчинении своего 60-тысячного войска генералу Власову и Комитету по Освобождению Народов России. Начальник штаба Вооруженных Сил КОНР генерал-майор Ф.И. Трухин утверждал в своем дневнике, что отправил к Семенову на Дальний Восток несколько офицеров с секретной миссией.

Подполковник Исимура — начальник 2-го (разведывательного) отдела штаба Квантунской армии — предложил Г.М. Семенову начать подготовку белоэмигрантских отрядов.

На судебном процессе в вину Семенову поставили то, что он писал письма Гитлеру, однако сам факт сочинения этих посланий нельзя рассматривать как высказывание верноподданнических чувств. Семенов ненавидел Гитлера так же как и Сталина и утверждал, что победа Гитлера будет не поражением народа, а поражением Сталина. Атаман прекрасно понимал, что коричневая идеология не подходит России по ряду причин, и первая из них — это многонациональность государства.

После оккупации Японией Маньчжурии и создания марионетного государства Маньчжоу-Го контакты русской военной эмиграции с японским командованием усилились. Мелкие отряды сводились в более крупные подразделения. Так, летом 1932 года генерал Косьмин создал два формирования по несколько сотен человек в каждом. Японское командование обещало создать на их базе Белую армию Маньчжоу-Го, однако впоследствии ввело их в состав Квантунской армии.

В 1934 году по инициативе японской военной миссии (ЯВМ) в Харбине появляется новый орган управления по делам русской эмиграции, названный «**Бюро по делам российских эмигрантов**» (БРЭМ). Бюро состояло из пяти отделов:

1. Культурно-просветительного (руководитель — С. Родзаевский);
2. Военно-воспитательного — ведал военным обучением эмигрантов;
3. Регистрационного — именно он занимался отбором из эмигрантов кадров будущих сотрудников разведывательных и диверсионных подразделений, этот же отдел проводил «освещение» эмиграции для японской разведки;

4. Хозяйственно-финансового;

5. Благотворительного.

Из структуры и задач Бюро становится ясно, что, создавая его, японцы стремились установить полный контроль над эмиграцией. В руководстве Бюро состояли уже упоминавшийся нами ранее Родзаевский, его правая рука по фашистской организации М.А. Матковский, генералы А.П. Бакшеев, В.А. Кислицын и другие.

В 1931 году, после японской оккупации было создано общество «Кеовакай» для установления тотального полицейского контроля над местным населением. Этот «государственный» воинствующий орган ставил своей основной целью борьбу с любым проявлением красной пропаганды и коммунизма. Русский отдел этого общества сотрудничал с БРЭМ. В 1940 году русские эмигранты были допущены в состав **добровольческих дружин**. Дружины эти фактически были прообразом «Полиции порядка», созданной на территории России немецкими оккупантами. Помимо дружин были открыты курсы по подготовке комсостава для русских отрядов и дружин.

Контроль над белоэмигрантами установила также и военная жандармерия Квантунской армии — «Кемпеи». К фашистам был приставлен сотрудник «Кемпеи», бандит в прошлом, Костя Накамура.

Роль японского абвера и СД в одном лице осуществлял орган особого назначения «Токуму Кикан». Это было совершенно секретное подразделение при 2-м отделе Генерального штаба Императорской армии. Возглавлял его полковник Доихара Кэндзи, имевший титул «маньчжурского Лоуренса».

Для своих целей японцы активно разрабатывали и казачество. Так, на допросе в 1945 году бывший руководитель «Союза казаков на Дальнем Востоке» генерал Бакшеев, захваченный СМЕРШем, показывал, что: «В целях военной подготовки белоказаков к предстоящей вооруженной борьбе против Советского Союза мною был издан приказ, согласно которому все члены «Союза казаков на Дальнем Востоке», способные носить оружие, зачислялись в сводные полки... Японская Военная миссия всегда поддерживала мероприятия, связанные с военной подготовкой белоэмигрантов, и принимала участие в создании белоказачьих частей».

Как уже было сказано выше, летом 1932 года по предложению генерал-майора Комацубары, генералом Косьминым стали создаваться вооруженные **русские формирования**, рассматривающиеся как будущее ядро Русской армии в предстоящей советско-японской войне. Эти **два подразделения** по несколько сот человек в каждом несли охрану железнодорожных линий Мукден — Шаньхайгуань и Гирин — Лафачан. Через некоторое время Комацубара попросил Косьмина создать дополнительные части, и они были созданы деятельным Косьминым и брошены на борьбу с корейскими и китайскими партизанами в районе Хайлиня и Мулина вместе с отрядами казаков и монархически настроенных белоэмигрантов.

Постепенно русские подразделения стали разлагаться. Причиной этого были работа советской агентуры и рост патриотического настроения в эмигрантской среде. Не желая терять столь ценные кадры, японцы приняли закон о воинской повинности для эмигрантов, как одной из народностей коренного населения Маньчжоу-Го. План этого мероприятия был разработан полковником Квантунской армии Макото Асано.

В конце 1936 года по предложению полковника К. Торасиро было решено произвести организационные мероприятия по слиянию всех белоэмигрантских подразделений в одну русскую часть. К началу 1938 года такое формирование начало создаваться в деревушке Эрчан, на берегу Сунгари, в сотне километров от Харбина. Русские же называли это место «Сунгари-2». Часть получила название по имени японского советника, полковника Асано. При формировании ставка делалась на набор местной русской (в основном фашистской) и казачьей молодежи, командирами которой были бы японские офицеры. Подготовкой кадров для отряда занимались спецшколы в Хеньхаохецзы и на станции «Сунгари-2». В мае 1938 года еще одна **школа «Асано-бутаи»** была создана в самом Харбине. Срок обучения премудростям воинского и диверсионного искусства вначале был установлен в три года, но затем был сокращен до полутора лет. При выпуске курсанты получали звание унтер-офицеров.

В школах изучались советские уставы, оружие и тактика. Один раз в неделю читались лекции по русской истории, два

раза в неделю проводились ночные занятия. Много времени отводилось обучению методам партизанской борьбы. Все эти занятия проводились в условиях максимально приближенным к реальным. До сентября 1939 года отряд Асано назывался пехотным, а затем был переименован в кавалерийский.

Вооружение отряда составляли японские винтовки «Арисака» и русские трехлинейки, ручные и станковые пулеметы, гаубицы.

Первоначально в отряде было 200 человек, вскоре на его базе были развернуты пять рот, и общая численность военнослужащих составила 700 человек. Полковник Асано Такаси напрямую подчинялся штабу Квантунской армии, а бригада входила в состав армии Маньчжоу-Го. Этот факт всячески подчеркивался пропагандой как подтверждение независимости военного министерства марионеточного образования. Финансовая подпитка действительно шла из маньчжурского военного министерства, и солдаты-асановцы носили маньчжурскую военную форму. При этом на складах лежали комплекты «родного» советского военного обмундирования и оружие Красной Армии — на случай выполнения особых заданий. По другой информации асановцы носили японскую военную форму, их русские офицеры имели и японские мечи-катаны, что говорит о принадлежности бригады к Квантунской армии.

Командиром бригады японцы поставили Гургена Наголяна (в некоторых источниках Наголен), до этого последовательно служившего в железнодорожной полиции КВЖД, армии Маньчжоу-Го, где получил звание майора. Бригадой Наголян командовал в чине полковника. Это назначение вызвало недовольство предводителя всех русских фашистов Родзаевского, но японцы убедили его, что все делается во благо русских и проявлять в этом вопросе упорство не следует. По другой информации Наголян был лишь штабным офицером бригады.

Ответственным за набор добровольцев в «Асано» Родзаевский назначил своего соратника Льва Охотина.

Командиром кавалерийской части бригады был полковник Яков Яковлевич Смирнов, такой же карьерист, как Наголян. Пехотной частью бригады командовал майор маньчжурской армии Н.А. Гукаев.

По информации английского бытописателя жизни русских фашистов Д. Стефана, командование Квантунской армии поручало асановцам опасные задания, секретный характер которых не сулил их участникам посмертной славы. В красноармейской форме бойцы бригады пробирались на советскую территорию и изучали расположение советских войск. Асановцы, одетые в форму РККА, также устраивали провокационные обстрелы маньчжурской территории.

Основной боевой акцией бригады было участие в Номонханском сражении (в СССР и в России это сражение более известно по названию реки Халхин-Гол) в 1939 году. Основную роль в этой операции играла японская 23-я пехотная дивизия под командованием генерала Комацубары. Многие асановцы служили в ней разведчиками и переводчиками. На эту японскую дивизию и бригаду советское командование направило огнеметные танки. Пехота, окопавшаяся в плоской степи, стала для них легкой добычей. За десять дней боевых действий из 15 140 человек погибло 11 124.

Пример удачного использования русских в боях на Халхин-Голе приводит А. Кайгородов. 5-й эскадрон капитана Тырсина, который до «Асано» служил в японской жандармерии, находился в разведывательном дозоре, когда в голой степи столкнулся с таким же по численности разъездом армии МНР. Монголы приняли казаков за своих, за что жестоко заплатились. Казаки изрубили всех красных кавалеристов, двое или трое спаслись бегством, а одного офицера взяли в плен.

Имела бригада и своего героя. Им стал погибший под советской бомбежкой радист-асановец Михаил Натаров. В Харбине на Соборной площади был воздвигнут 50 метровый обелиск с замурованной в него урной с его прахом.

После нападения Германии на СССР асановцы получили приказ выступить в сторону Сахалина. Отдельные группы в штатском, по 80 человек каждая, выехали по железной дороге в район селения Кумаэр. Туда же было переброшено несколько трехдюймовок, ручные пулеметы и 100 тыс. патронов. Однако что-то помешало развернуть боевые действия.

Впоследствии оказалось, что командир бригады полковник Гурген Наголян являлся все это время агентом советской разведки. После вступления советских войск в Харбин

в 1945 году четырехтысячная бригада самораспустилась без единого выстрела.

Еще одно подразделение бригады располагалось в селении Хэньхаохецзы и именовалось «**Русский воинский отряд**». Оно было сформировано в январе 1944 года на базе 1-й роты «Асаеко» бригады Асано. Личный состав набирался по всему Маньчжоу-Го, и предпочтение отдавалось полицейским. Впоследствии в отряд набиралась молодежь в возрасте от 16 до 35 лет из восточных районов Маньчжурии и из старообрядческих деревень.

Формирование было окутано завесой секретности. Обучение было аналогично асановскому — диверсионная и военная подготовка. Весь отряд, во главе которого был поставлен упоминавшийся ранее капитан Гукаев, состоял из двух рот: 1-й ротой командовал поручик Плешко, 2-й — поручик Логненко. При отряде постоянно находился японский военный инспектор. В январе 1941 года отряд был объединен с учебной командой горно-лесной полиции.

Занятия в отряде проводились по старым уставам русской армии, большое внимание уделялось обучению рукопашному бою. Кроме этого изучали историю России, географию. В отряде имелось свое радиоотделение из 26 связистов. Проводились практические занятия по радиodelу.

В период с 1941 по 1944 год «Асаеко» было подготовлено и проведено три выпуска агентов-диверсантов (свыше 150 чел.), учебная команда отряда подготовила 130 выпускников.

При Муданзянской японской военной миссии также существовали свои подразделения:

1. **Диверсионный отряд горно-лесной полиции** — в 22 км от станции Хэньхаохецзы, командир — поручик Ильинский.
2. **Диверсионно-полицейский отряд** — в деревне Эрдаохецзы, командир — капитан Трофимов.
3. **Диверсионно-полицейский отряд на Мулинских коях** — сформирован в конце 1944 года, командир — Павлов.
4. **Диверсионный отряд из резервистов** — сформирован в конце 1944г. на станции Лишучжень, командир — поручик Ложенков.

Все эти подразделения состояли примерно из 40 человек каждое.

При непосредственном участии русских фашистов и Сахалинской японской военной миссии в апреле 1939 года был сформирован еще один отряд. В него вошла русская молодежь от 14 до 24 лет, общая численность не превышала 20 человек. Руководителем отряда и преподавателем военной подготовки был Г.С. Наумов, имевший в ВФП чин фельдфебеля. С 1940 по 1941 год отряд занимался военной подготовкой и проходил лагерные сборы. Тогда же Сахалинская ЯВМ привлекла к участию в отряде все русское мужское население Сахалина от 18 до 40 лет, в результате чего численность отряда удвоилась. С началом войны СССР с Германией сборы участились и отряд попал под опеку японских инструкторов. В 1943 году отряд был сокращен до 22 человек. Фактическим его руководителем стал второй помощник начальника ЯВМ капитан Нагаи (Мори).

Чинов отряда обучали премудростям разведки, способам ведения пропаганды, связи и методам диверсии. В отряд приезжали из Харбина инструкторы-кавалеристы.

В конце 1943 года и в начале 1944-го весь состав отряда был перевезен по Амуру и в его верховьях стал перебрасываться на территорию СССР группами по 3—5 человек. Разведчики фотографировали военные и гражданские объекты, прослушивали телефонные разговоры. После этой работы и до осени 1944 года отряд работал на сельскохозяйственных работах при Сахалинской ЯВМ. После этого отряд занимался охотой и готовился к ведению партизанской войны.

С 1 марта 1945 года отряд доукомплектовался русскими резервистами на станции Хеньхаоhecзы. В начале лета того же года японское командование планировало произвести переброску отряда на советскую территорию вместе с несколькими русскими сотрудниками из агитационно-пропагандистского отдела Сахалинской ЯВМ, однако она так и не была осуществлена.

Еще одним формированием, аналогичным бригаде «Асано» по уровню боевой подготовки, были казачьи кавалерийские отряды под командованием полковника Ивана Александровича Пешкова, объединенные в **подразделение «Пешковский отряд»**. Сформирован он был в Хайларе в 1939—1940 гг. Основу личного состава составляли забайкальские казаки и

русская молодежь. Была сохранена казачья форма — шаровары с лампасами, шашки и карабины. Система воинских званий была также старой. Вначале отряд испытывал недостаток в казачьих седлах и уздечках, однако всех выручил хайларский шорник Мыльников, наладивший их изготовление.

Призывы в отряд Пешкова происходили ежегодно, к тому же пешковцы обменивались кадрами с асановцами, поэтому точный учет количества военнослужащих в этих двух формированиях затруднен.

Трагичен конец этого формирования. В августе 1945 года японцы погрузили казаков в вагоны вместе с японскими и маньчжурскими солдатами. Во время завтрака на станции Бухэду отряд составил оружие в пирамиды. С двух сторон в село вошли японцы и маньчжуры. Заместитель Пешкова Борис Зимин посоветовал срочно разобрать оружие, но командир лишь засмеялся, сказав, что опасаться своих союзников нечего. Время было упущено. Казаков вязали по несколько человек, закалывали штыками и расстреливали. Уже мертвому Пешкову офицер-японец отрубил голову. Уцелело лишь пять казаков, уехавших перед расправой с японским эшелоном.

После зверства трупы и тяжело раненные остались лежать, и местные маньчжуры занялись мародерством. Оставшиеся в живых казаки вместе с японцами были захвачены передовыми частями Красной Армии, были осуждены к длительным срокам лишения свободы.

Японское командование также создавало **антипартизанские отряды из нанайцев и орочен**. Из материалов ГУПВ НКВД СССР и УНКВД по Хабаровскому краю видно, что японской разведкой в Синьцзянской провинции было сформировано четыре «Таежных отряда», еще четыре группы было создано в провинции Хэйхэ, в каждом из отрядов насчитывалось по 100—200 человек. Помимо борьбы с партизанами им ставилась задача на ведение подрывной деятельности против СССР. Эти отряды состояли из прирожденных охотников-промысловиков, ведущих кочевой образ жизни. До этого времени им запрещалось иметь огнестрельное оружие, т.к. многие из них ранее проживали на территории СССР. Находясь в ведении особых отделов полиции, они снабжались

оружием, боеприпасами и продовольствием. Полиция же проводила с ними сборы по военной подготовке. В течение 1941 года сборы неоднократно проводились в провинциях Синьцзян и Хэйхэ. На сборах в течение месяца шли занятия по огневой, строевой и тактической подготовке. Личный состав отрядов помимо охотничьего оружия был вооружен японскими винтовками и частично пистолетами «Маузер» с достаточным количеством боеприпасов к ним. Каждый отряд, кроме того, был снабжен ручным пулеметом и верховыми лошадьми. Был разработан и определен порядок оповещения и срочного сбора отрядов в случае необходимости. Со стороны японской разведки последовало обещание расселить семьи в пограничной полосе в пунктах дислокации отрядов, предоставить на месте постройки для жилья, землю для обработки.

В целях сокрытия истинного назначения отрядов японцами распространялась информация о том, что отряды созданы для охоты на пушного зверя и оказания помощи в охране границы.

В феврале 1942 года крупный отряд нанайцев участвовал в карательной экспедиции против китайского партизанского отряда Ван Мингуя численностью в 110 человек, оперировавшего на территории Маньчжурии в провинции Хэйхэ.

В ответ на создание японцами национальных боевых подразделений, органы Госбезопасности СССР начали создавать на советской сопредельной территории свои «добровольческие» отряды из местных жителей, охотников-промысловиков, работников лесоохраны, пасечников, рыбаков и подобного контингента, имеющего огнестрельное оружие. Создание наших отрядов также имело целью их использование в качестве партизанских в случае начала военных действий со стороны Японии.

На службе у японских военных властей состояло много эмигрантов — украинцев, татар, армян, грузин, евреев, бурят, нанайцев и якутов.

Помимо боевых групп и отрядов японцами велась подготовка военнотружущих-перебежчиков бурят и монголов. Для этой цели были созданы **лагеря-приюты «Кобаин», «Кооанский» и «Хоанкиоку»**. Все эти лагеря были строгойше засекречены, и появляться в них без специальных пропусков было запрещено даже сотрудникам Харбинской ЯВМ.

Разведывательно-диверсионный особый отряд № 377 или «Облако-900» был создан в 1944 году на базе учебных структур Харбинской ЯВМ. Отряд состоял из трех рот и семи боевых групп. Две роты составляли японцы-камикадзе, прошедшие воздушно-десантную подготовку и готовившиеся для совершения диверсионных актов в советском тылу. Боевые группы были смешанного состава — японско-русские и японско-китайские. Каждая из них включала в себя от 12 до 20 человек диверсантов, радистов, медиков и переводчиков. В 1944 году «Облако» было объединено с Харбинской разведшколой.

Сама **Харбинская разведшкола**, созданная в 1937 году, набирала своих слушателей из русской эмиграции. Наиболее способные кадры включались в состав японской разведки, остальные слушатели после индивидуальной подготовки забрасывались в СССР. Курс обучения в школе составлял 1 год, общее количество курсантов составляло примерно 70 человек.

Конец сотрудничеству эмигрантов с японскими военными властями положили победы Красной Армии. Большая часть русской колонии Харбина и других городов приветствовали каждый ее боевой успех. Все больше авторитета завоевывали просоветские общественные и молодежные организации. Боевые действия союзников также подрывали авторитет японских властей. Всем постепенно становилось очевидным, что Япония войну проиграла. Разложение коснулось всех без исключения русских частей и подразделений. Большую роль в этом сыграла советская пропаганда и действия советской разведки. Советским органам госбезопасности были известны все подробности воинской жизни того или иного формирования и его потенциальные возможности.

По разному окончилась Вторая Мировая для лиц, упомянутых в этой главе. Атаман Г.М. Семенов был захвачен группой «СМЕРШ» 19 августа 1945 года на своей даче в местечке Кахакаши. Есть сведения о том, что при этом аресте чекистами были обесчещены его дочери. По другой версии сам атаман, при полной парадной форме, пригласил смершевцев к накрытому столу и провозгласил тост за победу русского оружия. Как бы то ни было, атаман Семенов закончил свою жизнь на виселице по приговору военного трибунала. Аналогичная история произошла и с главой русских фашистов

К. Родзаевским, несмотря на то, что он перед своим трагическим концом объявил себя приверженцем учения И.В. Сталина. Погиб в пересыльной тюрьме талантливый русский поэт член ВФП Арсений Несмелов (Митропольский).

В целом, действия советских властей не отличались разнообразием, и дальневосточных коллаборационистов ожидала та же участь что и русских, служивших в РОА или в XV Кавалерийском Казачьем корпусе генерала фон Паннвица. Все оставшиеся в живых чины бригады «Асано», казаки-«пешковцы», полицейские, труженики-крестьяне и служащие КВЖД пополнили ряды узников ГУЛАГа. Многие были расстреляны.

Дошла до нас и апокрифичная история о том, что полковник Асано сделал себе харакири на станции «Сунгари-2», узнав о судьбе своих солдат и офицеров. Якобы в предсмертной записке была фраза «Смертью своею вину перед вами искупаю».

Нашлись и люди, встретившие Советскую власть с распростертыми объятиями, хотя до этого занимали весомые посты в руководстве антисоветских организаций. Так, правая рука главы фашистской партии М. Матковский, сын колчаковского генерала, принес в советские компетентные органы списки всех сотрудников БРЭМа. Один из создателей Русской фашистской организации Б. Румянцев стал возглавлять Ассоциацию советских граждан.

Разгрому и уничтожению подверглись все памятники русского зодчества и культуры. Уничтожались они как китайскими, так и советскими властями.

Огромный поток русских беженцев хлынул из Маньчжурии и Китая, не дожидаясь прихода «освободителей». Эта эмиграция из эмиграции, получила продолжение, когда беженцев удалось разместить на острове Тубабао в Тихом океане...

Русская Национальная Народная Армия

В 1942 году часть немецких военных кругов стала склоняться к тому, что войну против России можно выиграть, привлекая на свою сторону русских. Другая часть военных специалистов была склонна видеть в русских антибольшевиках

своих прямых союзников и боевых товарищей. Они пришли к пониманию того, что одними листовками с девизом «Бей жида-политрука, рожа просит кирпича!» много сторонников на свою сторону не привлечешь. Огромное количество военнопленных, содержащихся в лагерях, могло при определенном подходе дать неограниченный людской резерв для формирования военных и полицейских частей. Большие людские потери, понесенные Вермахтом за первый год войны на Востоке, заставили немецкое Верховное командование изыскивать дополнительные пути по комплектованию частей «унтерменшами», несмотря на идеологические и расовые догмы Розенберга. Проводниками этой идеи на центральном участке Восточного фронта были генерал фон Шенкендорф, генерал Штиф, полковник фон Штауффенберг, А. фон Ренне, барон Фрейтаг-Лорингхофен и другие.

С русской стороны инициатива формирования этой воинской части принадлежала берлинским эмигрантам Сергею и Николаю Никитичам Ивановым. Используя свои многочисленные связи в среде немецкого военного руководства, инженер Сергей Иванов (в прошлом ближайший соратник генерала Е.К. Миллера) предложил сформировать русскую часть для ведения антисоветской борьбы и последующего создания армии Новой России.

Формирование части было построено по следующим принципам:

1. Формирования носят русский национальный характер, их основная задача — антибольшевистская борьба.
2. Офицеры и солдаты — русские.
3. Внутренний распорядок и проведение занятий ведутся на русском языке.
4. Униформа и снаряжение должны быть также русскими.
5. Все, попавшие в плен к новому формированию, рассматриваются, прежде всего, как пополнение, а не потенциальные узники концлагерей.
6. У формирования должна быть возможность развернуться в последующем в серьезное боевое соединение.
7. Формирование существует как первый шаг к определению лидера русского антисоветского правительства (желательно из числа советских военнопленных генералов).

Все эти идеи также нашли поддержку у Абвера.

В марте 1942 года С.Н. Иванов заручился поддержкой командующего группой армий «Центр» фон Клюге и получил у него разрешение на отбор военнопленных из концлагерей, располагавшихся в тылу группы армий «Центр». В ставке Верховного командования проект был утвержден. В Смоленске разместилась организационная группа, состоящая из соратников Иванова. В нее входили эмигранты: бывший полковник царской армии К.Г. Кромиади, И.К. Сахаров, И. Юнг, В. Ресслер, священник о. Гермоген (Кивачук), граф Григорий Ламсдорф (участник Гражданской войны в Испании), граф С. Пален, граф. А. Воронцов-Дашков, В. Соболевский. Брат С.Н. Иванова зондерфюрер Николай Иванов стал «политическим воспитателем» формирования. От немецкой стороны присутствовали представитель ставки обер-лейтенант Бурхардт с командой связи из 20 солдат, от разведки начинание курировал сотрудник Абвера подполковник фон Геттинг-Зеебург.

Из этих людей был сформирован штаб, куда вошли сам С.Н. Иванов (псевдоним «Граукопф» — «Седая голова») — руководитель, И.К. Сахаров (псевдоним «Левин») — заместитель Иванова, К.Г. Кромиади (псевдоним «Санин») — комендант штаба.

По информации бывшего офицера бригады «Дружина» Л.А. Самутина наиболее подходящей характеристикой для этой эмигрантской группы был термин — «авантюристы». Так, И.К. Сахаров был сыном колчаковского генерала, который на смертном одре в Берлине в 1942 году присвоил своему отпрыску чин полковника и наградил его всеми своими боевыми орденами. Сын к тому времени успел повоевать в армии генерала Франко, был несколько раз ранен, командовал танковым подразделением, а награды ему вручал лично Франко.

Отец Гермоген (Кивачук) также был фигурой колоритной. Внешне этот человек был точной копией последнего русского самодержца, пользовался большой популярностью в РННА и у местного населения, так как на проповедях «костерил» Сталина, Гитлера и немецкую оккупационную политику, в результате чего в 1943 году был выслан из Осинторфа

в Берлин. Батюшка постоянно носил форму гауптмана Вермахта, но с русскими золотыми погонами, трехцветной кокардой на фуражке и «Вальтером» на поясном ремне. До войны отец Гермоген (уроженец Ровно) получил прекрасное религиозное образование на теологическом факультете Кембриджского университета.

Формирование было названо «Русской Национальной Народной Армией» (РННА), в донесениях советской разведки встречаются наименования «Зондервербанд «Граукопф» — спецподразделение «Седая голова», а также «операция «Граукопф».

Местом постоянной дислокации «армии» был избран поселок Осинторф, располагавшийся в 6 км от ст. Осиновка на железной дороге Орша-Смоленск в Белоруссии, представлявший собой заброшенный поселок торфоразработчиков, до войны рассчитанный на 10 тыс. рабочих.

Первая партия военнопленных из 200 человек послужила основанием для дальнейшего развертывания части. Эти 200 человек были «пропущены» через специальный лагерь подготовки пропагандистов в Вульхайде, после чего приступили к вербовке военнопленных в лагерях, а затем стали возглавлять подразделения РННА.

Начальник штаба РННА полковник Кромиади объезжал концлагеря, отбирая людей. Картина всюду была устрашающая — по немецким данным за зиму 1941–1942 гг. в лагерях умерло 80–90 % военнопленных. В связи с таким положением в добровольцах недостатка не было. Многие авторы сообщают, что РННА была укомплектована бывшими советскими военнослужащими из состава 33-й армии, 4-го Воздушно-десантного и 1-го Гвардейского кавалерийского корпусов.

После записи шел отбор пригодных, который в основном сводился к беседе и последующему отсеvu негодных кандидатов — ими считались летчики и танкисты. Эмигранты считали, что эти рода войск комплектуются исключительно надежными комсомольцами и коммунистами. Новичков привозили в Осинторф, отмывали и откармливали в течение первых недель. Приведя людей в человеческое состояние, еще раз спрашивали, не передумал ли человек идти в РННА. После этого уже следовало зачисление в строй.

По прошествии месяца выдавалось хорошо знакомое советское оружие.

Следует отметить, что снабжение РННА было поставлено великолепно, ведь этому способствовало наличие брошенных при отступлении РККА складов, буквально ломившихся от обмундирования и снаряжения.

Несколько слов об униформе «народников». Основой служила форма Красной Армии, однако знаки различия (кубики, шпалы и пр.) с петлиц были перенесены на погоны. Белосине-красные кокарды на головные уборы делались из материи и картона. Каждая рота имела свой трехцветный флаг. В РННА также не возбранялось ношение советских наград теми, у кого они сохранились после концлагеря.

К осени 1942 года РННА была укомплектована бывшими советскими командными кадрами и, при надобности, на ее базе можно было бы развернуть целую дивизию. Батальоны стояли в Осинторфе в поселках-гарнизонах «Москва», «Урал», «Киев», «Березино», «Шклов», подчинявшихся коменданту штаба К.Г. Кромиади. При этом была предусмотрена возможность развертывания каждого батальона до полка. Гордостью части был свой госпиталь под руководством военврача Виноградова.

К августу 1942 года РННА насчитывала 1500 человек. На вооружении личного состава были винтовки Мосина и СВТ, 180 ручных и 45 станковых пулеметов, 24 миномета, батарея 76-миллиметровых орудий (8 шт.), 45-мм орудия (8 шт.) и 2 бронемашин (БА-10 и БА-20). Существовало свое авиационное звено, но без самолетов.

В середине мая 1942 года Иванов и Сахаров предложили пост командира бывшему командующему 19-й армией генерал-лейтенанту М.Ф. Лукину. Генерал отказался от сотрудничества, так же, как впоследствии он откажется от более лестных предложений со стороны командования РОА.

Несомненным достоинством РННА можно считать установление дружеских отношений с местным населением. Бойцы дежурной роты части помогали косить сено, собирать урожай. Некоторых местных жителей зачисляли на административно-хозяйственные должности и подкармливали их. Летом 1942 года супруги Сахарова и Кромиади собрали в Бер-

лине среди русских эмигрантов «гуманитарную помощь» и выслали ее в Осинторф. Отец Гермоген организовал ее распределение среди местных жителей.

По сведениям Б. Николаевского, внутренняя политика в РННА сводилась к национально-народолюбческой пропаганде и антибольшевизму. В отряде не только думали, но и говорили, что после свержения большевиков следующими будут немцы. Все это не могло оставаться незамеченным органами немецкой и советской разведок.

С первых же дней существования РННА стала объектом пристального внимания советских партизан. В первый период контакты заканчивались обоюдной агитацией и изъятием у осинторфовцев таких ценных в партизанском быте вещей как оружие, табак или сапоги. Летом 1942 года РННА четыре раза выделяла свои подразделения для борьбы с партизанами. Такие «походы» крайне отрицательно влияли на личный состав, что в конечном итоге сыграло свою негативную роль.

Участие РННА в действиях против советских войск подтверждается крайне разноречивыми сведениями. В своих воспоминаниях об осинторфской эпопее К.Г. Кромиади рассказывает о боевой операции отряда РННА (300 человек) против окруженного под Ельней 1-го Гвардейского Кавалерийского корпуса П.А. Белова в мае 1942 года. Автор сообщает, что при контактах бойцов РННА и конников происходили братания, перешел на сторону части разведотдел корпуса во главе с Героем Советского Союза, старшим лейтенантом Князевым. После перехода Князев был назначен начальником разведки РННА, но через три месяца ушел к партизанам. По другой информации разведотдел возглавлял совершенно другой человек, а Князев был командиром кавалерийского полка одной из дивизий корпуса и в плену никогда не был. По информации Л.А. Самутина разведроты старшего лейтенанта Князева действительно ушла из РННА к партизанам в августе 1942 года.

При контактах с беловцами на сторону РННА перешло много солдат и офицеров. Противоположная сторона взяла в плен майора Бочарова (псевдоним Бугров). В плену его допрашивал полковник РККА и решил расстрелять, но ночью немцы атаковали, и Бочаров вместе с охраной бежали к своим.

Противоположная информация приводится в воспоминаниях руководителей партизанских отрядов, сформированных НКВД. Так, в книге «Ненависть, спрессованная в тол» авторы пишут: «В мае 1942 года в отряд лейтенанта Ф.Ф. Озмителя от разведчиц-подпольщиц Г. Меерович и О. Рыловой поступило сообщение о том, что через ст. Красное в сторону Смоленска прошло два эшелона с офицерами и солдатами, одетыми в красноармейскую форму. Сообщение было передано в Центр, а оттуда — в штаб Западного фронта. Как выяснилось, под видом “окруженцев” действовали изменники Родины. Команда в 315 человек получила задание: пробраться в Дорогобужские леса и проникнуть в 1-й Гвардейский конный корпус генерала П.А. Белова, взять его в плен, а бойцов склонить к переходу на сторону немцев. Команда была разгромлена по пути десантниками-парашютистами 4-го воздушно-десантного корпуса генерала Казанкина в Вяземских лесах Смоленской области недалеко от ст. Угра и Вертерхово ж/д линии Вязьма — Брянск — Занозная».

В Осинторфе РННА находилась под пристальным вниманием немецкого командования. Ее «ангелом-хранителем» был генерал фон Шенкендорф. Именно он дал разрешение РННА укомплектовать местное самоуправление на прилегающей территории, чем превысил свои полномочия. Пока Шенкендорф не отменил свой приказ, русским комендантом г. Шклова назначили эмигранта графа Палена. Свои обязанности он выполнял короткий срок, пока не сорвал со стены портрет Гитлера в присутствии подчиненных. Чтобы спасти жизнь коменданта, Палена срочно переправили в Париж, и дело было закрыто.

В мае 1942 года С.Н. Иванов заболел тифом и был отправлен на лечение в Берлин. После его отъезда РННА лишилась своего руководителя.

Обстановка на фронтах, усиление советской агитации и немецкая политика по отношению к местному населению породили сомнение в умах многих бойцов и офицеров РННА. Начались переходы на сторону партизан. По мнению Л.А. Самутина большую работу по разложению РННА проделал переводчик штаба формирования Е.В. Вильсовский, находившийся на связи с командиром партизанского отряда Константином Заслоновым.

24 февраля 1942 года к партизанам в отряд Шмуглевского ушел 31 боец. Осенью 1942 года ушли к партизанам бойцы под командованием Я.Г. Лебеда. В партизанскую бригаду Заслонова перешло 117 человек из артиллерийского дивизиона армии, предварительно взорвав склады с вооружением.

Постепенно все эмигранты были удалены из руководства РННА.

Во второй половине июля 1942 года рота «Граукопфа» была размещена в деревнях Новая Земля и Риги вблизи автодороги Москва-Минск. Партизанская разведка подкинула записку с предложением о встрече командиру роты, однако тот не пошел на контакт, переправив партизанское послание начальству. Вскоре роту заменили на другое подразделение. Повторилась история с запиской, однако командир роты сам написал ответное послание «Нашим лесным братьям!», в котором призвал прекратить военные действия и перейти на сторону «народников».

18 августа 1942 года в деревню Марково, где располагалась передовая группа НКВД БССР, прибыли парламентарии из РННА (3 рота 1-го батальона гарнизона «Москва») для согласования перехода своего подразделения во главе с бывшим старшим лейтенантом РККА Н.П. Максютиним к партизанам. 11 августа добровольцы (80 человек) на подводах, с 25 пулеметами и 3 минометами, боеприпасами, радиостанцией с немецким кодом, продовольствием вышли из Новой Земли, якобы для операции против партизан и к вечеру прибыли в деревню Марково. Партизаны были извещены прибывшими о предстоящей антипартизанской акции 286-й охранной дивизии и РННА в районе Витебск — Орша — Красное — Рудня — Витебск, а также о работе гестапо по переброске в советский тыл десантных групп. Всех перебежчиков развели по разным партизанским отрядам. Старший лейтенант Максютин в последующем принимал активное участие в партизанском движении и погиб в бою 28 декабря 1943 года.

С 1 сентября 1942 года командование РННА принял бывший командир 41-й стрелковой дивизии РККА полковник В.И. Боярский, начальником организационно-пропагандистского отдела был назначен бывший бригадный комиссар Г.Н. Жиленков (Он сразу же не сошелся характером с К.Г. Кромияди, по

мнению последнего Жиленков — «комедиант»). После смены руководства РННА, Кромиади также покинул часть, издав прощальный приказ по части.

При новых командирах численность соединения выросла до 8 тысяч человек. Некоторые батальоны были сведены в полки, и РННА была расширена до бригады. Обзавелись собственной газетой-многотиражкой «Родина» и библиотекой.

К концу 1942 года батальоны, составлявшие армию, получили нумерацию с 633-го по 637-й.

По сведениям Б. Николаевского, в РННА побывал инспектор от СС фон Зиверт, который не только провел смотр, но и подробно беседовал с солдатами и офицерами. Зиверту понравилась «военная» часть формирования, однако национальная русская атмосфера была, по его мнению, недопустимой.

В это время часть проводила антипартизанские рейды. 14 ноября 1942 года подразделения РННА уничтожили часть партизанского отряда в деревне Куповать. В бою погиб партизанский командир К.С. Заслонов.

В ноябре РННА посетил с инспекцией генерал-фельдмаршал фон Клюге. Он был удовлетворен экспериментом. Им было предложено проверить боевые качества армии в бою, после чего два батальона были переброшены в район Березино для ведения антипартизанских операций. Для РННА все они закончились неудачей, но, несмотря на это, три батальона были переброшены на передовую. Им был отведен участок под Великими Луками для участия в прорыве кольца советского окружения. «Народники» не смогли выполнить эту задачу, были рассеяны и почти полностью истреблены советскими частями.

В конце октября в РННА прибыл генерал Герсдорф с приказом о дроблении «Граукопфа» на батальоны и переодевании в немецкую форму. Боярский и Жиленков подняли РННА по тревоге и продемонстрировали неподчинение, однако «свои» немцы уговорили изменить приказ. Дивизия СС, расквартированная в Шклове, окружила Осинторф, изъяла все оружие. По факту неповиновения было проведено расследование. Вскоре бригаде вернули оружие. Той же ночью 300 человек с вооружением ушли в лес к партизанам. Боярский и Жиленков были отстранены от командования и арестованы. Командиром бри-

гады был назначен начальник штаба РННА майор Риль, которому немцы авансом присвоили звание полковника.

Риль также был проводником идеи создания мощной национальной русской армии и последующего ведения борьбы за национальную Россию, однако немцы дали понять, что такие планы русских неосуществимы.

В ноябре 1942 года на сторону партизан ушло около 600 человек, из них 115 из артиллерийского дивизиона. Риль был отстранен от должности и арестован, освободили его после заступничества русских эмигрантов. После ареста Рилия немцы расформировали русский штаб. РННА перестала существовать. Люди были переодеты в немецкую форму и переформированы в **700-й добровольческий полк**. Полк вел бои с партизанами в районе Шклова и Могилева. В 1943 году он был переброшен во Францию. В 1944 году при отступлении немецкой армии командир полка полковник Каретти самовольно бросил свою часть, командование принял майор А.М. Бочаров. Полк занял крепость Лориан, где вместе с немецкими солдатами вел бои в окружении вплоть до окончания войны. 14 ноября 1944 года на первом заседании Комитета по Освобождению Народов России была зачитана радиограмма с поздравлениями от бывшего батальона РННА, запертого американскими частями в крепости Лориан.

Часть солдат РННА пошла на формирование восточных батальонов «Днепр», «Припять», «Березина» и «Волга».

Впоследствии все кадры, выкованные в РННА, послужили материалом для создания «Русской Освободительной Армии».

2. РУССКИЕ ФРОНТОВЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ

«Хиви» и восточные роты

С момента нападения на СССР немецкие войска, особенно пехотные части, стали нести большие потери, при этом процесс комплектования их немецкими кадрами также не всегда отвечал требованиям и специфике ведения боевых действий. В то же время в распоряжении немецких командиров

находилось большое количество советских военнопленных и перебежчиков. Не всех пленных командиры частей отправляли в тыл. Желающие получали хозяйственные «должности», освобождая тем самым немецкий состав, незамедлительно отправлявшийся на передовую. Перебежчики и пленные шли на службу в немецкую армию в качестве конюхов и водителей, подносчиков снарядов и санитаров, саперов и военных строителей. Такие помощники стали именоваться «*Hilfswillige*» (**добровольные помощники**) или сокращенно «Хиви». Некоторые из них прошли весь боевой путь своих воинских частей до конца войны.

Немалое число бывших красноармейцев влилось и в боевые части Вермахта, разбавив собой немецкий состав и получив статус добровольцев-фрайвиллиге. По сообщениям с передовой линии, дрались они храбро, и их присутствие в немалой степени способствовало притоку перебежчиков. Так, 11-я армия фельдмаршала Манштейна летом 1942 года имела в своем составе 47 тысяч «добровольных помощников». В составе 6-й армии Паулюса зимой 1941–1943 гг. находилось 51 тыс. 780 человек русского вспомогательного персонала и зенитно-артиллерийский дивизион, укомплектованный украинцами.

К концу 1942 года каждый пехотный полк имел в своем составе 1 саперную роту, составленную из военнопленных, в структуру которой входило 10 немецких инструкторов. Установленные с 2 октября 1943 года штаты пехотной дивизии предусматривали наличие 2005 добровольцев на 10708 человек немецкого личного состава, что составляло около 15% общей численности дивизии.

В качестве опознавательного знака «хиви» носили на левом рукаве белую повязку с надписью в три строки на немецком языке «На службе Германской армии» («*Im dienst der Deutsches Wehrmacht*»). Повязка с надписью «На службе войск СС» выдавалась служащим-добровольцам Ваффен-СС. Женский военно-вспомогательный персонал носил на левом рукаве желтую повязку с вышитой надписью «Немецкая армия» («*Deutsche Wehrmacht*»). В ряде случаев использовалась нарукавная повязка с изображением тактического знака той или иной дивизии и/или оттиска ее печати.

Все «хиви» принимали присягу, текст которой был составлен полковником Фрайтагом фон Лорингхофеном. Добровольцы присягали А. Гитлеру как главнокомандующему, но нигде и слова не было о том, за что они воюют. После принятия присяги все добровольцы приравнивались к немецкому солдату. Фрайтагу же принадлежит авторство так называемого «Устава-5000» для повседневной деятельности подразделений «хиви».

Согласно статистическим данным Управления Восточных войск на 2 февраля 1943 года общее число бывших советских граждан, состоящих на немецкой военной службе, составило 750 тысяч, из них «хиви» было от 400 до 600 тысяч, без учета СС, люфтваффе и флота. По состоянию на февраль 1945 года численность «хиви» составляла 600 тысяч человек в Вермахте, до 60 тысяч в Люфтваффе и 15 тысяч во флоте.

О службе «хиви» дает представление отрывок из «Основных направлений по обучению добровольных помощников», разработанных штабом 6-й армии в 1943 году:

«Целью обучения и воспитания является подготовка добровольных помощников в качестве надежных соратников в борьбе с большевизмом.

Для проведения такого обучения и воспитания добровольных помощников следует целенаправленно отбирать в лагерях и собирать вместе, предоставляя соответствующий персонал для надзора и преподавателей (в том числе и переводчиков). Далее в лагере сохраняется следующее деление рот хиви-резервистов: в каждой дивизии одна или несколько рот. Предоставление персонала для обучения осуществляет соответствующая дивизия. Учебный персонал обучает добровольных помощников для собственной дивизии и участвует в распределении добровольных помощников внутри дивизии.

Принципиальное значение для обучения имеют предписания по обучению. Пособие по обучению на двух языках уже готовится и будет распределено между соответствующими службами. Подробности содержатся в учебных планах, которые нужно составить и утвердить в соответствии с основными направлениями минимум за 4 недели. При составлении учебных планов как на неделю, так и на отдельные дни надо планомерно организовать учебу и полностью использовать

отведенное время. Различия в составе и оснащении, численность учебного персонала, положение противника, потребность в добровольных помощниках при войсках и время года могут повлиять и на содержание программ.

В тыловых районах формированием русских подразделений занимались все без исключения немецкие армейские, полицейские, разведывательные части, штабы дивизий, полков и корпусов, а также военно-строительная организация ТОДТа и административные органы оккупантов. Их имели даже такие невоенные «конторы» как управление по сбору металлолома, а Министерство пропаганды имело в своем ведении команды по охране типографий.

Представление о типологии коллаборационистских частей и подразделений дают специальные реестры, составлением и ведением которых занималось военное ведомство Рейха и штаб командующего всеми восточными войсками. Так, в реестре от 22 ноября 1943 года упоминаются следующие виды восточных (русских, украинских, белорусских и смешанного состава) частей и подразделений:

- восточные роты (ост-компани);
- восточные вахт-роты и взводы;
- восточные роты и колонны снабжения (тяжелые и легкие);
- роты и батальоны выздоравливающих добровольцев;
- строительные и инженерные роты, взводы;
- саперные, понтонные, мостостроительные роты и взводы;
- антипартизанские роты, взводы, ягд-команды, в т.ч. егерские;
- охранные взводы и роты;
- пехотные (стрелковые) единицы;
- танковые взводы и роты;
- взводы и роты связи;
- конные и кавалерийские эскадроны и подразделения;
- восточные пропагандистские роты и взводы (моторизованные и пешие);
- восточные полковые штабы особого назначения ЦБФ;
- восточные подразделения и штабы переводчиков;
- бронепоезда, санитарные и ремонтно-восстановительные поезда;
- школы (роты и батальоны) подготовки унтер-офицеров;

- восточные запасные, учебные роты и батальоны;
- подразделения ремонта танков и другой техники;
- разведывательные взводы, роты, эскадроны.

Набор в эти и иные подразделения производился из числа добровольцев-военнопленных, местного населения, партизан-перебежчиков. «Восточные» роты привлекались к охране путей сообщения, несению гарнизонной службы в селах и городах и к боевым действиям против партизан и советских десантных групп.

Собственными подразделениями, сформированными из коллаборационистов, располагали группы Абвера, отделы 1Ц (разведка) немецких частей и соединений. Так, отдел 1Ц штаба 18-й армии располагал к октябрю 1941 года **русским добровольческим отрядом** под командованием бывшего старшего лейтенанта, кавалера ордена Красного Знамени Полетаева и героя финской кампании лейтенанта Сушко. К Рождеству 1941 года отряд был укрупнен до роты, численностью в 200 человек. Зимой 1942 года эта рота участвовала в обороне города Тихвина. Местом дислокации роты была деревня Лампово. Впоследствии это подразделение использовалось как кадровая часть для подготовки и развертывания аналогичных подразделений.

Русское охранное подразделение из бывших военнопленных под командованием бывшего лейтенанта Красной армии А. Шмелинга (Тулинова) располагалось около гор. Любань и по информации эмигранта-публициста Б. Николаевского именно оно взяло в плен командующего 2-й Ударной армией генерала Власова. Командир этой группы одновременно являлся резидентом контрразведывательной Абвергруппы-312, а впоследствии служил в РОА.

Летом 1943 года при отделах 1Ц дивизий на Восточном фронте были организованы взводы обслуживания, более известные как «русские взводы пропаганды». Их основная задача заключалась в идеологической обработке перебежчиков. Подразделения вели пропаганду среди русских добровольцев и на передний край расположения советских войск через специальные радиоустановки. Личный состав данных взводов состоял из военнослужащих Русской Освободительной Армии. Как правило, такой взвод состоял из 18–25 человек: командир, 2–3 пропагандиста, 3 унтер-офицера и рядовые.

В Витебской области имелись подразделения из бывших граждан СССР:

— при штабе командующего тылом («Корюк») 3–4 **ягд-команды (или «команды охотников»)** по 80–100 человек каждая. Такие команды набирались из опытных бойцов и вооружались автоматическим оружием для «охоты» за партизанскими отрядами;

— **отряды «Полиции порядка»** или «Ordnungsdienst». Располагались в каждой деревне. Всего по Витебской обл. они насчитывали до 8 тысяч человек;

— комендантские роты при армейских комендатурах от 100 до 200 человек в каждой (города Сураж, Лиозно, Сенно);

— **отряды охраны железных и автодорог**, подчинявшиеся управлениям этих магистралей;

— **ост-батальоны при штабах армии**, от 500 до 1 тыс. человек каждый;

— при дивизиях **отряды** до 4 тысяч человек для охраны транспорта и обозов.

Аналогичные формирования были созданы не только в Витебской области, но и по всей оккупированной территории России, Белоруссии и Украины. Зачастую точной информацией о таких подразделениях не располагало само немецкое командование, т.к. местные командиры старались скрыть от своего начальства их наличие.

В формировании охранных подразделений были заинтересованы также лица, получившие в собственность от немецкого командования крупную собственность. Так, например, в Ленинградской области барон фон Розен сформировал **охранный отряд** из бывших военнопленных для защиты своего поместья.

Одним из аналогичных отрядов командовал князь Мещерский (впоследствии убит своими же солдатами из подпольной группы). Это подразделение было сформировано из военнопленных-добровольцев в Сычевском лагере. Во главе стояли белоэмигранты капитан Заустинский, бывший полковник царской армии, переводчик при штабе 9-го корпуса Г.П. Сакирич, лейтенант Гайдунь (внук графини М.Н. Толстой). В лагере для военнопленных Ржева, Молодечно и Торопца были сформированы **казачья кавалерийская сотня (57 человек)**, **3-я караульная рота, взвод 705-го вахт-батальона (13 человек)**. В

Ржевском дулаге формированием руководил белоэмигрант Подраменцев. Уроженец Петербурга, бывший капитан Императорской армии, он закончил Казанское юнкерское училище, в годы Гражданской войны воевал у Махно.

Отряд, насчитывающий 60 человек, формировался из числа военнопленных и лагерной полиции. Первая партия в 30 человек затем была пополнена дополнительным набором. Отряд благословил на ратные подвиги священник о. Павел. Разведчиком отряда был четырнадцатилетний Виноградов Николай Иванович из Пустошкинского района Псковской области. Проводниками и помощниками отряда в антипартизанских акциях были жители местных деревень.

Вооружение отряда, кроме винтовок, составляли 2 пулемета «Максим» и 9 ручных пулеметов. Униформа представляла собой стандартную немецкую форму с красными погонами, головной убор — кубанка с трехцветной российской кокардой.

В оперативном отношении отряд подчинялся начальнику штаба 23-го армейского корпуса майору Байеру, действовал на территории Ржевского, Оленинского и Бельского районов Калининской области.

В конце июля 1942 года в Сычевский лагерь для военнопленных прибыла группа казачьих офицеров и белоэмигрантов и, объявив о формировании **русского добровольческого легиона**, пригласила желающих записываться в него. Желавших набралось 250 человек, из которых впоследствии был организован отряд под командованием обер-лейтенанта Георга Титьена, из которого потом было создано **три ост-батальона — 628-й, 629-й, 630-й, объединенных под общим наименованием «Айнграфгруппе Титьен»**.

Некоторые из аналогичных формирований, разложенные изнутри подпольными ячейками, перешли на сторону наступающей Красной армии зимой 1942 года. С ухудшением обстановки на фронтах в добровольческих подразделениях ослабла дисциплина. Так, начальник полевой полиции при группе армий «Юг» сообщает 10 сентября 1943 года по инстанции о поведении местных формирований и «хиви»:

«...3) Поведение служащих в восточных соединениях и “хиви”. Почти повсеместно поступают жалобы от всех подчиненных полевой полиции групп о поведении “хиви” и

восточных войск. Разнузданность и выступления против населения в порядке вещей. Таким образом, эти случаи оказывают влияние на положения полиции и Абвера, отношение населения к немецким войскам все более отрицательно. Указывается, что, по крайней мере, часть этих выступлений произошла по причине недостаточного контроля. Случаи дезертирства, бунта и враждебных действий против немцев в соединениях восточных войск растут».

Подтверждением этого может служить следующий документ:
«Приказ по 13-му батальону “Народной стражи”
16 марта 1943 года г. Почеп...

§2

Наблюдаются случаи, когда солдаты и командиры батальона вмешиваются в дела гражданских организаций и полиции. Например: командир взвода Автушенко Григорий 10.01.43 г. вмешался в работу лесной охраны, задержавшей расхитителей леса, в виду чего расхитители уехали безнаказанными.

Командир взвода Щеголяев открыл драку с бургомистром волости, арестовал его и начальника волостной полиции. Командир взвода Хомяков и солдаты Лисенко и Казаченко тоже устроили драку с бургомистром.

Ввиду вышеуказанного приказываю:

Солдаты и офицеры батальона ни в коем случае не должны вмешиваться в работу гражданских организаций и полиции, виновных буду строго наказывать.

Командир батальона капитан Саулит».

6 марта в батальоне был расстрелян командир 3-й роты Чеченок Г. за организацию разложения роты и склонение ее личного состава к переходу в партизаны. Еще трех младших офицеров отправили в концлагерь.

Восточные батальоны, эскадроны, батареи, эскадрильи

Восточные батальоны (ост-батальоны) в большинстве своем формировались в составе каждой немецкой дивизии на базе восточных рот различного назначения. Впоследствии они получили нумерацию своих дивизий. С весны 1943 года

все антипартизанские роты были сведены в ост-батальоны. Командирами в них, как правило, назначались немецкие офицеры, хотя были и исключения. К июлю 1943 года существовало 78 ост-батальонов.

Имевшиеся на Восточном фронте батальоны можно разделить на:

1. Армейские ост-батальоны: 510, 516, 517, 561, 581, 582.
2. Корпусные: 308, 406, 412, 427, 432, 439, 441, 446–448, 456
3. Дивизионные: 207, 229, 263, 268, 281, 285
4. Самостоятельные: 601–621, 626–630, 632–650, 653, 654, 656, 661–669, 674, 675, 681.

Многие подразделения параллельно носили имена своих командиров «ягд-команда восточных охотников Бишлера», «команда Фризнера», «ост-батальон Хансена» и пр. Это делалось с целью их маскировки от внимания особо рьяных военных чиновников, усматривавших в существовании восточных частей прямое нарушение приказа фюрера о недопустимости вооружения «славянских недочеловеков».

Сотрудничество с врагом осуществлялось не только на земле, но и в воздухе.

1-я Восточная эскадрилья Люфтваффе была создана по инициативе подполковника Люфтваффе Холтерса в декабре 1943 года в Морицфельде (Восточная Пруссия). Для предварительной подготовки был создан специальный лагерь в Сувалках, где проходили проверку на пригодность бывшие военнопленные из числа летчиков, штурманов, радистов. После окончания проверки их восстанавливали в прежних званиях, принималась присяга, и людей включали в состав эскадрильи.

Русские летчики летали на ПО-2 и устаревших немецких самолетах. Эскадрилья принимала участие в боях в Прибалтике в составе группы ночных бомбардировщиков «Остланд». В эту группу входили также 3 эстонских и 2 латышских эскадрильи. Впоследствии на базе русской эскадрильи Холтерса были созданы Военно-Воздушные Силы КОНР.

Некоторое количество советских самолетов с экипажами находилось на вооружении фронтовых команд Абвера и использовалось для проведения специальных операций.

Помимо этого с весны 1944 года создаются подразделения «хиви» для Люфтваффе, именовавшиеся «помощниками

Люфтваффе — «люфтваффенхильферами». Кроме того, на охране «Атлантического Вала» были размещены несколько батарей 88-мм зенитных орудий ФЛАК. Их боевой персонал частично состоял из юных русских добровольцев «флакхильферов» и бывших военнослужащих казачьих подразделений фон Рентельна.

К окончанию войны в составе ВВС Германии находилось 120 тыс. бывших военнопленных и 22,5 тыс. добровольцев.

На восточные формирования также возлагалось ведение пропаганды на войска противника. Так, за год до окончания войны, при полку СС «Курт Эггерс» было сформировано русско-немецкое **военно-пропагандистское подразделение «Волга»**.

Сам полк СС, возглавлявшийся штандартенфюрером СС Гюнтером Алькеном, был полком военных корреспондентов. Отряд «Волга» был укомплектован чинами РОА, технический персонал составляли немцы. Прекрасно оснащенный по последнему слову тогдашней пропагандистской техники отряд действовал на участке фронта в районе р. Одер. Его целью было оказание психологического и идеологического воздействия на противника. На вооружении находились реактивные установки для запуска ракет с листовками, полевая типография, мощные бронированные громкоговорители. Отряд также забрасывал в расположение советских частей «Окопный листок», издаваемый непосредственно на месте. Впоследствии отряд отступил в район Зальцбурга и попал в плен к американцам.

При различных немецких танковых, моторизованных и пехотных частях также насчитывалось множество «туземных» формирований, именуемых «кавалерийские» или «конные».

Русский 567-го разведэскадрон 56-й немецкой танковой дивизии действовал на Севере России. Его сформировал Г.Н. Чавчавадзе, выпускник немецкого военного училища, впоследствии получивший должность при отделе 1Ц штаба дивизии и корпуса. Начало русскому разведэскадрону положил бой в августе 1941 года с советскими частями у озера Ильмень, когда был окружен штаб 56-го танкового корпуса. В связи с недостаточностью в живой силе начальник штаба фон Эберсфельд предложил Чавчавадзе вооружить 200 русских военнопленных, захваченных накануне. После боя эти

люди и послужили основой для формирования эскадрона. Впоследствии эскадрон пополнялся пленными и местной молодежью, привлеченной призывом вступить в «Армию Российского Объединенного Добровольческого соединения» — так называли себя эскадронцы. Кроме пополнения, эскадрон организовывал отряды местной самообороны из крестьян деревень, что часто грабились партизанами. Эскадрон был разведывательным подразделением, хотя и принимал участие в тяжелых боях на передовой под Ржевом, Волоколамском, Клином.

Позднее эскадрон вошел в состав 1-й дивизии ВС КОНР, а затем его остатки вместе с командиром вели партизанскую борьбу в Словакии и в Галиции.

После завершения войны Чавчавадзе устроил своих людей во французском оккупационном секторе, а сам стал сотрудничать с НТС и французской военной разведкой, найдя применение своему богатому фронтовому опыту.

Ост-батальоны объединялись для проведения крупных антипартизанских акций, принимая размеры полков, дробились на роты и более мелкие подразделения для несения охранной службы. Командирами батальонов назначались немецкие офицеры, их заместителями — офицеры-белоэмигранты или бывшие советские офицеры.

Каждая такая боевая единица включала в себя 3–4 пехотные роты по 100–200 человек, а также штабную роту, в состав которой входили взводы управления, минометный, противотанковый и артиллерийский. Личный состав мог быть вооружен трофейным оружием советского, чешского, итальянского или венгерского производства, изредка оружие было немецким. Обычно имелось до 4-х орудий калибра 76,2 мм, до 4-х 45-мм противотанковых пушек, минометы и пулеметы.

Впоследствии немецкое командование озаботилось созданием специальных школ для подготовки командного состава русских добровольческих частей. В Мариамполе (Литва) существовала **1-я Офицерская школа РОА для подготовки офицерских и унтер-офицерских кадров и переводчиков** под руководством бывшего полковника Красной Армии В.Г. Асберга.

Кроме того, аналогичные курсы действовали в Бобруйске, Витебске, Пскове, Сольцах, Пожаровицах. Для тех же целей существовали запасные ост-батальоны и роты. Обучение велось по немецким уставам и на немецком командном языке.

Многие ост-батальоны имели смешанный национальный состав. Например, **674-й батальон**, действовавший на территории Ленинградской области, был сформирован в июле 1942 года в Волосове из числа бывших военнопленных из лагерей Гатчины, Чудова, Рождествена, Волосова и пр. Первая рота батальона была русской, 2-я — украинской, 3-я и 4-я из народов Закавказья и Средней Азии, татар. Этот батальон входил в состав 1605-го пехотного полка Вермахта. После формирования личный состав прошел стажировку, принял присягу, получил обмундирование и вооружение. Батальон патрулировал местность, охранял линию железной дороги Гатчина — Кингисепп — Нарва и проводил антипартизанские акции на территории Волосовского района. Роты батальона были размещены в ряде населенных пунктов района. На карательные акции выезжали в соседние районы. К декабрю 1943 года батальон насчитывал уже 12 рот. Тогда же он был передислоцирован во Францию — на охрану «Атлантического вала», где и попал в плен к английским войскам.

665-й ост-батальон был сформирован в июне 1942 года на основе 31–34-й русских добровольческих рот, действовавших в зоне группы армий «Север» под командованием 18-й немецкой армии. Первоначально подразделение получило наименование русское охранное подразделение 188. В октябре произошло его реформирование в 665-й ост-батальон. В октябре 1943 года батальон был переброшен во Францию и придан 338-й пехотной дивизии 19-й армии. В конце октября был размещен в районе Айнмарка, в апреле 1944 года становится 3-м батальоном 757-го гренадерского полка гарнизонной службы 338-й пехотной дивизии. В октябре 1944 года был передан 19-й армии как обособленная боевая единица, в ноябре был переброшен в Мюнзинген на формирование дивизий ВС КОНР.

663-й ост-батальон был сформирован 23 октября 1942 года из 9–12 русских рот 186-го эстонского охранного батальона. Подразделение было расквартировано в зоне деятельности

18-й армии группы армий «Север». В конце 1943 года был переброшен на юг Франции в состав 19-й армии. С 5 декабря 1943 года в подчинении 338-й пехотной дивизии 19-й армии, придан частям береговой охраны. 19 апреля 1944 года влился в состав 759-го гренадерского полка 338-й пехотной дивизии в качестве 1-го батальона. После разгрома 759-го полка под Ронеталем (Франция) батальон вновь получает самостоятельность и становится 663-м ост-батальоном. В конце 1944 года уцелевший после боев личный состав перебрасывается в Мюнзинген.

553-й ост-фольк батальон или «Батальон выздоравливающих «Россия» начал свое существование с 18 января 1943 года и был сформирован из военнопленных на территории Генерал-губернаторства (Польша). В апреле 1943 года был переформирован в 1-й ост-батальон для выздоравливающих и расформирован 5 февраля 1944 года. Тогда же в феврале из его личного состава был сформирован 553-й ост-фольк батальон. Первоначально национальный состав батальона был представлен украинцами, однако с июня 1944 года он был полностью укомплектован русскими. Позднее батальон был переименован в русское охранное подразделение 553. В декабре 1944 года батальон был переброшен в Мюнзинген, где влился в состав ВС КОНР.

Такая судьба была характерна почти для всех ост-батальонов. Став заложниками исторического недоверия фюрера, они в 1943 году после сражения под Курском были переброшены в Европу. Первоначально их планировалось разоружить и отправить на работу в шахты, однако столь радикальное решение спустили на тормозах, ибо разоружить 80 тысяч солдат было весьма непросто. Армейское командование сообщило в Ставку, что ненадежные части (6 тыс. человек) разоружены и отправлены в шахты. Некоторые подразделения действительно были переформированы в военно-строительные команды или распылены в качестве «хиви» по передовым частям. Однако многие роты и батальоны, несмотря на окрики сверху, были сохранены, ибо расстаться с ними было уже не так просто.

Некоторые немецкие военачальники пытались создать русским добровольцам сносные условия существования. Так,

приказом командования 3-й танковой армии от 30 мая 1943 года была распространена брошюра «Политические задачи немецкого солдата в России в свете тотальной войны», идейное содержание которой носило революционный характер и шло вразрез с постулатами немецкой «ост-политик»:

«Необходимо сперва добиться добровольного сотрудничества русских с Германией, ибо силой народ можно подавить, но нельзя привлечь идейно. Большое значение имеет и то, чтобы немцы пробуждали в сердцах русских чувства, до сих пор подавленные большевизмом. Русские могут судить о немецком народе и его мировоззрении только по немецкому солдату. Перед последним стоит ответственная политическая задача — сознательно и планомерно добиваться союза с русским народом в борьбе с большевистско-плутократической опасностью и затем использовать русских как рабочую силу в оккупированных областях и немецком тылу или для борьбы с оружием в руках.

Для умирения страны весьма ценна помощь населения при борьбе с партизанами, саботажниками, шпионами. Активное участие русских в борьбе с большевизмом выражается в создании Русской Народной Армии и частей русской полиции.

...1. Русская Народная армия создана из русских добровольцев, сражающихся плечом к плечу с немцами против Красной армии и партизан. Использование Русской Народной армии при условии планомерной вербовки может иметь также и военное значение...

2. Русская полиция представляет из себя части, состоящие из добровольцев и имеющие целью охрану деревень и борьбу с бандами...

3. Кроме того, в частях и подразделениях немецкой армии для обслуживания используются добровольцы из числа населения и военнопленных, что дает возможность использования на передовой линии большого количества немецких солдат.

Все это явно показывает необходимость завоевать доверие и союз с русским населением в тотальной войне. Немецкий солдат должен решить эту задачу. Он должен привлекать все более широкие массы населения к активной борьбе с большевизмом. Его поведение должно быть обусловлено сознанием того, что он борется с большевизмом, а не с русским народом и с русской культурой».

Далее брошюра знакомила немецких солдат с русской историей, обращая внимание на положительные примеры сотрудничества русского народа с Европой. Рюрик и Петр I оценивались как великие русские государи с ориентацией на Германию, годы татаро-монгольского ига и большевизм — как «азиатчина» и упадок национальной культуры и духа.

После переброски с Восточного фронта в состав группы армий «Б» (командующий фельдмаршал Э. Роммель) вошли: 439, 441, 517, 561, 602, 615, 618, 627–630, 633–636, 642–643, 649 ост-батальоны, 281 и 285 кавалерийские дивизионы, 621, 752 артиллерийские дивизионы и три батальона Восточного Запасного полка. В состав 1-й армии группы армий «Г» на побережье Бискайского залива были включены 608-й батальон и 750-й полк особого назначения, на побережье Средиземного моря — 601, 661, 665, 666, 681 ост-батальоны.

Во Франции и Бельгии были расквартированы кадровые восточные запасные полки, а также 406-й и 654-й батальоны. Во Франции также был создан штаб командующего добровольческими частями, непосредственно подчинявшийся главнокомандующему немецкими войсками на Западе. Этот штаб занимался консультированием немецких командиров по вопросам использования восточных частей. Незадолго до высадки союзного десанта его возглавил специалист по «восточному вопросу», бывший немецкий атташе в Москве, кадровый разведчик, генерал-майор Оскар фон Нидермайер.

Разбросанные среди немецких частей, плохо вооруженные (все теми же мосинскими винтовками) они приняли на себя первый удар союзников 6 июня 1944 года. Некоторые храбро сражались до последнего патрона и отступили, другие в полном составе сдались союзникам. Последние боеспособные ост-батальоны были уничтожены во время Арденнского сражения. Помимо плохого вооружения, солдаты русских частей были оторваны от Родины и война вдали от дома, за непонятно чьи интересы для них не имела смысла. Почти весь личный состав уже считал себя неотъемлемой частью РОА, что вдалбливалось им до этого уже почти два года. Сам Власов высказался категорически отрицательно по отношению к переброске батальонов в Европу и отказался подписать «Открытое письмо к добровольцам» с призывом продолжить борьбу в Европе. Тем

не менее, это обращение без учета власовских правок и с его фиктивной подписью было распространено в войсках.

Вот как описывает встречу с русскими «защитниками» Франции участник боевых действий:

«...Джип окружили вооруженные люди. Обезоружив офицера и его водителя, они увели их на свои позиции. Как выяснилось, это были не немцы, а мешанина из поляков, сербов, русских, офицеры и сержанты у них сбежали и теперь солдаты были озабочены главным образом тем, как бы благополучно сдаться в плен. Они страшно боялись попасться в руки находившихся поблизости немцев, которые тут же расстреляли бы их, если бы узнали об их намерениях. После долгих переговоров с захваченными американцами утром 10 июня они строем при полном вооружении двинулись вниз по дороге в сторону Мейси, пока не встретили удивленного американского водителя полугусеничной автомашины. Делказел побежал вперед, крича: “Не стрелять! Не стрелять! Они сдаются в плен!”. 75 человек вышли вперед и сложили на землю свое оружие. Эскадрон безупречно одетых белорусских кавалеристов в каракулевых шапках, который сдался несколькими днями позднее, послал сначала депутацию к американскому разведывательному взводу, чтобы уточнить его силы. Кавалеристы сообщали, что они готовы сдаться, но могут это сделать, только имея перед собой внушительную силу. Американцы убедили их в наличии таких достаточно внушительных сил, делающих капитуляцию почетной...»

Некоторые восточные части отличились в кровопролитных боях. Так, **621-й восточный артиллерийский дивизион** во время отступления прикрывал переправу через р. Шельда, обеспечив эвакуацию остальной части немецкого корпуса.

На 29 сентября 1944 года русские части потеряли в боях с союзниками 8,4 тысячи человек, из них 7,9 тысяч пропали без вести.

Далеко не все ост-батальоны и полки были переброшены на Запад, ведь на Восточном фронте без них уже не могли обойтись.

Впоследствии некоторые батальоны (308, 601, 605, 618, 621, 628, 630, 654, 663, 666, 675 и 682, а также 582 и 752-й артдивизионы) вошли в состав 600-й пехотной дивизии (1-я дивизия ВС КОНР).

Во 2-ю дивизию ВС КОНР (650-я пехотная дивизия Вермахта) вошли 5 ост-батальонов — 600, 427, 642, 667, 851 и 621 артдивизион, ранее воевавшие на Западном фронте и батальон из резерва. Дальнейшая судьба этих батальонов известна. В составе 1-й дивизии они участвовали в боях на плацдарме «Эрленгоф» на Одере, в пражской операции.

619-й восточный батальон был сформирован в западных районах Орловской области. Подразделение было создано при комендатуре в с. Одрино Карачевского района Орловской (ныне Брянской) области в декабре 1942 года для борьбы с партизанами. В состав формировавшегося подразделения вошли местные жители и пленные. К началу марта 1943 года численность батальона составляла 140 русских и 11 немецких военнослужащих. На вооружении батальона находились винтовки, 4 тяжелых и 6 легких пулеметов.

В начале марта 1943 года в бою с партизанами были уничтожены 1-я и 2-я роты батальона (100 человек) под командованием коменданта В. фон Шредера, при этом комендант и часть добровольцев попали в плен. Оставшиеся две роты были переведены в г. Карачев, где продолжилось формирование батальона. Вскоре батальон насчитывал в своем составе три стрелковых роты, одну роту тяжелого оружия, штаб.

Основная часть рядового состава была представлена молодежью 1921–1923 годов рождения. Бывшие офицеры РККА занимали в батальоне второстепенное положение на должностях заместителей командиров взводов и т.п. Командные посты батальона занимал немецкий персонал.

В июне 1943 года 619-й ост-батальон был преобразован в кадровый штамм-батальон, служивший для пополнения восточных частей 2-й танковой армии, что не мешало его личному составу принимать участие в антипартизанских операциях.

В ноябре 1943 года батальон был расформирован.

406-й ост-батальон формировался в январе 1943 года на базе антипартизанской роты при штабе 6-го армейского корпуса и двух рабочих батальонов. Батальон действовал против партизан Акатовских лесов Смоленской области.

В роте, а затем и в батальоне служил Михайлик Василий Петрович, 1921 года рождения, попавший в плен лейтенантом, командиром взвода 269-го стрелкового полка 134-й стрелковой

дивизии. В марте 1943 года Михайлик, переведенный из рабочего батальона в охранное подразделение, получил чин ефрейтора. При охране шоссе и железной дорог между г. Демидово и д. Акатово задержал за связь с партизанами двух немецких военнослужащих-диверсантов. В июне 1943 г. в звании унтер-офицера Михайлик был переведен в 3-ю роту батальона командиром отделения. После неудачного боя рота была разбита и рассеяна. Батальон был направлен в Витебск, а затем переброшен во Францию, куда прибыл 25 сентября 1943 года в м. Безье, в районе Марселя, где Михайлик получил чин фельдфебеля. В июле 1944 года Михайлик уже лейтенант и командир взвода. В Италии его рота была расформирована по другим подразделениям, а наш герой назначен ординанс-офицером штаба батальона. В мае 1944 года награжден медалью «За заслуги». После капитуляции Германии Михайлик попал в плен к американцам. После неудачной попытки самоубийства его самолетом отправили в Москву, где судили за измену.

В октябре 1974 года его жена, москвичка Михайлик Мария Андреевна подала заявление в КГБ, в котором утверждала, что ее супруг являлся советским разведчиком под псевдонимом Вилли Клярринг № 17919 и был осужден ошибочно. Данные эти не подтвердились, более того, выяснилось, что № 17919 принадлежал полевой почте 406-го ост-батальона.

Братом Михайлика Василия был писатель Юрий Петрович Дольд-Михайлик, автор приключенческого романа «И один в поле воин». В статье «Страницы мужества», опубликованной в «Литературной Украине» в марте 1973 года утверждалось, что портрет главного героя вышеупомянутой книги срисован с брата автора. Таким образом, произведение Дольда-Михайлика «И один в поле воин» фактически рассказывает о 406-м восточном батальоне.

Восточные полки

Более крупными коллаборационистскими подразделениями были восточные полки, время формирования которых совпало с запретом верховного немецкого командования создавать русские части крупнее батальона.

Начало их создания было положено еще в 1942 году. В Брянске, в тылу 2-й танковой армии, размещался **добровольческий полк ЦБФ «Десна»** (615, 616, 617 ост-батальоны, 621-й артиллерийский дивизион, взвод конной разведки, отдел боевой подготовки и хозрота, позднее один батальон полка — 618-й — формировался в Трубчевске).

Полк формировался на Украине в г. Орджоникидзеграде (ныне Бежицкий район г. Брянска) бывшим капитаном РККА Кубелько. Первоначально планировалось создать украинский батальон немецкой армии, для чего Кубелько было разрешено вести набор добровольцев среди военнопленных в лагере № 2 г. Брянска.

18 апреля 1942 года в Брянск из штаба 2-й танковой армии прибыл новый командующий армейским тыловым районом генерал-майор Бернгард с секретным приказом штаба армии о формировании добровольческого полка. Для формирования выделялись 6 офицеров, 16 унтеров и 42 рядовых кадрового немецкого персонала. Формирование части было возложено на коменданта Брянского лагеря военнопленных майора доктора Вайзе. До декабря 1942 года он командовал полком, затем его сменил на этом посту полковник Цебиш. Начальником штаба полка и по совместительству начальником контрразведки был ротмистр Вупперман.

1-м батальоном полка (впоследствии **615-й ост-батальон**) командовал уже упомянутый капитан Кубелько, затем немец оберлейтенант Кульбис. Подразделение состояло из трех стрелковых, одной минометной и одной пулеметной рот и насчитывало 350–400 человек. Его костяком стал украинский батальон.

На стадии формирования батальон был задействован на охране мостов и складов в районе Брянска. С 3 мая личный состав использовался в антипартизанской операции «Антон».

2-й железнодорожный (впоследствии **616-й восточный**) батальон под командованием лейтенанта Муншайда состоял из трех стрелковых и одной пулеметной рот. Основу батальона составила группа членов органов местного самоуправления и служащих вспомогательной полиции, отступивших с немецкой армией из районов Московской и Тульской областей в г. Орел. 1-ю роту возглавил бывший бухгалтер из поселка Товарково Тульской области Сахаров.

3-й учебный (впоследствии **617-й восточный**) батальон майора Лемберга состоял из одной роты (100–150) человек и имел на вооружении несколько пулеметов. Формирование батальона велось в Почепском районе штабом 47-го танкового корпуса и было завершено в сентябре 1942 года.

При каждом батальоне была сформирована ягдкоманда из наиболее надежных бойцов, вооруженных автоматическим оружием.

Позднее в состав полка был передан 4-й батальон (**618-й восточный**), сформированный ротмистром Вупперманом в Трубчевске в качестве батальона «Народной стражи» (ОД). Немецким командиром батальона был обер-лейтенант Герберт, его заместителем П.В. Коновалов.

Артиллерийский дивизион майора фон Вайса (впоследствии **621-й восточный артдивизион**) состоял из 4 батарей. 1-я батарея — три 7,62 мм орудия, 2-я батарея — три 76,2 мм орудия, 3-я батарея — две 122-мм гаубицы, противотанковая батарея — шесть 45 мм орудий и штабная батарея. Помимо артиллерии в артдивизионе имелось 6 полковых минометов.

В составе добровольческого полка также имелся **кавалерийский эскадрон** — 150 всадников, вооруженных карабинами и пулеметами. Остальной личный состав имел на вооружении французские карабины и русские винтовки.

Штабная рота полка состояла из конного, хозяйственно-го, саперного взводов и взвода связи. Штаб полка включал в себя командира полка полковника Цебиша, его заместителя майора Аутча, адъютанта обер-лейтенанта Этлинга, офицера связи капитана Миллера, офицера разведки лейтенанта Генгарда, контрразведчика ротмистра Вуппермана, начальников санитарной и финансовой части.

С 21 ноября 1942 года полк стал именоваться «**Полк особого назначения ЦБФ «Десна»**», а его батальонам были присвоены номера.

Командные должности в полку занимали немецкие офицеры. Ротами зачастую командовали немецкие фельдфебели, взводами — унтер-офицеры. Бывшие офицеры РККА принимались в полк рядовыми, и лишь после проверки боем их представляли к унтер-офицерскому чину.

Солдаты и офицеры полка носили немецкое обмундирование с белой повязкой на рукаве. Каждый солдат получал зарплату 8 рублей в день, командиры отделений — 11 рублей. Судя по воспоминаниям бывших военнослужащих полка, офицерам разрешалось бить солдат. Но были среди них и такие, кто пел «Интернационал», говорил «Гут Тельман» и агитировал за братание на фронте. Солдатам разрешалось вести переписку с родственниками, находящимися на оккупированной территории. Письма проверяла цензура.

В июле 1942 года полк вместе с каминцами принимал участие в антипартизанских операциях на территории Почепского, Трубчевского и Выгоничского районов Брянской области. Личный состав ряда батальонов полка занимал хорошо укрепленные позиции вдоль р. Десна. В период ведения операции полк потерял убитыми 349 человек, ранеными — 376.

За время существования полка имели место переходы его военнослужащих на сторону партизан. Так, летом 1943 года 30 солдат 3-го батальона во главе с капитаном Коробейниковым ушли в лес. В августе группа солдат из 2-й роты 618-го батальона с 25 винтовками и 2 ручными пулеметами убили командира роты, порвали линию связи, подорвали 75 мм орудие и ушли в лес.

В конце августа 1943 года батальоны полка «Десна» были выведены в Белоруссию и в конце года переброшены на Запад. 615-й и 618-й батальоны, 621-й артдивизион — во Францию, 616-й и 617-й батальоны — в Италию.

Некоторые восточные батальоны носили названия рек, в регионе которых действовали, что наиболее характерно для формирований в тыловых районах группы армий «Центр». Весь комсостав «речных» батальонов набирался из числа бывших советских командиров. Немецкое руководство было представлено офицерами связи при штабах полка и батальонов и ротными инструкторами.

Крупное формирование располагалось в бывшей центральной усадьбе совхоза в 20 км от города Бобруйска. В июне 1942 года стараниями штаба ЦБФ капитана Гольфельда был сформирован **запасной батальон «Центр»**, впоследствии развернутый в **1-й Восточный запасной полк «Центр»**, готовивший пополнение для **ост-батальонов «Днепр», «Березина», «Припять»**,

«Волга». Помимо немцев в его формировании участвовали офицеры-эмигранты. Командиром полка был подполковник-эмигрант Н.Г. Яненко (в некоторых источниках Янецкий). К концу 1942 года был развернут в полк из 3-х батальонов. В полку действовала офицерская школа.

601-й восточный батальон «Березина» был сформирован на базе русской караульной роты «Гомель» в конце мая 1942 года и с первых дней существования успешно зарекомендовал себя перед немцами в борьбе с партизанами.

По воспоминаниям современника, командир роты батальона «Березина» поручик Казанкин (из эмигрантов) говорил своим подчиненным «...Сформированные русские батальоны должны служить пока (он подчеркивал это слово) амортизатором между немецкой армией и населением». По информации из того же источника ценным пополнением для полка были бывшие кадры армии генерала Белова — «...эти люди еще не были истощены лагерями. Тем не менее, многие из них влились в батальоны “Днепр”, “Березина” и “Припять” и других подобных формирований».

Люди, попадавшие в «Центр» из лагерей военнопленных, как и в РННА, отмывались, откармливались и одевались в поношенную, но чистую форму. Потом их разбивали по подразделениям. Офицерам после проверки восстанавливали звание, какое они имели в Красной Армии. При этом звания «старший лейтенант» и «лейтенант» менялись на «поручика» и «подпоручика». Командным языком в части был русский. Командир батальона «Березина» майор Снисаревский выступил с инициативой создания русской национальной армии и органов местной власти и представил свои соображения в Берлин, однако это принесло ему только неприятности.

В Бобруйске под патронажем полка «Центр» был сформирован **604-й ост-батальон «Припять», кавэскадрон и несколько «восточных» артиллерийских батарей.**

Пополнение в полк поступало и из деревень, предварительно окруженных батальонами. В число новобранцев не попадали кормильцы семей, которым фельдшер полка выдавал фиктивные справки о болезнях. Иногда сами добровольцы предупреждали сельских старост о проведении таких «добровольных» наборов.

«Центр», как и все восточные части, пережил массовый переход своих подразделений к партизанам — однажды дезертировал весь музыкальный взвод. Ушел в лес и начальник штаба майор Кочетков с двумя офицерами. Осенью 1942 года на сторону партизан перешла рота из состава батальона «Березина» под командованием М.В. Сорвина.

На территории Псковской и Новгородской областей действовал **667-й ост-батальон «Шелонь»**, созданный в феврале 1942 года в Псковской области стараниями сотрудника разведывательной Абвергруппы-III, бывшего майора РККА А.И. Рисса (он же Романов, Харт).

Все карательные операции с участием «восточных» частей носили жесточайший характер и бойцы враждующих сторон предпочитали (до изменения обстановки на фронте) в плен живыми не сдаваться.

11 марта 1943 года батальонами «Днепр» и «Березина» близ дер. Игнатовка Осиповичского района Могилевской области была уничтожена партизанская бригада «За Родину!» под командованием комдива А.К. Флегонтова. Сам Флегонтов погиб в бою, а его наградное оружие досталось победителям в качестве трофея.

В тылу группы армий «Центр» действовал 45-й егерский полк, в состав которого входили: **666-й, 667-й и 668-й ост-батальоны**. Полк нес охрану путей сообщения.

Началу формирования уже упоминавшейся нами ранее **«Айн-граффгруппе Титьен»** послужила антипартизанская группа, сформированная летом 1941 года в г. Велиже на базе 9-й моторизованной роты 18-го пехотного полка 1-й пехотной дивизии 6-го армейского корпуса группы армий «Центр». К 1 ноября группа состояла уже из 300 добровольцев, разделенных на 6 рот по 50 человек. В каждой роте присутствовало 25–35 человек немецкого персонала, специально выделенных для этой цели из 9-й роты 18-го пехотного полка. В феврале 1942 года несколько рот этой группы под названием **«Белый Крест»** участвовало в ожесточенных боях за г. Ржев. Русским командиром группы был бывший выпускник Николаевского кавалерийского училища, белоэмигрант ротмистр Заустинский.

С 1 марта 1942 года группе была придана артиллерийская батарея (четыре советских 76-мм. орудия). В сентябре 1942 года

группа разрослась и включала в себя три добровольческих батальона под номерами 582. В это же время была сформирована **582-я резервная восточная рота** — учебное подразделение для подготовки новобранцев для нужд группы. Позднее батарея была переформирована в 582-ю восточную батарею. Имелся также танковый взвод «**Панцер-цуг 682**». В ноябре 1942 года батальонам была присвоена нумерация соответственно: ост-батальон 628, ост-батальон 629 и ост-батальон 630.

Летом 1943 года группа Титьена была переформирована в **709-й полк особого назначения**. Его составляли 628, 629, 630 ост-батальоны, артдивизион, танковый взвод из 7 танков и 582-я восточная артбатарея (четыре орудия). Батальоны несли охрану железнодорожной колеи на участках Суземка — Середина — Буда и Суземка — разъезд Нерусса, обороняли населенные пункты Старая Погощь, Новая Погощь, Синчуры.

С 11 мая 1943 года командиром полка был назначен полковник Курт Гейзер.

В июле 1943 года танковое подразделение «Айнграйфгруппы Титьена» использовалось на Курской дуге. Танки Т-34 с русскими экипажами были приданы 6-й танковой дивизии 69-й немецкой армии и были использованы в ночной атаке в районе села Ново-Оскочное. Коллаборационисты, немцы и советские подразделения в темноте не опознали друг друга, но затем разгорелся бой, в ходе которого советская колонна была фактически уничтожена.

628-м ост-батальоном командовал лично майор (с августа 1943 года) Георг Титьен. В декабре 1943 года батальон был переброшен в Бельгию (Брюгге) и придан 712-й пехотной дивизии 15-й армии. В январе 1944 года батальон был официально включен в состав 745 гренадерского полка 712-й пехотной дивизии в качестве 1-го батальона. С апреля 1944 года влит в состав 857-го гренадерского полка 346-й пехотной дивизии 13 декабря 1944 года был переброшен в Мюнзинген для формирования дивизий ВС КОНР.

630-й ост-батальон, переформированный из 3-го добровольческого батальона 582 в ноябре 1943 года был размещен в Байе, провинция Бретань (Франция), в марте 1944 года — в г. Сиссоне, тогда же переименован в 1-й ост-батальон 857-го гренадерского полка 346-й пехотной дивизии. В августе ба-

тальон, понесший значительные потери в боях с англо-американскими войсками отступил из Нормандии. В ноябре 1944 года прибыл в г. Мюнзинген.

752-й артиллерийский батальон (он же восточное артиллерийское подразделение 752) был сформирован 23 декабря 1943 года и объединил в себе четыре отдельных батареи. Батареи были вооружены трофейными советскими 76 и 120 миллиметровыми орудиями. Батальон был переброшен во Францию и включен в состав 7-й армии, с подчинением восточному штабу ЦБФ 721. В августе 1944 года был разбит при обороне крепости Лориан. Официально расформирован в конце 1944 года, а оставшиеся военнослужащие направлены на формирование дивизий ВС КОНР.

Для координации действий добровольческих частей при штабах групп армий и армий по всему Восточному фронту были созданы **специальные штабы командующих восточными войсками особого назначения ZBV (Zum Besondere Verfung)**. Эти командные органы также имели свою порядковую нумерацию штабные: 701–704, 709–712, 721, 741; полковые — с 750 по 755. В ведении штабов было наблюдение за благонадежностью подразделений, пропаганда и ведение боевой подготовки. Некоторые ЦБФы формировались и действовали под полным контролем Абвера. Старшие офицерские должности в ЦБФах занимали немецкие и бывшие советские офицеры.

Все восточные подразделения находились под пристальным вниманием немецких и советских разведорганов. Для немцев это был неисчерпаемый запас кадров для разведывательно-диверсионных школ. При этом естественным результатом была тайная война между разведками противника за склонение добровольцев на свою сторону.

Основные задачи по разложению изнутри восточных формирований и уничтожению их извне поручались партизанским отрядам. Успеху таких операций в немалой степени способствовала общая обстановка на фронте. 6 апреля 1943 года 3-я рота батальона «Припять» (к тому времени она уже была разложена изнутри подпольной группой) в составе 130 человек с полным вооружением перешла к партизанам.

В Ленинградской области в оперировавший против партизан **674-й ост-батальон** был внедрен советский разведчик

И.Т. Демченко. Его стараниями в подразделении была создана подпольная группа из числа бывших военнослужащих 2-й Ударной армии. При проведении антипартизанских операций они стреляли в «молоко», а в мае 1945 года в Дании, еще до прихода английских войск, убили своего комбата, арестовали остальных командиров и встретили англичан без единого выстрела. Впоследствии сам Демченко был признан участником войны лишь через 20 лет, а его помощник был осужден на 10 лет принудительных работ, так как был привлечен к работе не разведотделом Ленинградского фронта, а непосредственно Демченко.

В Осьминском районе Ленинградской области немцы собрали в антипартизанский отряд местных молодых ребят. Успели их только обмундировать, после чего молодежь удрала в лес, где и пряталась до подхода советских войск. Ждали «наших». «Наши» пришли, и все беглецы были арестованы контрразведкой, в том числе те, кому не было и шестнадцати лет.

С противоположной стороны за измену также ждало не менее суровое наказание. В отчете, направленном в штаб 18-й армии говорится: «27 марта 1943 года в Волосове состоялся военный суд под председательством старшего советника Боша. Суд рассмотрел дело о дезертирстве солдат 665-го батальона, которые пытались под Ораниенбаумом перейти линию фронта к противнику, но были захвачены... Большинство расстреляны. Побегу способствовали гражданские лица».

Организованные в Ленинградской области в районе Порхов — Дно ост-батальоны (иногда именовавшиеся «**1-м Белорусским Партизанским полком**») вели до осени 1943 года борьбу с партизанами, после чего были переброшены в Данию и приданы частям береговой охраны, размещаясь в Скагене, Фридрихсхафене и в районе Кильского канала. В 1943 году батальоны получили наименование «**Русского Гренадерского полка**» в составе немецкой 416-й пехотной дивизии. Впоследствии 1-й и 2-й батальоны послужили основой для формирования 4-го полка 1-й дивизии ВС КОНР.

К июню 1944 года тридцать два ост-батальона и 1 восточный полк были переброшены на укрепление немецкого «Атлантического Вала». Основная часть подразделений располагалась на французском побережье близ городов Ла-Рошель, Лориан, Брест, Авранш, Шербур, Кан, Гавр, Дьепп,

Булонь. В оперативном подчинении они находились у 15-й и 17-й немецких армий группы армий «Б» под командованием фельдмаршала Эрвина Роммеля.

Некоторая часть подразделений базировалась на побережье Бискайского залива в подчинении 1-й армии группы армий «Г» и, как правило, эти ост-батальоны были включены в состав немецких полков в качестве третьих и четвертых батальонов.

На территории Бельгии также были размещены наши соотечественники — 4-й Восточный кадровый полк. Два батальона вели борьбу против сил Сопротивления.

Впоследствии большинство упомянутых воинских формирований влилось в состав ВС КОНР, а также неподконтрольных генералу Власову русских частей и соединений.

Упомянутый выше русский **Гренадерский полк РОА** к концу войны находился в Дании. Полк к тому времени состоял из двух русских и одного украинского батальонов. В русских подразделениях командный состав был представлен немецкими офицерами, в украинском — бывшими офицерами Красной Армии. В мае 1945 года в полку началось восстание. Причиной его стал приказ по полку о выступлении походным порядком на юг в направлении Германии. Главными руководителями восстания были два русских лейтенанта, отмечавшиеся ранее немцами за усердие и низкопоклонство. Взяв в плен часть немецкого персонала и убив известного своими антисоветскими взглядами лейтенанта Рогаса (эстонец), а также немецких унтер-офицера и ефрейтора, распропагандированная толпа солдат двинулась на юг Германии, творя по дороге грабежи и насилия. В относительном порядке выступил лишь украинский батальон под командованием бывшего подполковника Красной Армии.

Пресекая бесчинства, творимые солдатами, в дело вмешались датчане и англичане. Русские роты были разоружены, немцы освобождены. После перехода германской границы всем частям полка был отведен для расквартирования район на полуострове Эдерштейдт в Шлезвиг-Гольштейне. В середине июня среди личного состава бывшего полка был проведен опрос, преследовавший своей целью выяснение количества желающих вернуться в СССР, при этом всем официально было заявлено, что не желающие возвращаться

насильно выдаваться не будут. Две трети из числа опрошенных пожелали возвратиться, треть пожелала остаться за рубежом. Один из инициаторов восстания лейтенант К. перед переходом границы покинул полк под предлогом установления связи с советским командованием.

Насильственную выдачу всех военнослужащих полка, независимо от их желания, производили англичане. При отправке бежали 14 офицеров и 200 солдат. Подполковника, командира украинского батальона перед отправкой вызвали под благовидным предлогом в союзный штаб вместе с семьей. Дальнейшая их судьба неизвестна.

Маршируют полки

Песня Русской Освободительной Армии

*Маршируют полки, ногу держат стрелки,
Эскадроны проходят гарцуя,
Батареи гремят за отрядом отряд,
Лентой тянутся в даль голубую.*

*«Кто вы?» — «Русские мы!»
«Сколько вас?» — «Тьма и тьма.
Все народы Руси и племена.
Со всех мест и границ,
Сел, аулов, станиц
Собрались под родные знамена».*

*«Вы куда?» — «Мы туда — нас Россия зовет!
Нас зовет ее прежняя слава,
Нас зовет дух отцов, память старых бойцов,
Дух Москвы и твердыня Полтавы!»*

*«Кто ваш Враг?» — «Всякий тот, кто нам цепи кует,
Посягает на наши святыни.
Все пойдем как один, победим иль умрем,
Как всегда это было доньше!»*

С. Войно-Панченко

Местные полицейские формирования

Превратим войну Отечественную в войну Гражданскую!

Немецкая листовка

Захватив значительную часть территории СССР, оккупанты стали испытывать острую потребность в полицейских подразделениях. В январе 1942 года ОКХ издало приказ, который развязал руки командованию групп армий по формированию вспомогательных охранных частей. Директива ОКВ № 46 от 18 августа 1942 года «Руководящие указания по усилению борьбы с бандитизмом на Востоке» также обязывала командование сухопутных сил принять срочные меры к разработке положений, определяющих статус полицейских формирований. Эти многообразные подразделения создавались исходя из обстановки в конкретном тыловом округе. Привлечение их к охране путей сообщения, промышленных предприятий и обеспечению общественного порядка позволили высвободить значительное количество немецких военнослужащих для последующего их использования на фронте.

Разнообразие выполняемых местными полицейскими формированиями функций не позволяет строго отнести их к собственно «полиции», «охранным частям» или иным формированиям.

В группе армий «Север» полицейские подразделения именовались «Местными боевыми соединениями», в группе армий «Центр» — «Службой порядка» или «Оди» (от нем. «Ordnungsdienst»), в группе армий «Юг» — «Охранными вспомогательными частями» — «хильфсвахманшафтен». На Украине полиция именовалась «Ukrainische Schuzmanschaft». В Белоруссии охранные функции были возложены на подразделения «Самааховы» (Самообороны) и «Белорусской Краевой Обороны» (БКА).

В феврале 1943 года численность таких подразделений достигла примерно 70 тысяч человек.

Многие из этих подразделений родились во время отступления Красной Армии, когда немцы еще не успели «освободить» местность. Крестьяне подбирали оружие и формировали

команды для охраны своих деревень и хуторов от набегов тех, кто прятался в лесу. Немцы, приехав в деревню, ставились перед фактом существования в ней вооруженных трехлинейками команд, и им ничего не оставалось, как признать за этими отрядами право на существование, ведь деревня была источником продовольствия. Впоследствии немцы устанавливали опеку над этими группами, снабжая их боеприпасами, трофейным оружием и поношенным обмундированием. Отличительными признаками служащих полицейских формирований были белые нарукавные повязки с различными черными надписями «Русская полиция», «Ordnungsdienst», «Хильфсполицай» (в Луцке) и пр. Каждая повязка нумеровалась порядковым номером и заверялась оттиском печати местной комендатуры. Порой винтовки для добровольцев выдавались просто по записи, уже потом, де-факто этим людям вручалась повязка, и человек становился «полноценным» полицаем.

Такие же пронумерованные повязки выделялись для волостной и сельской охраны. Русские сотрудники отдела Тайной полевой полиции (ГФП) г. Ржева и района также носили белые повязки с черными буквами «G.F.P.».

Отличительным признаком полицейских чинов г. Смоленска была зеленая нашивка-треугольник с литерами «O.D.», носившаяся на рукаве, зеленые петлицы и нашивка того же цвета на пилотке.

В зоне действия Орловско-Брянского округа самоуправления полицейских дополнительно вооружили еще и резиновыми дубинками, очевидно, привезенными из Германии и снабдили удостоверениями:

«Удостоверение

Тимонцев Прокофий Алексеевич из общества Волокитино является членом волостной вспомогательной полиции. Ему разрешается носить оружие во время службы (резиную палку, винтовку, пистолет) с хождением по улицам в запрещенное время.

Рыльск, 27 августа 1942 г.»

В тылу группы армий «Север» охранные подразделения первоначально создавались из числа уроженцев Прибалтики, но к концу 1941 года стали набираться из русских. Эти подразде-

ления создавались с дальним прицелом — для несения полицейской службы в Ленинграде после его оккупации.

Все эти подразделения находились под постоянным контролем Абвера и службы безопасности (СД), заинтересованы в них были и подразделения тайной полевой полиции (ГФП). Между этими организациями и русскими полицейскими подразделениями существовала устойчивая связь. Наиболее пригодные для службы военнослужащие забирались из полиции и направлялись на прохождение курса подготовки в специальные разведывательные школы. Многие из полицейских позднее вступили в ряды РОА.

В полицию и охранные отряды набирались желающие посредством подобных объявлений:

«Комендатура

г. Кудеверь

06.03.42.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Мужчины, обладающие твердым характером и на которых можно иметь надежду и доверять и желающие вступить в боевое отделение, могут заявить об этом своему волостному, после чего вместе со старостой и волостным явиться в местную комендатуру.

Комендант»

Полицейские подразделения использовались в качестве местной полиции (охрана порядка, «освещение местного населения» для органов немецкой власти, регистрационные и налоговые функции), антипартизанских групп (проведение карательных операций), боевых подразделений немецкой армии (порой ими затыкали дыры на передовой). Одной из функций ОД было обеспечение явки в школы детей и соответствующее наказание (сбор денежного штрафа) с тех родителей, кто отказывался отправлять детей в школу (тыл Северного фронта).

О том, что представляла собой полицейская сила в городах, дает представление «Отчет о деятельности Бобруйской городской полиции за период с 15 декабря 1942 г. по 15 января 1943 г.»

Всего по состоянию на 15 января 1943 года состояли на службе в горполиции 228 человек боевого состава и 20 обслуживающего персонала. Из них:

1. Начальствующего состава — 11 чел.

2. Следственный отдел — 35 чел (в т. ч. начсостав — 2 чел.).

3. Полицейский состав — 160 чел.

4. Обслуживающий персонал 20 чел.

На вооружении у полиции находилось следующее оружие:

1. Винтовок русского образца — 42 шт.

2. Обрезов винтовок русского образца — 2 шт.

3. Винтовок голландских — 60 шт.

4. Винтовок норвежских — 7 шт.

5. Винтовок французских — 11 шт.

6. Пистолетов «ТТ» — 6 шт.

7. Наганов — 11 шт.

8. Пистолетов «Бульдог» — 1 шт.

Итого — 140 единиц.

Тяжело было с боеприпасами. Так, на русские винтовки было всего 2760 патронов, к пистолетам — 276 шт. Насчитывалось еще 10 гранат с 10 запалами. Начальник управления горполиции отмечал недостаток вооружения, указывая, что на 162 бойца имеется 82 винтовки, т. е. потребность в них составляет 50 %.

«Для поддержания внутреннего порядка в городе существует 35 точек постов и 3 точки регулировочного движения, а также производится патрулирование по городу в ночное время. Из числа боевого состава 162 человека (не включая в данное число Трудовой лагерь и тюрьму) занято:

1. На постах охраны — 94 чел.

2. Регулировка — 6 чел.

3. Участковые — 10 чел.

4. В командировке — 19 чел.

5. Арестованных — 4 чел.

6. Больных — 7 чел.

7. Отдыхающих — 8 чел.

8. Хоз. работников — 11 чел.

9. Делопроизводителей — 2 чел.

10. Бухгалтеров — 1 чел.

По п. 8 — хоз. работники: портных — 3, сапожников — 2, завхозов — 1, завстоловой — 1, шофер — 1, конюх — 1, поваров — 2.

Участковыми производятся проверка светомаскировки, прописки в домовых книгах и содержание в надлежащем порядке тротуаров улиц, а также и дворов.

За отчетный период были отмечены следующие происшествия:

Пожаров — 4.

Краж — 11.

Убийств и грабежей — нет.

Большое внимание уделяется оперативной деятельности по борьбе с преступностью. За отчетный период через КПЗ горполиции пропущено 117 человек, из них:

1. За связи с партизанами — 29 чел.
2. Как жидаы — 6.
3. За воровство — 15.
4. Для выяснения личности — 56.
5. За прогул и невыход на работу — 5.
6. За убой свиней — 3.
7. По материалам СД — 1.
8. За оскорбление личности — 1.
9. За продажу газет — 1.

Приведенные цифры говорят за удовлетворительную работу как полицейского состава, а также и Следственного отдела. Принимаются меры к более четкой работе полиции.

Дела касающиеся евреев:

Учет работы, касающийся евреев, производится следственным отделом, полицейским составом в процессе своей основной работы уделяется огромное внимание по выявлению жидов.

Настроение населения:

Настроение населения в подавляющем большинстве по отношению к Германской власти — хорошее. Надо полагать, что отдельные граждане из населения еще недостаточно уяснили себе значение настоящей освободительной войны, однако через посредство справедливой германской пропаганды отстающее население города в несомненно скором будущем станет на путь действительной истины.

Борьба с нарушителями:

За отчетный период подвергнуто штрафам 2 чел на сумму 450 руб., кроме того по разным вопросам нарушений дисциплины вызывалось в Ортскомендатуру, на Биржу труда и в др. организации 323 человека, из них:

Доставлены — 237.

Доставлены с опозданием — 3.

Не доставлены по уважительным причинам — 83.

Выводы:

По вопросу личного состава Городской полиции можно отметить, что укомплектован вполне боевым и надежным составом за исключением отдельных случаев нарушения дисциплины. Для ее поднятия и военных знаний начальствующего состава были проведены курсы при полевой комендатуре, каковые в будущем дадут положительные результаты. Для боевого состава проводятся курсы при Штабе Городской полиции.

В части вооружения ощущается недостаток оружия, совершенно недостаточно количество легко-подвижного оружия, которое крайне необходимо при выполнении разных оперативных работ.

Жизнь населения в городе, в особенности в последнее время, протекает нормально и спокойно, благодаря бдительности Германского Военного состава Бобруйского Гарнизона, а также и достаточно удовлетворительной работы Службы Охраны и Следственного отдела по борьбе с преступностью, чем и достигнуты большие результаты. В работе имели случаи грабежей, убийств и воровства в начале 1942 г. например: грабежей в январе — 2, в феврале — 8, в марте — 3, в июле — 1, воровство в мае-июле доходило в среднем до 80 случаев в месяц, зато в последние месяцы 1942 г. кражи снизились до 7—8 случаев в месяц, а также и убийств в начале года имелись случаи, а к концу года совершенно прекратились.

Население города с большим воодушевлением встретило открытие Городского Кино-Театра, а также с большим вниманием посещается Городской Театр, покупаются в большом количестве вся выпускаемая литература, как газеты, а также вся остальная литература. Население внимательно следит за окончанием хода военных действий на фронтах и желает скорейшего окончания войны и скорейшего приступления к мирной жизни и мирному строительству в освобожденных Германцами местностях.

В части бытового вопроса полицейского состава ощущается недостаток в обмундировании, нательном белье, постельной принадлежности и обуви. Что касается питания, недовольствия среди боевого состава не имеется.

Начальник Управления
Городской полиции
Семенов».

Деятельность полиции проходила под контролем СД. Многие полицейские структуры на оккупированной территории были созданы под эгидой этой зловещей организации. Некоторым из них давались особые поручения.

При айнзатцгруппе А, двигавшейся вглубь советской территории за войсками группы армий «Норд» была создана т.н. **«Русская учебная команда»** или **«Айнзатц Ленинград»**. Это формирование было создано специально для захвата важных объектов в Ленинграде. В группу отбирались коллаборационисты, хорошо знавшие город. До захвата города ее личный состав вел активную зафронтовую работу против города с целью получения данных о положении в нем. Агентуре также вменялась вербовка жителей Ленинграда и приобретение конспиративных квартир. Наиболее ценные материалы по промышленности и военным объектам немедленно передавались командованию артиллерии 18-й армии или 1-го воздушного флота.

По неподтвержденной информации аналогичное подразделение было придано форкоманде СД «Москва» (зондеркоманда 7Ц) для участия в захвате столицы.

При штабе айнзатцгруппы Ц в Киеве было сформировано управление кадров «Персональамт». Фактически это управление вело контрразведывательную работу, освещая население Киева. Управление размещалось в одном здании с городской управой и было известно среди киевлян как отдел кадров управы, занимающийся учетом и распределением рабочей силы по предприятиям города. На самом деле «кадровики» вели агентурную контрразведку и следствие. Часть арестованных и лиц, наиболее заинтересовавших разведорганы, передавали в полицию безопасности и СД. «Персональамт» состоял из двух секторов — секретного и агентурно-информационного. Первый вел негласную проверку рабочих и служащих через руководство учреждений и предприятий, а также имел специальную картотеку с характеристиками. Агентурно-информационный сектор состоял из агентурно-оперативной команды, следственной группы и особой группы, занимавшейся установлением лиц и организацией наружного наблюдения.

Прибывшая в августе 1942 года в Ростов-на-Дону, айнзатцкоманда б имела в своем подчинении **русскую вспомогательную**

полицию, которая, в свою очередь, вела выявление коммунистов, комсомольцев и евреев, ежедневно представляя отчеты о проделанной работе в штаб команды. В начале сентября 1942 года айнзатцкомандой была создана школа подготовки агентов для последующей работы на оккупированной территории. Школа размещалась в бывшем здании управления милиции Ростовской области.

Помимо органов СД работу полиции курировали территориальные управления полиции безопасности и СД генеральных округов. Штабу полиции безопасности и СД генерального округа «Киев» был придан **23-й украинский добровольческий полицейский батальон**, именованный «Украинская Защитная команда». Это подразделение вело борьбу с партизанами и несло охрану концлагерей. Летом 1943 года батальон располагался в Ровно, осенью того же года — в Минске. Командовал подразделением гауптштурмфюрер СС В. Ригичник.

Кроме батальона тому же органу подчинялась украинская вспомогательная полиция порядка (ОД).

В Николаеве разместилась штаб-квартира полиции безопасности и СД генерального округа «Николаев». Осенью 1943 года сотрудники органа вели занятия с личным составом **Днепропетровского штурманшфтбатальона СД**. Здесь полицаи обучались методике ведения антипартизанских операций, топографии, изучали материальную часть стрелкового оружия, им читались лекции о методах ведения разведки в советском тылу, о способах переброски агентов через линию фронта, их поведению в советском тылу и методах возвращения через фронт. Преподаватели также уделяли внимание диверсионному делу.

Местные следственно-полицейские структуры дробились или укрупнялись в зависимости от оперативной обстановки в конкретном тыловом районе. Так, в декабре 1943 года в Бобруйске была проведена реорганизация полицейских сил, в результате чего на свет появился **контрразведывательный орган «ЗИВА» — стража безопасности**. Это формирование было создано за счет объединения русского следственного отдела СД и следственных отделов городской и районной полиции. Новый орган подчинялся непосредственно штабу

СД, представителем которого в «ЗИВА» был немец, оберштурмфюрер СС Миллер. В задачи нового органа входило ведение контрразведработы среди населения, внедрение своей агентуры в партизанские отряды, а также ведение оперативно-следственной работы по уголовным и политическим делам арестованных граждан. Агентура вербовалась среди различных слоев населения, в том числе из пойманных и раскрытых партизанских связных, членов городского подполья. При вербовке агентов применялся шантаж, провокация, запугивание, инсценировка расстрела и тому подобные методы. Для ломки воли упорствующих применялось «специальное блюдо», состоявшее из просоленного свиного сала или селедки. Эта «кулинария» давалась арестованному после 2–3 дней голода, которым его морили каратели. После того, как блюдо было съедено, арестованный вызывался на допрос, где перед ним на столе стоял графин с водой. Плоток воды был наградой за предательство.

В своем распоряжении «ЗИВА» имел шуцманшафтбатальон, использовавшийся для проведения антипартизанских операций.

Крупным военно-полицейским формированием была «Народная милиция» (ОД), созданная в Брянской области белорусскими эмигрантами Р. Островским, майором Дмитрием Космовичем и М. Витушкой, организовавшими ранее Минскую полицию. Начало положил отряд из 60 человек, которых Космович набрал из числа военнопленных офицерского лагеря и бывших служащих областного аппарата. Впоследствии отряд разросся, благодаря чему под контролем милиции находилась большая территория в районе Брянска. Одновременно шло комплектование административного аппарата в районах и волостях.

Небольшие отряды местной службы порядка не могли своими силами справиться с разраставшимися советскими партизанскими отрядами. Космович предложил немецкому военному командованию создать крупные моторизованные, конные и хорошо вооруженные отряды ОД. Не доверяя белорусам, немцы спустили это дело «на тормозах», но рост партизанского движения заставил их пойти на уступки. Вскоре ОД была преобразована и состояла из 4 отделов:

- 1-й — криминальный;
- 2-й — политические дела и контрразведка;
- 3-й — непосредственно — охрана порядка;
- 4-й — мобильные конные или моторизованные отделы.

В самом райцентре Космович создал моторизованное подразделение ОД быстрого реагирования.

За успешную организацию самому Космовичу было присвоено звание майора и пост инспектора службы порядка тыловой зоны центральной армейской группировки.

В Смоленске, куда «белорусский штаб» был переброшен после организации полиции в Брянске, дела обстояли иначе. Имевшаяся к тому времени в городе русская администрация во главе с бургомистром майором Б.Г. Меньшагиным не желала видеть у себя полицейские части, созданные белорусскими эмигрантами. Белорусам дозволили вести работу лишь на территориях Смоленской области, в том числе в Лиозненском районе Витебской области и Мстиславле (Могилевский округ), присоединенных немцами к Смоленщине.

Белорусам досталось тяжелое наследство. В вышеупомянутых местностях практически отсутствовали органы местного гражданского самоуправления и всем распоряжались немецкие коменданты. Часть территории находилась под контролем партизан — в Касплинском районе из 20 волостей лишь полторы контролировала немецкая администрация. При этом партизаны имели своих людей в местных органах власти.

Р. Островский сменил весь административный аппарат района, назначил его руководителем белоруса Ивана Неронского из г. Несвижа. Космович организовал моторизованный эскадрон ОД, который сразу занялся очищением района от партизан, однако сил по-прежнему не хватало. Белорусы попросили немцев освободить население района от всех налогов на год, запретить все реквизиции в пользу немецкой армии, выдать местному населению оружие для самозащиты, обеспечить мобильные части ОД продовольствием. Начальник немецкой комендатуры, старый немецкий генерал Пооль выдал Неронскому «охранную грамоту» для всего района с указанием, от каких податей освобождается население.

Вскоре ситуация стала меняться в лучшую для немцев сторону. О грамоте Пооля белорусы известили население. В ОД

начали приходить делегации из деревень с просьбой выдать оружие и прибывали добровольцы. Новые конные и пешие подразделения ОД (по 100–150 человек) за полтора месяца очистили район от партизан. Руководитель советских партизанских отрядов района полковник Гришин сообщил в Москву, что «народ озверел» и отвел отряды в другие места. Новые отряды, направленные для подрыва железнодорожного полотна, натыкались на вырубленные вдоль магистралей просеки, обнесенные колючей проволокой и простреливаемые «оди» вдоль полотна. Мины, заложенные партизанами, извлекались патрулями.

Численность службы порядка Смоленского района была увеличена до 3 тысяч военнослужащих. Офицерский состав набирался из лагерей военнопленных и назначался в батальоны полиции. Эти подразделения стояли в районных центрах и подчинялись немецкой жандармерии. В сельской местности ОД ликвидировали партизанские отряды, обороняли от них дороги и деревни, используя систему оборонных бункеров. Рост численности полиции был приостановлен приказом из Берлина и запретом на формирование новых частей.

На посту инспектора полиции Космович провел реорганизацию всех полицейских частей на территории тыла группы армий «Центр», перегруппировав их в батальоны. Делалось это им в надежде на скорое создание «Освободительной армии».

Личный состав почти всех полицейских формирований набирался из числа военнопленных, людей, имевших принципиальные разногласия с Советской властью, и уголовного элемента. Набор в полицию производился самыми разными способами. Зачастую молодые люди ставились перед выбором — быть угнанным в Германию на работу или поступить в местную полицию. Д. Каров приводит в качестве примера действия коменданта Шепетовки, который выставлял на дорогах полицейские заставы, предлагавшие всем подходящим кандидатурам из прохожих «по-хорошему» вступить в полицию или как альтернативу — попасть в концлагерь.

Порой на месте партизанской диверсии хватались местные жители и, вооруженные винтовкой, принудительно ставились на охрану объекта партизанских покушений. Этот

способ привлечения к охране заложников был распространен и пришел на смену простому повешению первых попавшихся под руку.

На территории Смоленской области (Пречистенский район) в 1942 году из 300 полицейских, дезертиров, старост и старшин была организована **антипартизанская «Зеленая Армия»**.

В том же 1942 году в районе Стародуб — Почеп — Мглин действовал **«Батальон общественной безопасности»**. В Касплинском районе действовал **отряд полиции** в 300 человек под командованием Болтунова, бывшего кандидата в члены ВКП(б).

Во многих населенных пунктах полиция создавала так называемые **«группы самообороны»** из местных жителей.

Служил в полиции под г. Харьковом и бывший панфиловец, один из участников легендарного боя у разъезда Дубосеково Иван Добробабин (Добробаба). Вернувшись из плена, он поступил на службу в полицию в своем родном селе Перекоп и дослужился до должности начальника участка. После войны Добробабин отсидел положенный ему срок в лагерях и вернулся в родное село.

Полиция была в основной своей массе настроена антисоветски, что подтверждается советской мемуарной литературой. Немалая группа людей согласилась сотрудничать с оккупантами на местах. Так, только в одной Россоши в полиции служили 480 человек. Начальником районной полиции стал бывший адвокат Филиппов, начальником городской полиции — бывший бухгалтер аптечной базы Стотик, районную газету «Россошанский Вестник» редактировал бывший работник районной газеты Дергачев.

Историю сотрудничества с немецкими оккупационными властями бывшего сотрудника Главного Управления уголовного розыска описал в своем очерке Эдуард Хруцкий. В 1939 году герой его повествования Лучников (фамилия изменена Э. Хруцким) был переведен из Москвы на работу в один из городов только что освобожденной Западной Белоруссии. Незадолго до начала войны он попал в тюрьму за неосторожное высказывание относительно немецких союзников Сталина. В тюрьме его били следователи, требуя «прицепить» к показаниям группу неповинных людей. Бывший муровец стоял до последнего, никого не оговорил, в результате чего

очутился на койке в тюремной больнице. Очнувшись, он увидел сидящего на его койке незнакомца в немецкой военной форме. Офицер узнал у узника, что тот в прошлом был заместителем начальника уголовного розыска. Вторая встреча сыщика состоялась уже с немецким комендантом города, который и предложил ему вернуться на довоенную службу. Так бывший московский сыщик возглавил уголовный розыск в оккупированном немцами городе. Работы было много, но вскоре на него вышли его же бывшие сослуживцы, ставшие партизанами. Прощение от Советской власти сыщик должен был заработать. Партизаны поставили перед ним задачу обнаружить, изъять и передать им в лес ценности, конфискованные ранее «органами» у местной буржуазии, а впоследствии похищенные в первые дни войны. Партизанами были также предоставлены в помощь «сыскарю» двое толковых оперативников из Москвы. Золото было изъято, передано в Москву, а сыщика арестовали его же напарники и переправили в столицу.

— Молодец, Лучников, — сказали ему на Лубянке, — большое дело провернул. Поэтому получай по низшему пределу десятку и поезжай валить древесину». Отсидел сыщик девять лет. Его освободили после смерти Сталина, но не реабилитировали.

По свидетельству бывшего редактора орловской газеты «Речь» В. Самарина, состав работников полиции был далеко не однороден:

1-ю категорию составляли убежденные антибольшевики, российские патриоты, боровшиеся против большевизма, а не служившие немцам.

2-ю категорию — антибольшевики, считавшие, что они должны мстить, совершавшие нередко жестокости, ничего, кроме вреда не приносившие.

3-я категория — люди, работавшие в полиции, как и в других учреждениях, просто для того, чтобы не умереть с голоду и не ехать в Германию

4-я категория — прикрываясь масками непримиримых антибольшевиков, действовала партизанская или подпольная агентура. Основная задача этой категории советских агентов сводилась к двум положениям:

1. Натравливать немцев на население и население на немцев.
2. Получать, находясь в стане противника, нужную подполью информацию.

Полиция всегда находилась на острие борьбы с партизанами, советским подпольем и десантниками. Однако это боевое настроение менялось в зависимости от обстановки на фронте. На одном из банкетов зам. начальника полиции Сапычской волости Погарского района Брянской области Раскин Иван заявил:

«Мы знаем, что нас народ ненавидит, что он ждет прихода Красной Армии. Так давайте спешить жить, пейте, гуляйте, наслаждайтесь жизнью сегодня, так как завтра все равно нам поотрывают головы».

Обоюдная ненависть принимала ужасающие размеры. Д. Каров в своей книге о партизанском движении приводит следующие факты:

«В марте 1943 года особый отряд бригады Ковпака численностью в 300 человек окружил на рассвете село Кучеровку (недалеко от города Глухова), с жителями которой партизаны имели старые счеты. Кучеровка охранялась отрядом полиции в 60 человек из местных жителей. Несмотря на внезапность нападения, полицейские успели укрыться в трехэтажном здании школы. Видя, что их атаки отбиты, партизаны собрали близких родственников полицейских и, погнав их перед собою, еще раз бросились в атаку. Ворваться в школу им не удалось, но зато они успели обложить ее соломой и поджечь. В результате как все полицейские, так и большая часть их родственников были убиты. Партизаны ушли после боя в свой лагерь, находившийся в то время в Хинельских лесах, уводя с собой около десятка молодых людей и девушек, «мобилизованных» под угрозой расстрела.

Немного позже, в июле того же года, партизаны пытались сжечь сжатый и сложенный в копны хлеб жителей селения Ваниловка (13 км от Харькова). Местные полицейские, пытавшиеся помешать этому, были окружены партизанами, перебиты, и трупы их брошены в горящие скирды.

Еще более ужасная судьба постигла полицейских села Курилово (между Идрицей и Опочкой), пытавшихся догнать партизан Калининской бригады, напавших в их отсутствие

на это село. После упорного боя взятых живыми полицейских заставили бегать по заминированному участку, пока все они не погибли от взрыва мин».

В районе действия 3-й Партизанской бригады Северо-Западного фронта противодействие полиции велось по двум направлениям — ее уничтожение и разложение, причем уничтожению отдавалось явное предпочтение. В сентябре 1942 года партизаны этой бригады захватили 16 полицейских Ясенской волости Порховского района и расстреляли. Совершили несколько налетов на полицейские гарнизоны деревень Оклад, Радунино, Киверов Пожаревицкого района, что сопровождалось сожжением домов «полицейских семей», расстрелом их обитателей.

Советская разведка прилагала титанические усилия для вербовки полицейских и склоняла их к переходу к партизанам. Нередки случаи, когда местная полиция снабжала партизанских разведчиков пропусками-аусвайсами, совместно инсценировались «тяжелые бои», в результате которых целые участки полиции вместе с вооружением уходили в лес.

Разведотделом партизанской бригады «Дяди Коли» был завербован начальник паспортного отдела полиции г. Борисова Федоренчук, и с его помощью было добыто 75 паспортов. Впоследствии партизанский помощник и его заместитель были расстреляны немцами.

Три начальника полиции г. Орла погибли на своем посту. Первый из них, П.А. Ставицкий, кончил жизнь самоубийством в тюремной камере. Второй, В.И. Головкин, был до смерти забит в августе 1942 года начальником сыскного отделения Букиным и шефом гестапо Кохом. В апреле 1942 года был расстрелян начальник уездной полиции П.К. Мячин. Там же, в Орле, в марте 1942 года за связь с партизанами был расстрелян бургомистр города А.А. Шалимов.

Летом 1942 года в партизанскую бригаду Фалалеева приехал на грузовой машине начальник Езерищанского полицейского отряда Витебской области Ананьев и вместе с бургомистром волости Новиковым и тремя полицейскими привез с собой винтовки, 2 пулемета и сдал их партизанам. Еще 200 полицейских с оружием вели переговоры об уходе в лес с партизанскими отрядами «Бати» под Брянском.

В Белоруссии (Пуховичский район) за июль 1943 года к партизанам перешло 150 полицейских. Полицейский гарнизон села Дукоры в количестве 60 человек с оружием в руках перешел к партизанам.

Зачастую посредниками на переговорах между полицией и партизанами выступали местные старики и дети, предварительно узнававшие, что же ждет полицаяв у партизан. Вернувшись в село с гарантиями, парламентареры передавали полиции условия перехода.

Переходу надежных полицейских частей в партизаны порой способствовали решения немецких властей. Например, в г. Севске Брянской области при поступлении в полицию освобождали от обязательных хлебопоставок и уплаты налогов. В декабре 1942 года бургомистр Севска издал приказ о необходимости исполнения служащими полиции повинностей, в результате чего полиция крупных сел Степное, Антоновка, Белица бросила оружие и отказалась от несения службы, а шесть полицейских ушли к партизанам.

Притоку перебежчиков способствовала агитация партизан и подпольщиков. Так, в листовке, распространявшейся подпольщиками на территории Псковщины, полицейским сначала напоминали, что и они когда-то были советскими людьми («...только поэтому мы в последний раз обращаемся к тебе»). Далее затрагивались струны русского патриотизма и говорилось, что настоящий русский патриот не допустит, чтобы Россию грабили и убивали («...если тебе это нравится, то радуйся каждому прожитому тобой дню: их осталось немного. Красная Армия и партизаны не щадят предателей!») Заканчивалось обращение призывом — «Иди же к партизанам! Иди смело! Принеси оружие. Родина простит тебя, если сам придешь к ней!». Стимулом служил список фамилий полицейских, казненных партизанами.

Прибывших в лес распыляли по подразделениям партизанского отряда, и они до конца войны находились под неусыпным надзором, на каждого «заблудшего» составлялось досье по результатам наблюдения. Чекисты подробно допрашивали каждого полицейского, пришедшего в лес. Помимо мест дислокации и вооружения полицейских частей узнавали имена, места рождения, работу перед войной и при-

вычки их прежних сослуживцев. Впоследствии эта информация использовалась при написании листовок, адресованных конкретным полицейским. Подписывали эти воззвания перебежчики.

Немецкие инстанции были вынуждены докладывать о случаях переходов. В донесении 224-й полевой комендатуры, располагавшейся в районе г. Борисова, говорится: «...В последнее время значительно увеличилось количество перешедших к бандитам полицейских, находившихся на опорных пунктах. При этом в различное время было унесено несколько пулеметов».

После окончания войны многие бывшие полицейские получили срок по 58-й статье. Некоторых расстреливали на месте органы СМЕРШа в первые же дни после освобождения. Над полициями устраивали показательные процессы и при массовом стечении народа вешали на площадях.

Стоит упомянуть и о другом обратном процессе. Партизаны и полицейские, находившиеся на передовой линии, порой не один раз менялись местами. Многие бежали из партизанских отрядов от голода и издевательств. Из полиции бежали от издевательств немцев и несмываемого пятна предателя. Некоторые окруженцы и приймаки специально вступали в ОД и, получив винтовку, сразу уходили в лес.

Обратный процесс шел не в таком массовом порядке, однако эти факты также заслуживают внимания.

По материалам Центрального Штаба Партизанского движения из партизанских отрядов им. Щорса, 26 Бакинских комиссаров, Баумана и Лазо, действующих на Брянщине, за октябрь 1942 года перешло на сторону врага и дезертировало группами и в одиночку 62 человека. Из Трубчевского партизанского отряда за это же время перешло на сторону врага 9 человек.

В отряде имени Кирова в это же время командир отряда Ткаченко и его зам. по политической части тов. Каменец во время боев с каминцами полураспустили отряд. Когда бойцы отряда обратились к тов. Каменцу с вопросом, что же дальше им делать, зам. по политчасти ответил: «Что хотите, то и делайте. На базу я вас не поведу, можете идти в полицию».

В результате бойцы стали группами и с оружием в руках переходить на сторону врага. Таким образом, за октябрь 1942 года из этого отряда ушло более 20 человек.

В отряде имени Фурманова, действовавшем там же, 16 декабря 1942 года два бойца Исаенко и Кабанцев перешли на сторону врага и на следующий день привели в лагерь отряд карателей, в результате чего был сожжен поселок Холмы.

Морально-бытовое разложение личного состава порой достигало невиданного уровня, расплачивалось за это местное население:

«В деревне Чернявка с головы ребенка гражданки Чижиковой сняли шапку и угрожали оружием. Тов. Чижикова — жена красноармейца и помогает партизанам.

Партизан Корин в дер. Долбянка под угрозой оружия снял с ног гр. Еркиной сапоги и обругал ее матом.

Отдельные партизаны охотились за часами, кожаными тулжурками. Из группы Мухина партизаны насильовали девушек. Все это привело к уходу некоторых красноармейских семей в другие деревни.

...Необходимо отметить засоренность отряда Бориса Матюгина (42 чел.), в котором нашла себе приют бандитская группа, действующая под кличкой “Гоп со смыком” во главе с Литвиненко. Группа убила двух чекистов из группы Градова, грабила население и пьянствовала. Предводителем ее был некий Сандуков, который во время пьянки зарезал Литвиненко. В этом же соединении находится группа Рябого в 3–5 человек, которая занимается исключительно бандитизмом в районе Плещон и Ключей (Логойский р-н Вилейской обл.)...»

Вместе с наступлением Советской армии дисциплина в партизанских отрядах стала железной, а разложение полиции шло ускоренным темпом, в результате чего бывшие полицейские сдавались партизанам или пытались затеряться среди населения, а те, кто особенно «отличились» своим рвением при немцах, уходили на Запад...

Марш Русской Освободительной Армии

*Отступают неба своды,
Книзу клонится трава —
То идут за взводом взводы
Добровольцы из РОА.*

*Шаг ровней и тверже ногу,
Грудь вперед, тесней ряды.
Мы пробьем себе дорогу,
Где не торены следы.*

*День грядущий для нас светел,
Пусть извилисты пути,
Каждый сам себе наметил
С кем, куда, зачем идти.*

*Перед нами будь в ответе,
Кто народ в войну втравил.
Разнесем как тучи ветер
Большевистских заправил.*

*Нету к прошлому возврата,
В сердце кровь кипит ключом.
Все мы русские солдаты
Счастье Родине несем!*

3. «КОРОЛЬ ЛОКТЯ» И ЕГО АРМИЯ

В советской исторической литературе о партизанском движении неоднократно встречается фамилия прислужника оккупантов Бронислава Каминского. Каждое упоминание о нем и о его вооруженных силах сопровождается весьма нелестными эпитетами, составляя конкуренцию даже такой одиозной фигуре, как генерал Власов.

Инженер винзавода и преподаватель техникума

Бронислав Владиславович Каминский родился в 1899 году в одном из сел Полоцкого уезда Витебской губернии. По национальности — поляк. В 1917 году стал студентом Петроградского политехнического института, однако уже в 1918 году вступил добровольцем в Красную Армию. Демобилизовавшись в 1921 году, Бронислав вернулся на студенческую

скамью и некоторое время учился в Петроградском химико-технологическом институте, затем работал на химзаводе. В 1930 году продолжил учебу в химико-технологическом институте, который наконец успешно закончил с дипломом инженера-технолога. В 1935 году за неосторожное высказывание относительно коллективизации был исключен из ВКП(б), а в 1937 году арестован. Срок Каминский отбывал в Шадринске, работая технологом на производстве спирта. В начале 1941 года с поражением в правах переехал в г. Локоть, где вплоть до прихода немцев работал инженером на Локотском спиртозаводе.

Именно в Локте Каминский встретился с человеком, определившим его дальнейшую судьбу. Константин Павлович Воскобойник родился в 1895 году в Киевской губернии, в семье железнодорожника. В 1915 году поступил на юридический факультет МГУ, а в 1916-м ушел добровольцем на фронт. С 1919 по 1920 годы служил в Красной Армии, в 1920-м демобилизовался по ранению и женился на А.В. Колокольцевой. В 1921 году переехал с семьей в Хвалынский, где служил в райвоенкомате секретарем. Весной 1921 года вступил добровольцем в повстанческий отряд Вакулина-Попова, был ранен в руку, а после разгрома скрывался от ГПУ в Астрахани, Сызрани, Нижнем Новгороде, имея на руках подложные документы на имя И.Я. Лошакова. В 1924 году осел в столице и под чужим именем учился в Институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, одновременно работая инструктором охотоведения в Наркомате земледелия. После окончания института работал начальником мастерских при Палате Мер и Весов. В 1931 году был арестован ОГПУ и приговорен к трем годам лагерей. После заключения — стройки народного хозяйства в Кривом Роге. В 1935-1937 гг. работал инженером в «Орскхимстрое». Наконец с 1938 года Воскобойник осел в поселке Локоть Брасовского района Орловской области в качестве преподавателя физики в Лесотехническом техникуме (по другим данным — в гидромелиоративном техникуме). В местных органах НКВД о нем сложилось представление как о человеке лояльно настроенном к Советской власти, интеллигенте с завышенной самооценкой.

В 1941 году две эти биографии сходятся в одну.

Локотский дебют

Поселок Локоть Брасовского района Орловской области представлял собой обыкновенную русскую глубинку с простым укладом размеренной жизни. Единственное, что отличало эти места от остальных — их дореволюционная принадлежность императорской фамилии — именно в Локте находилось имение великого князя Михаила Александровича Романова. До революции многие крестьяне имели свои небольшие, но крепкие хозяйства. Перед войной в Локоть вернулись люди, пострадавшие от раскулачивания и коллективизации, в среде селян крепки антисоветские настроения. Всеобщее бегство местного руководства в конце сентября 1941-го привело к тому, что Советская власть рухнула в одночасье. Пользуясь этим, крестьяне принялись делить землю. На дорогах разбойничали дезертиры и уголовники. В лесах вокруг Локтя скрывалось большое количество окруженцев и специальных партийно-чекистских групп, сформированных НКВД и ГРУ, которые впоследствии стали костяком партизанских отрядов. Вся эта людская масса кормилась ночными грабежами деревень, налетами на одиночные немецкие автомобили. В ответ на бесчинства крестьяне стали создавать местные группы самообороны и вооружались тем, что смогли найти в лесу на местах боев — от наганов до гаубиц. Этот стихийный, неподконтрольный немецким властям процесс шел по всей территории оккупированной России, Белоруссии и Украины.

4 октября части немецкой 17-й танковой дивизии вошли в Локоть. Немцы сразу же воспользовались услугами Воскобойника и Каминского, назначив первого старостой Локотского волостного самоуправления, а второго — его заместителем. При этом разрешалось иметь вооруженную охрану — 20 человек «народной милиции», вооруженных русскими винтовками.

16 октября было разрешено увеличить численность отряда до 200 человек, а в деревнях иметь отряды самообороны. Именно на этой базе и будет впоследствии создана «Штурмбригада «РОНА»» с бронетехникой и артиллерией.

Окрыленные своими первыми успехами, Воскобойник и Каминский решили действовать уже во всероссийском масштабе, для чего было громогласно объявлено о создании «Народной Социалистической Партии России “Викинг”». Манифест новоявленной партии был отпечатан 25 ноября 1941 года на типографском оборудовании, укрытом от эвакуации работником местной типографии Бояровым. Он включал в себя обещания об уничтожении колхозов, бесплатной передаче пахотной земли крестьянам, свободу частной инициативы под сенью возрождения русского национального государства. Подписан был манифест масонско-эсеровским псевдонимом «Инженер Земля», за которым укрылся сам Воскобойник. «Манифест» НСПР стал первым документом Русского Освободительного Движения, официально оформлявшим проектные положения государственного устройства «новой России» задолго до начала пропагандистской деятельности генерала Власова и воззвания «Смоленского Комитета».

После выпуска манифеста локотские вожди стали мыслить всероссийскими масштабами — пропаганда идей была направлена на соседние области. Провожая в агитпоездку своих соратников, Воскобойник напутствовал: «Не забудьте, что мы работаем не для одного Брасовского района, а в масштабе всей России. История нас не забудет». Результаты поездок пропагандистов и распространение «Манифеста» дало свои результаты. Наибольший отклик на призывы к партийному строительству люди Воскобойника получили от крестьян, соблазненных уничтожением колхозов и наделением всех земель. Были организованы несколько партийных ячеек.

В докладной записке начальника Орловского областного управления НКВД К.Ф. Фирсанова секретарю Орловского обкома ВКП(б) от 15 марта 1942 г. упоминалось о наличии к концу 1941 года 5 ячеек НСПР в Брасовском районе.

Однако в итоге существование партии «Викинг» ограничивалось границами округа, при этом немецкий оккупационно-бюрократический аппарат предпочитал вообще не информировать о наличии «русской партии» берлинское начальство.

Вся эта бурная деятельность не могла остаться незамеченной противниками. 8 января 1942 года три партизанских отряда попытались взять штурмом превращенное в казармы

«народной милиции» здание локотского техникума и дом бургомистра Воскобойника. Атаки были отбиты, после чего Воскобойник попытался обратиться к партизанам с призывом сдаваться, но был сражен очередью из ручного пулемета. Вместе с ним в этом бою погибли 54 милиционера и несколько немецких солдат. Спасать бургомистра прилетели немецкие врачи из Орла, однако он умер на операционном столе.

Результатом партизанского налета стало уничтожение еще семи членов администрации. Через год после их гибели приказом Локотского окружного самоуправления было решено увековечить память погибших воздвижением на могиле Воскобойника памятника, в основном повторяющего памятник «Битва народов» в Лейпциге. Тем же приказом Локотской окружной больницы было присвоено имя «Павших героев 8-го января 1942 года». 4 октября 1942 года в газете «Голос Народа» был опубликован приказ Каминского о переименовании поселка Локоть в город Воскобойник. Тридцать человек из числа «милиционеров» и гражданских лиц, участвовавших в бою, были поощрены премиями в размере месячных ставок зарплаты.

Бронислав Каминский сменил своего друга на посту бургомистра.

Жизнь под оккупацией

Локотскому округу «повезло» с командующим 2-й танковой армией группы армий «Центр» генерал-полковником Рудольфом Шмидтом, в чьем ведении находился этот тыловой район. Именно Шмидт поддержал начинания Воскобойника и Каминского, предоставив округу право на самоуправление и обеспечив тем самым тылы собственной армии. В отличие от многих своих коллег, Шмидт всячески поддерживал точку зрения своих офицеров, утверждавших, что без тесного контакта с местным населением и наделения его определенными свободами войну не выиграть. В результате такого либерализма Шмидт в августе 1943 года был отстранен от командования и переведен в резерв. По неподтвержденным данным, он принял участие в заговоре против А. Гитлера и был казнен в 1944 году.

Первым делом Каминского на посту бургомистра было создание новых вооруженных сил. К февралю 1942 года в его распоряжении уже имелось три батальона общей численностью около 400 человек. Развернулась антипартизанская война, завершившаяся победой каминцев и очищением близлежащих районов от партизан. При этом из леса ушло свыше 400 человек, из них в милицию вступило 65 бойцов.

Немецкое командование, неожиданно получив такого союзника, преобразовало Локотский район в уезд, присоединив к нему еще ряд районов Орловской и один район Курской областей. Летом 1942 года приказом командующего 2-й танковой армии Локотский уезд был преобразован в округ, в состав которого было передано 8 районов с общим населением почти в 600 тыс. человек. Каминскому была предоставлена полная свобода действий — немецкие штабы и комендатуры были выведены за пределы округа, за исключением группы связи и подразделений немецких разведорганов. Немцы также разрешили Каминскому увеличить свою армию.

Локотский эксперимент был одобрен высшим немецким руководством, и это наполнило гордостью Рудольфа Шмидта. Командующий 2-й танковой армией неоднократно приглашал к себе Каминского и вел с ним беседы о перспективах устройства новой России по принципу Локотского округа самоуправления. В ответ на такие прожекты Каминский говорил ему, что он всего лишь скромный инженер и такие задачи ему не по силам. Шмидт в ответ напоминал ему о судьбе другого «скромника» — бывшего художника, ставшего фюрером Третьего Рейха. Шмидт также обещал оказать содействие в получении официального разрешения на легализацию НСПР. Однако как показало будущее, планам этим не суждено было сбыться.

В состав аппарата местного управления вошли следующие сотрудники:

С.В. Мосин, бывший ссыльный и заведующий Брасовским райотделом народного образования, стал начальником отдела пропаганды и агитации местного самоуправления;

Р.Т. Иванин получил пост начальника милиции, хотя в прошлом был судим (впрочем, в глазах новых властей это выглядело скорее преимуществом, чем недостатком);

Г.С. Процюк — начальник военно-следственного отдела округа, бывший участник махновского движения;

Тиминский — начальник окружного юридического отдела, студент-недоучка;

Н. Вошило — редактор местной газеты «Голос народа», органа местного самоуправления.

Экономическая база района была слаба и не представляла интереса для завоевателей. Промышленность была разрушена при отступлении, а до войны ориентировалась на удовлетворение местных нужд. К концу 1942 года в Локте были отремонтированы и пущены в строй спиртзавод со своей кузницей и ремонтно-слесарной мастерской. К этому же времени были готовы к открытию кожевенный завод и валяльная мастерская. Вскоре они начали выпуск продукции и удовлетворяли потребности местного населения и личного состава ополчения в зимней одежде и валенках.

Тогда же, в конце 1942 года, в Локте работали 2 электростанции, 2 механические мастерские, где ремонтировались автомашины, броневики, танки и стрелковое оружие. Кроме них действовали кузнечный и литейный цехи, колесная, санная, бондарная, сапожная и шорная мастерские. Переработку сельскохозяйственной продукции осуществляли паровая мельница, прососушка, салотопка и мыловаренный завод. В летнее время работал кирпичный завод.

В течение года после установления власти самоуправления был восстановлен Лопандинский сахарный комбинат. Стараниями его директора Костюкова, механика Клина и техника-строителя Колкутина была произведена сборка машин, завоз стройматериалов, восстановлена плотина, железнодорожная ветка, водоснабжение, электричество. На заводской территории были открыты кузнечная, слесарная, токарная, столярная и сапожная мастерские, собственная лесопилка. Рабочие комбината обеспечивались квартирами, получали зарплату и паек.

В крупном райцентре округа Севске действовал маслозавод, крахмальный, сушильный заводы, мастерские МТС, известковый завод, были восстановлены водопровод и электростанция. По Севскому району действовали 43 мельницы, 8 прососухек, в стадии восстановления находился Севский кирпичный завод.

Частный сектор экономики Локотского округа был представлен мелкими предприятиями, не имевшими важного значения в экономической жизни. Все частные предприниматели и кустари вели свою деятельность на основании патентов, которые были обязаны ежеквартально выкупать в окружном финотделе.

В конце июня 1942 года обер-бургомистром Каминским был издан приказ о безвозмездном возвращении прежним владельцам всего имущества, конфискованного у них при Советской власти.

С учетом специфики местных условий, наряду с частными хозяйствами сохранялись и колхозы, преобразованные в земельные общества. В планах руководства местного самоуправления такие бывшие колхозы рассматривались в качестве переходной ступени к частному владению землей. В округе также были образованы шесть госхозов, которые специализировались по определенным отраслям земледелия и скотоводства.

Во всех районах округа по воскресеньям работали базары. К концу 1942 года данный вид коммерции стал основным, вытеснив натуральный товарообмен. Этому в немалой степени способствовал жесткий контроль со стороны местных финотделов и полиции, в обязанности которым вменялось следить за тем, чтобы на базарах торговали исключительно на деньги.

В округе была создана финансовая система во главе с «Государственным банком». Локотский госбанк осуществлял финансовую политику окружного самоуправления. Банк был обязан выявлять случаи нарушения, связанные с выдачей заработной платы, бороться с нецелевым расходом средств, следить за соблюдением смет. Финансовые отделы округа курировали работу районных касс, которые, в свою очередь, финансировали деятельность аппарата самоуправления. В качестве «валюты» использовались советские денежные знаки, инфляция зависела от хода боевых действий на фронте. Обязательным условием повышения покупательской способности денег служили победы Красной Армии.

Уровень налогообложения был гораздо ниже, чем на иных оккупированных территориях. Расцвет торговли способствовал снабжению округа всеми необходимыми товарами, в том

числе самым дорогим дефицитом военного времени — спичками, мылом, табаком, солью, одеждой и обувью. Следует также отметить, что все сферы жизни Округа планировались. Существовали отраслевые планы, составлявшиеся планово-экономическим отделом окружного управления.

15 ноября 1942 года в Локте состоялось открытие художественно-драматического театра им. К.П. Воскобойника. Театр имел довольно представительную актерскую труппу (105 человек) и реквизит. В программе этого «очага культуры» были эстрадные концерты, классические спектакли по произведениям А.Н. Островского («Гроза») и Г. Ибсена. Театр также с успехом выезжал на гастроли в другие города. В репертуаре театра также имелись и спектакли на «злобу дня» — агитки, посвященные борьбе с партизанами. Первым художественным руководителем театра был Г.А. Капуста, режиссером — Д.А. Нетесин.

Помимо Локотского театра, в других райцентрах округа были открыты собственные театры. В них проводились благотворительные концерты, рождественские елки для детей, сопровождавшиеся раздачей подарков. Другими очагами культуры были кинотеатры. Открытие каждого такого заведения искренне приветствовалось местным населением. Доставшиеся в наследство от прежней власти сельские клубы также стремились внести разнообразие в опасную и полную лишений жизнь жителей округа.

Религиозная жизнь была подкреплена приказом Каминского, согласно которому на всех старост и старшин возлагалась обязанность проведения за счет добровольных пожертвований верующих ремонта церквей. Эта работа началась, как только немцы вошли в Локоть. Помимо православных общин на территории округа действовали представители протестантских конфессий — баптисты и евангельские христиане. Со стороны властей такие религиозные объединения не преследовались.

Судебная система округа состояла из мировых судов при волостных управах, районных (уездных) судов, в разработке нормативных актов принимал личное участие начальник окружного юридического отдела Тиминский. Военно-следственный отдел (коллегия) Локотского округа расследовал

преступления, носившие политический характер. Коллегия рассматривала дела пленных партизан, лиц им сочувствовавших и помогавших, дезертиров из рядов РОНА. Система наказаний включала в себя: расстрел или повешение — для партизан, тюремное заключение от 3 до 10 лет — для лиц, помогавших партизанам. Для дезертиров предусматривалось тюремное заключение на 3 года с конфискацией имущества. Приговоренные к тюремному заключению отбывали сроки в Локотской окружной тюрьме.

Летом 1943 года локотская юстиция и органы местного самоуправления продемонстрировали своим немецким хозяевам, сколь далеко зашла независимость округа. Во время грабежа мельницы локотской полицией были пойманы два немецких военнослужащих — зондерфюрер и унтер-офицер. На месте преступления выяснилось, что ими был убит хозяин мельницы. По распоряжению обер-бургомистра убийцы были осуждены локотским судом к смертной казни. На защиту своих соплеменников встали немцы — представители штаба связи с командованием армии. В Локоть стали поступать телеграммы, требующие прекратить превышение полномочий органами местного самоуправления. Оживленное общение по телефону, телеграфу и посредством курьеров шло два дня. Немцы согласились на смертную казнь, но с условием, что приговор будет вынесен немецким военным трибуналом. Каминский отказал им и в этом. С его стороны также последовал отказ в отсрочке исполнения приговора на один день до прибытия представителей Вермахта.

Приговор убийцам был приведен в исполнение в Локте на площади, запруженной многотысячной толпой местных жителей, приехавших ради такого зрелища и из отдаленных деревень. Такого демарша не мог себе позволить ни один из союзников Вермахта на Восточном фронте.

Положение евреев в Локотском округе было осложнено существованием запрета на смешанный брак. Расторгнуть брак с супругом-евреем можно было по желанию в минимальный срок, в то время как разводы на территории округа были вообще запрещены, за исключением особых случаев. Расстрелами евреев «увлекался» начальник полиции Суземского района Прудников. Определенную подпитку антисе-

митских настроений осуществлял печатный органа Локотского округа самоуправления — газета «Голос Народа».

На территорию округа вела радиотрансляцию локотская радиостанция. Руководство агитацией и пропагандой было возложено на С.В. Мосина и созданный им отдел пропаганды. На отдел было также возложено руководство газетой «Голос Народа», попечение всех учреждений культпросвета — народных домов, театров, изб-читален, клубов и кинотеатров.

Приказом бургомистра было введено обязательное образование в объеме 7 классов средней школы. Приказ предписывал старостам сел организовать подвоз детей к школам, а для живущих далее трех километров от школ — открыть при школах интернаты. К началу ноября 1942 года на территории округа было открыто 345 школ (из них 10 средних) с педагогическим персоналом 1338 человек, в которых обучалось 43 422 учащихся.

Система здравоохранения Локотского округа включала в себя 9 больниц и 37 медпунктов-амбулаторий, но при этом постоянно испытывался дефицит медицинских работников. Помимо недостатка в квалифицированных кадрах постоянной была нужда в медикаментах.

Социальную защиту граждан осуществляли отделы социального обеспечения. Их усилиями были открыты детские дома для детей-сирот, лишившихся родителей в результате налетов партизан. В г. Дмитровске был открыт дом для престарелых. С целью установления инвалидности и определения степени нетрудоспособности в январе 1943 года было утверждено Положение о врачебно-трудовых экспертных комиссиях, которые были созданы в Локте и в райцентрах.

Фактически все начинания сразу же оказывались под угрозой нападения партизан. Так 29 августа 1943 года партизанами Клинецовского отряда был расстрелян Месиков — уполномоченный завода им. Калинина, восстановивший работу предприятия. 31 августа партизаны пробрались в г. Клинцы и сожгли крупный маслозавод, при пожаре которого сгорело три с половиной тонны сливочного масла, 6 тонн жирного творога и вся заводская лаборатория. 12 августа был разбит и уничтожен маслозавод в деревне Смолевичи Клинецовского района.

Разведка и контрразведка

Взрывоопасная обстановка в Локте сложилась с первых же дней войны. Близость фронтовой зоны и ее насыщенность вражеской агентурой приковывали к себе внимание советской разведки. После оккупации на Брянщине была создана разветвленная сеть немецких разведорганов. Антипартизанской деятельностью занимались подразделения ГФП, Абвера, полиции и контрразведки бригады «РОНА». Всеми службами предпринимались попытки внедрения агентуры в партизанские отряды, о чем свидетельствует содержание «Докладной записки УНКВД по Орловской области секретарю Орловского обкома ВКП(б) о результатах боевой деятельности партизанских разведывательно-диверсионных групп в Брянских лесах», датированная 15 марта 1942 года. В записке говорится: «В начале марта месяца с.г. в Брянском лесу один из бойцов Орджоникидзевого партизанского отряда, приняв переброшенный нами в тыл отряд под командованием тов. Морозова за карательный, сдался этому отряду и по секрету заявил, что он выполняет специальное задание гестапо, в связи с чем находится в составе Орджоникидзевого отряда. После допроса расстрелян».

Присутствовали в округе подразделения немецкой военной разведки и полевой полиции (ГФП-729 размещалась в Клинцах с августа 1941 года, командир — капитан Йохум, 120 солдат и офицеров в г. Сураж, Мглин, Унеча, Погар, пос. Клетня).

Разведывательная **Абвергруппа-107** под командованием капитана Гринбаума действовала под фактическим контролем советской разведки, так как радист и ответственный за антипартизанскую работу Р. Андриевский (бывший советский военный летчик) тесно сотрудничали с партизанами, что способствовало раскрытию личного состава абвергруппы, а также забрасываемой в советский тыл и местной агентуры.

На западе Брянщины действовала контрразведывательная **Абвергруппа-315**, подчинявшаяся Абверкоманде-304 (Смоленск). Начальником органа был лейтенант Цинт («Кимфер»), заместителем — зондерфюрер Курт Хартманн (он же Кирилл Рожков), за работу с агентурой отвечал Павел Бергманн.

В Клинцах присутствовало подразделение контрразведывательного органа Абвера «**Зондерштаб “Россия”**» под руководством доктора Шульца, его заместителя Манфреда Вайгеля фон Менделя. Эта структура осуществляла руководство лжепартизанскими отрядами и группами псевдоподполья, а также подготовила сеть «спящей» агентуры, предназначенной для активных действий в тылу Красной Армии.

Стоит упомянуть и о некоторых русских сотрудниках немецких разведорганов.

Некий Шестаков-Арсенов, человек, крепко обиженный Советской властью, из ссыльных, создал в г. Орле «Ревком» — ложный подпольный комитет, в который вступило 200 человек (в основном молодежь), затем последовал разгром и аресты всех его членов. После столь успешной операции двурушник Шестаков-Арсенов был повышен по службе — назначен заместителем начальника следственного отдела **охранного отряда особого назначения ЦБФ на станции Орел-Товарный**, а в апреле 1943 года был переведен в Локотский отдел абверкоманды «Виддер» в качестве оперативно-следственного работника по борьбе с партизанами и подпольем. Дальнейший путь Шестакова-Арсенова проходил через разведшколу в Померании, после которой он служил в 1943 году в г. Линце (Австрия) на охране военного завода «Герман Геринг-Веер». После этого «герой» проходил службу в Главном Управлении Казачьих Войск, был выдан англичанами в СССР, но по дороге совершил удачный побег в Румынию, где приобрел подложные документы на имя Порфирия Михайлова и, дав взятку, устроился на работу на военный склад снабжения частей Красной Армии. При помощи румынского спекулянта выправил документы на имя Лукьяна Деошеску и пытался бежать в Австрию, но был арестован сотрудниками СМЕРШ Южной группы советских войск. По приговору военного трибунала получил 10 лет по ст. 58, однако затем с учетом ходатайства брянских чекистов мера пресечения была изменена на высшую меру наказания — расстрел.

Примером удачной работы немецкой разведки можно назвать деятельность агентов **Борисовской разведшколы**, уроженцев деревни Красная Суражского района Гарбузова и Сахненко. Начинали они свою карьеру у немцев в качестве

солдат комендантской роты в г. Сураж, затем их «приметили» и направили изучать ремесло разведчика в Борисов. В разведшколе они проходили под кличками Николаев и Соколов соответственно и приняли присягу на верность.

В начале 1943 года Гарбузов с напарником Масловым (псевдоним «Паногин») были сброшены с самолета в форме красноармейцев в р-не г. Почепа и Стародуба. Собрав необходимые сведения, Гарбузов удачно перешел линию фронта, за что был награжден бронзовой медалью «За заслуги» для восточных народов и повышен в чине до ефрейтора. Аналогичную операцию провел под г. Торопцом против войск Калининского фронта, за что в январе 1944 года получил от командования вторую бронзовую медаль и звание унтер-офицера. Аналогичные награды были и у его напарника Маслова. В апреле 1944 года за действия в Калининском районе Гарбузов был награжден серебряной медалью и чином фельдфебеля. Окончание войны Гарбузов встретил скромным сельскохозяйственным рабочим в Германии.

В русской полиции работал Н.И. Скакодуб-Наконечный. До войны он окончил железнодорожный техникум, работал помощником дежурного на станции Навля. В 1941 году, находясь в рядах РККА, попал в плен, а в конце года добровольно вступил в полицию рядовым, затем стал командиром отделения, в марте 1942-го был назначен Каминским начальником Навлинской полиции, производил аресты и допросы подпольщиков. С октября 1942-го и до окончания войны служил в окружной полиции, имел чин обер-фельдфебеля РОНА, был активистом НСПР. Арестован в 1945 году органами СМЕРШ.

Сходную биографию имел и его коллега Н.Г. Греков, уроженец села Неклюдово Шебекинского района Курской области. После раскулачивания отца он перебрался в г. Навлю, где окончил среднюю школу. В армии не служил по состоянию здоровья. В ноябре 1941 года, когда начальник Брянской окружной полиции Покровский организовывал свою службу, туда вступил добровольно и Греков. В апреле 1942 года он стал следователем Навлинской полиции, через два месяца получил должность начальника следственного отдела. Был расстрелян по приговору военного трибунала вместе с бургомистром Навлинского района Тюлюкиным.

Еще одно существо подвизалось на сомнительном поприще палача Локотской окружной тюрьмы. Им была женщина, более известная как «Тонька-Пулеметчица» (Макарова-Гинзбург). Из станкового пулемета «Максим» она расстреляла в районе ипподрома конезавода около двухсот узников местной тюрьмы, добывая из нагана тех, кто подавал признаки жизни. Наградой за «работу» для нее был спирт. После репатриации из Европы, при прохождении советской фильтрационной комиссии она выдала себя за узницу нацистских концлагерей и участницу войны, после чего проживала в Лепеле (Белоруссия) почти тридцать лет, но была разоблачена и расстреляна.

Русская Освободительная Народная Армия

Бригада Каминского начала свое существование с осени 1942 года, когда бургомистром была объявлена мобилизация молодежи 1922—1925 годов.

Более колоритного и разномастного войска, наверное, не помнит русская военная история. Несмотря на налет блатного анархизма и разгильдяйства это была вполне боеспособная «русско-германская армия».

С первых же дней Каминский столкнулся с основной сложностью при формировании — недостатком офицерских кадров. По просьбе бургомистра немецкое командование предоставило из лагерей военнопленных 30 бывших командиров РККА.

Начальником штаба бригады в чине подполковника был назначен бывший капитан РККА И.П. Шавыкин, начальником оперативного отдела штаба — майор И. Фролов (бывший капитан РККА), разведкой и контрразведкой руководили майор Костенко и капитан Фарид Капкаев (бывший капитан РККА), заместителями Каминского стали лейтенант Балашов и адъютант Г.Д. Белай (бывший младший политрук). Командирами полков и батальонов запросто назначали бывших сержантов или рядовых РККА. Бойцы бригады общались с комсоставом, не утруждая себя уставными отношениями, большой популярностью пользовались карточные игры, в которых на кон ставилось обмундирование и деньги.

В июле 1943 года штабом бригады был разработан дисциплинарный устав, вводивший в обиход наказания и поощрения, а также порядок награждения знаками отличия.

Внешний вид бойцов бригады повергал в шок педантичных и аккуратных немецких офицеров. Вот что писал А. Розенберг об инспекции бригады начальником отдела пропаганды 2-й танковой армии Феликсом Шмидтом Деккером: «У Деккера была возможность осмотреть все батальоны. Четыре батальона носят старую немецкую форму. Остальные батальоны внешне выглядят как дикая банда...» Многие солдаты ходили в чем им было удобнее, и лапти, ботинки, сапоги и босые ноги придавали подразделениям бригады неповторимый вид. Одежда также отличалась большим разнообразием. Впоследствии некоторые батальоны бригады получили немецкие бывшие в употреблении мундиры. Бригада имела свою личную нарукавную нашивку, контуры которой повторяли щиток «РОА», однако вместо Андреевского стяга на белом поле располагался Георгиевский крест и над ним аббревиатура «РОНА». Погоны, петлицы РОА и роновская нашивка делались местными кустарями. Впоследствии личный состав носил элементы эсэсовской символики или вообще не имел на униформе знаков различия.

Вооружение бригады было представлено всем, что состояло на вооружении Красной Армии и отчасти Вермахта. В бронедивизионе бригады имелось 12 танков, 3 бронемашины, 2 танкетки, автомобили и мотоциклы. Весной 1943 года батальоны РОНА были переформированы в 5 полков.

Социальный состав армии был далек от образа «каминца-бандита», нарисованного в послевоенной советской литературе. Так, из 78 человек военнослужащих, выходцев из помещиков и кулаков нет вообще, 77 человек — крестьяне, в основном из бедняков, 1 — рабочий, большинство — отцы семейств, среди которых было немало многодетных. Среди этих бойцов судимых за тяжкие преступления — нет, 4 человека судимы за неуплату алиментов, 2 — судимы за хулиганство, 1 — за невыработку трудодней, 1 — за антисоветскую агитацию, 1 — за антисоветскую песню, 1 — за пререкание с председателем сельсовета, 1 — за оскорбление местной власти.

В Москву в Центральный штаб партизанского движения шла информация о бригаде:

«Секретно. Справка о численности, организации и вооружении бригады Каминского.

Бригада Каминского сформирована в порядке мобилизации из числа призывного контингента Навлинского, Брасовского, Комаричского, Дмитровск-Орловского, Севского, Суземского районов.

Состав бригады:

Первый полк — 1, 2, 11 батальоны. Командир полка майор Галкин. Численный состав — 1300 — 1500 человек. Каждый батальон состоит из 3х стрелковых и одной пулеметной роты. Численный состав каждого батальона — 300—400 человек. При полку имеется одна артиллерийская батарея, состоящая из 3-х 76-мм пушек.

Второй полк — 4, 5, 6 батальоны. Командир полка — майор Тарасов. Численный состав 1300—1500 человек.

Третий полк — 3, 13, 15 батальоны. Численный состав 1300—1500 человек. Командир полка майор Прошин.

Четвертый полк — 2 батальона. Численный состав 500—600 человек. Командир полка немец Рейтенбах.

Пятый полк — 7, 8, 9 батальоны. Численный состав 1300—1500 человек. Командир полка майор Турлаков.

Зенитный дивизион. Численный состав 100—150 человек, вооружение — 3 зенитных пушки и 4 крупнокалиберных пулемета. Командир дивизиона лейтенант Плохих.

Гвардейский батальон — Численный состав 650 человек. В составе батальона 2 стрелковые роты и одна учебная рота. Командир батальона майор Фролов.

Автобронетанковый дивизион. Численный состав 200 человек. Командир дивизиона капитан Самсонов. Дивизион имеет: БМ — 10, КВ — 2, Т-34 — 4, БТ-3 — 3, Т-37 — одна, две танкетки, 30 автомашин.

Общая численность бригады 8—8,5 тысяч.

Начальник разведотдела Орловского

Штаба партизанского движения

Полковник Зюряев».

Операции бригады против партизан проводились с переменным успехом, тяжелые потери убитыми, ранеными и дезертирами несли обе стороны.

В ночь с 30 апреля на 1 мая 1942 года партизанами Кокоревского партизанского отряда было произведено нападение на гарнизон и жителей сел Тарасовка и Шемякино. По утверждению администрации, захваченные в плен бойцы бригады РОНА и их близкие родственники подверглись диким истязаниям. В розыске немецких пособников партизанам помогали подпольщики — В.П. Неплох, служивший в бригаде РОНА, В. Попов, также военнослужащий РОНА, Машуров, староста деревни Шемякино и другие. По свидетельству участников боя с советской стороны, всего было расстреляно 57 человек полицейских (военнослужащих бригады РОНА), а из 85 была создана группа самообороны. Каминский в своем приказе от 8 мая 1942 года утверждал, что партизанами было расстреляно 115 мирных жителей — женщин и детей:

«Это они, изверги человечества, не одну тысячу женщин оставили вдовами, а десятки тысяч детей — сиротами и многие тысячи людей лишили крова, пищи, одежды и обуви. Это они, людоеды, после “победоносного взятия деревень Шемякино и Тарасовки”, которые бандитски были захвачены ими 30 апреля с.г. благодаря предательскому содействию... за 5 дней расстреляли в этих деревнях до 115 человек, в т.ч. много женщин и детей. Добрая половина этих жертв предварительно без всякого суда и следствия была подвергнута жестокой экзекуции — сначала им отрубали пальцы рук и ног, выкалывали глаза и прокалывали шомполами уши, а через несколько дней совершенно измученных, истекающих кровью и уже полумертвых расстреливали...

Применяемые ими в неограниченном масштабе такие методы вынуждают нас отвечать на их экзекуции и террор беспощадным террором всего нашего народа, жаждущего спокойствия, мира и занятия свободным трудом.

Я верю в силу и мощь нашего народа, гнев и возмущение которого против действий скорпионов-партизан перешли всякие границы. Поэтому от лица всего населения вверенного мне уезда я открыто заявляю, что на их террор, экзекуции и грабежи мы ответим удесятеренным террором, всей силой и мощью нашего огня и будем его применять до тех пор, пока на территории Локотского уезда не останется ни единого бандита».

Потеря Тарасовки и Шемякино дорого обошлась каминцам. Трижды деревни безуспешно штурмовались местной милицией, отряды которой понесли большие потери. Лишь 11 мая при поддержке авиации и двух броневых автомобилей каминцы отбили деревни, потеряв в боях 30 человек убитыми и ранеными. После падения двух деревень каминцы провели штурм деревень Алтухово и Кокоревки. Над Локтем в это время также висела угроза захвата.

Ответные репрессии не заставили себя ждать. При захвате Тарасовки и Шемякино был взят в плен командир партизанского отряда Чичерин. По приговору военного трибунала округа командир бронедивизиона РОНА Самсонов Ю.Ф. (он же Абрамов Ю.Н., дезертировавший ранее из 163-го кавполка 9-й кавдивизии РККА) собственноручно отрубил ему саблей голову на глазах жителей села Красный Колодец. Впоследствии Самсонов-Абрамов получил чин гауптштурмфюрера СС, был награжден серебряными и бронзовыми медалями «Для восточных народов», знаком «Участник штурмовых танковых атак» и двумя медалями за ранение. После войны он долгое время скрывался по поддельным документам и даже «наградил» себя медалями «За победу над фашистской Германией» и «За боевые заслуги», получал пенсию как инвалид 2-й группы, участник войны. В 1950 году был разоблачен и расстрелян.

В боях за деревни Алтухово, Шешуево, Красный Пахарь каминцы, поддержанные немецкими и венгерскими частями, после двухчасового боя выбили партизан из сел. В ходе боя они истребили Вздруженский, Алтуховский, Крапивненский и Шешуевский партизанские отряды, а партизан отряда «Родина» рассеяли. При этом оккупанты и коллаборационисты захватили три противотанковые пушки, два 76-мм орудия, четыре станковых пулемета «Максим», 6 ротных минометов, два 86-мм миномета, много боеприпасов, потеряли 2 танка и один броневый автомобиль.

В начале ноября 1942 года батальон Дмитровского ополчения совместно с немецкими частями оперировал против партизан в районе Долбеньковских лесов. В боях было уничтожено 30 ДОТов, 300 землянок, убито и ранено 50 партизан. У деревни Сухая Катынь тот же батальон каминцев уничтожил 10 ДОТов, 200 землянок, 150 партизан.

При нападении партизан на населенные пункты каминцы также находились на острие боевых действий. Так, в ночь на 2 января 1943 года два партизанских отряда (до 700 человек) пытались взять ст. Дерюгино Дмитриевского района. Встреченные огнем охранявших станцию каминцев, партизаны были вынуждены отступить, оставив своих убитых и раненых.

Немецкая военная администрация тылового района отмечала, что за период с мая по октябрь 1942 года партизанами была проведена 561 акция по разрушению военных объектов, из них лишь 260 были успешными, безуспешными — 301. В это же время партизаны 540 раз пытались атаковать охранные силы округа. С ноября 1942 по апрель 1943 года партизанами было проведено 236 успешных и 222 безуспешных акций, 553 атаки на подразделения охраны.

Для защиты населения в сельской местности были созданы собственные «силы быстрого реагирования» — истребительная рота (131 чел, 2 танка БТ-7, 76-мм орудие).

4-му полку Бригады РОНА было поручено обеспечение общего отхода и прикрытия севского направления. Полк первым столкнулся с советскими частями и в течение восьми часов оборонял город Севск. Прорвавшиеся регулярные части Красной Армии соединились с партизанами и двинулись в пригород Севска — Лагеревку и Тросную, где также вели бои с разрозненными частями каминцев. В результате отсекающего маневра советских войск 4-й полк под командованием майора Райтенбаха попал в окружение и был полностью уничтожен. Командира полка победители привязали к танку и протащили по улицам Севска. Спустя несколько дней командующий 2-й танковой армией полковник Шмидт в своем письме поблагодарил Каминского: «Благодаря успешному исходу происходивших событий мы многим обязаны Вам и Вашей способной Народной Армии».

Сам Каминский стал целью для покушений со стороны советской разведки. Советским командованием предпринимались все меры, чтобы склонить его к переходу на сторону Советской власти или уничтожить. Так, летом 1942 года разведчик партизанской бригады «За Родину!» Аркадий Лешуков в форме солдата бригады РОНА проник в штаб бригады и вручил Каминскому в качестве подарка книгу-мину (Ка-

минский был книголюбом). В автомобиле Каминский развернул подарок, но, увидев постороннюю вкладку, успел выбросить мину в окно и не пострадал при взрыве. Воспользовавшись собственной же неудачей, чекисты подкинули анонимку Каминскому, в которой утверждалось, что покушение организовали начальник Комаричской полиции Масленников, следователи полиции Гладков, Третьяков, начальник штаба полка полиции Паршин. Все они были впоследствии расстреляны.

20 мая 1943 года после посещения Каминским полка бригады РОНА под командованием Турлакова по автомобилю комбрига был открыт пулеметный огонь, однако бургомистру и его шоферу удалось бежать. На следующий день Каминский прибыл в полк с конвоем, арестовал 80 человек и увез их в Локоть. В июне того же года за попытку убийства бургомистра г. Навли и сдачи навлинской полиции партизанам был расстрелян начальник полиции города Мироненко.

Советской разведкой прилагались титанические усилия по проведению разложенческой работы в бригаде РОНА. Так, например, в Трубчевске была распропагандирована и подготовлена к переходу к партизанам группа полицейских (40 человек), возглавлял которую родственник бургомистра города. За 2 дня до штурма города партизанами заговор был раскрыт, группа арестована. В Комаричах врачебная комиссия по призыву новобранцев, состоящая из подпольщиков, выбраковывала пригодных к службе призывников. С ее помощью 150 человек получили «белые билеты».

В Севском уезде в 1943 году были сорваны мобилизационные мероприятия, направленные на формирование 9–11 батальонов бригады РОНА, вследствие чего было арестовано все руководство уезда и 25 человек расстреляно, в том числе бургомистр и начальник полиции г. Севска.

В мае 1942 года за связь с партизанами Навлинской полицией был арестован капитан Фролов и завербован следователем Н. Грековым. С его помощью была ликвидирована подпольная ячейка в 3-м полку бригады.

Попытку создания подполья предпринял начальник штаба гвардейского батальона бригады старший лейтенант Бабич. Во время вербовки новых членов он был выдан, а при

попытке побега к партизанам тяжело ранен и захвачен начальником военной коллегии Г. Працюком. Большинство завербованных Бабичем бойцов были посажены в тюрьму, некоторые бежали в лес к партизанам.

На допросе в окружном отделе юстиции боец бригады РОНА Хомяков дал показания об обстоятельствах ухода в лес:

«Наша 3-я рота 4-го батальона 2-го полка РОНА была расположена в Игрицком. 1-го числа августа ночью командир роты Фомченков отдал нам приказание собираться и строиться. Повел нас в лес и нас встретили 40 человек партизан, окружили нас и приказали, кто не хочет быть у партизан, отходить в сторону и направили пулеметы в ту сторону, куда приказали выходить. Мы никто не вышел, так как боялись, что нас постреляют. Нас тогда повели в партизанский лагерь. Прошли мы всю ночь и утром пришли в отряд. Партизан в этом отряде было очень много. Этот отряд называется “Советские патриоты”. Командир отряда — Носов. Комиссара — не знаю. Артиллерии в отряде нет. Побыв день в лагере, нас направили в с. Требиково за картошкой, но из слободы Пригородной обстреляли немцы и мы вернулись. Командир разведки Бычков Николай — игрицкий, по нашей просьбе направил нас троих: меня, Сафронова Петра и Гурова Петра в разведку в Лубошево с заданием разведать силы и какие части стоят в Лубошево и если удастся, совершить покушение на Каминского, для этой цели нам дали автоматы ППШ и одну беззвучную винтовку-полуавтомат, две английские мины. Мы пошли в Лубошево и потом пришли домой в Загрядское к начальнику полиции Горшкову, отдали все вооружение и пошли в Добрик в свой полк. Явились к майору Тарасову и по его распоряжению были направлены в Локоть в окружную тюрьму. Из моих родственников нет никого в партизанах.

Показания с моих слов записаны правильно, мне прочитаны. В чем и распишусь...».

В июле 1943 года началось наступление советских войск на Курском направлении, и в начале августа Каминский отдал приказ об эвакуации бригады и гражданского населения в район города Лепель Витебской области. Свыше 30 тысяч человек с домашним скотом, танками и автомобилями выехали в теплушках в Белоруссию.

Война после освобождения

28 августа 1943 года Красная Армия взяла г. Севск, в обороне которого принимали участие и бойцы бригады РОНА, пожелавшие остаться в родных местах, и сотрудники местной администрации. Многие, стараясь избежать арестов, вступали в ряды действующих частей Красной Армии, другие поменялись местами с вышедшими из леса партизанами, став на путь партизанской войны с Советской властью.

Важным фактором, способствующим развертыванию вооруженной борьбы, стало наличие законсервированной органами немецкой разведки агентуры и диверсионных групп и ведущую роль в этом играло подразделение «Зондерштаба “Россия”». С его подачи в лесах Мглинского и Суражского районов действовали части «Зеленой армии» под руководством резидента «Зондерштаба-Р» Роздымахи, а на границе Красногорского района и Белоруссии действовал **отряд бывшего сотрудника СД Войтенко**. Этот отряд был разгромлен частями войск охраны тыла Красной Армии. Войтенко погиб в перестрелке. Однако небольшой части бойцов удалось скрыться. Впоследствии ее возглавил бывший старший полицейский Суражского участка Козин и его брат. Группа была ликвидирована при помощи жены одного из «партизан», указавшей место расположения.

Обеспечение оружием и взрывчаткой осуществлялось «самообеспечением» или при помощи самолетов Люфтваффе. Большая часть этих грузов попала в руки советской контрразведки.

В конце июня 1944 года в район Навли был выброшен **десант** в количестве 36 человек, окончивших Борисовскую разведшколу. Вся группа была одета в форму военнослужащих Красной Армии и вооружена табельным оружием. Командир группы Хасанов был в форме майора.

28 июня 1944 года при высадке органами советской контрразведки была захвачена **вторая группа десантников** под командованием некоего Курбана-Чары (до этой операции на его счету три успешных заброски в тыл Красной Армии) и его заместителя Украинаова. Склонив их к сотрудничеству,

СМЕРШ провел радиоигру, в результате которой «на подмогу» 4 сентября прибыла и была захвачена третья группа десантников в количестве 13 человек.

Отряд бывшего лейтенанта РККА Михаила Хлудова также действовал на территории Навлинского района, выполняя задания германской разведки. Его командир был завербован немцами еще в 1942 году, прошел курс разведывательно-го и подрывного дела, неоднократно забрасывался в тылы Красной Армии, действовал под легендированным прикрытием на территории оккупированных областей, принимал участие в боевых действиях против партизан, дважды был награжден медалями «За храбрость» для восточных народов.

Отряд в количестве 34 человек, вооруженный до зубов и имевший две радиостанции, успешно действовал в течение месяца и принес немало хлопот «СМЕРШу». Генеральная облава с привлечением воинских частей, милиции и местного актива закончилась ликвидацией группы — сам Хлудов был тяжело контужен, десять его бойцов были захвачены. Из содержания допросов стали ясны цели, поставленные перед отрядом немецким командованием.

Благодаря захвату радиста отряда Борисова (в ходе боя ему прострелили обе ноги, но руки остались целы) и его шоковому состоянию, НКВД удалось развернуть радиоигру с немецкой разведкой. Следующими с той стороны прибыли десять парашютистов в форме Красной Армии и несколько грузовых «посылок» с оружием. После боя часть десантников пленили, в ходе допроса выяснилось, что следующей ночью следует ожидать самолета с основным грузом и двумя парашютистами. В условленное время с воздуха было сброшено 72 тюка с грузом и два агента, нейтрализовали которых без стрельбы.

Немцы были введены в заблуждение и считали, что в тылу у Советов действует мини-армия из парашютистов и дезертиров, успешно проводящая диверсии. Это мнение регулярно «подпитывалось» радиограммами соответствующего содержания. 30 октября были десантированы еще 12 человек и груз. Создав у прибывших ощущение полной безопасности, «принимающая сторона» напоила их горячим чаем со снотворным.

Постепенно радиоигра прекратилась из-за изменения обстановки на фронте. В результате работы «СМЕРШа» были

обезврежены несколько десятков опытных диверсантов, конфисковано большое количество автоматического оружия, боеприпасов к нему, взрывчатки, крупные суммы советских денег, походная типография, радиостанции и многое другое.

Группа Николая Грищенко (9 человек) была выброшена 8 марта 1944 года в районе г. Клинцы Брянской области. Основной ее задачей был розыск и организация скрывавшихся в лесах после прихода Советской власти коллаборационистов. Группа была разоблачена местными жителями, сообщившими о подозрительных личностях «куда надо». После пятидневного преследования группу загнали в болото. В последнем бою погибло семь «паршей»¹. Командир и радист не смогли взорвать себя последней гранатой, получив от ее взрыва лишь контузии.

В ходе допроса выяснилось, что сам Грищенко, бывший военнослужащий РККА, попал в плен в сентябре 1941 года. В лагере был завербован Абвером и направлен в Борисовскую разведшколу. После выпуска дважды успешно выполнял диверсионные задания немецкого командования в тылах Красной Армии, за что был награжден четырьмя медалями «За храбрость» для восточных народов и чином фельдфебеля.

В рамках радиоигры немецких руководителей Грищенко убедили в успешной работе группы по объединению дезертиров и бывших полицейских. Далее с немецкой стороны будто пылесосом стали вытягивать ценные антисоветские кадры. За один апрель 1944 года с воздуха трижды сбрасывались грузы и разведчики. В третий раз «с неба» спустились агенты-курьеры Дорофеев и Карпов, также выпускники Борисовской школы. С ними прилетели 30 тысяч советских рублей, бланки и печати для фабрикации документов. Однако вскоре радиоигра была сорвана побегом Грищенко. Не дававший до этого поводов для подозрений, он попросту сбежал от охранявшего его оперативника. В тот же день «с той стороны» пришла радиограмма с целью проверить радиста и самого Грищенко, однако пока выясняли, где он находится, время было упущено.

Впоследствии на допросе Грищенко мотивировал свой побег желанием подышать весенним воздухом. Вместо того,

¹ Парш — сокр. от парашютист, сленговое выражение, присущее сотрудникам ГУКР «СМЕРШ».

чтобы пробираться к передовой для перехода через фронт, «романтик» углубился в тыл, завел любовницу и кочевал с ней долгое время по России, занимаясь спекуляцией продовольствием. На проверках орал на патрули, что-де все они шкурники, к тылу присосались, а он герой войны, жизни не щадил на передовой. Так и продолжалось, до одного принципиального милиционера, повязавшего крикливого гастролера без документов.

Отдельные очаги сопротивления на Брянщине продолжали партизанскую войну до 1951 года, постепенно вырождаясь в бандгруппы, промышленные грабежом и насилием над местным населением. В бою с одной из таких групп при задержании ее главаря был тяжело ранен начальник Комаричского отделения госбезопасности капитан Ковалев. Все члены банды, происходившие из местной деревни Лагеревки Комаричского района, были приговорены судом военного трибунала к разным срокам заключения, главарь был расстрелян.

Каминцы вдали от дома

Бригада РОНА и ее обоз к концу 1943 года были перевезены в Белоруссию и размещены на территории нескольких районов Витебской области для охраны тыла 3-й немецкой танковой армии. Сложнейшая оперативная обстановка была вызвана тем, что в тылу у немцев действовали хорошо вооруженные и снабжаемые всем по воздуху партизанские отряды. Боевые столкновения начались «с колес», при этом один батальон бригады был разгромлен превосходящими партизанскими силами. Несмотря на такое начало, каминцам удалось очистить от партизан дорогу на Лепель, который и стал на время их столицей. Предпринимались попытки восстановить ход жизни, аналогичный локотскому, но из этого почти ничего не получилось — отсутствовала поддержка населения. Для местного населения каминцы были чужаками. Терпеть такое положение Каминский не стал, и бригада была переведена в Дятловский район, а семьи остались в Лепеле.

Город Дятлово бригаде пришлось брать с боем у советских партизан. Помимо них в округе действовали поляки из Армии

Крайовой. Немецкая администрация покинула город, передав его Каминскому. Последний организовал здесь большую тюрьму и следственное управление. Начались аресты сотрудников предыдущей администрации и пытки. Пытками каминцы пытались выбить из заключенных золото в обмен на свободу.

Под Витебском переходы на сторону партизан под влиянием общей обстановки продолжились. Под влиянием советской пропаганды и других обстоятельств ряд офицеров бригады — командир 2-го полка майор Тарасов, командир артдивизиона капитан Малахов, командир батальона Москвичев и командир роты Провоторов начали подготовку к переходу своих подразделений к партизанам.

15 сентября 1943 года рота капитана Провоторова в полном составе с конским составом и вооружением перешла к партизанам. Майор Тарасов одновременно с переходом рассчитывал уничтожить немецкий гарнизон в г. Сенно. Благодаря утечке информации об этих планах стало известно командованию 3-й танковой армии, которое в свою очередь запросило подкреплений от вышестоящих инстанций.

Потребовав у немцев самолет, Каминский сам 23 сентября вылетел к мятежникам. При появлении Каминского в штабе полка многие офицеры поспешили засвидетельствовать комбригу свою лояльность, объяснив намерение наличием ложной информации о состоявшемся переходе самого Каминского на сторону партизан. Повесив Тарасова и еще 8 зачинщиков, Каминский успокоил штаб 3-й танковой армии. На следующую ночь из артдивизиона в лес ушло 27 солдат во главе с капитаном Малаховым и 126 военнослужащих 2-го полка. 25 сентября из бронедивизиона бригады в лес перебежало более 30 человек.

После переходов бригада была пополнена военнослужащими белорусских полицейских подразделений. К 25 ноября бригада РОНА вновь состояла из пяти полков. В Лепеле разместились штаб бригады, гвардейский батальон и 1-й стрелковый полк подполковника Галкина, в Сенно — 2-й стрелковый полк майора Павлова, в Чашниках — 3-й стрелковый полк майора Прошина, в Тарасках — 4-й и 5-й стрелковые полки майоров Филаткина и подполковника Турлакова. Каждый полк был подкреплён бронесилами. Батальоны бригады были

размещены по опорным пунктам вокруг городов и поселков лепельского региона. 20–21 ноября силами бригады было отбито нападение партизан на Лепель и Чашники. После неудачи партизанские пропагандисты стали склонять Каминского к переходу, обещая высокие посты в Красной Армии и приводя ему в пример поступок командира бригады СС «Дружина» В.В. Гиль-Родионова.

В это время руководство бригады решило вдохнуть второе дыхание в Национал-Социалистическую партию, переименовав ее в «Национал-Социалистическую Трудовую Партию России» (НСТПР). Основной целью партии была объявлена «беспощадная борьба с Советской властью и установление нового строя в России». Оргкомитет партии переработал «Манифест», чему в немалой степени способствовало влияние НТС. В бригаде к тому времени уже работали его члены Роман Редлих, Мамуков и Борис Башилов. По их утверждению, была развернута пропаганда идей НТС, закамуфлированных под программу НСТПР. Этому способствовало наличие ячеек НТС в окрестных городах и выпуск двух неподцензурных немцам газет.

Представители НТС также возложили на себя неблагодарную роль посредников между Каминским и генералом Власовым. Они пытались «навести мосты» между двумя коллаборационистскими лидерами, но из-за их болезненной неприязни друг к другу попытки не имели успеха.

Бригада совместно с немцами вела непрерывные и кровопролитные бои с партизанами. Тогда же она была переведена под общее командование командующего полицией и СС на территории Белоруссии обергруппенфюрера Готтберга. За организацию действий бригады Бронислав Каминский был награжден Железным Крестом 1-го класса.

Летом 1944 года Каминский был удостоен аудиенции рейхсфюрера СС Гимmlера. Гимmlер похвалил комбрига и присвоил ему чин бригаденфюрера СС. По его же распоряжению бригада была включена в состав войск СС для последующего развертывания в 29-ю гренадерскую дивизию СС (русскую № 1).

Эти события, тем не менее, не повлекли улучшения жизни для бригады и гражданских беженцев. Неустроенность семей бойцов бригады и начало дезертирства из ее рядов породили решение о переброске всего «гражданского табо-

ра» в Венгрию, а военнослужащих на переформирование в Германию. Венгрия отказалась принять гражданских, и эшелоны с ними застряли в Силезии, так как в это время в Словакии, через которую лежал их путь, началось восстание. Живущие в вагонах забили весь свой скот, съели все мясо и были вынуждены подворовывать у местного населения. В это же время в Варшаве вспыхнуло восстание.

Каминцы в Варшаве

Варшавское восстание было инспирировано польским эмигрантским правительством. Господа из Лондона, приняв решение, нисколько не позаботились о самих восставших, в результате чего Варшава была залита кровью патриотов, ввергнутых собственными политиками в авантюру. Советские войска, обескровленные в тяжелейших боях, также не могли оказать действенной помощи повстанцам.

В это время бригада Каминского по-прежнему вела бои с партизанами, и ни о каких уличных боях и не помышляла. Еще до восстания в Варшаве немцы предложили Каминскому поучаствовать в истреблении польских партизан, однако комбриг отверг это, сам будучи поляком по национальности. Однако приказ о выступлении в Варшаву, поступивший в бригаду, командование не могло не выполнить, ибо будущее всех беженцев и самой бригады зависело от милости Гимmlера.

Для участия в операции был выделен сводный полк оберштурмбаннфюрера СС Фролова в количестве 1700 человек, 4 танков Т-34, одной самоходки СУ-76 и двух 122-мм гаубиц.

Изголодавшиеся и оборванные каминцы попали из белорусских болот в красивейший и богатый европейский город, к тому же из каждого окна их обстреливали и забрасывали гранатами. Кроме того, уличный бой был непривычен для солдат, привыкших воевать в лесу. В Варшаве каминцы были расквартированы в квартале Охота и находились в оперативном подчинении у генерала Рогрова. Немудрено, что у многих солдат и офицеров «поехала крыша» и на повстанцев была обрушена нечеловеческая жестокость и грабежи. Автор книги «Варшавское восстание» Рышард Назаревич утверждает, что

каминцы «...Залили кровью кварталы Охоту и Волю, где в первые дни августа жертвами Рейнефарта (шеф СС и полиции, группенфюрер СС Гейнц Рейнефарт — Ч.С.) стали 50—60 тысяч безоружных жителей». При этом разгуле каминцы могли «не заметить» и репрессировать несколько семей немецких офицеров, что впоследствии также вменялось им в вину.

Однако ради исторической справедливости следует отметить, что в Варшаве действовали не одни каминцы. Превосходя их в жестокости и грабежах, отличились казачьи и кавказские части и особенно полк под командованием оберфюрера СС Дирлевангера. Это подразделение также состояло из некоторого количества наших соотечественников, но основу его составляли фольксдойчи и немцы, у которых, мягко говоря, не сложилось нормального отношения с германским уголовным кодексом. Многие из них ставились перед дилеммой — продолжать сидеть в тюрьме или идти к Дирлевангеру. Сам командир был под стать солдатам — осужден за попытку изнасилования несовершеннолетней, что, однако, не мешало Гимmlеру назвать его однажды «Мой храбрый шваб». В подчинении Дирлевангера также находились туркестанцы, грузины и азербайджанцы.

Каминцы несли тяжелые потери — по свидетельству того же Р. Назаревича «...Удачное нападение (польских повстанцев — Ч.С.) на вражеский гарнизон в селе Трускав в ночь с 2 на 3 сентября 44 г., в ходе которого был уничтожен батальон т.н. РОНА, убит 91 гитлеровец и захвачено большое количество оружия».

Войдя в раж и опьянев от вседозволенности, каминцы становились малоуправляемыми, поэтому командующий занимающей Варшаву 9-й немецкой армии направил ответственному за подавление восстания обергруппенфюреру СС Бах-Зелевскому протест с призывом унять распоясавшихся каминцев. К этому времени начались переговоры между Бах-Зелевским и командующим восстанием Т. Бур-Коморовским, не желавшим, чтобы в Варшаву вошли части Красной Армии. Постепенно было достигнуто соглашение о прекращении огня, однако бельмом на глазу оставались каминцы, вошедшие во вкус уличной войны и не желавшие подчиняться кому бы то ни было, за исключением своего комбрига. Каминского вызвали в Берлин и устроили ему разнос. От-

ветное возмущение комбрига не заставило себя ждать. Он обвинил руководство СС в том, что на словах его людям была обещана свобода действий, а на деле за его спиной ведутся переговоры с поляками, нанесшими предательский удар в спину. В вину немцам Каминский также поставил ужасающее положение своих гражданских беженцев. Масла в огонь подлила жалоба Гитлеру на поведение солдат бригады.

Гибель комбрига

По одной из версий, автомобиль Каминского был расстрелян из засады. Погибли сопровождавшие его начальник штаба бригады Шавыкин, переводчик Герман Садовский, врач Филипп Забора, водитель. По другой версии, Каминский был расстрелян в Лодзи после вынесения приговора военного трибунала, а уже после этого его автомобиль, забрызганный гусиной кровью, был предъявлен к опознанию руководству бригады. По информации начальника контрразведки бригады Ф. Капкаева, Каминский был убит словацкими партизанами.

Его смерть была выгодна всем. Немцам — он вышел из под их контроля, советской разведке — матерый враг, полякам из Армии Крайовой — за Варшаву, и генералу Власову, лишившемуся соперника, у которого было все чего не хватало генералу, и прежде всего — своя армия. По информации члена НТС Бориса Башилова, после ликвидации комбрига немецкое командование посулило чин генерала и должность командира бригады заместителю Каминского (к тому времени уже полковнику) Белаю, однако тот отказался от предложения и заявил о желании присоединиться к РОА. Впоследствии Белаю занял пост начальника офицерского резерва штаба Русской Освободительной Армии.

Каминский оставил после себя осиротевшую бригаду и беженцев, свою супругу Татьяну Шпачкову (бывшего химика Локотского спиртзавода) и ребенка, заботу о которых взяла на себя служба попечения СС.

Гражданские беженцы в октябре 1944 года были вывезены в Померанию и Мекленбург на сельскохозяйственные работы.

Каминцы в РОА

После вывода из Варшавы сводная группа бригады РОА была размещена в городском пригороде — Кампиносской пуше, после чего вся бригада была перебросена на полигон в Нойхаммер (Силезия).

В ноябре 1944 года было принято решение о включении каминцев в состав 1-й дивизии РОА. Командира дивизии полковника С.К. Буняченко едва не хватил удар, когда он встречал в Мюнзингене эшелоны с пополнением. Из вагонов высыпала орда мародеров, мало чем напоминающая солдат. Одетые и обутые кто во что, с женщинами явно не тяжелого поведения, увешанные «трофеями» — на руках у солдат и офицеров было надето по несколько часов.

Однако к внешнему виду и анархизму этих людей был еще добавлен и огромный боевой опыт. В 1-ю дивизию было включено более 50 % солдат и десятая часть офицеров бригады. Они составили основу 2-го полка 1-й дивизии, танковую роту (танки Т-34) и тяжелый эскадрон дивизионного разведотряда, командиром которого был назначен бывший начальник разведотдела штаба РОА майор Костенко.

«Боевое содружество» окрепло не сразу. Солдаты 1-й дивизии, до этого служившие в других восточных частях, плохо относились к каминцам, и порой дело доходило до стычек. Для оздоровления ситуации был даже издан приказ по 1-й дивизии с призывом относиться к каминцам как к боевым друзьям и последовательным борцам с коммунизмом.

Впоследствии каминцы-власовцы приняли участие в боевых действиях 1-й дивизии РОА против частей Красной Армии, атаковавшей одерский плацдарм «Эрленгоф», затем были успешные для власовцев бои в Праге против частей СС.

После окончания войны каминцы в массе своей были выданы в СССР, разделив участь большинства коллаборационистов. Спаситься удалось немногим. Из офицерского состава таким счастливым стал начальник контрразведки РОА Фарид Капкаев, укрывшийся в американском оккупационном секторе.

Помимо Локотского автономного округа существовало еще несколько подобных автономий в тылах немецкой армии. В

эмигрантской литературе о Второй мировой упоминается «Республика Зуева», или «Зуевская Русь».

Регион Полоцк-Витебск-Смоленск немецкая армия прошла довольно быстро, и фронт откатился от этих мест на 200 километров. Под Полоцком, в глухих лесах старостой деревни Саскорки был выбран старообрядец Зуев. Само население деревни и близлежащих сел исповедовало древлеправославие. Перед войной Зуев вернулся к себе в деревню из ссылки после отбытия третьего по счету срока наказания. Пострадал он при Советской власти за веру. Двое его сыновей также были арестованы НКВД и сосланы в Сибирь.

Зуев и его односельчане проводили «умеренную» политику по отношению к советским партизанам и немецкой власти.

Деревня Саскорки стояла в стороне от дорог, и немцы ни разу не посетили ее. Люди жили своей жизнью до конца 1941 года, когда из леса пришла группа вооруженных людей и потребовала содержать их отряд. Среди налетчиков находился и сотрудник НКВД, знакомый Зуеву по прежним преследованиям. На коротком совещании сельчане решили их убить, что и сделали ночью.

Второй налет не заставил себя долго ждать. Зуев выдал партизанам продукты и пожелал их больше не видеть у себя в деревне. На другой день партизаны попытались войти в нее, но зуевцы разогнали отряд, опробовав в деле трофейное оружие. Долго так продолжаться не могло, и для защиты своей и окрестных деревень Зуев организовал отряды самообороны, ночью деревни сторожили караулы. В случае нападения отряды быстро собирались вместе и наносили удар.

Когда закончились боеприпасы, Зуев поехал к коменданту Полоцка и получил у него некоторое количество патронов к немецким винтовкам. Однако зуевцы были вооружены русскими винтовками и патроны к ним не подошли.

Встреча с командующим тылом армии закончилась более успешно. Генерал, нарушив правила, передал Зуеву полсотни винтовок с патронами к ним. Получив помощь, Зуев развернул свои отряды для защиты удаленных деревень и ввел последние в состав своей «республики». К весне 1944 года у Зуева уже были на вооружении четыре русских пулемета. Дисциплина в его отрядах была суровой.

Весной 1942 года к деревне подошел карательный эстонский отряд, но после того, как Зуев вывел навстречу свою «армию» эстонцы ушли и более не появлялись. Тем временем Зуев обрел поддержку в лице коменданта Полоцка, который обещал ему защиту от репрессий со стороны СС и СД. Зуев же в свою очередь наладил снабжение города дровами, сеном и провизией.

Так продолжалось, пока коменданта не сменил другой чиновник, не желавший уяснить для себя всю специфику русской службы. Началось «закручивание гаек». Все требования коменданта по поставкам Зуев выполнял. Увидев такую исполнительность, комендант решил, что резервы бесконечны, и направил в район Саскорки целый обоз для вывоза продовольствия. Организовав засаду, Зуев вышел на переговоры. Требования немцев сводились к немедленной сдаче всего зерна, картофеля и скота, в противном случае они грозились сжечь деревню и возражения старосты в расчет не принимали. Была отдана команда окружить деревню. Не дожидаясь этого, отряд Зуева вышел из леса и выкатил пулеметы на линию прицельного огня. Немцы ретировались. Через некоторое время к Зуеву прибыл парламентар-зондерфюрер, с которым было заключено соглашение о продолжении поставок продовольствия и недопущении в район партизан.

Зимой 1942 года к Зуеву прибыли партизаны-парламентары, предложившие помогать им, за что зуевцам обещалась военная помощь. Переговоры шли несколько месяцев. Зуев хитрил и одновременно снабжал их мелкие отряды продуктами. Пленных партизан не отправлял в Полоцк к немцам, как того требовали договоренности с немецкой стороной.

Летом 1943 года поступил приказ об отправке рабочей силы в Германию. Зуев и тут схитрил, передав немцам лентяев и пьяниц. Остальных жителей выгородил, объяснив немцам их отсутствие занятостью на уборке урожая и пообещав прислать их позже. Таким образом удалось сохранить население, не дав ему уйти к партизанам, и не разругаться с немцами.

Летом 1944 года Зуева вызвали в Полоцк, наградили серебряной медалью «За заслуги» для восточных народов (их у

Зуева к тому времени было уже три, но бронзовых). Комендант предложил ему расширить свой район, пообещав снабдить оружием, вплоть до легких орудий. Зуев же отказался от такого предложения и стал готовить свою «республику» к эвакуации. Он выделил специальную группу людей, которые оставались в районе для ведения партизанской войны против Советской власти. По ночам для них готовились в лесу тайники с оружием и продовольствием.

Обоз из нескольких тысяч человек на подводах выступил из района, когда части советских войск уже подошли к Полоцку. На своей подводе сельский староста увозил старопечатные уставные книги. Через несколько часов к колонне беженцев присоединился сам комендант Полоцка со своей комендатурой.

В пути были стычки с партизанами, но зувцы прошли через них. Через месяц их поход закончился. Зуев вывел всех в Польшу, затем в Восточную Пруссию. В Европе весь лагерь постепенно рассыпался, а сам Зуев пришел в Дабендорф к генералу Власову. Здесь о нем и о его «республике» никто не слышал, за исключением полковника Позднякова, гостившего у него одно время под Полоцком. Полковник выхлопотал для Зуева мундир с погонами лейтенанта РОА и поставил его на довольствие, рекомендуя обзавестись штатским костюмом и документами на другое имя. Дальнейшая судьба Зуева и его односельчан неизвестна.

Д. Каров сообщает о том, что в лесах и болотах восточнее Идрицы, в тылах немецких войск существовало некоторое время самостоятельное образование — **«Республика Россонно»**. Эта республика была по-своему уникальна тем, что создали ее дезертиры. Это были окруженцы и приймаки, беглецы из советских партизанских отрядов, полиции, антипартизанских частей. Ими была всенародно избрана республиканская форма правления. Врагами «республики» были немцы и «Советы». Существование этого государства было прервано высадкой специальной группы ликвидаторов ЦШПД. Все пойманные были расстреляны десанниками, а лесные базы взорваны.

Походная песня бригады РОНА

*Не быть нам рабами! На битву с врагами
Готовы и ночью и днем.
Сквозь тучи и пламя народное знамя
Мы твердой рукой понесем.*

*Дорогой открытой, печалью повитой,
В дыму и огне батарей,
В походе и битве с одною молитвой
О счастье России своей.*

*Кто верит, кто смеет, в ком кровь пламенеет,
Кто гнет и позор не забыл,
Те спаяны вместе великою местью
За пепел родимых могил.*

*Мы горем платили, за то что любили,
За муки отцов и детей.
Мы им не простили, позор не забыли
Страданьем задушенных дней.*

*В сплоченных колоннах идут легионы
На бой, на великую месть.
Несут миллионы на светлых знаменах
Свободу народа и честь.*

*Дорогой открытой, печалью повитой,
В дыму и огне батарей,
В походе и битве с одною молитвой
О счастье России своей.*

Текст опубликован в газете бригады
РОНА «Боевой Путь» в феврале 1943 года

4. ПОД КАЗАЧЬИМ ЗНАМЕНЕМ

Эпопея Казачьего Стана

Летом 1942 года немецкая армия вступила в пределы казачьих областей Дона, Кубани и Терека. Невзирая на то, что еще в апреле 1936 года казачество было восстановлено в правах, в этих краях нашлось немало обиженных Советской властью, рассчитывавших поквитаться за расказачивание и раскулачивание.

Наиболее дальновидные чины немецкой военной и гражданской администрации, в первую очередь сотрудники Абвера и СД, установили контакты с местными казаками-активистами. Этому также способствовало официальное объявление казаков народом-союзником Германии. Еще 6 октября 1941 года командование Вермахта разрешило создавать казачьи воинские части для борьбы с партизанами, в то время как другие «восточные унтерменши» не имели права на оружие. Началось создание структур местного казачьего самоуправления. В хуторах и станицах были выбраны атаманы, созданы отряды самообороны.

После оккупации Кубани войсками группы «А» ее командование получило из Берлина разрешение на проведение эксперимента по созданию автономного казачьего района, в котором предполагалось после ухода немецких войск восстановление самоуправления. Казакам гарантировалась свобода в культурной, образовательной и религиозной деятельности. Предполагалось в будущем реорганизовать район в атаман-губернаторство. Была разрешена ликвидация колхозов и переход к частному землевладению.

Казачий район был сформирован к 1 октября 1942 года и включал в себя шесть административных районов на нижней Кубани с населением около 160 тысяч человек. Хотя вопрос о создании этого территориально-административного образования не был согласован с чиновниками Восточного Министерства, тем не менее 5 ноября 1942 года решение было утверждено. В конце января 1943 года, в связи с начавшимся отступлением немецких войск, эксперимент был свернут.

На Дону обстановка была иная. Здесь немцы не ликвидировали колхозы, но жизнь в хуторах и станицах шла по старому укладу. Одновременно шла организация малых добровольческих казачьих подразделений. Слово очевидцу тех событий:

«Убирали колхозный хлеб, немцы колхозы не разгоняли. Делили пшеницу, засыпали зерно для будущего урожая. Работали на себя. Где-то за 6 месяцев люди почувствовали душевную свободу. А в памяти хорошо сохранялись недавние события.

По осени 42-го к отцу Петра заявился давний односум по Германской, все это время бывший в розыске как участник казни подтелковцев. Тогда же в окружной станице Каменской из добровольцев собрали две казачьих сотни. Первой командовал подъесаул Кривогузов, второй — сотник Сытин, рожак¹ станицы Базковской, до войны заведующий скотобазой в Каменске. Зам. командира у него был хорунжий Щербачков со Старой станицы, что напротив Каменска. В Белокалитвенском районе был сформирован **1-й Синегорский атаманский полк** в 1260 человек. И это тогда, когда отступающая Красная Армия угнала всех казаков призывного возраста...

...На станции Репная был собран **казачий взвод** из молодежи с ближайших хуторов под командой подхорунжего В. Распанова и помкомвзвода И. Юрова с хутора Липова. Были и другие мелкие казачьи отряды из разных станиц. Петр помнил хорунжего Ефремова из Белой Калитвы. А сколько еще казаков пошло в полицию!»

Первым боевым крещением донских казачьих отрядов стало уничтожение советских партизан в донских плавнях. В городах и районных центрах Дона, Кубани и Терского края шла борьба казаков с советским подпольем и партизанскими отрядами. По свидетельству П.Н. Донскова, в Ростове, Батайске, Новочеркасске и других городах в новоиспеченных органах местного самоуправления укрепилась советская агентура. Пышным цветом расцвела спекуляция. В этой мутной воде советские спецслужбы вели активную разведывательную и диверсионную работу.

Постепенно картина стала меняться — крепло и ширилось местное казачье самоуправление, несмотря на многочислен-

¹ Рожак (донск.) — уроженец.

ные препоны, казаки достали лошадей и смогли вооружиться. Вслед за этим казачий актив, при содействии органов СД и Абвера успешно разгромил советское подполье в городах Области Войска Донского.

В сентябре 1942 года в Новочеркасске с разрешения немецких властей прошел казачий сход, на котором был избран **штаб Войска Донского** во главе с полковником С.В. Павловым. Сам Сергей (наст. имя Ерофей) Васильевич был сыном войскового старшины Павлова В.М., убитого в ДонЧК. Павлов участвовал в Первой Мировой войне. В годы Гражданской войны служил летчиком в рядах Донской армии, эвакуироваться с казаками за границу не смог и оставался в СССР. С 1920 года он жил по поддельным документам под именем Сергей, а в 1939 году заочно закончил техническую школу и стал инженером.

Новый орган вскоре приступил к организации казачьих частей для борьбы против Красной Армии. В соответствии с приказом атамана Павлова, все казаки, способные носить оружие, должны были явиться на местные пункты сбора и зарегистрироваться. Атаманы станиц были обязаны в три дня произвести регистрацию личного состава. Каждый доброволец имел право заявить свой последний чин в Российской Императорской или в Белой армии. На местное казачье самоуправление, как и встарь, было возложено обеспечение казаков строевыми лошадьми, седлами, шашками и формой. Оружие выделялось по согласованию с немецкими штабами и комендатурами.

В штабе Походного Атамана и в иных структурах казачьего самоуправления существовал ряд группировок и течений, враждебно относящихся друг к другу. Так, в штабе Павлова не доверяли руководителю кубанцев Т.И. Доманову, считая его агентом советских спецслужб. При этом разделились даже немецкие руководители, курировавшие тех или иных казачьих вождей. Ряд казачьих офицеров предпочитал больше заниматься коммерческой деятельностью, нежели созданием воинских частей. Единства в стане казачьего руководства не было. Аналогичная ситуация сложилась и в среде казачьей эмиграции, где казаки-самостийники «воевали» против казаков-державников.

В ноябре 1942 года казачьи структуры получили разрешение от немецких военных властей на формирование казачьих полков. Организация боевых единиц развернулась на территории всех казачьих войск. В Новочеркасске был создан **1-й Донской полк** (командир — есаул А.В. Шумков) и пластунский батальон, ставшие впоследствии Казачьей группой Походного атамана С.В. Павлова. В состав этих подразделений включались добровольцы-казаки, жители степных районов и военнопленные. Также был сформирован уже упомянутый выше 1-й Синегорский полк. Позднее полк влился в состав **1-й Казачьей дивизии**, объединившись с полком фон Юнгшульца.

На Тереке работу по созданию боевых единиц возглавил войсковой старшина, участник и инвалид Гражданской войны (без обеих ног), Н.Л. Кулаков. Им было начато формирование **1-го Волгского полка** Терского казачьего войска в районе Моздока. Полк объединил в себе 300 казаков, но в боевых действиях как самостоятельная единица не участвовал и позднее был влит в 1-ю Казачью дивизию.

Кубанский пластунский батальон был сформирован зимой 1942—1943 года в станице Ново-Титоровской. Командиром полка был войсковой старшина Маловик. Общая численность полка 150 человек. В боевых действиях подразделение участия не принимало, и на его базе в Херсоне весной 1943 года был развернут **Сводно-казачий полк** (650 человек). Позднее полк был влит в состав 1-й Казачьей дивизии.

После поражения под Сталинградом немецкая армия оставила территории Дона, Кубани и Терека. 2 января 1943 года генералом Клейстом был подписан приказ о создании «Кавказского Штаба по эвакуации беженцев», начальником которого был назначен комендант г. Пятигорска. 3 января приказ был опубликован. В нем говорилось о том, что эвакуироваться на Запад могут все терские казаки и горцы. При этом все немецкие местные и полевые комендатуры были обязаны оказывать всяческую помощь беженцам. Многотысячная людская и конная масса хлынула из родных мест на Запад. Путь беженцев пролегал по следующим маршрутам:

1. Пятигорск — станица Невинномысская — г. Армавир.
2. Георгиевск — Моздок — Кизляр — станица Бургустанская — Армавир.

3. Кисловодск — аул Кайдан-Черкесск — Кропоткин.

Одновременно шли эшелоны по железнодорожным магистралям. Движению беженцев сопутствовали налеты советской авиации и нападение мелких советских разведывательных групп.

Картина движения беженских обозов представляла собой «Великое переселение народов». В арбах, запряженных быками, ехали горские многодетные семьи, терские казаки несли охрану беженских колонн. Вскоре к беженцам стали присоединяться кубанские казаки и калмыки.

Передовые моторизованные части РККА шли вперед, сбивая малочисленные немецкие заставы и опередили беженцев, отрезая им путь к Краснодару. Беженцам удалось пройти на Таманский полуостров и разместиться многотысячным лагерем на косе Чушка. Всего в лагере насчитывалось до 120 тысяч человек. Под обстрелом с моря, суши и воздуха немцы переправили всю беженскую массу в Крым вместе с арбами, повозками и конским составом. В течение трех недель перевозку прикрывали с моря немецкие и румынские боевые корабли, зенитная артиллерия и авиация.

Эвакуацию с Кубани возглавил кубанский Походный атаман войсковой старшина И.И. Саломеха, им же был подписан приказ о мобилизации всех кубанских казаков. Эвакуация кубанцев проходила по льду замерзшего Азовского моря, под постоянной угрозой нападения с воздуха. Многие беженцы погибли под ударами передовых советских частей.

В Таганроге, где был сборный пункт всех беженцев с Кубани, началось формирование **1-го Кубанского казачьего полка**. 20 февраля 1943 года полк был сформирован и имел в своем составе 960 казаков и офицеров. Командиром полка был назначен войсковой старшина И.И. Саломеха. Полк не принимал участия в боевых действиях (кроме 1 эскадрона) и также был включен в состав 1-й Казачьей дивизии.

После оставления немцами территории Кубани продолжались ожесточенные бои на «Кубанском предместном укреплении» на Тамани.

Донцы, как и кубанцы, тронулись в путь из обжитых хуторов и станиц. Тысячи километров донских дорог были забиты беженцами и отступающими немецкими, румынскими и

итальянскими частями. С собой казаки уводили многочисленными стада скота и донских скакунов.

6 февраля 1943 года передовые советские части взяли город Батайск. Начались бои на подходах к Ростову-на-Дону.

В ожесточенных боях за Новочеркасск 12–13 февраля 1943 года казаки из 1-го Донского казачьего полка Походного атамана С.В. Павлова неоднократно добивались успеха при отражении атак противника в районе паровозостроительного завода «Локомотив». В период с 14 по 21 февраля полк Павлова практически целиком погиб в боях у Матвеева Кургана — из примерно 900 казаков вместе с Павловым вырвалось всего около 60 человек.

17-й донской пеший полк оборонял завод «Ростсельмаш» и, потеряв 360 человек убитыми и ранеными, отступил.

После упорных боев казаки и немцы были вынуждены оставить город.

Переправившись через покрытое льдом Азовское море, беженцы шли в Таганрог и Мариуполь, где на пересыльных пунктах происходила сортировка вновь прибывших. Дальнейший их путь лежал на Украину.

Приемом и учетом беженцев занималось созданное в 1941 году при Восточном Министерстве «**Управление по делам казачества Дона, Кубани и Терека**» во главе с уроженцем Санкт-Петербурга доктором Н.А. Гимпелем. По подсчетам этой инстанции общая численность «павловских» беженцев составляла 18 тысяч казаков, казачек с детьми. Заместитель начальника «Казачьего бюро» Э.Э. Радтке (уроженец Кубани) предложил объединить всех беженцев под началом С.В. Павлова, что вызвало резкий протест в стане его соперников — полковников И. Белого и П.Р. Духопельникова, отношения с которыми оставляли желать лучшего. Оба казачьих руководителя занимались в это время формированием своих частей. Духопельников создавал отдельную казачью пешую бригаду (5 тысяч человек — 6 батальонов полевой полиции).

Другая структура, занимавшаяся устройством беженцев — **Штаб формирования Казачьих войск Кубани, Терека и Дона** под руководством белоэмигранта, полковника Г.П. Тарасенко. Комитетом были зарегистрированы свыше 71 тысячи казаков, 4432 казачки, 1674 ребенка. Помимо этого Штаб

направил на формирование Казачьей конной дивизии в Млау (Польша) 11 538 молодых казаков, свыше 16 тысяч были направлены во Францию на строительные работы.

В декабре в г. Николаеве состоялось совещание казачьих офицеров, на котором было объявлено решение о роспуске Штабов и подчинении всех казачьих беженцев Походному атаману С.В. Павлову. Таким образом, немецкой рукой в среде казаков было введено единоначалие.

Основная беженская масса к тому времени сконцентрировалась близ города Проскурова. Объединившиеся при атамане Павлове получили наименование «Казачий Стан». 10 января 1943 года С.В. Павлов подписал приказ о переходе Стана из Проскурова во Львов. Беженцы, размещавшиеся в других местах, должны были при содействии немецких комендатур воссоединиться с «Казачьим Станом».

10 ноября 1943 года была опубликована Декларация правительства Германии. Ее текст был разработан Н.А. Гимпелем при участии генерала П.Н. Краснова. В документе говорилось: «Когда большевики захватили Россию, казаки с 1917 по 1921 гг. боролись за свою самобытность с врагом, во много раз превосходящим их числом, материальными средствами и техникой.

Вы были побеждены, но не сломлены.

На протяжении десятка лет, с 1921 по 1933 гг., вы постоянно восставали против власти большевиков. Вас морили голодом, избивали, ссылали с семьями на Крайний Север, вам приходилось вести жуткую жизнь гонимых и ждущих казни людей.

Ваши земли были отобраны, ваши Войска уничтожены. Вы ждали освобождения. Вы ждали помощи. Когда доблестная Германская Армия подошла к вашим рубежам, вы появились в ней не как пленные, но как верные соратники. Вы всем народом ушли с германскими войсками, предпочитая ужасы войны и кочевую жизнь — рабству под большевиками. Все, кто только мог сражаться, взяли за оружие. Второй год вы плечом к плечу сражаетесь вместе с германскими войсками.

В воздаяние ваших заслуг, в нынешнюю величайшую войну совершенных, в уважение прав ваших на землю, кровью предков политую и полтысячи лет вам принадлежавшую, в основание ваших прав на самобытность считаем долгом нашим

утвердить за вами, казаками, и теми иногородними, которые с вами жили и доблестно сражались против коммунизма:

1. Все права и преимущества служебные, каковые имели предки ваши в прежние времена.

2. Вашу самобытность, стяжавшую вам историческую славу.

3. Неприкосновенность ваших земельных угодий, приобретенных военными трудами, заслугами и кровью ваших предков.

4. Если бы боевые обстоятельства временно не допустили бы вас на земли предков ваших, то мы устроим вашу казачью жизнь на востоке Европы, под защитой фюрера, снабдив вас землей и всем необходимым для вашей самобытности.

Мы убеждены, что вы верно и послушно вольетесь в общую работу с Германией и другими народами для устройства новой Европы и создания в ней порядка.

Да поможет вам в этом Всемогуший!

Начальник штаба Германского Верховного Командования
Генерал-фельдмаршал Кейтель

Рейхсминистр Восточных областей Розенберг».

После опубликования декларации к казакам обратился со своим посланием генерал П.Н. Краснов.

В соответствии с декларацией и по согласованию с военным командованием было определено место размещения Стана — район с. Балино в Каменец-Подольской области. Однако быстрое наступление советских войск не позволило осуществить этот план. Местом сосредоточения казаков был избран район Перемышль — Сандомир для последующего перехода в Белоруссию. 1 апреля 1944 года Стан прибыл в г. Фельштин, где по приказу Походного атамана был сделан продолжительный привал и празднование Пасхи. 19 апреля поход продолжился.

Во время движения по территории Украины к Казачьему Стану непрерывным потоком двигались и присоединялись мелкие и крупные колонны беженцев из восточных областей. Движение по пересеченной и лесистой местности осложнялось постоянными нападениями партизан и минированием ими дорог.

Казачий Стан двигался по направлению к району Барановичи — Слоним — Новогрудок — Ельня — Столицы, где казакам

было выделено для размещения 180 тысяч гектаров земли. Район этот считался партизанским, и казакам с ходу пришлось вступить в бой. На новом месте расположения было проведено реформирование всех казачьих сил. Было сформировано 11 казачьих пеших полков по 1200 штыков в каждом:

1-й Донской казачий полк — командир полковник В.А. Лобысевич;

2-й Донской казачий полк — войсковой старшина Русаков;

3-й Донской казачий полк — войсковой старшина Журавлев;

4-й Сводно-казачий полк — войсковой старшина Овсянников;

5-й Кубанский казачий полк — войсковой старшина Бондаренко;

6-й Кубанский казачий полк — полковник Новиков;

7-й Терский казачий полк — майор Назыков;

8-й Донской казачий полк — полковник Маловик;

9-й Кубанский казачий полк — полковник Скоморохов;

10-й Терско-Ставропольский полк — полковник Маслов;

11-й Сводно-казачий полк — полковник Генерального штаба Маркевич.

Казачи были вооружены оружием, переданным немецкой армией из своих трофейных складов. Казакам было также передано 20 тысяч комплектов немецкого армейского обмундирования.

При переходе Казачьего Стана из Белоруссии в район Белостока было начато формирование **1-го Казачьего конного полка**. Из пеших полков были созданы казачьи бригады.

Весь личный состав Казачьего Стана был сгруппирован по отдельным казачьим войскам, внутри которых шло деление беженцев по административно-территориальной структуре казачьих поселений на Дону, Кубани и Тереке. Была создана своя Казачья духовная епархия во главе с протоиереем о. Василием Григорьевым.

17 июня 1944 года погиб Походный атаман С.В. Павлов. Обстоятельства его смерти до сих пор остаются неясными, но большинство современников свидетельствует, что атаман был убит своим же сослуживцем. Временно исполняющим обязанности Походного атамана был назначен давний соперник

Павлова войсковой старшина Т.И. Доманов. Вскоре назначение было утверждено приказом П.Н. Краснова, тем же документом новому атаману было присвоено звание полковника.

Между тем обстановка на фронте складывалась не в пользу казаков. Им пришлось столкнуться с передовыми частями Красной Армии. Тяжелые бои шли на левом берегу Немана близ м. Любчу, где попал в окружение 5-й Кубанский казачий полк. Окруженный со всех сторон, он вел боевые действия в течение 5 суток, пока не был вызволен частями СС. Одновременно участились случаи нападения на беженцев со стороны партизан. Вскоре партизанские отряды блокировали со всех сторон Казачий Стан. В тяжелых боях казаки прорвали кольцо окружения и вышли на оперативный простор в направлении г. Гродно.

За бои в Белоруссии против советских войск и партизан Т.И. Доманов был награжден орденом Военного Креста 1-й степени, командир 7-го Терского казачьего полка майор Г.П. Назыков — «Железным Крестом» 1-й степени, 286 казаков получили «Восточные» награды. Так германское командование отблагодарило казаков за спасение в лесах Белоруссии 3 тысяч немецких раненых и 7 тысяч окруженцев.

2 августа 1944 года в польской столице вспыхнуло антинемецкое восстание. Помимо сводного полка из бригады Каминского и иных восточных подразделений, в подавлении восстания принимали участие и казачьи части. В уличных боях против повстанцев принимал активное участие **казачий полицейский батальон** (более 1 тыс. чел), конвойно-охранная сотня (250 чел.) и **казачий батальон 57-го охранного полка**. Сюда же был переброшен **5-й Кубанский полк** Казачьего Стана под командованием полковника Бондаренко. Одному из казачьих подразделений во главе с хорунжим И. Аникиным было поручено захватить штаб повстанцев. Несколько пеших казачьих сотен захватили в плен более 5 тысяч поляков.

Резко изменившаяся обстановка на фронте вынудила германское командование эвакуировать Казачий Стан из Польши в Италию. Путь казачьих эшелонов пролегал по маршрутам: Здунская Воля — Катовицы — Моравская Острава — Брно — Братислава — Вена — Лейбен — Виллах — Жемона, Здунская Воля — Калиш — Бреславль — Кралов

Градец — Прага — Вена — Лейбен — Виллах — Жемона. 1 сентября 1944 года в г. Жемона (Северная Италия) прибыл атаман Доманов. Всего в Италию прибыли свыше 16 тысяч казаков, казачек и детей, табуны лошадей и гурты скота, охранявшиеся многочисленными сворами собак. Местное население встречало казаков, с ужасом взирая на пришельцев.

Казачий Стан был передан в подчинение командующему войсками СС и полиции прибрежной зоны Адриатического моря обергруппенфюреру СС Одило Глобчнику, по административной линии — начальнику Казачьего управления Н.А. Гимпелю и казачьему руководству — в лице генерала П.Н. Краснова, начальника Главного Управления Казачьих Войск (ГУКВ).

По мере обустройства в Италии налаживался быт казаков. Была развернута сеть учебных заведений, включавшая низшие, средние и специальные учебные заведения. Функционировали казачье юнкерское училище, казачий кадетский корпус, военно-ремесленная школа, войсковая гимназия, женская школа практического деловодства, шесть начальных и церковно-приходских школ, восемь детских садов. Предполагалось открытие Казачьего женского института. В конце 1944 года в г. Толмеццо был открыт Казачий музей, работал Войсковой театр, большой известностью пользовался Войсковой казачий хор под управлением Александрова (бывший регент 1-й казачьей дивизии фон Паннвица) и иные музыкальные коллективы.

В Толмеццо также находилась типография Штаба Походного атамана. Здесь выпускались учебники для учебных заведений, религиозная литература, газета «Казачья Земля».

Система казачьего здравоохранения включала центральную больницу на 150 коек, 14 зубоврачебных пунктов, аптеки и пр.

Кажущаяся на первый взгляд патриархальной, жизнь казаков на чужбине не была спокойной. Для защиты от местных партизан из всех казаков, могущих носить оружие, были созданы отряды станичной самообороны. Советская разведка и спецслужбы союзников засылали разведчиков и диверсантов в места расположения казачьих беженцев. Агентами в основном были молодые и привлекательные девицы, изображавшие из себя безутешных вдов.

На передовой казакам противостояли просоветские партизанские подразделения, сформированные из бежавших из немецкой неволи рабочих-остовцев и апологетов Советской власти из числа эмигрантов.

Итальянский исследователь П. Стефанутти сообщает, что из казаков-перебежчиков 13 сентября 1944 года был создан батальон «Сталин» и первоначально влит в гарибальдийскую бригаду «Гвидо Пичелли», затем — в 9-й Словенский корпус.

Активная работа генерала А.А. Власова по консолидации всех русских коллаборационистских формирований вызвала в руководстве Стана и казачьей верхушке раскол. Конфликт разгорелся из-за желания бывшего генерала РККА присоединить к своей формирующейся армии все казачьи части. В этом его поддержал генерал-майор В.Г. Науменко (кубанец) и генерал-лейтенант Татаркин (донец). Совместно с Власовым ими был подготовлен приказ от 28 марта 1945 года № 061-к об учреждении Совета Казачьих войск при генерале Власове. Поддержку в этом начинании оказало Власову и руководство СС.

16 марта 1945 года в Казачий Стан от Власова прибыл полковник А.М. Бочаров. Одновременно к казакам прибыл и генерал П.Н. Краснов. Для противодействия власовской пропаганде в Казачьем Стане была создана школа пропаганды, выпускникам которой внушались мысли о необходимости автономного существования казачьих войск. На открытии школы Краснов огласил свою концепцию казачьего движения на данном этапе. Основными ее идеями были следующие:

1. Когда-то была Великая Русь, которой служили казаки, но она пала в 1917 году, заразившись неизлечимым недугом.

2. Так было только в неказачьих областях. На юге казаки бились с красными и не восприняли их пропаганду.

3. Нужно спасать здоровое, жертвуя больным. Т.е. русские (россияне) стали жертвами из-за национального вырождения, а казаки оказали должное сопротивление захватчикам. Русскими можно пожертвовать во славу казачества.

4. Союзник и покровитель — только Германия, ибо немцы «единственная здоровая нация», выработавшая иммунитет против большевиков и масонов.

5. К Власову примыкать не стоит, пока не докажет полную преданность Германии.

Несмотря на подобную пропаганду, часть кубанцев во главе с Науменко потребовала от казачьего руководства перевода в РОА. 26 марта на Общем собрании кубанских казаков вспыхнул «бунт». Генерал Доманов порекомендовал кубанцам убраться куда они хотят вместе с семьями, ибо кормить семьи перебежчиков донцы не желают. Страсти вскоре улеглись, но 200 человек кубанцев с семьями выдвинулись на присоединение к власовцам.

22 апреля 1945 года к руководству Казачьего Стана прибыли три итальянских офицера от штаба местных партизанских сил. Доманову был предъявлен ультиматум, в соответствии с которым казаки должны были покинуть Италию, сдав все оружие партизанам. На Казачьем совете под председательством Краснова было решено оружие не сдавать и при необходимости прорваться с боями в австрийский Восточный Тироль. Отрицательный ответ казачьего руководства вызвал массовые нападения на казачьи селения со стороны партизан.

30 апреля 1945 года командующий немецкими войсками Юго-Западного фронта генерал Ретингер подписал приказ о прекращении огня. 2 мая должна была начаться капитуляция германских войск в Италии. В тот же день было решено начать эвакуацию Казачьего Стана из Италии. Однако все места дислокации казачьих частей и беженцев были окружены партизанами.

2 мая 1945 года Т.И. Доманов уведомил партизанское командование о том, что в ночь с 2 на 3 мая казаки начинают отход из Италии. Первыми пошли в свой последний поход донцы, за ними кубанцы и обозы, последними шли терско-ставропольские беженские станицы. 3-й Казачий запасной полк полковника Лобасевича попал в окружение и после нескольких дней осады был вынужден капитулировать. Позднее Лобасевич был передан англичанам, те в свою очередь выдали его советской стороне. Казаки были загнаны на советский пароход и доставлены в Новороссийск, затем в Махачкалу. Здесь СМЕРШ вел допрос прибывших. После пятимесячных допросов всех осудили на 25 лет.

Казачий исход из Италии проходил в трудных погодных условиях. Под проливными дождями, сменяемыми снегопадом, казаки с обозами шли по обледенелым горным дорогам. Все

немецкие комендатуры, попадавшие по пути, сообщали, что Германия капитулировала.

Швейцария категорически отказалась дать убежище казакам. Весь обоз с трудом преодолел подъем на высокогорный перевал Плуокен-пасс, но еще труднее оказался спуск с него по обледеневшей почти непроходимой дороге.

К девяти часам вечера 7 мая 1945 года последние казачьи строевые части пересекли итало-австрийскую границу.

Навстречу наступавшим английским войскам Доманов выслал парламентаров. Командир английской 36-й моторизованной пехотной бригады Д. Мейсон принял капитуляцию Казачьего Стана, отказавшись обсуждать дальнейшую судьбу казаков.

Казакам была отведена под расквартирование северная часть города Лиенца. В городском отеле «Золотая рыба» разместили генерала Доманова и начальника его штаба генерала М.К. Саломахина с супругами. Штаб был переформирован, ряд его отделов упразднен.

Близ Лиенца расположились Казачье юнкерское училище, войсковая учебная команда, атаманский конный конвойный полк (4 сотни). Все казачьи строевые части, ведомства, управления и мастерские были размещены рядом с Лиенцем в направлении г. Обер-Драубург.

Англичанами был установлен комендантский час (с 8 часов вечера до 6 утра) и было запрещено всякое передвижение. В первый же день плена англичане потребовали сдать оружие. После проволочек оружие было сдано, но оставлено личное оружие офицерам и одна винтовка на 10 казаков.

Общая численность Казачьего Стана на 23 мая 1945 года составила 40 тысяч 325 казаков, казачек и детей.

15 мая казачьи подразделения под командованием генерала А.Г. Шкуро с боем пробивались близ г. Юденбурга к Казачьему Стану. Прибыв в Казачий Стан, Шкуро объявил о том, что в соответствии с приказом обергруппенфюрера СС Г. Бергера Доманов отстраняется от командования и вся власть переходит к нему, к Шкуро. Это было частью плана руководства СС и Власова по приобщению казаков к ВС КОНР. Англичане арестовали Шкуро и препроводили в лагерь г. Шпиталь, где находились лица, выдаваемые в СССР.

Английская комендатура уведомила казаков о том, что любой желающий может легализовать свое положение и получить документы, подтверждающие, что их владелец не принадлежит к Казачьему Стану и/или является старым эмигрантом с 1921 года. Единственным, кто воспользовался этой возможностью, стал генерал И.А. Поляков, уже 27 мая снявший квартиру неподалеку от лагеря. Других таких случаев не было.

Дальнейшая судьба Казачьего Стана общеизвестна. Будучи выданными СССР, казаки оказались в руках сталинского карательного аппарата. Многие казачьи офицеры были расстреляны без суда и следствия по спискам, составленным заранее советскими агентами. Многие были осуждены на 25 лет каторжных работ, и лишь некоторым из них удалось выехать на Запад после хрущевской амнистии. Большая часть казаков погибла на каторге.

Казачьи формирования на Восточном фронте

Инициатива формирования добровольческих казачьих частей исходила от армейского командования южного и центрального участков Восточного фронта. Осенью 1941 года штаб 18-й армии обратился с таким предложением в ОКХ. В начале октября командующим тыловыми районами групп армий «Север» и «Юг» было разрешено начать формирование (в качестве эксперимента) казачьих частей из военнопленных и перебежчиков для использования их в борьбе с растущим партизанским движением. 6 октября 1941 года генерал-квартирмейстер генерального штаба сухопутных сил генерал-лейтенант Э.Вагнер разрешил в качестве эксперимента командующим тыловыми районами групп армий «Север», «Центр» и «Юг» формировать с согласия руководителей сил СС и полиции казачьи сотни из военнопленных и местного населения. Первое такое подразделение было создано 28 октября 1941 года приказом командующего тыловым районом группы армий «Центр» генерала фон Шенкендорфа. Им стал казачий эскадрон под командованием бывшего майора РККА Ивана Никитовича Кононова.

И.Н. Кононов родился 2 апреля 1900 года в ст. Новониколаевской Таганрогского округа на Дону в семье есаула Н.Г. Кононова, казненного большевиками в 1918 году. Другие родственники Кононова были также репрессированы. Уйти с Белой армией Кононов не сумел, и был вынужден, скрыв свое происхождение, остаться в России. Изменив в анкете свой год рождения (став 16-ти летним юношей) и указав на свое пролетарское происхождение, он поступил на службу в РККА. Прирожденный наездник, Кононов был зачислен в 79-й полк 14-й кавалерийской дивизии, где столь самоотверженно посвятил себя военному делу, что был замечен командованием и направлен в дивизионную школу младшего начсостава. В сентябре 1924 года он был направлен на учебу в кавалерийское отделение объединенной военной школы имени ВЦИК. Здесь Кононов за успехи в учебе был назначен командиром курсантского отделения, а после окончания школы вернулся на службу на Северный Кавказ, получив под команду взвод.

Излагая довоенную биографию Кононова, эмигрантские источники пытаются изобразить его скрытым оппозиционером Советской власти. Однако факты свидетельствуют скорее об обратном. В 1929 году Кононов становится членом ВКП(б). В январе 1932 года он был переведен на должность политрука в 30-й Саратовский кавполк, а в 1933—1934 гг. был секретарем полкового партбюро. Позднее он возвратился на должность помощника начштаба 28-го Таманского полка.

В 1937 году Кононов становится слушателем заочного, а с ноября того же года — очного отделения военной академии им. Фрунзе, которое заканчивает в 1938 году. Приказом наркома обороны ему было присвоено звание майора.

После получения высшего военного образования Кононов назначается начальником оперативного отдела штаба 2-го Кавкорпуса Киевского особого военного округа и участвует в составе его войск в польской кампании осенью 1939 года. Затем было участие в советско-финской войне, где за боевые заслуги он был награжден орденом Красной Звезды. В августе 1940 года Кононов был назначен командиром 436-го полка 155-й стрелковой дивизии Западного военного округа, дислоцировавшегося в г. Барановичи.

После начала войны полк с первых же дней войны оказался в самом пекле боев — на Белостокском выступе, вскоре ликвидированном немцами. К концу июня войска 10-й армии оказались в окружении западнее Минска, затем вышли к своим в район Налибокской пуши, где попали в окружение вторично.

Как позднее утверждал сам Кононов, он предварительно сговорился с немцами и его полк в полном составе перешел на их сторону. Согласно советской версии, Кононов сознательно поставил полк в невыгодную позицию, чем воспользовались немцы. По утверждению полковника В.В. Позднякова, Кононов сдался немцам вместе с одним из батальонов полка и сразу же заявил о своем желании поквитаться с Советами. По оценке исследователя К.А. Александрова, вероятнее всего, 22 августа 1941 года на сторону немцев вместе с Кононовым перешла большая группа военнослужащих вместе с заместителем командира полка по политической части Д. Панченко.

На первых же допросах Кононов предложил офицерам Абвера разрешить ему сформировать добровольческий казачий полк для участия в боевых действиях. Предложением заинтересовался командующий войсками безопасности тылового района группы армий «Центр» генерал М. фон Шенкендорф. Уже 10 сентября Шенкендорф получил «добро» на формирование **донского казачьего полка** во главе с Кононовым — за месяц до поступления в войска официального разрешения ОКВ на создание казачьих охранных сотен. От Абвера создание казачьего полка курировал лейтенант, граф Ганс Ауфель фон Риттберг. Интересно, что перебежавший от Кононова к партизанам казак Малофеев А.Ф. утверждал, будто Кононов с 1932 года был связан с Абвером через Риттберга.

Отбор личного состава из лагерей военнопленных Орши, Могилева, Смоленска, Витебска и Гомеля производился самим Кононовым. В могилевском лагере из 4000 желающих он отобрал 405 казаков и 137 не казаков. К концу октября в Могилеве им была сформирована **102-я казачья добровольческая часть**, позднее переименованная в 600-й казачий дивизион. В разных источниках это формирование именуется полком, дивизионом или батальоном. Сами казаки-кононовцы могли именовать свою часть полком, но по немецким реестрам она числилась дивизионом. К 15 сентября 1941 года в Могилев прибыло более

1 тысячи добровольцев, и к 19 сентября у Кононова были 77 офицеров, 201 урядник и 1521 казак.

По свидетельству все того же Малофеева набор военнопленных в полк, Кононов проводил в Смоленском госпитале следующим образом:

«...По требованию Кононова и Риттберга излечившихся военнопленных выстроили и объявили им, что с этого дня они зачисляются в казачий полк. Так как большинство из них казаками не были, им объявили, что всех не казаков делают казаками, а после войны поселят на Дону и присвоят казачье звание. Точно так же производился набор в полк в госпиталях и лагерях... Основной принцип набора — хорошее физическое состояние...»

Уже 27–29 октября в районе деревень Шепелевичи — Мортяновичи — Глубокое под Могилевом сотнями Кононова был уничтожен советский десантный отряд майора Яснова и старшего батальонного комиссара Гущенко численностью около двух батальонов. Десантники потеряли 171 человека убитыми, 348 ранеными и 257 пленными. Казаки потеряли 63 человека ранеными и 29 убитыми.

В начале 1942 года кононовцы приняли участие в боях против партизан и корпуса генерал-майора П.А. Белова под Вязьмой, Полоцком, Великими Луками. 22–24 ноября 1942 года группа сотника Сидорова захватила военный трибунал одного из советских корпусов, освободила 9 красноармейцев, приговоренных к расстрелу и 23 арестанта, сидевших под замком. С весны 1942 года батальон успешно воевал против партизан в районе близ Могилева.

В 1942 году Кононов был произведен в чин подполковника (войскового старшины). В ноябре-декабре 1942 года началось переформирование **600-го казачьего батальона** в дивизион. В феврале 1943 года кононовская часть включала в себя штаб, 6 кавэскадронов, 3 эскадрона мотоциклистов и артдивизион — всего около 2300 человек. На базе батальона был сформирован 17-й казачий танковый батальон, вошедший позднее в подчинение 3-й танковой армии под Великими Луками в конце мая 1942 года.

В январе 1943 года казаков посетил генерал-лейтенант Власов. С момента встречи с будущим руководителем Ос-

вободительного Движения Кононов стал его убежденным сторонником.

15 апреля 1943 года в дивизионе вспыхнуло восстание. Большая часть 3-го и 4-го эскадронов и артдивизиона, перебрав часть военнослужащих, ушла в лес к партизанам. В июне 1943 года ушли к партизанам 16 казаков во главе с эмигрантом князем Н.М. Гагариным.

В этой обстановке Кононов получил приказ об отправке своей части в Польшу на полигон в Млау (Млаве), где с апреля 1943 года начала формироваться 1-я Казачья кавдивизия Вермахта. Здесь он не смирился с кадровой политикой, проводимой командиром дивизии полковником Х. фон Паннвицем в части касающейся назначения командирами дивизионов и выше исключительно немецких офицеров. Паннвиц пошел навстречу строптивому офицеру и назначил его на должность командира 5-го Донского казачьего полка 2-й Кавказской бригады полковника Боссе. В кононовском полку все офицерские должности занимали казахи, а не немецкие офицеры.

В конце сентября 1943 года части дивизии начали перебрасывать в Югославию для борьбы с партизанами. Здесь полк Кононова был отмечен боевыми отличиями за борьбу с местными повстанцами и занимал первое место по грабёжам в партизанских деревнях. Сказывался российский опыт.

В 1944 году Кононов получил чин полковника, был отмечен Железными Крестами 1-го и 2-го классов, Рыцарским крестом Хорватской державы, многочисленными «восточными» медалями.

В ходе боевых действий в Югославии кононовцы отличились в Босанском походе 2-й Кавказской бригады Боссе зимой 1943–1944 гг., в районе Загреба в августе 1944 года, где уничтожили ряд баз титовцев, в кровопролитном штурме Банны-Луки в сентябре 1944 года. Отличился полк Кононова и в боях на фронте с наступающими частями Красной Армии.

О состоянии 5-го Донского полка говорилось в приказе по полку № 179 от 11 декабря 1944 года:

«1. Полк совершил в течение нескольких дней очень большой марш. Из моих личных наблюдений я установил, что многие офицеры, вахмистры и унтер-офицеры уделяли большое внимание порядку, дисциплине и боевой готовности

своих подразделений. Особенно я отмечаю 2-й дивизион, который свыше 300 километров прошел пешком, и, несмотря на усталость людей, я видел порядок и дисциплину. Вчера особенно отличился 8-й эскадрон, который энергично сбил противника, захватив тяжелый пулемет. Командиру эскадрона, командирам взводов, вахмистрам, унтер-офицерам и казакам эскадрона объявляю благодарность.

2. Все же, несмотря на порядок и дисциплину на марше, я видел отдельных разгильдяев, пьяные, между собой подрались, набили друг другу физиономии, едут с синяками и подбитыми глазами. Иногда даже отдельные казаки в пьяном виде отставали от строя. Категорически запрещаю на марше или при выполнении боевых задач употребление спиртных напитков. Я отдельных лиц наказал, и впредь буду наказывать. Запомнить всем, что разгильдяям, пьяницам и дебоширам в нашем славном дорогом полку места и пощады никогда не будет.

3. В пути, я видел, у отдельных повозок ломались колеса, рвалась сбруя. Все это является результатом невнимательной подготовки обоза и сбруи к движению.

4. Во время движения, когда шел дождь или снег, отдельные казаки и даже унтер-офицеры садились на повозки, закрывшись плащ-палатками и не видя, что делается в подразделении. Отдельные ездовые утеряти кнуты, отдельные казаки выглядят подчас очень безобразно: с поднятыми воротниками, руки в карманах, в папахе или пилотке, надетой как попало. Без команды курят, разговаривают. Некоторые спешат вперед себя устроить, а потом уж лошадей. Отдельных лошадей не убирали и не кормили как следует. Другие не следовали со строем или обозом, а выскакивали на тротуар.

Приказываю: вышеуказанное внимательно проработать вплоть до унтер-офицера и необходимые пункты довести до сведения казаков.

5. Полк прибыл в район, где находится очень много различных банд, а также недалек и фронт. Население к нам доброжелательно. Поэтому быть исключительно внимательными и дисциплинированными по отношению к нему, а также и к усташам, домобранам и местным хорватским властям, чтобы не было никаких недоразумений. Буквально избегать ненужных трений и споров. Быть исключительно внимательным,

принять бои в любое время дня и ночи, учитывая подчас наличие сильного противника, как наземного, так и с воздуха. Все замаскировать, установить четкую линию обороны и укрепить ее. В бою каждый из нас, в обороне, на марше или в наступлении, должен быть стойким, энергичным, смелым, всегда держаться друг друга, выручать один другого. Вы, мои родные сыны, должны быть действительным факелом возрожденного казачества, помня всегда, что Русское освободительное движение под руководством генерал-лейтенанта Власова сильно потрясло советскую власть. И скоро настанет такой момент, когда наша освободительная армия непосредственно столкнется с большевизмом и нанесет ему смертельный удар. В этих боях казачество должно принять авангардную роль. Настоящий пункт не позднее 10 часов утра 12.12.44 довести до сведения всего личного состава...

пп. командир 5 ДККП

полковник Кононов»

В конце 1944 — начале 1945 года 1-я Казачья дивизия была развернута в XV Кавалерийский Казачий корпус. При этом на базе 5-го Донского казачьего полка Кононова началось формирование Отдельной казачьей пластунской бригады, носившей имя своего командира. К апрелю 1945 года ее планировалось развернуть в 3-ю Казачью дивизию. К маю 1945 года в нее входили 7-й и 8-й пластунские, 9-й кавалерийский полки и батальон разведки — всего до 7 тысяч казаков.

Всю весну 1945 года кононовцы бились вдоль реки Дравы с титовцами и болгарскими частями, сам же Кононов в это время принял деятельное участие в создании казачьих частей Вооруженных Сил КОНР. При этом ему удалось склонить на свою сторону командира корпуса генерала Паннвица. 25 марта 1945 года в г. Вировитице состоялся съезд казаков-фронтовиков, на котором была вынесена резолюция о необходимости ликвидации ГУКВ и присоединении корпуса к армии Власова.

1 апреля 1945 года Кононов был произведен в генерал-майоры ВС КОНР. В этом же месяце Кононов стал связным офицером между Власовым и генералом фон Паннвицем. На посту командира бригады его заменил старый соратник и бывший командир РККА полковник И.Г. Борисов.

В середине апреля 1945 года Кононов выехал с дипломатической миссией к походному атаману Казачьего стана генерал-майору Т.И. Доманову. Переговоры прошли успешно, и Казачий Стан формально вошел в состав ВС КОНР. В последних числах апреля Кононов по приказу своего командира «батьки» Паннвица встретился с Власовым, войска которого уже готовились к вступлению в Прагу. В это время казачьи части с боями прорывались из Хорватии и Словении в Австрию, чтобы капитулировать перед англичанами.

Кононовцы не избежали участи всех казаков и были выданы из лагерей близ города Клагенфурта в СССР. При выдаче покончил с собой командир бригады. Кононов же сумел перебраться из Чехии в Австрию и скрывался в американской оккупационной зоне. Заочно он был приговорен к расстрелу и стал единственным человеком из высшего комсостава ВС КОНР, кто сумел избежать насильственной выдачи.

В эмиграции Кононов пытался создать собственный антисоветский союз, его травил старая эмиграция и разыскивали советские спецслужбы. 15 сентября 1967 года бывший казачий командир погиб в автокатастрофе в Австралии.

На территории тылового района группы армий «Центр» (под Вязмой и Дорогобужем) в ноябре 1942 года был сформирован **360-й Казачий полк (по немецким реестрам ЦБФ 750)**. Его командиром стал бывший офицер русской лейб-гвардии и эстонской армии балтийский немец майор Эверт Вольдемар фон Рентельн. В состав полка вошли **4 пластунаских батальона (622-й обер-лейтенанта Древета, 623-й майора Бреннера, 624-й капитана Микиша, 625-й майора Миквица) и одна (638-я) отдельная рота**. Полку были также приданы две батареи 76,2 мм пушек. Всего в полку насчитывалось 2–3 тысячи человек.

В декабре 1942 — начале 1943 года полк принимал участие в антипартизанских операциях в районе Дорогобужа, в феврале-июне 1943 года — в районе Витебск — Полоцк — Лепель.

С 14 по 27 мая 1943 года полк в составе 8-й танковой дивизии принимал участие в антипартизанской экспедиции в лесу северо-восточнее Витебска, в июне 1943 года был придан 201-й охранный дивизии и в боях под Лепелем понес тяжелые потери.

Летом 1943 года полк был направлен во Францию в подчинение 1-й немецкой армии, где до августа 1944 года его

личный состав был задействован на охране побережья в районе Корд-Руайон, в том числе в составе батарей зенитных 88-мм орудий. В августе 1944 года полк отступал вместе с немецкими частями из Франции и прошел несколько сот километров по территории, контролируемой партизанами. Под г. Дордонью Рентельн получил ультиматум от партизан с предложением немедленной капитуляции. Предложение было отвергнуто всеми офицерами полка, и он пошел на прорыв. У м. Перегю казаки после трехдневных непрерывных боев прорвали кольцо, отбили у противника орудия и, прикрываясь их огнем, в порядке отступили. Пройдя по недружественной территории, полк прорвался к «Западному Валу» и здесь, в долине Рейна, стоял насмерть против американской мотопехоты. В марте 1945 года полк был включен в состав XV-го Казачьего корпуса.

Помимо вышеупомянутых крупных казачьих формирований на центральном участке Восточного фронта оперировал ряд более мелких казачьих частей.

На южном участке Восточного фронта летом 1942 года при штабе 17-й армии был организован **казачий конный полк «Платов»**. В приказе начальника штаба армии генерал-майора Мюллера от 5 мая 1942 года каждому корпусному штабу предписывалось сформировать одну, а армейскому — две казачьи сотни, которые планировалось объединить в полк.

13 июня последовал приказ, который объявлял о создании полка, имевшего в своей структуре штаб с взводами связи и станковых пулеметов, 5 кавэскадронов, артбатарею, эскадрон тяжелого оружия и запасной эскадрон. Командиром полка был майор доктор Эдгар Томсен, на должности взводных и отчасти эскадронных командиров были назначены казаки из военнопленных. В составе полка насчитывалось около 2 тысяч человек из кубанских, донских, терских и уральских казаков, представителей других национальностей. На вооружении находились 4 орудия, 1 миномет, 70 пулеметов. В сентябре 1942 — январе 1943 года полк нес охрану объектов нефтедобычи, восстанавливаемых немцами в районе г. Майкопа, в конце января 1943 года — действовал против партизан и передовых советских частей в районе Новороссийск — Анапа и на Таманском полуострове.

Весной 1943 года полк оборонял Кубанское предмостное укрепление, отбивая атаки советских десантников северо-восточнее Темрюка, в конце мая был снят с фронта и переведен в тыл. Позднее был включен в состав 1-й Казачьей дивизии.

Казачий кавалерийский полк «Юнгшульц» сформирован летом 1942 года в составе 1-й танковой армии в районе Ачикулака и носил имя своего командира подполковника Иоахима фон Юнгшульца. Первоначально полк представлял собой дивизион, так как состоял из двух эскадронов — немецкого и казачьего. 3-й и 4-й эскадроны были сформированы в сентябре 1942 года в станице Каясула и хуторе Березкин, 5-й эскадрон прибыл из Симферополя. Позднее полку был придан ряд мелких подразделений. На 25 декабря 1942 года полк насчитывал 1530 человек. На вооружении находились 6 минометов, 6 станковых и 56 ручных пулеметов, 42 противотанковых ружья.

С сентября 1942 года полк находился на левом фланге 1-й Танковой армии в районе Ачикулак-Буденновск и вел успешные бои против советской конницы. Здесь казаки прикрывали стык между частями соединения генерала Фельми и 40-го танкового корпуса.

17 октября эскадроны полка принимали участие в наступлении, где понесли большие потери и были вынуждены отступить. 30 октября полк противостоял кавалерийским атакам в направлении Ачикулака. Здесь 30 ноября в районе Ага-Батырь — хутор Дыдымкин казаки, взаимодействуя с моточастями корпуса «Ф» разгромили советский кавполк.

В начале января 1943 года полк с боями отходил в северо-западном направлении к станице Егорлыкской, где присоединился к частям 4-й танковой армии. Впоследствии полк «Юнгшульц» был передан в подчинение 454-й охранной дивизии и переброшен в тыл армейской группировки «Дон». В февралемарте 1943 года полк действовал против партизан в районе Киева. Позднее был включен в состав 1-й Казачьей дивизии.

57-й полк (конная группа) был образован в июле 1942 года. Базой для этого формирования послужили 213-й конный дивизион и два батальона, сформированные из военнопленных. Командиром полка был немец подполковник Цвист, по фамилии которого иногда именовался весь полк. В составе полка находились 3 конных эскадрона, 2 пластунских бата-

льона. Общая численность формирования — 900 человек. На вооружении находились 6 пушек-сорокапяток, 18 минометов, 30 пулеметов.

В феврале 1943 года полк оперировал в районе г. Новгород-Северского, летом — на западе Орловской области. В августе-сентябре 1944 года один из его пластунских батальонов участвовал в подавлении Варшавского восстания.

Более мелкие казачьи и иные кавалерийские подразделения формировались при штабах немецких танковых частей и соединений для несения разведывательной службы. Одним из них был эскадрон под командованием есаула Загородного. Эскадрон этот возник в немецкой армии случайно. В июне 1942 года 40-й танковый корпус генерала Гейера фон Швеппенбурга захватил столь значительное число пленных, что у немцев не хватило солдат для конвоирования этой массы в тыл. Из числа этих пленных были отобраны антисоветски настроенные казаки, их обеспечили винтовками и лошадьми и поручили исполнять роль конвоя. Эти люди и послужили базой для создания эскадрона. Возглавил их кадровый военнослужащий РККА, казак Михаил Загородный (или Загородный). После возвращения из тыла добровольцы были приняты на службу в штаб корпуса, где из них был сформирован **82-й казачий эскадрон** численностью в 340 человек — преимущественно кубанцев.

В 1942 году эскадрон Загородного воевал рядом с полком фон Юнгшюльца в Ногайских степях. Казаки использовались при разведке расположения советских частей. Самим есаулом была разработана методика взаимодействия казаков с немецкими моторизованными подразделениями. В октябре-ноябре того же года эскадроны Загородного вели упорные бои за колонию Вестдорф. Один только 2-й эскадрон захватил в плен 2 офицеров, 31 сержанта и солдата, еще 8 человек перебежали к казакам.

Во время немецкого отступления с Кавказа казаки Загородного прикрывали отход 40-го танкового корпуса. Во время переправы через Дон эскадрон сумел пробиться с потерями из окружения к основным силам немецкой армии.

Осенью 1943 года эскадрон участвовал в боях у Никополя, где захватил много пленных и оружия, что позволило создать пулеметную роту. Далее эскадронцы через Кировоград, Буг

и Днестр были передислоцированы в Молдавию, где воевали против партизан.

Летом 1944 года эскадрон Загородного был переброшен во Францию и погиб под гусеницами американских танков в окружении у города Сент-Ло.

1-й 2-й/444 конные дивизионы были сформированы в 1942 году. 1-й дивизион был сформирован при 444-й охранной дивизии в мае в районе Запорожья, 2-й — в октябре, в районе Ставрополя. В каждом из них насчитывалось по 4 эскадрона, общая численность подразделения — до 1500 человек. В мае-декабре 1942 года казаки действовали против партизан на побережье Азова и в долине реки Маныч, весной 1944 года — на Миусском фронте. 2-й дивизион в 1944 году действовал во Франции, откуда был выведен в Австрию в распоряжение Казачьего Резерва.

1-й и 2-й/454 конные дивизионы были сформированы на Ставрополье в составе 454-й охранной дивизии осенью 1942 года. Весной 1943 года они действовали под Миусом. Позднее были объединены в 454-й восточный полк и отправлены во Францию. Здесь казаки были разгромлены под г. Понталье и остатки полка были включены в состав 360-го полка.

209-й батальон СС был сформирован в августе 1942 года в районе Армавира из освобожденных заключенных лагеря НКВД и до 1944 года действовал на Восточном фронте. Позднее влился в состав XV-го Казачьего корпуса.

Одним из центров формирования казачьих частей были **лагеря в Виннице, Славуте и Шепетовке (Казачья запасная бригада)**. Почти все казачьи формирования созданные на Украине по сути своей являлись охранными частями, т.к. прослойка уроженцев Дона, Кубани, Терека и иных казачьих областей среди их военнослужащих была незначительной. Боеспособность этих частей была крайне низкой, так как для формирования прибывал личный состав из лагерей военнопленных, пронизанный советским подпольем. Слабое вооружение отрядов (в основном легкое стрелковое оружие) и ограниченный запас боеприпасов не могли послужить хорошим подспорьем в антипартизанской войне.

В Виннице 6 июня 1942 года был сформирован **1-й Атаманский полк** под командованием подполковника фон Воль-

фа. В составе полка было три дивизиона — более 3 тысяч человек. Летом 1942 года полк нес охрану объектов в Днепропетровске, Кременчуге и Хороле, в августе 1942 — феврале 1943 года — в районе Полтавы, в марте-апреле 1943 года — в районе Белой Церкви.

2-й Лейб-казачий полк формировался летом 1942 года в Славуте. В феврале 1943 года действовал в районе г. Сарны (Украина), в феврале 1944 года — в Дубно.

2-й Донской полк (8 сотен) был сформирован в Шепетовке и позднее переименован в 570-й казачий батальон.

3-й Донской полк был сформирован также летом 1942 года в Славуте и позднее действовал в районе Сарны.

4-й Кубанский полк был создан в августе 1942 года в Шепетовке. Командир — бывший лейтенант РККА, уроженец Ростова-на-Дону есаул Назыков. В феврале 1943 года — в районе Сарны, в октябре 1943 года был придан 53-й немецкой стрелковой дивизии и нес охрану железной дороги Житковичи-Калинковичи (Белоруссия). Штаб полка располагался в Калинковичах. В ноябре 1943 года был переименован в 571-й казачий батальон.

5-й Кубанский полк был сформирован в августе 1942 года в Шепетовке. Командир — бывший майор РККА Никитин. В сентябре 1942 года был в Николаеве, в октябре 1943 года — на линии Житковичи — Калинковичи и нес караульную службу в Мозыре.

6-й Сводно-казачий полк (по информации из немецких источников именовался 6-й Донской казачий полк) был сформирован в августе 1942 года в Шепетовке. В своем составе имел 8 сотен (2 батальона) — не менее 800 человек. В октябре 1942 года действовал под Дорогобужем. Батальоны были переименованы в 622-й и 623-й.

7-й Сводно-казачий полк был сформирован в августе 1942 года в Шепетовке. Имел в своем составе 10 сотен — не менее 1000 человек. В октябре 1942 года действовал под Дорогобужем. Позднее был переименован в 624-й батальон.

8-й Сводно-казачий полк также был сформирован в Шепетовке в августе 1942 года. Командир — есаул Андреев, бывший капитан РККА. Состав — 5 рот (2 стрелковых, пулеметная, самокатная, штабная), 1100 человек. На вооружении находились

1 орудие, 7 минометов, 8 станковых и 15 ручных пулеметов. В сентябре 1942 — октябре 1943 года действовал в районе Витебска. Позднее был переименован в 625-й батальон.

9-й Донской им. генерала Бакланова полк был сформирован в сентябре-ноябре 1942 года в Шепетовке. Общая численность полка — 1000 человек, вооружение аналогично 8-му полку. Переименован в 572-й батальон. В августе-сентябре 1944 года участвовал в подавлении Варшавского восстания.

10-й Донской полк был сформирован в декабре 1942 года в Шепетовке. Командир — бывший воентехник РККА есаул Григорий Нехаев. Состоял из 2 дивизионов (8 сотен). В январе-октябре оперировал в районе Лунинец — Ганцевичи, охранял железнодорожную линию от моста через р. Случь до р. Буг. Штаб полка располагался в Лунинце. Переименован в ноябре 1943 года в 573-й казачий батальон.

11-й Кубанский полк (8 сотен) был сформирован в декабре 1942 года в Шепетовке. В августе 1943 года оперировал в районе Брест — Ковель. В ноябре 1943 года переименован в 574-й казачий батальон.

12-й Сводно-казачий полк сформирован зимой 1942 года в Шепетовке. Состав — 2 дивизиона (8 сотен), не менее 800 человек. В декабре 1942 — январе 1943 года оперировал в районе Лунинец-Ляхва, в феврале 1943 года — в районе г. Сарны.

14-й Сводно-казачий полк начал формироваться в июне 1942 года в Николаеве как «Особый казачий отряд», прошел обучение в Шепетовке. Командир — есаул Филиппов. Состав — 5 сотен (не менее 500 человек). С сентября 1942 года охранял железную дорогу Коростень — Мозырь в составе словацкой охранной дивизии. С ноября 1943 года переименован в 575-й казачий батальон, действовал против партизан в районе Звягиль — Ровно, с января 1944 года — на фронте. Был разбит под Цуманью, остатки включены в состав 4-й немецкой кавбригады.

По состоянию на 22 ноября 1943 года 570-й — 575-й казачьи батальоны действовали под контролем командующего силами Вермахта на Украине.

Особая казачья полусотня была сформирована в Славуте. Сюда набирались казаки, участники Гражданской войны, а также репрессированные Советской властью и имевшие по приговору не менее 10 лет.

69-й эскадрон был сформирован весной 1943 года в Шепетовке. Командир — немец майор Виттман. Эскадрон действовал против партизан в районе Ровно, позднее участвовал в подавлении Варшавского восстания. Вошел в состав 6-го Терского полка 1-й Казачьей дивизии.

В **Славутинском лагере** к 28 июня 1942 года насчитывалось почти 6 тысяч человек казаков. В оперативном порядке был создан штаб формирования — казачьего корпуса. Казачьи части формировались по принципу принадлежности к казачьим областям — донские, кубанские, терские и сводные. Нехватка офицерского состава восполнялась набором из офицерских лагерей бывших офицеров РККА, неказачьего происхождения. Штаб формирования находился в подчинении штаба командующего лагерями военнопленных.

О том, в каких условиях формировались казачьи части на Украине, рассказал партизанам командир «**Особого казачьего отряда Мозырской группы**» бывший командир советского 5-го гвардейского минометного полка Пешков. По его словам он завербовался в казачьи части в Владимир-Волынский лагерь военнопленных, чтобы при первой возможности перейти с оружием в руках к своим:

«Шепетовский лагерь представлял из себя следующее: военный городок, на территории которого находились казармы, склады и конюшни, был обтянут колючей проволокой в два ряда, между рядами — проволока внаброс. По углам лагеря 8 пулеметных вышек, а между ними патрулирование немецких солдат и солдат “Добровольческой Украинской армии”... Количество военнопленных в Шепетовском лагере достигало 4 тысяч человек».

Находясь у партизан, Пешков отметил, что в большинстве своем казаки не верят в победу немецкого оружия и «саркастически смеются над своей глупой ролью», отмечая, что при благоприятных условиях большинство уйдет с оружием в лес.

Допрашиваемый объяснил партизанам, что «наиболее надежной опорой немцев являются бывшие белые офицеры, крепко связавшие судьбу с немцами, а также казаки старших возрастов, в прошлом репрессированные советской властью».

Согласно показаниям перебежчика, казаки подчинялись командиру словацкой дивизии и охраняли железнодорожные

магистрала Мозырь — Коростень и Житковичи — Василевичи, а также 11 железнодорожных, 4 шоссейных моста и 7 станций. Казаки были обмундированы кто во что. Отряд Пешкова состоял из 5 сотен, каждая из которых состояла из 3 взводов по 3 отделения в каждом. Личный состав был подобран в основном из антисоветски настроенных лиц, в возрасте 35—40 лет. Основной проблемой отряда был голод и изыскание продовольствия — в первое время от истощения умерло 20 человек. 10 октября 1942 года отряд получил вооружение — трехлинейки и по 30 патронов на человека.

В октябре 1942 года казаки были переброшены на охрану станций по линии Брест-Гомель, несколько сотен осталось в подчинении командиров словацких подразделений. В этот период словаки сами несли охрану линии, не привлекая к службе истощенных и почти раздетых казаков. Пока казаки несли охрану дороги вместе со словаками, у них не было ни одного столкновения с партизанами, так как словаки установили с ними связь. Впоследствии словаков сняли с охраны дороги и полусотню казаков пешковского отряда привлекли к уничтожению населения в деревне Селютичи. Здесь, каратели сожгли живыми всех жителей деревни. После экзекуции обстановка в отряде изменилась. В ночь с 5 на 6 декабря ушли к партизанам 5 командиров сотен. Четырех офицеров немцы арестовали, но Пешков добился их перевода в Мозырь и 28 декабря 1942 года вместе с ними ушел к партизанам.

В сентябре 1943 года на сторону партизан перешел начальник штаба 10-го Донского полка Н.П. Долгов. Перебежчик прихватил в лес всю штабную документацию, которая сразу же была передана в Москву. На допросе Долгов рассказал о настроениях людей при формировании в Шепетовском лагере:

«С первых дней я увидел, что большинство командного состава прибыло сюда с целью ухода в партизанские отряды. Как средний, так и младший комсостав резко делился на три группы... Первая и самая большая группа — это люди с твердым намерением разложить эти формирования и при возможности бежать с оружием и верными патриотами в партизанские отряды. Они между собой были объединены в группы, и их старались направить в одно и то же подразделение.

Вторая группа — это люди загадочные, часть из них молчаливая, трудно узнаваемая, другая часть временами бурно и открыто выступает против немцев, зачастую слишком шумно, а поэтому от них держались подальше.

Третья группа — выходцы из Украины и других республик, была предательская нашему народу. Их боялись, старались разыграть перед ними комедию преданности и т.д. Труднее было определить рядовой состав, весь он поступал из лагерей военнопленных измученный и голодный...».

Долгов поделился с партизанами информацией о тех надежных людях, на которых можно было бы положиться. Так, в Лунинце ими были майор Хрипунов, ряд офицеров и 70 процентов рядового состава, ранее служившего в войсках НКВД.

Уходили к партизанам и из самих лагерей. Так, в январе 1943 года из Славуты ушел в лес взвод казаков и 45 военнопленных. Из Шепетовского лагеря ушли 35 казаков.

Почти в полном составе ушел от немцев в лес курс казачьей школы во главе с капитаном Д.Т. Фурсовым. На сторону партизан перешли 69 человек, прихватив с собой начальника школы и командира эскадрона. Впоследствии Фурсов был командиром отделения, затем диверсионной группы, активно участвовал в боях. Продолжив службу в Красной Армии, был награжден орденами и медалями, но после окончания войны был арестован и осужден на 8 лет (плюс 3 года поражения в правах и конфискация имущества) и лишен звания «гвардии капитан».

Летом 1942 года в лагере военнопленных в г. Лубны (Украина) был сформирован **121-й казачий батальон** из уроженцев Кубани и Дона общей численностью в 300 человек. Тогда же в лубенском лагере усилиями П.П. Леонтьева и М.Ф. Расторгуева были созданы две подпольные группы, которые влились в состав батальона. В местечке Янов казаки подняли восстание. Перебив немцев и забрав все оружие, батальон с боями проврался в лес и влился в партизанское соединение под командованием Ю.О. Збанацкого, став отрядом имени Буденного.

Штабом формирования казачьих частей в октябре 1942 года было создано **1-е Казачье им. атамана графа Платова юнкерское училище и школа подготовки младшего комсостава**. Ее начальником был немецкий офицер, командирами взводов — немецкие унтер-офицеры. Набор курсантов велся из числа

казаков, имевших боевой опыт. Срок обучения составлял 20 дней. Численность слушателей доходила до 160 человек. Начальником школы был немецкий лейтенант, преподавателями и командирами взводов — немецкие унтер-офицеры.

С весны 1943 года вся система подготовки и формирования казачьих частей на Украине перешла в ведение командующего восточными частями на территории Украины.

Центром формирования казачьих частей также стали **казачьи учебные лагеря Военстрой-Селешина**, располагавшиеся в тылах армейской группировки «Б». В лагерях была создана казачья запасная рота и 3 учебных батальона. Кроме них главнокомандующему армейской группировки подчинялись **213-е казачье кавалерийское подразделение (при 213-й охранной дивизии)**, **4 казачьих эскадрона** при 57-м охранном полку и **553-я казачья артиллерийская батарея**.

Общая численность казачьих частей, сформированных на Украине, составила более 20 тысяч человек. Большая часть из вышеназванных полков в 1944 году влилась в Казачий Стан.

В череде многочисленных переименований и реформирований казачьи подразделения укрупнялись либо дробились на более мелкие. Зачастую по немецким реестрам казачьи формирования числились полками, на самом же деле являлись эскадронами или батальонами. Так, приданные 3-й танковой армии 1-й и 2-й казачьи полки были переименованы в 1942 года в 622-й и 623-й казачьи батальоны (соответственно). Та же участь постигла еще два казачьих полка (после переименования — 624-й и 625-й батальоны).

Некоторые кавалерийские подразделения были «расказачены». Многие подразделения 2-й армии (армейская группировка «Б») сменили свое наименование «казачьи» на «восточные». В числе этих подразделений многие лишь по названию были казачьими, что было характерно для множества аналогичных формирований, несших службу на Восточном фронте.

В сентябре 1942 года в Миллерово была сформирована **казачья сотня** в составе итальянского кавалерийского полка «Савойя» 8-й итальянской армии. Командовал сотней майор Кампелло. Вскоре сотня была развернута в дивизион из двух эскадронов — 365 человек. Казаки этого подразделения принимали участие в боях зимой 1942—1943 гг. В марте 1943 года дивизион

«Савойя» был выведен в Италию и придан уланскому полку «Наварра». После капитуляции Италии подразделение было включено в состав немецкой армии и до окончания войны вело боевые действия против партизан в Северной Италии.

С 1944 года на Восточном фронте появились **волчьи сотни**. Они были впервые созданы еще в годы Гражданской войны генералом Шкуро. Их казаки, облаченные в папахи из шкуры волка, имевшие черные знамена с изображением оскаленной волчьей головы снискали лихую славу своей стойкостью, отвагой и грабежами по обе стороны фронта.

1-я волчья сотня была сформирована в конце декабря 1943 года группой молодых казаков-добровольцев. Ее командиром стал подьесаул Беспалов, ранее воевавший в рядах Особой горной казачьей сотни на Кубанском предместном укреплении.

2-я волчья сотня была организована есаулом П.К. Емцовым — участником Гражданской войны, дроздовцем, репрессированным советской властью. В начале февраля 1943 года сотня была сформирована и 10 февраля направлена во Францию.

3-я волчья сотня получила свое наименование за доблесть, проявленную ее казаками в боях. Подразделение было организовано из 146 казаков-кубанцев, отступивших вместе с немцами. Ее командиром стал атаман станицы Динской П.Б. Рябовол. Отступив с немцами на Украину, сотня вела борьбу с партизанами близ города Гайсина. С приближением фронта казаки были включены в состав 14-го сводного казачьего полка. Из Гайсина сотня выступила в Ровно и участвовала в непрерывных боях с наступающими советскими частями.

Помимо казачьих полков и эскадронов по реестрам немецкого командования на Восточном фронте имелись также более мелкие казачьи подразделения (сотни, роты, взводы) для ведения разведки и охраны.

Казачьи формирования немецких спецслужб

Диверсионно-разведывательные команды и группы Абвера, действовавшие на Восточном фронте, занимались вербовкой, подготовкой и переброской агентуры с заданиями диверсионного, повстанческого, пропагандистского и разведывательного

характера. Всего на Восточном фронте действовали 6 диверсионных команд Абвера, в подчинении каждой из которых находилось от 2 до 6 абвергрупп.

Команды и группы немецкой военной разведки создавали специальные истребительные и штурмовые подразделения — казачьи сотни и отряды для проведения захвата и удержания до подхода основных сил немецкой армии стратегически важных объектов в тылу советских войск. Эти же формирования использовались для ведения войсковой разведки переднего края обороны советских войск, захвата «языков», подрыва укреплений.

При отступлении немецких войск личный состав казачьих отрядов использовался для ведения войсковой разведки, уничтожения стратегических объектов. По местам дислокации групп и команд Абвера казаки принимали участие в ведении антипартизанских операций.

Военнослужащие данных подразделений служили резервом для пополнения кадров разведчиков и диверсантов для последующей заброски в ближний и дальний тыл Советов.

По общему признанию немецких военных руководителей, казаки и калмыки, служившие в Вермахте и СС, были признаны наиболее стойкими, хорошо обученными и верными долгу бойцами из числа всех восточных добровольцев. В немалой степени этому способствовало наличие специального статуса у казаков как «союзников Рейха и его победоносной армии».

Ниже дается краткий обзор некоторых подразделений немецких спецслужб, где существовали специальные казачьи формирования.

Разведывательная абвергруппа-103 действовала при 1-й танковой армии и до июля 1942 года подчинялась Абверкоманде-101. Орган вел работу против войск Сталинградского, Северо-Кавказского и 4-го Украинского фронтов. С 1942 года группа принимала активное участие в формировании в городах Мариуполь и Волноваха добровольческих отрядов из донских, кубанских и терских казаков. Данные подразделения предназначались для ведения боевых действий в советском тылу при отступлении немецких войск. Часть личного состава этих отрядов использовалась на хозяйственных работах, охране помещений группы и сборе теплых вещей у

населения в пользу немецкой армии. Помимо казачьих подразделений при группе был сформирован **специальный калмыцкий отряд зондерфюрера Вербы (доктор Долль)**.

Добровольцы вербовались в лагерях военнопленных в Горловке, Полтаве, Волновахе, Авдеевке Сталинградской области, Павлограде, Днепропетровске, Прохладном и Кабардино-Балкарии. В 1942 году при группе были организованы **курсы подготовки разведчиков**, под наименованием «Команда Локкерта». 1-я группа курсов (5–10 слушателей) состояла из казаков, получивших боевое крещение в рядах добровольческих отрядов. Срок обучения агентов составлял от 5 до 20 дней, после чего казаки-разведчики перебрасывались в советский тыл.

Разведывательная абверкоманда НБО (сокращение от немецкого «Нахрихтенбеобахтер») была организована в конце 1941 года и до октября 1943 года размещалась в Симферополе. Она подчинялась командующему военно-морскими силами юго-восточного бассейна и специализировалась на военно-морской разведке на Черном, Азовском морях и вела диверсионную работу против Северо-Кавказского и 3-го Украинского фронтов. В период пребывания в Крыму вела борьбу с партизанами.

При органе был сформирован **казачий отряд**. О данной боевой единице известно лишь, что возглавлял ее Шалибабаев (или Шамбалиев) Иван Никитович — сотрудник команды, бывший полковник Императорской и Белой армий.

Разведывательно-диверсионная Абвергруппа-201 до сентября 1942 года действовала при 11-й немецкой армии, затем была переподчинена 1-й танковой армии, а с февраля 1943 года — придана армейской группировке «Холлидт». В мае 1944 года группа была подчинена Абверкоманде-206, южной группировке немецких войск «Зюд-Украина».

Группа вела разведывательно-диверсионную и разложенческую работу в советском тылу и на переднем крае, контрразведывательную и антипартизанскую работу, для чего при органе был создан **Казачий полк особого назначения**, состоявший из 4 сотен.

1-я Андреевская сотня полка сформирована в августе 1942 года в м. Тавель (Крым) и укомплектована донскими и кубанскими казаками из лагеря военнопленных в Симферополе.

Командиром сотни был немец лейтенант Гирш. Личный состав подразделения использовался при разведке ближнего тыла советских войск. Отдельные казаки после непродолжительной подготовки забрасывались в советский тыл для выполнения диверсионно-разведывательных заданий. В октябре 1942 года сотня была переброшена на Ленинградский фронт и в ноябре 1942 года действовала близ деревни Замостье Ленинградской области, затем на территории Витебской области вела борьбу с партизанами. В декабре 1942 года казаки были направлены на юг и до середины января 1943 года размещались в станицах Персияновке и Кривянской Ростовской области. В середине года были отведены в пос. Петровский Сталинской области, в сентябре 1943 года действовали в районе Запорожья и Никополя, в октябре стояли в с. Ольгино Херсонской области, где сотня была расформирована. Часть личного состава была влита в Галдинскую сотню полка, часть казаков осталась при штабе группы.

2-я Зверевская сотня была сформирована в феврале 1943 года в поселке Звереве Ростовской области. Командиром сотни был есаул Земляков Иван Васильевич. Позднее сотню принял есаул Кондратьев Владимир — бывший младший лейтенант Красной Армии. Личный состав подразделения использовался для заброски в советский тыл, главным образом на Дон и Кубань, для ведения разведки и совершения диверсий. Готовил агентуру унтер-офицер Гесс, являвшийся фактическим командиром сотни.

В середине марта 1943 года сотня эвакуировалась в дер. Доля Сталинской области, где пребывала до сентября 1943 года. В том же году через Каховку передислоцировалась в с. Ольгино Херсонской области, затем в с. Свободное Николаевской области. В декабре 1943 года весь личный состав был влит в Галдинскую сотню.

3-я Галдинская сотня была сформирована в январе 1943 года бывшим советским военнослужащим, уроженцем Ростовской области Галдиным. Укомплектование сотни производилось казаками, жителями Ростовской области. При сотне находился представитель штаба абвергруппы обер-лейтенант Ниссен. До марта 1943 года сотня вела разведку переднего края обороны советских войск и дислоцировалась в ст. Бес-

сергеновской, хуторах Богушевском и Татарском Ростовской области, затем в пос. Первомайский Сталинской области и находилась здесь до середины мая 1943 года, после чего выбыла в Херсонскую область.

Личный состав сотни использовался как диверсионно-разведывательная агентура и каратели в операциях против партизан, действовавших в Днепровских плавнях.

В ноябре 1943 года сотня оперировала в районе г. Николая Херсонской области. В начале 1944 года она объединилась с Андреевской и Зверевской сотнями. Новое формирование вышло из подчинения абвергруппы и направилось в г. Шаумонд (Франция), где на его базе был сформирован эскадрон, позднее влившийся в состав 403-го дивизиона 5-го запасного казачьего полка 1-й Казачьей дивизии.

С февраля по ноябрь 1944 года эскадрон Галдина дислоцировался в г. Грай и участвовал в боях против англо-американских войск.

В январе 1945 года эскадрон переместился в Хорватию, где вел борьбу с партизанами в составе 3-го Кубанского казачьего полка. В мае 1945 года личный состав был интернирован и выдан в СССР.

4-я Гаповевская сотня была сформирована в июне 1943 года из военнопленных разных национальностей в лагере г. Сталино. При отступлении немцев из Донбасса, из личного состава сотни были сформированы несколько мелких агентурных групп, осевших в советском тылу для ведения подрывной работы. Агенты выдавали себя за военнопленных, сбежавших из немецкого лагеря. Командовал сотней Гаповев (или Гапаев Антон или Анатолий Михайлович или Петрович) — выпускник Тавельской разведшколы Абвера.

Командиром полка до сентября 1943 года был сотрудник Абвергруппы-201 Тимофей Константинович Хоруженко (или Хорушенко). Позднее он был уволен в распоряжение штаба 6-й немецкой армии.

В своих воспоминаниях А.К. Ленивов сообщает, что в феврале 1943 года казачий боевой отряд Абвергруппы-201 в составе тысячи отлично вооруженных казаков под командованием полковника Т.К. Хоруженко при тяжелом стрелковом оружии и частично моторизованных занимал боевые позиции

под Новочеркасском, ожидая атаки советских передовых танковых частей. Вместе с боевым отрядом Абвергруппы-202 (620 человек под командованием капитана Вальтера) они прикрывали отход Казачьего Стана генерала Доманова и отступили в направлении Донбасса. Сотня дислоцировалась до августа 1943 года в г. Сталино, затем в Херсонской области в районе расположения 201-й группы.

В дальнейшем казачий отряд послужил основой для развертывания на его базе отряда специального назначения «Атаман» Казачьего Стана.

До января 1943 года **Абвергруппа-204** действовала при 6-й армии, в мае 1943 года была переформирована и придана группе армий «Кемпф», позднее — 8-й армии и вела работу против советского 2-го Украинского фронта. Руководил группой известный немецкий специалист по «восточным делам» ротмистр граф Эрвин фон Тун Гогенштейн.

В конце октября 1943 года в селе Васильевке близ Кировограда был создан **казачий взвод** (80 человек), который использовался для борьбы с партизанами.

Абвергруппа-218 была создана в сентябре 1944 года в г. Силайн (Чехословакия) и придана штабу командующего немецкими силами в Словакии. Начальником органа был назначен ротмистр граф фон Тун. Кроме иных инонациональных спецподразделений при группе был сформирован **3-й специальный отряд** из 45 казаков служивших ранее в казачьих сотнях Абвергруппы-201. Возглавил его обер-фельдфебель Берлизов (или Берлисов, он же Берлис) Анисим Романович.

В середине октября 1944 года абвергруппа и казаки размещались в словацком городке Кремниц, где вели антипартизанские операции в районе Банска-Быстрица — Платица — Кремница — Брезно — Шемница. В феврале 1945 года казаки вместе с группой перебрались в район г. Тырнова севернее Братиславы, в марте 1945 прибыли в г. Винер-Нойштадт (Австрия), где в течение 10–12 дней вели боевые действия против партизан.

В начале апреля 1945 года, в связи с возросшей активностью партизан в районе г. Силайн группа была переброшена в его окрестности и приняла участие в боях вместе с частью Русской Освободительной Армии.

20 апреля 1945 года группа отступила к австрийской границе, где часть ее личного состава была захвачена советскими войсками.

Контрразведывательная Абвергруппа-323 была придана 4-й танковой армии, находилась в подчинении Абверкоманды-301.

Для оперативных целей при группе был создан **казачий отряд** (20 человек) под командой унтер-офицера, бывшего лейтенанта РККА Остапенко Василия Ивановича.

В марте 1942 года Главным Управлением Имперской Безопасности Рейха был создан **разведывательно-диверсионный орган «Унтернемен Цеппелин»**, основной задачей которого стала работа по дестабилизации советского тыла. Основная ставка делалась на заброску в тыл к Советам агентуры с разведывательными, диверсионными заданиями, для организации повстанческого движения. Большое внимание уделялось работе по национальному расслоению и организации сепаратистских тенденций.

В составе руководящего штаба «Цеппелина» был создан отдел Ц2, отвечавший за подбор и обучение русской агентуры, в свою очередь в его структуре существовало «казачье» отделение Ц2Б. Основную работу по подготовке русской агентуры вели особые лагеря «Цеппелина».

В приемно-распределительном лагере в м. Зандберг постоянно пребывало около 1 тысячи «активистов» «Цеппелина», сведенных по национальностям в роты. Третья рота лагеря состояла из донских казаков.

В местечке Брюккенорд в монастыре в 6 км от г. Зандберга располагался казачий филиал лагеря. В сентябре 1944 года он переехал в город Фронтенрид в Южной Баварии, затем в замок Гладцен близ г. Мариенбада. Часть подготовленной лагерем агентуры была влита в состав казачьих формирований, другие были брошены в советский тыл. Филиалом было подготовлено от 40 до 100 агентов.

Весной 1945 года большинство специальных подразделений Абвера и «Цеппелина» было влито в армейские казачьи формирования Вермахта и XV Кавалерийский Казачий Корпус.

1-я Казачья Кавалерийская дивизия XV Казачий Кавалерийский корпус

Положительный опыт боевого применения казачьих добровольческих формирований на Восточном фронте заставил немецкое командование начать формирование крупных казачьих соединений. Окончательное решение о создании казачьей дивизии было принято в начале ноября 1942 года. Создать часть и командовать ею должен был полковник Хельмут фон Паннвиц.

Паннвиц родился в 1898 году в Силезии в семье кавалерийского офицера. 16-летним кадетом участвовал в 1-й мировой войне, заслужил Железные Кресты 1-й и 2-й степеней. В начале войны с СССР возглавлял разведподразделение 45-й пехотной дивизии. В ноябре 1942 года генерал-фельдмаршал фон Клейст поручил ему формирование казачьих частей из военнопленных и местных жителей на Юге России. Занимаясь формированием казачьих частей, Паннвиц сам в какой-то мере «оказачился», хорошо овладел русским языком и уже не отделял себя, офицера Вермахта, от буйной казачьей вольницы.

Планы формирования дивизии на Украине были сорваны советским наступлением под Сталинградом. Формирование дивизии было начато лишь весной 1943 года — после отхода немецкой армии и относительной стабилизации фронта. Все казачьи подразделения, отступившие вместе с Вермахтом с Дона и Северного Кавказа, были сосредоточены в районе Херсона и пополнены за счет казаков-беженцев. На первом этапе из них были сформированы 4 казачьих полка: 1-й Донской, 2-й Терский, 3-й Сводно-Казачий и 4-й Кубанский общей численностью до 6 тысяч человек.

21 апреля 1943 года был издан приказ об организации **1-й Казачьей кавалерийской дивизии**. Четыре вышеупомянутых полка были переброшены на территорию Польши на полигон в Млау (Млаву), где находились склады снаряжения польской кавалерии. Вскоре на полигон прибыли другие казачьи боевые формирования — 600-й дивизион Кононова, полки «Платов» и фон Юнгшульца, 1-й Атаманский полк

фон Вольфа. Все прежние боевые единицы были расформированы, а их личный состав сводился в новые части по признаку принадлежности к казачьим войскам. Свой дивизион отстоял только Кононов, и он влился в состав дивизии в качестве 5-го Донского полка.

Создание дивизии было завершено к 1 июля 1943 года, полковник Паннвиц получил очередное звание и был назначен ее командиром.

На ноябрь 1943 года дивизия состояла из следующих частей и подразделений:

Штаб дивизии с конвойной сотней и духовым оркестром;

1-я (Донская) бригада под командованием прибалтийского немца, полковника Г. фон Вольфа (с января 1944 года — полковник Боссе);

1-й (Донской) полк подполковника бургграфа цу Дона состоял из 2-х конных дивизионов, в каждом из которых было по 3 конных и 1 конно-пулеметному эскадрону, эскадрона тяжелого оружия (2 взвода 50-мм орудий ПАК и 2 взвода 81-мм минометов);

2-й Сибирский полк под командованием прибалтийского немца полковника фон Нолькена имел аналогичный состав;

4-й Кубанский полк подполковника фон Вольфа (состав аналогичен 1-му Донскому полку);

2-я Кавказская бригада полковника фон Боссе (с января 1944 года — подполковник фон Шульц);

3-й Сводный казачий полк полковника фон Юнгшульца (до весны 1944 года);

5-й Донской полк (полковник И.Н. Кононов);

6-й Терский полк (подполковник фон Кальбен);

1-й Донской конно-артиллерийский дивизион: 3 батареи 75-мм горных орудий;

2-й Кубанский конно-артиллерийский дивизион;

Артиллерийская группа связи при штабе дивизии;

Моторизованный разведывательный отряд — 3 эскадрона;

Саперный батальон — 3 саперных эскадрона, саперно-строительный эскадрон, мостовая колонна, легкий саперный парк;

Батальон связи — 2 эскадрона телефонистов, эскадрон радиосвязи;

Части тыла и обслуживания, включая группу полевой жандармерии;

Учебно-запасной полк с унтер-офицерской школой и школой юных казаков под командованием подполковника Штабенау.

Для пополнения частей дивизии во Франции дислоцировался 5-й казачий учебно-запасной полк.

Общая численность дивизии без учета запасного полка составляла 18 555 человек, из них: 3827 немецких нижних чинов, 222 немецких офицера, 14 315 казаков и 191 казачий офицер. Запасной казачий полк иногда достигал численности в 15 тысяч человек.

В середине сентября 1943 года пополненная автотранспортом, лошадьми и оружием дивизия была направлена на фронт борьбы с партизанами в Югославию. В г. Панчеве казаки перешли в подчинение командующего 2-й немецкой танковой армией генерал-полковника Л. фон Рендулича.

Подвижные и хорошо вооруженные казачьи части стали основным противником титовских партизан, и по признанию немцев, оказались более эффективными в антипартизанской войне, нежели моторизованные армейские и полицейские части. Вскоре казаки полностью заменили собой немецкую пехоту в борьбе с повстанцами.

Используя уже имевшийся опыт борьбы с партизанами, казачьи части не щадили противника и местное население. Партизанские деревни сжигались после грабежа и реквизиции лошадей и сбруи. Корм для лошадей также добывался у местных жителей. Межнациональные конфликты между мусульманским, католическим и православным населением казаки пресекали нагайками и мордобоем.

Советская пропаганда, направленная на казаков, успеха не имела и за все время пребывания в Югославии лишь небольшая группа смогла перебежать к партизанам, образовав 2 партизанских отряда.

В середине октября 1943 года части дивизии оперировали в районе Вуковар — Винковицы — Врполье, где охраняли коммуникации. В течение месяца в данном регионе воцарилось затишье, чего долго и безуспешно добивались хорватские охраняемые части.

В конце ноября 2-й Сибирский полк фон Нолькена, подчиненный 11-й дивизии СС «Нордланд» выжег деревни, в которых укрывались партизаны, терроризировавшие дорогу Гора — Глина. Умиротворенные области были переданы под контроль усташей, а дивизию перебросили в район Загреба, где она также несла охрану дорог и боролась с местными партизанами.

23 марта 1944 года 2-й Сибирский полк полностью разгромил под Дубравчаком партизанскую бригаду. 200 партизан было убито, 200 пленено. У казаков был убит 31 человек.

Весной 1944 года 1-я Казачья бригада располагалась по правому берегу р. Сава. В ходе проведения антипартизанской операции «Шах» бригада противодействовала войскам штаба партизанских формирований в Западной Боснии. Маневрируя своими силами, партизаны уклонились от боя, и казачьи полки повернули назад. 2-й Сибирский полк при отходе попал в окружение превосходящих сил противника и после ожесточенного боя и поддержки со стороны немецко-хорватского батальона прорвал окружение.

Операция в районе Пожега-Талькессель провалилась по вине эмигранта-переводчика зондерфюрера Мирского, перебежавшего к партизанам и выдавшего оперативный план.

В августе 1944 года 2-я бригада под водительством самого «батяки» Паннвица уничтожила ряд укрепленных партизанских пунктов в районе Дарувар-Пакрац.

Основные бои дивизии начались в районе г. Баня-Лука. В результате этого титовцы захватили значительную территорию и лишь небольшой ее участок удерживали казаки 3-го Кубанского полка, а крепость Баня-Лука заняли усташаи. Для разблокирования осажденных были выдвинуты 3-й и 4-й Кубанские, 5-й Донской полки и разведывательный дивизион под общим командованием фон Паннвица. Их поддерживали усташаи и технические части 2-й танковой армии. Жестокий бой за город закончился победой казаков и усташей, при чем обе стороны понесли серьезные потери.

Вскоре ситуация изменилась, так как титовцы смогли беспрепятственно получать помощь от частей 3-го Украинского фронта, стремившихся установить контроль над севером Хорватии. Навстречу советским частям и партизанам выдвинулась 2-я казачья бригада в составе 3-го Кубанского,

5-го Донского и 6-го Терского полков и рядом вспомогательных частей. Путь казаков лежал через засады и обстрелы. Вскоре части достигли города Копривницы, где оборонялись усташи и после дня отдыха выступили дальше. У Новиграда им противостояли сильные югославские части с советскими офицерами связи.

В это же время советские части прорвались на правый берег реки Дравы и закрепились на нем, ожидая подхода югославских частей. 6-й Терский полк провел разведку боем и установил силы противника. Командир дивизии дал приказ немедленно атаковать имеющимися силами, не дожидаясь соединения двух группировок противника. 26 декабря в 7.30 утра три полка казаков и усташи выступили в направлении на м. Питомачу. В ожесточенных боях казаки заняли ряд населенных пунктов, смяли советскую артиллерийскую батарею, несмотря на переброску противником сил на участки прорыва. С советской стороны в бой вступали новые силы, но к 17.00 казаки ворвались в г. Питомачу и завязали уличный бой. К утру 27 декабря город был полностью занят казаками. В бою был уничтожен советский 703-й стрелковый полк, два артиллерийских дивизиона и огнеметный батальон. Трофеями стали 29 орудий, 6 минометов, 42 пулемета, 149 огнеметов, 13 ПТР и множество другого военного имущества. Советские части потеряли 205 человек убитыми, 145 человек попали в плен.

Фон Паннвиц на поле боя вручил Железные кресты отличившимся казакам.

2-я бригада заняла район Питомачи, где ее части стойко стояли под обстрелом советской артиллерии, отражая попытки прорыва.

В январе 1945 года 2-я казачья бригада безуспешно пыталась овладеть городом Вировитица. Атаки на открытой местности и постоянный артобстрел причинили казакам большой урон, и наступление было прекращено. В это же время 1-я бригада получила приказ, предписывавший прикрывать отход горнострелковой дивизии СС «Принц Ойген».

Весной 1945 года казаки приняли участие в последней наступательной операции немецкой армии на южном фланге Балатонского выступа. Здесь 4-й Кубанский полк, придан-

ный 11-й авиаполевой дивизии, атаковал позиции болгарской артиллерийской батареи. В результате ночной атаки казаки захватили батарею и взяли в плен 450 болгарских солдат, сами понеся лишь незначительные потери.

В конце августа 1944 года командир дивизии и 2-й казачьей бригады были приглашены на встречу с рейхсфюрером СС Гиммлером, сосредоточившим к тому времени в своих руках командование всеми инациональными формированиями. На совещании был решен вопрос о подчинении 1-й Казачьей дивизии войскам СС и формировании на ее базе казачьего корпуса.

Одну из основных ролей в формировании нового соединения играл герой Гражданской войны генерал-лейтенант А.Г. Шкуро. Он возглавил специальный орган при Главном управлении СС — Резерв казачьих войск, куда для нужд формирования собирались все казаки, воевавшие на фронте, эмигранты, рабочие-остовцы казачьего происхождения.

Шкуро и руководитель Главного Управления Казачьих Войск (ГУКВ) генерал П.Н. Краснов обратились с призывом ко всем казакам вступать в формирующийся Корпус. Кроме этого, была создана система вербовочных пунктов и созданы штаб и комендатура в Берлине. Оставаясь, по сути, организацией бутафорской, ГУКВ, тем не менее, оказывало Шкуро необходимую поддержку и (что удивительно для эмиграции) не мешало ему заниматься кадровой работой. Тормозили работу чиновники Трудового фронта, не желавшие отпускать с предприятий рабочих-казаков. Между тем по данным ГУКВ в Германии и в оккупированных странах Европы пребывало около 110 тысяч казаков, из которых, примерно половина не входила в структуру Казачьего Стана и 1-й дивизии.

Осенью 1944 года в 1-ю дивизию стали прибывать казаки. Прибыл полк Рентельна, ряд полицейских батальонов. Прибывало снаряжение и обмундирование, однако в условиях непрекращающихся боевых действий не хватало тяжелого вооружения, полевой и зенитной артиллерии.

Передача под эгиду СС приказом от 4 ноября была формальностью и в данной ситуации лишь значительно улучшала материальное снабжение соединения, которое фактически оставалось армейской единицей. Из всего командного состава

дивизии/корпуса лишь один его командир получил чин группенфюрера и генерал-лейтенанта войск СС.

Приказ о развертывании XV Казачьего Кавалерийского Корпуса (ККК) был издан 25 февраля 1945 года. Реорганизация свелась к переименованию 1-й и 2-й бригад в соответственно 1-ю и 2-ю дивизии. За основу формирования Пластунской бригады из двух полков (7-й и 8-й) был взят 5-й полк Кононова, и в перспективе из бригады планировалось развернуть 3-ю казачью дивизию. На базе конно-артиллерийских дивизионов началось формирование конно-артиллерийских полков.

По состоянию на апрель 1945 года структура корпуса выглядела следующим образом:

Штаб корпуса (начальник — подполковник Штайнсдорф):

Конвойная сотня;

Корпусной разведывательный дивизион майора Вайля;

Батальон связи;

Танковый батальон и дивизион штурмовых орудий (в стадии формирования).

1-я Казачья Кавалерийская дивизия (полковник фон Баат, и.о. полковник Константин Вагнер):

1-й Донской полк (полковник К. Вагнер);

2-й Сибирский полк (полковник фон Нолькен);

4-й Кубанский полк (подполковник фон Кляйн);

1-й артиллерийский полк (майор фон Эйзенхардт-Рот);

Дивизионные части и полк снабжения.

2-я Казачья Кавалерийская дивизия (полковник фон Шульц):

3-й Кубанский полк (подполковник Леман);

5-й Донской полк (майор Эльц);

6-й Терский полк (подполковник, принц Зальм-Хорстмар);

2-й артиллерийский полк (майор граф Котулинский);

Дивизионные части и полк снабжения.

Пластунская бригада генерал-майора И.Н. Кононова:

7-й Пластунский полк (войсковой старшина Борисов);

8-й Пластунский полк (есаул Захаров);

9-й Калмыцкий пеший полк;

Разведывательный дивизион;

Артиллерийский дивизион;

Батальон связи;

Службы обеспечения и снабжения.

Части тылового обеспечения Корпуса

Учебно-запасной полк

Общая численность личного состава ККК достигала 25 тысяч человек.

Кроме перечисленных частей Корпусу были приданы украинский батальон СС, кавказский конный дивизион и группа танкистов РОА (без танков).

24 марта 1945 года в г. Вировитице по инициативе Кононова прошел Всеказачий съезд под председательством участника Гражданской войны, войскового старшины Н.Л. Кулакова, одного из руководителей ГУКВ. Участникам съезда Кононов предложил следующую политическую программу:

- немедленное подчинение всех казачьих частей генералу Власову;
- роспуск ГУКВ и отставку генерала Краснова;
- удаление из казачьих частей всех немецких офицеров, не понимающих устремлений казаков;
- установление связи с военным министром югославского национального правительства в изгнании генералом Д. Михайловичем;
- сбор всех казачьих частей в районе г. Клагенбург-Зальцбург для создания ударной армии;
- публикация на всех языках Декларации о военных целях казаков.

Съезд постановил принять программу и избрал Походным Атаманом генерал-лейтенанта фон Паннвица.

20 апреля 1945 года приказом Власова было утверждено избрание фон Паннвица и вхождение казачьих формирований в состав Вооруженных Сил КОНР. 28 апреля Гиммлер санкционировал решение съезда о переходе казаков в РОА.

Пока кипели политические страсти, казаки держали фронт против советских и югославских частей. 1-я дивизия прикрывала отход немецких частей из Хорватии, на смену ей пришли части 2-й дивизии и держали фронт до 6 мая. Как и беженцам Казачьего Стана, казакам Паннвица пришлось с боем и в тяжелых погодных условиях пробиваться через горы в Австрию. 6-й Терский полк был окружен болгарскими частями

и был вынужден сдаться английским военнопленным из находившегося неподалеку лагеря. Основная масса казаков сложила оружие перед англичанами 11-12 мая.

Танкисты

Посвящается выпуску казаков-танкистов

*Казачество Тихого Дона, по коням,
Кубанцы и терцы, по коням, вперед!
Теперь наши груди окованы бронью,
Казачая вольность, в Крестовый поход!*

*По коням, по коням, по коням, по коням!
Вставай на дыбы конь закованный в сталь.
С полей наших красные орды изгоним
И песня победы пойдет с нами вдаль.*

*В атаку марш, марш удалые танкисты,
Пылай дух свободы в душе казака,
Струю холодной, струю игристой,
Напоит сыночков родная река.*

*Железной волною казацкая лава
Катись и былые высоты достань,
На знамени нашем — отцовская слава,
А клич наш «На Терек, на Дон, на Кубань!»*

5. РУССКИЕ В НЕМЕЦКИХ СПЕЦСЛУЖБАХ

Генерал Смысловский и его тайная армия

Помимо уже упоминавшихся нами выше восточных частей и подразделений немецкой армии существовали части и подразделения специального назначения, сформированные из числа русских эмигрантов. Первыми ласточками были диверсанты и разведчики, которых немецкое командование

забрасывало на территорию СССР начиная с 15 июня 1941 года. Одетые в форму РККА, милиции и железнодорожников и снабженные соответствующими документами, группы имели своим заданием совершение диверсий с началом военных действий. Начальник штаба группы армий «Б» генерал-лейтенант Г. Грейфенберг возлагал большие надежды на использование диверсионных подразделений в первые дни нападения. Особое место в этих планах отводилось **800-му учебному полку особого назначения «Бранденбург»**, в составе которого действовали белоэмигранты, уроженцы Прибалтики, Украины и Закавказья. В первые часы войны работа диверсантов дала себя знать: в Бресте и Кобрине были выведены из строя электростанция и водопровод, прервалась проволочная связь штаба округа с войсками.

С продвижением немецкой армии вглубь СССР органы немецкой военной разведки и контрразведки пытались оперативно решать возникающие проблемы, основной из которых было наличие в немецких тылах больших групп советских военнослужащих-окруженцев и оставленных со специальными заданиями чекистских групп, партизанских отрядов и подполья.

В июне 1941 года в структуре Абвера был создан **штаб «Валли»** для непосредственного руководства разведывательной деятельностью на советско-германском фронте. В 1942 году для борьбы с партизанами и создания повстанческого движения в советском тылу был создан **«Специальный штаб «Россия»» (Зондерштаб «Р»)**. Во главе этой структуры встал Борис Алексеевич Смысловский — белоэмигрант и бывший офицер Русской Императорской армии.

Деятельность этого человека до сих пор окружена плотной завесой молчания. Ранее имя Смысловского мимоходом упоминалось лишь в нескольких документальных произведениях о работе советской разведки в годы войны. Личность руководителя «Зондерштаба» и его деятельность заслуживают более подробного рассказа.

Борис Алексеевич Смысловский появился на свет в конце XIX века в семье кадрового офицера. Как и его отец, он избрал для себя военную карьеру и после окончания кадетского корпуса и Михайловского артиллерийского училища поступил на службу в гвардейскую артиллерию. С 1915 года

поручик Смысловский находится на фронте. Боевой путь молодого и храброго офицера был отмечен многими орденами Империи. В 1917 году Смысловский поступил в Академию Генерального Штаба, однако, начавшаяся смута переречкнула честолюбивые планы гвардейца. Окончание гражданской войны застало его на территории Польши, где штабс-капитан Смысловский занимал должность начальника разведывательного отделения штаба 3-й Русской армии, формировавшейся генералами Глазенапом и Бабошко. После окончания военных действий Смысловский уходит со службы, женится на польской подданной и, приняв польское гражданство, проживает в Варшаве.

В 1928 году он переезжает в Германию, где поступает на высшие курсы Академии Генштаба Рейхсвера (Truppenamt). В своей статье «Эпопея генерала Смысловского» С. Дробязко предполагает, что уже в середине 20-х годов Смысловский был связан с немецкой разведкой и даже работал на нее против Польши.

Помимо обучения в Труппенамте, Смысловский принимает деятельное участие в работе польского отдела Русского Общевоинского Союза (РОВС) под руководством генерала Трусова, где занимает должность начальника штаба Варшавского отдела. Весной 1941 года Смысловский вместе с генералом Трусовым встречались с генерал-майором А.А. фон Лампе, возглавлявшим Объединение Русских Воинских Союзов в Рейхе. На встрече обсуждался вопрос о путях возможного сотрудничества с немцами в случае начала боевых действий против Советского Союза.

Следует отметить, что 21 мая 1941 года, вскоре после этой встречи, фон Лампе составил обращение к фельдмаршалу Браухичу, в котором предоставлял в его распоряжение кадры своего Объединения в будущей войне против «Советов». В письме к Браухичу Лампе писал:

«Русские военные эмигранты с первого дня героической борьбы Германии за свое существование с глубоким вниманием присматриваются к событиям, связанным с этой борьбой, и, не считая себя вправе сказать свое слово, всеми силами стараются заменить ушедших в армию на фронт бойцов на их должностях в далеком тылу, чтобы, хотя бы в не-

большой степени, принять участие в борьбе Германии против Англии, векового врага национальной России.

Для нас нет никаких сомнений в том, что последний период борьбы выразится в военном столкновении Германии с Союзом Советских Социалистических Республик. Это неизбежно уже в силу того, что коммунистическая власть, стоящая сейчас во главе нашей Родины, никогда не сдержит ни своих договоров, ни своих обещаний, уже по самой своей коммунистической сущности...

И потому теперь, когда наступает новый, быть может, самый решительный час, самая решительная стадия борьбы, в которой мы уже не можем удовольствоваться скромной ролью в тылу, а должны принять то или иное активное участие, я считаю своим долгом заявить Вашему Превосходительству, что я ставлю себя и возглавляемое мною Объединение Русских Воинских Союзов в распоряжение германского военного Командования, прося Вас, господин генерал-фельдмаршал, дать возможность принять участие в борьбе тем из его чинов, которые выразят свое желание это сделать и физически окажутся пригодными».

Предложение генерала осталось без ответа. 5 июля Лампе повторил свое обращение, и оно было передано Гитлеру. 10 июля генералу сообщили, что его обращение обсуждалось Главным командованием германских вооруженных сил. В середине августа Лампе получил ответ, где сообщалось, что «...В настоящее время чины Объединения не могут быть применены в германской армии».

Впоследствии Лампе издал приказ по Объединению, в котором довел до сведения его членов, что каждый вправе действовать самостоятельно, не теряя с ним связи. Начал самостоятельно действовать и Смысловский, являвшийся к тому времени официальным сотрудником **Абвернебенштелле (АНСТ) «Варшава»**. Позднее он был принят на службу в качестве К-зондерфюрера (капитана), переводчиком отдела IЦ штаба группы армий «Север». В это же время Смысловский взял для себя псевдоним «фон Регенау». Русский офицер постепенно получает признание у своего немецкого руководства и вынашивает идею создания русского разведывательного подразделения для сбора информации о противнике.

Такое формирование было им создано при штабе группы армий «Север» в июле 1941 года и получило наименование **«1-й русский зарубежный учебный батальон» (Lehrbatallion für Feind-Abwehr und Nachrichtendienst)**. По времени создания батальон Смысловского можно смело назвать первым русским добровольческим формированием на Восточном фронте. Батальон находился под опекой штаба «Валли».

«Валли» был создан как центр ведения антисоветской подрывной деятельности на Восточном фронте, имея в своем подчинении 21 абверкоманду и не менее 70 абвергрупп, в составе каждой из которых находилось немало сотрудников-эмигрантов или уроженцев СССР. Радиочасть «Валли» постоянно следила за эфиром в поисках сигналов от своих агентов и диверсантов по ту сторону фронта. Особый отдел занимался перехватом и дешифровкой сообщений советских партизанских радиостанций. Деятельность штаба обеспечивали десятки мастерских, лабораторий и типографий. Непосредственно антипартизанскими акциями занимался III-й отдел «Валли» под руководством полковника Гейнца Шмальшлегера.

Русский батальон Смысловского создавался как база для развертывания других русских разведывательных подразделений частей и задачу свою выполнил — в течение 1941–1942 гг. на его базе были развернуты **12 русских батальонов (фактически — разведшкол), объединенные в т.н. «Северную группу»**. Костяк батальонов «Северной группы» составил **1001-й русский гренадерский разведывательный полк**, инспектором которого являлся сам Смысловский. Кадры подбирались из числа эмигрантов, но затем в него стали принимать и бывших военнопленных. Национальный состав полка был представлен военнослужащими всех национальностей СССР.

Крупнейшим поставщиком кадров для воинства Смысловского являлась **Варшавская разведшкола Абвера**, бывшая в то время своеобразной «академией» по подготовке русскоязычной агентуры и радистов для работы в советском тылу. Сами курсы школы располагались в местечке Сулеювек (Сувалки) в бывшем имении маршала Пилсудского. Набор курсантов производился после тщательной проверки военнопленных офицеров РККА, имевших достаточное высшее или среднее специальное образование. В школе преподавали бывший ге-

нерал-майор РККА Рихтер (под псевдонимом «Рудаев») и Б.Б. Салихов («Османов»), руководил школой майор Мосс («Марвиц»). Преподаватели и инструктора школы были в основном из числа немцев и белоэмигрантов, иногда из пленных командиров РККА. Весь личный состав постоянно находился под негласным наблюдением контрразведки. В связи с наступлением Красной Армии школа была передислоцирована в г. Вайгельсдорф в 60 км западнее Бреславля, где была преобразована в «Русскую школу». Возглавлял ее полковник И.И. Мусин — бывший генерал-майор Рихтер-Рудаев. В 1945 году школа была расформирована, а ее учащиеся переведены в «Зеленую армию», речь о которой пойдет далее.

Еще одна разведшкола «Бальга» (или «Русская Колонна») располагавшаяся в одноименном местечке на границе Эстонии и Латвии готовила кадры для Смысловского. Первые наборы курсантов в школу производились из числа молодых добровольцев-эмигрантов. Созданием школы занимался капитан-лейтенант Шеллер и руководитель «Абверкоманды-101» (радиопозывной «Марс») подполковник Гемприх («Петергоф»).

Против этого центра подготовки агентуры и диверсантов советской контрразведкой была разработана и проведена операция по «изъятию» майора Бориса — преподавателя тактики и топографии.

В марте 1942 года при штабе «Валли» был сформирован «Зондерштаб Р» («Р» — Россия) — специальное отделение для ведения борьбы с партизанским движением, а также разведывательной и контрразведывательной деятельности. Спецштаб находился в непосредственном подчинении начальника «Валли-1» майора Бауна. Дислоцировался в Варшаве по ул. Хмельная, д.7, позднее по ул. Н. Свят, д.5 под вывеской «Восточная строительная фирма «Гильген». Полевая почта № 06100 В. Начальником «Зондерштаба» был назначен Б-зондерфюрер (майор) Смысловский.

В 1943 году Смысловский-Регенау получает чин подполковника, через некоторое время — полковника. Быстрый рост званий был обусловлен успехами в организации работы.

Заместителем начальника «Зондерштаба Р» был бывший полковник Генштаба РККА М.М. Шаповалов («Раевский»), впоследствии командир 3-й дивизии РОА.

В первый период своего существования «Зондерштаб Р» имел три оперативных и административно-хозяйственный отделы.

1-й отдел вел разведывательную работу против партизанских отрядов, руководил работой межобластных и районных резидентур, получал от них агентурные материалы и после соответствующей обработки направлял в штаб «Валли». Руководил отделом полковник Шаповалов.

2-й отдел — контрразведка (по личному составу). Отдел ведал проверкой, приемом и увольнением личного состава подразделений штаба, проводил среди его сотрудников агентурную работу. Начальник отдела — старший лейтенант Бондаревский, он же Бондаровский В.М.

3-й отдел. Проводил пропаганду в целях разложения партизанских отрядов. Начальник отдела — А.Э. Вюрглер.

4-й отдел — административно-хозяйственный. Занимался снабжением сотрудников штаба и резидентур продовольствием и вещевым довольствием. Начальник отдела — некто Плотников.

Структура органа неоднократно менялась. Так, в июле 1943 года был ликвидирован отдел пропаганды, а наименование «3-й отдел» было присвоено административно-хозяйственному отделу. В это же время при контрразведывательном отделе был сформирован осведомительный сектор во главе с бывшим начальником отдела пропаганды Вюрглером.

Всю практическую деятельность «Зондерштаб Р» проводил через межобластные резидентуры, имевшие наименование «разведывательно-резидентские области». Вся оккупированная советская территория делилась до июля 1943 года на пять, а позднее на четыре таких области.

Разведывательно-резидентская область А. Штаб дислоцировался в г. Симферополе по Крестьянской ул. д.1, и ее деятельность охватывала всю территорию Крыма. В Симферополе, Севастополе, Феодосии были районные резидентуры. Начальник — Бобриков Г.Г., майор РОА, затем зам. начальника Вайгельсдорфской разведшколы.

Разведывательно-резидентская область Б. Штаб — в Киеве, затем — в Умани. Охватывала собой среднюю и южную часть Украины. Резидентуры располагались в Киеве (Дар-

ницкий район), Днепропетровске, Черкассах, Полтаве, Виннице, Кировограде, Белой Церкви, Умани, Николаеве, Пирятине, Фастове и Иванкове. Начальник бывший полковник армии УНР Ребарчук (Рыбачук) Н.М., ранее сотрудник Абвергруппы 205.

Разведывательно-резидентская область Ц. Штаб дислоцировался в Чернигове. Действовал в северных районах Украины и юге Белоруссии. Резидентуры располагались в Бобруйске, Гомеле, Полоцке, Новозыбкове, Клинцах, Лоеве, Калинковичах, Чернигове, Стародубе, Прилуках, Ковеле, Козельце, Овруче, Слуцке и местечке Куликовка. В сентябре-октябре 1943 года резидентуры в Бобруйске, Полоцке и Слуцке были переданы в состав разведывательно-резидентской области Ц1. Главный резидент — Отрожко, он же Арский, он же Павленко Н.Н. псевдоним «Мартынов» — ст. лейтенант, до 1942 г. сотрудник Абверкоманды 103.

Разведывательно-резидентская область Ц1. Действовала на территории Белоруссии. Областной аппарат вначале находился в Могилеве, а с 15 октября 1943 года — в Минске. Резидентуры были в Орше, Себеже, Могилеве и с осени 1943 года — в Слуцке, Бобруйске, Жлобине, Полоцке. Главный резидент до октября 1943 года — Хоментовский А.Ф.

Разведывательно-резидентская область Д. Действовала на территории Прибалтики и в северных областях России. Областной аппарат находился в Пскове, затем в г. Выру (Эстония). Резидентуры — в Нарве, Луге, Порхове, Гдове, Опочке, Острове и Себеже. Главный резидент — подполковник РОА Ливотов (он же Леготов А.Н.).

Связь руководства разведывательно-резидентской области с резидентурами проходила через курьеров, которые два раза в месяц доставляли отчетные материалы. Агентурная сеть состояла из штатных агентов, находившихся на полном ее содержании, разъездных агентов-разведчиков и информаторов по населенным пунктам. Агенты и разведчики состояли на связи у резидентов, а информаторы — у штатных агентов. Областные и районные резидентуры создавались, главным образом, в местах наибольшей активности партизанских отрядов и действовали под прикрытием хозяйственных организаций — дорожных и строительных отделов, заготконтор и пр.

Через сеть информаторов и разведчиков из местных жителей резидентуры вели работу по выявлению дислокации партизанских отрядов, их руководящего состава, численности, партийной прослойки, наличия работников НКВД—НКГБ, средств связи с центром, района действий, баз снабжения и вооружения. С целью разложения и склонения партизан к переходу на сторону немцев резидентуры внедряли агентов в состав партизанских отрядов.

Командующий войсками оперативного тылового района группы армий «Юг» генерал фон Роквес писал:

«Большинство сотрудников “Зондерштаба Р” — россияне и украинцы. В основном это эмигранты и бывшие офицеры царской армии. Речь идет про специально выбранных и проверенных лиц, подготовленных “Зондерштабом Р” для выполнения заданий — вербовки на местах надежных агентов для дальнейшего использования их в разведке партизанских районов, а если получится, то и в самих отрядах. Разведданные высылаются в “Зондерштаб Р”, а также в разведотделы охранных дивизий и полевых комендатур... Информация о деятельности агентуры “Зондерштаба Р” передается войсковой контрразведке, тайной полевой полицией, службе безопасности, чтобы агенты могли действовать спокойно».

О результативности работы агентуры свидетельствует донесение в штаб «Валли», захваченное советскими партизанами у убитого немецкого офицера на шоссе Новоград-Волынский — Ровно: «Генерал-майор Наумов — командир объединенных банд, что действуют преимущественно в Киевской области. Намеревается пробиться в южную степную часть Украины... Имеет мощный авторитет и славу смелого импровизатора бандитских методов борьбы. Преимущественно уничтожает мелкие гарнизоны и нападает на штабы. Редко когда не добивается большого успеха... Оружием и боеприпасами его обеспечивают из Москвы, оттуда же приходят инструкции. Крайне опасен умением создавать угрозу штабам, военнослужащим и чиновникам... Ему 30–32 года, среднего роста, блондин. Чисто выбрит. Всегда в мундире с золотыми генеральскими погонами, при орденах и Звезде Героя».

Особенно активно действовала под прикрытием военно-строительной конторы межобластная резидентура в Черни-

гове, возглавляемая бывшим полковником армии УНР Петром Дьяченко, и находившаяся там же областная резидентура во главе с бывшим белым офицером Подоляком (он же Навроцкий Алексей). Резидентура Дьяченко проводила контрразведывательную работу против партизанских соединений Ковпака и Федорова.

Помимо засылки агентуры к партизанам люди Смысловского занимались созданием собственных партизанских отрядов, примером чему может служить отряд Роздымахи, оперировавший в Брянской области после ее освобождения. В Рипкинском районе Черниговщины аналогичный отряд был создан летом 1943 года стараниями Дьяченко, результатом чего стала ликвидация советского партизанского отряда и убийство его руководителей.

В белорусском городке Осиповичи действовал под видом рабочего сотрудник «Зондерштаба» (**Бобруйская резидентура**) Виктор Курцын. На счету у Курцына к тому времени были разоблаченные подпольные организации г. Чернигова и Щорса. Результатом его деятельности в Осиповичах стала ликвидация городского подполья в сентябре 1943 года. Уцелевшие подпольщики были вынуждены уйти в лес, свернув свою деятельность в городе.

Агентура подбиралась и вербовалась из бывших членов партии и комсомола, советских активистов, неустойчивых партизан, лиц ранее репрессированных, женщин, имевших связи с руководящим составом партизанских отрядов. Вербовка производилась под угрозой ареста или отправления на работу в Германию, либо с учетом тяжелого материального положения вербуемого.

Для выявления партизан и их связей использовались также старосты, полицейские, лесники, а также родственники и близкие агенты резидентов. В контрразведывательной работе резидентуры широко применяли маршрутные поездки агентов в районы действий партизанских отрядов под видом переписи скота, учета беспризорных детей, торговли штучными товарами. Эта агентура добывала сведения путем разработки лиц, связанных с партизанами.

Зондерштаб также проводил работу по выявлению советских разведчиков-парашютистов. Помимо разведработы и

контрразведки велась антисоветская пропаганда на оккупированной территории. Сотрудники отдела пропаганды распространяли агитационную литературу, организовывали собрания и беседы, вербовали военнопленных в ряды РОА.

Штаб работал в тесном контакте с СД и ГФП, отделами 1Ц воинских частей, фельд- и ортскомендатур, куда передавал материалы для реализации.

Для подготовки квалифицированных агентов при «Зондерштабе Р» в Варшаве действовали **специальные курсы «внутренней разведки»**. Занятия с курсантами проводились в помещении общежития сотрудников штаба на Хмельной улице, д.7. Преподавателем курсов был бывший полковник РККА Старунин И.А. (он же Зудков или Зуев). Курсантам читали лекции о способах установления дислокации партизанских отрядов, их численности и вооружении, о методах подбора, заброски и внедрения агентуры. Проводились практические занятия по составлению донесений, разработке легенд и заданий. Агенты также изучали топографию, слушали лекции о политическом строе Германии, ее истории.

Представитель «Зондерштаба» в Киевской области бывший офицер Императорской и Белой армий А. Моисеев оставил воспоминания, в которых сообщает о засоренности киевского отдела штаба советской агентурой и об интригах, из-за которых ему пришлось перейти в РОА. Судя по воспоминаниям А. Моисеева, состав сотрудников «Зондерштаба» был разношерстным — в одном из украинских филиалов служил бывший жандарм Домбровский, советские офицеры-перебежчики и казаки, члены НТС.

Председатель Польского отдела НТС А.Э. Вюрглер в 1942–1943 гг. возглавлял 3-й отдел «Зондерштаба Р» и был убит при загадочных обстоятельствах. В начале войны многие солидаристы с помощью «Зондерштаба» получали надежные документы, немецкую униформу и действовали на оккупированной территории СССР, отстраивая свои первичные организации и пытаясь создать «Третью силу» в среде партизанских отрядов. Б. Прянишников пишет, что цели НТС и Смысловского не совпадали и Вюрглер и другие солидаристы пытались направить партизан как против немцев, так и против Советской власти. О тайной деятельности НТС у себя

под боком Смысловский узнал от собственной агентуры и принял меры. Вюрглер был обвинен в заговоре, а Байдалаков и того хуже — в связях с польским подпольем и английской разведкой. 23 декабря 1943 года в Варшаве среди белого дня А.Э. Вюрглер был убит двумя выстрелами в затылок. Тайна этого убийства не раскрыта до сих пор.

После войны, в журнале «Суворовец» Смысловский пишет: «...В последнее время НТС начал против нас вести ожесточенную травлю, приписывая нам действия, нами никогда не совершенные. Он старается нас выставить как группу профессиональных разведчиков. Мы не отрицаем... и вот благодаря тому, что мы действительно разведчики, я предлагаю господам из НТС быть осторожными. Ведь мы — старые знакомые. Мы встречались не раз с г-ном Байдалаковым в Берлине. Около 200 членов партии НТС служили в Зондердивизии “Р” под моей командой. Об их деятельности мы информированы лучше, чем кто-либо другой».

Прохладные отношения сложились у Смысловского с генералом Власовым. Две встречи в конце 1942-го и в апреле 1943 года результатов не дали. В конце 1944 года Власов предложил Смысловскому должность начальника штаба Вооруженных Сил КОНР, однако тот отказался. До последних дней войны Смысловский считал власовскую идеологию социалистической и не мог согласиться с призывами к борьбе с Великобританией и США. В отличие от Власова, Смысловский подчеркивал, что целью борьбы может быть только победа над СССР, а до борьбы Германии против «западных плутократий» ему никакого дела нет. Впоследствии эта «дальновидная позиция» сыграла свою роль при установлении им контактов с представителями западных спецслужб.

По данным «Архива РОА», на своем посту начальника «Зондерштаба Р» Смысловский развернул весьма прибыльную коммерческую деятельность. Играя на официальном и «черном» курсах немецкой марки, Смысловский скупал в больших количествах валюту и драгоценности у евреев, его состояние оценивалось в миллионную сумму. Помимо него коммерцией также занимались Шаповалов, Вюрглер и другие руководящие лица.

К началу 1943 года была произведена реорганизация русских разведывательных подразделений Смысловского, которые

объединились в «Дивизию особого назначения «Россия». В состав дивизии вошли учебные батальоны и личный состав **Варшавской «Русской объединенной разведшколы»**. Формирование влилось в Вермахт и позднее стало известно как «Дивизия «Россия». Начальником штаба соединения стал М.М. Шаповалов.

В начале ноября 1943 года резидентуры на местах были реорганизованы. 1-й оперативный отдел штаба был расширен и преобразован в оперативно-разведывательное управление в составе трех отделов — русского, украинского (начальник полковник Петр Евлеевич Крыжановский, затем возглавлял переправочный пункт Вайгельсдорфской разведшколы) и белорусского (начальник Рiskeвич, бывший капитан югославской армии). На отделы была возложена задача по проведению зафронтowej разведки советского тыла. Отделы состояли из двух основных отделений: внешней и антипартизанской разведки, кроме них были введены должности специальных офицеров-вербовщиков агентуры.

Разведывательно-резидентские области были подчинены отделам по национальному признаку. Штат каждой разведывательно-резидентской области после реорганизации состоял из главного резидента-начальника области, трех помощников и нескольких курьеров для связи с районными резидентами. В областной аппарат также входили вербовщик агентуры и несколько штатных агентов. В подчинении каждой разведывательно-резидентской области было от 8 до 20 районных резидентур.

Осенью 1943 года резидентам было предложено срочно выявить из их агентуры специалистов — радистов и связистов, а также других подходящих лиц, которых можно было бы направить в школу разведчиков-радистов.

Для обучения радистов были организованы **курсы** в м. Миттенгайде, близ города Алленштайна в Восточной Пруссии. На курсах обучалось около 30 агентов. Начальником курсов был лейтенант Гресс, преподавателем разведдела — немец Лейдер.

Еще одна **спецшкола** размещалась в м. Обераммергау (Бавария). Здесь готовили радистов для отрядов УПА. Школой руководил полковник П. Дьяченко. По неподтвержденной информации здесь же скрывался от немецких репрессий руководитель Варшавского восстания Бур-Коморовский.

Для активизации зафронтной разведки начальники резидентских областей с рабочим аппаратом были передислоцированы ближе к фронту и должны были постоянно находиться при штабах тылов немецких армейских групп. Их помощники по внешней разведке были прикомандированы к разведывательным абверкомандам, дислоцировавшимся на территории резидентской области. К штабам армий были прикомандированы по 3 офицера разведки и связи из разведывательно-резидентских областей, которые должны были осуществлять заброску агентуры и руководство ею.

Особое внимание уделялось созданию **разведывательных резидентур** на освобождаемой советскими войсками территории. Осенью 1943 года главным и районным резидентам были направлены несколько директив по этому вопросу, в одной из которых предлагалось: «...В случае оставления пункта по причине отвода германских войск, резидентуре вменяется в обязанность оставлять на месте прежней дислокации своих агентов для разведывательной работы в тылу противника».

Оставляемые на оседание подбирались из пожилых людей и инвалидов, не подлежавших мобилизации в армию или на трудовые работы. Эти агенты должны были собирать данные о численности и технической оснащенности воинских частей Красной Армии, политическом настроении военно-служащих и местного населения.

Конкретные задания агенты получали из отделов 1Ц немецких воинских частей, действовавших на близлежащем участке фронта. Резидент «Зондерштаб Р» представлял намеренных для оставления агентов работникам отдела 1Ц для получения задания и паролей. Кроме того, резидент оставлял агентам пароль для связи с резидентурой. При отступлении вермахта резидент должен был передвигаться вместе с комендатурой, которая ранее дислоцировалась в районе его действий, и возобновлять работу в новых местах ее дислокации.

Для связи с агентами, оставленными на советской территории, резидент создавал явочные пункты. Полученные от агентуры разведматериалы начальник явочного пункта передавал своему резиденту, а тот должен был срочно доставить их в «Зондерштаб Р».

Агент, перейдя линию фронта на сторону немецких войск, должен был явиться в отдел 1Ц, которому был передан. Если этого отдела на участке перехода не было, агент передавал добытые сведения в отдел 1Ц ближайшей воинской части. Если позволяла обстановка, агент должен был явиться на обусловленный явочный пункт.

В 1943 году численность зафронтовой агентуры возросла более чем в 40 раз. Только на южном крыле советско-германского фронта территориальные контрразведывательные органы СССР выявили свыше 700 разведчиков-зондерштабистов. Успехи были и у другой стороны. Так, в 1943 году ведомство Гелена издало секретный сборник «Ведомости партизанской войны», в котором весьма подробно и с явным знанием предмета излагались сведения об организационно-структурном строении советского партизанского движения, его тактике, вооружении и пропаганде. Кроме этого, геленовской разведке удалось выявить практически всех руководителей движения и места подготовки личного состава.

В 1943 году разведывательные структуры Смысловского устанавливают контакт с различными антисоветскими формированиями в тылах Красной Армии, включая Армию Крайову (АК), волынских повстанцев полковника Т. Боровца (Бульбы), остаточные группы власовцев и каминцев. Контакт был использован для последующего использования личного состава этих формирований в разведке и проведении диверсий. В состав этих тайных армий засылались подготовленные в учебных батальонах военные кадры, офицеры связи и специалисты.

В конце 1943 года Смысловский отказался подписать Смоленское воззвание Русского Комитета. Вскоре он был обвинен немцами в поддержке АК, НТС и УПА. Также в вину ему был поставлен отказ выдать Гестапо посетившего штаб полковника Бульбу-Боровца. Смысловский был арестован, дивизия расформирована. При этом немцы лишились потока разведывательной информации. В конце 1943 года комендант 585-го армейского тылового района сообщал в штаб 4-й танковой армии про ослабление агентурной работы в результате реорганизации «Зондерштаба Р»: «Большую роль в разведывательной работе против банд играют теперь группы тайной полевой полиции, команды абвера и разведывательные команды СД».

Пытаясь наверстать упущенное, в 1944 году в Белоруссии полицией безопасности и СД на базе резидентур «Зондерштаба Р» был создан и непродолжительное время действовал **контрразведывательный орган — штаб «Ингвар»**. Штаб дислоцировался в Минске под прикрытием немецкой строительной фирмы «Эрбауэр» («Восстановитель»). Во главе «Ингвара» стоял бывший резидент «Зондерштаба Р» в Минске, член НТС, Игорь Юнг, впоследствии сотрудник «Предприятия «Цеппелин».

«Ингвар» состоял из пяти отделов:

1-й — разведывательный (аналог 1-го отдела «Зондерштаба Р»). В отделе работали эмигранты из НТС Родзевич, Мичанов, Евреинов.

2-й — контрразведывательный. Занимался в основном сбором сведений о настроениях населения и деятельности националистических партий. В отделе работали сотрудники Соколовский, Денисенко, Вишенко и Богатырев.

3-й отдел — хозяйственный. В него входил так называемый торговый отдел, который изыскивал денежные средства для органа. Начальником отдела был Зеленский, сотрудники — Измestьев, Кондырев.

4-й отдел — функции не установлены. Возглавлял бывший начальник отделения внешней разведки русского отдела «Зондерштаба Р» Цуканов.

5-й отдел — кадровый. Руководитель — Залесский.

В Барановичах, Минске, Борисове действовали районные резидентуры «Ингвара».

Летом 1944 года, во время разгрома немцев под Минском, значительная часть сотрудников «Ингвара» ушла в бригаду Каминского.

Тем временем Смысловский полгода находился под следствием, которое вел генерал-фельдмаршал В. Кейтель. После его окончания руководитель «Зондерштаба-Р» был полностью реабилитирован и награжден орденом Германского Орла. Исправляя свою ошибку, отдел Генштаба «Иностранные армии Востока» во главе с Р. Геленом предложил Смысловскому вновь возглавить зафронтовую работу. Тот поставил перед немецким руководством условия, при выполнении которых согласился занять пост командира дивизии:

1. Расширение русских военно-разведывательных формирований.

2. Санкция на их существование от политического руководства Германии.

3. Предоставление всех прав и средств для организации антисоветского партизанского движения на территории Советского Союза.

4. Деятельность ограничивается только Восточным фронтом и ведется только против СССР.

Верховное командование приняло эти условия и сформировало штаб особого назначения при ОКХ, передав Смысловскому 12 учебных батальонов.

Выбывший в распоряжение штаба «Валли» основной руководящий состав «Зондерштаба Р» из русских белоэмигрантов в августе 1944 года находился в районе города Вайгельсдорф (Верхняя Силезия). Там Смысловский возглавил **«Русскую объединенную разведшколу»**. В ней обучались агенты, отчисленные из бывшей Варшавской и других школ немецкой разведки (в основном из школ «прибалтийской группы» — из м. Летсе, Стренчи и пр.) В это же время люди Смысловского вели разведывательную работу против частей Красной Армии на территории Польши. В подчинении органа было несколько переправочных пунктов (мельдекопфов).

В январе-феврале 1945 года штаб Смысловского вместе с «Русской объединенной разведшколой» выбыл в район г. Эшенбаха (Бавария), где объединился с контрразведывательной школой РОА, прибывшей из г. Хиршберга. В конце марта 1945 года бывший руководитель контрразведывательной школы РОА полковник Тарасов («Соболев») по заданию Смысловского завербовал в лагерях военнопленных в районе города Циттау (Саксония) около 200 агентов. Все они прошли двухнедельный курс обучения в школе.

2 февраля 1945 года в местечке Бад-Эльстер Смысловский получил приказ о переименовании «1-й русской национальной дивизии» в «Зеленую армию особого назначения» (Die Gruene Armee Z. b. V.). Тогда же ее главнокомандующим сменил псевдоним на «Артур Хольмстон». После переговоров с ОКХ его части стали именоваться **«1-я Русская национальная армия» (1-я РНА)**. Это военное объединение получило статус союзника

Вермахта, сохраняло нейтралитет по отношению к армиям США и Великобритании и имело право на использование трехцветного русского флага. По информации советской разведки, немцы не разрешили Хольмстону-Смысловскому направить свою «зеленую армию» в тыл советских войск.

В это время Хольмстон-Смысловский получил звание генерал-майора. Начальником штаба армии был назначен белоэмигрант, георгиевский кавалер, полковник С.Н. Ряснянский.

Предполагалось, что в состав армии войдут Русский Корпус (до 6 тыс. бойцов) и 3-я дивизия РОА генерал-майора М.М. Шаповалова (10 тыс. невооруженных бойцов). После переговоров Смысловского с генералом фон Лампе, последний предоставил в распоряжение РНА 2500 членов РОВСа и бывших офицеров Генерального штаба. На руководящие должности были поставлены в основном эмигранты. Штаб армии возглавил офицер Императорской и Белой армий подполковник Евгений Месснер, помимо него туда вошли майор Клементьев (бывший савинковец, член «Национального Союза Защиты Родины и Свободы») и подполковник Истомин. Контрразведку возглавил майор Каширин, отдел снабжения — подполковник Кондырев, штаб-квартиру — подполковник Колюбакин. 1-й полк РНА возглавил полковник Тарасов-Соболев, 2-й — полковник Бобриков. Общее количество личного состава армии насчитывало 6 тысяч человек.

В первых числах апреля 1945 года части РНА, находившиеся на марше, подверглись ожесточенной воздушной бомбардировке и не смогли прибыть в район сбора. В результате этого многие подразделения РНА погибли под ударами союзников или попали в плен. 18 апреля на военном совете РНА Смысловский отдал приказ о выступлении в сторону Швейцарии с местом сбора г. Мемминген. Ожидалось, что туда же прибудет Русский Корпус. Однако десятидневное ожидание не дало результата и 26 апреля остатки РНА двинулись в направлении на Фельдкирх.

Под Кемптенем части РНА встретили 3-ю дивизию РОА под командованием М.М. Шаповалова, но тот не посмел отдать приказ о соединении и направил свою неукомплектованную дивизию в сторону Праги. Впоследствии генерал-майор Шаповалов был захвачен чешскими партизанами и расстрелян.

В районе г. Фельдкирх к колонне 1-й РНА присоединились гражданские беженцы, среди которых находились титулованные особы: эрцгерцог Альбрехт, великий князь Владимир Кириллович со свитскими, председатель варшавского Русского Комитета С.Л. Войцеховский, бывшие члены правительства Виши — маршал Петэн и премьер-министр Лаваль. В ночь со 2 на 3 мая 1945 года в снежную бурю части РНА, договорившись с немецкими пограничниками, перешли границу Лихтенштейна в местности Хинтершелленберг. Для отвлечения швейцарских пограничников на одном из участков границы была устроена ложная демонстрация прорыва со стрельбой. Хитрость удалась, и основная колонна вошла на территорию Лихтенштейна.

Начались переговоры с представителями властей княжества, в ходе которых было достигнуто соглашение о предоставлении РНА политического убежища. Великому князю Владимиру Кирилловичу и комитету Войцеховского в этом было отказано, и они возвратились в Австрию, откуда Владимир Кириллович на самолете перелетел в Испанию. Из-за угроз французов перейти границу княжества им были выданы Лаваль и Петэн.

Таким образом, остатки 1-й РНА, насчитывавшие теперь всего 494 человека, укрылись на территории Лихтенштейна и разместились в лагере близ местечка Руггель и в городе Вадуц на частных квартирах. Оружие было складировано в столице княжества Вадуце, а затем брошено в Боденское озеро. Первое время с личным составом лагеря Руггель проводились занятия по военным и разведывательным дисциплинам. В беседах Хольмстон-Смысловский заявлял, что в скором времени придется снова вести борьбу против СССР на стороне Великобритании и США.

Несмотря на давление победителей, князь Лихтенштейнский Франц-Иосиф II не позволил выдать интернированных русских. Срочно созданный в княжестве Красный Крест под патронажем княгини Лихтенштейнской взял на себя заботу о них. Нервозность в накаленную обстановку внесло известие о готовящемся нападении французских партизан, действовавших под прикрытием 1-й французской армии. Похитители хотели выкрасть Смысловского и других офицеров. Налет не состоялся, так как французское командование запретило акцию.

Советская репатриационная комиссия, прибывшая в Лихтенштейн в августе 1945 года, потребовала выдать военнослужащих РНА и, прежде всего, их командиров как «военных преступников». Парламент княжества отказал в этом, потребовав от советской стороны предоставления доказательств их преступлений. Несмотря на твердую позицию Лихтенштейна, Смысловский был вынужден допустить членов советской репатриационной комиссии к личному составу РНА. После собеседования 200 человек выразили желание вернуться в СССР.

По информации советских органов Госбезопасности, в Руггельском лагере некоторые чины 1-й РНА были перевербованы офицерами американской разведки и в числе репатриантов засланы в Советский Союз. Перед выездом в СССР агенты получали задания вести разведывательную работу, создавать диверсионные группы и активизироваться в случае начала новой войны.

В период пребывания Смысловского в Вадуце его посетил глава американской разведслужбы в Европе Аллен Фостер Даллес и другие специалисты. Хольмстон стал для них бесценным источником информации о положении в СССР — все это время он поддерживал связь со своей агентурой в Стране Советов. Некоторое время спустя он передал всю свою агентуру своему бывшему непосредственному начальнику — генералу Рейнгарду Гелену, руководившему немецкой разведслужбой в американской оккупационной зоне Германии. Фактически можно предположить, что Смысловский выторговал у Запада жизнь и безопасное существование чинам своей армии в обмен на возможности своей разведывательной сети.

В течение двух лет жители крошечной сельскохозяйственной страны, где вся полиция насчитывала 11 человек, содержали немалую беженскую колонию русских, выделяя из своего кармана 30 тысяч французских франков в месяц. Русские платили за гостеприимство работой на виноградниках, полях и фермах. В сентябре 1947 года русские получили визы и вместе со своим бывшим командиром отплыли в Аргентину. Все транспортные расходы также оплатило княжество.

В эмиграции Смысловским было создано **«Российское Военно-Национальное Освободительное Движение имени Генералиссимуса А.В. Суворова» (Суворовский Союз)**, объединившее

в своих рядах бывших военнослужащих 1-й РНА, в котором сам он получил титул командора. Союз имел свой печатный орган — газету (с середины 50-х годов журнал) «Суворовец». В 1957 году нью-йоркское «Всеславянское издательство» выпустило в свет книгу Б.А. Хольмстона-Смысловского «Война и политика. Партизанское движение». В 1966 году Смысловский с супругой поселились с согласия лихтенштейнских властей в Вадуце, где бывший генерал и скончался 5 сентября 1988 года на 91-м году жизни.

Русские в «Предприятии “Цеппелин”»

В марте 1942 года Главным Управлением Имперской Безопасности (РСХА) для дестабилизации советского тыла был создан **разведывательно-диверсионный орган «Предприятие “Цеппелин”»**. Эту задачу пытались решить заброской подготовленной агентуры в тыловые районы СССР, имеющие важное оборонное и экономическое значение, а также в национальные республики, края и области для сбора информации о политическом положении в стране, проведения антисоветской и националистической пропаганды, организации повстанческого движения, осуществления терактов над высшим партийным, советским и военным составом.

В своей работе «Цеппелин» руководствовался «Планом действий по политическому разложению Советского Союза»:

«Необходимо стремиться к тактике возможно большего разнообразия. Должны быть созданы специальные отряды для действия, а именно:

- разведывательные группы — для сбора и передачи сведений из СССР;
- пропагандистские группы — для распространения социальной, национальной и религиозной пропаганды;
- повстанческие группы — для организации и проведения восстаний;
- диверсионные группы — для проведения политических диверсий и террора...».

Во время наступления немецких войск летом 1942 года на Северном Кавказе «Цеппелином» были десантированы на

территориях Армении, Грузии, Азербайджана и республик Северного Кавказа агенты, подготовленные Евпаторийской разведывательно-диверсионной школой. Им вменялось создание повстанческих отрядов, распространение паники в тыловых районах и ведение разведки и диверсий.

2 октября 1942 года в Антроповском районе Ярославской области была задержана группа агентов-парашютистов в составе: Перевалов — бывший лейтенант Красной Армии, Латышев — бывший сержант и Головачев — бывший красноармеец. При них было обнаружено: радиостанция, один ящик с взрывчаткой, три гектографа, запас чистой бумаги для изготовления листовок, 177 600 рублей, запасные штатские костюмы, фиктивные документы и чистые бланки. Группа имела задания: создать группы из антисоветских элементов, при их помощи организовать диверсии на железнодорожном транспорте и иных объектах, теракты в отношении советского и партийного актива, организовать печатание и распространение листовок от имени «Боевого Союза Русских Националистов» (БСРН), собирать и передавать по радио военно-разведывательные сведения. Все трое прошли обучение в разведывательно-диверсионной школе «Цеппелина» в м. Яблонь (Польша).

2 октября 1942 года аналогичная группа была задержана в Тамбовской области. При группе были рация, ящик с взрывчаткой, 9 револьверов, гектограф, 200 листовок БСРН, 135 850 рублей, фиктивные документы и пр.

В середине лета 1943 года в Грузию были заброшены питомцы Аушвицкого лагеря «Цеппелина» с заданием активизировать национальное меньшевистское подполье и вербовать антисоветски настроенных граждан для подготовки восстания.

После начала советского наступления на Восточном фронте «Цеппелин» активизировал мероприятия по организации сбора разведывательной информации и подготовке диверсионных актов.

«Предприятие “Цеппелин”» с момента его создания и до окончания войны вело свою работу в тесном контакте с органами Абвера, ОКВ и Восточным министерством. «Цеппелин» был подчинен 6-му управлению РСХА и в качестве реферата бЦ входил в отдел бЦ, отвечавшего за проведение разведывательных мероприятий в СССР и странах Ближнего Востока.

Первоначальным руководителем органа был штандартенфюрер СС Курек, после него штандартенфюрер СС Редер. В конце 1942 года «Цеппелин» объединился с рефератом 6Ц и его возглавил оберштурмбанфюрер СС доктор Хайнц Грейфе. В январе 1943 года, после гибели Грейфе в автокатастрофе, «Цеппелин» возглавил штандартенфюрер СС доктор Хенгельгаупт, в начале 1945 года — оберштурмбанфюрер СС Рапп.

Руководящий штаб состоял из аппарата начальника органа и трех отделов, разделенных на подотделы:

отдел Ц1 отвечал за комплектование и оперативное руководство низовыми органами и снабжение агентуры техническими средствами и снаряжением, имел 5 подотделов;

отдел Ц2 отвечал за обучение агентуры, имел в своем составе 4 подотдела:

подотдел Ц2А — подбор и обучение русской агентуры,

Ц2Б — то же, из казаков,

Ц2Ц — то же из уроженцев Кавказа и Закавказья,

Ц2Д — то же из уроженцев Средней Азии.

Отдел Ц3 обрабатывал материалы о деятельности особых лагерей «Цеппелина», фронтовых команд и агентуры, переброшенной в советский тыл.

В начале 1945 года штаб «Цеппелина» вместе с 6-м управлением РСХА был эвакуирован в южные районы Германии. Большинство руководителей «Цеппелина» после окончания военных действий оказалось в западной оккупационной зоне.

Фронтовые органы «Цеппелина» — фронтовые команды — действовали на всем протяжении Восточного фронта при айнзатцгруппах полиции безопасности и СД.

На северном участке фронта действовала особая команда «Цеппелина» при оперативной группе «А», сформированная в апреле 1942 года. Штаб команды дислоцировался в Гатчине (Ленинградская область). Команду возглавлял русский белоэмигрант Аркадий Николаевич Кочубей, а затем унтерштурмфюрер СС Грейфе, уроженец Москвы. Вербовщиком агентуры и переводчиком команды был оберштурмфюрер СС Делле Павел Петрович по кличке «Ланге» — «Длинный».

Именно этим органом была подготовлена к заброске в советский тыл пара диверсантов — Шилова и Таврин, заданием которых была ликвидация Верховного главнокомандующего.

В зону ответственности команды входили северные районы БССР, Калининской области РСФСР и другие районы Северной России вплоть до Финляндии. Главное внимание в работе особой команды уделялось основной цели германских войск на данном участке фронта — Ленинграду. Группа вела в небольших масштабах подготовку агентуры. В апреле 1943 года вся подготовленная командой агентура была направлена в особый приемно-распределительный лагерь в м. Замберг (Нижняя Силезия). В июне 1943 года команда была расформирована, на ее базе создана «Ауссенкоманда — I» с прежними функциями.

Особая команда «Цепелина» при оперативной группе «Б» была сформирована в марте 1942 года в Смоленске. В обязанности подразделения входило:

- установление связи со всеми военными институтами центрального участка Восточного фронта;
- привлечение всех подразделений айнзатцгрупп к сотрудничеству с «Цепелином» в свете поставленных командованием задач;
- добывание различных разведсведений, документов, одежды и обмундирования.

Команда имела возможности по подготовке и переброске агентуры в ближние тылы советских войск, производила опрос военнопленных и отбор из их числа лиц, полезных для «Цепелина», создавала приемные лагеря для первичного содержания, отбора и проверки военнопленных. Организовывала переправочные пункты для агентуры, подготовленной командой к заброске в тыл советских войск и для агентуры, прибывавшей из разведшкол «Цепелина». Для подготовки агентуры использовались лица, окончившие школы в местечке Яблонь близ Люблина.

Центральный переправочный пункт команды и приемный лагерь находились в совхозе Высокое в 12 км от Смоленска. К апрелю 1942 года в лагере находились 25 человек, большая часть агентуры выбыла для специального обучения в особые лагеря «Цепелина», оставшиеся проходили подготовку на месте. Из лагеря подготовленная агентура вывозилась на Смоленский аэродром и самолетами забрасывалась под Москву и в другие районы РСФСР.

Весной 1943 года особая команда расформирована, часть личного состава передана главной команде «Цеппелина» «Россия-Север».

Особая команда «Цеппелина» при оперативной группе «Ц» с мая 1942 года размещалась в Киеве, в декабре 1942 года в Харькове.

Особая команда «Цеппелина» при оперативной группе «Д» была сформирована и направлена на Восточный фронт весной 1942 года. С апреля 1942 года размещалась в Симферополе, придана оперативной группе «Д» полиции безопасности и СД. Характер деятельности аналогичен упоминавшимся выше подразделениям, но, в отличие от них, команда в больших масштабах готовила агентуру в разведывательно-диверсионной школе «Цеппелина» «Главный лагерь “Крым”» (Гауптлагерь «Крым»). Основным источником для вербовки агентуры служили лагеря для военнопленных в Симферополе и всего Крыма в целом. Отобранная агентура переводилась из лагеря в команду, и короткое время содержалась в ней, затем направлялась в сборный лагерь в м. Бухенвальд, иногда в г. Аушвиц, где располагался предварительный лагерь «Цеппелина». Некоторых завербованных из лагеря для военнопленных направляли сразу в Евпаторию для обучения в спецшколе. В городах Георгиевске, Пятигорске и других команда направляла небольшие группы из 1-3 эсэсовцев и агентов для отбора потенциальной агентуры.

При вербовке агентуры особое внимание при отборе уделялось военнопленным — уроженцам Северного Кавказа и Закавказья.

В период немецкого летнего наступления 1942 года командой была произведена массовая заброска агентуры на территорию Северного Кавказа и Закавказья. В январе 1943 года личный состав команды и вся агентура (150 агентов, прибывших из особого лагеря Аушвиц) пешим порядком двинулась из Ставрополя по маршруту Армавир — Краснодар. Часть агентов по пути разбежалась. По маршруту следования команды на Запад, команда останавливалась в Таганроге и близ Мелитополя.

В мае 1943 года особая команда была расформирована, 50 человек влились в главную команду «Цеппелина» «Россия-Юг».

Главная команда «Цеппелина» «Россия-Центр» («Руссланд Митте») была создана в начале 1943 года в г. Волау (Верхняя Силезия). Официальное наименование органа — «СС Гаупт-команда “Руссланд-Митте” Унтернемен “Цеппелин”». С августа 1943 именовалась «Руссланд-Норд» («Россия-Север»). Начальником до августа 1943 года был штурмбанфюрер СС Шиндовский, затем штандартенфюрер СС Краус. Зона действия — от северной Украины до побережья Белого моря, включая территории Белоруссии и Прибалтики.

Штаб главной команды осуществлял общее руководство и координацию деятельности, состоял из следующих отделов:

Отдел «А» занимался подготовкой, комплектованием и переброской разведывательно-диверсионных групп. В его подчинении находились предварительный лагерь, истребительная команда, разведывательно-диверсионная школа — ваффеншулле (ее с 1944 года возглавлял бывший переводчик команды Подлесский Игорь Николаевич («Хорват»), в м. Печки, радиостанция (создана в мае 1944 года) и пропагандистская группа.

Отдел «Б» ведал хозяйственным обеспечением команды.

Отдел «Ц» осуществлял сбор информации о военно-политическом и экономическом состоянии СССР, ведал подбором агентов для команды.

Отдел бФ занимался изготовлением фиктивных документов для забрасываемой агентуры. Включал в себя также фотолaborаторию и небольшую типографию.

Ауссенкоманды вели сбор военно-политической информации, документов и полезного имущества. Штаб такой команды состоял из офицера СС, 1–2 унтер-офицеров, переводчика и 4–6 агентов главной команды.

После формирования главная команда прибыла на территорию Белоруссии, где до апреля 1943 года располагалась в м. Лужки Плисского района Полоцкой области, а затем переехала в г. Глубокое той же области вместе с ваффеншулле, перебравшейся из м. Яблонь.

В мае 1943 года главная команда переехала под Псков. Штаб и службы располагались в дер. Стремутки и Крышево, затем, по мере постройки бараков на берегу р. Великой, переселились в город. В Стремутках осталась «Ударная бригада

РОА». В м. Пронежицке был создан предварительный лагерь, в м. Печки разместилась ваффеншулле, в д. Холахальня лагерь для подготовленной и ожидавшей переброски агенты. Переброска агентуры в советский тыл производилась самолетами с Псковского аэродрома.

Руководством главной команды «Руссланд-Норд» был разработан план по заброске воздушным путем на территорию Вологодской области типографии для печатания подпольной антисоветской газеты. Ее редактором и издателем был некто «Филистинский» — шеф «Русского Гестапо» Новгорода, редактор рижской русской газеты «Новое Слово», выходявшей во время оккупации. Уроженец Москвы, он был репрессирован Советской властью и некоторое время провел в лагерях.

Типографию предполагалось разместить в одной из глухих деревень Вологодчины, в районе действия ранее выброшенной радиофицированной разведгруппы «Цеппелина» под руководством Семенова Гордея. Однако проект не был осуществлен в связи с нехваткой самолетов.

Командой были подготовлены к заброске в глубокий советский тыл для ведения диверсионной деятельности **4 специальные группы** численностью свыше 100 человек каждая. Их выброску планировалось провести в районах рек Волги и Камы для одновременного подрыва мостов и прерывания железнодорожного сообщения между европейской частью СССР и Уралом.

1-ю группу возглавлял бывший летчик Гражданского Воздушного флота СССР Георгий Кравец. В 1933 году он перелетел на самолете в Латвию и с начала войны использовался немецкой разведкой. Его группа готовилась к заброске с задачей совершения крупных диверсионных актов на промышленных объектах г. Молотова.

2-ю группу (свыше 100 человек) возглавлял некий «Кин», из казаков, добровольно перешел на сторону немцев и зарекомендовал себя в карательных акциях против партизан и подполья. Группа предназначалась для заброски в районы Волги и Камы

3-ю группу (свыше 100 человек) возглавлял член НТС Рутченко (Рудченко) Николай Николаевич. По информации А.И. Солженицына до войны Рутченко преподавал историю в одном из ленинградских вузов, во время войны под Ленин-

градом добровольно перешел на сторону немцев и возглавил антипартизанский отряд.

4-ю группу (более 200 человек) возглавлял бывший капитан РККА Мартыновский. После пленения он активно сотрудничал с немецкими разведорганами и участвовал в антипартизанских операциях. Его группа готовилась к высадке в районе Астрахани. Впоследствии часть личного состава группы вошла в структуру разведывательно-диверсионного органа «Ваффен СС Ягдвербанд».

Руководство всеми перечисленными группами после их приземления должен был осуществлять бывший полковник РККА Леман.

В марте 1944 главная команда передислоцировалась из Пскова в м. Ассари в 30 км от Риги, а в конце того же года начала эвакуацию в Германию. В Клайпеде она попала под налет советской авиации, при котором погибли радиостанция, имущество и часть личного состава. Остатки команды прибыли в курортное местечко Кальбинг на косе Фришенерунг (Восточная Пруссия). В ноябре 1944 года команда прибыла в г. Попель (Чехословакия). Весной 1945 года в г. Штольпе из личного состава команды и других органов «Цеппелина» была сформирована главная команда «Вайксель» (Висла). Команда действовала до окончания войны, засылая агентов-диверсантов и оставляя на оседание террористические группы в Северной Германии.

Главная команда «Цеппелина» «Россия-Юг» формировалась в Восточной Пруссии (г. Бреславль) и в Крыму (г. Симферополь и Симеиз) в марте-апреле 1943 года. Официальное наименование «СС гаупткоманда “Руссланд-Зюд”». Зона ответственности — от Северной Украины до побережья Черного моря.

Команда занималась вербовкой, подготовкой и переброской разведывательно-диверсионной агентуры, организацией повстанческого движения на Северном Кавказе, Закавказье и Средней Азии, проводила сбор информации о военно-политическом и экономическом положении в СССР.

Структура органа была аналогична «Руссланд-Митте». Отличие состояло в методике отбора агентуры — особое внимание уделялось вербовке уроженцев Средней Азии, Кавказа и Закавказья. Команда также располагала своей школой,

состоящей из двух отделений: кавказского и туркестанского. Ваффеншулле была организована на базе разведывательно-диверсионных школ в Евпатории и в м. Освитц (Верхняя Силезия).

Команда имела в своем распоряжении две «туземные» роты СС — кавказскую и туркестанскую, созданные на базе личного состава ликвидированных предварительных лагерей в Аушвице и Воломине (Польша). В апреле 1943 года роты находились в г. Осипенко. Впоследствии кавказская рота размещалась в д. Новоспасовке, туркестанская в г. Ногайске, затем в с. Новониколаевка Таганрогского района. Оба подразделения вели борьбу с партизанами и советскими разведчиками на побережье Азовского моря и находились в подчинении командования 111-й пехотной дивизии. Наиболее отличившиеся военнослужащие рот, проявившие себя перед немцами, переводились в ваффеншулле и после подготовки перебрасывались в советский тыл. Заброска агентуры производилась самолетами с аэродромов гг. Осипенко и Мариуполя. Десантники забрасывались в районы Кавказа, Закавказья, Средней Азии и низовья Волги.

Роты СС отступали вместе с немецкими частями по маршруту Херсон — Николаев — Первомайск, участвуя в арьергардных боях с передовыми частями Красной Армии. В конце 1943 года остатки рот прибыли в м. Замберг и были распределены по соответствующим отделениям.

Осенью 1943 года команда и ее службы выбыли из Осипенко в Германию.

В сентябре 1944 года ваффеншулле вышла из подчинения главной команды, ее личный состав прибыл в приемно-распределительный лагерь в Замберге, где был распределен между имевшимися там кавказскими и туркестанскими отрядами.

Летом 1944 года главная команда «Руссланд-Зюд» разделилась на две самостоятельные группы:

1. Главная ауссенкоманда «Россия—Север»;
2. Главная ауссенкоманда «Украина—Юг».

Обе ауссенкоманды не имели возможностей по подготовке агентуры и получали ее из Зандбергского и других особых лагерей «Цеппелина». Агентура вербовалась в тот период главным образом из местного населения — поляков, укра-

инцев, югославов и из белоэмигрантской среды. Обе команды поддерживали связь с формированиями ОУН. В апреле 1945 года на территории Югославии обе ауссенкоманды вновь объединились.

Агентура «Цеппелина» предназначалась также для ведения провокационно-разложенческой деятельности среди населения неоккупированных районов СССР. На стадии подготовки сами агенты подвергались усиленной обработке немецких пропагандистов. Вербовка агентуры производилась из числа специально отобранных в лагерях для советских военнопленных лиц, попавших под репрессивную машину советского режима, а также среди уголовного элемента.

Отобранные из лагерей лица переводились в специально созданные «Цеппелином» лагеря для последующей углубленной проверки и обучения. По прибытии в лагерь каждый завербованный именовался «активистом». До мая 1943 года в особых лагерях проводилась тройная фильтрация каждого такого активиста. После их прибытия в специальные сборные пункты лагеря активисты, непригодные для разведывательно-диверсионной деятельности и не внушавшие доверия немецким шефам, после проверки возвращались в лагерь для военнопленных либо выбывали на работу в Германию. Оставшиеся активисты переводились в особые предварительные лагеря (форлагеря), где их регистрировали, выдавали обмундирование (чаще всего униформу солдат чехословацкой армии) и документы. Последние представляли собой «Удостоверения личности активиста». После таких процедур активисты принимали присягу на верность Германии.

В форлагерях активисты были разбиты на группы по национальному признаку: русские, кавказцы и уроженцы Средней Азии. Группы размещались в отдельных бараках. Велась усиленная обработка неофитов в антисоветском духе. Активистам устраивались экскурсии в города Германии и на образцовые «кулацкие» хозяйства. Все время продолжалась проверка агентов на преданность. Специальные дисциплины в лагере не преподавались, только радисты начинали обучаться радиоделу.

Непригодные для дальнейшего использования на фронтах тайной войны активисты отсеивались и их переводили в

воинские формирования «Цеппелина», поручали вести агитацию среди «остарбайтеров» и на оккупированной советской территории.

После тщательной фильтрации положительно зарекомендовавшие себя агенты направлялись в разведывательно-диверсионные школы «Цеппелина» — гауптлагеря. В них агенты получали квалификацию разведчиков, радистов, диверсантов, пропагандистов либо овладевали сразу двумя такими специальностями. В гауптлагерях на первом месте стояла специальная подготовка, пропагандистское воздействие при этом отступало на второй план.

В целях конспирации агенты жили и обучались отдельно. По окончании подготовки формировались агентурные группы, их участники легендировались и направлялись на переправочные пункты «Цеппелина», где им уточняли детали предстоящей переброски и задания.

С 1943 года порядок тройной фильтрации был отменен, а процесс обучения претерпел изменения. Главные команды «Цеппелина» сами занимались подготовкой агентуры из числа лиц, отобранных ауссенкомандами военнопленных. Последние сразу направлялись в форлагеря главных команд на 2—3 недельный карантин, где подвергались промыванию мозгов, проверке и занимались военной подготовкой. Из форлагеря рекруты направлялись в подразделения СС при главных командах, где в течение месяца принимали активное участие в карательных акциях. Проверка кандидатов также не прерывалась ни на минуту. После карательных подразделений агенты направлялись в ваффеншулле, подчиненные главным командам и организованные на базе гауптлагерей. Кадры диверсантов и боевиков-террористов комплектовались отчаянными и проверенными «на деле» (то есть повязанными с немцами кровью) головорезами. При комплектовании группы парников для последующей заброски в тыл в нее включался старший — радист, который постоянно вел наблюдение за остальными членами своей группы. Наиболее перспективные агенты с высшим и средним образованием направлялись в Германию, где еще раз проверялись и фильтровались в специально созданных для этого проверочно-фильтрационных лагерях, созданных в начале 1943 года. К 1944 году эта систе-

ма также видоизменилась, и «Цеппелин» совместно с другими подразделениями РСХА стал готовить агентуру не только на конкретный отрезок времени, но и на будущее.

Осенью 1943 года особые лагеря при главной команде «Цеппелина» на южном направлении были передислоцированы в район г. Бреславля и уже оттуда направили подготовленную агентуру главному штабу «Цеппелина».

Осенью 1944 года главная команда «Цеппелина» на северном участке Восточного фронта также передислоцировалась в Германию. Подготовка агентов была перенесена в г. Егер (Богемия), а также в города Мариенбад, Пепель и др. Здесь были сосредоточены все **особые лагеря, залегендированные в качестве «лагерей подготовки военных кадров РОА»**. На новом месте в ускоренном темпе готовились небольшие диверсионно-террористические группы. Аналогичные группы из уроженцев Прибалтики были подготовлены «Цеппелином» на северном участке фронта и переброшены в советский тыл.

Летом 1943 года в лагере в м. Освитц была подготовлена большая **группа агентов-диверсантов под кодовым наименованием «Ульм»**. Группа предназначалась для заброски на Урал и в северные районы СССР для проведения диверсий на объектах оборонной промышленности, транспортных магистралях и организации диверсионно-повстанческих групп. Часть «Северной» группы проекта (6 человек) была заброшена на территорию СССР 18 февраля 1944 года. По неизвестной причине агентов сбросили на парашютах над территорией Коми-Пермяцкого автономного округа (предполагалась заброска под Челябинск). Агенты были разбросаны над лесом и не смогли собраться вместе. Один парашютист повис на дереве и замерз, двое диверсантов из-за голода и обморожений покончили с собой, еще один член группы получил сильное обморожение ног, гангрену и его пришлось застрелить. Труп замерзшего парашютиста сняли с дерева и захоронили, остальных из-за сильного голода — съели. В результате обморожения и потери ориентиров группа задание не выполнила. Через четыре месяца три агента сдались местным органам Госбезопасности.

Помимо массовой подготовки агентуры «Цеппелин» готовил агентов-одиночек для выполнения особых заданий. В

курс обучения включались подрывное дело, методы агентурной и разведывательной работы, формы связи, методика вербовки и использования профашистской агитации, создания диверсионных групп, практическая стрельба из личного оружия и метание гранат. Слушателей знакомили с топографией и учили пользоваться компасом и картой. При обучении подрывному делу агентов учили предотвращению уничтожения заминированного объекта, знакомили с действием мины, закамуфлированной под противогаз. Коробка такого противогаса содержала взрывчатку и автоматический взрыватель. Такую мину преподаватели рекомендовали оставлять в помещении, где проходят собрания и митинги.

За две недели до окончания обучения агентов разбивали на группы, члены которых хорошо знали друг друга. В составе группы обычно насчитывалось 2–3 или 4–6 агентов. Готовая к действиям группа именовалась «активной». Каждой такой ячейке придавался радист с приемопередающей станцией. Перед самой заброской агенты получали советскую военную униформу, документы, деньги, взрывчатку, оружие и гранаты. Фиктивные документы изготавливались по желанию самого агента на его настоящее или вымышленное имя и фамилию. Обычно агенты получали солдатские книжки или офицерские удостоверения, свидетельство о болезни, проездные документы, а также чистые бланки с проставленными на них оттисками печатей.

Активные группы, заброшенные в советский тыл, получали задание поддерживать связь между собой посредством специально выделенных связных. Связные также были обязаны поддерживать связь между группой и отдельно заброшенным от нее радистом. При заброске от некоторых агентов немцы отбирали списки родных и родственников, проживающих на неоккупированной территории. Агентам поручалось агитировать и вербовать своих родственников. Особое внимание уделялось конспирации агентуры. Руководящие работники гауптлагерей беседовали с каждым агентом отдельно, после чего их инструктировали по сути предстоящего задания. Для возвращения через линию фронта агентам давали пароль «1Ц СД». Всем немецким подразделениям было дано указание немедленно доставлять лиц с таким

или аналогичным паролями в СД, откуда немедленно он доставлялся в ближайшую команду «Цеппелина». Агентура из Евпаторийского лагеря (кавказцы) при выходе из советской зоны называли присвоенный им номер и букву «К» (Кавказ), например: «К-67».

Руководящий состав лагерей «Цеппелина» состоял исключительно из немцев — кадровых сотрудников СД, белоэмигрантов и перебежчиков.

Весной 1945 года для сохранения своей агентуры «Цеппелин» направил их в формирующиеся части РОА и другие «восточные» части вермахта.

Особый сборный лагерь в м. Бухенвальд был создан в марте 1942 года на территории одноименного концентрационного лагеря у г. Веймар (Тюрингия). Начальный этап подготовки агентуры в лагере включал в себя двухмесячный медицинский и политический карантин, сортировку и агентурную проверку всего личного состава.

В данном лагере агентура освобождалась от тяжелых физических работ и посвящала свое время изучению военного дела и занятиям спортом. Для курсантов проводились доклады на различные темы и сообщения о международном положении.

Лагерь представлял собой несколько барачков, обнесенных колючей проволокой и отделенных от остальной территории концентрационного лагеря. Все курсанты лагеря были сведены в 5 рот, командиры назначались из числа обучавшихся.

Вся агентура была разделена по национальному признаку, и группы различались по цифрам и буквам:

- 1А и 1Б — радисты, русские,
- 4А и 4Б — уроженцы Кавказа,
- 5А и 5Б — уроженцы Средней Азии,
- 7А — русские агенты,
- 7Б — смешанная.

В группы с литерой А зачислялись агенты, намеченные к работе в контрразведке или диверсионной деятельности. В группы Б входили лица, предназначенные для службы в национальных формированиях и карательных отрядах. Зачисление агентов в группы происходило вне зависимости от того, в каком взводе был агент. В 7-ю группу зачислялись агенты, не внушавшие доверия и, как следствие, не нужные

«Цеппелину». Впоследствии эти лица возвращались в лагеря для военнопленных или шли работать в промышленность Германии. Оставшиеся активисты из групп А отдельно переводились с учетом национальности в фильтрационные лагеря. Агенты из группы В направлялись в особые лагеря на формирование «туземных» воинских подразделений и частей.

В руководстве лагеря находились сотрудники «Цеппелина» и офицеры СС, всю практическую работу вел штаб лагеря, состоявший из бывших советских офицеров.

В декабре 1942 года, после реорганизации «Цеппелина» лагерь был объединен с приемно-распределительным лагерем в м. Зандберг.

Особый предварительный лагерь в м. Заксенхаузен создан для русских активистов на территории одноименного концентрационного лагеря. Основная задача лагеря — фильтрация русской агентуры, предназначавшейся в дальнейшем для работы в советском тылу.

В этот форлагерь попадали советские военнопленные из Бухенвальдского сборного лагеря и напрямую из общих лагерей военнопленных. Режим в форлагере был аналогичен режиму сборных лагерей. Все обучавшиеся были разделены на взводы и роты и отдельно обучались радисты и политические агитаторы. В 1-й роте проходили обучение и фильтрацию будущие разведчики и диверсанты, во 2-й — агенты-радисты. В связи с недостатком радиооборудования радисты проходили обучение в Заксенхаузене, куда направлялись из предварительного лагеря. Они занимались ежедневно по 4 часа, изучая международный радиокод, тренировались передавать на ключе буквенный и цифровой тексты. В политической группе агентам преподавались политическая и строевая подготовка по 4 часа в день, остальное время в обеих группах было отведено на экскурсии и политическую подготовку.

После окончания фильтрации всех русских переводили в зондерлагерь в м. Яблонь (Польша). Непригодные для дальнейшего использования агенты направлялись в **воинские формирования** — «Дружины», которые формировались в зондерлагерях в Парчеве и Гайдове (Польша).

С марта по август 1942 года в зондерлагере Освитц существовал филиал предварительного лагеря в Заксенхаузене для

подготовки официальных работников «Цеппелина» из числа коллаборационистов.

В августе 1942 года территория лагеря была освобождена для размещения в нем гауптлагеря для подготовки агентов, уроженцев Средней Азии. Филиал передислоцировался в г. Волау, где разместился в казармах бывшей школы унтер-офицерского состава. В октябре того же года в казармы прибыл весь личный состав зондерлагеря из Заксенхаузена. В конце 1942 года весь орган перебрался в Бреславль, где расположился в помещении бывшего ресторана.

В марте 1943 года предварительный лагерь в Бреслау был закрыт, а его личный состав переведен в м. Зандберг для пополнения создаваемого там приемно-распределительного лагеря. Часть личного состава выбыла в распоряжение главной команды «Цеппелина» «Руссланд-Митте», для создания при ней предварительного лагеря.

Большинство персонала лагеря составляли русские — официальные сотрудники «Цеппелина» и коллаборационисты из «**Боевого Союза Русских Националистов**». Начальником лагеря был уже упомянутый выше А.Н. Кочубей. Инструкторами политической пропаганды лагеря — члены БСРН Б.Г. Алелеков, В.Д. Каубрак и Пронин (он же Орлов, он же Яковлев Алексей Иванович). Занятия по разведывательному делу вели Д.А. Куриленко и Н.Р. Поплавский.

Разведывательно-диверсионная школа в местечке Яблонь была создана на территории Польши для обучения русской агентуры в марте 1942 года близ Люблина и разместилась в бывшем замке графа Замойского. Официально орган именовался «Гауптлагерь Яблонь» или «Особая часть СС». В школе велась подготовка агентов-диверсантов, радистов и разведчиков. Кадры поступали из особых предварительных лагерей для русских и зондеркоманд «Цеппелина». Одновременно в школе находилось до 200 активистов.

Слушатели изучали ведение разведки в советском тылу, подрывное дело, радиодело, диверсанты изучали специальное оружие. Срок обучения в школе составлял от 3 до 6 месяцев. По окончании курса формировались группы по 3—5 человек и радиста с аппаратурой. Агентура забрасывалась главным образом в районы Москвы, Ленинграда, Северного Урала с

заданиями по совершению диверсионных актов на железных дорогах и оборонных предприятиях, совершению терактов над представителями советского высшего командования. Диверсантам также рекомендовали осуществлять массовое отравление населения, используя это в качестве способа возбуждения недовольства к советской власти. Для этого диверсанты снабжались сильнодействующими ядами и взрывчатыми веществами. Разведчикам поручались сбор сведений о формирующихся воинских частях, железнодорожных перевозках и распространение антисоветских листовок, для чего некоторые группы снабжались портативными шапирографами и бумагой. Агентуре, забрасываемой в северные районы СССР, рекомендовали устанавливать связь с местными репрессированными, переселенцами и создавать из них повстанческие отряды.

Перед заброской агентура снабжалась различными документами, комплектами чистых бланков и крупными денежными суммами. Экипировка обычно производилась в форму советских военнослужащих, с соответствующим вооружением и комплектами запасной гражданской одежды. До 1943 года переброска осуществлялась самолетами с Псковского и Смоленского аэродромов.

В августе 1942 года школа передислоцировалась в м. Парчев (Польша). В связи с планами «Цеппелина» по сосредоточению всех русских лагерей близ Бреславля, школа переехала в г. Волау (Восточная Пруссия). В декабре 1942 года переехала на городскую окраину, где содержались вывезенные немцами с оккупированной территории советские дети, потерявшие родителей. Этот детский лагерь именовался «**Лагерь беспризорных**». В марте 1943 года школа перешла в подчинение главной команде «Руссланд-Митте», переехала в м. Глубокое и получила официальное название «Ваффеншулле». В мае 1943 года вместе с главной командой школа приехала в Псков, до января-февраля 1944 года дислоцировалась в м. Печки в 4 км от Изборска. Подготовка агентуры проходила в деревне Холохальня близ м. Печки. Школа пополнялась активистами, отфильтрованными в лагере в Промежице и участвовавшими в карательных операциях.

После начавшегося наступления советских войск школа переехала в г. Ассари (Латвия), где развернула подготовку дивер-

сантов и террористов из числа местных жителей. Эти агенты забрасывались в советский тыл или их оставляли на оседание.

В августе 1944 года школа находилась на станции Мена в 4 км от Риги, в сентябре того же года переместилась в Германию, где вместе с главной командой «Цеппелина» разместились в курортном местечке Кальберг. В ноябре 1944 года личный состав школы переехал в г. Попель (Чехословакия), где собрались все диверсионные школы и курсы «Цеппелина». После этого часть личного состава была направлена в части РОА или фронтовые органы «Цеппелина».

Разведывательно-диверсионная школа в Евпатории и Оси-пенко была создана весной 1942 года для обучения агентов, выходцев из Кавказа и Закавказья. Именовалась школа «Гауптлагерь “Крым”» и размещалась на территории бывшего детского санатория НКВД.

Школа готовила разведчиков-диверсантов и организаторов повстанческого движения, для последующей заброски на территорию Северного Кавказа и Закавказья. Слушателями школы были агенты грузины, армяне, азербайджанцы, лезгины, чеченцы, представители других народностей Северного Кавказа и незначительное число русских уроженцев тех мест. Агенты поступали в школу из особого предварительного лагеря в Аушвице, некоторые прибывали из крымских лагерей для военнопленных.

В школе агенты числились под своими собственными именами и фамилиями, общались друг с другом. Подписку о сотрудничестве с немецкими спецслужбами у слушателей не отбирали, режим в школе был мягче, нежели в иных аналогичных органах «Цеппелина». В свободное от обучения время слушатели могли с разрешения начальника покидать школу, уходить в город и ночевать там. В целях конспирации агентам запрещали рассказывать о том, где и чему они учатся. Им рекомендовали выдавать себя за чехов или словаков, чему способствовала униформа чешской армии. Осенью 1942 года всех слушателей переодели в советскую форму без знаков различия. Весь состав слушателей был разбит на пять учебных групп, занятия в которых велись отдельно.

До октября 1943 года все агенты, окончившие школу, перебрасывались в районы Кавказа только самолетами, так как

своего переправочного пункта орган не имел. Переброска осуществлялась с аэродрома в м. Саки близ Евпатории. С этого же аэродрома шла заброска агентов других немецких разведорганов. Всего из Саки было заброшено более 100 агентов, закончивших Евпаторийскую школу. Почти все они были нейтрализованы советскими органами безопасности.

В конце сентября 1942 года школа была временно расформирована, личный состав выехал в Аушвитц. Подготовленная агентура была направлена в Таганрог, затем в Ставрополь, в распоряжение особой команды «Цеппелина» при оперативной группе Д полиции безопасности и СД.

В марте 1943 года в г. Осипенко (Крым) на базе преподавательского состава и агентов Евпаторийской школы была развернута кавказская «Ваффеншулле» при главной команде «Русланд-Зюд». Осенью 1943 года кавказское и туркестанское отделения школы были перебросены в Зандбергский лагерь. Агентов готовили в филиале этого лагеря в м. Крунзрух. В сентябре 1944 года весь личный состав был перемещен в г. Попель (Чехословакия).

Весной 1943 года на базе личного состава Бухенвальдского и еще нескольких предварительных особых лагерей «Цеппелина» был создан **приемно-распределительный лагерь в м. Зандберг в 1,5 км от станции Брайтенмаркт (Верхняя Силезия)**. Официальное наименование органа «СС зондерлагерь «Зандберг» или «Военный лагерь РОА». Основная задача органа — проверка и фильтрация всех активистов, завербованных во фронтовых лагерях военнопленных, но по разным причинам не используемым на местах. С 1944 года лагерь начал готовить квалифицированную агентуру, и по мере нужды в ней направлять ее в главные команды «Цеппелина».

В конспиративных целях обучение агентов происходило в близлежащих населенных пунктах и филиалах лагеря в м. Крунзрух, Брюккенорд и Тейхвальд.

Постоянно в лагере находилось до тысячи активистов, сведенных в подразделения по национальному признаку. Первую роту составляли русские, вторую — украинцы, третью — донские казаки, затем шли уроженцы Кавказа и Средней Азии. Рота радистов была смешанного состава. В хозяйственной роте служили в основном русские и украинцы.

С осени 1943 года из лагеря в главные команды «Цеппелина» было направлено незначительное число агентов. В июне 1944 года было сформировано и направлено во Францию, Италию и Югославию **несколько групп** для ведения антипартизанских операций. В Зандбергском лагере был создан **русский полк СС «Варяг»** под командованием полковника фон Семенова, также принимавший участие в боевых действиях против балканских партизан.

В конце 1944 года часть лагеря выбыла в г. Попель (Чехословакия), где весной 1945 года была расформирована, а ее личный состав направлен в РОА и национальные формирования.

Филиал лагеря в м. Крунзрух занимался подготовкой агентов, уроженцев Кавказа и Закавказья. В конце 1944 года филиал выбыл в Попель, а оттуда в м. Подхорна близ Мариенбада. Начальником филиала был оберштурмфюрер СС Киттинг.

Русский и украинский филиалы дислоцировались в м. Тейхвальд в 10 км от г. Люблин (Люблинец). Здесь проходили обучение агенты, направляемые затем в Краков, в распоряжение главной ауссенкоманды «Цеппелина» «Северная Украина» под руководством оберштурмфюрера СС Дрекслера. В конце января 1945 года филиал переехал в г. Герлиц, где расположился в замке Гросс-Бельзен. Впоследствии филиал последовательно размещался в городах Попель, Мариенбад и Карлсбад.

Специальный женский филиал лагеря находился осенью 1944 года в с. Гересфельд близ Замберга, затем переехал в с. Сент-Иоганн (Австрия), весной 1945 года в замок Меттерних близ г. Эгер. Филиал действовал под «крышей» школы медсестер. Руководили филиалом немка Криш, затем Мурашко.

Каждый из филиалов одновременно готовил от 40 до 100 человек. Система курса была аналогична подготовке агентуры в других разведывательно-диверсионных школах «Цеппелина».

Штрафной лагерь «Цеппелина» в г. Крейцбург был создан в 1942 году в Верхней Силезии и зашифрован как филиал общего лагеря для военнопленных Шталаг-318 в м. Ламсдорф. В лагере содержались агенты и официальные сотрудники «Цеппелина», допустившие непозволительные проступки или не пользующиеся доверием после возвращения из советского тыла. Штрафники также составляли отделения лагеря (по 100 человек) на заводах боеприпасов в городах Крейцбург

и Квенцгут. Всего в лагере одновременно находилось до 400 человек. Все они были разделены на следующие категории: штрафники, особые штрафники, реабилитированные, штатные работники, особый взвод.

Все они различались по одежде, так, первая категория носила на одежде нашивку желтого цвета с литерами «SU». Вторая категория носила аналогичную нашивку с буквами «SUS». Реабилитированные носили синие френчи с литерами «SU». Штатные сотрудники и особый взвод носили одежду без букв.

В категорию штрафников зачислялись все поступающие в лагерь. Особый взвод состоял из реабилитированных агентов, из них же готовилась контрразведывательная агентура, надсмотрщики и полицейские. Эту категорию агентов переодевали в гражданскую одежду и направляли на предприятия, где трудились рабочие-остовцы.

В январе 1944 года особый взвод был реорганизован и стал именоваться «Зондеркоманда-108» или «108-й рабочий батальон». Всего в нем состояло 150 человек, разделенных на 4 отделения: 1-е и 2-е готовили полицейских и надсмотрщиков, 4-е — контрразведывательную агентуру, 3-е — агентов для возвращения в органы «Цеппелина».

В конце 1944 года зондеркоманду переформировали в учебное подразделение — «Шулюнгскоманду». В ее структуре было создано 5-е отделение радистов, а весь личный состав пополнен до 250 человек. С ними стали проводить занятия по топографии, разведке, диверсии, подрывному делу. Всем членам команды объявили, что после подготовительного курса они будут направлены в советский тыл с разведывательно-диверсионными заданиями.

Штрафной лагерь и особая команда находились в Крейцбурге до января 1945 года, затем передислоцировались в окрестности г. Лигнице. Вскоре лагерь выбыл в Дрезден, и его дальнейшая судьба не установлена.

Учебная команда в начале 1945 года несколько дней находилась в бараке военнопленных в лагере м. Лансгут, после чего переехала в замок принца Генриха Бауде в 17 км от г. Хиршберг. С марта 1945 года команда выбыла в гостиницу «Лесной Замок», где ее настигли передовые советские части. Часть личного состава команды попала в плен, другие разбежалась.

В мае 1943 года «Цепелином» была создана из советских военнопленных особая команда по сбору и обработке разведанных о народном хозяйстве СССР — **Особый лагерь «Л»**. Первоначально ее руководителем стал сотрудник «Цепелина» доктор технических наук Гимпель, затем Аугсбург и с 1944 года — уроженец Москвы Клингфер Владимир Иванович, ранее служивший в полиции безопасности и СД в Минске.

Сначала группа Гимпеля располагалась на территории Замбергского лагеря, затем в начале августа 1943 года переехала в Бреславль и разместилась на территории постоянного лагеря СС «Вальдлагерь-20». С сентября 1944 года до апреля 1945 года группа находилась на ст. Блямау, в бывшем лагере РАД.

Официально команда Гимпеля именовалась «Особый лагерь L» и была замаскирована под институт русских инженеров. Фактически это был центр сбора и обработки информации об экономике СССР. Сбор сведений производился разными методами — допросами военнопленных, их привлечением к составлению карточного каталога по отдельным отраслям экономики СССР, использованием технической литературы из захваченных советских библиотек.

В лагере находилось несколько немецких руководителей, остальные 200 человек — бывшие военнопленные. Лагерь был разделен на группы по основным направлениям деятельности.

Группа «Т» (Техника) — состояла из ряда секторов, охватывающих важнейшие отрасли советской экономики. Каждый сектор вел картотеку промышленных объектов. Группа обрабатывала все экономические данные. В состав ее входили свыше 20 сотрудников, преимущественно инженеры. Чертежное бюро группы готовило карты и схемы советских промышленных районов и отдельных объектов.

Группа «П» («Пресс») — вела сбор опубликованных технических сведений из прессы, имела радиостанцию для прослушивания советских передач. Группа состояла из 6 официальных сотрудников и научно-технической библиотеки, фонд которой исчислялся десятками тысяч единиц хранения. Библиотека хранилась отдельно от лагеря в м. Освитц и конспиративно именовалась «Институт Швеллерштранс». В конце 1944 года библиотека была переведена в г. Цвикау, где впоследствии была захвачена американскими войсками.

Группа опроса состояла из нескольких бригад по 3–4 человека в каждой, всего 16 официальных сотрудников. При необходимости к опросам привлекались сотрудники других групп. Задачи группы — опрос советских военнопленных в общих лагерях по общим вопросам об экономике СССР, подбор квалифицированных специалистов для собственных нужд лагеря, отбор кадров для разведывательной и диверсионной деятельности против СССР, подготовка квалифицированной агентуры по опросу военнопленных в других органах «Цеппелина». Для последней категории агентов летом 1944 года были созданы отдельные курсы в монастыре Брюккенорд (Верхняя Силезия) в 10 км от г. Розенберг. В январе 1945 г. курсы переехали на ст. Блямау (Австрия), где вновь присоединились к Л-лагерю. На курсах одновременно обучалось до 40 человек, было произведено 3 выпуска агентуры. Помимо курсов лагерь имел хозяйственную, рабочую и охранную команды (40 военнопленных).

Для работы в органе отбирали пленных с техническим образованием. После проверки квалификации их направляли в разведывательно-диверсионные школы «Цеппелина»,ставляли в лагере или отправляли на работу в немецкую промышленность. Не внушавшие доверия лица с низкой квалификацией направлялись обратно в концлагеря.

Бригада «Дружина»

В марте 1942 года в лагере для военнопленных в Сувалках (Сулеювек) под патронажем «Предприятия “Цеппелин”» была создана «Национальная Партия Русского Народа». Инициатором создания партии стал подполковник Красной Армии Владимир Владимирович Гиль, бывший начальник штаба 229-й стрелковой дивизии, попавший в плен у г. Толочин в бессознательном состоянии. В лагере Гиль получил должность коменданта и пользовался поддержкой начальника лагеря штурмбанфюрера СС Шиндовского. По информации органов госбезопасности БССР, в плену Гиль закончил спецшколу СД в Берлине, впоследствии был награжден двумя Железными крестами за борьбу с партизанами. По свидетельству Л.А. Саму-

тина, служившего в «Дружине», среди личного состава этого формирования ходили слухи, что Гиль по национальности еврей, уроженец Белоруссии. Тиражированию этого слуха способствовал необычный разговорный акцент Гиля.

Помимо Гиля, взявшего псевдоним «Родионов», в руководящий блок организации вошли капитан Блажевич, Глазов, Гурьянов, полковники Егоров (Румянцев), Рубанский, Шепетовский, майор М.А. Калугин, капитан Ивин.

Впоследствии название партии поменялось на **«Боевой Союз Русских Националистов» (БСРН)**.

Кандидаты в члены БСРН при вступлении в Союз заполняли специальную анкету, получали членский билет и давали письменную присягу-клятву на верность Союзу. Первичные отделения Союза именовались «боевыми дружинами». Программа Союза включала в себя следующие положения о строительстве «грядущей России»:

«Будущая Россия должна быть националистической, народам, населяющим Украину, Белоруссию, Прибалтику и Закавказье предоставляется право на самоопределение и выделение в самостоятельные государства под протекторатом Великой Германии. У будущей России должен быть новый порядок, основанный по принципу нового порядка в Европе. Власть в России должна принадлежать правителю, назначенному Гитлером. Для законодательной власти выбирается государственный совет, который утверждается правителем. Им же назначаются министры, осуществляющие исполнительную власть на местах. Колхозы упраздняются, а вся земля, им принадлежащая, передается в частное пользование. В области торговли поощряется частная инициатива. Мелкая промышленность передается частному капиталу, средняя будет находиться в руках акционеров, а крупная ликвидируется вовсе. Россия должна быть аграрной страной. Религия отделяется от государства и от школы, но поддерживается государством. Образование в России будет только начальное и сельское — высшее...».

В апреле 1942 года все члены БСРН были переведены в предварительный лагерь «Цеппелина», размещавшийся на территории концлагеря «Заксенхаузен». В то же время был создан Центр БСРН. Он разделялся на четыре отдела: разведки и

контрразведки (подготовка агентуры), по военным делам и две группы подготовки кадров. Каждым отделом руководил официальный сотрудник «Цеппелина». Центру БСРН подчинялись территориальные центры, располагавшиеся во всех оккупированных областях СССР и в лагерях военнопленных. Постепенно эти подразделения (за исключением одной группы подготовки кадров) покинули лагерь, второй отдел кадровой подготовки был размещен в «20-м лесном лагере СС» в районе г. Бреслау, где шла подготовка руководителей особых лагерей.

Вторая группа подготовки кадров БСРН стала дислоцироваться в районе г. Бреслау, где в «Вальдлагере СС-20» готовили руководящий состав особых лагерей.

Пропаганда идей Союза велась в лагерях в Заксенхаузене, Освитце, Бреслау, Хаммельбурге и Волау. Освитцкую организацию Союза возглавлял бывший майор танковых войск Егоров, в Заксенхаузене — подполковник Орлов, состоявший ранее в Русской Трудовой Национальной Партии. Позднее, в связи с переходом Орлова на должность начальника штаба, его заменил князь Голицын. Политической школой в Заксенхаузене руководил подполковник Рубанский.

Осенью 1942 года Гилю было предложено провести переговоры с бывшим генералом Бессоновым, также сотрудничавшим с «Цеппелином». В случае достижения договоренности рекомендовалось слить обе организации. Прибывшему в Зандберг представителю БСРН Шепетовскому Бессонов заявил, что в настоящее время занимается вопросами теории и объединяться не намерен, несмотря на общность мыслей.

24 марта 1943 года руководящий комитет в полном составе вместе с представителями немецкого командования выбыл в Берлин, где после переговоров Гиля с руководством «Цеппелина» решился вопрос об организации отряда (дружины) для участия в борьбе против Красной Армии.

Для ведения пропагандистских передач был организован «Радиовещательный центр Боевого Союза», фактически от него не зависящий, поскольку программа передач, составлявшаяся немцами, даже не согласовывалась с Гилем.

Военная группа в количестве 100 человек выбыла в район г. Парчев (Польша), где функционировал особый лагерь «Цеппелина». Здесь к июню 1942 года было сформировано

боевое подразделение «1-й Русский национальный отряд СС», или «Дружина № 1», численностью около 500 человек под командованием Гиля. Отряд состоял из трех рот и подразделений обслуживания. Первая рота была укомплектована бывшими офицерами РККА и использовалась как резерв для развертывания других подразделений. Личный состав был одет в чешскую военную форму (как и все активисты «Щепелина»), знаки различия были аналогичны войскам СС, однако погоны были собственного образца, на обшлагах мундиров офицерского состава имелась черная лента с надписью «За Русь!». На вооружении насчитывалось 150 автоматов, 50 ручных и станковых пулеметов, 20 минометов.

Местом дислокации был Парчев, затем специальная база в лесу между вышеупомянутым городом и г. Яблонь. Здесь «Дружина» провела антипартизанские операции в Парчевских лесах. В ходе этих боев «дружинниками» было уничтожено до полутора тысяч человек. В оперативном подчинении «Дружина № 1» находилась у командования оперативной группы «Б» полиции безопасности и СД, по заданию которой несла охрану коммуникаций, а уже в середине августа была перебросена под Смоленск, разместившись близ Старого Быхова, в марте 1943г. прибыла в белорусское местечко Лужки.

К тому времени особый отдел БСРН влился в разведшколу «Щепелина», располагавшуюся также в г. Яблонь.

В январе 1943 года в Бреславле была проведена конференция организаций БСРН. В ней участвовало 35 делегатов. Здесь руководством БСРН было выдвинуто предложение о начале формирования из военнопленных 3 корпусов: 1-й для борьбы с партизанами, 2-й — для фронта, 3-й — для заброски в советский тыл. После конференции Гиль вызывался в Берлин, но поездка его результатов не принесла, так как к тому времени немцы уже сделали ставку на генерала Власова.

Примерно в это же время в особом лагере СС «Гайдов» (по другим данным в «Сталаге-319») около г. Люблина была сформирована «Дружина № 2», («2-й Русский Национальный Отряд СС») численностью в 300 человек, во главе с бывшими капитанами Красной Армии Андреем Эдуардовичем Блажевичем (или Блазевичем, бывшим начальником штаба артиллерийского полка РККА), Алелековым и Макаренко.

Примкнул к формированию и «Особый отряд СС» из г. Брест-Лавля. Ближайший сподвижник Власова Сергей Фрелих в своих воспоминаниях пишет о Блажевиче: «...Я ему не доверял, выяснив, что в Советском Союзе он служил в частях НКВД. Сотрудничество с НКВД отпечаталось на характере Блашевича (так в тексте. — Ч.С.): он был бессовестным, твердым, неискренним и умел заслужить доверие своих немецких начальников своим жестоким поведением по отношению к русскому населению и взятым в плен партизанам».

Дружина Гиля в октябре 1942 года была направлена в район Усакинского леса (Кличевский район Могилевской обл.), где с ноября вела бои против партизан и взаимодействовала с немецкими войсками и полицией. Уже в декабре она была в значительной мере разложена партизанами, к которым в конце этого месяца перешла в полном составе офицерская рота, перебив немецких солдат и офицеров и взорвав железнодорожный мост через реку Друть, который она охраняла.

В марте 1943 году обе «Дружины» были объединены в «**1-й Русский национальный полк СС**» в Лужках, командиром которого стал Гиль-Родионов, а начальником штаба Блажевич. После получения пополнения «Дружина» насчитывала в своих рядах 1200 человек (150 из них офицеры). Полк имел на вооружении 60 орудий, 95 пулеметов, 18 минометов и свыше 200 автоматов. Начальником контрразведки полка (именовалась также «Служба Предупреждения») стал бывший советский генерал-майор П.В. Богданов.

В мае того же года под свое управление полк получил особую зону в Белоруссии в Полоцкой области, штаб располагался в дер. Лужки. Местная молодежь, дезертиры из партизанских отрядов и пленные, влившиеся в строй, позволили развернуть «Дружину» в «**1-ю Русскую национальную бригаду СС**».

Бригада включала в себя: три строевых и один учебный батальоны, автороту, батареи минометов и орудий, пулеметную роту, учебную роту, роты боепитания, 2-х кавалерийских взвода, комендантский взвод, санчасть, хозчасть, штурмовую роту, саперный взвод, роту связи и взвод полевой жандармерии, организованный по инициативе Блажевича. Знамя бригады представляло собой огромное черное бархатное полотнище с изображением «Адамовой головы» золотистого цвета.

Помимо бывших советских офицеров на некоторых должностях осели эмигранты: капитан Дамэ — впоследствии после развертывания батальонов начальник штаба 1-го полка, командир артбатареи полковник, князь Святополк-Мирский, офицер контрразведки — бывший офицер-деникинец штабс-капитан Шмелев, граф Вырубов и другие.

О том, какое впечатление производило это подразделение, рассказал в своем письме А.Ф. Егорову атаман «Общеказачьего объединения в Германской Империи» генерал-лейтенант Е.И. Балабин:

«Мой представитель в Генерал-губернаторстве подъесаул Моисеев прислал мне вчера письмо. Он побывал в Люблине и там провел день под бело-сине-красным флагом в русском батальоне СС. Лейтенант-немец, который является инструктором в отряде, начал с того, что Россию представляют не эмигранты, а вчерашние большевики, теперь националисты. Эмигранты же имеют множество партий и еще больше разных взглядов, и их в армию “официально” не принимают, а неофициально милости просят. Отрядам СС в Белоруссии и Великороссии будет предоставлена вся власть. Кроме СС создается армия под командой генерала Власова и там для белых будет место. Моисеев познакомился с офицерами батальона и порядками там. Подбор солдат сделан идеально — дисциплина, подтянутость и вообще “душа порадовалась”. Офицерский состав носит армейские золотые погоны: прапорщик — без звездочек, поручик — 2 звездочки, обе вдоль погона, капитан — три звездочки, как раньше было у поручика, но к немецкому мундиру СС золото не особенно подходит. Командир батальона майор Блажевич из Петербурга. Его начальник штаба капитан Богданов (в прошлом прапорщик, а в начале войны был начдивом в чине полковника, а теперь только капитан). В составе батальона бывший генерал — теперь только поручик. Вообще офицерский состав напоминает бывших прапорщиков, но все большие патриоты и умеют подойти к людям. В батальоне применяют мордобойство. Все полны веры в то, что Россия будет и будет дружба между двумя великими державами.

Надеются на то, что большевистская армия, узнав (а звания разбрасываются), что создано русское правительство, будет переходить на сторону немцев и ускорит конец войны...»

Сам есаул Моисеев являлся сотрудником «Зондерштаба «Россия».

Взаимодействием с немецкими частями занимался немецкий штаб в количестве 10–12 офицеров СС. Опекал «Дружину» оберштурмбанфюрер СС Аппель. Положение немцев в «Дружине» было уникальным. Не участвуя в боях непосредственно на фронте, они служили в боевой части СС (пусть и русской) с прекрасным материальным обеспечением, вдали от фронта, имея в друзьях «Володю» Гиля-Родионова — «прекрасного парня», к тому же умевшего дружить с немецким руководством. Все проверяльщики «Дружины» из СС уезжали из нее с объемистыми пакетами «подарков» от командования русского формирования, поэтому благоприятные отзывы «наверх» были Гилю обеспечены.

По свидетельству современника событий, продовольственное снабжение «Дружины» находилось на высоком уровне. Офицеры получали пайки с шоколадом, французским коньяком и кофе в зернах. Для личного состава было море разливанное самогона, шнапса и продуктов.

По инициативе Гиля при штабе формирования был организован оркестр, который выступал перед руководством бригады и его гостями на банкетах, устраивавшихся при каждом подходящем случае. Случаев было множество — например, удачный «бой» с партизанами (то есть его инсценировка).

В составе формирования существовала своя «шарашка» из захваченных евреев: портных, сапожников, шорников, обеспечивавших бригаду одеждой и обувью.

Член руководства Союза капитан Калугин предложил своему руководству формирование дополнительных частей «Дружины» для их последующей переброски в Северную Африку для приобретения боевого опыта и лишь после этого использовать их против частей Красной Армии.

Хорошо вооруженная и на первых порах дисциплинированная бригада вела с переменным успехом бои против партизанских отрядов. Общая обстановка на Восточном фронте постепенно оказывала влияние на личный состав. Сам Гиль-Родионов стал меняться в худшую сторону. Проявление необыкновенной жестокости и пьянство усугублялись еще и тем, что роль постоянного наушника и секретаря

исполнял Блажевич. Пара этих «командиров» занималась расстрелами пленных и несогласных. Например, 18 апреля 1943 года Гиль приказал лейтенанту Полферову расстрелять за слушание московского радио 13 человек из бригады, среди которых находился лейтенант Мех.

28 мая 1943 года по приказу Гиля был расстрелян лейтенант, Герой Советского Союза и бывший депутат Верховного Совета СССР Сироткин. 4 апреля Гиль вместе с Блажевичем убили майора Кузнецова — бывшего начальника отдела кадров Черноморского флота.

Начав 2 мая 1943 года при поддержке немецких войск наступление на партизан Бегомльской зоны, «Дружина» понесла большие потери в личном составе и вооружении. Это обстоятельство, наряду с провалом немецкого летнего наступления, еще более усилило стремление военнослужащих к переходу на сторону партизан.

Оберштурмбанфюрер Аппель докладывал своему руководству о состоянии «Дружины»:

«Положение в “Дружине” требует вмешательства со стороны высших инстанций... “Дружина” развилась в таком направлении, которое свойственно русским при их мании к величию. В то же время замечено возрастающее недовольство, направленное против Германии... Активисты “Дружины” находятся под влиянием празднующихся по лагерю русских, они ведут свободную жизнь бандитов, пьют и едят вдоволь и совсем не думают о предстоящей деятельности “Дружины”. Такое положение создает опасность для политики империи...»

В конце июня 1943 года полк был переформирован и передислоцирован в д. Отрубок (в 24 км к северу от Бегомли), в июле Родионов приступил к формированию дивизии за счет населения, мобилизованного в западных районах Белоруссии.

В первых числах августа 1943 года бригада Родионова дислоцировалась в деревне Бересневка Бегомльского района Минской области. К этому времени командование полка состояло из:

Родионов-Гиль — командир,
Подполковник Орлов — начальник штаба,
Майоры Блажевич, капитан Малиновский — заместители командира,

Майоры Глазов и Раевский — помощники начальника штаба, Генерал-майор П. В. Богданов — начальник контрразведки.

Численный состав полка-бригады к тому времени вырос до 2800 человек. По национальному составу в бригаде служили: русских — 80%, украинцев и прочих — 20%. На вооружении бригады имелось 5 полковых орудий, 20 минометов (из них 5 батальонных и 12 ротных), 280 пулеметов, винтовки советского, немецкого и чешского производства.

Полная деградация Гиля привела его к двойному предательству, но на этот раз — немцев. В августе 1943 года по инициативе офицеров «Дружины» была установлена конспиративная связь с представителями партизанской бригады им. Железняк, действовавшей в Полоцко-Лепельском регионе. С 16 августа переговоры велись уже лично с Гилем. Чекисты пообещали ему полную амнистию за разоружение бригады, сдачу ее антибольшевистских кадров и уничтожение всех немецких военнослужащих. В числе требований также выдвигалось условие выдачи бывшего генерал-майора П. В. Богданова и гауптштурмфюрера СС графа Мирского. Масла в огонь подлили и сами немцы, разместив на станции Парфьяново близ места дислокации «Дружины» части 2-го немецкого полицейского полка и частей СС, усиленные бронетехникой и артиллерией. В «Дружине» решили, что части прибыли для ликвидации русского соединения.

Родионов принял условия Москвы, и 16–17 августа части бригады уничтожили немецкий штаб связи и своих «ненадежных» офицеров: капитана Москалева, старшего лейтенанта А. Полферова и других. Командир офицерской роты полковник Петров лично застрелил А. Э. Блажевича. Генерал-майор Богданов и эмигранты были переданы партизанам и 20 августа их самолетами вывезли в Москву (расстреляли их уже после окончания войны). «Дружинники» атаковали немецкие части в Докшицах и узловую железнодорожную станцию Крулевщина. Все атаки были отбиты немецкими частями. После этого 2200 «дружинников» присоединились к партизанам, образовав «1-ю Антифашистскую партизанскую бригаду». При этом они увели с собой 10 орудий, 23 миномета, 77 пулеметов. К. М. Александров утверждает, что на сторону партизан перешло около 7 тысяч человек.

За переход «Дружины» к партизанам Гиль-Родионов был награжден орденом Красной Звезды (по другой информации — орденом Красного Знамени) и восстановлен в армии с присвоением очередного звания полковника. В своих «Мемуарах» В. Шелленберг утверждает, что «Гиля лично принял Сталин и наградил орденом».

Впоследствии к Гилю был приставлен комиссар И.М. Тимчук, и 1-я Антифашистская бригада действовала в Полоцко-Лепельской зоне, где вела ожесточенные бои в течение 11 месяцев. Бригада хорошо зарекомендовала себя, разгромив батальон Дирлевангера, также с успехом провела ряд смелых операций, одной из которых был разгром 1 февраля 1944 года немецких гарнизонов на железнодорожной станции Вилейка и в военгородке. Главный герой нашего повествования Гиль-Родионов 14 мая 1944 года получил тяжелое ранение при прорыве немецкой блокады в районе п. Ушачи Витебской области и скончался от ран.

Еще до этих событий, весной 1943 года, часть бригады Гиля-Родионова (учебная, пропагандистская команды и **«Особый русский батальон СС»**, сформированный в 1943 году в Бреслау) была переформирована по инициативе СД и поступила в подчинение генерала Г. Жиленкова, с номинальным подчинением «Русскому Комитету» Власова. Это подразделение — **«1-й Гвардейский батальон (бригада) РОА»** разместился в местечке Стремутки, в 15 км от Пскова. Руководящий состав был укомплектован офицерами-белоэмигрантами, ранее участвовавшими в формировании РННА. Патронаж подразделения со стороны немцев осуществлял начальник 6-го отдела РСХА доктор Х. Грейфе. Его прежде всего интересовала возможность использования русских добровольцев-активистов в качестве разведчиков и диверсантов в советском тылу, поэтому батальон являлся своеобразным фильтром для отсева непригодных кандидатов в диверсанты при Главной команде «Цепелина» «Руссланд-Митте».

В составе подразделения намечалось выделить две специальных группы для заброски в Москву. Первая группа должна была выкрасть генерала К.К. Рокоссовского и склонить его хотя бы к формальному руководству Русской Освободительной Армии. Командиром этой группы был бывший

подполковник Красной Армии Алексей Бочаров (Бугров). Руководителем второй спецгруппы был бывший майор РККА, сотрудник Абвера И.М. Грачев (псевдоним «Великанов», бывший командир **спецбатальона Абвергруппы-211** и преподаватель разведшколы Абвера в м. Вану-Нурси). Группе предполагалось поручить ведение разведки.

20 марта 1943 года русский батальон (120 человек) был переброшен из Бреслау в Глубокое. В конце апреля часть батальона принимала участие в боевых действиях против партизан в Докшицах, во время которых 30 человек ушли в лес. Оставшиеся были разоружены, 7 человек возвращены в Глубокое. В это время туда прибыла группа бывших «дружинников» и добровольцев из г. Волау, где была создана и первоначально располагалась главная команда «Цеппелина» «Русланд-Митте». В мае 1943 года в Глубокое прибыли бывшие осинторфцы Сахаров, Кромиади и Ламсдорф, сразу же приступившие к формированию «1-й Ударной бригады РОА». По их прибытии были сняты со своих должностей командир батальона Дружинин и начштаба Васильев.

Вскоре бригада стала образцовой частью, расквартированной в хороших казармах под бело-сине-красным флагом. Солдаты были одеты в ту же чешскую униформу серого цвета, что и «дружинники», но с петлицами, погонами и нашивками РОА. После получения пополнения были сформированы 1-й стрелковый батальон, хозрота, офицерская запасная рота и пропагандистская часть. Командиром батальона стал С.Н. Иванов, заместителем — И.К. Сахаров, начальником штаба — К.Г. Кромиади, представитель Власова — Г. Жиленков.

Этому подразделению не суждено было развернуться в часть более батальона, а после перехода Гиля СД переформировало ее в ягдкоманду-113.

23 июня в батальоне вспыхнул бунт, но после перестрелки был подавлен. Возглавил бунт один из знаменосцев, участвовавший вместе с Г. Ламсдорфом в параде 22 июня 1943 года, посвященном годовщине начала войны.

В августе 1943 года комсостав батальона был отозван в Берлин и повторилась ситуация аналогичная той, что сложилась в РННА. Часть подразделений бригады-батальона была переброшена в другие места, над оставшимися принял коман-

дование капитан граф Г. Ламсдорф. В ноябре этого года большая часть солдат и офицеров ушла к партизанам, оставшиеся 100 человек были брошены в Псковский концлагерь.

Жиленков и эмигранты претендовали на командование всей «Дружиной» под эгидой РОА, но гилевцы поставили своим условием переход всей своей части в РОА целиком, с сохранением Гиля на посту командира. Противодействие также оказали и офицеры СД, находящиеся при Гиле.

После перехода бригады Гиля к партизанам «Боевой Союз Русских Националистов» продолжал существовать, однако это предприятие уже исчерпало себя и скомпрометировало в глазах немецкой разведки. Об этом же свидетельствует докладная записка НКГБ И.В. Сталину № 1767/м от 27 августа 1943 года:

«В районе Полоцк-Витебск действует оперативная группа НКГБ СССР под руководством майора тов. Морозова, располагающая до 1900 человек бойцов и командиров.

Группа тов. Морозова проводит активную подрывную работу в тылу противника. В апреле с.г. в опергруппу явились следующие перебежчики из “Боевого Союза Русских Националистов”:

1. Ведерников Федор Васильевич, 1911 года рождения, бывш. командир батареи 23-й стрелковой дивизии 11 армии, в августе 1941 года под Великими Луками, будучи ранен, был захвачен немцами в плен.

2. Леонов Дмитрий Петрович, 1912 года рождения, бывш. радиотехник 599 противотанкового полка, бывш. военнопленный.

3. Нагорнов Петр Афанасьевич, 1922 года рождения, бывш. боец противотанковой части № 1638, бывш. военнопленный.

Перечисленные лица располагают связями среди бойцов и командиров создаваемой немцами “Русской Освободительной Армии”, дали ценные показания о разведывательной работе, проводимой немцами посредством участников этих частей и изъявили желание принять активное участие в борьбе против немцев. Ведерников, Леонов и Нагорнов назвали ряд лиц из состава РОА, которые настроены патриотически и намереваются перебежать на нашу сторону.

Тов. Морозову дано задание установить связь с названными Ведерниковым, Леоновым и Нагорновым лицами, запретить им переход на нашу сторону и использовать их для

подготовки и осуществления необходимых мероприятий в отношении “Ворона” («Ворон» — кодовое обозначение ген. А.А. Власова — Ч.С.)».

Бессоновщина

Еще одна страница сотрудничества русских коллаборационистов с «Предприятием «Цеппелин» связана с именем Ивана Георгиевича Бессонова.

Он родился 24 августа 1904 года в Перми в семье рабочего. В 1916 году, окончив начальное училище, работал на лесопилке. В 1920 году Иван Бессонов добровольно вступил в Красную Армию и проходил службу на канцелярской должности в 133-м отдельном батальоне связи, с 1922 года был делопроизводителем артдивизиона 57-й стрелковой дивизии.

Старательный и грамотный красноармеец был замечен начальством и в 1926 году поступил в Тверскую кавалерийскую школу имени Коммунистического Интернационала. Вступил в комсомол, учился хорошо. После окончания школы Бессонов служил в кавалерии, в 1930 году был переведен в войска ОГПУ в Казахстан на должность командира взвода. Уже в начале 1931 года он был назначен помощником начальника штаба 13-го Алма-Атинского полка ОГПУ. Участвовал в боях за г. Кульджу против войск мятежного генерала Ма-Чжуина, выступившего против правительства китайской провинции Синцзян, за что был награжден именным оружием.

В марте 1936 года Бессонов был откомандирован в распоряжение начальника управления пограничной и внутренней охраны Ленинградского военного округа. В 1938 году он окончил Военную Академию им. М.В. Фрунзе, после чего был назначен на должность командира 3-го Ленинградского полка и принят в ряды ВКП(б). Прекрасный молодой командир был на хорошем счету у командования и политорганов войск НКВД, был награжден орденом Красного Знамени.

В 1938 году Бессонов получил должность начальника 3-го отдела Управления погранвойск НКВД Ленинградского военного округа. При этом он пользовался полной поддержкой замнаркома НКВД Фриновского, который впоследствии назна-

чил Бессонова на должность помощника начштаба Балтийского флота. В 1939 году он уже получил пост начальника Отдела боевой подготовки Главного управления погранвойск НКВД СССР, что стало zenитом его карьеры. Однако затем Бессонова понизили в должности. Причиной этого, по мнению историка Н.Н. Рутыча, были общие неудачи финской кампании.

В первые дни Великой Отечественной войны Бессонов был откомандирован на должность начальника штаба 102-й дивизии 21-й армии, сформированной в июне 1941 года в Прибалтике. Дивизия в течение месяца обороняла сорокакилометровый участок по Днепру от Рогачева до Быхова. В середине июля 21-я армия получила задачу по овладению Бобруйском и одновременному нанесению удара по немецкой группировке под Быховым. 21-я пошла вперед и с малым количеством танков и самолетов выбила немцев из Жлобина и Рогачева, продолжая наступление на Бобруйск. При приближении к городу начались кровопролитные бои. В этот момент на комдива-102 полковника Гудзя поступил донос, и он был арестован. 13 августа 1941 года в командование дивизией вступил Бессонов.

Удача отвернулась от него, когда немцы прорвались в районе Могилев-Рогачев, и 102-я дивизия оказалась в окружении. Из окружения вышли лишь единицы. Командующего среди них не было, и в его личном деле появилась запись: «В начале августа 1941 г. пропал без вести».

Потом следствие установило, что полковник П.М. Гудзь был арестован по ложным основаниям. Он был освобожден и провоевал до последнего дня Великой Отечественной. Автор анонимки не был установлен. По одной из версий арест Гудзя инициировал сам Бессонов, желая занять его пост.

Бессонов же сдался в плен охране немецкого медсанбата в селе Раги Старосельского района Гомельской области. На первом же допросе он предложил свои услуги по борьбе с советским режимом. Он последовательно сменил гомельский, бобруйский, минский и белостокский лагеря и под псевдонимом «Катульский» в середине ноября 1941 года был переведен в Хаммельбургский лагерь для офицеров «Офлаг-13Д».

В Хаммельбурге была создана специфическая атмосфера для узников. Все попавшие в лагерь офицеры большого ранга

имели возможность развернуть антисоветскую работу в так называемом «Военно-историческом кабинете». Работавшие в этом «кружке» бывшие командиры составляли обширные справки для немецкой разведки, освещая в них состояние советского общества, армии и промышленности. Бессонов тоже принял участие в работе этого кабинета.

В начале октября 1941 года военюрист 3-ранга О.А. Мальцев и бывший артист МХАТа С.Н. Сверчков создали в Хаммельбургском лагере политическую организацию из военнопленных офицеров — **«Русскую Трудовую Национальную Партию»**. В РТНП вступило более 200 человек. Эта организация с первого же дня существования находилась под пристальным оком немецкой разведки, использующей объединение как фильтр для выявления истинного настроения военнопленных. Тяжкий удар по организации нанесла эпидемия тифа и в середине 1942 года администрация лагеряпустила партию. Бессонова деятельность РТНП не удовлетворяла, и он решил создать собственную организацию, которая могла бы объединить все антисоветские формирования и организации и дистанцироваться от немцев. Предполагалось заключить с немцами договор, по которому Германия признала бы Россию в рамках границ на 1 сентября 1939 года.

Предложениями Бессонова активно стало интересоваться Имперское Управление безопасности (РСХА) в рамках проекта «Цеппелин». Под его опекой Бессоновым было объявлено о создании **«Политического Центра борьбы с большевизмом» (ПЦБ)**. Ближайшими сподвижниками комбрига стали полковник В.В. Бродников, полковник Н.Н. Любимов, бывший зам. начальника штаба 6-й армии полковник М.А. Мещандров, бывший командир 171-й стрелковой дивизии генерал-майор А.Е. Будыхо. ПЦБ начал свою работу с июля 1942 года в СС зондерлагере Бухенвальд.

Политические изыски группы военнопленных мало интересовали немецкое командование и от них требовали конкретного дела. Предложения Бессонова о создании антипартизанских формирований из военнопленных были отвергнуты.

Генеральным руководителем ПЦБ был сам Бессонов, начальником штаба полковник Бродников, замполитом полковник Любимов, контрразведкой руководил Будыхо. Штаб

Центра состоял из отделов. Отделом связи, занимавшимся подготовкой радистов и разработкой кодов руководил капитан Фесенко, отдел тыла, занимавшийся подготовкой снабжения и снаряжения групп, возглавлял А.Г. Петров. Кадровую работу ПЦБ курировал сам Бессонов.

Для чего Центру нужны были военные подразделения и радисты? Зная места расположения лагерей ГУЛАГа и систему их охраны Бессонов разработал план высадки воздушного десанта численностью до 6 тысяч человек из числа бывших военнопленных. Предполагалось произвести высадку в районах рек Северная Двина — Обь и от Крайнего Севера до Сибирской железной дороги, захватить лагеря и, вооружив заключенных, развить повстанческую деятельность в южном направлении. Главная задача — овладение промышленными центрами Урала и разрыв сообщения европейской части СССР с Сибирью и Дальним Востоком. Места высадки штурмовых батальонов разделялись на две зоны — северную и восточную. Северная зона располагалась бы в районе Сыктывкар-Сольвычегодск-юго-восток от Архангельска. Штаб ПЦБ предполагалось разместить в Петрозаводске. Осуществить эту операцию предполагалось при поддержке финнов.

Правильность планов Бессонова как бы подтвердило следующее событие. В начале 1942 года в одном из лагунктов на Печоре, куда хотели высадиться бессоновские десантники, заключенные разоружили охрану и подняли восстание. Восстание это было жестоко подавлено, основную роль в этом сыграло отсутствие у заключенных боеприпасов.

В октябре 1942 года «армия» ПЦБ начала формироваться. Боевая организация центра включала в себя 200 человек, сто из них были из числа высшего начсостава Красной Армии. На этой базе предполагалось развернуть полк. Готовились 60 радистов для штурмовых отрядов. Военный блок ПЦБ размещался в зондерлагере в бывшем монастыре Лейбус около Бреславля, в начале 1943 года формирование было переведено в местечко Линсдорф.

Экономическую часть программы ПЦБ разрабатывал кандидат экономических наук Массалов. После свержения советской власти планировалось введение военной диктатуры, затем — проведение всеобщих выборов. ПЦБ выпускал в свет

более 10 наименований периодических изданий и программную брошюру Бессонова «Что делать?», а также «Устав военно-политической борьбы» Меандрова.

Сам Бессонов выполнял ряд ответственных заданий РСХА. В конце 1942 года он написал письмо маршалу Василевскому, однако попытка скомпрометировать маршала не удалась. Бессонова подсаживали и к заключенному № 1 лагеря Заксенхаузен, старшему лейтенанту Якову Джугашвили. Попытки разговорить пленника, а уж тем более склонить его к сотрудничеству, также не дали результата.

По неподтвержденной информации Бессонов также руководил специальной детской школой в г. Познань, готовившей подростков-диверсантов.

К маю 1943 года завершилось развертывание ПЦБ, и Бессонов предполагал начать заброску отрядов в ГУЛАГ. От немцев он хотел бы получить гарантии отсутствия у них захватнических целей в отношении России, но представителя «Цеппелина» гауптштурмфюрера СС Шмундта интересовали только военные подразделения в тылу у Советов. Бессонов же замахивался на всероссийский масштаб руководителя повстанческой деятельности в советском тылу.

Власова Бессонов в качестве руководителя Освободительного движения не признавал, зная, что военной силы за ним нет, и стремился составить конкуренцию бывшему командующему 2-й Ударной армии. Он отказался сотрудничать с Власовым, заявив, что сам выше Власова и в военном и в политическом отношении.

Немцы не ответили на политические требования Бессонова, предложив ему посетить Берлин, по дороге арестовали его и нескольких офицеров за «антинемецкую деятельность». Определенную роль в этом сыграл и донос, написанный в Гестапо ближайшим сподвижником Власова генерал-майором Благовещенским. В доносе Гестапо извещалось о том, что Бессонов ранее принадлежал к оперативному составу НКВД.

ПЦБ был распушен, а Бессонова сотоварищи поместили в СС-зондерлагерь Заксенхаузен, других членов Центра отправили в Летценский лагерь. Будыхо принял должность офицера связи РОА при штабе 16-й армии, а 13 октября 1943 года перешел к партизанам. В 1950 году был расстрелян.

Из остатков военной организации ПЦБ были сформированы **две группы** под командованием обер-лейтенанта Фюрста и полковника Соколова. Их предполагалось использовать в качестве диверсантов в советском тылу. В июле 1943 года оба подразделения были переброшены в Калининскую область (г. Себеж) для выполнения заданий немецкого командования. Прибыв на место, ушла к партизанам группа офицеров во главе с бывшим батальонным комиссаром Чугуновым и подполковником А. А. Пастушенко. Ушел в лес и сотрудник отдела контрразведки ПЦБ лейтенант Бончковский. После дезертирства «Зондергруппа» была эвакуирована в г. Радом, а группа Фюрста — в г. Кельцы. После этого обе группы были расформированы, часть личного состава арестована и распределена по лагерям, другая по полицейским и охранным ротам СС.

Несмотря на неудачу всего начинания, немецкой разведкой был проведен эксперимент. 2 июня 1943 года в районе совхоза «Кедровый Шор» Кожвинского района Коми АССР был выброшен **десант** из 12 человек, одетых в форму НКВД. 9 июня в бою десантники потеряли убитыми двух человек, десять парашютистов были взяты в плен. На допросе руководитель группы Годов указал, что это была проба сил для осуществления плана Бессонова.

Второй десант из 40 человек был выброшен под Сыктывкаром в конце 1943 года, но на связь с командованием не вышел.

Из материалов уголовного дела стало известно, что, находясь на особом положении в зондерлагере, Бессонов «периодически направлял германскому правительству заявления, меморандумы и планы, в которых настаивал на использовании его в борьбе против СССР и вел с немцами переговоры по этому вопросу». В Заксенхаузе Бессонов находился вплоть до середины апреля 1945 года, затем после эвакуации кочевал по концлагерям Дахау, Флоссенбург и Инсбрук.

В конце апреля 1945 года немцы вывезли Бессонова и группу военнопленных в Южный Тироль. К этой же группе присоединили и группу заключенных, бывших заговорщиков против Гитлера. По прибытии на место конвой СС был разоружен подразделением Вермахта, а арестованные освобождены и через несколько дней перешли к американцам. Исследователь К.А. Александров сообщает, что Бессоновым

была предпринята попытка побега из американского плена 3–4 мая 1945 года.

15 мая 1945 года Бессонов, находившийся к тому времени уже в лагере для перемещенных лиц в американской зоне оккупации обратился к американцам с просьбой... о своем возвращении в СССР. Американские официальные лица долго отговаривали его от этого поступка, но Бессонов был непреклонен.

Четыре года шло следствие по его делу и 18 апреля 1950 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к высшей мере наказания.

Впоследствии, в 1980–1990-х годах Военная коллегия Верховного Суда дважды возвращалась к пересмотру дела по обвинению Ивана Георгиевича Бессонова в измене Родине. Первоначальное решение осталось в силе.

Мы — русские!

*Мы побеждали, голые, босые,
Когда-то в восемнадцатом году
Одной лишь верой в Красную Россию
Одной любовью к мирному труду.*

*Мы — русские. Мы верили в судьбу,
Мы шли на бой под вражеские пули.
Народ наш честно выстрадал борьбу,
Большевики нас подло обманули.*

*Мы русские. Приветствуя грозу,
Неся сквозь дым простреленное знамя,
Мы отомстим за каждую слезу,
За каплю крови, отданную нами.*

*Штурмуй врага! Нагрянул день суровый,
Нам не помогут стоны и мольбы.
Кто хочет петь — тот должен рвать оковы.
Кто хочет жить — тот выбрал путь борьбы.*

*Мы — россияне! Крепок наш союз.
Сплотим Россию в грозный час расплаты!
Казак, узбек, украинец, тунгус
Все — добровольцы, храбрые солдаты.*

*Над нами гибель вороном кружилась,
Для жалоб — рот чекистами зажат.
Сибирь родная трупами покрылась —
Там кости братьев и отцов лежат.*

*Мы — русские! Мы верим в свой народ,
Есть много в нем еще великой силы,
Эй, добровольцы, молодцы — вперед!
В последний бой за Новую Россию!*

Г. Полошкин

6. АНТИСОВЕТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Помимо уже упоминавшихся выше различных антисоветских военно-политических образований, на оккупированных территориях Белоруссии, Украины и России вел свою деятельность ряд организаций, самой крупной из которых являлся **Национально-Трудовой Союз (НТС)**.

Союз был создан в 1930 году в среде русской эмигрантской молодежи и первоначально был известен как Национальный Союз Русской Молодежи, с 1931 года — Национально-Трудовой Союз Нового Поколения (НТСНП). Почетным председателем Союза был избран князь С.Н. Лейхтенбергский, во главе Исполкома Союза встал бывший казачий офицер В.М. Байдалаков.

В 1931 году была сформулирована основная цель организации — борьба с большевизмом посредством национальной революции, которая, по мнению членов союза, могла быть организована только собственными силами русского народа изнутри страны, а не привнесена извне.

На третьем съезде НТСНП, состоявшемся в 1934 году, была принята резолюция:

«1. Считая сословные привилегии пережитком прошлого, не имеющим ни смысла, ни права на дальнейшее существование, мы отрицаем как сами привилегии, так и какие бы то ни было социальные отношения, на них базирующиеся...

2. Мы отвергаем сословия, поскольку они принимаются как наследственные касты, но не отрицаем сословия, как естественно возникающие бытовые и профессиональные группы.

3. Мы отвергаем борьбу классов, как ведущую к разрушению государства и нации, и считаем необходимым построение государства на началах социального мира и социальной справедливости.

Ввиду различного содержания, вкладываемого в это понятие, мы даем ему следующее содержание:

а) Равенство всех граждан перед законом и предоставленные всем равенства возможностей;

б) Равная защита государством интересов всех социальных групп;

в) Предоставление профессиональным группам возможности организоваться для культурной самодеятельности, хозяйственной взаимопомощи и социальной защиты, под условием соблюдения общегосударственных интересов.

5. Отрицая социалистическое плановое хозяйство, как прогнившее мертвящим бюрократическим духом, мы считаем необходимым деловое сотрудничество всех трудовых групп под верховным водительством национальной государственной власти, понимая при этом под выражением «трудовые группы» все слои населения, принимающие активное участие в хозяйственной и культурной жизни».

В резолюции содержался и план по организации национальной государственности:

«Признавая равно вредными для государственного бытия как систему бюрократической централизации, так и федеративное устройство страны, мы считаем необходимым в области административного устройства нашего Отечества осуществить гармоническое сочетание начал духовного и государственно-территориального единства Российской нации, управляемой твердой центральной властью, с началами делового местного (земского, городского, областного) самоуправления — культурной самодеятельности».

Далее признавалось единство всех народов России и устанавливалось понятие «Российского национализма», объединяющего все народы, но с сохранением их национальной самобытности. Вопрос о форме правления в грядущей России не затрагивался, но важным считалось содержание будущей государственной власти, которая в связи с народным волеизъявлением могла быть монархической либо президентской. При этом также указывалось на то, что Союз признает коммунистическое правительство СССР антинациональным и действующим во вред России. НТСНП считало необходимым в случае вооруженного столкновения СССР с какой-либо державой усилить в единении с русским народом революционную борьбу с коммунистическим правительством, добиваясь всеми мерами создания Национальной России

Союз объединил в своих рядах ранее самостоятельные группы русской молодежи в странах Европы и на Дальнем Востоке. Штаб-квартира Союза располагалась в Белграде. К концу 30-х годов в НТС насчитывалось не менее двух тысяч членов — немалая цифра для русской эмиграции.

В 1931 году организация стала уделять внимание боевой антисоветской работе, опираясь на помощь старших коллег из Общевоинского Союза (РОВС) и Братства Русской Правды (БРП). Конспиративная работа НТС также курировалась спецслужбами Польши, Германии, Японии. Предпринимались попытки создания подпольной сети Союза в СССР. Агенты и агентурные группы новопоколенцев тайно переходили границу с «Советами» в Прибалтике, Польше и на Дальнем Востоке.

Дальневосточный отдел Союза при поддержке БРП забросил на советскую территорию трех своих агентов. Перейдя советско-маньчжурскую границу, они были арестованы на станции Слюдянка. В сентябре 1935 года Иркутский суд приговорил их к смертной казни

С 1937 года НТС начал сотрудничать с Генштабом Польши. При переходе польско-советской границы первой группой агентов завязалась перестрелка, трое агентов погибли, одному удалось с боем пробиться обратно в Польшу.

Удачным был переход через границу из Польши в районе Минска Г.С. Околовича и А. Колкова. С трудом преодолев пограничную зону, они пробьли в РСФСР с августа 1938 года

до середины декабря того же года. Солидаристы побывали в Орле, Курске, Екатеринодаре, Москве, Феодосии и других городах, знакомились с условиями жизни людей и беседовали с ними. Не исключено, что все их пребывание в СССР проходило под пристальным вниманием советских спецслужб.

В своем интервью, данном журналу «Посев» в 1977 году, Околович утверждал, что при переходе границы погибал каждый второй член НТС.

Проводилась также пропагандистская кампания. Листовки с призывами к созданию тайных ячеек Союза на советской территории закладывались в вагоны поездов, запускались с воздушными шарами, спускались вниз по течению приграничной Припяти в пустых бутылках.

Во время Гражданской войны в Испании НТС помогает «белым» испанцам. В 1937 году группа Союза уничтожила на парижском аэродроме Ле Бурже эскадрилью боевых самолетов, предназначенных для республиканцев. На советско-финском фронте солидаристы сражались в рядах финской армии против советских войск.

22 февраля 1939 года на многолюдном собрании в Русском Доме Белграда состоялось открытое выступление руководства НТС, обращенное ко всей русской эмиграции. В открытом обращении говорилось, что эмиграции нужно готовить себя не к водительству в будущей России, а к служению ей. Председатель НТС В.М. Байдалаков на вопрос журналиста: «С кем же НТС в случае войны с Советами?» ответил:

— У русской совести на это только один ответ: ни со Сталиным, ни с иноземными завоевателями, а со всем русским народом. Россию спасет только русская сила на русской земле...

В мае 1939 года к руководству НТС прибыл бывший министр финансов Временного правительства М.И. Терещенко для выяснения вопроса о возможности политического руководства НТС освободительной армией в Финляндии, сформированной из военнопленных, перебежчиков и эмигрантов. Руководство Союза отказалось от этого проекта, заранее считая его неудачным. Между тем, Союз предпринимал попытки оказания помощи советским военнопленным. По этому вопросу руководитель Финского отдела НТС А.П. Столыпин вел переписку с маршалом К.Г. Маннергеймом.

В союзной газете «За Россию!» в статье «Красный сфинкс» Б.В. Прянишников писал:

«В эмиграции принято считать, что РККА разлетится от первого удара противников. Вряд ли это так. Здесь до известной степени прав некий почтенный генерал, (А.И. Деникин — Ч.С.) воскликнувший на эмигрантском собрании: “А вдруг не побежит!” Русский солдат был и остается прекрасным, храбрым бойцом. В рядах армии немало как потенциальных, так и проявившихся героев... Да и не с фронта придет главная опасность. РККА рассыплется лишь после того, как поражения на фронте переплетутся с ростом внутренних неурядиц и осложнений. Как это случится — покажет будущее. Там, где идет речь о тайниках человеческой души, — труден прогноз. Красная Армия — это сфинкс. Не только для возможных союзников и противников, но, прежде всего, для самого режима, ее породившего...»

В 1938 году в Берлине состоялись тайные переговоры между руководством Союза и представителями немецкой армии и спецслужб о возможности ведения совместных действий против СССР в предстоящем конфликте. Перед началом переговоров члены Союза советовались с профессором И. Ильиным. На встрече с ним было выработано условие, при котором Союз мог бы пойти на сотрудничество с немцами — внесение изменений во вторую главу «Майн Кампф» Гитлера, являющуюся оскорбительной для любого русского человека. Переговоры проходили в Генеральном штабе. С немецкой стороны на них присутствовали около 20 человек военных экспертов, со стороны НТС — профессор Георгиевский, В. Нерсисян, член совета НТС С. Субботин и в качестве советника профессор И. Ильин.

Меморандум, выработанный на консультациях, содержал в себе следующее условие: в случае столкновения с СССР немцам необходимо искать союза с народом против Сталина, а попытка поработить народ приведет к трагедии. В конце переговоров доброжелатель из числа немецких офицеров порекомендовал русским участникам забыть о самом факте такого контакта, закрыть подпольную типографию и перебраться в другие страны в случае назначения на должность референта по «восточным делам» А. Розенберга. Через месяц Розенберг

был назначен на должность, участники тайных переговоров на время покинули страну. Давление немецких властей на Германский отдел НТС стало возрастать — немцы требовали его присоединения к Русскому Национал-Социалистическому Движению (РНСД). В августе 1938 года Исполнительное бюро Союза приостановило деятельность отдела в Рейхе.

В 1939 году Союзу удалось установить контакт с польским правительством в изгнании через молодого польского журналиста В. Стенкевского. Вместе с ним был выработан договор о сотрудничестве НТС с эмигрантским польским правительством.

В это же время по инициативе руководителя Польского отдела А.Э. Вюрглера, исполнявшего обязанности председателя Союза, из названия организации — Национально-Трудовой Союз Нового Поколения были удалены последние два слова. Возрастной ценз на вступление в НТС был отменен. До этого в ряды Союза принимались лица, родившиеся после 1885 года.

После нападения Германии на СССР НТС заявил о своем нейтралитете. Некоторые отделы прекратили свое существование (Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия, отчасти Польша). В Чехословакии руководство отдела НТС было брошено гитлеровцами в тюрьму.

В мае 1941 года в штаб Союза в Белград прибыл редактор берлинской русской газеты «Новое Слово» В.М. Деспотули (получивший в эмиграции прозвище — Гестапули за свои контакты с ведомством Гимmlера). На встрече с руководством Союза им от лица здравомыслящих немецких кругов было предложено НТС негласное сотрудничество «в деле решения русского вопроса». Исполнительное бюро НТС не сразу откликнулось на это предложение, поставив основным своим условием освобождение руководства чехословацкого отдела Союза. Через некоторое время после возвращения Деспотули в Берлин от главы чехословацкого отдела Д.В. Брунста было получено извещение об освобождении.

Мнения руководства НТС разделились — профессор Георгиевский предлагал не спешить и получше выяснить обстановку, Байдалаков и Вергун решили согласиться с предложением и вскоре центр Союза перебрался из Белграда в Берлин. В Берлине члены руководства Союза наладили контакт с за-

местителем Розенберга доктором Р.А. Лейббрандтом, не разделявшим мнение своего шефа о «восточной политике».

Г.С. Околович после переезда в Берлин с большим трудом пробрался в Смоленск для ведения там союзной работы среди местного населения.

С 1942 года в Берлин стала поступать информация о событиях в России и о положении там членов НТС. По мнению члена Союза К. Вергуна, члены НТС в России немцам не только не нужны, но и вредны, а вести от членов Союза ужасны и неопишутемы.

В сферу интересов НТС в Берлине попал пленный генерал РККА Ф.И. Трухин. Трухин попал в плен на Северо-Западном фронте и после ряда допросов и бесед с представителями немецкого командования и разведслужб был перевезен в Германию. Немцы, убедившись в его антикоммунистических настроениях, разрешили ему бывать в Берлине, где проживал его родственник, член Союза Г. Трегубов. Вскоре Трухин был включен в Совет НТС.

Поздней осенью 1942 года в Берлин прибыл генерал-лейтенант Власов. На частной квартире, занимаемой генералом, с ним встретился один из идеологов Союза А.С. Казанцев, служивший в отделе пропаганды ОКВ. Вскоре состоялась встреча Власова с руководством Союза и генералом Трухиным. Через Казанцева НТС установил контакт с М. Зыковым и генерал-майором Д.Е. Закутным.

Другим направлением деятельности НТС стала работа в лагерях военнопленных и специальных лагерях. В созданном Восточным Министерством Рейха лагере подготовки административных работников в Вустрау работала комиссия Союза. Ею велась работа по отбору и подготовке к вступлению в организацию новых членов из числа военнопленных. Одновременно члены Союза преподавали в Вустрау и ряде других лагерей общественно-политические науки, читали лекции по истории России, знакомили слушателей с программой НТС.

Члены Союза, видевшие основной целью существования Союза работу по освобождению России от большевистского и гитлеровского ярма, всеми путями стремились попасть в Россию.

Руководство НТС ставило перед своими членами ряд задач:

1. Быть с народом в его трудном положении и разделять с ним все тяготы оккупации.

2. Распространять идеологию Союза, как «Третьей Силы», и образовывать тайные союзные организации в среде населения.

3. Спасать пленных красноармейцев от голода и истребления немцами.

4. Помогать населению всем, чем можно.

5. Создавать тайные ячейки в воинских частях, сформировавшихся из бывших красноармейцев.

6. В Германии проникать в лагеря военнопленных и вывезенных на работы в Германию.

Основной «лазейкой» на оккупированную территорию СССР по-прежнему оставалась Польша, где позиции НТС были сильны еще с довоенных времен, в связи с сотрудничеством с разведывательным отделением Польского Генштаба.

Первыми членами НТС, попавшими на территорию СССР в июле — начале августа 1941 года, стали члены Польского отдела. Один из членов Союза устроился переводчиком при штабе известного немецкого аса Мельдерса. До осени 1941 года А.Э. Вюрглером было организовано несколько пунктов перехода польско-советской границы в районе Брест-Литовска и Катовиц. Сеть была создана не без помощи бывших сотрудников Генштаба польской армии, и провалов на этой границе почти не было. На оккупированной территории Белоруссии и России Вюрглером были организованы явки в Лиде, Барановичах, Столбцах, Минске, Борисове и Смоленске.

Одними из первых прибыли в Россию член Совета НТС в Польском отделе Г.С. Околович и бывший главный редактор варшавской русской газеты «Меч» В.В. Брандт. В Барановичах группа была задержана полевой жандармерией. Начальник комендатуры пропустил группу далее, сообщив, что по правилам был бы обязан отправить всех обратно под стражей. Аналогичная ситуация повторилась в Смоленске. В обоих случаях спасало то, что офицеры были еще старой кайзеровской школы, не одурманенные партийными установками Гитлера.

С большим трудом добравшись до Смоленска, члены НТС были приняты на службу в отдел социальной помощи городской управы. Здесь же они организовали первую ячейку НТС, включив в нее ряд членов Союза, пробравшихся сюда ранее.

В своей работе солидаристы столкнулись с такими сложностями, как постоянная угроза со стороны Гестапо, а также настороженность и недоверие со стороны местного населения. Тем не менее, несмотря на сложности, организация вскоре разрослась. Постепенно Смоленск превратился в центр союзной работы на оккупированной территории.

После Смоленска настала очередь Брянска — туда выехала группа В. Кашникова. Ее члены поступили на работу — один заведовал городской столовой, другой — городским хозяйством, сам В. Кашников стал переводчиком в горуправе и одновременно — конферансье в городском театре. Именно работа в театре позволила Кашникову с разрешения местного коменданта проникнуть в лагерь военнопленных для отбора «актеров для труппы». Впоследствии эти спасенные люди вступили в НТС. Впоследствии таким же образом удалось освободить из лагерей бывших студентов и организовать для них курсы, возобновить работу школ.

В Брянске члены НТС организовали акцию против проводившегося немцами добровольного набора рабочих в Германию. НТСовцы разъясняли посредством плакатов, что все, что обещает немецкое руководство, — миф, необходимый для пополнения рабочих мест в германской промышленности.

В 1943 году В. Кашников выбыл в Варшаву, а оттуда — в город Лепель, для организации союзной работы в бригаде Каминского и среди местных партизан. Помимо него, у Каминского также работали члены НТС Р. Редлих (как сотрудник Министерства по делам оккупированных восточных территорий) и Г. Хомутов.

Р. Редлих так описывает Каминского: «Инженер-химик по профессии, зек по воспитанию и отношению к советской власти... Был он человек волевой, властный, командный, обращавшийся к любым средствам и приемам, в которых был воспитан и научен за проволокой. И с такой же психологией. Он стоял на позициях: все равно с кем, хоть с чертом, лишь бы большевиков резать. Хорошие немцы, плохие, а мне какое дело... Он был зверский антикоммунист, как сейчас говорят — пещерный...»

Согласно утверждению Редлиха, Национал-социалистическая Трудовая Партия России была фактически создана

Каминским при помощи Хомутова. Далее Редлих объясняет: «Нужна ли ему была именно национал-социалистическая партия? Нет. Любая. Он был воспитан в системе, где без партии жить было нельзя. Созданной партией, так же как и остальной идеологической работой, ведал Хомутов. Однако идея создания партии немцам не понравилась, и ее настрого запретили». Впоследствии всю идеологическую работу у Каминского вел Редлих, Хомутов стал политработником в бригаде. Вскоре немцы разрешили Каминскому воссоздать НСТПР и под прикрытием партийной работы Редлих и Хомутов смогли отпечатать в местной типографии схему Национально-Трудового Союза под видом программы НСТПР. Впоследствии этот тираж погиб при эвакуации.

Еще до этих событий Каминский использовал Редлиха в качестве посредника для ведения переговоров с генералом Власовым. Власов наотрез отказался обсуждать статус армии Каминского, предупредив, что в РОА бригада вольется с прежним командующим, но под начало Власова.

Георгий Хомутов при эвакуации из г. Дятлова организовал отряд, в который вошли несколько членов Союза, присланных из Минска Околовичем. Позднее Хомутов пропал без вести.

Когда стало получать развитие власовское движение, а Каминский отказался войти в подчинение командования РОА, на совете НТС было принято решение о его ликвидации — за действия, компрометирующие Русское Освободительное Движение. Исполнение акции было поручено членам НТС, служившим в бригаде РОА. Однако по ряду причин ликвидацию Каминского осуществить не удалось.

На оккупированной территории группы Союза появились в городах: Орше, Гатчине, Порхове, Вязьме, Орле, Гомеле, Могилеве, Полоцке, Борисове, Минске. Киеве, Барановичах, Слониме, Одессе и других местах. По информации Б.В. Прянишникова группы Союза существовали в 72 русских городах.

В Орле действовали члены НТС А. Ширинкина и Тарасов. За распространение листовок Союза они были брошены в тюрьму, откуда вышли с большим трудом.

Работая на оккупированной территории в органах местной администрации, членам Союза пришлось каждую минуту сталкиваться с воплощением в жизнь основных посту-

латов гитлеровской и розенберговской политики по отношению к местному населению. В результате знакомства с немецкой политикой среди членов Союза резко возросли антигитлеровские и антинемецкие настроения. При этом в доверительных беседах с местным населением союзники пропагандировали свою установку: «Не коммунизм, не капитализм, а национально-трудовой солидаризм. Против Сталина и Гитлера, за национальную Россию».

После поражения немцев под Курском действия подполья НТС стали носить антинемецкий характер. Распространялись листовки с лозунгами «За свободную Россию без немцев и большевиков!», «Покончим с Гитлером — возьмемся за Сталина!» и пр.

Внешне члены НТС привлекались немецкими властями для сотрудничества, что не мешало Гестапо арестовывать многих руководителей Союза. С лета 1943 года начались аресты членов НТС в Европе и на оккупированной территории. Этому способствовало раскрытие антигитлеровского заговора в среде высших офицеров немецких вооруженных сил, прикрывавших деятельность Союза. К осени 1944 года в немецких тюрьмах и концлагерях сидело около 200 членов НТС, в том числе полный состав Исполнительного бюро и запасного Исполбюро. В их числе были председатель Союза В.М. Байдалаков, Брунст, Поремский, Заприев, Околович.

Допросы арестованных вели русские следователи Гестапо из группы «Комет», созданной специально для борьбы с русской эмиграцией. Немалую помощь в разгроме НТС оказали Гестапо и сотрудники К.А. Фосса — бывшего руководителя «Внутренней линии» РОВСа и сотрудника Абвера.

В вину НТС были поставлены антинемецкая деятельность, руководство нелегальной организацией, связь с партизанами. Аресты продолжались до сентября 1944 года, пока за членов Союза перед Гиммлером не заступился генерал Власов. Всего в немецких застенках погибло 60 членов НТС. Многие из них были освобождены из тюрем и лагерей Красной Армией — только для того, чтобы поменять места своего пребывания на колымские лагеря.

Сотрудничество членов Союза с Власовым и его штабом шло по нарастающей. Члены Союза преподавали дисциплины в

ряде учебных заведений РОА, сотрудничали в редакциях русских газет вплоть до конца войны.

После окончания военных действий НТС делает разворот в своей политике по отношению к власовцам на 180 градусов. По конъюнктурным соображениям Союз отмежевался от власовцев, боясь навлечь на себя обвинения в коллаборации со стороны новых могущественных союзников. Руководитель НТС Байдалаков издал для членов Союза циркуляр, в котором заявлял, что Комитет по Освобождению Народов России был составлен немцами из людей продажных и аморальных, шкурников и трусов. Такая позиция руководства НТС вызвала раскол в среде послевоенных власовских политических организаций. С их стороны в адрес НТС начались упреки в политическом авантюризме и попытке захвата структур КОНР и РОА, неспособности налаживания ими (объявившими себя МИДом КОНР) связей с руководителями западных держав весной 1945 года. В вину солидаристам власовцы также поставили распоряжение Байдалакова по регистрации и обеспечению явки всех военнослужащих РОА в оккупационные союзнические структуры.

Несмотря на занятую руководством НТС позицию по отношению к недавним союзникам, часть солидаристов помогла некоторым власовцам найти убежище на Западе, получить проездные документы и визы.

В послевоенной союзной литературе редко упоминается о роли членов НТС в работе немецких специальных органов. Между тем сотрудничество с немецкими спецслужбами привело к парадоксальному результату — «Зондерштаб Россия» фактически слился со структурой НТС на оккупированной территории.

По пути сотрудничества с Абвером пошел председатель Польского отдела НТС А.Э. Вюрглер. При организации «Зондерштаба» Смысловский предложил ему пост начальника 3-го отдела (отдел пропаганды). Смысловский при этом получал контроль над разветвленной агентурой НТС на оккупированной территории, Вюрглер — возможность беспрепятственного перемещения своих людей по оккупированной территории под прикрытием документов «Зондерштаба-Р» и ведения собственной агентурной работы. Еще в конце 30-х годов Вюрг-

лер возглавлял в Варшаве специальную школу по подготовке агентов для работы на советской территории. Средства на нее выделялись японской военной разведкой. Позднее по решению председателя Союза в «Зондерштаб» на работу были рекомендованы старые, проверенные кадры НТС — И.И. Виногорадов, К.А. Евреинов, Б.Б. Мартино и другие. При этом сам руководитель «Зондерштаба» в подробности работы НТС на оккупированной территории не посвящался, зато японская разведка была в курсе работы НТС.

Анализ архивных документов МГБ СССР дает представление о проникновении членов НТС в Абвер. Так, в структуре «Зондерштаба» служили следующие члены союза:

Брандт В.В. — член Совета НТС в Польском отделе и бывший главный редактор варшавской русской газеты «Меч»;

Врангель Б.Г. — помощник резидента в г. Острове;

Евреинов К.А. — начальник разведкурсов, с ноября 1943 года резидент в г. Молодечно;

Кашников В.Н. — резидент в г. Лепеле, затем в г. Лиде;

Мамуков Е.Е. — резидент в Днепропетровске, затем в Первомайске;

Ольгский М.Л. — резидент в г. Борисове;

Тенсон А.А. — резидент в г. Порхове, с ноября 1943 года в г. Гдове;

Юнг (он же Востоков, или Афанасьев) Игорь Леонидович — помощник резидента в Слуцке, затем в Минске, участник формирования Русской Национальной Народной Армии (РННА) в Осинторфе, позднее — сотрудник «Предприятия «Цеппелин» и начальник его разведывательно-диверсионной школы;

Полчанинов Р.В. — курьер резидентской области «Д» в г. Выру, затем в Минске;

Ширинкина А. — сотрудник органа в Могилеве;

Попов Г.И. сотрудник органа в Порхове;

Арский (он же Отрожко) — возглавлял Могилевскую резидентуру;

Родзевич (или Радзевич Алексей, он же Николай или Константин, Александр Николаевич или Дмитриевич) — сотрудник 1-го отдела органа (разведработа против партизанских отрядов).

К 1943 году Смысловский обладал информацией о тайной работе НТС и установил негласное наблюдение за его сотрудниками. На состоявшейся в Варшаве встрече сотрудников немецких спецслужб, «Зондерштаба» и НТС, сотрудники Смысловского огласили результаты наблюдения за Вюрглером, из которых следовало, что НТС поддерживает связь с польским подпольем. При этом Байдалакова обвинили в связях с английской разведкой и предложили покинуть Варшаву. Вюрглер был отстранен от должности начальника отдела. Впоследствии ему была передана просьба участников встречи — немедленно покинуть пределы генерал-губернаторства. 23 декабря 1943 года около 10 часов утра Вюрглер был убит по дороге на службу двумя выстрелами в затылок. Убийцы так и остались неизвестны. После войны НТС обвинил в убийстве Б.А. Хольмстона-Смысловского, что послужило поводом к началу полемики между ними на страницах эмигрантской прессы.

На территории оккупированных районов Брянщины и Орловской области, позднее в Белоруссии под патронажем «Предприятия «Цеппелин» действовал контрразведывательный орган «Штаб Ингвар» (или «Операция «Ингвар»). Возглавлял его вышеупомянутый И. Юнг.

Под контролем Абвера в г. Запорожье членами Союза была предпринята попытка создания **«Всероссийской Партии Национального Возрождения» (ВПНВ)**. Вербовку в партию вел некто Обухов. С сентября 1944 года в связи с отсутствием у новой партии массовой поддержки среди местного населения Обухова заменили члены Союза Данилов, Алексеев и Смирнов. Немногие члены партии вербовались в диверсионную школу при **Абверкоманде-202** и забрасывались в советский тыл. В августе 1944 года школа передислоцировалась в г. Радом, где по указанию руководства абверкоманды из нее были отчислены 30 членов НТС. Все они вместе с Даниловым выехали в г. Меттихофен (Бавария). Дальнейшая судьба этой группы неизвестна.

Помимо «эмигрантского» Национально-Трудового Союза существовал ряд антисоветских политических организаций в лагерях военнопленных и на оккупированной территории.

В сентябре 1941 года в офицерском лагере военнопленных в Хаммельбурге была создана **Русская Трудовая Народная**

Партия (РТНП). Во главе нового политического образования встал бывший военный прокурор 100-й стрелковой дивизии РККА С.А. Мальцев. С немецкой стороны партию курировали офицер контрразведки капитан фон Зиверс и зондерфюрер Кох.

Партия состояла из отделов:

Отдела пропаганды во главе с бывшим артистом МХАТа С.Н. Сверчковым;

Разведывательного отдела — майор А.П. Филлипов;

Военного отдела — генерал Благовещенский (до ноября 1941 года).

Общее руководство партией осуществлял ЦК во главе с С.А. Мальцевым.

Программа партии была разработана также Мальцевым и Сверчковым, опубликована в ноябре 1941 года и распространена среди военнопленных. Основная ее цель — свержение большевизма с помощью немецкой армии и послевоенное восстановление частной собственности и образование государства с республиканско-демократической формой правления. Для вступления в партию требовалось заявление с приложением анкеты и одной рекомендации от члена партии. Заявление о приеме рассматривалось на собрании и утверждалось комитетом.

В ноябре 1941 года военный отдел партии предложил немецкому командованию начать формирование добровольческой армии для последующего боевого использования против РККА. Вслед за этим, с согласия немецкого руководства, в лагере были созданы четыре комиссии для выявления и проверки квалификации офицеров, желавших принять участие в борьбе против Советов. Результатом работы комиссий стала вербовка почти трех с половиной тысяч человек. По другой информации желание бороться против большевизма изъявило лишь около 800 человек.

В том же 1941 году начальником военного отдела РТНП генерал-майором Ф.И. Трухиным немецкому руководству было предложено начать организацию из военнопленных разведывательно-диверсионных и пропагандистских групп для последующей заброски в ближние тылы РККА. При этом указывалось, что формирование диверсионных бригад может

занять один месяц. Предлагалось также приступить к формированию добровольческой армии, состоящей из всех родов войск для смены германских частей, несущих службу в Бельгии, Франции, Голландии и на Балканах. Автору проекта представлялась реальной возможность использования русских частей в последующем в Африке против англичан либо на Восточном фронте.

Одновременно с разработкой несбыточных проектов, члены РТНП вели активную агитационную работу. Пропагандистский отдел партии выпускал газету «Путь Родины» (тираж 16 экз.) и руководил пропагандистами. Была принята неудачная попытка установления контакта с пленным лейтенантом РККА Я. Джугашвили.

Фактически, существование этой локальной организации, ограниченной простреливаемым лагерным периметром было выгодно немецким спецслужбам. Секретным отделом партии было выдано в руки Гестапо более 2 тысяч военнопленных.

В июне 1942 года из-за сильнейшей вспышки тифа и многочисленных жертв, партия была распущена, а 30 наиболее активных ее членов были направлены на учебу в школу пропагандистов в Вульхайде.

В конце 1942 года партия была возрождена. Ее номинальным руководителем оставался Мальцев, находящийся к тому времени в Берлине. В Хаммельбурге председателем был полковник Петров. В конце июля 1942 года в руководящее ядро РТНП входили: полковники Петров, Меандров, Бродников, генерал М.В. Богданов, подполковники Любимов и Шатов. Специальная комиссия РТНП проводила вербовку военнопленных в немецкие воинские части.

«**Всероссийская Национальная Партия**» (ВНП) была создана в 1942 году. Ее основателем стал математик, доцент В.В. Минаев, попавший в плен под Москвой. Программа партии была пронизана ностальгией по прежней дооктябрьской России. Во главе государства мыслился Земский Собор. Пожизненным главой государства с титулом «Правитель России» представлялся великий князь Владимир Кириллович Романов. Народу предоставлялись демократические свободы, частная собственность, широкие права на образование и развитие национальной культуры.

Большое влияние на В.В. Минаева оказало знакомство с членами НТС в учебных лагерях военнопленных в Циттенхорсте и Вустрау. Опекали его члены Союза Поремский, Брунст, Р. Редлих. В Вустрау Минаев был назначен заведующим лагерной библиотекой. В типографии печатались листовки, призывавшие вступать в ВНП. Эти листовки распространялись среди антифашистски настроенных русских, оказавшихся в наиболее тяжелых условиях. К лету 1944 года партия получила пополнение за счет остарбайтеров с берлинских предприятий. В преддверии начала Словацкого национального восстания В.В. Минаевым было подготовлено и переброшено в Словакию 150 военнопленных. Здесь, в Свято-Почаевском православном монастыре, жил брат В.В. Минаева — М.В. Минаев.

5 августа 1944 года, за пять минут до отправления скорого поезда Берлин — Братислава В.В. Минаев был арестован. Гестапо интересовали его связи с великим князем Владимиром Кирилловичем и особенно его близость к английской династии Стюартов. Гестапо считало, что великий князь находится «под колпаком» английской спецслужбы.

После освобождения советскими войсками В.В. Минаев был вывезен в СССР и в октябре 1945 года прибыл в лагерь в Инту (Коми АССР). В лагере он тяжело заболел и был помещен в лагерную больницу. 8 ноября 1949 года В.В. Минаев был расстрелян.

Весной 1944 года в городах Борисове и Бобруйске было объявлено о создании двух русских национальных организаций — **Союза Борьбы против Большеви́зма (СБПБ)** и **Союза Русской Молодежи (СРМ)**. Обе организации были созданы с разрешения немецких властей.

Формальным поводом для создания СБПБ послужила резолюция массового митинга русского населения, состоявшегося 4 марта 1944 года и санкционированного немецкими властями. В организацию началась вербовка местного населения и прежде всего — молодежи. Руководитель Союза Белорусской Молодежи (СБМ) Н. Абрамова свидетельствует о широкой вербовочной кампании СБПБ и хороших материальных возможностях новой организации. Пропагандистская работа союза включала издание газеты «Речь»,

агитационно-пропагандистских материалов, членских билетов. В «Речи» от 8 марта 1944 года был опубликован Манифест Союза и его программа, в следующем номере газеты было опубликовано Положение о Союзе. В манифесте говорилось: «Главная цель Союза — борьба против всех проявлений иудо-большевизма».

В ряды организации могли вступить представители всех национальностей, кроме евреев и тех, кто сотрудничал с советскими спецслужбами. В положении о СБПБ говорилось, что бывшие члены ВКП(б), ВЛКСМ и других партий могут быть приняты в союз только после шестимесячного испытательного срока. Граждане стран-союзниц Германии, офицеры немецкой армии (особенно награжденные «Железным Крестом» I-й степени) могли быть приняты в союз в качестве почетных членов. Все члены организации именовались «соратниками» и были обязаны принести присягу.

Знамя СБПБ представляло собой черно-оранжевое полотнище с Георгиевским крестом в центре. Знаком Союза являлся уменьшенного размера Георгиевский крест из белого металла (для почетных членов — серебряный с золотой окантовкой). Руководителям Союза были вручены нарукавные повязки, цвет окантовки которых указывал на должностную степень (районный, окружной, областной). Принятые в ряды союза были обязаны единовременно заплатить взнос 15 рублей и выплачивать ежемесячные взносы по 10 рублей.

Штаб-квартира СБПБ размещалась в Бобруйске, здесь же находилась редакция газеты «Речь», редактором которой был Михаил Окταν (он же Илинич), кадровый сотрудник СД. Отделения союза находились на предприятиях Бобруйска, в г. Осиповичи, местечках Лапичи и Пуховичи.

В секретном докладе в ЦК КП(б) Белоруссии чекисты сообщали, что поскольку в уставе СБПБ не упоминается о центральном органе, следует полагать, что деятельность этой организации на оккупированной территории БССР ограничивается пределами одной области. Далее делался вывод о том, что бобруйское областное руководство Союза во главе с Октаном выполняет функции ЦК Союза. Руководителем Бобруйской районной организации был утвержден некто Никитин Иван Степанович, подчиненный непосред-

редственно, минуя окружную инстанцию, областному руководителю М. Октану.

21–24 апреля 1944 года на промышленных предприятиях города прошла кампания записи в Союз, которой предшествовала усиленная агитация. По свидетельству архивных документов, кампания прошла удачно. Так, только на машиностроительном заводе в Союз вступило 80% работников, на мыловаренном заводе — 90%, в городском банке — 100%. Основная ставка делалась на тех, кто пострадал от советской власти. Так, в м. Марьина Горка вербовкой в Союз занимались ранее репрессированные Советской властью обыватели.

В донесениях из партизанских соединений Минской области подчеркивалось, что, как правило, районными руководителями Союза назначались начальники районных управ, их заместителями — руководители Союза Белорусской Молодежи или Самопомощи, местными и групповыми руководителями в городах — руководители предприятий и учреждений, в деревнях — старшины волостных управ.

В перспективе руководство СБПБ рассчитывало создать собственные боевые отряды в оборонных деревнях Белоруссии и постепенно милитаризовать организацию. Пробразом вооруженных сил стали дружинники Союза.

Воззвание М.А. Октана об организации добровольных охранных дружин Союза было опубликовано в бобруйской газете «Речь» от 1 апреля 1944 года. В воззвании говорилось:

«...В осуществление своей временной программы Союз борьбы против большевизма объявляет об организации добровольных вооруженных охранных дружин. Рядом с РОА, как вооруженной силой освобожденного народа и ОД, как отрядами местной самообороны, становятся охранные дружины Союза борьбы против большевизма, как подвижные части, расположенные на своей родной земле, для активного подавления бандитизма, для охраны мирного творческого труда от всех посягательств сталинских агентов и для исполнения специальных заданий Союза борьбы против большевизма. Добровольные охранные дружины проводят последовательную борьбу для победы над большевизмом.

Для выполнения политических задач, для защиты народа и для обеспечения победы над большевизмом добровольные

охранные дружины должны состоять из представителей народа, воодушевленных глубокой и пламенной ненавистью к большевизму, спаянных крепкой дисциплиной, твердым характером, беззаветной преданностью и безусловной готовностью к действию.

Добровольные охранные дружины союза являются народной гвардией.

Союз борьбы против большевизма призывает мужчин в возрасте от 18 до 45 лет вступать в охранные дружины Союза».

М. Октан заявил, что в дружинники будут приниматься только активные борцы с иудо-большевизмом. Всем дружинникам выдавали форму СС. 18 марта 1944 года на митинге в ряды соратников СБПБ был принят личный состав восточного батальона под командованием майора А.И. Буглая.

Для объединения в своих рядах молодежи был создан руководящий штаб союза по работе с молодежью. Вся молодежь в возрасте от 10 до 18 лет была обязана вступить в молодежную организацию Союза. Местным организациям СБМ разрешалось вступать в СБПБ коллективно, что встретило противодействие со стороны руководства СБМ. 9 мая 1944 года было объявлено о создании Объединенного (русско-белорусского) Союза Молодежи, однако дальше составления деклараций работа не продвинулась.

Крупной пропагандистской акцией Союза стало торжественное открытие юношеского поселка СБПБ под Бобруйском. Всего в этом «специализированном» населенном пункте СБПБ проживало 700 детей в возрасте от 8 до 15 лет (420 мальчиков, остальные девочки). Поселок был построен силами немецкой армии. На торжественном открытии поселка присутствовали представители германского командования, М.А. Октан, майор Б.Г. Меньшагин, протоиерей отец Дмитрий Булгаков.

Структура СБПБ строилась по территориальному принципу. Первичной ячейкой Союза были группы. Они могли создаваться в организациях, предприятиях, воинских частях, если желающих образовать группу насчитывалось не менее 10 человек. Если группу желало образовать меньшее количество, требовалось разрешение районного руководителя. В Союзе действовал принцип подчинения нижестоящих групп вышестоящим инстанциям. Группу возглавлял руководитель

группы, он подчинялся местному руководителю, тот в свою очередь — районному, и далее по цепи — окружной руководитель — областной.

За короткое время были созданы управленческие структуры. При областных и окружных руководителях действовали рабочие органы. В аппарат областного руководителя входили 9 отделов: общий, организационный, агитации и пропаганды, особый, военный, финансовый, референтура по работе с женщинами, по работе с молодежью.

Аппарат районного руководителя состоял из 5 отделов: общего, организационного, особого, пропаганды и агитации и референтуры.

Политическая школа СБПБ в Бобруйске готовила будущих руководителей Союза. Здесь 1 мая прошел семинар руководителей групп союза. Регулярно организовывались сборы руководителей разных уровней. 5 мая 1944 года прошел сбор пропагандистов оборонных дружин Союза, на котором с программной речью выступил Оксан. На сборе присутствовали представители оккупационной администрации, командование 9-й армии, окружной бургомистр майор Б.Г. Меньшагин.

Немецкие органы власти и спецслужбы доносили в Берлин об успехе Союза и массовом желании населения встать в его ряды. Однако вскоре существование СБПБ было прервано начавшимся советским наступлением.

Объявление о создании **Союза Русской Молодежи (СРМ)** прозвучало 7 мая 1944 года в помещении Борисовского народного Дома. На собрании присутствовали представитель Вермахта Тесмер, обербанфюрер «Гитлерюгенда» Шульц, бургомистр Борисовского округа Алексеевский, будущий руководитель СРМ капитан РОА Евгений Лазарев, шеф руководящего штаба СБМ М. Ганько, руководитель белорусской молодежной женской организации Н. Абрамова. Аудитория состояла из местной молодежи, военнотружущих частей РОА и ОД, представителей оккупационной администрации. Здесь же был назначен начальник штаба СРМ (капитан Лазарев), зарекомендовавший себя на службе в русских добровольческих частях. На собрании прозвучало приветствие СРМ от русской эмигрантской молодежи из Сербии и от генерала А.А. Власова.

Основную ставку СРМ делал на молодых военнослужащих РОА. Е. Лазарев заявлял: «У русских есть вождь — генерал Власов, у нас есть общая мать — Россия, у нас есть общий союзник — германский народ. Пусть хлопцы помнят и готовят себя быть достойными той задачи, которую поставит, когда настанет час, Родина и генерал Власов».

За образец структуры организации было взято строение «Гитлерюгенда». В организацию могли быть приняты молодые люди от 10 до 20 лет. Союз разделялся на три возрастные группы: дети 10–14 лет, 15–18 летние и молодежь 19–20 лет. Положением СРМ предусматривалось создание женского отделения.

Деятельность СРМ была прервана советским наступлением, но продолжалась в Германии, куда эвакуировались руководители Союза в июле 1944 года

Впоследствии все члены СРМ во главе с Лазаревым и Чегировой окончательно вошли в состав помощников ПВО и Люфтваффе группы армий «Центр». Помимо них здесь уже находились 3200 членов «Союза Белорусской Молодежи» во главе с М. Ганько. В состав северной группы вошли эстонцы (1 тыс. юношей и 300 девушек), латыши (5 тыс. юношей и 2 тыс. девушек), литовцы (1200 человек). Южную группу составили украинцы

Помимо вышеупомянутых политических организаций на оккупированной территории России, Белоруссии и Украины существовал ряд более мелких объединений, находящихся под контролем немецких спецслужб и армии. Большинство из них играло роль фильтра для выявления антинемецких настроений среди населения и содействовало оккупационной политике.

Часть II. «Братья-славяне» на немецкой службе

1. БЕЛОРУССКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ

Эскадрон Бориса Рагули

После освобождения Западной Белоруссии осенью 1939 года многие представители местной националистической интеллигенции покинули свою родину. В эмиграции действовал ряд белорусских национальных организаций. Варшавский «Белорусский комитет самопомощи» (БКС) под руководством ксендза Винцента Годлевского и Николая Щорса имел разветвленную сеть европейских филиалов, где в преддверии войны белорусская эмигрантская молодежь готовилась к действиям на территории советской Белоруссии. Существовала также своя «Белорусская Национал-социалистическая партия» под руководством бывшего офицера польской армии Вацлава Козловского, утверждавшего, что «...Гитлеризм — единственное наше спасение. Другим путем независимости не получим».

В 1938–1939 гг. Вильно и Западные району Белоруссии посетили сотрудники Абвера майор Энгельгардт, профессор Герхардт фон Менде, эксперт Восточного Министерства, бывший ректор Кенигсбергского университета, майор Герулис. Целью посещения было установление контактов с ксендзом Годлевским и Ф.Акинчицем.

При МВД Рейха в ноябре 1939 года было создано **Белорусское Представительство** (Weissruthenische Vertaunstelle), имевшее собственный печатный орган — газету «Раніца». Впоследствии

членами Белорусского представительства был создан «Белорусский Комитет Самопомощи» — гуманитарно-просветительская организация. Почти все аналогичные белорусские организации ставили перед собой аналогичные цели, однако их совместной работе с Абвером также уделялось внимание.

Накануне войны НКГБ СССР докладывал в партийные инстанции: «В западных областях БССР местами наибольшего сосредоточения белорусских националистических кадров являются города Новогрудок (С. Станкевич, Шах, Оrsa, Четырко и др.), Барановичи (Сенькевич, Дроздовский, Банкет и др.), Вилейка (Машара, Стецкевич, Счастной и др.) и Белосток (Ширма, Ильяшевич и др.)».

Накануне вторжения гитлеровцев Годлевский писал в своей газете «Белорусский фронт»: «При первой же возможности люди бросились бы в объятия к каждому, кто искренне или неискренне пообещал бы лучшую долю, а при известном примитивизме нашей деревни влияние могут оказать и коммунисты, и фашисты, и монархисты».

Во время германо-польской войны лидер национал-социалистов Фабиан Акинчиц представил немецкому командованию свои предложения относительно создания белорусской диверсионной группы для действия в тылу польской армии. В своем рапорте от 1 ноября 1940 года он также представил в Восточный отдел НСДАП проект деятельности белорусских националистов, предусматривающий проведение немецкой стороной переподготовки военнопленных белорусов и их переброску на территорию СССР. Работа была развернута под руководством Абвера и СД с участием **Белорусского Комитета** в местечке Сулеювек (Сувалки) под Варшавой. Кадры были предоставлены филиалами Комитета из Варшавы и Бялы-Подляски. Из этих рекрутов был сформирован **отряд** в составе 50 человек. Подразделение прошло спецподготовку в Ламсдорфе и 18 июня 1941 года было заброшено на территорию СССР для совершения диверсий на железнодорожной линии Столбцы — Барановичи.

В конце февраля 1941 года в Белорусский и Украинский комитеты в г. Лодзи прибыли майор Герулис и капитан Козловский для вербовки белорусских добровольцев в **диверсионные подразделения**. Был произведен набор белорусов (32 человека).

Впоследствии все они прошли курс переобучения близ г. Остроленки. Из них были созданы **3 боевые группы**. Две группы по 11 человек были сброшены с самолетов 20 июня в районе Белостока, но были захвачены органами госбезопасности. Третья группа из 10 человек была десантирована в ночь с 21 на 22 июня близ Минска и выполнила поручение немецкой разведки.

В Варшаве при участии Ж. Вежана немцами был организован **отряд белорусских парашютистов**. Подготовка подразделения велась в Силезии. Перед нападением Германии на СССР эти десантники были переброшены за Буг на советскую территорию. После короткого боя диверсанты были выловлены и помещены в тюрьму г. Ломжи. При занятии города немцы освободили заключенных.

Одно из первых коллаборационистских формирований на собственно белорусской территории было создано уроженцем Новогрудчины, бывшим младшим офицером польской армии Борисом Рагулей.

Рагуля рос без отца, воспитывала его мать в условиях крайней бедности. По окончании гимназии работал в Новогрудке санитаром. Во время нападения Германии на Польшу Рагуля служил в рядах польской армии и был взят в плен немцами. Первая попытка побега окончилась для него неудачей, вторая была успешной — вместе со своим товарищем он бежал из лагеря в Восточной Пруссии, перешел советско-немецкую границу, где и был арестован НКВД. С приближением немцев к Минску в суматохе Рагуля сбежал из советской тюрьмы, выдав себя за уголовника.

Прибыв после всех злоключений в Новогрудок, Рагуля вместе с товарищами начал проводить работу по обработке белорусской молодежи с целью подготовки кадров для службы в будущих коллаборационистских формированиях. Кадры для белорусского отряда Рагуля готовил в действующих учебных заведениях Новогрудка, где преподавал немецкий язык и физкультуру.

В 1942 году по всей Белоруссии начинается формирование частей белорусской самообороны («Самааховы»). В Новогрудке только этого и ждали. Перед немецким командованием в Минске Рагуля представил свои условия формирования подразделения:

1. Полная независимость перед местными немецкими начальниками.
2. Полная свобода тактики борьбы с партизанами.
3. Начало формирования после получения оружия и униформы.
4. Особая гарантия генерального комиссара Белорутении в выполнении условий.

Комиссар Трауб принял условия Рагули и дал «добро» на формирование **эскадрона**, который был создан в ноябре 1943 года.

Одновременно с формированием эскадрона Рагуля совместно с Я. Сажичем организует в Новогрудке школу подготовки младшего офицерского состава.

Основой эскадрона стали студенты педагогической семинарии и местная молодежь. Порой находили приют в эскадроне и сироты. Немецкая сторона выдала рагулевцам некоторое количество советского стрелкового оружия, но особенно эскадрон не привечало, хотя и видело в нем определенную гарантию от полного захвата Новогрудчины «червоной партизанкой». Наличие вооруженного белорусского отряда приструнило распоясавшуюся местную «черную» полицию, состоящую из польского отребья, любившего пограбить местных жителей-белорусов.

В 1942 году в Белоруссии начали активно действовать советские партизаны-десантники, объявившие мобилизацию местного населения в партизанские отряды. Одновременно с советскими развернули свою войну и польские партизаны из «Армии Крайовой» (АК). В Лидском районе с ведома и при поддержке немцев действовали отряды аковцев под командованием Чеслава Зайончковского (Рагнера). Батальон поляков под его командованием за двое суток разгромил советское партизанское объединение в лесу у деревни Кобыльники. Попытки польского подполья и «партизанки» полонизировать белорусские села приводили к большому количеству убитых и раненых с обеих сторон. При этом поляки наносили удар не столько по вооруженным отрядам белорусской самообороны, сколько по мирному населению и, особенно, по белорусским православным священникам. В Турейском приходе Щучинского повета поляками были зверски убиты священник И. Алехнович с матушкой, был сожжен живьем близ

Новогрудка иеромонах Лукаш. В местечке Крева были убиты священник М. Леванчук с дочерью и племянницей только за то, что отпевали белорусов, убитых поляками.

В директиве для польских легионов от 14 мая 1943 года говорилось: «Целью польских легионов есть освобождение Западной Белоруссии от большевизма. Каждый поляк должен помнить, что белорусы — это враги польского народа... Поляки должны всеми способами компрометировать белорусов перед немцами, добиваться арестов белорусов для того, чтобы потери у белорусов были наибольшими».

Еще один вид партизанских отрядов образовался в лесах из прятавшихся там от оккупантов евреев. Первоначально советские отряды не принимали к себе евреев, кроме специалистов — дантистов, портных, сапожников. Вскоре ситуация изменилась и мелкие еврейские отряды влились в состав советских партизанских отрядов и соединений.

Не имевший большого военно-оперативного значения эскадрон Рагули служил для умиротворения местности и защиты близлежащих деревень от нападений из леса. Открытые боестолкновения с партизанами происходили редко, обычно «лесовики» обстреливали эскадронцев издали и отступали в лес. В борьбе с партизанами эскадрон был поставлен в неловкое положение, так как основную массу лесовиков составляли крестьяне из близлежащих деревень.

Заместителем Рагули по эскадрону был Владимир Сийко, уроженец Новогрудка, ранее служивший в польской армии и воевавший с немцами под Сандомиром и Люблином. В 1942 году Сийко стал офицером Самааховы, а затем командиром эскадрона. В 1944 году Сийко провел успешные переговоры с партизанами польской «Армии Крайовой» в Березовце о прекращении польского террора против белорусского населения. Летом 1944 года Сийко остался в Белоруссии, потом под своим именем жил в Вильно и был арестован 25 августа 1945 года. Отсидев в колымских лагерях, в настоящее время Владимир Сийко живет в Любче.

В 1944 году президент Белорусской Центральной Рады Радислав Островский объявил мобилизацию в Белорусскую Краевую Оборону (БКА). Однако мобилизация фактически была сорвана стараниями партизан (молодежь не пускали на

сборные пункты, собравшихся тащили в лес и т.п.) и немцев. Последние не смогли снабдить БКА оружием, фактически бросив на произвол судьбы некоторые уже сформированные батальоны.

Эскадрон Рагули тоже вошел в состав БКА, но принять участие в боевых операциях уже не смог — немцы объявили о роспуске БКА, и часть эскадронцев в беженском лагере ушла на Запад. Многие из них погибли под бомбежками советской и союзной авиации, другие же были арестованы советской контрразведкой. Некоторые кавалеристы остались на родине и боролись против Советской власти. Так, Михась Симоник после прихода Советской армии в 1944 году скрывался в окрестных лесах. Вместе с такими же бывшими рагулевцами он в составе партизанского отряда действовал в районе Налибокской Пуши совместно с аковцами и литовцами генерала Плехавичюса. Отряд пользовался поддержкой местного населения, но был разбит и уничтожен в бою с подразделениями МГБ в 1951 году.

Находясь в Берлине, Борис Рагуля в чине майора служил офицером связи при 30-й дивизии СС, поддерживал связь между дивизией и Белорусской Центральной Радой, однако его попытки объединить всех белорусов были обречены на провал. Руководство БЦР готовилось к деятельности в эмиграции, и в ее рядах началась борьба за власть. Некоторое время Рагуля сотрудничал с СС, организуя заброску своих людей в БССР в рамках спецпроекта «Ягдвербанд-Ост». Рагулевцы составляли элиту Дальвицкого батальона — группу особого назначения. Впоследствии многие из них были переброшены на территорию БССР для организации диверсионно-разведывательных мероприятий и повстанческого движения.

После войны Рагуля направил все свои силы на оказание помощи в послевоенном обустройстве белорусской молодежи. Многие с помощью Рагули поступили в высшие учебные заведения Европы и США, другие были переброшены на территорию Белоруссии для ведения антисоветской борьбы.

Постепенно Борис Рагуля отошел от бурной антисоветской деятельности и смог реализовать свою давнюю мечту — стать врачом, а позже — профессором медицины в одном из канадских университетов.

Франц Кушель, минская полиция и «Самаахова»

Фигура Франца Кушеля занимает особое место в ряду белорусских коллаборационистов. Стараниями этого бывшего офицера Императорской русской армии были созданы многие специальные белорусские военные заведения и сформирован ряд охранных частей.

Франц Кушель родился в 1895 году в Минской губернии. В мае 1915 года был мобилизован в армию. За участие в боевых действиях был награжден орденами Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Закончил войну штабс-капитаном. После развала армии Кушель вернулся на родину, где вскоре поступил на службу в Белорусскую Военную комиссию для организации национальных подразделений при армии Пилсудского. После польско-советской войны он остался в рядах польской армии, окончил Варшавскую офицерскую школу, преподавал в кадетском корпусе.

Вторая мировая война застала Кушеля на посту начальника мобилизационного центра. Вместе с отступающими польскими частями он дошел до Львова, где получил под команду батальон Добровольческого корпуса обороны Львова. Через некоторое время по приказу своего командира генерала Лангера корпус сложил оружие и сдался частям Красной Армии.

Вместе с другими польскими офицерами Кушель попал в советские лагеря для поляков-военнопленных, после чего был перевезен на Лубянку, где просидел до весны 1941 года, когда его освободили и направили под надзор минского НКВД. Эта страница биографии Кушеля послужила основанием для обвинения его в сотрудничестве с органами госбезопасности. Так, в газете «Советская Белоруссия» от 13 мая 1995 года утверждается, что супруга Кушеля Наталья Арсеньева была завербована в качестве агента для разработки белорусских националистов среди литературно-писательских кругов БССР, а сам Кушель использовался в качестве агента-камерника и выражал готовность выполнить любое задание НКВД.

Служба Кушеля немцам началась с работы по наведению порядка в **минской вспомогательной полиции** («ОД»). Эта структура была сформирована из людей, чей моральный облик, мягко говоря, не вязался с представлением горожан о полиции. По словам Кушеля, это были просто пьяницы, злодеи и разбойники. Руководил полицией Дмитрий Космович, человек, закончивший духовную православную семинарию и не имевший даже поверхностных знаний в военной области. В первые месяцы войны Космович служил переводчиком немецкой полевой комендатуры. Вся работа по «военной части» вел бывший кадровый офицер РККА Михаил Пугачев, занимавший должность начальника строевой части. Начальником следственного отдела был Михаил Витушка — сотрудник Абвера, также не имевший ни юридической, ни военной подготовки.

В структуре полиции существовало обособленное, **элитное спецподразделение «Штурмовы звяз» (взвод)**, который был организован перед войной в Германии из числа военнопленных белорусов, служивших в польской армии. В первые дни советско-германской войны «звяз» был десантирован в тылу РККА для проведения диверсионно-разведывательных операций.

Первой инициативой Кушеля было создание **школы полицейских кадров** с трехмесячным курсом подготовки. Немецкое руководство Минска эту идею поддержало, и зимой 1941–1942 года занятия начались. Кушель разделил всех «оди» на три смены: одна смена дежурила в городе, другая училась на курсах, третья отдыхала. На курсах изучались тактика ведения современного боя, оружие и немецкий язык.

Немецкое командование со своей стороны предложило ввести в качестве меры дисциплинарного воздействия битье палками провинившегося «оди» перед строем, однако эта мера не помогла, и от нее отказались.

Осенью 1941 года (по другой информации в январе 1942 года вместе с Р. Островским) Космович и Витушка покинули Минск и выехали в Смоленск для организации в городе полиции, предварительно порекомендовав на должность начальника минской «ОД» Юлиана Саковича. В конце 1943 года Космович вернулся в Могилевский округ, где создал еще одно антипартизанское формирование. Впоследствии гене-

рал Езовитов поручил ему поддерживать связь с латвийскими национальными организациями.

Осенью 1942 года Генеральный Комиссар Белорутении Вильгельм Кубе, выступая перед представителями белорусского самоуправления, отметил что: «...Белорусы должны участвовать в этой войне и показать, что они готовы сражаться за Новую Европу». К тому времени почти все пути сообщения немецких войск находились под постоянной угрозой со стороны партизан. Действия организованной в октябре 1941 года «Беларускай Народнай Самапомачы» успеха не имели и ее руководитель, бывший офицер Добровольческой армии д-р Ермаченко предложил Кушелю свой проект создания антипартизанских сил — «Корпуса Беларускай Самааховы». Ермаченко представил командующему полицейскими войсками в Белоруссии группенфюреру СС Ценнеру следующую схему организации БСА:

штаб БСА и 1-я дивизия располагаются в Минске для защиты Минской и Слуцкой областей;

2-я дивизия размещается в Барановичах и защищает Барановичскую, Новогрудскую и Слонимскую области;

3-я дивизия располагается в Вилейке и защищает Вилейскую, Лидскую область и р-н Глубокое.

Немецкое командование утвердило этот проект.

При наборе в Корпус соблюдался принцип добровольности. Немецкая сторона обязалась дать вооружение, основная же тяжесть по снабжению легла на «Самопомощь». Главным комендантом Корпуса был избран д-р Ермаченко. На местах были назначены коменданты военных округов, они в свою очередь занимались подбором кандидатур районных руководителей. Вся система на местах подчинялась полицейгебитскомендатурам, а общее руководство над БСА осуществлял начальник полиции и войск СС. На пост начальника штаба БСА был приглашен бывший подполковник Генерального штаба русской армии Ю. Гуцько

Начало работы по созданию Корпуса было затруднено отъездом в Германию командующего сил СС и полиции бригаденфюрера СС Ценнера — опекуна БСА. Сменил Ценнера штандартенфюрер СС В. Шиманн, штаб которого издавал множество приказов, причем последующий отменял предыдущий.

В такой неразберихе покинул свой пост Ю. Гуцько. Спустя некоторое время уехал в Прагу и д-р Ермаченко, его сменил Ю. Сакович.

Недостаток в офицерских кадрах решили восполнить посредством **курсов подготовки офицерского состава**, руководить которыми был назначен Кушель. Его заместителем стал бывший полковник русской армии Витольд Мирский. Офицерские курсы БСА дали два выпуска офицеров. После второго выпуска пришло известие о том, что немцы запрещают присваивать выпускникам офицерские звания и пост офицера определяется только его должностными обязанностями — «командир роты», «командир батальона» и пр. В такой обстановке третий курс составил всего 40 человек. Положение усугублялось еще и тем, что полностью отсутствовало обещанное немцами оружие. Большие трудности испытывали коллаборационисты и с обмундированием.

На местах было сформировано 20 батальонов и несколько более мелких подразделений БСА. Интересно отметить, что в г. Глубокое отряд БСА состоял из поляков под командованием польского фольксдойче Витвицкого. Некоторые из батальонов проводили успешные антипартизанские акции, но и сами несли потери. Явно сказывался недостаток в оружии, и оборонцы доставали его своими силами. Так, например, батальон БСА из Рудни выкупил у селян нескольких баранов и обменял их у немцев на оружие. Зачастую оно приобреталось у итальянских солдат или партизан за водку. Основным же источником вооружения были антипартизанские операции. Несмотря на отсутствие системы снабжения и обмундирования была разработана и введена в действие своя система знаков различия.

В мае 1943 года начальником полиции Белоруссии Клепшем был издан приказ о ликвидации БСА и о переходе всех подразделений в состав полиции. В некоторых местах это встретило сопротивление. Так, в Слонимском районе члены БСА отказались вступить в полицию несмотря на обещание местного начальника немецкой полиции выдать немецкий войсковой паек и обмундирование. В районе Глубокого «Самахова» продолжала существовать вплоть до прихода Красной Армии.

Белорусские полицейские батальоны

Летом 1942 года немецкое руководство полиции г. Минска начало формирование **49-го белорусского полицейского батальона** в Острожицком городке. Комплектация батальона производилась насильственным методом — начальники полицейских округов хватали молодых белорусов и отправляли их под конвоем в место формирования. Таким образом «набрали» две тысячи человек. Белорусам не дали ни одной офицерской должности, батальоном командовали немцы на немецком языке, а молодежь не понимала ни одного их слова, как и они не понимали «па-беларуску». Из-за отсутствия взаимопонимания немцы начали избивать солдат, результатом чего стало дезертирство. Первый этап существования батальона закончился нападением партизан и паническим бегством всех новобранцев из Острожицкого городка. Батальон не смог за себя постоять, имея всего 50 винтовок.

После разгрома обратно вернулись лишь около 800 человек. Сделав оргвыводы, немцы пригласили белорусских офицеров из числа обучающихся на 2-м офицерском курсе БСА. Подбором кандидатов занялся Кушель совместно с гауптманом Куммером. Для батальона были подобраны 4 офицера. Однако через короткое время, к всеобщему изумлению, они прибыли обратно и объяснили, что в их услугах уже не нуждаются, так как из Риги прислали эстонских офицеров, знающих русский язык. Эстонцы, как и немцы, были для солдат-белорусов чуждыми, и дезертирство продолжилось. До немецкого командования стало доходить, что эстонцы оказали им медвежью услугу. Полковник Клепш обратился к д-ру Ермаченко с просьбой пополнить батальон через БСА и прислать офицера-белоруса. Поручик Дедович и еще три офицера прибыли в батальон и постепенно под их влиянием дезертирство прекратилось. Вскоре покинули батальон эстонцы, остался один гауптман Цеммель — сам наполовину белорус. Оздоровление внутренней обстановки привело к тому, что батальон вскоре насчитывал уже 500 человек. Подразделение успешно участвовало в боях против партизан.

Во второй половине 1943 года командование немецкой полиции в Белорутении приняло решение об организации

еще трех боевых подразделений — 48-го батальона в Слониме, 60-го в Барановичах и 36-го полицейского полка в Уречье Слуцкого района.

48-й полицейский батальон немцы решили организовать, используя истинно тевтонскую хитрость, пообещав районному референту Слонимского района БСА Я. Дакиневичу и руководителю округа Цитовичу посты командиров. При этом приводились убедительные аргументы что-де пора и белорусам включиться в войну за «Новую Европу». Белорусы поверили немцам, и работа по формированию началась с распространения среди населения листовок зазывающего характера: «Вы паклікаецеся для абароны сваей Бацькаўшчыны!» Прием и отбор добровольцев вел Дакиневич и вскоре в Слоним прибыло 5 тысяч потенциальных батальонцев. Немцы были очень удивлены желанию белорусов повоевать за «Новую Европу».

Медицинская комиссия отобрала тысячу человек, а остальных отправили на формирование 36-го полицейского полка в Слуцкий район.

Вскоре после формирования 48-го батальона в него прибыло истинное начальство — немецкий майор и командиры подразделений. Дакиневич же был отодвинут на второй план, получив должность пропагандиста-компанифюрера. Не повторяя прошлых ошибок, немецкое командование величало его командиром батальона, что в конечном итоге и повлияло на хорошую дисциплину и высокую боеспособность личного состава. Чем крепче становился батальон, тем все меньшую роль играл в нем командир-белорус, которого в 1944 году вообще убрали из батальона, назначив районным начальником БКА. Вскоре после этого батальон начал разлагаться, через некоторое время был разбит партизанами, а его остатки разделены по полицейским участкам.

Аналогичными методами был сформирован и **60-й полицейский батальон в Барановичах**. Пропагандистом в нем был бывший подхорунжий польской армии Василевич, преподаватель по профессии. Кушель вспоминает, что при инспекции им этого батальона солдаты попросили его уговорить немцев разрешить носить на левом рукаве немецких мундиров бело-красно-белую повязку. Немцы долго отказывались, но уступили желанию солдат. Впоследствии батальон пере-

нес все тяготы отступления и по прибытии в Германию был влит в ряды бригады Зиглинга. Командиром батальона был начальник жандармерии Барановичского округа Макс Айбнер. В 1942 и 1943 годах подразделения Барановичского СД принимали участие в крупных антипартизанских операциях «Герман», «Болотная лихорадка», «Гамбург». Мелкие команды полиции действовали в качестве разведгрупп, собиравших сведения о партизанах и передававших информацию в СД, откуда, в свою очередь, сводки поступали в отдел 1Ц охранной дивизии. По свидетельству немецких источников ненависть партизан к местной белорусской самообороне была «фанатичной и безмерной».

Помимо 60-го батальона в Барановичах также была размещена команда «ахоуной паліцыі» (180 белорусов и 12–15 немецких офицеров), подчинявшаяся непосредственно командиру Минской ОД. Охрану Калдичевского концлагеря несла смешанная польско-белорусская охранная команда, имевшая в своем составе 120 кавалеристов, которые направлялись на акции и вне лагеря. По некоторым данным, охраняемый лагерь существовал в качестве центра подготовки белорусских служащих Гестапо.

Помимо местных подразделений в Барановичском округе оперировали команды из латышских и литовских полицейских, деятельность которых будет подробно освещена в следующих частях нашего повествования.

36-й Белорусский полицейский полк формировался в местности Уречье Слуцкого округа из числа добровольцев, откликнувшихся на формирование двух вышеупомянутых батальонов. Позднее полк был переведен в г. Воложин Вилейского района, что граничит с Налибокской пушей. Имея рядом огромный лесной массив, белорусы постоянно вели бои с партизанами.

Пропагандистом полка был капитан Башаркевич, он же вел набор в полк и был его опекуном. При эвакуации из Белоруссии полк вел ожесточенные бои против партизан, в одном из которых Башаркевич был убит. Остатки полка были влиты в бригаду Зиглинга.

В формировании 13-го белорусского батальона принимал участие сам Кушель, откликнувшись на просьбу начальника

политического отдела СД Минска гауптштурмфюрера СС К. Шлегеля. При этом Кушелем были выставлены немцам следующие условия:

1. Командный состав батальона — белорусский.
2. Командный и бытовой языки общения — белорусский.
3. Кандидатуры командиров представляет главный войсковой референт БСА.
4. Моральная поддержка и пропаганда — за белорусами.
5. Вооружение, форма и снабжение — немецкие, по немецким военным нормативам.
6. Знаки отличия на мундирах — белорусские, на головных уборах военнослужащих вместо немецких кокард — белорусские «Пагоны» (герб Беларуси — изображение скачущего конного рыцаря с занесенным мечом — Ч.С.), на левых рукавах повязки (впоследствии нашивки) цвета национального флага.
7. Батальон действует только в Беларуси и только против советских партизан.

Шлегель согласился на все условия, кроме одного — командир батальона должен быть немцем.

В начале 1943 года в батальон стали прибывать добровольцы. Вскоре батальон насчитывал в своем составе две роты по 200 человек каждая. Пропагандистом батальона был лейтенант Чеботаревич. В мае того же года батальон принял участие в антипартизанской операции и успешно зарекомендовал себя.

Немецким командиром был лейтенант Юнкерс, первой ротой командовал Иван Орсич, второй — Мазур, третьей — Хмельницкий, командирами пятой роты в разное время были Л. Якубенюк, Буравко и немец Байль.

После успешного создания батальона начались неприятности — ссоры и разногласия между командирами-белорусами с одной стороны и командиром батальона и немецкими унтер-офицерами с другой. Еще одной причиной конфликта стало обыкновенное воровство немецким персоналом продуктов у белорусских солдат. Конфликт дошел до того, что командир 2-й роты младший лейтенант Мазур, отстаивавший права своих солдат, сгинул в застенках СД.

Все лето 1943 года батальон действовал против партизан, а осенью стал пополняться: прибыла рота, сформированная СД в Вилейке и 150 человек из района Глубокого. Батальон вско-

ре был переведен из Минска в Вилейку, когда в его составе служило уже около тысячи человек. Официально он именовался «**13-й Белорусский полицейский батальон СД**». Большая часть батальона размещалась в Вилейке, более малочисленные команды располагались при окружных участках СД.

В составе батальона действовала учебная рота, созданная в мае 1943 года. Впоследствии она была переименована в школу СД. Курсанты изучали методы антипартизанской борьбы, тактику, строевую подготовку, советское и немецкое оружие.

В мае 1943 года личный состав батальона участвовал в крупной антипартизанской операции «Коттбус» в районе г. Лепеля. Летом того же года первый взвод 1-й роты и часть второго взвода были направлены в Глубокое, где несли охрану здания СД, тюрьмы, конвоировали арестованных и вели действия против партизан в окрестных деревнях.

В июле 1944 года третья рота была направлена для ведения антипартизанских операций в Чехословакию и Италию.

В конце осени 1944 года батальон двинулся в отступление вместе с немецкой армией. В это время начались конфликты с немцами, в результате чего в Августове (Польша) рота лейтенанта Бандыка с офицерами Иваницким, Дроздом и Мохартом ушли в лес. Впоследствии немецкий командир батальона узнал, что Дрозд и Мохарт дезертировали, послал за ними немецкий патруль, который расстрелял двух лейтенантов. К моменту эвакуации из Белоруссии батальон состоял из 500–600 человек.

В дальнейшем подразделения батальона отступали по направлению к Данцигу. Между г. Штольпом и Данцигом батальон понес большие потери от бомбардировок союзной авиации, в результате в нем осталось 150 человек. Вскоре батальонцам предложили вступить в РОА но вместо этого офицеры выехали в Берлин, где был размещен 1-й кадровый белорусский батальон.

Помимо полицейских подразделений при непосредственном участии Кушеля был создан **батальон железнодорожной охраны**. Потребность в такой боевой единице возникла у дирекции Минской железной дороги, которая обратилась с просьбой о помощи к главному коменданту БСА доктору

Ермаченко, предварительно обговорив весьма выгодные для белорусских добровольцев условия. Формирование батальона было облегчено наличием сети вербовочных пунктов БСА и договоренностью с офицерскими курсами о предоставлении командирских кадров. С немецкой стороной было заключено соглашение о дислокации рот батальона в Минске, Столбцах, Барановичах, Лиде и Крулевщине. Кроме того, в Минске функционировала школа подготовки офицерского состава для железнодорожной стражи.

Первая партия «дабраахвотнікаў» прибыла из-под Слонима и послужила основанием для создания 1-й (Минской) роты батальона под командованием лейтенанта Дмитрия Чайковского. Вслед за этим начала организовываться рота в Барановичах (командир — лейтенант Барбарич). Набор в остальные роты прошел также успешно. Немецкое командование применило любимую тактику подчинения себе белорусских формирований — немцы объявили, что дирекция Минской железной дороги превысила свои полномочия и не имела права на принятие самостоятельного решения по формированию батальона. После этого немцами было заявлено, что комбатом будет назначен офицер немецкой железнодорожной охраны Штримке при наличии всего одного связного офицера-белоруса. Ермаченко ничего не оставалось делать, как согласиться с немецкими требованиями, и связным в батальон был назначен В. Микула. Впоследствии немецкие претензии стали безграничными и немцы даже лишили д-ра Ермаченко десятка батальонцев, составлявших его личную охрану.

Зимой 1943 года была организована рота железнодорожной охраны в г. Лиде под командованием лейтенанта Я. Сажича. В это время Минская рота закончила прохождение курса подготовки и была разделена на группы (взводы) и размещена на важных узловых станциях. Одна группа под командованием лейтенанта Маслова была откомандирована в Полоцк, вторая в Унечу под Орлом, третья осталась в Минске. На места выбывших солдат из Минской роты набирали новых добровольцев.

В Барановичах главной проблемой для роты была острая нехватка обуви, из-за чего половина ее личного состава сидела в казарме, пока другая половина находилась на заняти-

ях. Несмотря на это рота окончила курс обучения и отбыла на службу в Полесье. Подразделение этой роты, расположенное в местечке Калинковичи, постоянно находилось в боях с партизанами.

Добровольцы из «чугуначных» батальонов вели патрулирование железнодорожного полотна, охраняли перегоны в бункерах.

К весне 1943 года общее число солдат-железнодорожников, прошедших обучение в батальоне и несших службу на «чугунке», приближалось к тысяче человек, что позволило взять под охрану железнодорожную колею от Орла до Берестья и от Полоцка до Калинкович. Не прекращались замены белорусского офицерского состава немецким. Постепенно немцы выжили со службы Барбарича, Чайковского, Сажича, а Микула покинул место службы и ушел преподавать немецкий язык в семинарию г. Несвиж. После многочисленных уговоров Кушелю удалось убедить Штримке оставить при батальоне одного белорусского связного офицера «компанифюрера» Я. Сажича. Сама атмосфера в батальоне после ухода офицеров-белорусов стала нетерпимой — процветало воровство и рукоприкладство со стороны немцев, результатом чего стало дезертирство белорусских солдат.

На станции Выгода, на линии Барановичи — Лида белорусские солдаты недолго терпели издевательства и кражи продуктов со стороны местных немецких властей. В конце 1943 года белорусы разоружили немцев, собрали все необходимое и ушли в лес. Здесь они организовали белорусский партизанский отряд им. К. Калиновского. Это подразделение после недолгого самостоятельного существования было подчинено советским партизанам. Несколько белорусов смогли дезертировать от партизан в г. Барановичи, откуда их под чужими именами выслали на работу в Германию.

После эвакуации из Белоруссии батальон был размещен в Германии, где его военнослужащие несли охранную службу на немецких железных дорогах. Часть батальонцев вступила в бригаду Зиглинга.

В августе 1943 года приказом фон Готтберга главным руководителем (*hauptbetrauber*) всех белорусских полицейских формирований был назначен Франц Кушель.

Следует также упомянуть и о планах советской разведки относительно ликвидации деятельного Ф. Кушеля. 1 мая 1944 года партизанский отряд «Мстители» получил радиограмму из Москвы «...При невозможности захвата живыми Кушеля и Арсеньевой ... дайте указание физически их уничтожить». Уничтожить Кушеля не удалось, однако в марте 1943 года советскими партизанами был убит Фабиан Акинчиц, а в декабре 1943 года бургомистр Минска Вацлав Ивановский — глава Белорусской Рады Доверия. В ноябре 1943 года подпольщики И. Шнигирр и К. Немчик убили редактора «Белорусской газеты» В. Козловского. Впоследствии подпольщик К. Немчик был арестован и погиб в минской тюрьме.

Помимо белорусских добровольческих частей полиции, силами Абвера и СД создавались **антипартизанские ягд-команды**. Одна такая команда насчитывала от 10 до 150 коллаборационистов, активно зарекомендовавших себя на службе у немцев. Хорошо вооруженные автоматическим оружием, они занимались агентурной разведкой и уничтожением партизанских отрядов. Этому способствовало хорошее знание членами команд местности и военных хитростей партизан.

Подобные подразделения создавались во всех тыловых районах оккупированных областей Украины, Белоруссии, Прибалтики и России. В оперативном подчинении истребительные команды находились у охранных дивизий. На территории Белоруссии ягд-команды создавались в основном при органах полиции безопасности и СД.

В 1943 году Белорусское эмигрантское представительство направило на фронт **батальон** (1 тыс. человек) в составе итальянской армии. В конце войны это подразделение участвовало в тяжелых боях под Монте-Кассино, где в составе армейских частей союзников также воевали белорусы.

Белорусская Краевая Оборона

В 1944 году перед Белорусской Центральной Радой встал вопрос о формировании боеспособных национальных частей, так как существовавшие до сих пор полиция в количестве 20 тысяч человек и несколько батальонов Самааховы не

могли при необходимости противопоставить должного отпора партизанам и наступающим частям Красной Армии. БЦР постановила начать формирование частей «Беларускай Краевой Абароны» (БКА или БКО). Начинание белорусов было одобрено командующим войсками СС и полиции Белоруссии группенфюрером СС Куртом фон Готтбергом.

Помимо реализации этого проекта было также принято решение о создании так называемых «оборонительных деревень». Создание таких опорных пунктов проводилось следующим образом. В относительно крупных населенных пунктах вооружалась полиция и постепенно распространяла свое влияние на округу, создавая в других деревнях такие же подразделения. Таким образом, распоряжением от 19 октября 1943 года было официально закреплено существование отрядов сельской самообороны и их включение в общую систему обеспечения безопасности. План создания сети оборонительных деревень включал в себя мероприятия по тотальной проверке населения силами СД и выдачу крестьянам некоторого количества оружия. В конце ноября на конференции в Министерстве Восточных территорий фон Готтберг сообщил, что в оборонительные деревни организованно переселяются полицейские ОД и получают в собственность земельные участки. В оборонительных деревнях оседали солдаты Восточных войск, казаки и беженцы с территорий, уже занятых Красной Армией.

По информации польского историка Ю. Туронака особенно удачно эксперимент начался в Генеральном комиссариате «Беларусь». Так, в Барановичском округе было организовано 14 оборонных деревень, создавались аналогичные поселения и в Слонимской, Новогрудской, Слуцкой и других округах, 5 таких деревень были созданы под Белостоком.

Началу формирования частей БКА предшествовала инспекционная поездка по республике председателя БЦР президента Беларуси Островского, Кушеля и гауптмана Куммера для оценки мобилизационного потенциала. После этой поездки Кушель принял меры по созданию штаба БКА и подбору кандидатур ее руководителей на местах. Сразу же начались споры с немецкой стороной по вопросам организации набора добровольцев и командования ими. Последнее,

естественно, особенно привлекало немцев, ведь всю работу по набору провели бы белорусы. На переговорах между Островским и представителем штаба фон Готтберга гауптштурм-фюрером СС Маркусом было достигнуто соглашение о предоставлении белорусскому руководству свободы действий по набору добровольцев, ведению пропаганды, санитарной службе и подготовке, а немцы взяли бы на себя все планирование и проведение военных операций. Из переговоров всем стало ясно, что немцам необходимы только белорусские кадры, а руководить ими они будут без взаимодействия с национальными структурами. На переговорах также была достигнута договоренность о вооружении немецкой стороной БКА оружием, вопрос же обеспечения обмундированием должна была решить Центральная Рада.

При формировании вновь столкнулись с полным отсутствием национальных офицерских кадров. Единственным офицером, имевшим достойное военное образование, был бывший подполковник Генерального Штаба русской армии Я. Гуцько.

На пост начальника штаба БКА Кушель пригласил своего заместителя, бывшего подпоручика польской армии, Виталия Микулу, пост начальника канцелярии штаба занял А. Василена, референтом кадрового отдела стал С. Романчук, начальником отдела пропаганды Всеволод Родзько. Штабом был подготовлен ряд лиц, ответственных за проведение мобилизации. Командирами округов БКА были назначены:

Минского округа — капитан Пугачев, бывший кадровый офицер РККА;

Слуцкого округа — младший лейтенант С. Шнек, также бывший советский офицер;

Барановичского округа — лейтенант В. Русак, бывший подхорунжий польской армии;

Слонимского округа — Я. Дакиневич, также бывший польский подхорунжий;

Новогрудского округа — Борис Рагуля;

Вилейского округа — бывший подхорунжий польской армии Бабич.

Округ г. Глубокое возглавлял И. Зыбайло, также бывший польский подхорунжий, до этого времени служивший в 1-м Штурмовом подразделении Минской ОД.

На эти кандидатуры и плечи заместителей легла основная забота о мобилизации. Первоначально были избраны кандидаты на посты начальников батальонов. Предполагалось, что каждый район Белоруссии выставит один батальон БКА в количестве до 600 человек. Одновременно с созданием местной мобилизационной структуры в Минске открылись месячные офицерские курсы. За один месяц предполагалось произвести переобучение 50 офицеров и 150 младших офицеров. Помимо этих ускоренных курсов планировалось открытие офицерской школы с 6-месячным курсом обучения для новых кандидатов на офицерские должности. Командиром школы был назначен Виктор Чеботаревич, принимавший ранее участие в создании Самообороны.

В апреле 1944 по Беларуси были расклеены плакаты с призывом президента Белорусской Центральной Рады Р. Островского о мобилизации в БКА:

«Для окончательной ликвидации большевистского бандитизма, который грабит и разрушает наш край, убивает невинных людей и грабит их имущество, на основании статьи II Устава Белорусской Центральной Рады приказываю:

1) Создать для защиты Родины Белорусскую Краевую Оборону.

2) Провести 7 марта 1944 года призыв всех офицеров и подофицеров бывших армий: царской, польской, советской 1918–1920 годов и прочих в округах: Минском, Слуцком, Барановичском, Слонимском, Вилейском, Глубокском, Новогрудском. Призыву подлежат все офицеры в возрасте до 57 лет включительно и все подофицеры в возрасте до 56 лет включительно.

3) Призвать одновременно на службу в Белорусскую Краевую Оборону всех мужчин, родившихся в годах 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914, 1915, 1916, 1917, 1921, 1922, 1923, 1924, назначив призыв в указанных в п.2 округах на 10 марта 1944 г.

4) Призыв проводится заместителями БЦР, в округах — начальниками Белорусской Краевой Обороны и начальниками уездов.

5) Не позднее, чем через 3 часа после опубликования приказа, каждый подлежащий призыву должен отправиться на

волостной сборный пункт в соответствии с направлением волостного председателя, откуда будет направлен в уездный центр для медицинского осмотра. С собою взять; одежду и обувь в хорошем состоянии, три пары белья, приспособления для принятия пищи и умывания, личные вещи.

6) Кто после получения приказа не явится в назначенное время и место, является предателем и будет наказан чрезвычайным судом — карой смерти.

7) Наблюдение за созданием и призывом в Белорусскую Краевую Оборону принимаю на себя как президент Белорусской Центральной Рады. Руководство призывом в БКО поручаю по линии БЦР майору Кушелю.

Я уверен, что каждый белорус исполнит свой долг в деле скорейшего очищения нашей Родины от большевистских банд, чтобы призванные этим призывом могли вернуться к спокойной работе в сельском хозяйстве, на фабриках и заводах.

Минск дня 6.III.44

Президент Белорусской

Центральной Рады

Р. Островский»

Это известие, по словам Кушеля, было встречено белору-сами с одобрением, и народ пошел на приемные пункты. Весть о мобилизации быстро дошла и до партизан. В некоторых районах ими были выставлены на дорогах заставы, задерживающие добровольцев и мобилизующие их в партизанские отряды.

По информации начальника Минского округа БКА множество добровольцев после их прибытия немцы забрали в «Организацию Тодта» для восстановления разрушенных путей сообщения. Это послужило толчком к началу формирования **шести белорусских саперных батальонов** (Weissruthenische Heimwehr Pioneer Batallions). Всего планировалось организовать 12 таких подразделений, которые впоследствии вошли бы в состав БКА. Люди шли в них неохотно, а в Несвиже и Клецке призывники разбежались.

Мобилизационная комиссия в Любче, под руководством Бориса Рагули, призывала в ряды БКА белорусов, отвергая при этом неграмотных и больных. В результате работы ко-

миссии был укомплектован 68-й батальон БКА из студентов-семинаристов. Позже батальон принял участие в бою с партизанами у села Кореличи Мирского района. В ходе столкновения партизанам удалось окружить белорусов, но батальон смог прорваться и вынести своих раненых.

Подводя итоги мобилизации, президент БЦР Островский заметил, что: «В призывных комиссиях засели немцы и за всякие взятки освобождают людей от мобилизации, а поэтому принято решение немцев не допускать, чтобы не повторять прежних ошибок». С целью проверки новобранцев было предложено провести проверку всего личного состава через СД.

Помимо саперных частей было организовано **39 пехотных батальонов БКА**. По свидетельству генерала БКА К.Б. Езовитова каждый батальон включал в себя не менее 600–800 человек.

Вооружение БКА, предоставленное немецким командованием, было попросту убогим — на батальон было выделено по сотне итальянских винтовок, которые поначалу все приняли за учебное оружие. Проведав об этом, партизаны стали нападать на места расположения батальонов. В округе г. Глубокое были уничтожены два батальона и этот факт негативно повлиял на настрой других подразделений. От просьб о предоставлении оружия немцы отмахивались до тех пор, пока военным штабом БЦР перед немцами не был поставлен вопрос о ликвидации всей БКА. Это сразу же повлияло на поведение немцев, и оружие стало поступать, правда, собранное по принципу «с бору — по сосенке». Винтовки были всех европейских систем, тяжелые пулеметы — польского производства. Это вызвало трудности в обеспечении боеприпасами, и до самого советского наступления БКА фактически так и не была вооружена. Еще хуже обстояло дело с обмундированием. Взяв на себя обязательство одеть людей, белорусская сторона так и не смогла предоставить обмундирования и люди в чем приходили на сборные пункты, в той одежде и несли службу. До конца мая 1945 года униформу получили лишь саперные батальоны.

26 марта 1944 года личный состав БКА принял присягу: «Я присягаю, что бок о бок с немецким солдатом не выпущу оружия из рук до тех пор, пока не будет установлен мир и

безопасность в наших селах и городах, пока на нашей земле не будет уничтожен последний враг белорусского народа». В тот же день на минской площади Свободы принял присягу первый выпуск офицерской школы БКА. Он состоял из 50 офицеров и 200 младших офицеров. Второй курс состоял из 280 кандидатов — в большинстве своем это были недавние выпускники школ. Через шесть месяцев кандидаты могли бы стать офицерами, но начавшееся советское наступление помешало этому. Летом 1944 года школа была эвакуирована в Вильно, по дороге попав под бомбежку, где погибло 6 человек. Впоследствии кандидаты влились в бригаду Зиглинга.

Окончательно оформившийся белорусский штаб БКА состоял из пяти отделов: организационного, пропаганды, санитарного, снабжения и канцелярии.

Несмотря на кажущуюся самостоятельность, немцы держали белорусов на коротком поводке. Так, при необходимости откомандирования кого-либо из офицеров на инспектирование мест расположения подразделений, обязательно должно было быть получено разрешение и пропуск от немецкого штаба.

В конце апреля 1944 года организационное оформление БКА было закончено, и в ее состав вошли 39 пехотных и 6 саперных батальонов. Все пехотные подразделения были расквартированы порайонно. Саперные батальоны располагались в Борисове, в Минске (два), Слуцке (два) и Барановичах.

После получения разномастного оружия части БКА сразу же вступили в стычки с партизанами. В Воропаеве и Плиссе Глубоцкого района батальоны БКА были ночью атакованы партизанами. Часть личного состава была взята в плен, остальные разбежались. В с. Шарковщина многочисленный партизанский отряд напал ночью на батальон БКА, спалил деревянные казармы и разогнал 2 роты. В м. Поставы поляки ночью под угрозой применения оружия вывели в лес и обезоружили две роты БКА. Постепенно ситуация стала меняться. Действуя на хорошо знакомой местности, отряды оборонцев смогли загнать на некоторое время партизан вглубь лесов, дав небольшую передышку крестьянам от набегов.

Постепенно немецкое командование пришло к выводу о необходимости широкомасштабного использования бело-

русских сил в антипартизанских акциях. Для эксперимента немцами был избран **15-й батальон БКА** из Городищенского района. Немецкий штаб, не уведомив местное белорусское руководство, напрямую отдал приказ о переводе батальона в Минск для перевооружения и переобмундирования. Местный гебитсполицайкомендант округа уведомил об этом приказе заместителя БЦР д-ра Станислава Станкевича для того, чтобы руководитель уговорил батальон поехать в Минск, не дезертировав после получения приказа. После выступления перед батальоном д-ра Станкевича и Кушеля оборонцы выехали на автомобилях в Минск, где были перевооружены, получили новую форму и нового командира — бывшего подхорунжего польской армии Мануя. После этого батальон был разделен на две оперативные группы, действовавшие в районах Лепеля и Борисова. В боях белорусы прекрасно зарекомендовали себя, а офицер-пропагандист (и фактический командир батальона) младший лейтенант Всеволод Родзько получил «Железный Крест». Другие офицеры и солдаты были награждены медалями «За боевые заслуги» для восточных народов.

34-й батальон БКА имени президента БЦР Р. Островского из Столбцов мог бы разделить участь 15-го батальона, если бы «жаунеры» попросту не разбежались. После этого инцидента немецкое командование направило представление в штаб БКА. В ответ президент БЦР в категорической форме выказал недовольство действиями немецких командиров и уведомил о необходимости извещения белорусского руководства о потребностях в батальонах БКА. После этого в Столбцы был направлен майор Микула и батальон был постепенно восстановлен и затем направлен под г. Слоним. Здесь он с боем разблокировал окруженный партизанами Пружанский батальон БКА.

Помимо схваток с советскими партизанами солдаты БКА сражались с хорошо вооруженной и организованной польской Армией Крайовой. В апреле 1944 года 8-й батальон 77-го пехотного полка АК пытался штурмом овладеть местечком Вселюб в 15 километрах от Новогрудка. Небольшой местный гарнизон БКА отбил нападение, в ходе которого белорусами был убит командир польского батальона.

Помимо нападений поляков и советских партизан белорусам пришлось отражать нового врага — украинизацию. Попытка украинизировать **104-й батальон БКА** была принята в г. Кобрине.

Батальон был организован в начале 1943 года немецким комиссаром округа Берестье для охраны и борьбы с партизанами из местных белорусов. Командиром подразделения был белорус Ляйкович, командирами рот также были белорусы. Личный состав подразделения насчитывал приблизительно 1000 человек. Вооружение отряда составляли винтовки, пулеметы, минометы и гранаты. Одна рота батальона несла охрану шлюзов Королевского канала, вторая рота вела борьбу с партизанами, третья изучала оружие и методы борьбы с танками.

В 1943 году по просьбе украинского представительства, сотрудничавшего с немцами, в батальон были влиты 150 украинцев для украинизации подразделения. Белорусы-офицеры были смещены со своих должностей, их места заняли украинцы. Ими же была введена в обиход украинская «мова». Начались стычки на национальной почве. Немцам стало известно о беспорядках в батальоне и проведено голосование среди личного состава. Его результаты убедили немцев в том, что подразделение является не украинским, а белорусским. Между тем члены местного отдела ОУН стали угрожать белорусским военнослужащим и требовать от них записываться у немцев украинцами. Со своей стороны белорусы обещали украинцам помощь по их устройству в украинские батальоны. В ответ начался террор. В мае 1943 года украинские военнослужащие батальона открыли стрельбу по офицерам-белорусам, когда вместе возвращались с задания. После перестрелки украинцы сбежали в лес. Часть украинских солдат сбежала из батальона позднее. Немцами батальон был ликвидирован, а его военнослужащие были распределены по другим белорусским подразделениям.

Попытки украинизации населения предпринимались оуновцами в Полесье, чему также противостояли белорусские части. В 1943 году боевка националистов зарезала ночью двух сыновей православного священника М. Ражановича. Младший его сын спрятался в сарае и уцелел. Самого священника в эту ночь дома не было, поэтому он остался в живых.

28–30 марта 1944 года в Минске состоялось заседание окружных заместителей Белорусской Центральной Рады и окружных руководителей БКА с участием Президента БЦР Р. Островского. На заседании были оглашены результаты мобилизации белорусов в БКА:

Минск — сформировано 6 батальонов (2358 чел.),

Слуцк — 5 батальонов (3982 чел.),

Новогрудок — 4 батальона (2047 чел.),

Барановичи — 8 батальонов (6495 чел.),

Глубокое — 4 батальона (2910 чел.),

Вилейка — 4 батальона (2414 чел.),

Слоним — 3 батальона (1423 чел.),

Итого: 21 629 человек, 34 батальона.

Летом 1944 года Красная Армия перешла в наступление. В это время Белорусская Центральная Рада была занята приготовлениями к проведению 2-го Всебелорусского конгресса, который открылся тогда же в Минске. В ходе конгресса представитель немецкого командования обратился к Кушелю с просьбой о выделении батальонов БКА для задержания и разоружения немецких дезертиров, плотным потоком бежавших от советского наступления по автостраде Борисов — Минск. Кушель ответил отказом, так как батальонцы не имели элементарного обмундирования. Вскоре немцы официально уведомили Белорусскую Центральную Раду об эвакуации и месте размещения ее членов под Кенигсбергом.

В своих воспоминаниях Борис Рагуля указывает на существование плана переворота в Минске, разработанного В. Родзько: «Был у Родзьки план путча в Минске во время 2-го Всебелорусского Конгресса. Основной силой должен был стать мой батальон, который находился под Докшицами. Нам должны были подать состав для проезда в Минск. Там мы стали бы главной силой охраны конгресса и запланированного путча, целью которого было провозглашение независимой Белорусской Народной Республики. Эшелон немцы нам не дали, быть может, пронюхали нечто...»

28 июня немецкий фронт окончательно рухнул, и подразделения немецкой полиции спешно отступали на Запад. Немецкие командиры БКА объявили солдатам об их демобилизации и посоветовали возвращаться по домам, что многие и

сделали. Некоторые батальоны были окружены и взяты в плен вместе с немецкими частями, другие отступали с боями и в полном порядке. В районе Гродно немецкое командование бросило в бой против наступающей Красной Армии переформированные из белорусской полиции части под командованием немецких офицеров. Ими заткнули брешь на фронте в районе Августова, где часть белорусов погибла под ударами превосходящих советских сил.

В начале июля 1944 года роты белорусской железнодорожной полиции эвакуировались на Запад. Из Барановичей эвакуировалось подразделение в количестве 300 человек вместе с лейтенантом Я. Сажичем. На немецко-французской границе немцы разоружили белорусов и, разбив их на несколько групп, направили на подсобные работы на железнодорожных станциях.

Отступавшие части БКА были вскоре приняты на учет и под опеку немецким «Фронтштелле», располагавшимся в Белостоке и были направлены в место сбора инациональных формирований под город Ломжу. В Ломже Кушелем был создан пункт сбора всех отступающих белорусских частей. Был также разработан план объединения всех частей БКА и офицерской школы под г. Лодзь. Однако немецким командованием уже было принято решение о формировании белорусской бригады под командованием оберштурмбанфюрера СС Ханса Зиглинга.

Два белорусских саперных батальона были размещены под Познанью и впоследствии были переформированы в так называемые «**Баубатальоны**» (**рабочие батальоны**) Вермахта, где и просуществовали до самого конца войны.

Бригада Зиглинга и 30-я дивизия СС

В конце 1944 — начале 1945 г. оберштурмбанфюрер СС Зиглинг приступил к формированию бригады из белорусских полицейских, частей БКА, Самааховы и ненемецких полицейских, оперировавших в Белоруссии. Позднее это формирование было пополнено украинцами и русскими, и в немецких военных реестрах значилось как «30-я (белорусская)

дивизия войск СС (русская № 2)». В маленьком немецком городке Эльбинг, что в Восточной Пруссии, осенью 1944 года насчитывалось около 10 тысяч русских, белорусских и украинских военнослужащих. Вся эта масса людей и послужила основанием для создания 30-й дивизии СС.

В состав дивизии вошли 75-й, 76-й, 77-й пехотные и 30-й артиллерийский полки, кавалерийское подразделение ротмистра Айбнера, 654-й ост-батальон, русско-украинский батальон майора В. Муравьева, саперное подразделение и учебный батальон.

Фактически это было интернациональное соединение: в дивизии насчитывалось 11600 человек, из них 7 тысяч — белорусы. Позднее дивизию перебросили во Францию в район Ланг-ра, где она приняла бой с наступающими частями союзников и понесла сильные потери. Наиболее дальновидные белорусы просто уходили к французским партизанам, не желая сражаться с англо-американскими войсками. На сторону союзников также перешел целый батальон дивизии. Не удалось уйти к партизанам капитану Микуле, за которым организовали слежку. Впоследствии Микула погиб в концлагере Дахау.

Немцы сняли дивизию с фронта как ненадежную и устроили «чистку», расстреляв некоторых офицеров. Из части солдат и офицеров были сформированы строительные подразделения «шанцрегименты» и направлены на строительство укреплений на Восточный фронт. Оставшийся личный состав перебросили в район Вайдена, где разместили на постройке деревням. Осенью 1944 года Зиглинг предоставил остатки бригады в распоряжение РОА генерала Власова.

Еще одна попытка объединения всех белорусских военных сил была предпринята Белорусской Центральной Радой уже в эмиграции в виде плана по формированию «**Белорусского Легиона**». В его состав предполагалось включить саперные батальоны БКА, 13-й полицейский батальон, остатки стрелковых батальонов БКА из бригады Зиглинга и прочие более мелкие подразделения, офицерскую школу и молодежь из «Союза Белорусской Молодежи». Всего планировалось набрать около ста тысяч человек, и при этом еще рассчитывали на белорусов-беженцев и рабочих-остовцев. Президент БЦР Островский выступил перед немецким командованием с ходатайством о

разрешении на формирование. Идея понравилась прежде всего основному «коллекционеру» иностранных легионов — Восточному Министерству Германии и была подхвачена д-ром Любе из «Белорусского Ляйтштелле». Вскоре почин формирования был передан штабу восточных формирований во главе с генералом Кестрингом.

В штаб и в БЦР начали стекаться белорусы, желавшие служить в легионе. Формированием легиона стал заниматься бывший офицер Русской Императорской армии Константин Езовитов, однако многочисленное обивание им порогов немецких ведомств не дало результата, и проект легиона так и остался осуществленным лишь на бумаге. Узвленный генерал предложил БЦР начать формирование национальной войсковой части на базе штаб-квартиры БЦР в Берлине, не дожидаясь немецкого разрешения. Фактически речь шла о возрождении БКА и создании первого учебного батальона. Проект Езовитова не нашел отклика у Кушеля, однако понравился Островскому, и ему были выделены ассигнования в размере 12 тысяч рейхсмарок. Формирование батальона началось 13 сентября 1944 года, когда Езовитов развернул кампанию по набору добровольцев. Стали прибывать солдаты-белорусы, выходившие из госпиталей после лечения. Командиром батальона был назначен капитан Петр Касацкий. Батальон (300 человек, из которых 50 офицеры) планировалось использовать как учебное подразделение, на базе которого можно было бы развернуть более крупное формирование.

Обучением личного состава занималась организованная для этого **офицерская школа** под руководством майора Рагули. Зимой 1944 года легионеры были переданы от ведомства ген. Кестринга под контроль СС Гауптамта. Примерно в это же время возникла идея создания дивизии (**бригады**) СС «**Беларусь**». Планировалось, что командиром дивизии станет немецкий офицер, штаб — белорусско-немецкого состава, командиры подразделений — немцы и белорусы. Командным языком в дивизии был белорусский.

Идея вскоре оформилась в конкретный план формирования, однако не было подходящей кандидатуры на пост командира дивизии, но вскоре кандидатура была найдена. На пост командира выдвинулся... оберштурмбанфюрер СС Ханс Зиг-

линг. Успешно «похоронив» в своей дивизии белорусские устремления, он возник уже в плане по созданию нового формирования в качестве едва ли не главного специалиста по белорусским делам. БЦР уведомила СС Гауптamt о том, что кандидатура Зиглинга никак не подходит для этого, однако от белорусского мнения отмахнулись. Зиглинг сильно обиделся на белорусов и вел переговоры исключительно с Езовитовым. Вскоре, почувствовав себя полновластным хозяином, Зиглинг направил в Берлин штурмбанфюрера СС Генигфельда, который произвел отбор в новую часть наилучших офицеров и солдат из учебного батальона БКА, после чего белорусы сразу поняли, что организация национальной армии откладывается в очередной раз на неопределенный срок.

Белорусская Центральная Рада выпустила «коммуникат» «Аб арганізацыі беларускае штурмовае брыгады»:

«Белорусская Центральная Рада этим уведомляет всех белорусских граждан и военнослужащих, независимо от тех войсковых подразделений, в которых они служили ранее или служат теперь, что создается Белорусская Штурмовая Бригада как основание для создания белорусских войсковых формирований.

Белорусская Штурмовая Бригада создается на основе принципа добровольности.

Уведомляя об этом, БЦР приглашает всех белорусских военнослужащих и всех пригодных для воинской службы белорусов вступать в Белорусскую Штурмовую Бригаду добровольцами.

Заявления о желании вступить в Бригаду необходимо направлять в Главное Управление Военных дел БЦР по адресу: Berlin № 55 Gumbinnenstrasse 28 Weissruthenischer Zentralrat — Hauptmilitarverwaltung.

Берлин, 25 января 1945 г.»

28 января 1945 года президент БЦР Островский уведомил генерал-майора Езовитова, что в «штурмовые дивизии (!) могут быть приняты солдаты в возрасте до 40 лет, а офицеры — до 45 лет».

В некоторых документах БЦР новое формирование именовалось как «1-я Белорусская Гренадерская Штурмовая Бригада “Беларусь”».

Вскоре Зиглинг прибыл в Берлин для разговора с Островским. К удивлению они быстро поладили, и эсэсовец щедро расточал обещания по сохранению белорусских подразделений в соответствии с национальными устремлениями БЦР. Зимой 1945 года офицеры и солдаты офицерской школы выехали в дивизию. Штурмбанфюрер СС (майор БКА) Рагуля стал офицером связи между командиром дивизии-бригады и БЦР. Под его командой транспорт с пополнением выехал из Берлина. В берлинском учебном батальоне БКА остались лишь престарелые офицеры и горстка солдат, непригодных к службе.

Вести о положении в дивизии-бригаде пришли лишь через два месяца, вместе с вернувшимися обратно солдатами, которых выбраковала призывная медкомиссия. Возвратившиеся рассказали, что Зиглинг низвел положение офицерской школы до уровня курсов подготовки сержантского состава, а унтер-офицерские курсы вообще стал использовать на хозяйственных работах. Офицеры-белорусы были выделены в особую группу для переобучения, а командный состав офицерской школы полностью заменили на немецкий персонал. После возвращения в Берлин Рагули новости полностью подтвердились, и члены БЦР, узнав обо всем подробно, впали в отчаяние. Вскоре Зиглинг разослал вербовщиков по лагерям военнопленных и восточных рабочих, однако на призыв откликнулись лишь единицы.

В сентябре 1944 года в соответствии с приказом командующего силами ПВО Берлина был произведен набор 400 молодых белорусов для прохождения курса «флакхильферов» в зенитно-артиллерийской школе. Помимо ПВО от белорусского представительства был произведен набор белорусов для строительных работ, и в августе 1944 года 500 человек отбыли на Западный фронт.

Через учебный батальон было отправлено в дивизию еще несколько партий новобранцев. Сам батальон просуществовал лишь до середины апреля 1945 года, а на немецкое снабжение был поставлен в конце февраля 1945 года. До конца своего существования батальон так и не получил обмундирования и оружия.

Желая совершить ознакомительную поездку в бригаду-дивизию, Кушель обратился в Управление СС за разреше-

нием, однако разрешения ему не выдали. Вскоре был выслан из дивизии на офицерские курсы Рагуля, надоевший Зиглингу своими разговорами о неисполнении им своих обязательств, данных Центральной Раде.

3 апреля 1945 года Кушель прибыл в бригаду-дивизию, когда там полным ходом шла очередная реорганизация, в связи с созданием немецкой 38-й дивизии СС «Нибелунги». Для этого нового формирования из «Беларуси» был изъят немецкий офицерский и унтер-офицерский состав, поэтому немцы были вынуждены назначать на освободившиеся места белорусские кадры. Три батальона целиком имели белорусский офицерский состав, комдивом стал штурмбанфюрер СС Генигфельд. Вслед за немецкими офицерами к «Нибелунгам» ушло почти все оружие белорусов.

Местом очередной реорганизации бригады-дивизии был избран СС лагерь в Ваергаммере. Прибыв в лагерь, Кушель узнал, что Зиглингом ликвидирована офицерская школа, а белорусские офицеры сообщили ему о планах полной ликвидации дивизии и превращении ее подразделений в рабочие команды. При этом немцы разоружали батальоны, сохраняя в каждом из них по 50 человек вооруженного немецкого состава. Личный состав был близок к дезертирству. Единственным дивизионным командиром-немцем, понимавшим устремления белорусов, был ротмистр Айбнер, кавалерийское подразделение которого было наиболее боеспособным. Визит Кушеля в дивизию имел свои положительные последствия, и вскоре после него командирами батальонов были назначены белорусы: 1-м — майор Сокаль-Кутыловский, 2-м — капитан Чайковский и 3-м — капитан Тамила.

В начале 1945 года в белорусском руководстве сложилась оппозиция Островскому во главе с Е. Кипелем, проповедовавшим необходимость присоединения дивизии к РОА. Вскоре Кипель был вынужден покинуть БЦР и лично присоединиться к власовскому штабу. В это же время произошла публичная ссора Островского с генералом Власовым в здании Главного Управления Имперской Безопасности.

Из наиболее подготовленных солдат и офицеров бригады-дивизии Зинглингом было создано особое подразделение — **ягдкоманда**. В ее офицерский состав вошли капитан

И. Зыбайло, младший лейтенант Трусов и команда Айбнера в полном составе. Ягдкоманда была выведена из состава «Беларуси» и всем было сказано, что подразделение будет передано дивизии «Нибелунги». По неподтвержденным данным, якобы в первом же бою с американцами немцы разбежались, а личный состав частично дезертировал, частично сдался в плен. Не исключено, что личный состав ягдкоманды влился в Дальвицкий парашютно-десантный батальон.

15 апреля 1945 года все батальоны под командованием Геннигфельда выступили маршем в район Вальдмюнхена и, прибыв туда, встали на постой в местности Непомуки у Судет. Многочисленный личный состав мерз под снегом и спал на снегу, так как палаток на всех не хватало. Через некоторое время немецкое командование приняло решение о переброске батальонов под Пассау в район Тирольского горного массива, где немцами предполагалось создать мощный укрепленный район и противостоять союзникам до конца.

Белорусские офицеры приняли решение покинуть район расквартирования для выхода к передовым постам американских войск. 22 и 23 апреля два батальона покинули лагерь. Третий батальон дивизии не мог так свободно перемещаться, так как в его составе была хорошо вооруженная немецкая группа.

Вскоре белорусам стало известно, что неподалеку в местечке Шпиберг размещается штаб командующего ВВС РОА генерала Мальцева. Получив известие об этом, Кушель, капитан 3-го батальона Тамила и младший лейтенант Сасукевич отправились в штаб Мальцева.

На переговорах, где Кушель выступал в качестве комдива, генерал Мальцев выслушал белорусов, объяснил им обстановку на близлежащем фронте и сообщил, что поддерживает радиосвязь со штабом американского корпуса для последующего перехода к американцам. Кушель, полностью разделяя мнение Мальцева о необходимости перехода к американцам, заключил с Мальцевым договор о взаимодействии, который включал в себя следующие положения:

1. Совместный переход немецкого фронта и при необходимости его прорыв совместными усилиями.
2. Совместная оборона от войск СС до момента перехода к американцам.

3. После перехода к союзникам русские и белорусы действуют самостоятельно.

Была также достигнута договоренность о представлении генералом Мальцевым белорусских интересов на переговорах с американской стороной.

После переговоров Кушель возвратился к своим батальонам, где состоялся тяжелый разговор с немецким персоналом, после которого немцы быстро покинули белорусские подразделения. С этой минуты Кушель стал командиром бригады-дивизии «Беларусь», состоявшей, впрочем, всего из трех неполных батальонов. В своих воспоминаниях он пишет, что после ухода немцев настроение личного состава резко улучшилось, угнетало только отсутствие полноценного вооружения. Вскоре был реквизирован транспорт оружия, и белорусы успели вывезти 80 винтовок и несколько пулеметов.

29 апреля на состоявшемся в штабе генерала Мальцева совещании белорусы были уведомлены о согласии американцев принять русско-белорусские войска и о том, что командир американского корпуса обещал сдающимся статус вспомогательных войсковых частей при оккупационной армии в Германии. Было также сообщено о намерении американцев заключить всех сдавшихся в лагерь для военнопленных, но не надолго.

В это время состав бригады-дивизии «Беларусь» был следующим: офицеров — 50, младших офицеров — 132, солдат — 912, всего 1094 чел. Кроме того, дивизия имела 50 лошадей, 16 повозок и 6 полевых кухонь.

Объединившись с власовцами, белорусы выступили в поход. После десятикилометрового марша в штаб Мальцева прибыл генерал Ашенбреннер, привезший приказ генерала Власова приостановить переход к американцам до особого распоряжения. Белорусами высказывалось пожелание покинуть власовцев и самим пробиваться к американцам, но все понимали, что из-за малого количества оружия это начинание было бы обречено на провал. Размышления прервало появление американского мотоциклиста, доставившего Мальцеву письмо с предложением и описанием конкретных условий прорыва немецкого фронта на линии Эйзенштайн — Цвезель под прикрытием американской артиллерии и

авиации. Мальцев был поставлен в затруднительное положение — с одной стороны, уже был получен приказ Власова, с другой — фактически подготовлена «зеленая дорога» через фронт. В конце концов было принято решение о продвижении к линии фронта. Русско-белорусские части медленно продвигались вперед из-за большого количества мин. Лежащий впереди фронт был разделен течением реки Реген и наибольшей трудностью в преодолении реки был мост. Приказ о захвате предместья был адресован белорусским слабовооруженным подразделениям, но опасения белорусов оказались напрасными, и мост был ими захвачен без сопротивления стоявших поблизости эсэсовцев и охраны моста. К вечеру того же дня передовые части достигли г. Цвезель, уже занятого американцами. Власовцы и белорусы были обезоружены и закрыты в фабричных строениях.

На другой день плена Кушель был вызван в американский штаб, где ему поручили устроить смотр белорусских частей для последующей отправки на Запад. После окончания смотра всех белорусов погрузили в автомобили и отправили в лагерь для военнопленных близ г. Кам.

Другая часть белорусских вооруженных формирований влилась в ряды 1-й дивизии ВС КОНР (600-я пехотная дивизия Вермахта) и разделила с ней ее боевой путь. Судя по воспоминаниям современников, не менее трети от общего числа военнослужащих 1-й дивизии составляли белорусы.

2. УКРАИНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ

Легион Украинских Сечевых Стрельцов

*Маршируют добровольцы
Через Мезетеребеш
То ли войско, то ли банда —
Ты никак не разберешь...*

Песня легиона УСС

Фундамент службы украинских националистов немцам во время Второй мировой войны во многом был заложен их

сотрудничеством с армейскими спецслужбами Австро-Венгерской империи в годы Первой мировой войны.

Внутренняя политика империи Габсбургов строилась на стравливании составлявших ее народов и народностей. Заигрывая с украинским меньшинством, имперское руководство Австро-Венгрии преследовало циничную цель — использовать украинских добровольцев в качестве пропагандистов, разведчиков, а впоследствии — в качестве простого «пушечного мяса».

Ведущий сотрудник австро-венгерской армейской спецслужбы Максимилиан Ронге отмечал, что стремления многочисленных национал-активистов, «...фон Сливинского, Дашинского, д-ра Трильовского, д-ра Кость-Левицкого, фон Василько использовать национальное движение в Польше и Украине для формирования легионов получили тем более горячий отклик, что они сулили в перспективе заметное усиление действующей армии».

Создание **легиона Украинских Сечевых Стрельцов (УСС)** было подготовлено деятельностью различных общественно-национальных украинских организаций в Австро-Венгрии. Еще в 1912 году на съезде руководства галицийских партий и союзов было решено, что в случае войны между Австро-Венгрией и Россией Галичина должна превратиться в центр объединения всех украинских земель. При этом Россия трактовалась «шірými діячами» как враг всего украинского. В том же году на съезде галичанок было решено поддерживать Австро-Венгрию до тех пор, пока ее интересы будут совпадать с «интересами украинского народа и его национальным достоинством». Основную роль в разжигании антироссийских настроений в украинской среде играли **полувоенные организации «Сокол», «Пласт», «Сечь»**. Они вели свою деятельность под прикрытием вывесок различных «гимнастических», «краеведческих», «противопожарных» и «лесоохранных» добровольных союзов. Сеть филиалов этих организаций покрывала всю территорию Галичины.

Ведущую роль в этой работе играли товарищество «Сечь», основанное адвокатом Кириллом Трильовским и «Пласт», организованный офицерами Австро-Венгерской армии украинского происхождения — Романом Сушко, Иваном Чмолдой и сыном Ивана Франко — Петром.

В конце 1913 года адвокату Трильовскому удалось получить разрешение властей на создание во Львове войскового товарищества «Сечевые стрелцы». Вскоре филиалы товарищества были созданы в Бориславе, Сокале, Яворове, Тернополе и др. Во главе этих местных организаций встали офицеры запаса. Главным руководящим органом стал Украинский Сечевой Союз во главе с Трильовским.

После начала войны из представителей националистических украинских группировок была создана **Головная Украинская Рада (ГУР)**. 3 августа этот орган издал манифест, в котором говорилось: «Нынешнее время призывает украинский народ стать единодушно против царской империи, при той стране, в которой украинское национальное бытие нашло свободное развитие. Победа австро-венгерской монархии будет нашей победой. И чем больше будет поражение России, тем быстрее настанет час освобождения Украины... Пусть же украинское громадянство отдаст все свои материальные и моральные силы на то, чтобы исторический враг Украины был разбит. Пусть же на руинах царской империи взойдет солнце вольной Украины».

Одновременно из числа «надднiпряньских» политических эмигрантов был создан **Союз Освобождения Украины (СОУ)**, основной целью которого было ведение войны за самостоятельность Восточной Украины. В 1915 году СОУ и ГУР объединились, образовав Украинскую Раду в Вене. 12 мая 1915 года Рада опубликовала свою декларацию, где в качестве главной цели указывалась борьба за «свободную самостоятельную Украинскую державу над Днeпром, а в границах Австро-Венгрии — территориально-национальную автономию, объединение украинских областей». При этом в документе выражалась уверенность в том, что война принесет «всем народам свободу и независимость..., и освобождение поневоленных народов».

В июле 1914 года в Галиции была создана **Центральная Боевая Управа (ЦБУ)**, ставшая инициатором обращения к властям края о создании национального воинского соединения — легиона украинских Сечевых Стрельцов (УСС). Верноподданническая петиция была удовлетворена, разрешение на формирование легиона было получено.

По словам летописца Легиона УСС О. Думина на формирование легиона откликнулись тысячи добровольцев, среди которых было много интеллигентной и хорошо образованной украинской молодежи. В течение нескольких дней был сформирован 1-й курень (батальон) легиона, который возглавил армейский офицер Дмитрий Витовский. До войны Витовский был активным деятелем «Сечи», организовал побег из тюрьмы своего друга, взятого под стражу за убийство в Галичине польского графа Потоцкого.

На просьбу Управы выделить из императорской армии для обучения легиона 100 украинских офицеров командование ответило выделением лишь 16 офицеров.

10 августа 1914 года австрийцы выдали Легиону УСС оружие — тысячу устаревших австрийских винтовок Верндля. Это оружие было снято с вооружения в 1888 году, винтовки были тяжелыми, однозарядными и без ремней. С последней проблемой легионеры быстро справились, использовав вместо ремней веревки.

Генеральный Штаб Императорской Австро-Венгерской армии стремился к назначению на пост командира своего офицера Станислава Шептицкого (брата печально известного митрополита «кира» Андрея). Такое стремление вызвало отпор со стороны Украинской Боевой Управы и особенно К. Трильовского. На вакантную должность был назначен сын священника из г. Бучача, бывший директор Рогатинской гимназии поручик запаса Михаил Галушинский.

В сентябре 1914 года украинские сечевики были перевезены эшелонами в г. Мукачев и приданы австрийской группировке генерала Гофмана. Позднее подразделения УСС были расквартированы в селах Горонде и Страбичеве (венгерский Мезетеребеш).

Усусы попали в самый центр русского наступления, в результате которого русская армия овладела Галицией, а австро-венгры потеряли в боях до 400 тысяч солдат и офицеров. Вот что писал в своем письме брату-митрополиту полковник С. Шептицкий: «Россияне атакуют. Мы понесли поражение. В районе Гнилой Липы идут тяжелые бои. Твое крестьянское войско, твои Украинские Сечевые Стрельцы, боя еще не видели даже издалека, но известно, что при первой

же возможности собираются “со славой” сдаться москалям». Воинский дух сечевиков заслуживал низкой оценки, они не стремились проливать свою кровь за интересы Австро-Венгрии. Русские войска, взяв в плен украинцев, опрашивали их и с миром отпускали по домам. Однако были и такие, кто наилучшим образом проявили себя в боях, что позволило генералу Гофману назвать легион УСС своей элитой.

7 сентября была утверждена структура Легиона УСС и назначены командиры подразделений. Основной воинской единицей Легиона стала сотня, входившая в состав куреня (батальона). Всего в легионе на это время насчитывалось 2 куреня и 1 полубатальон, состоящие из 4-х сотен. Каждая сотня в свою очередь состояла из чет (взводов), а те, в свою очередь, из 4-х отделений (роек). Средняя численность сечевиков в сотне — 150—200 человек, среди которых были портной, шорник, писарь и его помощник, два телефониста.

Командирами подразделений были украинские офицеры, некоторые из них впоследствии стали известными деятелями Компартии Западной Украины и Красной Армии. Командиром 3-го полубатальона был галичанин Степан Шухевич, сын которого Роман впоследствии возглавил борьбу Украинской Повстанческой Армии против «Советов».

В австро-венгерском Генштабе склонялись к реализации авантюрного «Плана Небеля», предусматривавшего формирование на базе легиона многотысячной украинской армии. Под руководством полковника Шептицкого армия должна была пробиться с территории союзной Турции через Кавказ и Кубань на Украину, чтобы провозгласить ее суверенной державой. Изменение обстановки на фронте в пользу русских войск уничтожило в зародыше план Небеля. 10 сентября генерал Гофман отдал приказ о введении легиона в бой. Некоторые сотни легиона были использованы на передовой против наступавших частей 2-й Кубанской казачьей дивизии, где понесли значительные потери.

22 сентября в Мукачев прибыл офицер Австро-Венгерского Генштаба хорват Кватерник с планом, предусматривавшим использование украинцев малыми подразделениями за русской линией фронта в качестве диверсантов и разведчиков. Всего предполагалось создать **50 групп** по 20 сечевиков в каж-

дой. Попытка реализации плана также окончилась неудачей. Лишь несколько групп сумели проникнуть в российский ближний тыл. Весь их «боевой путь» включал в себя обрыв телефонного провода у Дрогобыча и сбор обрывочных сведений о русских войсках. Некоторые группы вообще не вернулись к месту дислокации, предпочтя этому сдачу в плен, т.е. возвращение домой. Неудача с посылкой разведывательно-диверсионных групп вынудила генерала Гофмана отказаться от дальнейших попыток дестабилизации русского тыла.

7 октября 1914 года сотни усусусов заняли оборону на отрогах Бескидских гор против войск русской армии, прорвавшей австрийскую оборону еще 27 сентября. Вскоре австро-венгерские войска, усиленные подошедшими резервами контратаковали противника и в бой были введены сечевики. Украинцы шли в авангарде австрийского наступления, принимали участие в боях за Борислав и Дрогобыч и вскоре вышли к Карпатам. Особенно ожесточенные бои развернулись на позициях близ г. Синевидного, где украинцы отбивали контратаки русских войск. Одна из сотен легиона в боях у с. Веречко потеряла 63 бойца.

В ноябре 1914 года в Карпатах развернулось наступление русских войск под командованием генерала Брусилова. В затяжных боях с атакующим противником стрельцы понесли тяжелые потери.

В этом же месяце в высших эшелонах армейского командования был реанимирован план создания **украинского экспедиционного корпуса**, который в составе турецких войск планировалось высадить на Черноморском побережье. В Турцию была направлена делегация Боевой Управы во главе с М. Галущинским. Галичане поставили перед австро-венгерским командованием основное условие своего участия в данном проекте — доведение легиона УСС до 5 тысяч человек и согласие на провозглашение Украинской державы в случае успешного наступления на Украину. План реализовать не смогли в связи с разгромом турецкой армии.

Одновременно в Легионе шло переформирование. Из трех куреней создали два укрупненных под командованием Степана Шухевича и Семена Горука. М. Галущинский был откомандирован в штаб Гофмана.

В декабре 1914 года русская армия начала наступательную операцию в направлении Бескидских перевалов, имея целью прорыв в Закарпатье. Усусусы в первой половине декабря обороняли позиции у Свалявы, где только пленными потеряли сотню стрельцов. Немало потерь сечевики понесли и от мороза.

В начале января 1915 года австрийцы развернули наступление на русские позиции. Особенно ожесточенные бои шли за гору Маковка, где после сильнейшего артобстрела русские войска начали наступление на хорошо укрепленные позиции украинцев. В авангарде наступления шла кавалерийская дивизия генерала А.М. Каледина, но ее натиск был отбит пулеметами. До мая месяца обе стороны не предпринимали в этом районе решительных действий. 1 мая начался решающий штурм Маковки. Прорыв фронта расширялся. В ночь на 2 мая в бой вступил курень Г. Коссака, на следующий день в бой был введен весь легион УСС. 4 мая русским войскам удалось разбить 129-ю австро-венгерскую бригаду и занять район Маковки. В боях за гору в плен к русским войскам попало 35 усусусов, погибли 42 сечевика, 76 было ранено.

С 19 апреля по 10 июня 1915 года немецко-австрийские войска начали Горлицкую наступательную операцию, в результате которой русская оборона была прорвана. Русская армия оставила Галицию. В ходе наступления украинские легионеры двигались в авангарде 2-го австрийского корпуса. В районе села Лисовичи русскими войсками были окружены и попали в плен около 180 легионеров во главе с сотником Осипом Букшованным.

27 июня легионеры вступили в город Галич, где комендантом района был назначен сотник Витовский. Со 2 июля развернулось ожесточенное сражение за местечко Золотая Липа. В ходе боев легион понес значительные потери, из-за чего был отведен с передовой.

К этому времени пополнение легиона УСС происходило за счет **запасной** украинской **части**, именуемой «Кош». В марте 1915 года в Коше насчитывалось до 250 человек.

Помимо Коша в легионе был создан «вішкіл» под командованием Мирона Тарнавского. В 1916 году этот **учебно-тренировочный центр** был подчинен группе немецких войск, где сечевики готовились под присмотром немецких инструкторов.

Кроме Коша к легиону СС относились **сборная станция** во Львове и Станиславове, **три комиссариата** на Волыни и **сборный пункт** в прикарпатском Сигете. В Вене находилась Боевая Управа Украинских Сечевых Стрельцов.

Весной 1915 года руководство украинских национальных организаций во главе с «Союзом Освобождения Украины» обратились к австрийскому монарху Францу Иосифу с просьбой развернуть легион УСС до 12 тысяч человек, а Кош — до 5 тысяч. При этом предполагалось переформировать легион в пехотную бригаду. Монарх дал принципиальное согласие, но окончательное решение вопроса предоставил армейскому руководству. Предложение украинцев было благополучно «похоронено», но в это же время началось создание нескольких польских легионов под командованием Юзефа Пилсудского и генерала Галлера.

Одновременно широкую работу на южных границах Российской империи пыталась развернуть разведслужба Австро-Венгрии. Так, прибывший в апреле 1915 года в Иран в качестве атташе, обер-лейтенант Генерального штаба Геллер пытался организовать спецоперацию по освобождению 40 тысяч австрийских военнопленных, размещенных в Туркестане. В конечном итоге он был захвачен российскими контрразведчиками. Германский военный атташе фон Канниц безуспешно пытался организовать повстанческое движение в Туркестане, но был убит в феврале 1916 года.

23 июля 1915 года на фронт прибыл великий князь Карл. На встрече с офицерами легиона УСС, Г. Коссак обратился к нему с просьбой разрешить реорганизовать легион УСС в полк. Великий князь благосклонно воспринял просьбу. Разрешение на формирование полка УСС было получено, и в состав новой части вошли 3 батальона (куреня), численность запасного Коша доведена до 500 человек. На вооружение легиона поступили 4 пулемета «Шварцлозе» (пулеметная сотня — 3 офицера и 80 сечевиков), орудия, тяжелые и легкие минометы, гранатометы и огнеметы.

В 1917 году в составе легиона УСС было организовано подразделение противогазовой службы и инженерная сотня.

Еще в 1914 году была предпринята попытка формирования конного подразделения легиона. Конница была создана при

подразделении сотника Фаркаша, однако вплоть до конца боевого пути легиона так и не была до конца укомплектована конским составом. Личный состав сотни использовался в основном на разведывательной и связной службе, и лишь раз вступил в бой с русской конницей весной 1915 г на Подолье.

Санитарная служба легиона УСС насчитывала в своих рядах 40 человек, однако украинские офицеры доктор Рихло и А. Беляй создали медицинские подразделения в других частях австро-венгерской армии.

Обоз сотни легиона УСС обычно состоял из 4 возов и 1 полевой кухни. После формирования полка УСС все обозы сотен были сведены в один обоз, включавший в себя 70 возов и 150 коней.

Пресс-квартира Легиона УСС в Вене выполняла функции пропагандно-просветительского органа и имела свои подразделения в полку и учебных структурах.

Основой униформы сечевиков были полевые мундиры и брюки, принятые в австро-венгерской армии. На головном уборе вместо номера части, обозначающего принадлежность к тому или иному подразделению, сечевики носили тканую кокарду-розетку сине-желтого цвета. Впоследствии австрийские кепи были заменены на кепи-«мазепинки», имевшие в передней части V-образный «вырез». С 19 января 1917 года сечевикам было официально разрешено ношение «мазепинки» с особой кокардой — с изображением галицкого льва.

Система стрелецких знаков различия была построена также на основе австро-венгерской, с учетом отсутствия в Легионе УСС званий, замененных должностями. С 27 декабря 1916 года в Легионе были введены петличные обозначения должностей. На синих нашивках-«паролях» размещались шестиконечные звезды в комбинации с желтым и золотым галунами различной ширины. Первоначально расположение петличных звезд было аналогичным другим частям австро-венгерской армии, а с 1915 года располагались рядами, параллельно нижнему краю петлицы. С лета 1916 года синие «пароли» были заменены узкой сине-желтой лентой, а звезды прикреплялись перед ней на отворот воротника мундира.

В период переформирования и после него легион-полк принимал участие в боевых действиях в междуречье Серета

и Стрипы. В боях под селом Семаковцы украинцы потеряли 48 человек убитыми, когда два куреня бросили на ликвидацию российского прорыва. Семаковцы дважды переходили из рук в руки. В последующих боях погибло еще 39 галичан и около сотни попало в плен.

После тяжелых боев легион был отведен с передовой и пребывал в тылу вплоть до мая 1916 года.

4 июня 1916 года началось крупномасштабное русское наступление на австро-немецкие позиции у р. Стрипы. К концу июля наступление выдохлось. Полк УСС с новым командиром — австрийским подполковником Антоном Вариводой — без боя отступил до м. Бережаны и укрепился в районе горы Лисони. В это время в его составе находилось 47 офицеров и 1685 стрелцов. Австрийское командование прикрыло украинцами наиболее важный участок — железнодорожную ветку Подгайцы — Бережаны. 12 августа передовые части русских войск потеснили галичан, но на другой день положение было восстановлено. В начале сентября русская кавалерия прорвала австрийские позиции у Лисони, чем создала угрозу окружения частям легиона. В бой были брошены подразделения Романа Сушко и Андрея Мельника. Затяжной бой в окружении шел на протяжении нескольких дней. Гора Лисоня несколько раз переходила из рук в руки. Много легионеров было убито, немалое их количество попало в плен. В их числе были сотники А. Мельник, Р. Сушко. Всех пленных галичан направили в тыловой лагерь для военнопленных в Киеве, где уже шло формирование украинизированных частей русской армии.

На замену австрийцев и украинцев были переброшены в район Лисони две турецких дивизии. 16 сентября русские войска штыковой атакой выбили турок с позиций и пробрили брешь в обороне противника, выйдя в тыл и фланг легиону УСС. Контратака украинцев остановила прорыв, однако турецких позиций не вернула.

29 сентября российские войска начали третий штурм австрийской обороны в районе Лисони. Русские части полностью уничтожили венгерский полк и окружили легион УСС. Из окружения удалось выйти лишь его командиру и двум малочисленным группам сечевиков. В результате сражения

у Лисони в строю осталось лишь 150 сечеви́ков и 16 офицеров. Погибли и попали в плен 700 легионеров.

В октябре 1916 года остатки легиона были выведены в учебно-тренировочный центр УСС в Развадове. Помимо центра в Развадове были открыты офицерские курсы в Трускавце, в Раздолье готовился унтер-офицерский состав.

В это же время в составе легиона УСС была создана Гуцульская сотня, численностью 180 солдат и офицеров. Первоначально австрийское командование планировало передать данную единицу в Закарпатье для участия в боевых действиях в районе Большого Бычкова, но украинцы отказались подчиняться австрийским офицерам. В мае 1917 года гуцулы были влиты в состав легиона.

17 февраля 1917 года полк УСС вернулся на фронт и занял позиции близ села Куропатники под Бережанами. Численность украинского формирования, по сути, приближалась к численности батальона (куренья), состоявшего из 4 рот (сотен). Вернулся в легион бежавший из плена О. Букшованный. Сосланный в Сибирь, он сбежал через Туркестан в Персию, где в горах воевал вместе с курдами против турецких войск, после чего сумел легализоваться в Турции. Вместе с турецкими частями он вернулся в легион. Впоследствии Букшованный был избран в ЦК коммунистической украинской организации «Сельроб», был делегатом 3-го съезда компартии Западной Украины, скрывался от преследования польской охранки и в 1932 году тайно перешел границу с УССР, где был арестован и в 1934 году выслан в Карелию.

После февральских событий 1917 года в Петрограде на фронте воцарилось затишье. Украинские сечеви́ки также не очень стремились погибать за Австро-Венгрию, так как решением монарха Галичине даровалась автономия, фактически отдававшая ее во власть Польши. На фронте началось братание. По свидетельству очевидца, после Февральской революции галичане стали все чаще симпатизировать революционной России, которая провозгласила свободу всем нациям, а после создания Центральной Рады на Украине и украинизации фронта симпатии к России переросли во враждебность к Австрии.

26 мая 1917 года на совещании офицеров легиона УСС было принято решение распустить полк и его учебные подразделе-

ния, при этом сохранив национальную военную организацию. После этого предполагалось распустить всех добровольцев по домам для участия в борьбе за независимость Галичины.

Между тем ситуация на фронте обострилась. 18 июня 1917 года началось русское наступление, братание закончилось. После артподготовки русские войска пошли вперед, прорвав линию обороны. Во время обстрела была перебита четвертая рота легиона, занимавшая передний край. Через двое суток в русский плен попала большая группа сечевиков, после чего в полку осталось только 450 человек. С радостью сечевики сдавались в плен украинизированным частям противника, имевшим желто-синие знамена. В Тернополе пленных привечали представители Украинской Народной Республики, в Дарницком лагере военнопленных под Киевом — глава правительства УНР Владимир Винниченко.

11 июля 1917 года австро-венгерские войска прорвали русский фронт и заняли Тернополь.

В ноябре 1917 года Центральная Рада Украины провозгласила 3-й Универсал — документ, утверждавший создание Украинской Народной Республики (УНР) в федерации с Россией. 23 декабря Всеукраинский съезд Советов в Харькове провозгласил Украину Советской республикой.

Офицерство Легиона УСС на своем 2-м съезде решало судьбу украинского формирования. Часть офицеров высказалась за полный разрыв с австро-венгерскими властями в связи с их желанием отдать Галичину полякам, другие утверждали, что невозможно воевать с противостоящими украинскими частями. Д. Витовский настаивал на сохранении легиона как национальной боевой единицы для ведения борьбы за национальную независимость Галичины. Австрийское командование было недовольно атмосферой, царившей в полку, и настроением его личного состава, в результате чего М. Тарнавский был смещен с поста командира.

С 8 февраля 1918 года на Украину стали прибывать революционные части, которые заняли Киев. Лишившаяся власти Центральная Рада подписала с немцами договор, согласно которому в середине февраля 23 немецких дивизии начали наступление и захват Украины. Австро-Венгерские войска также не остались в стороне. Легион УСС перешел Збруч

и двигался походным порядком на правобережную Украину. В составе легиона действовала агитационная сотня, но ее деятельность была скоро свернута в связи с пробольшевистскими настроениями крестьянства.

Тем временем на сторону Антанты перешел польский легион Пилсудского-Галлера. Во избежание повторения аналогичного демарша со стороны других военных формирований из национальных меньшинств, австрийское командование разоружило оставшиеся польские части и подготовило такую же участь легиону УСС. На защиту легионеров встали украинские депутаты Сейма в Вене и некоторые высшие армейские офицеры. Легион оставили в покое, назначив его командиром сына эрцгерцога Австро-Венгрии Вильгельма Габсбурга, получившего среди украинцев прозвище «Василь Вышиванный» за любовь к расшитым украинским сорочкам-вышиванкам.

Первые бои с советско-украинскими войсками усусусы вели под Херсоном. Сам город взяли без боя, затем пал Никополь и Александровск (ныне Запорожье). После установления немецкого контроля над Украиной Центральная Рада была распущена, а формальная власть перешла к гетману Павлу Скоропадскому. В таких условиях легиону УСС поручалось укреплять власть местных помещиков, участвуя в карательных акциях против селян. Офицеры и командиры украинского легиона отказывались выполнять приказы австро-немецкого командования, за что легион попал в опалу. Командир легиона Василь Вышиванный был обвинен в том, что не сумел до конца подчинить легион командованию и поддержать Скоропадского военной силой.

Результатом опалы стал приказ командования, отменивший формирование третьего батальона. В начале октября 1918 года украинские послы в Вене обратились к австрийским властям с просьбой перевести легион во Львов, однако австрийцы отправили его «куда подальше» — в Буковину, где он и пребывал до 1 ноября 1918 года.

На этом закончилась боевая четырехлетняя история украинского легиона в составе Императорской Австро-Венгерской армии.

Более поздняя история украинских сечевых стрельцов связана с деятельностью бывшего офицера Австро-Венгерской

армии Евгения Коновальца, создавшего **галицийско-буковинские украинские отряды**. Отряды сечевиков участвовали в боях с советскими частями под Киевом и в самой украинской столице.

После поражения под Киевом галицко-буковинский курень отступил на Житомир, Коростень и Сарны. В марте 1918 года трехтысячный полк сечевых стрельцов вновь маршировал на Киев среди немецких колонн. Восстановленный немецкими штыками гетман Скоропадский предложил сечевикам перейти к нему на службу, но после отказа расположение легионеров было окружено немецкими частями, что вынудило усусусов сложить оружие.

Впоследствии бывшие сечевики легиона УСС воевали в составе армий всех воюющих сторон Гражданской войны. Большая часть сечевиков приняла участие в кровопролитных боях за Львов — столицу Западно-Украинской Народной Республики.

Часть бывшего офицерства УСС сделала карьеру в правительстве Советской Украины. Так, комендант одного из куреней легиона, полковник Г. Коссак преподавал историю Украины в школе червонных старшин в Харькове. Командир технической сотни легиона УСС поручик Сияк вступил в ряды коммунистической партии большевиков по рекомендации В.И. Ленина, в 1920 году служил управделами Галицийского ревкома. В 1918—1919 гг. разными властями он семь раз приговаривался к смертной казни, но привели ее в исполнение лишь в 1938 году его же однопартийцы.

Другие усусусы во главе с Е. Коновальцем, А. Мельником, Р. Сушко и др. прошли через пламя всей Гражданской войны и оказались в эмиграции, создав национальный воинский союз — **Украинскую Воинскую Организацию (УВО)**.

Ветераны легиона УСС приняли активное участие в вооруженной борьбе за независимость Карпатской Украины в 1938—1939 гг. Впоследствии их опыт пригодился при создании 14-й украинской дивизии СС «Галичина», когда ветераны легиона вели активную призывную пропаганду, объясняя украинским хлопцам, что «СС» не что иное как «сечевые стрельцы». Из бывших усусусов в 14-ю дивизию СС вступили бывшие сотник УСС «письменник» Николай Угрин-Безгришний

и подхорунжий Дмитро Палиев, впоследствии ставший гауптштурмфюрером СС. Создание дивизии благословил митрополит Андрей Шептицкий. Особую опеку над дивизией установил бывший офицер Австро-Венгерской армии генерал Курманович.

По свидетельству украинского историка Льва Шанковского, помимо Легиона УСС в рядах австро-венгерской армии воевали сотни тысяч украинцев. По его данным, в 1914–1918 гг. в армии Австро-Венгрии имелось 15 пехотных, 5 конных и 7 артиллерийских полков, 8 артиллерийских бригад и 8 пехотных дивизий, в которых украинцы составляли 60–80 % от общего числа военнослужащих. Все эти формирования использовались на итальянском, сербском и албанском фронтах, что объяснялось стремлением австро-венгерских властей держать украинские подразделения подальше от русского фронта.

Неизвестная война в Карпатах. Карпатская Сечь

В конце 1930-х годов «горячей точкой» в центре Европы стало Прикарпатье. Причиной возникновения очага напряженности послужил политический кризис в Чехословакии. В результате раздела территории Чехословакии ее Карпатская часть, населенная преимущественно украинцами, осенью 1938 года получила автономию, а с 11 октября стала федеральной республикой. Во главе правительства Карпатско-украинского образования встал премьер А. Бродий, известный своими провенгерскими взглядами. Впоследствии он был заменен на этом посту священником доктором Августиним Волошиным.

Перспектива появления независимого украинского государственного образования вызвала недовольство со стороны претендовавших на эту территорию Польши и Венгрии. Обе державы стали тайно засылать в Карпатскую Украину диверсантов и разведчиков. Власти Чехословакии, и без того пребывавшие под сильнейшим немецким давлением, были вынуждены принять все меры для наведения порядка в Карпатах. Чехами были организованы отряды так называемой «Стражи Оборона Державы» из состава жандармерии, по-

лиции и таможни. Отряды эти были малочисленны, слабо вооружены и службу несли неохотно. Добросовестно в этих подразделениях служили лишь украинцы, заинтересованные в защите своего края. С конца 1938 года в Закарпатье стала прибывать украинская молодежь из разных стран Европы для оказания помощи зарождавшемуся украинскому государству.

4 сентября 1938 года в Ужгороде состоялось собрание делегатов украинских национальных организаций под патронажем Организации Украинских Националистов (ОУН). На собрании было принято решение о создании национальной военной организации, получившей название «**Украинская Национальная Оборона**» (УНО). В состав руководящего органа организации — Провода УНО вошли: доктор Степан Россох, Иван Рогач, Василий Ивановчик, инженер В. Гелетка и др. Войсковой штаб возглавили полковники Аркас, Стефанов и сотник Клименко. В течение месяца были созданы штабы УНО по всей территории Карпатской Украины. Во главе местного командования вставали бывшие офицеры австро-венгерской, русской, чехословацкой армий. «Первую скрипку» в создании закарпато-украинских вооруженных сил играл «**Провод украинских националистов**» (ПУН), являвшийся составной частью ОУН. ПУНОм был создан «**Особый штаб ПУН для Закарпатья**» в состав которого вошел сотник Рихард Ярый. По утверждению украинского историка З. Книша, Рико Ярый работал на Абвер, освещая положение в Карпатской Украине, однако после окончания Второй Мировой войны Ярый спокойно жил в советской оккупационной зоне Австрии и, по свидетельству послевоенной прессы, встречался с советскими офицерами. Штаб ПУН играл роль координационного центра создающейся вооруженной силы — Украинской Сечи.

В крае была распространена листовка, в которой говорилось: «Настает великий час. Закарпатье может стать самостоятельной Украинской державой. Оно должно стать зародышем великой самостийной соборной Украинской Державы от Попрада и Татр до Каспийского моря и Кавказа. Стать таким зародышем для нас наибольшая честь. Мы будем горды тем, что станем первыми, кто начнет создавать Украинскую Державу, что поможем нашим братьям скинуть московское, польское и румынское ярмо. В этой борьбе нам поможет

только единство народа, великая вера в свои силы и вера в то, что Бог поручил нам вести свой народ к воле».

Основной проблемой для украинских оборонцев стало оружие. Чехословацкое военное руководство не желало делиться с украинцами запасами легкого стрелкового оружия, несмотря на узаконенный порядок наделения оружием населения в целях защиты территории республики. Одним из легальных способов получения оружия стал его захват у диверсантов.

В декабре 1938 года на переговорах с представителем чехословацкого Генштаба была достигнута договоренность о проведении войскового обучения Карпатской Сечи. Со стороны чешской армии за это отвечал уроженец г. Хуст Иван Сарвадий. Кроме того, была достигнута договоренность о передаче сечевикам оружия местной национальной гвардии — Домомбранства. Планам эти не суждено было сбыться.

После решения Венского арбитража столица Карпатской Украины была перенесена в город Хуст. Здесь УНО была преобразована в «**Организацию Национальной Обороны Карпатской Сечи**» (ОНОКС). Члены организации были размещены в Хусте и узловых пунктах края. Основной задачей новой организации стала ликвидация вылазок венгерских и польских диверсантов. Статусом организации предусматривалось создание и руководство подразделениями, информационная и учебная работа среди личного состава, войсковая подготовка молодежи, создание собственных казарм, цейхгаузов, тиров.

Членами ОНОКС могли быть граждане Закарпатья, достигшие 18 лет. Все члены организации делились на следующие категории:

1. Действующие члены,
2. «Добродии» — поддерживавшие организацию материально и/или морально,
3. Почетные члены, чья деятельность была направлена на укрепление авторитета украинской нации.

Структурно ОНОКС состояла из отделов (местные ячейки), из нескольких отделов создавались коши. Отделы и коши подчинялись непосредственно Главной Команде ОНОКС. Команда, в свою очередь, включала в себя коменданта и двух членов команды. Комендант избирался на этот

пост выборными сборами товарищества. Сборы товарищества состояли из делегатов от отделов по 1 делегату от 50 человек. На должность коменданта человек выдвигался сроком на три года, затем его кандидатуру утверждало правительство Карпатской Украины.

Процедура избрания первого Главного коменданта ОНОКС (бывший офицер австро-венгерской армии Дмитрий Климбуш) была успешно завершена утверждением его кандидатуры главой правительства Карпатской Украины о. А. Волошиным. После этого ОНОКС была зарегистрирована в Министерстве внутренних дел Карпатской Украины. Вскоре влияние ОНОКС распространилось на всю территорию Закарпатья. Существование такого военизированного союза было разрешено законом об автономии края, принятым чехословацким парламентом ранее. Предполагалось, что в случае военной угрозы Закарпатье будут защищать чехословацкие армейские части и местное ополчение под своим национальным знаменем.

Официальными властями Чехословацкой Республики был наложен запрет на деятельность ОНОКС на границах Карпатской Сечи. Власть сечевиков начиналась лишь в 1500 метров от границы.

Главный комендант ОНОКС назначил своим заместителем И. Романа — бывшего офицера чехословацкой армии. Совместными усилиями был создан штаб организации, куда вошли опытные офицеры бывших австро-венгерских, русских, чехословацких, немецких вооруженных сил. Так, на службу были приглашены бывшие офицеры легиона УСС Зенон Коссак-Тарнавский, Иван Кедюлич и др. Основные штабные посты были заняты выходцами из Галиции. Одним из офицеров штаба стал будущий создатель Украинской Повстанческой Армии Роман Шухевич. С войсковым штабом ОНОКС сотрудничал бывший офицер австро-венгерской армии Виктор Курманович.

4 декабря 1938 года в Хусте прошел 2-й съезд Карпатской Сечи, который ознаменовался торжественным входом 10 тысяч сечевиков в город. В торжественной встрече этой колонны принял участие премьер-министр Карпатской Украины о. Августин Волошин.

Одновременно с идеологическими мероприятиями велись военные приготовления. Так, сечевиками были созданы гарнизоны в ряде стратегически важных пунктов. Подразделения украинской вспомогательной полиции совместно с чехами несли службу по охране порядка. Чешская полиция относилась к своим украинским коллегам с неприязнью.

10 октября рано утром венграми было совершено нападение на пассажирский поезд и произведен захват моста близ ст. Доброселье. Ими был убит солдат, мост взорван, ограблены пассажиры. После нападения диверсанты скрылись в венгерских селах Береговского района. 13 октября по всему Закарпатья прокатились молодежные демонстрации, на которых молодежь скандировала: «Підкарпаття не дамо! Свою волю не дамо! Рідну землю ні полякам, ні мадярам не дамо! Не дамо!». Во главе всех национальных выступлений шли члены национальных организаций «Сечь» и «Пласт».

Напряженная обстановка в Карпатской Украине была взорвана вестью из Праги. Чешский президент доктор Гаха назначил министром внутренних дел Карпатской Украины генерала Л. Прхалу без согласования с украинским руководством автономии. Массовое недовольство населения этим назначением вылилось в демонстрации и стычки с полицией и войсками. Украинские «правые» были недовольны политикой Праги, выражавшейся в назначении генерала-русофила, имевшего к тому же жену из русских дворян. Недовольство политикой Праги было подкреплено успехом украинской партии на выборах в Сейм. Массовые выступления украинцев шли под лозунгами «Геть министра чеха!».

Начались стычки между чехами и сечевиками, срыв украинских флагов, на почте отказывались принимать телеграммы на украинской «мове».

19 января 1939 года Прхала в сопровождении бронемашин приехал в Хуст. Его принял президент А. Волошин, но лишь в качестве генерала федеративной армии. Посланцу чешского правительства было отказано в сотрудничестве лично с ним и передано заявление на имя правительства Чешской республики. Сам Прхала заявил Волошину, что не ожидал встречи с такими трудностями и пообещал лично обратиться к правительству с просьбой освободить его от должности министра.

После выезда Прхалы из Хуста, по всему Закарпатью прошли демонстрации сечевиков под лозунгами «Сечи — зброю!». Помимо передачи оружия, сечевики также требовали передачи им всех функций службы безопасности, жандармерии, таможни.

Пражские власти прислали в Хуст подполковника Генерального штаба Лукаса с поручением об «усмирении края». Его миссия также окончилась неудачей.

В ответ на эти демарши, 7 марта из чешского правительства был выведен уроженец Закарпатья, украинец Ю. Ревай и подтверждены полномочия генерала Прхалы как командующего чехословацкой армией в Закарпатье. Кроме этого в его руках были сосредоточены нити управления по линии министерства внутренних дел, финансов и связи.

Положение украинской автономии также осложнялось отсутствием единого плана действий собственного военного руководства. Так, в командовании Сечи наметились два лагеря. Первый лагерь составляли офицеры-галичане, сторонники втягивания в конфликт Польши. Они рассчитывали на вмешательство Германии на стороне украинцев. Командование Сечи вместе с ее комендантом Д. Климпушем рассчитывало удержать своих сослуживцев от этого.

Масла в огонь подлил лидер местных немцев-фольксдойче инженер Кармазин, сообщивший 24 февраля украинским руководителям, что в ближайшее время Словакия провозгласит самостоятельность, а на Карпатскую Украину нападут венгры. Сообщение вызвало общую тревогу, но пока границу охраняли чешские войска генерала Олега Сватака, украинцы могли чувствовать себя в относительной безопасности.

До своего возвращения в Закарпатье Прхала провел секретные переговоры с польской стороной об установлении новой границы, а также с венграми в г. Комарно, где пообещал, что в Закарпатье не прольется ни капли венгерской крови.

Основной угрозой для Закарпатья стал Будапешт, науськиваемый Гитлером. 12 марта Гитлер сообщил в Будапешт, о том, что венгры могут входить в Закарпатье. 14 марта 1939 года Словакия провозгласила независимость, а на следующий день Августин Волошин провозгласил независимость Карпатской Украины, что было подтверждено ее Сеймом.

Бывший лейтенанта гонведа Т. Фратер в своих мемуарах сообщает, что с 1 января 1939 года венгерская армия начала приготовления к походу в Закарпатье. Бронетанковые части армии готовились и учились под Будапештом, Еркеньтабором и Гаймашкером. Взводами по 6 машин они были приданы всем пехотным и самокатным батальонам. 6 января вся материальная база венгерской 6-й армии была готова к выступлению. Подготовкой и ходом войсковой операции непосредственно руководил начальник ужгородского гарнизона генерал Билди, общее руководство акцией осуществлял командующий 6-й армией генерал-лейтенант Ференц Сомботхели.

По информации венгерской разведки, Карпатская Сечь насчитывала в своих рядах 15 тысяч бойцов, из них 7 тысяч были одеты в форму. На вооружении Сечи было 12 тысяч винтовок, 5 тысяч пистолетов, а в группе «Хуст» — 15 танков.

В начале марта 1939 года венгерские войска начали сосредотачиваться на границах Карпатской Украины. Радио Будапешта постоянно уведомляло о соглашении между Гитлером и Муссолини об оккупации венграми Карпатской Украины.

Ночью 13 марта премьер-министр Августин Волошин отдал приказ комендантам жандармерии выдать оружие Карпатской Сечи. Той же ночью венгерская армия начала военные операции на мукачевском участке. Одновременно с венгерским наступлением генерал Прхала отдал приказ чешским войскам приступить к разоружению сечевиков.

14 марта 1939 года начались боевые действия в Хусте. Причиной ночных стычек в Хусте могла быть провокационная деятельность немецкого посла фон Войновича.

Чешские войска при поддержке бронетехники начали обстрел штаба Карпатской Сечи. Руководство украинской автономии обратилось к чехам с призывом прекратить огонь, но ответа на предложение не последовало. В краевых городах сечевики начали разоружение чешской полиции и войск. Одновременно началось стягивание чешских сил к Хусту. Активное сопротивление украинцев вынудило генерала Прхалу отдать приказ о прекращении огня. В результате огонь с двух сторон прекратился, при этом украинцам удалось фактически взять в руки всю полноту власти в Хусте и его районе. Воспользовавшись чешско-украинской

«разборкой» венгерские войска заняли три украинских села в Мукачевском районе.

В этот же день президент Чехии Гаха был уведомлен Берлином о создании протектората Чехия и Моравия. На следующий день немецкая армия оккупировала страну без малейшего сопротивления со стороны чехословацкой армии. Эта армия также фактически не сопротивлялась нападению на Закарпатье венгров. Чехи «молча отступали», уничтожая на месте или вывозя свое оружие. За военными колоннами наблюдали украинцы и при каждом удобном случае разоружали их.

Венгерское правительство направило в Хуст своего парламентарера с предложением разоружиться и мирно войти в состав Венгрии. Аналогичное послание передал украинцам посол Германии. В ответ на эти предложения Волошин ответил отказом, заявив, что Карпатская Украина мирное государство и хочет жить в мире с соседями, но в случае необходимости даст отпор любому агрессору. Мобилизация населения шла успешно, однако по-прежнему не хватало оружия.

13–14 марта венгерские войска начали захват территории Карпатской Украины. Наступление шло в четырех направлениях. Основной удар был нанесен на линии Ужгород — Перечин, где начались упорные бои. Венгерские части стремились отрезать Карпатскую Украину от Словакии. Затяжные бои с украинцами грозили долгим топтанием на месте, но помощь венграм пришла от поляков, которые начали развивать свое наступление от Ужоцкого перевала.

Тяжелые стычки с мадьярами произошли у села Горонда, где держала оборону сотня сечевиков М. Стойка, ранее служившая в погранстраже. Украинцы 16 часов отбивали атаки венгерской пехоты, поддержанной броневиками. По информации украинских источников, на стороне венгров выступили боевики-чернорубашечники, подготовленные мадьяро-российским «Русским культурно-просветительским обществом имени А.В. Духновича».

Аналогичное положение сложилось на линии Берегово — Севлюш — Хуст. Венгерские войска стремились в кратчайший срок овладеть столицей нежелательного для них государственного образования. В наступлении на город принимали участие бронетанковые и артиллерийские части венгерской

армии. Уже после окончательного подавления украинской обороны венгры признали, что столкнулись с необыкновенно упорным сопротивлением.

Город Севлюш оборонял курень сечевиков, состоящий в основном из украинской молодежи — учащихся местной семинарии под командованием своего преподавателя сотника Якова Голоты. Молодежь почти не имела опыта обращения с оружием, но отваги было не занимать, в плен они не сдавались. На подмогу семинаристам выступил гарнизон сечевиков из г. Королева. Получив подкрепление, украинцы развернули фронт вдоль р. Тисы. В ходе боев город Севлюш дважды переходил из рук в руки. В обороне украинцы использовали захваченный ими венгерский танк.

В 12 км от Хуста шли тяжелые бои на Копанском поле. Венгерские части смогли подойти к Хусту лишь через 30 часов, ведя непрерывные боевые действия за каждую пядь земли. Атаку на Хуст предпринял 24-й венгерский батальон пограничников и 12-й самокатный батальон, имевшие на вооружение приданные им противотанковые орудия. Наземные части поддерживала авиация. Венграм противостояло более 3 тысяч сечевиков имевших на вооружении 12 единиц бронетехники, отобранной ранее у чехов.

Еще 15 марта президент А. Волошин назначил военным министром Карпатской Украины полковника Сергея Ефремова, а сам выехал на переговоры с чешским генералом Сватеком — командующим чехословацкими войсками, отступавшими к Словакии и Польше. Украинский президент вез предложение о совместной обороне, однако этому плану воспротивился Прхала. Им был отдан приказ об отступлении чехов в Польшу, где они были интернированы. Сам Прхала позднее также укрылся в Польше.

Покинув под нажимом превосходящих сил противника г. Хуст, сечевики пошли в направлении на с. Буштино, где вступили в бой с чешскими пехотными частями, что переходили на румынскую сторону у г. Тячев. Здесь украинцам удалось завладеть частью чешского вооружения и повернуть его против мадьяр. От пассивного поведения чехи перешли к прямой помощи венграм. Так, под г. Тячевым и Солотвинскими Копальнями чехи вооружили местное мадьярское население.

Подтянув моторизованные части, венгры развернули наступление на Буштино. В бою за село погибли полковник М. Колодзинский-Гузар и его адъютант Зенон Коссак.

После поражения часть сечевиков перешла через р. Тису в Румынию. Другая часть украинских сечевиков при приближении венгерских войск отступила в направлении Нересницы и Большого Бычкова. Местное мадьярское население, вооруженное чешским оружием, начало охотиться за группами сечевиков и убивать их на месте без суда и разбирательства. Венграми были расстреляны и гражданские лица — послы Иван Грига, Василий Лацанич, учитель Д. Митрович и другие.

Часть Карпатской Украины заняли польские войска, выступившие на соединение с венгерской армией. Сечевики, сдававшиеся полякам, расстреливались на месте. По свидетельству очевидцев, на третий день венгерской оккупации через украинские села Нижние Ворота, Завадки, Вербьяжье Воловецкого района венгры гнали колонны пленных, избитых сечевиков. В основном это были выходцы из Галиции (являвшейся в то время составной частью Польши) прибывшие на защиту Карпатской Руси. На Воритском перевале венгры передали сечевиков польской погранслужбе. После непродолжительного марша вглубь польской территории сечевиков заперли в подвале казармы, а на следующий день, до захода солнца они были расстреляны у сел Новая Ростока и Вербьяжье.

Румыны, воспользовавшись ситуацией, разоружали украинцев, грабили их до нитки и выдавали венграм на расправу. Многих украинцев после тяжелейших издевательств венгерские власти бросили в концлагерь в м. Ворюлюпош близ г. Нередьгази. Здесь содержались рядовые сечевики, писатели, журналисты и другие представители украинской интеллигенции, а также коммунисты.

По-разному сложилась дальнейшая судьба руководителей и рядовых участников тех событий.

Организаторы Карпатской Сечи братья Климпуши четыре месяца скрывались от венгерских властей в подполье. Узнав об их убежище, венгерское руководство направило к ним офицера Невицкого, который отвез братьев в Будапешт. Позднее братьев выпустили на лечение в Словакию, по окончании которого они возвратились в Закарпатье, где с них

взяли подписку о подчинении местным властям и позволили жить под контролем венгерской спецслужбы.

В 1944 году Дмитрий Климпуш был арестован органами «СМЕРШ» 18-й армии и был направлен в рабочий лагерь в г. Енакиево Сталинской области на шахты. После работы на шахтах Климпуш по болезни был освобожден и выехал на свою родину, где устроился бухгалтером леспромхоза. В 1947 году он был повторно арестован. На этот раз в вину ему поставили членство в УВО, товариществе «Просвита», организацию ОНОКС и шпионаж. После вынесения приговора Климпуш 8 лет содержался в исправительно-трудовом лагере в Иркутской области. Реабилитированы братья Иван, Дмитрий и Василий Климпуши были лишь в 1993 году.

Некоторые украинские отряды предпочитали уходить в горы, чтобы оттуда вести партизанскую борьбу с венграми и поляками. Украинцы вели борьбу вплоть до начала Второй мировой войны.

Члены правительства Карпатской Украины во главе с о. Ростиславом Волошиным бежали в Румынию и далее — в Прагу.

Часть украинский сечевиков во главе с руководством Закарпатского Провода ОУН позднее влилась в состав специальных подразделений немецкой армии. Большинство из имевших боевой опыт сечевиков послужило основой для формирования легиона под командованием полковника Романа Сушко («Бергбауэрнхильфе»), принадлежавшего к мельниковской ОУН. Часть сечевиков стала стрелцами дружин украинских националистов «Роланд» и «Нахтигаль», а также участвовала в деятельности «Походных групп» ОУН в первый месяц Восточной кампании.

Легионы и дружины украинских националистов

В начале нашего рассказа о формированиях украинских националистов приведем диалог, состоявшийся на Нюрнбергском процессе между Главным обвинителем от СССР Р.А. Руденко и бывшим руководителем отдела «Абвер-Аусланд» генералом Лахузенем:

«Руденко: Свидетель, я хочу поставить вам несколько вопросов в порядке уточнения. Правильно ли я вас понял, что повстанческие отряды из украинских националистов создавались по директиве германского верховного командования?»

Лахузен: Это были украинские эмигранты из Галиции.

Р.: И из этих эмигрантов создавались повстанческие отряды?

Л.: Да. Может быть, не совсем правильно называть их отрядами, это были люди, которые брались из лагерей и проходили полувоенную или военную подготовку.

Р.: И какое же назначение имели эти отряды?

Л.: Это были организации, как я уже говорил, состоящие из эмигрантов Галицийской Украины, которые работали совместно с отделом разведки за границей.

Р.: Что они должны были выполнять?

Л.: Задача их состояла в том, чтобы с началом военных действий выполнять распоряжения соответствующих офицеров германских вооруженных сил, то есть те директивы, которые получал мой отдел, и которые исходили от ОКВ.

Р.: Какие же задачи ставились пред этими отрядами?

Л.: Эти отряды должны были производить диверсионные акты в тылу врага и осуществлять всевозможный саботаж.

Р.: То есть на территории тех государств, с которыми Германия находилась в состоянии войны, в данном случае на территории Польши. А помимо диверсий, какие еще задачи ставились?

Л.: Также саботаж, то есть взрывы мостов и других объектов, которые в какой либо степени представляли важность с военной точки зрения. Эти объекты определялись оперативным штабом вооруженных сил.

Р.: А террористическая деятельность?

Л.: Политических задач от нас, то есть от отдела разведки за границей, они не получали. Политические задачи они, очевидно, получали от каких-то других соответствующих организаций империи...»

Начало сотрудничеству украинских националистов с немецкими разведслужбами было положено в первой половине 1930-х годов. Германский отдел Украинской Военной Организации (УВО) под руководством Рихарда Ярого (Рихард Франц Марьян Яри — бывший офицер австро-венгерской

армии) установил контакты с главой штурмовиков Эрнстом Ремом и самим Адольфом Гитлером. При этом Ярый преследовал цель создания и обучения **военизированных подразделений из числа украинских эмигрантов**. В 1933 году между ним и Ремом было достигнуто соглашение, по которому молодым боевикам УВО-ОУН предоставлялись возможности для военного обучения на базах СА. Сам Рем симпатизировал украинским националистам и еще до своего прихода в НСДАП опекал их студенческие кружки в Мюнхене.

Украинская секция русской фашистской организации РОНД также была взята под опеку Абвером, и ее члены были включены в спецподразделение «LEHR und BAUKOMPANIE Z.b.V.800», впоследствии развернутое в полк особого назначения «Бранденбург». К 1940 году этот полк имел в своем составе **украинскую роту**, проходившую обучение в Бадене Венском. Впоследствии это подразделение вошло в батальон «Роланд».

В 1938 году в Берлине было учреждено **Украинское бюро** во главе с полковником Р. Сушко. Основной задачей органа была регистрация и наблюдение за жизнью украинских эмигрантов.

В 1938 году Абвером были созданы **тренировочные центры** для украинских политэмигрантов на озере Химзее под Берлин-Тегелем и в Квенцгуте под Бранденбургом, для подготовки «пятой колонны» для действий в Польше и СССР.

В 1939 году 250 украинских добровольцев проходили спецподготовку в учебно-тренировочном лагере под Дахштайном.

В преддверии крупномасштабных военных действий Абвер приступил к вооружению **групп ОУН** и фольксдойчей на советской территории, контрабандным путем переправляя им оружие через границу.

Украинские добровольцы вербовались с помощью функционеров **Украинского Центрального Комитета** и его «**допоможных**» комитетов во всех крупных городах Польши. Под городами Холм и Бяла-Подляска существовали лагеря для украинских беженцев, где сотрудники абверштелле вели их опрос и вербовку в разведывательно-диверсионные школы.

Действовавшая с 1940 года при Абверштелле «Краков» **школа подготовки разведчиков и диверсантов** комплектовалась из украинцев — жителей Польши, членов ОУН С. Бандеры и А. Мельника. Школа была разбита на четыре лагеря (отделения):

м. Криница — в 100 км на юго-восток от Кракова,
м. Дукла — 125 км на юго-восток от Кракова,
м. Барвинек — в 15 км от м. Дукла,
м. Каменица — в 50 км севернее м. Дукла.

Школа была законспирирована под лагеря трудовой повинности и часть ее курсантов выходила на сельскохозяйственные работы. В каждом отделении школы одновременно обучалось 100–300 человек. В местечках Дукла, Каменица и Барвинек находились члены бандеровской ОУН, в Кринице — мельниковцы.

Руководили школой обер-лейтенант Арендт, капитан Вольф и лейтенант Эггерс.

Украинские агенты занимались военной подготовкой и изучали специальные предметы — разведку, диверсионное дело и организацию повстанческого движения.

После окончания учебного курса часть агентуры направлялась на прежние места работы и использовалась в качестве контрразведчиков. Другие агенты несли охрану заводов на территории Польши в составе «Веркшутца» («Рабочая охрана») и принимали участие совместно с ГФП в операциях по разоружению польского подполья. Выходцы из западных областей УССР проходили дополнительный четырехнедельный курс обучения при соединении «Бранденбург-800» в м. Алленцее, и после окончания перебрасывались с заданиями в Советский Союз. Переброску таких агентов осуществляла специальная резидентура, через переправочные пункты в Венгрии и Словакии.

После начала Великой Отечественной войны школа была расформирована, большая часть ее агентуры была направлена в Нойхаммер, в соединение «Бранденбург-800», оставшиеся в школе были переданы на укомплектование фронтовых команд и групп Абвера.

Одним из первых крупных украинских формирований был так называемый «Легион полковника Романа Сушка» или «Військовий Видил Националістів», в немецких документах он значился как «Bergbauernhilfe» (ВВН). За этим «горно-вспомогательным» названием скрывался хорошо вооруженный отряд членов ОУН полковника А. Мельника численностью в 200 человек. Подразделение было сформировано после

встречи шефа Абвера адмирала В. Канариса с руководством мельниковской ОУН. Отряд формировался в Германии (г. Гаммерштейн) для ведения диверсионно-разведывательной деятельности в тылу польской армии в первые дни нападения Германии на Польшу, имевшую к тому же в своем составе значительную часть Западной Украины. Новобранцами стали украинцы из ОНОКС, успевшие понюхать порох в борьбе за независимость этого никем непризнанного государства. Легион состоял из двух рот, они, в свою очередь, из трех взводов. Личный состав прошел горнострелковую и десантную подготовку в Альпах, помимо этих дисциплин в курс обучения также входили топография, конспирация, диверсионная и строевая подготовка. Штаб-квартира легиона располагалась в Бреслау, а учебный центр в Зауберсдорфе (Австрия). Легионеры были одеты в стандартную униформу Вермахта (по другой информации в чехословацкую, изготовленную из черного материала), но без знаков различия, вооружены автоматами МП-38 и имели свое подразделение мотоциклистов.

К 25 августа 1939 года легионеры были сосредоточены в районе Меджилаборца-Выдрань-Полота, но в бой с польскими частями командование решило их не вводить. Впоследствии легион был отведен с передовой и 1 сентября 1939 года приказом майора фон Деммеля (начальник штабного отдела Абверштелле «Краков») был переформирован в «**Индустриальную охрану**» («**Werkschutz**») — формирование, несшее впоследствии охранную службу промышленных объектов в Западной Польше. Часть легионеров поступила на службу в полицию, другие разошлись по домам. Наиболее подготовленные и преданные ОУН легионеры вошли затем в состав ДУНов «Роланд» и «Нахтигаль». В «Веркшутце» украинская молодежь проходила военную подготовку и рассматривалась руководством ОУН (Мельника) как основа для развертывания в будущем национальных воинских подразделений. Личный состав был одет в зеленую униформу австрийской полиции, было разрешено ношение трезубца на головных уборах.

Некоторые украинские источники сообщают, что легион Р. Сушко все же был использован на польско-немецком фронте и успешно провел захват города Самбор, который впоследствии отошел к советской оккупационной зоне.

Помимо создания легиона, полковник Р. Сушко также производил подбор украинских кадров для обеспечения Вермахта переводчиками и в этом деле преуспел. К моменту нападения на СССР украинские «Долметчеры» продвигались вместе с передовыми частями армии, и, будучи членами ОУН, способствовали созданию местных органов власти и полиции из коренного населения.

В марте 1940 года руководство ОУН, используя возможности Абвера, отправляет диверсионные группы во Львов и Волынь для организации саботажа и акций гражданского неповиновения. В районы Бялы-Подляски и Влодава также забрасываются группы оуновских диверсантов, большую часть из которых нейтрализует НКВД.

В 1941 году в Германии началось создание украинских подразделений — дружин (батальонов) Украинских Националистов (ДУН) «Роланд» (нем. «Rolland») и «Нахтигаль» («Nachtigal» — «Соловей»). В марте 1941 года на переговорах с представителями Абвера и Вермахта (профессора Т. Оберлендер, Г. Кох, Г. Герулис) Степаном Бандерой и Рихардом Ярым были поставлены определенные условия формирования дружин, главным из которых было декларирование цели борьбы ДУНов — за «Самостийную Соборную Украинскую Державу», без принятия немецкой присяги. В соответствии с требованиями националистов ДУНЫ были подчинены в политическом отношении ОУН, область их применения была ограничена Восточным фронтом.

На переговорах также была достигнута договоренность об участии в формированиях членов ОУН (Референтуры Провода ОУН). Общая численность легионеров в соответствии с договором достигала 700 человек. Украинские условия были приняты, несмотря на отсутствие согласия со стороны немецкого политического руководства. Набор рекрутов производила ОУН С. Бандеры. Первый батальон получил кодовое наименование «Организация «Роланд», второй батальон именовался «спецподразделение (zonderverband) «Нахтигаль».

Украинский историк В. Косик пишет, что «фактически каждая сторона пыталась извлечь выгоду из этой ситуации. Украинцам были необходимы люди, наученные владеть оружием.

Немцы же более рассчитывали на пропагандистский результат, что оказывал на население маленький украинский легион».

ДУН «Роланд» была организована в марте 1941 года стараниями Венского бюро ОУН под контролем полковника Р. Ярого. Украинским командиром батальона был назначен Евгений Побигущий — бывший офицер польской армии, немецким командиром — гауптман Новак. Подготовка части личного состава проходила в Австрии (г. Зауберсдорф) близ Вены. Подготовку «роландовцев» вели немецкие офицеры Абвера из «Веркрайскоммандо XVIII» Вены. Все 350 человек получили чешскую армейскую униформу. Во время прохождения курса подготовки «соловьи» были одеты в форму «Рабочей службы» Германии (RAD). Знаки различия офицерского состава «Роланда» были схожи с системой, имевшейся ранее в Украинской Галицийской армии (УГА). Офицеры носили на правом плече погоны-жгуты из узкого серебристого шнура по образу и подобию погон армейских чиновников-зондерфюреров. По некоторым данным, личный состав «Роланда» имел желто-синие (или желтые) нарукавные повязками с надписью «На службе у немецкой армии». Внешний вид роландовцев дополняли чешские пилотки с кокардой в виде золотого трезубца на голубом фоне. Стрельцы были также снабжены австрийскими касками периода 1-й Мировой войны. Немецкие кадры батальона носили стандартную униформу Вермахта.

7 июня 1941 года «Роланд» прибыл из Вены в буковинский город Кимполунг в Румынии и был включен в состав 11-й немецкой армии. 27 июня батальоном был получен приказ о поддержке немецких войск в боевых операциях на реке Прут, захвату и очистке территорий прилежащих к дорогам, организации групп украинской самозащиты, охраны транспортов с продовольствием, помощи в эвакуации пленных и охраны стратегических объектов. Весь июнь основной состав батальона действовал в Румынии под командованием лейтенанта Зиберта. В это же время к нему присоединился полковник Ярый со своим штабом украинских пропагандистов. 2 июля этот штаб был распущен по указу ОКВ, и многие его служащие влились в состав батальона. Ярый отбыл во Львов. 26 июля «Роланд» перешел под командование 54-го Армей-

ского корпуса и принимал участие в «зачистках» территории и охране дорог у реки Днестр. К этому времени «Роланд» насчитывал 9 офицеров и 260 солдат (стрельцов) — 4 роты по 50—65 человек. Командовал «организацией «Роланд» лейтенант Зиберт. Батальон предполагалось пополнить 150 добровольцами-украинцами с «освобожденных» территорий. Вооружение составляли 6 легких пулеметов чешского производства и советские винтовки-трехлинейки. 29 июля «Роланд» оперировал в районе Кишинев — Вадулуй — Вода, после чего был произведен переход через Днестр в Дубоссарах до линии железной дороги Проскуров — Одесса.

В это время штаб 11-й Армии получил телеграмму из вышестоящих инстанций: «После консультаций с рейхсминистром оккупированных территорий Востока организацию «Роланд» требуется исключить из участия в походе по политическим причинам».

В это время «Роланд» производил набор и вооружение местных украинцев, для отрядов самообороны. Новобранцев пришлось распустить, 50 человек из «Роланда» поступили в качестве переводчиков в местные представительства экономической службы Рейха. Им было запрещено заниматься политикой, а впоследствии все они были уволены со службы.

Батальон пешим порядком прибыл в Кишинев, затем 26 августа 1941 года в Фокшаны, где под дулами пулеметов и обезоружен. Личный состав был переброшен в г. Майерлинг близ Вены. 16 сентября Гестапо арестовало руководителя венского бюро ОУН полковника Р. Ярого, капитанов Барабаша и Л. Ортинского, еще двух офицеров «Роланда».

ДУН «Нахтигаль» проходила подготовку в «святая святых» Абвера — в соединении спецназначения «Бранденбург» и на полигоне в Нойхаммере (Силезия). Набор в батальон (350 чел.) производило краковское бюро ОУН. С украинской стороны командовал «Соловьем» Роман Шухевич, являвшийся к тому времени ответственным за военную работу в ОУН С. Бандеры. Батальон был разделен на 4 сотни, командирами которых были назначены немецкие офицеры сотрудники Абвера граф фон Тун Гогенштейн, Миддельхауфе, Шиллер. «Соловьи» носили стандартную армейскую униформу Вермахта. Особенных знаков различия «соловьи» не имели,

и лишь после вступления во Львов личный состав поместил на свои погоны ленточки желто-синего цвета.

За четыре дня до вторжения в СССР батальон был передислоцирован к границе. Командовал им Роман Шухевич, немецким руководителем был командир 1-го батальона полка спецназначения «Бранденбург». В ночь с 22 на 23 июня батальон перешел границу близ Перемышля и, не вступая в бой с частями РККА, двигался по направлению к Львову. В составе 17-й армии он с 29 августа участвовал в боях на львовском направлении.

В Львове к тому времени царил хаос. С первого дня войны активизировалась немецкая «пятая колонна», которую составили оуновские подпольщики и абверовские диверсанты. Агентура успешно противостояла советским войскам и НКВД, захватывала стратегические объекты.

В Львов «Соловей» вступил вместе с 1-м бранденбургским батальоном 30 июня в 4 ч. 30 мин. Его командир Роман Шухевич рвался вперед — к тюрьме на ул. Лонского, где был заключен его брат Юрий. Спасти брата не удалось, так как к тому времени он уже был расстрелян. К тому времени в городе закончились основные бои между местными оуновцами и советскими частями. Батальон занял стратегически важные объекты, главным из которых была радиостанция, что облегчило затем передачу в эфир акта о восстановлении независимой украинской державы, который был провозглашен на ассамблее украинских представителей.

«Нахтигаль» оставил Львов 7 июля и вскоре прибыл в Проскуров, где был присоединен вместе с бранденбуржцами к альпийской охранной дивизии. Вместе с ней он участвовал в тяжелых боях в районе Браилова близ Винницы. Воспользовавшись размещением батальона на отдых в г. Юзвин, члены ДУНа организовывали украинские административные органы и вели национальную пропаганду.

С 30 июня 1941 года в Львове установилась немецкая «влада» и начались массовые репрессии. Шеф айнзатцгруппы «Ц» доктор Раш обвинил в убийствах львовских заключенных «жидов из НКВД», что послужило предлогом для начала террора против львовских евреев и поляков. Кровавыми убийствами евреев «прославилась» айнзатцкоманда под руковод-

ством бригаденфюрера СС Карла Эберхарда Шенгарта. Подразделение этого отряда под командованием Г. Крюгера и В. Кучмана 4 июля уничтожило 23 польских профессора и их родственников, 11 июля убили еще двоих, позднее убили бывшего премьер-министра Польши профессора Бартеля. С осени 1941 года в Львове было образовано гетто.

13 августа 1941 года в «Нахтигаль» поступил приказ о выезде в Нойхаммер. По прибытии «Соловей» был окружен пулеметными расчетами и разоружен. Поводом к этому стали аресты в Львове немецкими спецслужбами глав ОУН С. Бандеры и Я. Стецко по приказу Гитлера, потребовавшего «...привести в порядок эту банду». По другой информации, батальон был ликвидирован из-за растущего среди его военнослужащих недовольства немецкой оккупационной политикой на Украине.

После ликвидации ДУНов были произведены массовые аресты членов ОУН, а оставшиеся на свободе военнослужащие были перевезены во Франкфурт-на-Одере. Здесь было положено начало организации **201-го украинского шуцманшафтбатальона (курень имени Е. Коновальца)**. Батальон начал формироваться после прибытия в Франкфурт 21 октября 1941 г. ДУНа «Роланд». При вступлении в батальон желающие подписывали годичный контракт. Формирование состояло из четырех сотен, командирами которых были 1-й — сотник Р. Шухевич, 2-й — сотник М. Бригидер, 3-й поручик Сидор, 4-й — поручик Павлик, немецкий офицер полиции Мох. Командиром батальона стал майор Е. Побигущий.

Личный состав батальона был одет в немецкую полицейскую униформу, без каких-либо национальных символов. Украинские офицеры первоначально не имели погон, но впоследствии приказом обергруппенфюрера фон Баха они были присвоены офицерскому составу.

16 марта 1942 года батальон получил приказ о выезде на Восток и прибыл в Белоруссию на смену латышскому охранному батальону. Формально украинцы подчинялись 201-й охранной дивизии. По прибытии на место личный состав подразделения был распределен по 12 пунктам, охраняя территорию в 2400 километров, 2-я сотня несла охрану штаба в деревне Бровки.

В сентябре 1942 года 201-й батальон нес охрану дорог в районе Могилев — Витебск — Лепель. Командир батальона Роман Шухевич (он же майор Тур) установил связь с начальником краевого войскового штаба ОУН—УПА полковником Шелестом (В. Сидор) и к повстанцам стало поступать из батальона оружие, боеприпасы, амуниция, а годом позже и пополнение — солдаты из батальона.

В декабре 1942 года, после истечения сроков контрактов батальон был расформирован, а офицеры перевезены под конвоем во Львов и посажены под арест в тюрьму на ул. Лонского. Рядовые стрелцы были распущены по домам, но должны были чуть ли не ежедневно отмечаться в местном Гестапо и сообщать о своем месте нахождения. Некоторым из них удалось скрыться и присоединиться к Украинской Повстанческой армии. Одним из таких беглецов стал Роман Шухевич, впоследствии возглавивший борьбу УПА с Советской властью. После развала батальона немецкое командование предложило всем бывшим стрелцам батальона прибыть на сборный пункт в Люблине для формирования нового подразделения, но на сборный пункт никто не прибыл.

Несмотря на такое окончание боевой деятельности своих дружин, ОУН достигла своей главной цели — прошли курс боевой подготовки и крещение огнем 600 членов организации, которые впоследствии занимали командные и инструкторские должности в структуре УПА. Кроме того, на всем боевом пути ДУНов были созданы местные национальные органы управления и самообороны.

Помимо существования двух ДУНов перед началом военных действий против СССР была достигнута договоренность о сотрудничестве между Вермахтом и **тремя походными группами ОУН**, члены которых (от 3 до 5 тыс. в каждой) следовали в передовых частях Вермахта. Идея создания походных групп ОУН принадлежала краковскому филиалу ОУН, формировать их предполагалось из уроженцев Подляшья, Холмщины и Лемковщины, то есть из выходцев из Галича и Волыни в возрасте 18—45 лет.

Каждой группе был определен собственный фронтовой участок для продвижения: группа «Запад» — цель Киев и его область, группа «Центр» — Харьков и область, группа «Вос-

ток» — Одесса и Крым. Спецгруппа — 15 человек была нацелена на Львов с целью провозглашения «независимой Украинской Державы». 22 июня часть Походных групп начала марш на Восток, под прикрытием документов службы пропаганды немецкой армии. Двигаясь в авангарде немецких войск, «походники», разбитые на малые опергруппы от 7 до 12 человек, успевали создавать местное самоуправление и милицию. Западную походную группу, перешедшую Буг возглавлял Н. Климишин, Центральную, перешедшую через р. Сан у Перемышля, — М. Лемик (впоследствии расстрелянный немцами в Миргороде), во главе Львовской спецгруппы были С. Бандера и Я. Стецко.

Члены каждой группы имели свои отличительные нарукавные повязки: Западная — красную, Центральная — синюю, Восточная — черную. Основным звеном группы был рой (взвод). Именно на это подразделение возлагались обязанности по проведению митингов, помощи местному населению в создании органов местного самоуправления и милиции. Рой передвигался на подводах и велосипедах, распространяя пропагандистскую литературу. Рои стремились обогнать линию фронта и немецкое армейское командование не препятствовало им в этом, однако СД и ГФП вылавливали членов походных групп.

Прибыв во Львов 30 июня 1941 года, группа во главе со Степаном Бандерой и Ярославом Стецко вошла в город и организовала сбор представителей украинского народа, на котором было провозглашено воссоздание «Украинской Державы». Стараниями членов группы в Львове была создана **полиция** (ОД) во главе с И. Равликом. Такое положение продлилось недолго, так как немецкие власти быстро прекратили «самостийность» ОУН, объявив решение сбора представителей украинского народа нелегитимным. Деятельность ОУН была запрещена, после чего организация ушла в подполье, однако джинн из бутылки был уже выпущен — немцы были вынуждены смириться с существованием украинских полицейских частей и подразделений.

Вождь украинских националистов С. Бандера писал: «Конец ДУНов был таким: в революционные ряды возвратился Роман Шухевич с немалым числом старшин, подстаршин и

стрельцов ДУНов, прошедших не только хорошее воинское обучение, но и добывших твердую уверенность и военные знания. Главное, что они принесли с собой — это познание организации, стратегии и тактики партизанской борьбы, испытанной большевиками во Второй Мировой войне и немецкой методики ликвидации партизанских отрядов. Эти знания очень пригодились при создании УПА и разворачивании ее борьбы...»

Украинская полиция и шуцманшафтбатальоны

Стихийный рост украинских полицейских подразделений из местного населения был обусловлен в первую очередь наличием остатков советских воинских частей и групп военнослужащих, оказавшихся в тылу Вермахта и пытавшихся начать партизанскую борьбу. Созданию полицейских воинских единиц способствовало наличие национальной украинской пропаганды и работа членов походных групп и дружин украинских националистов.

Еще летом 1941 года командование немецкой 17-й армии издало распоряжение о создании **групп самообороны и полиции** в украинских селах. Группам предписывалось противодействовать остаточным группам советских военнослужащих и парашютистов. При этом число полицейских не должно было превышать пропорцию 1 полицай на 100 жителей. Служащие полиции также не имели права иметь огнестрельное оружие.

На Волыни в первые дни войны в местечке Степань был организован **отряд украинской милиции** численностью 100 человек под командованием полковника Лиходько. Отряд был вооружен автоматами, револьверами и динамитом. В первых боях с отступающими частями РККА повстанцы убили 8 красноармейцев, а в тяжелом для отряда бою у села Деражня потеряли двух повстанцев и захватили пулемет.

В Ровно 27 июня 1941 года состоялась манифестация, основной темой которой было провозглашение Украинской Независимой Соборной Державы в Львове. На этой манифестации население имело возможность увидеть, как принимал присягу сформированный **курень (батальон) Украинско-го Войска имени Холодного Яра**. Тогда же было освящено жел-

то-синее знамя куреня с владимирским трезубцем на одной стороне, на другой была надпись «Воля Україні, або смерть!». Знамя было изготовлено членами ОУН Ровенской области, под ним подпольщики-националисты провели ряд боев против чекистов. На следующий день курень занял под казарму просторный дом и приступил к подготовке младших офицеров. Комендантом куреня был человек, которого все величали «друг Остап». С августа 1941 года полк получил статус «Восточного учебного батальона» и впоследствии послужил центром создания полицейских формирований действовавших на территории Украины и в Белоруссии.

В Радеховском районе была создана **украинская милиция** для охраны селян, кооперативов и магазинов. Отличительным знаком милиционеров были нарукавные желто-синие повязки. Прибывший в эту местность состав немецкой «ортскомендатуры» был крайне удивлен, увидев эту милицию, но поскольку в селах был порядок, ее было решено оставить.

В г. Перемышле функционировала **школа подготовки личного состава украинских полицейских формирований**. Обучение курсантов, разбитых на две группы продолжалось пять недель и включало в себя следующие предметы: жандармская служба, гражданское и уголовное право, уголовно-процессуальный кодекс, полицейские уставы, оружиеведение, криминалистика, уставы. Занятия вели начальник школы, бывший полковник австрийской жандармерии фольксдойче Красницкий, представитель немецкой жандармерии Мюллер и майор польской жандармерии Яновский.

Одним из центров формирования украинских подразделений была столица Украины. Создание полиции в Киеве было заслугой членов Киевской походной группы ОУН, состоящей из членов Буковинского куреня. В короткий срок походниками было сформировано довольно крупное подразделение, получившее наименование Киевский курень. Его ядром стал **Буковинский курень ОУН и батальон**, сформированный в Житомире из числа военнопленных (700 человек) под командованием бывшего старшины армии УНР сотника Петра Захвалинского. После слияния с личным составом походной группы курень был разделен на роты, взводы и отделения. В ноябре к куреню присоединилось еще 250 добровольцев из

Галичины. К концу 1941 года курень насчитывал примерно 1500–1700 человек. Члены куреня формировали органы местного самоуправления и организовывали полицию в Киевской области, помогали в тушении пожаров и разборке завалов. Комендантом киевской полиции порядка был назначен сотник Захвалинский, а его заместителем поручик Кедюлич. Местом расположения куреня стало здание горотдела милиции на площади Хмельницкого.

Отличительным знаком полицейских была желто-голубая нарукавная повязка, обмундирование же было трофейным, советским.

В начале февраля 1942 года киевское Гестапо произвело многочисленные аресты членов ОУН, в том числе среди участников Буковинского куреня. Многие из них были расстреляны в Бабьем Яре.

После репрессий члены Киевского куреня влились в состав **109, 115 и 116 шуцманшафтбатальонов**.

В Киеве были сформированы следующие полицейские украинские батальоны: 101–111, 113–126, 129–131, 134–140, 143–146, 157–169. **101-м батальоном** командовал бывший майор РККА Вячеслав Муравьев. Общая численность украинских полицейских батальонов составляла 35 тысяч человек. В 1943 году часть полицейских батальонов была включена в состав полицейских стрелковых полков (№№ 31–38) трехбатальонного состава.

109-й батальон под командованием сына известного украинского военачальника времен Гражданской войны, генерала УНР М. Омеляновича-Павленко, был создан из числа буковинцев, военнопленных и добровольцев. Батальон оперировал против партизан на территории Украины (Подолье), но после утраты немецкого доверия был переброшен в Белоруссию, где понес значительные потери. В 1944 году был выведен в Тарнополь, где 200 бойцов ушли в лес в ряды УПА. Переход части батальона в УПА сопровождался кровавыми событиями — были убиты все украинцы — члены ОУН полковника Мельника.

115-й батальон был сформирован в начале 1942 года, когда немецкая армия стала ощущать нехватку в полицейских формированиях для охраны тыла. Тогда было принято решение

о создании ряда украинских батальонов для борьбы с советскими партизанами в Полесье.

Батальон был сформирован из бывших членов Киевской походной группы (Буковинский курень). Его командиром был майор Пфаль, заместителем — гауптман Поль (оуновец Полевой). На первом этапе существования батальон был одет в литовскую униформу и словацкие каски, оружие было трофейным советским. Каждый солдат носил белую нарукавную повязку со своим порядковым номером, (комбат имел № 1). Трезубцы и желто-синие повязки с формы было приказано убрать.

Боевая деятельность батальона началась неудачно. В конце февраля 1942 года в батальон пришло известие о том, что в лесах в 100 км севернее Коростеня у села Хабина советские парашютисты убили нескольких селян за отказ вступить в их отряд. Из батальона была выслана разведка — 1-я рота под командованием сотника Остапенко и двух немецких офицеров. Вооружение группы состояло из советских трехлинеек и одного автомата у немецкого офицера. Рота попала в засаду и была полностью разбита, погибли 1 немец и 3 украинца. Из батальона были высланы на помощь 2-я и 3-я роты под командованием Пфаля. Они же нашли и похоронили убитых. Возвратившись в Киев после столь неудачного начала, батальон занимался охраной артиллерийского парка и строевой подготовкой. В мае 1942 года в батальоне прошли очередные аресты националистов, в основном членов Буковинского куреня и галичан. После репрессий в батальоне стал явно ощущаться недостаток унтер-офицерских кадров, поэтому на эти должности немцы стали назначать бывших старшин РККА. Вместе с ликвидацией национального украинского подполья в батальон стали прибывать бывшие военнослужащие Красной Армии и бывшие белогвардейцы-эмигранты. Командиром 3-й роты стал бывший капитан Императорской армии Некрасов. В июле 1942-го в батальон прибыло пополнение из молодежи, которую первоначально планировалось отправить на работу в Германию. Тогда же на базе одной из рот батальона было начато формирование 118-го полицейского батальона. После окончания комплектования 115-го батальона его состав насчитывал 350 человек.

В августе 1942 года оба батальона были переброшены в Барановичскую область Белоруссии. Начались боевые действия против партизан, с переменным успехом для обеих сторон. Постепенно под действием советской пропаганды бывшие красноармейцы, влившиеся ранее в состав батальона, начали переходить на сторону партизан.

Летом 1943 года батальон получил новую стандартную немецкую униформу полевой полиции, с правом ношения трезубца на пилотках. На левом рукаве мундиров носилась щитообразная нашивка, разделенная по диагонали на желтую и синюю половины, офицерский состав имел на щитке вышитый трезубец.

В октябре батальон получил желто-синее знамя с изображением трезубца и меча и освятил его в православной церкви села Деречин. Тем же летом батальон принимал участие в операции «Герман» против партизан Налибокской пуши.

В январе 1944 года тайная полевая полиция произвела аресты некоторых батальонцев в слонимском госпитале. Впоследствии выяснилось, что арест был спровоцирован доносом агента НКВД, обвинившим раненных в прослушивании московского радио.

Весной и летом 1944 года оба батальона принимали участие в крупных антипартизанских операциях «Сектор-24», «Регеншауэр» и «Фрюллингфест» совместно с русскими и белорусскими добровольческими частями.

Начавшееся отступление немецких войск вынудило 115-й батальон отступить на территорию Литвы.

Сформированный в июле 1942 года на базе одной из рот 115 батальона **118-й шцманшафтбатальон** начал боевые действия против партизан в р-не села Хабина. Первой прибыла сотня буковинцев, которая сразу же вступила в бой с превосходящими силами противника. Вскоре на помощь пришел весь батальон под командованием майора Шудри. Комбат настаивал перед немецкими командирами на одновременном наступлении всех частей, однако немцы решили, что первый идет в атаку батальон, а приданная венгерская часть будет находится в резерве. В ходе боя батальон был окружен и атакован партизанской кавалерией, в результате чего понес неоправданные потери. После боя он был переброшен в Черни-

гов, а в начале 1943 года — в Минск, где был реорганизован, доукомплектован и перевооружен. Были получены немецкие винтовки, минометы, 48-мм орудия, пулеметы «Максим» и ДП. После преобразования батальон действовал в Минском округе вместе со 115-м, 102-м (командир майор Шурыга, бывший офицер армии УНР) украинскими батальонами и 101-м украинско-белорусским батальоном майора В. Муравьева, а также частями РОА, прибалтами, венграми и белорусами.

В 1943 году батальон принимал участие в операции «Герман», вел борьбу с польскими партизанами, окончившуюся заключением перемирия, продлившегося до 1944 года, когда поляки расстреляли из засады 9 батальонцев.

В июле 1944 года оба батальона прибыли на отдых под Варшаву, где получили новые мундиры и каски. Немецкое командование приняло решение о переброске батальонов в Варшаву для участия в подавлении восстания, но затем было решено включить их в состав 30-й дивизии СС в качестве 62-го и 63-го батальонов. Негативная реакция батальонцев на эти события породила дезертирство. Был разработан план о прорыве батальонов к УПА на Волынь, но командир 118-го батальона майор Смовский отговорил солдат от этой акции. В августе 1944 года батальоны были вывезены во Францию в департамент Ду, после чего были объединены в полк. Командирами батальонов были назначены майор Гинцке и капитан Либбе, у которых с первых же дней сложились плохие отношения с личным составом. Еще во время отдыха в Польше украинские офицеры батальона приняли решение о переходе на сторону французских партизан. Инициаторами перехода 62-го батальона были офицеры Белик, Мелешко и Федоров, поддерживавшие связь с маки через польского украинца Н. Цвигуна, эмигрировавшего во Францию в 1937 году. Переход сопровождался пулеметным обстрелом немецкого штаба. Вышедший из городка к партизанам батальон догнал капитан Либбе и предложил вернуться. Украинцы ответили отказом, объяснив, что «немцы предали своих украинских союзников». К партизанам ушли около 500 солдат, с собой увели три 45-мм орудия, 70 подвод и 170 коней.

В движении Сопротивления батальоны были объединены во 2-й украинский курень (полк) имени Т.Г. Шевченко. 1-й

курень имени И. Богуна составляли к тому времени также перешедшие украинцы (102-й украинский батальон). Украинцам было предложено сложить оружие и перебраться в Швейцарию, однако они отказались от предложения, пояснив, что хотят расквитаться с немцами.

После окончания войны 350 украинцев вступило во Французский Иностраннный легион, некоторые предпочли возвращение в СССР.

На территории Западной Украины в Галиции было создано **12 батальонов «Шуцманшафта»** (с 201 по 212) — одиннадцать из них были украинскими, а **212-й польским**. Всего же к концу 1942 года в рядах «Шумы» служило приблизительно 35 тысяч украинцев. Как правило, такие батальоны состояли из четырех пехотных рот (сотен) по 120–160 человек. Вооружение батальона (курень) составляли советские винтовки, пулеметы и минометы.

В декабре 1942 года в Черниговской области были сформированы **2 украинских батальона «Шумы»** из мобилизованных хлопцев 1925–1926 годов рождения. Командный состав был укомплектован молодыми украинскими и немецкими офицерами. После обучения батальоны были размещены в городах Глухове и Эсмани.

В начале июля 1942 года в «Днепропетровской газете» было опубликовано объявление о добровольном наборе молодежи в возрасте от 18 до 26 лет в «**пограничную немецкую полицию**». В то же время в станицах под г. Орджоникидзе присутствовали полицейские-«жовтоблакитники». Они были одеты в немецкую форму, на левом рукаве носили желто-синюю повязку, на пилотке — значок в виде ромба тех же цветов. В помощь этим полицейским формированиям были созданы отряды местной самообороны, вооруженные винтовками-трехлинейками.

Еще одно украинское антипартизанское формирование под командованием Николая Медведского, созданное из бывших повстанцев полковника Бульбы-Боровца и мельниковцев, действовало на территории Луцкого, Кременецкого и Владимир-Волынского районов в 1943 году. Первоначальной целью этого отряда была охрана деревень от немецких карателей, польских и советских партизан. Для нужд отряда была созда-

на своя офицерская школа в г. Луцке, полевой госпиталь, инженерное подразделение. Все легионеры были одеты в старую польскую униформу. Вооружение было разномастным, но впоследствии на вооружении имелись минометы и панцерфаусты. Выходил в свет журнал «Украинский Легионер».

Постепенно легион подчиняло себе местное руководство ОУН Бандеры, и в результате вооруженного конфликта между двумя национальными группировками легион был разоружен. После этого прежнее (мельниковское) командование обратилось за помощью к немцам. На переговорах с местными немецкими властями подразделение получило свободу действий на Волыни. По немецким реестрам оно стало именоваться «**Ukrainische Selbstschutzlegion**» («**Украинский Легион Самообороны**») или «**Волынский легион**» и в оперативном отношении подчинялось СД. Связные функции в легионе исполняли немецкие офицеры Луцкого СД Асмус и Равинг, командиром легиона с немецкой стороны был штандартенфюрер Бигельмайер, адъютант — гауптштурмфюрер Вайхельт.

В 1944 году легион был переименован в «**31-й шуцманшафт-батальон СД**» и передислоцирован на территорию Польши в Буковину и район Кракова, где немцы пытались привлечь его к участию в антипольских акциях. Руководство легиона воспротивилось этому, результатом чего стал арест всех его командиров. В конце 1944 года приказом немецкого командования легион был включен в состав 14-й дивизии СС «Галичина». Прибыв в Словению, легионеры увидели, что дивизия, в общем и целом, является немецкой частью, и решили с помощью местных четников вернуться на Украину. Две трети легиона под командованием хорунжих «Ворона» (Р. Кивелюк) и «Коваля» ушли в лес в долине реки Мур. Надежды украинцев на словенцев не оправдались, так как четники первым делом обратились к местному крайсфюреру¹ с вопросом о том, что же им делать с пришлыми. Весть о беглецах быстро дошла до дивизии, откуда за ними был выслан батальон под командованием майора В.Д. Гайке и с переводчиком Л. Макарушкой. Беглецам было объяснено, что 14-я дивизия хотя и является дивизией СС, однако служит основанием для последующего

¹ Крайсфюрер (нем.) — местный руководитель.

возрождения Украинской Национальной армии. Беглецы согласились вернуться при условии, что не будут привлечены к ответственности за побег. После возвращения Роман Кивелюк был расстрелян, а легионеров распределили по ротам. Легион прекратил свое существование, а оставшиеся в живых его военнослужащие разделили судьбу солдат 1-й дивизии УНА.

«Добровольные помощники» — «Хиви», служившие в немецкой армии, также рассматривались немецким командованием в качестве кадров для формирования охранных сотен и батальонов «Шумы».

Помимо вышеупомянутых частей существовало множество самых разных формирований, созданных для борьбы с партизанским движением. С первых же дней своего существования все они находились под пристальным вниманием советской разведки. В своей «Докладной записке о деятельности украинских националистов на оккупированной территории Украины» начальник Украинского штаба партизанского движения, майор госбезопасности Т. Строкач сообщал в ЦК КПБ(У):

«Украинская полиция комплектуется из добровольцев, кулаков, осужденных при Советской власти за различные преступления, вообще людей антисоветски настроенных. Полицейскую форму не имеют, а носят отличительную на рукавную повязку желто-голубого цвета с определенным номером, соответствующим номеру удостоверения. Вооружены винтовками русского образца.

Каждому полицейскому местный комендант выдает удостоверение, подтверждающее его службу в полиции и разрешающее в любое время суток находиться на улице с винтовкой. Характерно, что удостоверение действительно лишь один месяц и должно продлеваться ежемесячно.

В сельских местностях полиция находится на содержании «общественных хозяйств» (бывшие колхозы), а в городах на бюджетах городских управ.

Для подготовки квалифицированных кадров полиции в ряде городов организованы школы полицейских.

В начале германские фашисты подбирали в полицию только молодежь. В настоящее время принимаются лица 50-летнего возраста.

Для расправы с советскими патриотами, ведущими активную борьбу с оккупантами и изменниками Родины, германское военное командование в оккупированных областях Украины формирует карательные отряды из националистических элементов, украинцев, дезертировавших из рядов Красной Армии и из военнопленных. Эти отряды вооружены русскими винтовками, обмундированы в красноармейские шинели без петлиц и имеют отличительный знак на правом рукаве в виде треугольника желто-голубого цвета. Отряды ведут борьбу с партизанами, несут патрульную службу на основных дорогах. В прифронтовых районах такие отряды используются для ведения военной разведки, вылавливания и расстрела разведчиков Красной Армии».

Боеспособность батальонов и рот напрямую зависела от обстановки на фронте и от отношения местного населения к «защитникам», зачастую увлекавшимся пьянством и грабежами. Случаи перехода групп полицейских на сторону партизан начались с зимы 1941–1942 гг., когда стало ясно, что Москва стоит непокоренная, а Красная Армия способна побеждать. Так, например, в Витебской области украинская полицейская группа из 12 человек при проведении антипартизанской операции в 1942 году перебила всех немецких офицеров и ушла с оружием в партизанский отряд Сергеева. Массовый переход к партизанам начался после победы под Сталинградом.

Помимо формирований на Украине было создано украинское антипартизанское охранное подразделение в Югославии из числа украинских эмигрантов. После провозглашения независимой Хорватской державы украинское эмигрантское представительство под руководством Василя Войтановского приветствовало по радио Загреба независимую Хорватию.

Развал Югославии породил хаос в Боснии, результатом чего стали грабежи и убийства эмигрантов и именно тогда в селах, где жили эмигранты-украинцы, стали создаваться украинское самоуправление и группы самообороны. Студенты-украинцы местных учебных заведений организовали **студенческий батальон (курень)**. Объединение этих двух полувоенных формаций повлекло за собой появление на свет **1-го Украинского полка**. Местные власти Хорватии и Боснии закрывали глаза на существование этой военной единицы, а

итальянцы даже пожелали видеть это формирование в числе своих войск на Восточном фронте и развернуть на его базе украинскую дивизию. Хорватское правительство прилагало усилия для отправки Куреня на Восточный фронт, учитывая нежелание украинцев воевать в немецком тылу против партизан тех стран, что дали им приют. Слухи о возможной отправке Куреня на Украину всполошили всю эмиграцию. После наплыва добровольцев Украинское представительство могло рассчитывать на 25 тысяч рекрутов.

Личный состав полка был одет в хорватскую униформу с национальными знаками различия и знаменем. В декабре 1941 года полк принял присягу на верность Украине, после чего каждому были вручены знаки отличия с изображением трезубца с мечом. Большинство его военнослужащих составили члены мельниковской ОУН. Командиром полка провозгласил себя самозванец атаман Паньков и по приказу немецкого командования полк выступил против местных партизан. Ответные меры со стороны четников и красных партизан не заставили себя ждать. Постепенно полк и украинское представительство начали разлагаться. После советского наступления они покинули Загреб, где остался один Войтановский. Вместе со своим соратником Андреем Я. он сжег библиотеку и архив украинского представительства, после вступления частей Красной Армии ушел в подполье, но вскоре был арестован СМЕРШем и помещен в тюрьму. Вместе с ним в то же время советская разведка захватила Панькова, которого в отличие от Войтановского содержали в комфортабельном гостиничном номере, и носили еду и сигареты из ресторана, после чего освободили из-под домашнего ареста и выслали в другой район.

Василия Войтановского, местного руководителя ОУН в Хорватии, его супругу и сына, молодого поручика Владимира, доктора медицины М. Степанчишина и трех других украинских эмигрантов расстреляли в Загребе. Дальнейшая судьба Украинского полка неизвестна.

У формировавшихся в тылу Восточного фронта украинских полицейских подразделений было множество задач, планировалось также и их использование на фронте. В уже цитирувавшемся нами ранее докладе Т. Строкача, говорится следующее:

«...Германское командование на территории Украины в начале текущего года приступило к формированию частей так называемой «Украинской армии», продолжающемуся по настоящее время. Формирования этих частей оккупанты проводят при активной помощи той части украинских националистов, которая полностью продалась фашистам. В различных оккупированных областях Украины сформированные части носят различные названия, как-то: “Всеукраинской Освободительной Армии” (ВУА), “Украинской Национальной армии”, “Вільні козаки”, “Українські козаки”, “Українські полки” и т.д.

Комплектование частей украинской армии идет за счет вербовки в них украинских националистических элементов из числа дезертиров и военнопленных, кулаков и уголовников. Повсеместно имеются факты насильственного вовлечения молодежи в “Добровольческие части” украинской армии, особенно среди военнопленных.

Личный состав сформированных частей проходит обучение под руководством немецких офицеров, обучаясь строевой службе и умению владеть оружием. В Полтаве и Киеве существуют специальные школы “ВОА”.

Сформированные части используются на фронте для борьбы с Красной Армией, в обозах немецкой армии, для борьбы с партизанами на оккупированной территории, по охране лагерей для военнопленных и железных дорог. По другим данным эти части формируются и готовятся для посылки на фронт против Англии.

Форма одежды этих частей различна. Большинство из них одеваются в серые красногвардейские шинели, некоторые части носят серые шинели со стоячими воротничками, на петлицах знак черепахи и немецкие погоны желтого цвета. Отдельные части носят синие жупаны, многие части одеты в форму немецких солдат...

...В марте 1942 года на территории Винницкой области германским командованием был создан отряд “Вільне Козацтво” для борьбы с партизанами, в состав отряда были набраны дезертиры и военнопленные. Когда отряд был вооружен немцами и обмундирован, все эти “вільні козаки” бежали в леса, начали партизанить, совершая налеты на немецкие войска. Из рассказов крестьян с. Белополье, Сыроватки Сумской области

известно, что в «Украинскую Национальную армию» идут только сынки кулаков и прочий антисоветский элемент, а также бывшие военнопленные, бежавшие или отпущенные из лагерей, скитавшиеся голодные и вшивые, доведенные до отчаяния».

В Курской области в 1942 году было распространено объявление немецких властей об условиях службы в «Украинской добровольческой армии». Семье каждого добровольца обещалось единовременное пособие в размере 500 рублей, 5 пудов муки, освобождение от внесения установленного налога посевным материалом, а также лучший земельный надел.

Украинские полицейские формирования существовали под присмотром немецких спецслужб или их создание было напрямую санкционировано ими. Так, военные отряды «**Вольного Казачества**» были созданы для пополнения рядов украинских разведчиков-диверсантов. В Берлине в октябре 1944 года была создана **разведывательно-диверсионная школа**, именованная «Школой Вильного Козатцтва». Возглавлял ее полковник Терешенко.

Школа вела обучение агентов-пропагандистов, разведчиков, диверсантов и радистов для действий в составе подразделений УПА в советском тылу и для внедрения в советские партизанские отряды. Слушатели вербовались из среды украинских националистов и остарбайтеров на заводе «Кабельверке», производстве фирмы «АЕГ», химическом заводе и пр.

В школе одновременно обучалось до 250 человек, треть из которых были женщины. Слушатели были разбиты на группы по 20–30 человек в зависимости от специализации — радисты, разведчики и т.д. Мужская половина слушателей были одеты в военную форму, женщины — в гражданское платье. Преподавательский состав носил немецкую униформу со знаками различия УВВ и трезубцем на головном уборе.

Выпускники школы забрасывались в районы действий ОУН–УПА, где должны были создавать диверсионно-повстанческие отряды и совершать теракты.

В марте-апреле 1945 года школа передислоцировалась на две недели в Чехословакию, затем в Австрию, где была расформирована. Курсанты санитарной группы были захвачены советскими войсками в районе Берлина.

Еще одно специализированное «учебное заведение» функционировало в местечке Травники близ г. Люблина на территории бывшего сахарозавода. Здесь был создан рабочий лагерь для евреев, а при нем учебный лагерь охранников, набор которых велся из числа восточных добровольцев. Данный орган именовался **«Учебный лагерь СС «Травники» (Ubungslager SS Travniki)**. Помимо украинцев здесь обучались ремеслу охранника русские, белорусские, прибалтийские и «туркестанские» добровольцы. Лагерь состоял из двух батальонов и унтер-офицерской школы. За все время существования через него прошло до 5 тысяч человек. Кроме добровольцев в лагере служили физически здоровые военнопленные из сборных лагерей (шталагов). Все прибывавшие на обучение в Травники подписывались под следующим обязательством: «Мы, военные заключенные, вступаем добровольно в германские отряды СС для защиты интересов Великой Германии». Курс подготовки охранника длился примерно полгода и включал в себя изучение методики конвоирования и охраны заключенных, физподготовку, стрельбу. В 1942–1943 гг. «травники» стали использоваться на охране лагерей смерти Собибор, Хелмно, Майданек, Бельзец, Трешлинка и концентрационных лагерей — Освенцим, Штуттхоф. В апреле 1943 года «травники» участвовали в подавлении восстания в Варшавском гетто.

Конец войны большинство военнослужащих украинских полицейских батальонов встретило в рядах национальных дивизий СС — 14-й дивизии «Галичина», 30-й русской, дивизиях КОНРа. Многим посчастливилось остаться на Западе, кое-кто пытался скрыться от наказания в СССР. Таким оказался бывший сержант РККА, командир **полицейского батальона «Генерального округа Харьков»** Александр Посевин. Свою службу у немцев он начал в лагерной полиции, затем был зачислен в состав формировавшегося харьковского батальона, на должность командира роты. В августе 1942 года батальон был сформирован из числа военнопленных и местных пособников. Командирами рот были бывшие военнослужащие РККА Высоцкий и Матяш. Полицейские проводили облавы на рынках города, конвоировали арестованных и приводили в исполнение приговоры. Сам Посевин не брезговал лезть в

яму с расстрелянными и производить контрольные выстрелы в своих жертв. Основным местом работы Посевина был городской парк Сокольники — место массовых расстрелов. Всего в парке было убито 400 тысяч человек.

В 1946 году Посевин «оборотился» в одном из колхозов Дрогобычской области в виде демобилизованного сержанта Советской армии вместе с женой и сыном. Работал хорошо и в 1951 году был принят в партию, стал депутатом сельского Совета. Дальше — тихое ветеранство, встречи с местными школьниками, получение медалей и подарков. Зарвавшись, Посевин потребовал вручения ордена Отечественной войны. Это его и погубило — военкомат начал тщательно проверять документы ветерана. При этом никаких документов и записей за 1942–1943 гг. на сержанта Посевина в архивах обнаружено не было. На вопросы Посевин отвечал, что-де был грех, был на оккупированной территории, служил рядовым в полиции. Последовало исключение из партии. Исключенным заинтересовалось Запорожское управление КГБ. После окончания следствия Посевин был приговорен к высшей мере наказания, которую его сослуживцы-каратели получили еще в 1943 году.

Украинцы в СС и Вермахте или «Наши герои лежат под Бродами»

Из диалога времен начала перестройки:

— Почему в Львове не чествуют героев Великой Отечественной?

— Наши герои лежат под Бродами...

Истоки формирования украинского соединения войск СС обнаруживаются в июне 1941 года, когда представители украинских ветеранских организаций создали в Кракове административно-организационное ядро для последующего создания национальных воинских частей в рядах немецкой армии. Бывший офицер Украинской Галицийской Армии полковник Альфред Бизанц (являвшийся также и офицером немецкой военной разведки) уведомил свое берлинское руководство об интересе к созданию украинских формирова-

ний со стороны генералов Михаила Омеляновича-Павленко, М. Капустянского, полковников Р. Сушко, И. Стефанова, П. Дьяченко, капитана М. Хроновята. Все эти украинские офицеры ранее также служили в рядах австро-венгерской, Украинской Галицийской и армии Украинской Народной республики, сражались против Советов.

В июле 1941 года предводитель Организации Украинских Националистов полковник Андрей Мельник обратился к Гитлеру с просьбой о создании украинских войсковых формирований в составе немецкой армии. Просьба полковника осталась без ответа.

7 июля 1941 года профессор В. Кубийович, председатель Украинского Центрального Комитета, обратился к генерал-губернатору Галичины Г. Франку с письмом, в котором просил немецкое руководство создать украинское воинское формирование. По Галичине начали быстро распространяться слухи о положительном решении вопроса. Первый набор рекрутов был произведен успешно, но впоследствии все они были распределены малыми группами по немецким частям. До 1942 года немцы так и не решились начать создание крупных украинских воинских частей. Так продолжалось вплоть до катастрофы Вермахта под Сталинградом. После поражения ввиду нехватки личного состава командование 1-й танковой армии издало приказ от 19 февраля 1942 года о наборе украинских рекрутов в состав немецких подразделений. Впоследствии украинские группы по 50–60 человек участвовали в боевых операциях в составе немецких частей и были объединены под командованием группы Ферстера.

После поражения под Сталинградом бригаденфюрер СС, губернатор Галичины доктор Вехтер прибыл в Берлин к рейхсфюреру СС Гиммлеру с ходатайством о формировании украинской дивизии. Гиммлер согласился, определив статус украинского добровольца СС равный немецкому военнослужащему, отличие было только в одном — было разрешено иметь своих священников, чего в других формированиях войск СС не допускалось.

Параллельно с вопросом о создании украинской воинской части шло решение вопроса о принятии закона о частной земельной собственности в Галичине. От решения данной

проблемы полностью зависело желание местного населения идти на Восточный фронт. После публикации закона планировалось развернуть кампанию агитации для вовлечения молодежи в формирование.

В Берлине Вехтер провел совещание с генералом СС Вальтером Крюгером, шефом полиции безопасности генерал-губернаторства Фридрихом-Вильгельмом Крюгером и группенфюрером СС Готтлобом Бергером. На нем было принято решение о создании в рамках войск СС украинской дивизии, именуемой в дальнейшем «СС добровольческая дивизия «Галичина».

По предварительным подсчетам, в дивизии должно было служить 600 офицеров, 2 тысячи унтер-офицеров, 50 врачей и 20 ветеринаров. Было решено привлечь в дивизию 300 бывших офицеров-украинцев, служивших ранее в армии Австро-Венгрии, 100 офицеров-украинцев из польской армии и 100 из армии Украинской Народной Республики, из этих же источников предполагалось произвести набор унтер-офицеров. Для формирования дивизии немцы предоставили 600 своих офицеров. Униформа должна была быть стандартной, на правом рукаве должна была быть размещена щитообразная нашивка с изображением галицкого льва и трех корон. Рисунок с трезубцем был отвергнут, так как лев — герб Галичины имел значение символа регионального, а не всеукраинского уровня. Была также достигнута договоренность о поставке дивизии повозок и лошадей местным населением. Предусматривалось создание военного оркестра.

К новобранцам предъявлялись следующие требования: рост — не менее 1 м. 65 см, возраст — не менее 18, но не более 35 лет. Члены ОУН С. Бандеры призыву в дивизию не подлежали.

28 апреля в Львове был провозглашен акт о создании украинской дивизии войск СС, в котором подчеркивалось, что дивизия создается не для полицейских целей, а для действий на фронте. Губернатор Вехтер негласно запретил ведение всяческих разговоров о том, что дивизия является союзной немцам воинской частью, наоборот, факт существования дивизии рассматривался как свидетельство желания украинцев бороться за «Новую Европу». Было запрещено использование знамен с изображением владимирского тризуба, вместо него рекомендовался все тот же галицкий лев.

Для формирования дивизии была создана украинская Войсковая Управа, в которую вошли бывшие офицеры австро-венгерской и украинской армий и представители Украинского Центрального Комитета — единственной гражданско-административной структуры, которую признавали немцы.

Во главе Войсковой управы встал бывший полковник армии УНР Альфред Бизанц. Почетным главой Управы был избран генерал Австро-Венгерской и Украинской Галицийской армий Виктор Курманович. Ответственным за учет и подготовку украинских офицерских кадров для дивизии стал политик и публицист Дмитро Палиев, впоследствии погибший под Бродами. Войсковой Управой также выпускалась малоформатная 4–8 полосная газета «До перемоги», редактировал которую М. Островерха.

Военная Управа развернула по Галичине сеть своих вербовочных пунктов. Пропаганда, способствовавшая притоку добровольцев, утверждала, что дивизия является продолжательницей «славных традиций Украинских Сичевых Стрельцов (УСС)». Селянам говорилось, что сокращение «СС» в названии дивизии расшифровывается как «сечевые стрельцы». С приближением фронта на Управу было возложено проведение эвакуации семей военнослужащих.

До 2 июля 1943 года на вербовочные пункты прибыло 53 тысячи рекрутов, из них годными были признаны 27 тысяч, из них призвано 19 тысяч, к месту сбора дивизии прибыло 13 тысяч.

Одновременно с набором молодежи в дивизию немецкие вербовщики во главе с гауптбаннфюрером Никелем производили по Украине набор 15–17 летних подростков обоего пола для службы в войсках ПВО. О добровольности никакой речи здесь не было, подростков насильно мобилизовывали. Весной 1943 года в Галичину прибыл обербаннфюрер Гаупт для проведения повторного набора. Украинский Центральный Комитет и Военная Управа резко возмутились такой форме работы, однако немецкие власти смотрели на это сквозь пальцы. «Методы набора были просты — детей просто гнали в армию», — сообщил на заседании Управы ее член Зенон Зеленый. Подростки должны были прослужить в ПВО 2 года, после чего подлежали переводу в украинскую дивизию. Всего

из Галиции было мобилизовано семь тысяч хлопцев и тысяча девчат, опеку над которыми поручили отделу молодежи Управы. На территории Германии была создана дополнительная группа украинских помощников ПВО «Рейх», аналогичное подразделение было организовано в Брандсдорфе (Силезия). Немецко-украинский комитет по работе с молодежью располагался в Братиславе.

Управой были проведены успешные переговоры с оберштурмфюрером Шмукерлагом о включении в состав дивизии 10 тысяч подростков из «Рабочей службы» (Vaudienst), дислоцированной в районе Дрогобыча.

Митрополит А. Шептицкий благословил на пост религиозного «командира» дивизии отца Василия Лабу, служившего во время 1-й Мировой в Австрийской армии, а в 1919 году священником в Украинской Галицийской армии.

Формирование дивизии не осталось незамеченным со стороны ОУН—УПА С. Бандеры. Шухевич предложил руководству ОУН внедрить членов организации в ряды дивизии. Предложение было принято и впоследствии в составе каждой роты дивизии находилось по одному «бандеровцу». Таким образом, ОУН(Б) была в курсе всего происходящего в дивизии, сформированной стараниями ее политических оппонентов-мельниковцев и немцев. В июле 1943 года Шухевич встретился с офицером связи «Галичины» Любомиром Макарушкой и на встрече была достигнута договоренность о том, что ОУН(Б) не будет бойкотировать создание «Галичины», но и помощь оказывать тоже не станет. Впоследствии отряды УПА ОУН(Б) с удовольствием принимали в свой состав солдат «Галичины».

Под Тарнополем значительная часть личного состава 3-го полка ушла в лес, чтобы затем стать основой для формирования военной группы УПА «Лисоня». Во время боя под Бродами 3 тысячи дивизионников также ушли в лес. Подполковник Онуфрик впоследствии возглавил школу подготовки старшинского состава УПА «Олени», майор М. Лукачевич возглавил группу «Волки», сотник В. Гошка — Дрогобычский курень УПА. Боевой опыт и выучка этих солдат высоко ценились в УПА и из них формировались элитные подразделения Службы Безопасности.

Первые эшелоны с добровольцами выехали на обучение в Брно (Чехия) и в Гайделагер близ Дембицы (Польша). Всего на обучение отбыло 14 689 человек. В Гайделагере из украинцев был создан SS-Freiwilligen Ausbildung Batalion Z.b.V. включавший в себя 12 сотен (рот). 22 января 1944 года в дивизию был включен личный состав **204-го украинского батальона «Шумы»**.

После окончания обучения и принятия присяги курсанты были распределены по учебным подразделениям СС по всей территории Рейха. Офицерские кадры готовились в Чехии в г. Позен-Трескау.

В соответствии с приказом Г. Гимmlера от 5 июля 1943 года было сформировано **5 полков №№ 4–8 (Galizische SS-Freiwillige Regiment** — в некоторых источниках эти полки значатся как полицейские), обучение личного состава которых производила немецкая полиция. Эти боевые единицы набирались и обучались военной полицией, которая стремилась за счет призыва украинской молодежи, мобилизованной на работы в Германию, возместить свои потери в личном составе. Соперничество полиции с СС дошло до того, что в полки набирались юноши ростом 160–164 см — заведомо непригодные для службы в войсках СС. Таким образом, полиция рассчитывала оставить эти части у себя, надеясь на отказ СС от приема низкорослых солдат.

4-й полк был размещен в р-не Цаберн-Заальрабен-Триер (командир — майор Бинц), впоследствии нес охрану тыла немецкой армии на Украине в районе Золочев-Броды-Радехов-Збараж. В феврале 1944 г. подразделение полка принимало участие в карательной экспедиции против хорошо укрепленного польского села Гута-Пеняцка, являвшегося крупной партизанской базой для советских и польских партизан. В бою погибло 2 солдата, село было уничтожено вместе с жителями.

5-й полк дислоцировался в районе Данциг-Лангфурт (командир — полковник Лехтгаллер), позднее действовал в антипартизанских акциях в районах Люблина, Грубешева и Холма. Под Холмом одно из подразделений полка ушло в УПА. В конце июля 1944 года полк оборонял побережье р. Буг.

6-й полк в районе Зюдавен-Граево (полковник Кюн, 1800 человек), был сформирован из молодежи Перемышля, Ярослава, Львова. Передал на формирование дивизии 1200 чел.

7-й — во Франции, Салье-де-Берн — Ортез (полковник Г. Губер, 1671 человек). Это формирование недолго размещалось во Франции и в декабре 1943 года передало 745 чел. из своего личного состава в Гайделлагер.

8-й полк планировалось развернуть на базе «1-й Школы вооружения» в Дрездене — Геллеране, но сформирован полк не был, в него вошли остатки 6-го и 7-го полков в р-не По и Тарб (Западная Франция), впоследствии из них был создан запасной батальон. В 1945 году этот батальон перешел с оружием на сторону французских партизан и стал украинским отрядом под командованием майора Леграна.

22 апреля 1944 года из штаб-квартиры СС в полки поступил приказ о передаче 4-го и 5-го полков в формирующуюся дивизию «Галичина». Полицейское командование приказ проигнорировало. Повторный приказ поступил в более категоричной форме, и его с неохотой исполнили, когда дивизия уже отбыла на фронт под Броды.

Приказом о формировании дивизии от 30 июля 1943 года ответственным за акцию был назначен бригаденфюрер и генерал-майор СС Вальтер Шиманн. В начале февраля 1944 года в Гайделлагер поступил приказ о формировании боевой группы из 1 батальона, дивизиона легкой артиллерии, саперного подразделения для участия в антипартизанской операции. Мотивировалось это наличием приказа Г. Гиммлера. Руководство формирующейся дивизии отказалось выделить группу, но поступил повторный приказ. Впоследствии выяснилось, что рейхсфюрер ничего не знал о подобном распоряжении.

Была сформирована **боевая группа** под командованием полковника **Байерсдорфа**, начальник штаба капитан Кляйнов. Пехотные батальоны возглавлял капитан Бриштот (1-й батальон) и подполковник Рембалевиц (2-й батальон), дивизион полевой артиллерии — майор М. Палиенко, разведподразделение — подполковник Р. Долинский. Группа из 2 тысяч человек выехала тремя эшелонами в Галичину и Холмщину. Боевая работа свелась к совершению бесконечных маршей по пересеченной местности в поисках партизан. Безрезультатно потратив время, группа через 4 месяца вернулась в Гайделлагер.

В конце 1943 года в формирующуюся дивизию прибыл ее командир СС-оберфюрер Фриц Фрайтаг — суровый и честолюбивый военный бюрократ. Начальником штаба дивизии был назначен майор Вермахта Вольф Дитрих Гайке. В период формирования всеми тремя полками дивизии командовали украинские офицеры:

1-м полком — майор Евгений Побигущий, бывший офицер польской армии, командир ДУНа «Роланд» и украинского батальона «Шумы». Впоследствии полк получил № 29 и нового командира — подполковника Деерна.

2-й полк (затем переименован в 30-й полк) возглавил майор Борис Барвинский, впоследствии — подполковник Форстройтер.

3-м командовал капитан Степан Котиль, затем, когда полк получил № 31, его возглавил полковник Панир.

Командиром артиллерийского полка был назначен полковник Байерсдорф. Капитан Карл Бриштот стал командовать стрелковым батальоном. Остальные командные должности заняли майор Рембергер (фузилерный батальон), майор Кюстер (зенитный дивизион), майор Кляйнов (резервный батальон).

Украинским офицерам достались всего три командирских поста:

командир 3-го батальона 29-го полка — Михайло Бригидер, командир 1-го б-на 29-го полка — майор Евген Побигущий, командир дивизиона тяжелой артиллерии — Микола Пащенко.

Немецкое руководство четыре раза меняло официальное название дивизии. Наименование «СС добровольческая дивизия “Галичина”» в июле 1944 года было заменено на «14-ю СС Добровольческо-гренадерскую дивизию (галицийская № 1)», 27 июля дивизия уже именовалась как «14-я Ваффен-Гренадерская дивизия СС (галицийская № 1)».

В мае 1944 года дивизия закончила обучение. Тогда же место формирования в Нойгаммере посетил с инспекционной проверкой Гиммлер. К тому времени дивизия состояла из трех пехотных полков (29-го, 30-го и 31-го), артиллерийского полка, дивизиона связи, саперного и фузилерного батальонов, дивизионов зенитной и противотанковой артиллерии, батальона охраны, конного эскадрона, отдела полевой

жандармерии (после Бродов — сотня), музыкальной роты, 2-х технических рот, запасного батальона и учебного полка.

Штаб дивизии состоял из отделений:

- 1а — тактический;
- 1в — отвечал за вооружение, транспорт и амуницию;
- 1с — разведка;
- 2а — картотека офицерского состава;
- 2в — картотека унтер-офицерского и рядового состава;
- 3 — полевой трибунал;
- 4а — отвечал за обмундирование и продовольствие;
- 4в — санитарное обеспечение;
- 4с — зубоврачебное обеспечение;
- 5 — автоколонна и мехчасть;
- 6 — пропаганда и идеологическая работа.

Дивизия имела на вооружении немецкое оружие, но после боевых действий в Словакии получила также качественное оружие чешского производства.

Пехотный полк дивизии состоял из двух батальонов и 13-й и 14-й рот, после сражения под Бродами эти роты были преобразованы в егерские для ведения разведки. Батальон (курень) состоял из трех стрелковых рот, вооруженных легким оружием и 1 роты тяжелого оружия. Рота (сотня) состояла из трех взводов и одного отделения гранатометчиков. Взвод в свою очередь включал в себя три отделения (1 старшина и 9 стрелцов в каждом) и имел на своем вооружении пулемет МГ-38 или МГ-42, стрелки были вооружены немецкими винтовками Маузер или одноименными карабинами, старшина имел пистолет-пулемет МП-38 и пистолет.

Рота тяжелого оружия состояла из трех взводов тяжелых пулеметов, взвода 80-мм минометов и насчитывала 230 человек и 57 лошадей.

Помимо 75-мм орудий дивизия имела на вооружении батареи 20-мм, 37-мм и 88-мм (ФЛАК) орудий.

В июне 1944 года дивизия была включена в состав 13-го Армейского корпуса генерал А. Хауффе, входившего в 4-ю танковую армию группы армий «Западная Украина». Реально оценивая свои силы, дивизия «Галичина» могла бы успешно защищать фронт шириной 8–12 километров, а получила 36-километровый участок второй линии фронта. К тому

же на фронте ощущалась нехватка танков, и отсутствовало надежное авиационное прикрытие.

Немецкое командование надеялось на то, что советские части обойдут район г. Броды, однако надежды эти не оправдались и 13 июля 1944 года после массированной артподготовки советские войска развернули наступление на правое крыло 13-го корпуса в стык 4-й и 1-й немецких танковых армий. С начала боя оказалось выбито руководство 13-го Корпуса — автомобиль со штабными офицерами наехал на мину. В частях начался хаос, советские танки двинулись по двум направлениям: Тарнополь — Львов и на запад от Бродов, в результате чего 13-й корпус оказался в клещах.

Вместо использования «Галичины» единым кулаком немецкое командование предпочло бросать ее в бой отдельными полками. Полки встали перед прорывающимися советскими танковыми частями в долине Сасова и Ясенова. Развернулись ожесточенные бои за села Пеняки, Гуту Пеняцку, Гуту Верховбузскую, Суходолы. Развалины старинного замка в Подгорцах по несколько раз переходили из рук в руки.

16 июля пал Золочев, и советские войска вышли к Буту и замкнули Бродское кольцо. В ночь с 17 на 18 июля немецкие и украинские части предприняли попытку вырваться из кольца и соединиться с 8-й танковой дивизией, но попытка окончилась неудачей. 19 июля советскими частями был взят г. Колтев и кольцо окружения сжалось. Образовался котел размером 9 на 8 километров, в котором оказалось 65 тысяч человек.

В это трагическое для дивизии время Фриц Фрайтаг отказался командовать украинцами, и командование принял генерал Линдемманн. Прорыв дивизии планировался на предрассветные часы, однако операция началась днем, когда уже взошло солнце.

Прорывавшиеся были встречены огнем из всех видов оружия и танками. Генерал Хауффе и его начальник штаба погибли, 13-й корпус перестал существовать. Из Бродского котла вырвалось 800 человек галичан. В котле погибло 30 тысяч солдат и офицеров, 17 тысяч попало в плен. С такими результатами началась Львовско-Сандомирская военная операция Красной Армии.

Вышли из котла командир «Галичины» и начальник штаба, погибли два украинских офицера М. Палиенко и Д. Палиев. Остатки дивизии прошли по маршруту Стрия — Дрогобыч — Самбор — Спас — Ужоцкий перевал и стали собираться в районе городов Ужгорода и Мукачева. К пробившимся прибыл Вехтер, которому Фрайтаг сразу же пожаловался на то, что украинцы испортили ему карьеру в СС.

Из Закарпатья остатки дивизии были переброшены в Нойгаммер на переформирование. Окончательный подсчет потерь показал, что из 11 тысяч человек украинцев из Бродского котла вышло 3 тысячи, включая запасной батальон и техническую роту (сотню). Не принимавший участия в сражении учебно-запасной полк сохранил свои кадры — 8 тысяч человек. К отрядам Украинской Повстанческой армии присоединились около 3 тысяч дивизионников. Среди них были подполковник Б. Онуфрик — впоследствии начальник военной школы УПА «Олени», майор М. Лукачевич (возглавил сотню группы «Волки»), сотник В. Гошка — впоследствии командир Дрогобычского куреня УПА и др.

5 сентября 1944 года вышел приказ о новом формировании дивизии, в соответствии с которым она должна была быть подготовлена до 31 декабря.

В Нойгаммер прибыла тысяча немецких офицеров и унтеров — учебный персонал. Дивизия отправила своих кандидатов на обучение в офицерские и унтер-офицерские школы. Из учебных частей прибыло 200 командиров рот и два батальона егерей, состоящих из румынских фольксдойчей. Несмотря на прибытие такого пополнения, ощущалась нехватка опытных инструкторов. Под Бродами был также утрачен весь конский состав — основная тяговая сила дивизии.

30 августа 1944 года в Словакии началось восстание против правительства Йозефа Тисо. Часть словацкой армии во главе с министром обороны Ф. Чатлошом поддержала мятежников. 28 сентября главное командование СС издало приказ, согласно которого «Галичина» передислоцировалась в Словакию в распоряжение обергруппенфюрера СС Г. Бергера. Дивизии поручалось нести охрану района М. Жилин и продолжать обучение. Дивизия прибыла в Словакию 15 сентября 1944 года. Штаб разместился в г. Жилин, полки дивизии в окрестных селениях.

Вскоре поступил приказ, предписывающий создание **боевой группы** в составе 1-го батальона из состава 29-го полка, батальона легкой артиллерии, двух истребительно-противотанковых подразделений и частей связи и обеспечения. Командиром этой боевой группы был назначен подполковник Карл Вильднер, уроженец Словакии. Формирование группы началось 19 сентября, а 28-го эшелоны выехали в Словакию.

В отведенном для действий районе группа обеспечила охрану железнодорожной линии Ружемберок — Жилина и промышленных предприятий. После прибытия группы в течение десяти дней район был полностью очищен от партизан.

В конце октября 1944 года группа принимала участие в противопартизанской операции в районе Банской Быстрицы против красных партизан и частей восставшей словацкой армии. Банска Быстрица пала 28 октября, словацкие части капитулировали, партизаны отступили в горы. 3-й батальон 30 полка под командованием лейтенанта Виттенмайера перерезал им дорогу из Ружемберока на запад. Операция закончилась успешно, дивизия пополнила запас оружия за счет трофеев.

В начале декабря 1944 года отбыла на фронт **боевая группа** в составе 29-го полка и вспомогательных частей под командованием полковника **фон Дерна**.

В период пребывания в Словакии «Галичина» получила пополнение. В качестве такового прибыли украинцы, ранее отправленные после Бродского сражения на обучение в 5-ю дивизию войск СС «Викинг». В «Викинге» украинцы были распределены по полкам «Германия», «Вестланд» и другим боевым единицам. Военной Управой для них был выделен духовник — отец Юлиан Габрусевич. Основные потери (200 человек) украинцы понесли в районе Модлин — Легионово, где им противостояли части НКВД.

В ходе прочих боев в живых осталось 500 человек, которые после соответствующего приказа СС-Гауптамта возвратились в дивизию. На торжественных проводах командир «Викинга» штандартенфюрер Ульрих прочитал приказ о переводе и отметил превосходные воинские качества украинских солдат.

Уехавшие в июле 1944 года на обучение в Венгрию курсанты лагеря Нойгаммер (1000 человек) под командованием

поручика Фроляка были разбросаны по частям СС. Украинцы принимали участие в обороне Будапешта и после тяжелых потерь были возвращены в свою дивизию. Влились в дивизию и несколько десятков девушек, уроженок Прибалтики, мобилизованных немцами в службу ПВО. В УПА из дивизии дезертировало 200 человек.

25 января 1945 года в дивизию поступил приказ о передислокации в район Штирийского Штайнмарка на австрийско-словенской границе. Часть была разделена на 3 походные группы и через месяц прибыла на новое место. По дороге в Австрию дезертировали в УПА еще 100 человек. Сама «Галичина» к тому времени насчитывала 22 тысячи человек. На новом месте галичане действовали против красных партизан и королевских четников (с последними, впрочем, быстро заключили перемирие) и за 10 дней полностью очистили район, загнав противника глубоко в горы.

В феврале 1945 года в дивизию прибыл «Украинский легион самообороны».

В апреле 1945 года о существовании украинской дивизии стало известно Гитлеру, что привело его в неопишемую ярость. Через некоторое время в дивизию поступил приказ командования группы армий «Запад» о разоружении. 26 мая в часть прибыл ее опекун доктор Вехтер и узнал о трагическом положении. Добившись приема у командующего группой армий, генерал-полковника А. Лера, он убедил его отменить приказ, и попросил главкома направить «Галичину» на фронт, однако дивизия осталась на месте.

Прорыв частей Красной Армии в районе Гляйхенберга — Фельдбаха породил панику и отступление венгерских частей. 14-я дивизия отступила в составе 2-й армии. 1 апреля дивизию бросили затыкать бреши в трещавшем по швам фронте. В этом тяжелейшем для дивизии положении Фрайтаг опять выказал недовольство своими подчиненными и попросил у вышестоящего командования отставки, в чем ему было отказано. Дивизия несла значительные потери, в один из дней боев было только официально зарегистрировано 729 убитых.

В середине апреля дивизия приняла пополнение в виде 2500 безоружных человек «флакхильферов» из ПВО. 1200 человек из них были отправлены в запасной полевой бата-

льон, остальных вооружили и отправили на передовую. С марта 1945 года при дивизии был создан под патронажем организации ТОДТа рабочий батальон, занимавшийся строительством укреплений в районе Граца и Фельдбаха.

В Берлине, где располагался один из центров украинской эмиграции, развернулась деятельность по формированию единого организационного центра. С февраля 1943 года был создан **Украинский Национальный Центральный Комитет** — организация, уполномоченная на решение административных, культурных и экономических задач и объединение украинцев на чужбине. Немецкое руководство, предвидя крушение «Тысячелетнего Рейха», как за соломинку ухватилось за создание самых разных национальных организаций, обладающих своими гражданами на территории Германии — все они рассматривались как определенный резерв немецкой армии и СС.

27 сентября 1944 года были выпущены из Заксенхаузена украинские лидеры С. Бандера, Я. Стецько, А. Мельник. На переговорах с представителями немецких властей было решено образовать противовес власовскому КОНРу с украинской стороны. Несмотря на кажущийся успех переговоров, немцы не смогли договориться с Бандерой и полковником Мельником. Компромисс был достигнут с Андреем Левицким — предводителем части украинской эмиграции. Последний рекомендовал на пост главы Украинского Национального Комитета генерала Павла Шандрука. Шандрук, до того времени не принимавший активного участия в создании каких-либо украинских организаций и воинских частей, был известен своей дипломатичностью и патриотизмом. После назначения на пост Шандрук провел ряд переговоров с Бандерой, Мельником и немецким командованием. У немцев Шандрук потребовал удалить из «Галичины» всех немецких командиров, проведя их замену украинскими кадрами, основным же условием своего сотрудничества с немецкими властями Шандрук ставил объединение всех украинских частей в единую армию. Своим заместителем генерал назначил Владимира Кубийовича, генерала М. Омеляновича-Павленко — главой Войсковой Рады УНК. 30 марта 1945 года А Розенберг обратился с письмом в новое украинское представительство, в котором признал за Комитетом широкий

ряд полномочий, основным из которых было создание собственной, союзной Германии армии. После такого признания руководство УНК направило все свои силы на объединение разрозненных воинских частей и подразделений в **Украинскую Национальную Армию (УНА)**, ядром которой становилась 14-я дивизия «Галичина». По замыслу руководства, основной задачей нового формирования была успешная капитуляция войскам Великобритании или США, для продолжения борьбы за свободу Украины.

В это время в пригороде Берлина Нимеке полковник (вскоре генерал-майор) Петр Дьяченко и майор Владимир Хладич начинают формировать **2-ю украинскую дивизию (противотанковая бригада «Вільна Україна»)**. Были набраны 1900 человек из числа советских военнопленных и остовцев, ранее служивших в противопожарной службе. При формировании этой украинской части также столкнулись с недостатком оружия и инструкторов. Дивизию создать не удалось, поскольку к пригородам Берлина уже приближалась Красная Армия. Беспокорство командира 2-й дивизии вызывала группа членов УПА (32 человека) присоединившихся позднее к дивизии в районе Глаца.

«Вільна Украина» была брошена на фронт, а затем влита в состав корпуса «Герман Геринг». В составе корпуса дивизия вела бои близ Бауцена за шоссе Бауцен-Дрезден, где разбила части 7-й польской дивизии Войска Польского, взяв в плен 300 человек и комдива Лилевского. К этому времени бригада была полностью моторизована и экипирована. 5 мая 1945 года она вышла из подчинения корпуса и пошла на соединение с 1-й дивизией УНА, но была окружена вместе с немецкими частями в Судетах. Попытка прорыва на территорию занятую союзниками была неудачной, удалось прорваться лишь 30 % личного состава, остальные были пленены либо погибли в боях с частями Красной Армии.

В марте-апреле 1945 года была также сформирована украинская «Парашютная бригада особого назначения» под командованием полковника Т. Боровца (2 батальона — 400 человек) и перевезена на обучение в Чехию.

О своем подчинении командованию УНА сообщил командир «**Бригады Вольного Казачества**» полковник П. Те-

рещенко (350 человек). Это подразделение также было передислоцировано в Чехию.

О готовности войти в УНА сообщили командир размещенной в Дании 281-й запасной бригады (5 тыс. чел) полковник Ф. Гудима, командование 2-х охранных полков (по тысяче человек в Голландии и Бельгии), УВВ (80 тыс. человек). Заявили о своем подчинении также несколько украинских групп ПВО в районе Берлина (2,5 тыс. человек).

Объединение всех этих вышеупомянутых частей и УВВ позволило бы развернуть 2-ю Украинскую дивизию УНА под командованием П. Дьяченко, но военно-политическая ситуация складывалась не в пользу украинских националистов.

19 апреля 1945 года генерал Шандрук и референт СС-Гауптамта доктор Фриц Арльт прибыли в штаб 14-й дивизии в местечко Селница. Части дивизии были размещены поблизости: 29-й полк — под Марибором, 30-й полк — Словеньградец, 31-й — долина Дравы, арtpолк — Словенска Быстрица. Украинская дивизия в это время оперировала в районе, контролируемом партизанами Тито. С 8 апреля дивизия принимала участие в антипартизанской операции «Доннерветтер». Операция закончилась для дивизии неудачей — партизаны без потерь отступили в горы, в дивизии погиб 1 человек и несколько были ранены.

20 апреля командир дивизии выехал в штаб-квартиру рейхсфюрера СС в Зальцбург, где ему было вручено распоряжение о разоружении «Галичины» и передаче всего оружия формируемой дивизии парашютистов. Для дивизии, полностью окруженной партизанами, это было гибелью, ведь в 40 километрах стояли передовые советские части. Фрайтагу удалось убедить своего руководителя в необходимости сохранения дивизии. Такую обстановку увидели по приезду в дивизию Шандрук и Арльт. На встрече с Фрайтагом Шандрук уведомил его, что командование над украинскими частями будет осуществлять он сам в рамках создающейся Украинской Национальной армии. Сообщение ввергло Фрайтага в шок.

Шандрук и Арльт посетили все подразделения дивизии, приняли присягу военнослужащих на верность Украине и народу.

30 апреля Красная Армия прорвала немецкий фронт в районе Фельдбах — Гляйхенберг. 29-й и 30-й полки дивизии были брошены на латание прорыва, 31-й полк подошел из Словакии.

29-й полк с первых же минут принял участие в ожесточенном сражении близ с. Гляйхенберг, а 31-й в районе Рокстрадена попал под ураганный огонь артиллерии и был вынужден отступить. Положение стало напоминать Броды. 6 мая командующий 6-й армией генерал Герман Бальк провел совещание с командирами вверенных ему частей и распределил роли в предстоящем прорыве к передовым американским и английским частям. В соответствии с боевым распорядком, первыми выходили части 4-го танкового корпуса СС, через сутки отходила «Галичина». Даже здесь немцы подставили украинцев — немоторизованная «Галичина» неизбежно попадала под удар превосходящих советских частей. Попытки Вехтера повлиять на судьбу дивизии результата также не принесли. Дивизия была разделена на 2 походные группы:

1-я — имела собственный маршрут от Сант-Стефан — до Граца

2-я — от Фельдбаха до Гляйсдорфа и к Грацу.

За 2 дня до капитуляции лейтенант Макарушка и доктор Арльт выехали к передовым частям английской армии с письмом генерала Шандрука. Марш групп проходил в постоянных арьергардных боях с партизанами. Генерал Фрайтаг во время марша отстал от своей части и застрелился. По неподтвержденным данным командование дивизией принял оберштурмбанфюрер Порфирий Зеленко.

Впоследствии группы объединились в Граце и следовали до Твимбурга — Юденбурга. Небольшая часть дивизионников пошла на юг до Шпиталья на р. Драве, в результате чего оказалась в английском плену. Большая часть дивизии была разоружена американцами. На этом закончилось существование 14-й дивизии СС «Галичина».

Полки дивизии (11–12 тыс. чел) были размещены в лагерях под городками Клагенфурт, Фельдкирх, Шпиталь. Через некоторое время из Австрии всех украинцев вывезли в Италию в лагерь военнопленных между городами Римини и Беллярия. Лагерем командовал генерал Михаил Крат, который по-

добно командиру «Русского Корпуса» наладил жизнь военнопленных. В июле лагерь посетила советская репатриационная комиссия. Результатом ее работы стало возвращение в СССР 1052 человек. Все уроженцы Галичины и иных районов Западной Украины до сентября 1939 года являлись гражданами Польши, и возвращаться в Страну Советов не собирались. Советское правительство требовало выдачи дивизии, но у галичан нашлись заступники. Представители Украинской Автокефальной церкви обратились за заступничеством к Ватикану. Ватикан ходатайствовал перед правительством США о сохранении бывших служащих дивизии от выдачи в СССР.

После советской комиссии в лагерь прибыла польская для вербовки людей во 2-й Польский корпус генерала Владислава Андерса. На ее призыв откликнулись 176 человек.

До весны 1947 года бывшие дивизионники не ведали, как сложится их судьба, у всех на слуху были подробности выдачи казаков в СССР. Правительство Великобритании приняло решение о вывозе всех украинцев из своих лагерей на территорию Соединенного Королевства. Все они были вывезены в Великобританию, где многие остались жить. Часть украинцев из Англии выехала в США и Канаду. В Канаду было очень сложно получить визу, к тому же со стороны Канадского Еврейского Конгресса на украинцев посыпались обвинения в истреблении евреев в годы войны. Департамент эмиграции Канады потребовал от английского правительства предоставления развернутой исторической справки о пути украинского формирования в годы последней войны. Такой документ был подготовлен, и разрешение на въезд было дано.

Впоследствии в эмиграции бывшими офицерами и солдатами было организовано товарищество бывших воинов 1-й дивизии УНА и ряд других ветеранских организаций.

Множество подразделений украинских добровольцев были объединены в 1941 году по всему Восточному фронту под названием «**Українсько Вільне Військо**» (УВВ) или «Украинская Освободительная Армия». Эта пропагандистская акция преследовала определенные цели, основной из которых был раскол восточных добровольцев по национальному признаку. Основную поддержку УВВ оказывал генерал Кестринг, при котором УВВ разбухла и к концу 1942 года насчитывала

в своих рядах 50 тысяч человек. Под влиянием национальной пропаганды 200 курсантов офицерской школы в Зауберсдорфе покинули ее, выказав желание служить не в «восточных», а именно в украинских частях.

Фактически УВВ была частью вермахта и имела в своем составе немецких офицеров, но при этом начальником штаба УВВ был полковник Петр Кружановский — выходец с Восточной Украины, а его «попечителем» генерал Михаил Капустянский.

Отличительным знаком военнослужащих УВВ была нарукавная щитообразная нашивка жовто-блакитного цвета с вышитым белыми нитками трезубцем и литерами «УВВ». Аналогичный символ наносился на боковую поверхность касок.

К концу войны УВВ насчитывала в своих рядах уже 80 тысяч «вийскослужбовцев». Один из батальонов УВВ был влит в состав 2-й дивизии УНА и несколько в 14-ю дивизию «Галичина» (1-я УНА). В 1945 году большая часть УВВ была переведена из Южной Франции в Чехию и принимала участие в боях с партизанами и наступающей Советской армией. Сдавшиеся в плен союзникам украинцы были репатриированы в СССР, некоторые прорвались во Францию и поступили на службу во Французский Иностраннный легион.

Некоторое количество украинцев служило в дивизии **«Лейбштандарт СС Адольф Гитлер»** с первых же дней войны в качестве переводчиков при штабе дивизии и в штабах полков. Служба их проходила и на передовой. Так, «долметчер» Кость Биляк был награжден Железным крестом за участие в боевых действиях.

В **танковых частях** также служили украинцы из числа попавших в плен советских танкистов и студентов из Германии. По информации из украинских источников, они занимали должности от техников до высших постов. В период действий 14-й дивизии СС «Галичина» в Австрии, перед ее личным составом выступал с лекциями танкист, унтерштурмфюрер Олесницкий. Наиболее известен оберштурмфюрер Роман Климкевич (из эмигрантов), который, будучи студентом, поступил в 20 лет добровольцем в ряды СС. Климкевич принимал участие в боях за Киев и Чернигов, воевал в Белоруссии. В 1943–1944 годах принимал участие в боях против

партизан Тито. Летом 1944 года был переведен в Южную Францию, где получил ранение, попал в плен к союзникам и содержался в лагере для военнопленных до 1946 года.

Помимо дивизии «Галичина» на фронте действовала **Сумская дивизия**. По свидетельству И.А. Дугаса и Ф.Я. Черона, она насчитывала в своих рядах 10 тысяч бывших военнопленных, воевала на немецкой стороне под Харьковом и была полностью разбита под Сталинградом в 1942 году. Командирами дивизии были немецкие офицеры, а солдаты, по-видимому, были не только украинцами.

В «Докладной записке» П. Пономаренко на имя И.В Сталина от 18 августа 1942 года говорится:

«...Имеются данные о следующих формированиях:

1. Украинский корпус, приданный 2-й немецкой армии...
3. Добровольческий украинский полк численностью 2700 человек в г. Орджоникидзеграде.
4. Украинско-литовский полк, численностью 1.200 человек в г. Минске...
9. Украинский полк в г. Радом».

Помимо сухопутных украинских подразделений немецкой армии некоторое количество украинцев служили в **Хорватском Морском Легионе** (Hrvatska Pomorska Legia). Сам легион был создан по приказу «поглавника» Анте Павелича в июле 1941 года и использовался на Черном море. Установив добрососедские отношения с местным населением, командир легиона лейтенант Стефан Руменович решил провести набор местных добровольцев среди украинцев. Приток желающих был таков, что легион (первоначальная численность которого была всего около 250 чел) стал насчитывать в своих рядах до тысячи военнослужащих. Моряки легиона принимали участие в тралении прибрежных вод и изредка вступали в мелкие стычки с советским флотом. Благодаря решительным действиям легионеров был спасен с подбитого судна командующий 11-й армией фон Манштейн, а командир легиона Эдгар Анджели отмечал, что украинцы много сделали для обороны Азовского моря. В конце 1942 года легион был отозван в Хорватию на переформирование, а в октябре 1943 года — в Триест, где его чины были перераспределены по кораблям немецкого флота.

Часть III.

Прибалтийские формирования

1. «ЗА СВОБОДУ ЛИТВЫ...»

Литовское довоенное сопротивление. Первые дни войны

17 июня 1940 года в Литве было сформировано коммунистическое правительство во главе с Ю. Палецкисом. Через три дня аналогичное правительство во главе с А.М. Кирхенштейном появилось в Латвии, а 21 июня — в Эстонии.

После присоединения прибалтийских республик руководство СССР сохранило их прежние армии, интегрировав их в систему советских вооруженных сил в качестве территориальных национальных корпусов — Литовского (29-й стрелковый), Латвийского (24-й стрелковый) и Эстонского (22-й стрелковый).

О ситуации в частях литовской армии после ее присоединения к РККА известно из донесения полпреда Н. Позднякова председателю Совнаркома СССР В. Молотову:

«25 октября с.г. [1940 — Ч.С.] в течение нескольких часов на Бюро ЦК КП(б) Литвы обсуждалось положение в литовском корпусе. Присутствовали руководящие работники корпуса, Военного совета 11-й армии и Военного совета ПрибВО.

В результате обсуждения мы пришли к выводу, что политическое состояние корпуса продолжает оставаться неблагоприятным, т.к. политические настроения его бойцов продолжают оставаться независимыми от нашего руководства, самостоятельными. Главнейшие причины тому три. Первая — корпус засорен ущемленным элементом (задетым отрезкой

земли и проведенной национализацией). Вторая — созданный в корпусе политический аппарат из кадровых советских политработников еще не нашел каналов влияния на состав бойцов, этому сильно мешает отсутствие у него контактирующей прослойки из литовцев (просто не могут сговориться). Третья — в корпусе не проведено классовое расслоение, т.к. враждебный элемент еще не вышиблен из седла, ведет противосоветскую работу путем сплачивания бойцов на национальной почве (против русификации).

...Особый вопрос приведения бойцов литовского корпуса к красноармейской присяге. После известного отпора командование РККА решило отложить приведение к присяге до 23 февраля 1941 года. Я лично не уверен в том, что в феврале мы не будем иметь эксцессов. Дело в том, что в литовском крестьянстве католическая религия засела довольно крепко. Раньше литовские солдаты присягали богу, а теперь им предлагают присягу без упоминания о боге...

...На настроениях и поведении офицерства не останавливаюсь, т.к. они ясны и без специальных пояснений. Нужно лишь отметить, что оно ведет себя исключительно лояльно (что и подозрительно) и что, несмотря на это, оно не может быть непричастным к враждебной агитации в корпусе. Но с поличным еще никто не пойман».

В литовском корпусе отказались присягать новой власти 311 человек. В 616-м артиллерийском полку красноармеец Зинкявичюс заявил: «При Сметоне нас кормили хорошо, а с приходом Советской власти нас кормят как собак, а еще говорят о присяге. Я присяги принимать не буду».

«Боеспособность» прибалтийских корпусов проявилась в первые дни германского вторжения, когда все это воинство разбежалось с оружием по лесам и стало стрелять в спину отступающим частям Красной армии.

Рассматривая репрессивную работу советского аппарата в Литве, нельзя не отметить, что основания для беспокойства у НКГБ были. Далеко не все литовцы испытывали радость от вступления в СССР. Были и недовольные — в первую очередь те, кого большевики в свое время окрестили емким словом «бывшие»: чиновники, офицеры, крупные собственники, в одночасье превратившиеся из элиты общества в рядовых

граждан и не желавшие с этим смириться. Связывая надежды на реванш с приходом гитлеровской армии, они при помощи германской разведки развернули активную работу по созданию повстанческих групп и организаций.

Активность национального подполья возрастала с каждым днем. Немалую роль в этом играла немецкая «пятая колонна». До присоединения к СССР в Литве имелось около 300 немецких предприятий, 800 торговых точек и множество культурных учреждений. Наличие такого количества опорных пунктов позволило немецким спецслужбам внедрить немалое число своих агентов. По данным за 1934 год контрразведка Литовского генерального штаба выявила более 400 немецких агентов, большинство из которых ко времени вступления частей РККА продолжали проживать в Литве.

Литовская национальная эмиграция также приняла активное участие в борьбе с «Советами», направляя действия «пятой колонны» из-за рубежа. Уже во второй половине 1940 года был создан эмигрантский **«Фронт Литовских активистов» (ФЛА)** во главе с бывшим литовским послом в Берлине полковником Казисом Шкирпой, сотрудничавшим с германской разведкой. В организацию вошли различные представители литовской эмиграции, рассчитывавшие с помощью фашистской Германии восстановить самостоятельное литовское государство. Основной центр этой организации находился в Берлине, откуда планировалась и проводилась разведывательно-подрывная работа против СССР через вспомогательные подпольные центры в Вильнюсе и в Каунасе. Для непосредственного осуществления боевых операций и совершения диверсионно-террористических акций против советских войск после начала войны между Германией и СССР ФЛА были созданы военизированные **подразделения «Гвардии Оборона Литвы»**, которые конспиративно размещались в различных городах и селах Литвы и по заданию немецкой разведки занимались вербовкой и непосредственной подготовкой диверсантов и террористов.

Советской контрразведкой была вскрыта сеть агентов и боевиков «Гвардии обороны Литвы» с помощью внедренного в нее агента «Упялиса». В своих показаниях руководству агент рассказал следующее: «Литовская гвардия обороны является

объединением литовцев — беспартийной, культурной, политической, военной, тайной и дисциплинированной организацией...». Цели Гвардии обороны: организация литовцев в ряды обороны, жертвовать собой в интересах Литвы, вести успешную и решительную борьбу против ассимиляции, покорения и уничтожения литовской нации, за литовскую культуру, за католичество и частную собственность.

Обязанности члена гвардии обороны: «...быть смелым, дисциплинированным и настойчивым литовцем, готовым на любую жертву в пользу Литвы, не щадя своей жизни: разоблачать врагов Литвы, и особенно евреев, следить за ними и бороться с ними всеми мерами...».

Советская контрразведка получила в лице литовского вооруженного подполья серьезного противника. На службу в Гестапо перешло значительное количество чиновников и руководителей бывшей политической полиции Литвы, лишившихся своих постов после прихода частей РККА. Аналогичное положение было и во 2-м отделе Генштаба литовской армии.

Литовские эмигранты вместе с Абвером приняли активное участие в переброске агентуры в Литву. Агенты направлялись через сухопутную границу с целью укрепления подполья. Одновременно Шкирпа и генерал Плехавичюс объявили о создании на территории Восточной Пруссии «**Литовского легиона**». Новорожденная организация обратилась к большинству стран мира с просьбой не признавать оккупации Литвы Советским Союзом, одновременно просило оказать вооруженную помощь в борьбе за литовскую независимость. В декабре 1940 года из Германии в г. Кретинга нелегально прибыл бывший капитан литовской армии Михелькявичюс, который на подпольном собрании, состоявшемся 20 декабря 1940 года в м. Якубово Кретингского уезда, сделал доклад следующего содержания:

«Поддержка литовским повстанцам полностью обеспечена со стороны Германии, где уже создано литовское национальное правительство во главе со Шкирпой. Наше объединение “Литовский союз активистов” на территории Восточной Пруссии имеет крупную военную организацию — легион во главе с генералом Плехавичюсом.

Нападение на СССР Германия произведет весной 1941 г. Мы, литовцы, должны поднять восстание в тылу Красной Армии и развернуть большую диверсионно-подрывную работу по взрыву мостов, разрушению железнодорожных магистралей, нарушению коммуникаций».

Еще два закордонных нелегала были арестованы при переходе границы на участке 107 пограничного отряда 3 июня 1941 года. На допросе нарушители сообщили, что сигналом к восстанию будет служить переход немецкими войсками границы с Литовской ССР. Члены «Гвардии обороны Литвы» в период военных действий между СССР и Германией должны будут выполнять следующие задания:

«...Арестовывать всех комиссаров и других активных коммунистов, разоружать и арестовывать красную милицию и агентов ГПУ, в случае сопротивления ликвидировать, занять центры компартии, но не уничтожать архив, заставить евреев оставить страну, освободить политзаключенных, охраняя их от вывоза вглубь России, не допускать новых арестов, занять учреждения, предприятия, станции, почты, телеграфы и крупные склады товаров центра и провинции, охранять от отступающих большевиков имущество, обрывать телефонные, телеграфные и электрические провода, не трогая столбов, в тылу советских войск уничтожать железные дороги и шоссе, не уничтожая важных мостов, при отступлении советских войск эти же объекты по мере возможности охранять, при наличии крупных сил, например, литовского корпуса, разоружать крупные части советских войск и создавать панику...».

Органами Госбезопасности Литовской ССР была перехвачена листовка Литовского информационного бюро в Берлине от 19 марта 1941 года, в которой население Литвы призывалось к подготовке вооруженного восстания против существовавшего в тот период государственно-правового режима. В документе говорилось:

«Час освобождения Литвы уже близок. Когда начнется поход с Запада, Вы в этот же момент будете информированы... В это время в городах, местечках и деревнях поработанной Литвы должны возникнуть местные восстания, точнее говоря, взятие власти в свои руки. Сразу надо арестовать местных коммунистов и других предателей Литвы, чтобы они

не избежали расплаты за свои действия, (предатели будут только тогда помилованы, когда они сумеют доказать, что они ликвидировали хотя бы по одному еврею)... Там, где вы еще не подготовлены, организуйтесь маленькими тайными группами. Когда начнутся военные действия, в тыл будут выброшены парашютисты. Немедленно установите с ними связь и помогайте им... Через деревни и города будет маршировать немецкая армия. В ее рядах будет много знакомых Вам соплеменников. Встречайте всех одинаково мило и сердечно, оказывайте им нужную помощь. Уже сейчас «информируйте» евреев, что их судьба ясна, поэтому пусть сегодня же убираются из Литвы. В решительный момент берите их имущество в свои руки, чтобы ничего не пропало».

Примерно в это же время в Каунасе был запеленгован выход в эфир нелегальной радиостанции с позывным «Йфа». Передача велась на г. Штеттин, где в то время располагался «Абверштелле Штеттин». Этот разведорган был организован для обучения разведчиков-диверсантов и радистов и их последующей заброски на территории Прибалтики и Белоруссии. В процессе обучения (до 6 месяцев) агенты изучали разведывательное дело, структуру, строение, вооружение и снаряжение Красной Армии, географию СССР, топографию, радиодело, шифры, тайнопись, фото- и подрывное дело, обучались методам ведения бактериологической войны. Забрасываемой агентуре ставились задачи по созданию в советском тылу сети нелегальных радиостанций для связи в военное время, установке ориентиров для немецких бомбардировщиков, подготовка кадров сигнальщиков и опорных баз для приема десантов. Для связи с «Альма матер» агенты снабжались портативными радиостанциями. Первая заброска была произведена в феврале 1941 года.

В мае 1941 года радист и три агента были арестованы. Один из них, бывший лейтенант литовской армии Друктейнис Эдмунтас, показал: «Резидентура германской разведки, возглавляемая мною, должна была сообщать в Германию дислокацию частей Красной Армии, расположенных на территории Литовской республики, их количество, нумерацию, фамилии командного состава, данные о вооружении и оснащении боевой техникой и из каких военных округов прибыли

и будут прибывать воинские части в Литовскую ССР...». Согласно заданию Клауса резидентура должна была собирать сведения о типах самолетов, их боевых качествах, об охране аэродромов и их расположении, в каком состоянии находится зенитная артиллерия и где. В мои обязанности также входило передавать информацию о состоянии железнодорожного транспорта, особенно в случае внезапного изменения движения поездов». Впоследствии арестованных включили в радиоигру, продолжавшуюся до нападения Германии на СССР.

Органами госбезопасности велись дела по разработке пронемецкой агентуры под кодовыми названиями «Диверсанты» и «Гвардия». В рамках проводимых мероприятий была вскрыта подпольная национальная организация, связанная с ФЛА. Были произведены аресты 7 членов, намечалось задержать еще 24 человека, однако время работало на противника.

О масштабах всего пронемецкого национального подполья в Прибалтике говорилось в документе соединения «Бранденбург-800»:

«Исходя из соображений секретности день начала операций этим группам (группам диверсантов — Ч.С.) не доведен. Они получают общие указания, по прибытии на место приступить к выполнению поставленных задач, исходя из обстоятельств и по своему усмотрению. Для этих групп активистов назначены пароли: для литовцев — “Дюнкирхен”, для латышей — “Деберитц”, для эстонцев — “Мюнхен”. Однако имеются сомнения, что эти пароли везде и до всех доведены. Кроме этих паролей особо обученные специалисты по саботажу получили специальный опознавательный знак в виде ржаво-красного куска ткани размером с носовой платок с желтым круглым пятном в центре, который они должны предъявить представителям войск...

По данным руководителей, в настоящее время в каждом литовском населенном пункте существует такая группа. В Латвии и Эстонии такое же положение. В Литве и Латвии существуют две параллельные группы активистов под началом одного руководителя, с тем, чтобы в случае предательства в одной группе другая продолжала бы действовать. Эти группы организованы по системе треугольника, по которой каждый знает не более двух членов группы».

16 мая 1941 года наркомом госбезопасности СССР Меркуловым была подготовлена докладная записка НКГБ СССР №1687/М в ЦК ВКП(б), к которой прилагалась копия проекта постановления о мероприятиях по очистке Литовской ССР от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента. Данный документ был согласован с секретарем ЦК ВКП(б) Литвы Снечкусом и представлен Сталину за подписью Л.П. Берии. На основании данного проекта было издано соответствующее постановление. Согласно ему, подлежали аресту с конфискацией имущества и направлением в лагерь на срок от 5 до 8 лет с последующей ссылкой на 20 лет следующие категории лиц:

1. активные члены контрреволюционных партий и участники антисоветских националистических белогвардейских организаций,
2. бывшие охранники, жандармы, руководящий состав бывших полицейских и тюремщиков, а также рядовые полицейские и тюремщики, на которых имелись компрометирующие материалы,
3. бывшие крупные помещики, фабриканты и крупные чиновники бывшего госаппарата Литвы, Латвии и Эстонии,
4. бывшие офицеры польской, литовской, латвийской, эстонской и белой армий, на которых имелись компрометирующие материалы,
5. уголовный элемент.

Кроме вышеперечисленных категорий лиц подлежали направлению в ссылку в отдаленные районы СССР, сроком на 20 лет с конфискацией имущества члены их семей и иждивенцы, а также лица, прибывшие из Германии в порядке репатриации.

В Прибалтику был направлен нарком Меркулов и его заместители Серов и Абакумов. Помимо них для участия в операции были направлены 208 курсантов Высшей школы НКГБ СССР — литовцы, латвийцы и эстонцы по национальности. На все мероприятия отводилось три дня.

О результатах проведенной операции руководство НКГБ СССР рапортовало следующими цифрами: «...Бывших офицеров литовской, латвийской и эстонской армий, служивших в территориальных корпусах Красной армии, на которых имелся компрометирующий материал, арестовано — 933 человека,

в том числе: по Литве — 285 человек, по Латвии — 424 человека, по Эстонии — 224 человека». Однако эти меры во многом уже запоздали.

С первых минут немецкого вторжения в СССР литовское подполье вступило в действие. Вооруженные легким оружием отряды националистов нападали на отдельные группы военнослужащих РККА и милицию, подавали сигналы немецким самолетам. Радиофицированная агентура передавала оперативную информацию. Среди коммунистической верхушки Литвы царил паника. По свидетельству очевидца тех событий: «Вместо того чтобы отступить организованно и в порядке вместе с действующей армией, эти руководители Литвы поспешили удрать на машинах первыми, а за ними потянулись милицейские органы, тем самым были развязаны руки контрреволюционным бандам в Литве и пятой колонне в целом во главе со сброшенными парашютными десантами. К тому же Каунас и вся Литва вообще в течение нескольких дней находились без гражданских властей. 23 и 24 июня контрреволюция организовала боевые дружины, привлекая гимназистов 5-го класса, они стали патрулировать и задерживать бежавшее население».

От «партизанских отрядов» к шуцманшафту. Холокост по-литовски

В Каунасе местными националистами были созданы четыре крупные «партизанские группы», с которыми немцы сразу же установили связь. Общего руководства они не имели, но каждая из них координировала свои действия с частями Вермахта. Вскоре немцы придали им статус вспомогательных частей и поручили командование ими литовскому журналисту Климайтису. Личный состав вспомогательных частей носил литовскую военную униформу либо гражданскую одежду с различными нарукавными повязками. На головные уборы обычно крепились литеры «D» белого металла, обозначающая «Draugovninkas», что в переводе с литовского значит «помощник». Вооружение отрядов составляло легкое стрелковое оружие со складов литовской армии, трофейное советское или немецкое.

С самого начала войны излюбленной мишенью литовских коллаборационистов стало еврейское население. По сравнению с Латвией и Эстонией ненависть к евреям в Литве достигла такого масштаба, что даже сотрудники немецких спецслужб удивлялись рвению своих литовских помощников.

Из донесения командира айнзатцгруппы А бригаденфюрера СС В. Штальэккера о деятельности группы в оккупированных областях Белоруссии и в Прибалтике становится ясным механизм раскрутки еврейских погромов руками литовских коллаборационистов. С истинно тевтонской коварностью немцы не стали напрямую приказывать литовцам произвести погром, все было обставлено иначе:

«Для этой цели был использован Климайтис, руководитель партизанского отряда, который преуспел в возбуждении погрома только после совета, данного ему небольшим отрядом, действовавшим в Ковно, и сделал это таким образом, что извне не было заметно никакого германского руководства или подстрекательства. В течение первого погрома (в ночь на 26 июня) в Литве уничтожили более чем 1500 евреев, сожгли несколько синагог, разрушили и сожгли еврейский квартал, где было примерно 60 домов. В течение последующих ночей примерно 2300 евреев было обезврежено подобным же путем. В других частях Литвы имели место такие же действия по примеру Ковно, хотя менее значительные и направленные против оставшихся в тылу коммунистов.

Эти самоочистительные действия проходили гладко, поскольку армейские власти, которые были информированы обо всем, помогали в этой процедуре».

Местом массовых казней евреев гитлеровцами и их литовскими пособниками были избраны форты Каунаса, а также специально созданный лагерь в местечке Понеряй (Поньри), где только за один день в апреле 1943 года было уничтожено два эшелона советских граждан в количестве около 5 тысяч человек. В понеряйских расстрелах принимал активное участие **литовский батальон** под общим руководством сотрудников Гестапо. В девятом каунасском форте было расстреляно 80 тысяч человек, в шестом — 35 тысяч, в седьмом — 8 тысяч. В октябре 1941 года немцы и литовцы вывезли из каунасского гетто 10 тысяч человек евреев и уничтожили их.

Штандартенфюрер СС Карл Егер докладывал 1 декабря 1941 года в своем отчете командующему полиции безопасности и СД Штальэкеру, что литовскими партизанами и оперкомандами айнзатцгруппы А было уничтожено с 2 июля 1941 года 99 804 еврея и коммуниста.

Провоцируя литовское население к расправе над евреями и коммунистами, немецкие спецслужбы собирали компрометирующие литовцев материалы, которые впоследствии могли быть использованы против националистов, в случае если они станут выдвигать перед оккупантами политические требования.

Органами «СМЕРШа» 3-го Белорусского фронта после освобождения в 1944 году Литвы было установлено, что практически все еврейское население республики было уничтожено гитлеровцами и их литовскими пособниками.

24 июня 1941 года в Каунасе начала работу **литовская комендатура** (в октябре ее переименуют в «Штаб охранных батальонов») во главе с бывшим полковником литовской армии И. Бобялисом. Тогда же началось формирование «**Батальонов охраны национального труда**» (сокращенно «ТДА», от литовского «Tautas darbo apsaugas batalionas»).

В первые же дни оккупации были образованы литовская полиция безопасности, костяк которой составили 40 бывших служащих литовской полиции, в большинстве своем выпущенные из тюрем, а начальником стал бывший литовский полицейский Денаускас. Сходным образом была создана литовская полиция в Вильнюсе и Шауляе. В местах проживания польского населения была создана польская вспомогательная полиция, но из-за вражды между поляками и литовцами последние могли производить аресты только под немецкой охраной. Вскоре польскую полицию распустили.

После того как Литва была полностью оккупирована, разрозненные повстанческие группы были реорганизованы в **24 стрелковых** (из них 1 кавалерийский) **батальона самообороны** (Selbschutzbatalionen по немецкой классификации, впоследствии переведены в разряд «Шуцманшафтбатальонов» — «Шумы»), численностью 500–600 человек каждый. Батальоны имели в своем составе немецкие группы связи из офицера и 5–6 унтер-офицеров. Вооружение этих подразделе-

ний было советского или германского производства. Общая численность военнослужащих этих формирований достигала 13 тысяч, из них 250 были офицерами. В районе Каунаса все литовские полицейские группы Климайтиса были объединены в **батальон «Каунас»** в составе 7 рот. Вместе с немецкими частями он вел борьбу против советских партизан. Батальоны принимали участие в карательных акциях на территории Литвы, Белоруссии и Украины.

2-й литовский батальон «шумы» под командованием майора Антанаса Импулявичюса был организован в 1941 году в г. Каунасе и дислоцировался в его пригороде — Шенцах. 6 октября 1941 года в 5 часов утра батальон в составе 23 офицеров и 464 рядовых отбыл из Каунаса в Белоруссию в район Минска, Борисова и Слуцка для борьбы с советскими партизанами. С прибытием в Минск батальон перешел в подчинение 11-го полицейского резервного батальона майора Лехтгаллера. В марте 1942 года батальон выбыл в Польшу и его личный состав использовался в качестве охраны концлагеря Майданек. В апреле 1942 года батальон был официально расформирован, его личный состав распределен по охранным частям СС в районе Люблина, лагерям военнопленных, часть батальонцев поступила на **курсы подготовки охранников концлагерей в Травниках**.

В феврале-марте 1943 года 2-й литовский батальон участвовал в проведении крупной антипартизанской акции «Зимнее волшебство» на границе Латвии и Беларуси, взаимодействуя с несколькими латышскими и 50-м украинским шутманшафтбатальонами. По окончании операции литовцы и украинцы возвратились в Вильнюс.

Из Белоруссии приходила в Литву информация о том, чем занимается батальон: «2-му батальону вспомогательной полиции было поручено расстреливать привезенных из Белоруссии и Польши евреев, русских, коммунистов и военнопленных Красной Армии. По полученным сведениям они уже расстреляли свыше 46 тысяч человек и повесили свыше 10 человек. Все эти экзекуции फिल्мируются, а особенно массовым путем фильмовалось (так в тексте документа — Ч.С.) вещание, фильмовались только литовские подразделения — немцы в это время отступают в сторону...».

Дневник действий батальона в Белоруссии также рассказывает о том, чем занимались литовские воины:

«14.10.1941 г. — произведена облава против евреев, коммунистов и враждебных Германии элементов в м. Смиловичи. Уничтожено 1300 человек.

15–16.10.1941 г. — производилось усмирение в окрестностях Логойска. В Логойске расстреляно 6 партизан и 1 коммунист. В Плещеницах 52 еврея и 2 партизана, в Сухой Горе один человек, скрывавший у себя боеприпасы. В это время две роты литовской охранной полиции под командованием немецкого офицера произвели облаву в лагере для гражданских арестованных в Минске. Ликвидировано 625 коммунистов.

18.10.1941 г. — произведена облава в лагере арестованных гражданских лиц в Минске и ликвидировано 1150 коммунистов.

21.10.1941 г. — облава в Койданове. Ликвидировано 1000 евреев и коммунистов...».

Один из непосредственных участников расправ Антанас Гецевичюс осел после войны в шотландском Эдинбурге. На вопрос журналиста об участии в казнях сказал: «Нет, наш батальон нес лишь внешнюю охрану при экзекуциях, а убивали гестаповцы». Однако другой батальонец, Юозас Книримас опровергает слова своего бывшего коллеги:

«...1941 года осенью, точной даты не помню, мне пришлось участвовать при повешении советских партизан в Минске... Командир батальона Импулявичюс повел батальон в центр Минска к тюрьме. Подойдя к тюрьме, командир через Гецевичюса переговорил с немецкими офицерами, так как Гецевичюс знал немецкий язык. После этого Гецевичюс передал командирам рот, чтобы они выстроили солдат по кругу на площади возле тюрьмы... Гецевичюс назначил солдат, которые будут вешать. Среди них были: Варнас, Шимонис и я, Книримас, Вепраускас и Ненис. Мы должны были накинуть петли на обреченных. Насколько помню, в городском саду повесили четверых — трех мужчин и одну женщину. Петли накидывали Шимонис и Варнас. В городском саду вешали в двух местах по два человека. В одном месте обреченный упал, так как развязалась веревка. Я поднял этого мужчину и поддержал, пока Варнас прикрепил веревку...

Перед казнью давали пить всем. Водку выдавал Гецевичюс, который, видимо, получал ее для этих целей. Кроме этого, других арестованных вешали в других местах г. Минска, но кто вешал, я не видел, только знаю, что солдаты нашего батальона. От Гецевичюса я узнал, что были повешены советские партизаны. Было казнено более 8 человек. Казнь руководил Гецевичюс, командира роты Кямзуры во время казни я не видел...».

В 1962 году правительство СССР потребовало от правительства США выдачи командира батальона А. Импулявичюса. Однако во времена «холодной войны» из США выдачи не производились. В том же 1962 году на вильнюсском процессе было установлено, что в 1941 году в Каунасе, Запешкисе, Йонаве было убито несколько тысяч человек, в Минске — много мирного населения и около 9 тысяч советских военнопленных, в Дупоре — 618 граждан, в Рудепске — 188 человек, в Смиловичах — 1300, в Слуцке — около 5 тысяч. Верховным судом Литовской ССР Импулявичюс был осужден заочно к смертной казни.

Слуцкая расправа производилась так, что немецкий комиссар Слуцка сообщал своему руководству о вопиющем произволе литовцев:

«В 8 часов утра 27 октября 1941 года из Каунаса (Литва) прибыл старший лейтенант, который представился как адъютант командира 12-го литовского полицейского батальона безопасности. Он сообщил, что их батальон получил задание в течение двух дней ликвидировать все еврейское население города. Батальон, состоящий из четырех рот, приступил к исполнению данного приказа немедленно по его прибытии...

Я попросил его отложить начало акции на день, но он категорически мне отказал в этом, мотивируя свой отказ тем, что обязан проводить такие же акции и в других городах, а на Слуцк ему отведено только два дня. В течение этого времени Слуцк должен быть полностью очищен от евреев... ..Где только находили евреев, они задерживали их, сажали на грузовики, ввозили за город и расстреливали. Ввиду того, что все специалисты евреи были ими ликвидированы, предприятия города полностью прекратили работу. Со всех сторон посыпались жалобы...

Я должен с сожалением признать, что их действия граничили с садизмом. Весь город выглядел ужасающе. С неопиваемой жестокостью литовцы из данного полицейского батальона выгоняли из домов евреев. По всему городу слышались выстрелы. На некоторых улицах появились горы трупов расстрелянных евреев. Перед убийствами их жестоко избивали чем только могли — палками, резиновыми шлангами, прикладами, не щадя ни женщин, ни даже детей. О еврейской акции не могло больше быть и речи, это было похоже на настоящие акты вандализма. Я со своими сотрудниками все время находился в городе и старался спасти то, что еще можно было спасать. Были случаи, что я с револьвером в руках выгонял этих литовцев с предприятий. Подчиненные мне жандармы выполняли мои распоряжения, но они должны были поступать очень осторожно, ибо улицы города простреливались.

В расстрелах за городом я не участвовал и о происходящем там ничего не могу написать. Однако следует отметить, что спустя довольно много времени после акции из закопанных ям все еще выползали раненые.

Многие белорусы, которые доверялись нам, после этой еврейской акции очень встревожены. Они настолько напуганы, что не смеют в открытую выражать свои мысли, однако уже раздаются голоса, что этот день не принес Германии чести и он не будет забыт...

Заканчивая, я должен отметить, что во время акций солдаты данного полицейского батальона грабили не только евреев. Много домов белорусов были ими ограблены. Они забирали все, что только могло пригодиться — обувь, кожу, ткани, золото и другие ценности. По рассказам солдат вермахта, они буквально вместе с кожей стаскивали кольца с пальцев своих жертв. Даже склад, в котором хранилось имущество гражданских учреждений, тоже был ограблен. В казармах, куда их распределили, были проломлены и высажены рамы окон и дверей, которые они использовали для вечерних костров.

Во вторник я получил обещание от адъютанта командира, что в городе их полицейские больше не появятся, однако на завтра же моими людьми были задержаны двое из них при осуществлении грабежа.

Ночью со вторника на среду данный батальон оставил город. Они уехали по направлению к Барановичам. Жители Слуцка обрадованы этой вестью...

Прошу выполнить только одно мое желание: в дальнейшем оградить меня от этого полицейского батальона.

Карл»

Кроме Импулявичюса прославился своими «подвигами» командир другого литовского батальона капитан Болеслав Майковскис, бывший до этого начальником полиции г. Резекне. Как и Импулявичюс, он был заочно приговорен советским судом к смертной казни. В обвинении указывалось, что по его распоряжению в Литве была уничтожена целая деревня, убиты тысячи евреев. Брат Майковскиса Вадим Майковский занимался убийствами евреев в Киеве на должности начальника городской полиции.

3-й литовский батальон принимал участие в антипартизанской операции «Болотная лихорадка «Юго-Запад», проводившейся в Барановичском, Березовском, Ивацевичском, Слонимском и Ляховичском районах в тесном взаимодействии с 24-м латышским батальоном.

Всего в Литве было сформировано **22 литовских батальона «Шумы»** (номера с 1-го по 15-й и с 251-го по 257-й). В августе-октябре 1942 года литовские батальоны располагались на территории Украины: 3-й — в Молодечно, 4-й — в Сталино, 7-й — в Виннице, 11-й — в Коростене, 16-й — в Днепропетровске, 254-й — в Полтаве, а 255-й — в Могилеве (Белоруссия).

В октябре 1942 года **250-й литовский шума-батальон** был включен в состав частей группы армий «Север» и на его базе были созданы **650-я и 651-я восточные охранные роты (литовские)**.

В марте 1944 года началось формирование еще **13 батальонов** (номера с 263-го по 265-й и с 301-го по 310-й), однако до конца эти мероприятия не были доведены.

Большинство батальонов действовали за пределами Литвы: в Ленинградской области (5 и 13), в Белоруссии (3, 12, 15, 254, 255), в Польше (2). По неподтвержденным данным, один батальон действовал в Италии, другой — в Югославии.

Командованию армейской группировки «Юг» в апреле 1943 года подчинялись следующие литовские шуцманшафт-батальоны: 22-й (4 роты), 268-й (3 роты), 4-й (3 роты), 114-й (3 роты), 116-й (3 роты), 117-й (3 роты), 117-й вахт-батальон (3 роты), 122-й (3 роты), 123-й (3 роты), 130-й (1 рота). Номинальным командующим этой «армией» был бывший офицер литовской армии подполковник Спокявичюс, однако реальными командирами оставались немцы.

Судя по фотоматериалам тех лет, литовский шуцманшафт был вооружен трофейным советским стрелковым оружием. Униформа представляла собой смесь элементов литовской армейской и немецкой полицейской униформы. Присутствовала также униформа вермахта. Как и в других национальных частях, использовался нарукавный желто-зелено-красный щиток-нашивка с сочетанием цветов национального флага Литвы. Иногда щиток имел в своей верхней части надпись «Lietuva». На головных уборах использовалась кокарда вермахта, перекрашенная в национальные цвета, на боковые поверхности касок также наносился краской щиток национальных цветов.

В 1943–1944 гг. некоторые из батальонов были расформированы, а их личный состав пошел на доукомплектование оставшихся. В июле 1944 года четыре батальона были объединены в Каунасе в «**1-й Литовский полицейский полк**». На территории Литвы к тому времени уже шли бои, и полк был брошен на передовую, где понес невосполнимые потери. В октябре-ноябре 1944 года в Данциге немцы попытались сформировать 2-й и 3-й Литовские добровольческие пехотные полки на базе 2-го, 3-го, 9-го, 15-го, 253-го, 254-го, 255-го и 257-го батальонов, однако из этой затеи также ничего не получилось.

В последние дни 1944 года большая часть литовских батальонов уходила из Литвы вместе с отступающими частями немецкой армии. Немцы разоружили союзников (1-й, 2-й, 6-й, 9-й, 253-й и 257-й батальоны) и расформировали, распределив их личный состав по различным наземным частям Люфтваффе. Два литовских батальона действовали на Балканах. На 1 марта 1944 года в рядах литовской полиции порядка и полицейских батальонах служило 8 тысяч литовцев.

К январю 1944 года 198 полицейских погибли, 16 пропали без вести, 94 было тяжело ранено.

К концу войны наиболее опытные кадры были зачислены в состав немецкой армии и наряду с другими иностранцами принимали участие в обороне Берлина. Три батальона (5-й, 13-й, 256-й) были блокированы советскими войсками в Курляндском котле и вместе с немцами оказывали вооруженное сопротивление до мая 1945 года.

Литовцы в Вермахте и СС

В январе 1943 года начальник СС и полиции Литвы бригаденфюрер Визоки (впоследствии его сменил на этом посту бригаденфюрер Харм) предпринял попытку организовать из литовцев **национальный легион СС**. Мероприятие закончилось неудачей. Население под руководством интеллигенции провалило эту акцию. Кампания по созданию литовского легиона была использована некоторыми кругами литовской «элиты» для получения статуса независимого государства-союзника Рейха. Однако немцы и не думали давать Литве независимость, и были заинтересованы лишь в создании дополнительных воинских частей, находящихся под полным контролем армии, полиции и СС. Генеральный комиссар Литвы Рентельн пригрозил литовским советникам крутыми мерами в случае провала мобилизации, после чего ряды поборников независимой Литвы поредели. 3 марта 1943 года был опубликован документ о предстоящей мобилизации литовцев, при этом ни слова не упоминалось о том, куда, собственно, будут призваны рекруты. Проведение набора было возложено на плечи местной полиции порядка. Более 35 % повесток не было вручено из-за того, что не совпадали адреса. В итоге призвано было лишь 20 % от предполагаемого количества рекрутов. Рентельн потребовал от литовской верхушки подписать новое воззвание, но опять последовал отказ. Повторное обращение к литовцам было выпущено без подписей глав местного самоуправления, но содержало в себе указание на место службы призывников — «Литовский легион СС». Результат остался прежним.

Последствиями стали репрессии со стороны оккупантов. 12 марта 1943 года Рентельн поставил в известность о провале мобилизации рейхскомиссара «Остланда» Г. Лозе и рейхсфюрера СС Гимmlера, находившегося в это время в Прибалтике. По его требованию были арестованы и направлены в концлагерь Штутхоф в Германии 48 представителей литовской интеллигенции. После этого 18 марта все оставшиеся на свободе поборники свободной Литвы подписали новое воззвание к населению. Пропагандистской обработке подверглось и русское население Литвы. По приказу Рентельна было произведено переосвидетельствование призывников 1919—1924 гг. рождения. Впоследствии по его приказу также были призваны еще 6 возрастов. Для проведения облав использовались моторизованные подразделения полиции.

Впоследствии ответственность за набор в легион возложило на себя литовское самоуправление, однако принятые им меры также не привели к ожидаемому результату. Кампания по набору в легион велась параллельно с мобилизацией в ряды Вермахта. Местное самоуправление в очередной раз обратилось к немецким властям с предложением создать литовское военное формирование под командованием литовских офицеров. Немцы отвергли эту идею, допустив лишь создание отдельных подразделений, находившихся под командованием СС, полиции или армии.

В результате литовское подразделение войск СС так и не было создано. Литовцы, желающие служить, направлялись в другие части СС, например в 15-ю латвийскую гренадерскую дивизию. Большинство лиц, подлежащих призыву, предпочло скрываться в лесах. Так, в Каунасе на первый призыв были вызваны 2800 человек — явилось 1794 (65 %), при переосвидетельствовании из 3000 человек — 928 (30 %), всего было необходимо призвать 5800 человек — фактически явилось — 2722 человека. Оправдываясь перед Берлином за провал мобилизации, Рентельн ссылался на плохие расовые качества литовцев, их недисциплинированность, инертность, трусость и лень.

Советские разведорганы пристально следили за событиями в Литве. В Москву шли донесения:

«Гитлеровцы по радио передали, что 5.04.1943 г. в г. Каунасе состоялась конференция представителей так называемой

литовской генеральной области. Эта конференция была созвана гитлеровцами после того, когда объявленная мобилизация в Литве срывалась. Лица, подлежащие призыву в легион и строительные батальоны, от мобилизации стали скрываться. Уход населения в леса принял угрожающие для немцев размеры, так что репрессивных мер оказалось мало, чтобы этому воспрепятствовать.

Созывая эту конференцию, немцы надеялись заручиться поддержкой литовских националистов и проводить свои мероприятия именем воли литовского народа.

Сейчас же, после созыва конференции, было издано распоряжение генерального советника Кубилюнаса о явке в литовские призывные комиссии мужского населения 1919–1924 года рождения. Офицеры, унтер-офицеры и ефрейторы, состоявшие на действительной службе в литовской буржуазной армии и окончившие унтер-офицерские школы до 45-ти лет, а офицеры до 65-ти летнего возраста должны пройти регистрацию с 16-го по 22-е апреля 1943 года.

Надежда гитлеровцев на созыв конференции провалились. На призывные пункты явилось такое незначительное количество населения призывного контингента, что немцы должны были продлить регистрацию и одновременно принять разные меры против уклоняющихся от регистрации и ушедших в леса. Родственники ушедших в лес арестовываются. В конце мая 1943 г. руководством СС был издан приказ, запрещающий хождение населения в лес до очистки лесов. По всей ЛССР проводится крупная операция по очистке лесов от партизан и скрывающихся от призыва в армию».

В феврале 1944 года, когда Красная Армия уже подходила к границам Литвы, по инициативе местного самоуправления и с согласия немецких властей началось формирование **Литовского территориального корпуса (ЛТК, по немецким документам Schutzkorps Litauen)**, под командованием литовских офицеров. Эту боевую единицу планировалось использовать для защиты границ Литвы.

16 февраля на призывы откликнулось 19 тысяч добровольцев. Планы немцев не совпадали с литовскими чаяниями и немцы решили, что только 5 тысяч человек войдут в состав Корпуса, а оставшиеся 14 тысяч будут переданы армии. Литовские

власти воспротивились этому, считая, что состав ЛТК нужно довести до 9750 человек, сформировав 13 батальонов по 750 человек, имея в запасе полуторатысячный резервный батальон. Немцы пошли на уступки, пообещав снабдить литовцев обмундированием и оружием.

6 мая 1944 года в Литве была объявлена всеобщая мобилизация. Однако мобилизовать литовцев не получилось, и 9 мая немцы передали формирующийся ЛТК Вермахту. Это вызвало негодование национального офицерского состава. Немцы ответили массовыми арестами и расстрелами. Было казнено 83 человека, 110 были отправлены в концлагеря. ЛТК был расформирован, а его личный состав передан для использования в качестве вспомогательного персонала при батареях орудий ФЛАК.

В апреле-мае началось формирование **литовских военно-строительных рот**. Позднее они были объединены в строительные отряды. Такой отряд имел 600 человек личного состава, разделенных на 3 строительные и транспортные роты. Всего было создано 5 отрядов, командование которыми было доверено литовским офицерам в ранге майоров и одного подполковника. Эти отряды были приданы немецким саперным батальонам группы армий «Север» и оказывали посильную помощь армии в ремонте и строительстве дорог и оборонительных сооружений. Усиление партизанского движения и приближение линии фронта заставило немецкое командование вооружить литовцев, и отряды были снабжены винтовками и ручными пулеметами. В мае 1944 года, после неудачи с ЛТК, строители были преобразованы в саперные батальоны Вермахта, под командованием немецких офицеров. В каждом батальоне имелось по одному связному литовскому офицеру.

Летом 1944 года по инициативе литовских офицеров Ятулиса и Чесны была предпринята попытка объединения литовских воинских частей, которые отступали вместе с Вермахтом. В результате объединения полицейских, саперных батальонов и охранных частей ВВС была образована **«Жемайтйская армия обороны»** или **«Армия обороны отечества»** (**Tevynes Apsaugos Rinktine** или **TAR**). По немецким сводкам армия проходила как **«Жемайтйский шущманшафт»**. Этой армией, состоявшей из двух полков, командовали литовские офицеры, общее командование осуществлял немец, полковник Медер.

«Жемайтійцы» занимали оборону близ села Папиле. Когда 7 октября 1944 года советские войска взломали оборону противника, ТАР была смята и понесла большие потери. Остаткам «армии» численностью около 1000 человек удалось отступить вместе с немцами в Восточную Пруссию, где они была переформированы в **литовский саперный батальон**, состоявший из 8 рот. Батальон строил укрепления на Балтийском побережье и позднее также попал в Курляндский котел. Это обстоятельство позволило значительной части солдат ТАР уйти в леса на территории Литвы, закладывая, таким образом, людской резерв для ведения партизанской войны в советском тылу.

Помимо фронтовых и полицейских частей, как уже упоминалось выше, литовцы служили во **вспомогательных подразделениях ПВО и Люфтваффе**. С 15 марта по 20 сентября 1944 года службой Никеля было призвано для нужд немецкой промышленности 1012 литовских юношей и девушек. Все они были направлены в части связи, моторизованные дивизионы ПВО и иные наземные части Люфтваффе.

2. ЛАТЫШИ В БОЯХ ЗА «НОВУЮ ЕВРОПУ»

В Латвии перед войной

События в предвоенной Латвии развивались по сценарию, аналогичному литовскому. После присоединения республики к СССР национальные вооруженные силы были преобразованы в 24-й стрелковый корпус.

Между тем, в среде советских высших военных руководителей имелись и другие мнения по вопросам использования прибалтийских армий. Так, командующий войсками Белорусского особого военного округа Д.Г. Павлов направил наркому обороны СССР маршалу С.К. Тимошенко служебную записку следующего содержания:

«Существование на одном месте частей литовской, латвийской и эстонской армий считаю невозможным. Высказываю следующие предложения.

Армии всех трех государств разоружить и оружие вывезти в Советский Союз.

Или после чистки офицерского состава и укрепления частей нашим комсоставом допускаю возможность на первых порах или в ближайшее время использовать для войны части литовской и эстонской армий, вне БОВО, примерно — против румын, турок, афганцев и японцев.

Во всех случаях латышей считаю необходимым разоружить полностью.

После того как с армиями будет покончено, немедленно (48 часов) разоружить все население всех 3 стран. За несдачу оружия расстреливать.

К выше перечисленным мероприятиям необходимо приступить в ближайшие дни, чтобы иметь свободу рук для основной мобилизационной подготовки округа.

Для проведения вышеуказанных мероприятий БОВО готов, лишь прошу приказ по мероприятиям дать за 36 часов до начала действий.

Генерал-полковник танковых войск Д. Павлов
21.06.40 г. 12 ч.15 мин.»

Следует отметить, что латвийская армия того времени представляла собой едва ли не самую боеспособную часть «Прибалтийской Антанты». Правительство Ульманиса не жалело средств на свои вооруженные силы. Так, в 1936 году в Великобритании были заказаны самолеты для ВВС, в 1939 году в Швеции — зенитные орудия. В Валге в начале декабря 1934 года эстонским и латвийским командованием были проведены совместные командно-штабные учения, на которых разрабатывались планы военных действий против СССР. В мае-июне 1938 года прошли аналогичные полевые учения.

Помимо мобильной, хорошо вооруженной армии в республике имелся ряд национальных военизированных организаций. Молодежь была вовлечена в аналог «Гитлерюгенда» — «Мазпулку». Взрослая часть населения, включая женщин, объединилась в организацию «Айсарги» («Охранники»). Существовавшая с 1919 года, эта милитаризованная структура, приняла активное участие в государственном перевороте в мае 1934 года, результатом чего главой государства стал ее прежний руководитель Карл Ульманис.

Организация строилась по территориальному принципу, охватывая все уезды Латвии, и к 1940 году насчитывала в своих рядах до 40 тысяч человек (21 полк). Члены организации объединялись во взводы, роты, батальоны и полки. Руководство «Айзсаргами» осуществлял штаб, во главе которого стоял бывший министр общественных дел Латвии Альфред Берзиньш.

Каждый член организации имел винтовку, пистолет и запас патронов. Помимо стрелкового вооружения, имелась и артиллерия. Каждый «охранник» пользовался рядом привилегий, одновременно являясь резервистом национальных вооруженных сил. Помогая полиции, «охранники» в дни революционных праздников собирались в определенных пунктах для подавления возможных выступлений. Ими изучалась тактика уличных боев, осуществлялась охрана бастующих предприятий и штрейкбрехеров. «Айзсарги», живущие в пограничной полосе несли охрану границы. Айзсаргом мог стать и русский житель Латвии. Так, начальником группы по борьбе с партизанами при одном из волостных управлений был И. Селиванов. В составе его группы в основном служили агенты-русские.

После присоединения Латвии к СССР организация формально была распущена, но ряд ее членов ушел в подполье и вошел в ряд подпольных вооруженных формирований — «**Страж Отечества**» («**Тевияс Саргс**»), «**Латышский Национальный Легион**», «**Военную организацию освобождения Латвии**».

В 1931 году была создана национальная организация «**Громовой Крест**» («**Перконкруст**»). К осени 1934 года она насчитывала в своих рядах около 5 тысяч человек. В 1940 году после вступления в Латвию Красной Армии группа актива «Перконкруста» рекомендовала своим членам вступать в компартию Латвии для сохранения ценных кадров.

«**Латвияс Сарги**» («**Защитники Латвии**») были созданы в мае 1941 года. Организация ставила своей задачей восстановление прежней Латвии при помощи Германии. После оккупации немцами Латвии «Защитники» были распущены, но большая их часть перешла на службу к новым хозяевам. В 1944 году по инициативе немецкой разведки организация была восстановлена и ее кадры использовались для ведения подрывной работы в советском тылу.

Советскими органами контрразведки был вскрыт ряд агентурных и диверсионных групп из числа членов вышеперечисленных национальных организаций и местных фольксдойче. В марте 1941 года была разоблачена резидентура немецкой разведки, действовавшая совместно со «**Стражами отечества**» («**Тевияс Саргс**»). По делу были арестованы 74 человека. В их числе резидент, подданный Германии Ганс Шинке, бывший владелец рижской фирмы и представитель машиностроительных трестов в Германии. При аресте у него были изъяты 18 гранат «Мильса», 7 мелкокалиберных винтовок и немецкий карабин, 620 патронов, 3 револьвера, типографское оборудование, валюта и списки с адресами квартир членов правительства ЛССР, наставления РККА, карты Риги и Виндавы с нанесенными на них местами расположения военных объектов, аэродромов, списки «агентов НКВД», шифропереписка и копия донесения в Германию о возможностях совместной работы со «**Стражами отечества**».

Арест группы, позволил пролить свет на цели и задачи существования латышского подполья. Из показаний арестованных НКВД стало известно, что «**Стражи**» ставили своей задачей объединение всех националистически настроенных латышей и подготовку вооруженного восстания. Подпольщиками были созданы ячейки в частях РККА (Латвийский корпус) из числа бывших офицеров латвийской армии, развернута работа по скупке и хищению оружия. Стало также известно, что «**стражи**» налаживали связи с подпольем в Эстонии и Литве и взяли на себя инициативу созыва нелегальной конференции националистического подполья Прибалтики. По указанию немецкой разведки ими готовилось вооруженное выступление и действия диверсионных групп в момент нападения Германии на СССР. Для этой цели были размножены фотопланы районов Риги, выделены районные организаторы выступления.

Помимо латышского национального подполья германская резидентура активно вербовала также агентов среди русских белоэмигрантов.

21 мая 1941 года в сообщении Абвера-2 говорилось: «Восстания в странах Прибалтики подготовлены, и на них можно надежно положиться. Подпольное повстанческое движение в своем развитии прогрессирует настолько, что доставляет

известные трудности удержать его участников от преждевременных акций. Им направлено распоряжение начать действия только тогда, когда немецкие войска, продвигаясь вперед, приблизятся к соответствующей местности с тем, чтобы русские войска не могли обезвредить участников восстания».

Из того же источника известно, что латвийское подполье получило задание захватить и охранять (или испортить, но не уничтожить) 16 важнейших военных объектов, в том числе радиостанции Риги, Кулдиги, Мадоны, Лиенаи, железнодорожные и шоссейные посты в Даугавпилсе и Екабпилсе, главпочтамт в Лиенае, а в Приекуле почтамт, телеграф и телефонную станцию.

В эмигрантском журнале «Даугавас Ванаги Менешракстс» № 3 за 1982 год бывший офицер СС И. Кажоциньш пишет, что хорошо вооруженные группы «пятой колонны» завода ВЭФ должны были на нескольких грузовиках 15 июня 1941 года выехать из Риги на «экскурсию» в Видземе, в Мадонский уезд, где существовала большая подпольная организация айзсаргов. По дороге рижские диверсанты должны были объединиться со своими мадонскими «коллегами», довооружиться их оружием, заранее припрятанным в грузовиках, совместными усилиями захватить Мадонскую радиостанцию и призвать жителей Латвии к свержению Советской власти.

Этот план был сорван депортацией части населения, начавшейся в ночь с 13 на 14 июня 1941 года. Ее «жертвами» стали и «туристы». Был сорван захват ряда других важных объектов. По документам полиции безопасности и СД Латвии, 14 июня 1941 года было арестовано и выслано около 5 тысяч членов «пятой колонны» из 40-тысячного подполья.

Всего на 17 июля 1941 года по Латвии было арестовано 5625 человек, выслено 5978, всего репрессировано 9156 человек. Были арестованы также 424 офицера 24-го корпуса, на которых имелся компрометирующий материал. Метла бериевской чистки вымела и многих невиновных граждан Латвии. Среди них были женщины и дети, старики и больные люди. Безосновательно были репрессированы командир 24-го территориального корпуса генерал-лейтенант Кливиньш и командир 181-й стрелковой дивизии того же корпуса генерал-майор Лепинь. Впоследствии оба реабилитированы посмертно.

Однако переломить ситуацию этими мерами не удалось. С первых же минут начала боевых действий латвийская «пятая колонна» вступила в бой. 23–24 июня 1941 года националисты начали обстреливать из пулеметов и винтовок правительственные учреждения и штаб Прибалтийского военного округа, военные казармы и проходящие части РККА. В ночь на 24 июня группа латышей ворвалась в дом работников ЦК Компартии Латвии с целью их уничтожения. Силами 5-го мотострелкового полка НКВД, ОКПП «Рига» и резерва коменданта города группа была рассеяна. В ходе боя 120 человек нападавших было убито, 457 пленены.

Но это было только начало. С продвижением немецких войск вглубь территории Прибалтики активизировались повстанцы. Читая «Краткое описание боевых действий 5-го мотострелкового полка и 22-й мотострелковой дивизии войск НКВД за период с 22 июня по 13 июля 1941 г.» полковника Головки, понимаешь, что у советских частей в то время тыла не было:

«В г. Риге враждебные элементы развернули активные действия: наводили панику в тылу армии, деморализовали работу штабов, правительственных и советских учреждений, тормозили эвакуацию ценностей и совершали диверсии.

Враги установили на колокольнях церквей, башнях, чердаках и в окнах домов пулеметы, автоматы и вели обстрел улиц, зданий штаба СЗФ, ЦК ЛКП(б), СНК, телеграфа, вокзала и НКВД. Такое положение заставило развернуть самую жестокую борьбу с контрреволюционным элементом в городе.

Я объединил все войска НКВД Рижского гарнизона, организовал усиленную охрану всех важных объектов, выставил посты и пикеты на улицах города, систематически освещал патрульными отрядами весь город. С пятой колонной повел жестокую борьбу, на каждый произведенный выстрел отвечал огнем пулеметов и танковых пушек.

За 23, 24, 25 июня с.г. активность пятой колонны была подавлена. По приказу начальника охраны СЗФ генерал-майора т. Ракутина были расстреляны 120 пойманных негодяев из пятой колонны, о чем было объявлено населению с предупреждением о сдаче оружия.

Действия частей НКВД парализовали активность пятой колонны, не дали возможность выполнять задания фашистских хозяев, и, как видно из донесения руководства пятой колонны, немцы решили уничтожить 5-й полк НКВД.

В 3 ч. 15 мин. 27 июня 1941 года немецкая авиация произвела налет на территорию 5-го полка. Шесть фугасных бомб попало во двор полка, но так как накануне мною полк был выведен из казармы и рассредоточен, то от бомбежки пострадала только дежурная часть, располагавшаяся во дворе. В результате налета полк потерял 39 человек убитыми и ранеными, сгорело 13 автомашин и 4 станковых пулемета. Это была первая большая потеря полка.

Перед погибшими товарищами личный состав полка дал клятву беспощадно громить фашистских гадов, и в тот же день буржуазия Риги почувствовала месть на своей шкуре за погибших товарищей...».

Впоследствии 5-й мотострелковый полк принимал участие в обороне г. Риги в составе 22-й дивизии НКВД. Фактически это были наиболее боеспособные части, ибо 30 июня в город вошли деморализованные, отступавшие части РККА. В Риге в это время по-прежнему действовали националисты, которые вели обстрел отходящих частей. Аналогичная ситуация сложилась в городах Сигулде и Вильянди. Армия отступала.

В первых рядах немецких войск, входивших в Латвию, находились латвийские эмигранты. В Лиепаю гитлеровцев ввел Густав Целминь, получивший после окончания Кенигсбергской разведшколы звание зондерфюрера. Должность префекта Риги занял Штиглиц — бывший начальник тайной агентуры политического управления Латвии. 8 июля 1941 года он доносил начальнику полиции и СД Латвии Краусу: «За сутки арестован 291 коммунист и в 557 квартирах произведены обыски». Всего в гитлеровские карательные органы до 1 сентября 1943 года поступили на службу 36 тысяч человек из числа латышских националистов. В своих верноподданических чувствах вождю Третьего Рейха расписалось собрание национальных представителей Латвии, которое прошло в Риге 11 июля 1941 года. Представители направили Гитлеру телеграмму с выражением благодарности за освобождение от Советов и выказали готовность послужить делу строительства «Новой Европы».

К строительству «Новой Европы» приступили немедленно, начав с истребления евреев и коммунистов.

В первых числах июля в Ригу вошла оперативная группа А полиции безопасности и СД, предназначенная для действий в тылу немецкой группы армий «Север». Была организована охрана города с помощью **вспомогательной латышской полиции** («**Дрошибас полиция**» — насчитывала 400 человек). Ее главой был назначен подполковник Найс. Впоследствии настоящее имя этого человека станет известно всему миру. Под этим псевдонимом скрывался Арайс, он же Абе-литис Виктор-Бернхардт Теодорович. До войны он дослужился до чина майора латвийской армии, работал юристом, имел в Риге частную юридическую контору. Уже потом он станет командовать **3-м латвийским батальоном СД**, в 1942 году получит чин штурмбанфюрера СС и пост начальника латышской полиции безопасности, в июле 1943 года получит Крест боевых заслуг с мечами.

Сформированный Арайсом батальон впоследствии называли кратко — **«команда Арайса»**. Личный состав команды состоял в основном из студентов университета и учеников старших классов рижских школ, некоторым из которых едва исполнилось пятнадцать лет. Батальон специализировался на массовых расстрелах. По показаниям члена «команды» Лиготниса, только с января по март 1943 года в Бикерниекском лесу латышскими полицейскими были расстреляны более 10 тысяч человек. Сам Арайс активно участвовал в расстрелах и требовал того же от подчиненных. Известно его высказывание: «Что это за офицер, который не убил ни одного жида?». Под стать командиру были и офицеры. Один из них был национальным героем Латвии. Капитан ВВС Герберт Цукурс в середине тридцатых годов совершил беспрецедентный перелет из Латвии в Западную Африку. В команде Арайса ему был выделен персональный автомобиль, на котором он выезжал на акции. После войны капитан Цукурс скрывается в Бразилии, где открыл свою частную летную школу. Его выследил чудом уцелевший еврей, бывший узник еврейского гетто. Он сумел войти к нему в доверие, предложил стать компаньоном и, уловив момент, убил его. Другой «герой» команды Арайса лейтенант кавалерии Вилис Рунк стал комендантом концлагеря в

Вейцмуже близ Валмиеры. Весной 1942 года он придумал новый способ расстрела узников — примерно 180 человек связывали между собой тонкой веревкой на запястьях. Первый убитый увлекал за собой в ров и остальных.

Летом 1941 года команда Арайса расширила поле своей деятельности. Под контролем и общим руководством офицеров СД члены отряда выезжали в «командировки» в провинцию. На конфискованных автобусах они разъезжали по городам и селам и убивали.

Помимо арайсовцев привлекались к расстрелам и **подразделения рижской речной полиции**.

Латышская полиция в начале своей деятельности носила форму латышской армии и нарукавную повязку с изображением черепа, двух перекрещенных костей и надписью «Вспомогательная полиция безопасности».

Помимо формирования вспомогательной полиции оперативная группа А создала **две группы из местных коллаборационистов** для проведения погромов. Были разрушены все синагоги, расстреляно 400 евреев. Впоследствии командир айзтацгруппы А бригаденфюрер СС В. Штальэккер докладывал в Берлин: «...Значительно сложнее (по сравнению с Литвой — Ч.С.) было организовать чистки и погромы в Латвии. В основном это объяснялось тем, что национальное руководство было угнано Советами. Однако путем оказания влияния на латышскую вспомогательную полицию удалось организовать еврейский погром, во время которого было разрушено несколько синагог и убито 400 евреев...».

В Даугавпилсе полицейскими было арестовано 1125 евреев, 32 политических преступника, 85 русских рабочих и две женщины-уголовницы. Шеф полиции безопасности и СД остался доволен работой латышей: «Действия против евреев развертываются. По инициативе оперативной команды из всех существующих домов служба вспомогательной полиции сейчас выселяет евреев, передавая их квартиры нееврейской части населения. Латыши изгоняют еврейские семьи из города, а мужчин задерживают... Задержанных мужчин-евреев сразу расстреливают и погребают в заранее подготовленных рвах. Оперативной командой 16 в Даугавпилсе до настоящего времени расстреляно 1150 евреев».

Аналогичная ситуация сложилась по всей Латвии. В Лиепае, по сообщению шефа СС и полиции Лифляндии, казнь евреев население не одобряло. По городу был пущен слух, что процесс казни, проводившийся латышами, немцы специально снимали на киноплёнку в качестве компромата.

Помимо истребления еврейской части населения Латвии, части местной самообороны (впоследствии и полиция) привлекались для прочесывания лесных массивов с целью пленения либо уничтожения отставших подразделений Красной Армии и парашютистов. В ночь на 13 ноября 1941 года, в районе южнее Валка был сброшен парашютный десант в составе 10 человек. В ночь на 15 ноября они были обнаружены в лесу самооборонцами. В перестрелке четверо парашютистов были убиты, один из них погиб, подорвав себя ручной гранатой, остальные скрылись.

Вскоре в Латвии был наведен «Новый Порядок». Полицейские формирования занялись его экспортом в Белоруссию и Украину.

Латвийские полицейские формирования

Первая латышская полицейская часть была создана в июле 1941 года бывшим офицером латвийской армии Вольдемаром Вайсом. Впоследствии Вайс удостоится одной из высших наград Рейха — Рыцарского креста.

Официальное существование латвийских вспомогательных полицейских рот началось с 3 июля 1941 года. В этом же месяце из 240 военнослужащих этих рот были организованы шесть полицейских районов и формально приданы Вспомогательной полиции порядка, но напрямую ими руководила СД.

Формировавшиеся в Латвии полицейские батальоны насчитывали в своем составе от 500 до 550 человек.

В сентябре 1941 года был сформирован **16-й Земгальский полицейский (шума) батальон**. До конца 1943 года были сформированы 45 латышских батальонов с номерами с 16-го по 28-й, с 266-го по 283-й, с 311-го по 322-й. Общая их численность оценивалась в 15 тысяч человек. Батальоны несли охрану тыла, некоторые направлялись для борьбы с партизанами на терри-

торию Украины и Белоруссии. Часть этих формирований действовала на фронте в полосе группы армий «Север».

По информации советской военной разведки в августе-октябре 1942 года нижеперечисленные латышские батальоны были дислоцированы в следующих областях:

- 17-й — район Шолохово,
- 21-й — действовал на Ленинградском фронте,
- 23-й и 28-й — Кривой Рог,
- 24-й — Столбцы (Белоруссия),
- 27-й — Сталино,
- 268-й — Картуз Береза (Польша) — 450 человек.

Кроме того, советскую разведку интересовало общее количество батальонов, сформированных в Латвии: «Латвийские охранные и полицейские батальоны. 15, 17, 20, 22, 23, 24 — латвийские полицейские батальоны, 271, 276, 277, 278, 251 — латвийские охранные батальоны, 313, 315, 316, 317 — латвийские отдельные батальоны, 2, 95, 395 — латвийские строительные батальоны. Из 16, 17, 19, 21, 22, 23 полицейских батальонов сформирован 1-й полк СС, переформированный затем в 39 пехотный полк, из 276, 277, 278 и 281 охранных батальонов сформирован 1 полицейский полк».

Помимо военнослужащих латышей, часть батальонов была укомплектована русскими, украинцами и белорусами. Так, 283-й охранный батальон, состоявший из русских военнослужащих, перешел в 1943 году на сторону партизан.

О том, что представлял собой латвийский батальон, сообщает разведсводка штаба 1-й Ударной армии:

«**23-й латвийский полицейский батальон** действовал 30.07.1944 г. в районе Мейраны. Сформирован в 1942 году, действовал в Крыму, где под Керчью был разгромлен, затем вновь сформирован. На 01.07.44 штаб батальона в Яунматгале, роты в районах: Балви, Тиле, ст. Жигуры, Карсава. Борьба с партизанами. 23.07.44 2-я рота расположенная в Балви убыла в западном направлении. Численный состав 2-й роты — 120 человек. 9 ручных пулеметов, 2 станковых. В батальоне 4 роты».

За этими сухими бухгалтерскими строчками читатель не видит результатов той службы, которую несли латышские военнослужащие. Между тем, батальоны, размещенные в многострадальной Белоруссии, действовали в точном соответствии

с инструкциями, полученными ими от немецких устроителей «Нового порядка».

На 1 июля 1942 года на территории Белоруссии действовали четыре латышских полицейских батальона: 18-й, 24-й, 26-й, 266-й «Е», которые в строевом отношении подчинялись командующему силами полиции и СС Остланда, а в оперативном — командующему полицией порядка Белоруссии. Батальоны дислоцировались соответственно в Столбцах, Станьково, Бегомле и в Минске. К концу года из Латвии в Ганцевичи прибыл **271-й латышский полицейский батальон**.

18-й шуцманшафтбатальон в количестве 395 человек (22 офицера и 75 унтер-офицеров) прибыл в Белоруссию в мае 1942 года из Риги. Немецким офицером связи в батальоне был гауптман шуцполиции Эрзум. Командовал батальоном капитан Зихерт. Батальон дислоцировался в Столбцах. 6 июня 1942 года он совместно с частями вермахта и полицией безопасности принимал участие в антипартизанской операции в треугольнике Узда-Копыль-Столбцы. Батальону была придана команда СС, под командованием гауптштурмфюрера СС доктора Кунца, состоящая из 3-х офицеров, 6 унтеров, 6 переводчиков и 8 рядовых. Летом 1942 года батальон под командованием майора Рубениса на протяжении нескольких дней принимал участие в уничтожении гетто в г. Слониме Барановичской области. Перед расстрелами людей раздевали донага. Изымали ценности, рвали золотые зубы. Капрал Эдгар Вульнис фотографировал сцены массовых убийств и позднее продавал фотографии по пять марок за штуку. В перерывах между расстрелами лейтенант Эглас хвастался своим умением точно стрелять. Он цинично заявлял: «С 30 метров прямо в голову — для меня это просто». Приказом командующего полицией порядка Белоруссии полковника Клепша от 28 августа 1942 года капитану и командиру батальона Фридриху Рубенису была объявлена благодарность: «24.07.1942 г. возле имени Налибоки в бою с превосходящей бандой, благодаря особой находчивости и хорошему руководству батальоном смог уничтожить противника».

24-й полицейский батальон в количестве 433 человек в конце мая 1942 года прибыл из Лиепай в Станьково под Минском. Командовал батальоном гауптман шуцполиции Виль-

гельм Борхардт. Немецким офицером связи при батальоне был гауптман Маркварт. В конце августа — сентябре 1942 года батальон в составе группы (полка) майора Бинца принимал участие в проведении боевых операций против партизан, под кодовыми наименованиями «Болотная лихорадка “Север”» — в районе Кривичи-Долгиново, «Болотная лихорадка “Запад”» — в районе Ивенца — Столбцы, «Болотная лихорадка “Юго-Запад”» — в Барановичском, Березовском, Ивацевичском, Слонимском и Ляховичском районах. Обстановку боевых действий батальона передает его боевой дневник:

«4-е сентября 1942 года. 3-00. Шум боя в западном направлении.

3-12: радиограмма из 24-го латышского батальона: “На участке сильная стрельба”.

7-15: 24-й латышский батальон сообщил об экзекуции одного еврея.

8-30: распределение автомашин, приданных полку вермахтом, между 24-м латышским и 3-м литовскими батальонами.

9-55: радиограмма из 3-го литовского батальона: “На участке все спокойно. На участке 24-го латышского батальона шум боя”.

5 сентября 1942 года, 7-30: штабной врач едет в д. Новый Двор для эксгумации трупов. Там расстреляны партизанами латыши.

8 сентября 1942 г. 4-30: батальон, преодолев более 250 км, прибыл в Слонимский район и расположился в д. Гловсевици для участия в заключительной части операции “Болотная лихорадка “Юго-Запад”.

17-05 1-я рота батальона ведет бой с партизанским отрядом численностью в 200 человек.

10 сентября 1942 г. В ночь с 9 на 10 сентября 1942 г. произошло неприятное столкновение с неизвестным противником южнее Жировичей. После безуспешного отзыва на пароль — короткая перестрелка. Противником оказался саперный взвод 24-го латышского полицейского батальона, который во время разведки углубился слишком далеко и на обратном пути заблудился. В результате перестрелки 3 человека ранены. Один из них в течение дня умер».

Операция продолжалась до 22 сентября 1942 года. После ее завершения 24-й батальон по железной дороге был отправлен в Столбцы, а оттуда пешим порядком в д. Налибоки.

271-й батальон принимал участие в очередной антипартизанской акции на Слонимщине в декабре 1942 года в составе группы Бинца. Батальон прекрасно зарекомендовал себя в глазах немцев. За время операции были выявлены и уничтожены несколько партизанских лагерей и убито 1676 партизан, по подозрению в связи с ними было расстреляно 1510 человек, захвачено 4 броневика, 8 противотанковых ружей, огромное количество скота и зерна. В населенных пунктах, расположенных в районе операции, были уничтожены 2658 еврея и 30 цыган. Немецкая сторона потеряла 7 человек убитыми и 18 ранеными.

Впоследствии 271-й батальон в составе группы Бинца принимал участие в операции «Фен-1». За время операции каратели убили 83 человека, 22 расстреляли по подозрению в принадлежности к партизанам, трофеи: 15 винтовок, 7 телег, 15 тысяч патронов к винтовкам, 10 ножей, 22 сигнальных патрона, 43 лошади, 1 ротатор, 968 голов скота, 14717 кг зерна, 153 овчины. Потери батальона — 6 человек убито.

266-й батальон (по другим сведениям — 266-й «Е») был сформирован в Риге и по данным на 1 июня 1942 года дислоцировался в Минске. Он насчитывал 682 человека (54 офицера и 222 унтера). Командир гауптштурмфюрер СС Вихман. В августе-сентябре 1942 года батальон принимал участие в операции «Болотная лихорадка» в качестве резерва.

25-й латышский батальон (14 офицеров, 63 унтера и 366 рядовых, командир подполковник Пликаус) был передислоцирован из Лиепайи в Брест-Литовск в июле 1942 года и был перебросен в район Житомир — Коростень — Овруч. С 17 июля подразделения батальона принимали участие в карательных операциях против партизан на юге Белоруссии (Ельчицы, Скародное, Ельск, Словечно, Буйновичи). В ноябре 1942 года батальон принимал участие в операции в районе Хойники — Брагин — Лоев, в феврале 1943 года — в операции «Горнунг» на территории Минской, Пинской и Полесской областей.

В 1942 году на территории Белоруссии также действовали 432-й, 15-й, 18-й и 208-й (17 офицеров и 450 солдат) поли-

цейские батальоны. Всего в 1942 году на территории Белоруссии в разное время находились следующие формирования: 15-й, 17-й, 18-й, 24-й, 25-й, 26-й, 208-й, 266-й «Е», 268-й, 271-й и 432-й латышские полицейские батальоны. Некоторые из них продолжали оставаться на территории Белоруссии и в 1943 году. На смену другим прибывали батальоны из Латвии.

Во время операции «Зимнее волшебство», направленной против партизан и населения Россоно-Освейской партизанской зоны, проведенной в феврале-марте 1943 года, в боях с партизанами принимали участие 10 полицейских батальонов, восемь из которых были латышскими (273-й, 276-й — 282-й) а также 2-й литовский и 50-й украинский. В ходе операции было уничтожено и сожжено живьем 15000 местных жителей, 2000 угнаны на каторгу в Германию, более 1000 детей помещено в Саласпилский лагерь смерти в Латвии. Разграблено и сожжено 158 населенных пунктов. В Освейском районе были сожжены все леса, население полностью уничтожено. Латышам было все равно кого карать — местного хлебороба белоруса или пойманного советского партизана. Во время операции каратели практиковали «метод разминирования дорог и полей с помощью местного населения» — людей гнали под дулами пулеметов на мины. Метод оказался столь эффективен, что немцы жаловались на недостаток местного населения для последующего «разминирования».

Через два дня после завершения операции была сожжена вместе с жителями Хатынь.

По окончании «Зимнего волшебства» батальоны возвратились в Латвию: 282-й — в район Краслау, 277-й — в район Индра-Пустине-Асуне, 278-й — в район Скуне-Воослобода, 279-й — в район Розенов-Пасссиене, 273-й — в район Лудзен-Корсава, 276-й в район Абрене, 280-й и 281-й в Болдораа и Ригу, где должны были быть расформированы командующим полицией службы порядка. В Вильнюс возвратились 2-й литовский и 50-й украинский полицейские батальоны, в Ревель — 1-я рота 36-го полицейского батальона. На этом посещения Белоруссии карателями из Латвии не закончились. В октябре-ноябре 1943 года латыши принимали участие в масштабной операции «Генрих». Это мероприятие под

командованием обергруппенфюрера СС Бах-Зелевского было направлено против партизан Россоно-Освейской зоны (районы: Себеж — Пустошка, Пустошка — Невель — Полоцк, Полоцк — Дрисса, Дрисса — Освея — Себеж).

Латышские батальоны входили в состав оперативной группы Еккельна (313-й и 316-й полицейские батальоны — участок Виддера, латышский полицейский полк — группа Гахтеля, 283-й батальон (719 человек в 24 опорных пунктах), силы полицейских участков (600 человек в 22 пунктах), 1 латышский мотоциклетно-стрелковый взвод (1/78), 1 рота 317-го латышского резервного батальона — кампфгруппа Шредера).

4 февраля 1943 года командующий СС и полиции «Остланд» обергруппенфюрер СС Фридрих Еккельн издал приказ о создании **двух боевых групп** для борьбы с партизанами на латвийско-русско-белорусской границе. Первую группу возглавлял бригаденфюрер СС и генерал-майор полиции Вальтер Шредер — руководитель СС и полиции Латвии. Штаб группы дислоцировался в Риге.

Вторая группа командующего шуполицией штандартенфюрера СС и полковника полиции Макса Кнехта включала в себя штабную группу (айнзатцштаб «Кнехт»), 10-й моторизованный взвод жандармерии, сигнальный взвод Левинского, батарею (взвод) ПВО Гатье, а также 276-й, 277-й, 278-й, 279-й латвийские шумабатальоны. Всего в своих рядах группа насчитывала 2500 человек. По мере необходимости латыши Кнехта придавались кампфгруппе Шредера.

Помимо руководства и координации деятельности полицейских формирований, на Фридриха Еккельна было возложено руководство специальной группой (кампфгруппа «Еккельн») созданной для контроля и антипартизанской борьбы в тыловых районах ближайших к линии фронта. В состав группы входили немецкие полицейские подразделения, части СС, эстонские и латвийские шумабатальоны, а также добровольческий легион СС «Норвегия». Впоследствии кампфгруппа использовалась как мобильное формирование для ликвидации прорывов советских частей на фронте.

В 1944 году латышские полицейские формирования принимали участие в операции «Праздник весны» («Фрюллингфест»), проводившейся с 11 апреля по 4 мая против парти-

зан Ушачско-Лепельской партизанской зоны. В этот раз в составе группы Еккельна действовали 15-я латышская дивизия СС, 2-й и 3-й латышские полицейские полки и 5-й пограничный полк.

В марте 1944 года были сформированы **специальные полицейские моторизованные команды IW, PK, PIS** для ведения антипартизанской борьбы. Об их деятельности известно очень мало, но можно предположить, что их личный состав проходил специальное обучение в органах СД. В апреле этого же года они принимали участие в борьбе с партизанами под общим руководством немецкой полиции порядка.

Наступление частей Красной Армии и действия партизан в немецком тылу стали неприятной неожиданностью для немецкого командования и обстановка потребовала немедленного комплектования более крупных боевых единиц для охраны тыла и использования на фронте. 1 августа (по другой информации 27 июля) 1943 года началось формирование 1-го **латвийского полицейского полка «Рига»** (Lettische Freiwilligen Polizei regiment «Riga»). В его состав были включены 276-й, 227-й, 278-й и 312-й латвийские полицейские батальоны. Все они получили номера с 1-го по 4-й (соответственно).

Уже 20 сентября 1943 года полк был переброшен южнее Даугавпилса на территорию Польши для проведения антипартизанских акций. В конце октября полк продвинулся на территорию Литвы, откуда по железной дороге был переброшен в Идрицу, затем выступил в направлении Невеля и озера Ясное где встретил наступающие части Красной Армии. Заняв оборонительную позицию, 7 ноября латыши столкнулись с сильными передовыми частями, но выстояли под первыми ударами, понеся тяжелые потери. Последующие два месяца остатки полка и 313-й и 316-й полицейские батальоны перебрасывались на угрожаемые участки обороны и ими затыкали бреши в обороне. 12 января 1944 года на Невельском участке фронта началось новое советское наступление. С середины января по середину марта полк по-прежнему использовался как пожарная команда. Лишь в марте 1944 года он был выведен с передовой в Латвию на реформирование. За стойкость и мужество личный состав полка был удостоен почетной награды — нарукавной именной ленты.

В середине июля 1944 года полк покинул Латвию и прибыл в Витебск в подчинение командования группы армий «Центр». В сентябре 1944 года полк был переформирован, а в октябре вывезен на немецких судах в Вентспилс, где получил немецкое оружие и снабжен всем необходимым для ведения боевых действий. В декабре 1944 года полк был расформирован, а его личный состав влит в 15-ю латвийскую дивизию СС.

2-й полицейский полк «Лиепая» был также сформирован из полицейских батальонов (22-й, 25-й, 313-й, 316-й). В конце февраля 1944 года он вел боевые действия против партизан у р. Даугавы. Летом 1944 года полк был придан группе Еккельна, а позднее вошел в подчинение 22-й пехотной дивизии. После тяжелых потерь, понесенных в боях против Красной Армии, полк был расформирован, а остатки личного состава были переданы в полк «Рига».

3-й полицейский полк, созданный из 317-го, 318-го, 321-го полицейских батальонов, был придан кампфгруппе Еккельна и принимал участие в боях против советских частей под Даугавпилсом. Позднее полк был расформирован, а его личный состав также передан на усиление полка «Рига».

16 сентября 1944 года началось формирование 2-го латвийского полицейского полка «Курземе». В октябре того же года личный состав полка был вывезен по морю в Данциг, а оттуда в Торунь, где был расформирован, а его личный состав передан на пополнение 15-й латвийской дивизии СС.

Помимо латышских полицейских батальонов, в феврале 1944 года были сформированы **шесть пограничных полков** (с 1-го по 6-й) четырехбатальонного состава. Численность каждой из этих боевых единиц составляли 2,7 тысячи человек. Из-за нехватки вооружения первые два полка были расформированы в марте того же года, их личный состав распределили по другим частям. В июле был расформирован 3-й полк, а его личный состав включен в 19-ю латвийскую дивизию СС. Остальные полки использовались в антипартизанских акциях и на строительстве укреплений вдоль бывшей советско-латвийской границы, а также сражались на фронте против Красной Армии, будучи приданными немецким пехотным дивизиям. К октябрю 1944 г. все они были расформи-

рованы ввиду больших потерь, а их личный состав направлен на пополнение латвийских частей войск СС.

Согласно материалам Разведывательного Управления Генерального штаба Красной Армии «...в феврале-марте 1944 года в Латвии сформированы 1, 2 и 3 пограничные полки. Рядовой состав 2-го полка — 2500 человек. В марте 1944 г. пошел на пополнение частей 15-й лат. п/д СС, а командный состав от командиров отделений и выше возвращен в Ригу. 1-й погранполк якобы отправлен на фронт, а 3-й готов и отправлен на Идрицкое направление.

1-й лат. полицейский полк: сформирован в августе 1943 года из 276, 278 и 279 (г. Рига) и 281 охранных батальонов. Командир — подполковник Мейя».

К лету 1944 года общая численность латвийских полицейских, пограничных, вспомогательных, строительных частей и СД составляла 54 504 чел. Еще 32 418 человек служили в рядах СС, 628 — в авиационном легионе, 10 584 — в РАД и организации Тодта, 12 159 — в немецких частях в качестве добровольных помощников — «хиви».

В конце этой главы хотелось бы рассказать об одной скандальной послевоенной истории. В 1956 году эмигрантский военно-исторический журнал «Часовой» опубликовал статью бывшего офицера по особым поручениям штаба РОА поручика В. Балтиньша (латыша по национальности) под названием «Не смею молчать». Рассказ этот о действиях латышей в Белоруссии (Витебская область):

«В 1943 году началась постепенная мобилизация латышей для пополнения значительно поредевших добровольных латышских частей. Главой латвийского “Эсэс” немцами был поставлен генерал Бангерскис.

В конце 1943 года я был командирован одним латвийским учреждением в Россию — в бывшую Витебскую губернию. Много видел я сам, многое узнал со слов жителей деревень Князево (Красное), Барсуки, Розалино и др. Когда немецкие части, занимавшие эти деревни и вполне терпимо относившиеся к населению, ушли, им на смену пришли части латвийского “Эсэс”. И сразу начался страшный беспричинный террор. Жители были вынуждены по ночам разбегаться по лесам и скрываться в них, как дикие звери.

В 1944 году я приехал в деревню Морочково. Вся она была сожжена. В погребах хат расположились латышские эсэсовцы. В день моего приезда их должна была сменить вновь прибывшая немецкая часть, но мне все-таки удалось поговорить по-латышски с несколькими эсэсовцами. Я спросил у одного из них — почему вокруг деревни лежат непогребенные трупы женщин, стариков и детей — сотни трупов, а также убитые лошади. Сильный трупный запах носился в воздухе. Ответ был таков: — “Мы убили их, чтобы уничтожить как можно больше русских”. После этого он подвел меня к сгоревшей хате. Там лежало также несколько обгорелых тел, полузасыпанных соломой и пеплом.

— А этих — сказал он, — мы сожгли живьем...

Когда эта латышская часть уходила, она взяла с собой в качестве наложниц несколько русских женщин. Последним вменялось в обязанности также стирать белье солдатам, топить бани, чистить помещения и т.п. После ухода этой части, я с помощью нескольких человек, разрыл солому и пепел в сгоревшей хате и извлек оттуда полуобгорелые трупы. Их было 7, все были женскими и у всех к ноге была привязана проволока, прибитая другим концом к косяку двери. Сколько же мук перенесли несчастные, прежде чем они умерли...

Мы сняли проволоку с окоченевших обгорелых ног, вырыли семь могил и похоронили несчастных, прочитав “Отче Наш” и пропев “Вечную память”. Немецкий лейтенант пошел нам навстречу. Он достал гвозди, доски, отрядил в помощь нам несколько солдат и мы, соорудив семь православных крестов, водрузили их над могилами, написав на каждом: “Неизвестная русская женщина, заживо сожженная врагами русского народа — латвийскими эсэсовцами”.

На следующий день мы перешли маленькую речку, и нашли вблизи нее несколько уцелевших деревянных хат и жителей. При виде нас последние испугались, но нам удалось быстро успокоить их. Мы показали им семь свежих крестов и рассказали о том, что видели и сделали. Крестьяне горько рыдали и рассказывали о том, что им пришлось пережить за время пребывания здесь латышских эсэсовцев.

В мае месяце, в районе деревни Кобыльники в одной из ложбин я видел около трех тысяч тел расстрелянных крестьян

ян, преимущественно женщин и детей. Уцелевшие жители рассказывали, что расстрелами занимались “люди, говорившие по-русски, носившие черепа на фуражках и красно-белые флажки на левом рукаве” — латышские эсэсовцы.

Не помню название деревни, в которой внимание мое привлекла туча мух, кружившаяся над деревянной бочкой. Заглянув в бочку, я увидел в ней отрезанные мужские головы. Некоторые были с усами и бородами. Вокруг деревни мы нашли немало трупов расстрелянных крестьянок. После разговора с уцелевшими жителями, у нас не осталось сомнений в том, что и здесь также оперировали латышские эсэсовцы, показавшие свое мужество и неустранимость в расправах над незащищенным населением. Все остальное, творимое ими, кажется ничтожным по сравнению с той страшной бочкой и заживо сожженными в хате женщинами.

На такие же факты пришлось натолкнуться и в Псковской губернии, со стороны эстонских эсэсовцев. Не удивительно, что все мужское население уходило в леса — в партизаны, чтобы оказывать хотя бы тайное сопротивление подобным отрядам, не будучи в силах справиться с ними другим путем.

В Риге на Московском форштадте гитлеровцы создали еврейское гетто, охрана и управление которого были также возложены на латышей. Не стоит распространяться о зверствах, которые там творились.

За “храбрые действия” латвийских частей эсэс генерал Бангерскис получил от Гитлера чин генерал-лейтенанта и немецкий железный крест.

В 1945 году после окончания войны несколько тысяч русских власовцев, а также сам генерал Власов и генералы П.Н. Краснов, Шкуро, А.А. Малышкин, В.Ф. Жиленков, Г.Н. Трухин, Ф.И. Закутный, Д.Е. Благовещенский и др. были насильно выданы английским командованием большевикам, но ни один эсэсовец не был выдан большевикам. В ответ на бесчинства латышских и эстонских эсэсовцев на российской территории генерал Власов сказал в редакции рижской газеты “Сегодня” — “Народы, которые хотят самостоятельности, должны сначала ее заслужить, а потом просить о ней...”».

Ответ бывшего генерал-инспектора Латышского легиона Р. Бангерскиса не заставил себя долго ждать. «Часовой»

опубликовал его статью, в которой генерал в четырех пунктах доказывает непричастность латышских формирований к жестокостям. В качестве доказательства генерал говорит что: «...если в его повествовании есть доля правды, то эти ужасы не могли быть творимы латышскими полицейскими батальонами, ни латышскими легионерами», — то есть этого не было, потому что этого не могло быть никогда.

Далее генерал удивляется способностям Балтиньша проникать в районы, «кишевшие партизанами»: «...невольно возникает вопрос, каким образом ему удавалось попасть в те места, где эти варварские действия происходили, причем немедленно же после их свершения. Для того, чтобы попасть в прифронтовую полосу, необходимо было иметь специальное разрешение военных властей и нужны были средства сообщения, каковых латвийское учреждение, “командировавшее г. Балтиньша в Россию” дать ему не могло. К тому же глава б. Латвийского земского самоуправления генерал Д-с ничего о таковой миссии г. Балтиньша не знает, так же как и не знает о состоянии его в земском самоуправлении. В то время, когда все эти прифронтовые районы кишели партизанами, г. Балтиньш в 43-44 гг. свободно разъезжал по Витебской и Псковской губерниям...».

Неуклюжие попытки защитить имя Латышского легиона и обвинить Балтиньша во всех грехах понятны, ведь Бангерскис не просто латышский генерал, он еще и полковник и командир 17-го Сибирского стрелкового полка Русской императорской армии, участник 1-й Мировой, впоследствии командовал в армии адмирала Колчака дивизией, корпусом и армейской группой. Видимо, стыдно стало за своих подчиненных...

Латыши в вермахте и СС

Вопрос о создании прибалтийских частей СС впервые был поднят в начале 1942 года, когда представители немецких властей из Латвии (генералы Данкерс и Бангерскис) и Эстонии (глава самоуправления Хельмар Мяэ) были приглашены в Берлин на совещание с высшими армейскими кругами Рейха. Высшим командованием Вермахта идея была одоб-

рена, при условии, что формирование таких частей возьмут на себя войска СС. Об этом решении сообщили Гитлеру, которому были также представлены сведения об уже имеющихся в рядах вооруженных сил прибалтийских добровольцах.

В феврале 1943 года, стараниями местной администрации, национальных офицерских кадров и при одобрении немецкого командования был образован «Латвийский Легион СС». Он объединял в себе все латвийские части и подразделения — полицейские батальоны, подразделения СС, добровольных помощников ВВС и Люфтваффе, добровольцев, служивших в немецких вооруженных силах по собственной инициативе. К этому времени шесть латвийских батальонов (16-й, 19-й, 21-й составляли 1-й полк, 18-й, 24-й, 26-й — 2-й полк) уже числились в качестве составной части 2-й бригады войск СС и действовали на Восточном фронте в районе Волхова.

9 марта 1943 года легион возглавил бывший министр обороны Латвии генерал Рудольф Бангерскис, получивший чин группенфюрера СС и пост генерала-инспектора легиона. Штаб легиона возглавил Артур Силгайлис (легионс-оберфюрер, затем легионс-штандартенфюрер). Силгайлис, как и его начальник Р. Бангерскис, ранее нес службу в рядах Русской Императорской армии и командовал во время Первой мировой войны 426-м пехотным полком.

В легион с большой охотой вступали айзсарги и перконкрустовцы. Первыми откликнулись бывшие офицеры латвийской армии — члены Союза Кавалеров военного ордена Лачплесиса. Однако большинство профессиональных военнослужащих бывшей латвийской армии не желали служить в легионе. Так, в ответ на присланное мобилизационное предписание, лейтенант латвийской армии К. Сермукслис написал: «В связи с присланным мне во вторник предписанием 1 июня с.г. прибыть на мобилизационную комиссию для принятия в ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ легион СС, смею заявить — я не записался добровольцем в легион и, посему, не считаю необходимой явку на комиссию». Мобилизационные предписания с 1 июня по 30 сентября 1943 года получили 1035 латышских офицеров, а в пункты сбора явились лишь 237 человек. В октябре повестки получили 115 офицеров, явились — 12 человек. Руководитель «Перконкруста» Густав

Целлариус широко вел пропаганду в пользу добровольческого легиона в кругах бывших латышских офицеров, но не очень в этом преуспел.

Не лучшим образом обстояло дело с мобилизацией рядового состава. С удовольствием шли служить маргиналы и не очень образованные провинциалы. Интеллигенция и городская молодежь требовали от оккупационных властей устройства в полицейские части или, в крайнем случае, в тыловые немецкие части и в ПВО.

Из призыва марта-августа 1943 года в пункты сбора не явилось 13,5 % призывников, в сентябре-декабре уже 31 %, в начале 1944 года — 32,2 %. Значительная часть явившихся дезертировала по дороге на фронт. Во фронтовые соединения легиона с марта по декабрь 1943 года направлялось 33 070 человек, а прибыли в части 25 650 человек. 7420 легионеров «испарились» по дороге.

Первоначально была создана **2-я Латышская добровольческая бригада СС**. Бригада состояла из 1-го и 2-го пехотных полков. Был также произведен дополнительный набор добровольцев десяти возрастов (1914—1924 гг. рождения) для формирования 15-й латвийской дивизии СС, три полка которой, носившие номера с 3-го по 5-й, были сформированы в середине июня. По требованию немецкого командования полки были направлены на фронт, но вмешательство Бангерскиса помешало уничтожению необученных новобранцев. В ноябре 1943 года бригада вела бои под Новосокольниками, где сдерживала наступающие части Красной армии. В марте 1944 года бригада была развернута в дивизию.

К лету 1944 года легион включал в себя 2 дивизии: 15-ю и 19-ю.

15-я латышская добровольческая дивизия войск СС (Waffen Grenadier Division der SS (Lettische №1) состояла из 32-го, 33-го и 34-го пехотных полков. Помимо пехоты дивизия включала в себя: 15-й артиллерийский полк, 15-й фузилерный батальон, подразделение ПВО (15 FLAK Abteilung), 15-й охранный, саперный, запасной и полевой батальоны, дивизионную школу подготовки кадров. Командирами дивизии последовательно были: бригаденфюрер СС Петер Хансен (с февраля по май 1943 года), бригаденфюрер СС граф Карл

фон Пюклер-Бургхаус (с мая 1943 по февраль 1944 года), бригаденфюрер СС Николас Хейльманн (с февраля по июль 1944 года), бригаденфюрер СС Герберт фон Обвурцер (с июля 1944 по январь 1945 года), оберфюрер СС Эдвард Дейзенхоффер (с января 1944 по январь 1945 года), оберфюрер СС Артур Акс (с января по февраль 1945 года), оберфюрер СС Карл Бурк (с февраля 1945 года).

На 30 июня 1944 года личный состав 15-й дивизии включал в себя 521 офицера, 2322 унтер-офицера, 15 550 нижних чинов — всего 18 412 человек.

Личный состав 15-й дивизии носил стандартную форму войск СС, отличительным знаком служила нарукавная нашивка-щиток, повторяющая сочетание цветов национального флага Латвии (красно-бело-красный) и надписью «Latvia» в верхней части. После действий в Курляндии щиток носился на черной подкладке, как выражение траура по погибшим соратникам. На отворотах воротника мундиров носилась петлица войск СС с двойными рунами «Зиг». Приказом от 11 марта 1943 года были введены петличные символы в виде свастики. С осени 1944 года латышские легионеры получили свой петличный знак в виде солнца и звезд, позаместованных с довоенной латвийской кокарды. Участники боев в Курляндии (имевшие на своем счету не менее трех боестолкновений) носили на обшлагах рукавов мундиров нарукавные ленты с надписью «Kurland».

В полках дивизии военнослужащие носили на погонах ленточки разных цветов: в 32-м — белые, в 33-м — красные, в 34-м — желтые.

За время существования дивизии пять ее военнослужащих были удостоены Железных рыцарских крестов: бригаденфюрер СС Николаус Хейльманн, штандартенфюрер СС Карлис Аперато, оберфюрер СС Адольф Акс, штурмбанфюрер СС Эрих Вульф и унтершарфюрер СС Карлис Сенобергс.

19-я Латышская добровольческая дивизия войск СС (Waffen Grenadier Division der SS (Lettische №2) в составе 42-го, 43-го и 44-го пехотных полков включала в себя 329 офицеров, 1412 унтер-офицера и 8842 нижних чина — всего 10 592 человека. Структура соединения повторяла собой строение 15-й дивизии.

Командирами дивизии последовательно были: оберфюрер СС Фридрих-Вильгельм Бок (с марта по апрель 1944 года) и группенфюрер СС Бруно Штрекенбах (с апреля 1944 по 8 мая 1945 года). В создании дивизии принимал активное участие Карлис Лобе, один из организаторов латышских полицейских батальонов, в недалеком прошлом командир батальона в армии адмирала Колчака. Ему принадлежит авторство исторической фразы-отчета: «Вентспилс свободен от евреев». Впоследствии Лобе получил чин штандартенфюрера СС и пост латвийского командира 19-й дивизии.

Командир 42-го полка, оберфюрер СС Вольдемар Вайсс был первым латышом, заслужившим рыцарский Железный крест. Впоследствии именем своего командира будет именоваться 42-й полк, и носить на обшлагах своих мундиров ленту с его именем.

В январе 1945 года 43-й пехотный полк будет удостоен имени командира Латвийской добровольческой бригады Генриха Шульдта, погибшего в бою 15 марта 1944 года. Личному составу полка была также присвоена именная нарукавная лента. 19-я дивизия имела в своих рядах 11 кавалеров Рыцарских крестов.

Обе дивизии были объединены в **VI-й (Латвийский) добровольческий корпус войск СС** под командованием обергруппенфюрера СС Вальтера Крюгера. Планам по созданию 3-й дивизии не суждено было реализоваться в связи с наступлением советских войск. Унтер-офицерские кадры, предназначавшиеся для ее формирования и окончившие курсы подготовки, были влиты в состав уже имевшихся дивизий. По состоянию на 1 июля 1944 года в латвийском легионе насчитывалось 31 446 человек, 12 119 человек служили в пограничных полках, 14 884 человека в полиции и около 20 000 в составе вермахта.

106-й гренадерский полк СС (латвийский №7) был создан в октябре 1944 года на базе 2-го и 5-го пограничных полков. Полк состоял из двух пехотных батальонов и батальона тяжелого оружия. Эта часть участвовала в боях в Курляндии и была расформирована в конце 1944 года.

В тяжелых летних боях 1944 года VI-й корпус понес тяжелейшие потери, прикрывая отход 16-й армии. Началось массовое дезертирство латышей с фронта. Пытаясь остановить

развал национальных соединений, немецкое командование переподчинило латышские части СС двум немецким пехотным дивизиям. Вскоре командование группы армий «Север» было вынуждено признать, что латышские части более не могут выполнять возложенные на них задачи. По данным советских партизан, в связи с массовым дезертирством немцы расформировали 28 декабря 1943 года 32-й латышский полк, а его солдат распределили по немецким подразделениям.

В августе 1944 года 15-я дивизия была отведена на перегруппировку в г. Кемнитц (Восточная Пруссия). Туда же прибыли три батальона полицейского полка «Рига» и остатки 2-го полицейского полка «Курземе».

19-я дивизия вела упорные оборонительные бои против советских войск в Курляндии. В ее состав были влиты кадры 15-й дивизии и личный состав ранее расформированных латышских частей. К маю 1945 года в рядах 19-й дивизии находилось 16 тысяч человек. Менее полутора тысяч латышей были взяты в плен, остальным удалось уйти в леса или бежать в Швецию, откуда они были выданы в СССР.

15-я дивизия (19 тысяч человек личного состава) использовалась на строительстве укреплений в Восточной Пруссии, в конце января 1944 года была двинута на передовую. В ходе ожесточеннейших боев соединение понесло невосполнимые потери — до половины личного состава, и было вновь отведено в тыл. Окончание войны латыши встретили в плену у союзников.

После окончания войны штандартенфюрер СС А. Силгайлис писал: «С латышским легионом во время Второй мировой войны связывалась последняя надежда латвийского народа не допустить повторного рабства в Советском Союзе, вернуть свободу отечеству. Легион — это свидетельство величайшей любви латышских сыновей к своей Родине, а также ярчайший пример самоотверженности и героизма...».

Весной 1944 года были сформированы **четыре латвийских строительных подразделения** (Lettische Bau-Abteilungen). В марте того же года были сформированы 4 новых Латгальских полицейских батальона (нумерация с 325-го по 328-й), которые в мае были переданы в состав вермахта в качестве саперно-строительных батальонов. В вермахт также перешел

270-й латвийский полицейский саперный батальон, в 1944 году переименованный в 672-й саперный ост-батальон. В октябре 1944 года на базе расформированного 5-го пограничного полка был создан **строительный батальон «Звайгзне»**.

Помимо сухопутного латышского легиона был сформирован **легион авиационный**. В июле 1943 года полковник латвийской авиации Янис Русельс установил контакт с командованием 1-го воздушного флота Люфтваффе. Уже в сентябре в Латвии началось обучение 1200 добровольцев. Немецкая сторона предоставила латышским пилотам устаревшие самолеты ВU-131, Арадо-66, Гота-145. Помимо самолетного парка легион включал в свою структуру 385-й зенитный дивизион в Риге. В октябре 1944 года дивизион был расформирован. В марте 1944 года были организационно оформлены две эскадрильи, объединенные позже в 12-ю группу ночных бомбардировщиков (12 Nachtlaschtgruppe Ostland). В составе легиона находилось лишь 4 немецких военнослужащих, остальные были латыши.

В сентябре 1944 года легион был эвакуирован в г. Брюстфорт (Восточная Пруссия) и вскоре был расформирован из-за недостатка горючего и запасных частей. Личный состав легиона был распределен между другими частями люфтваффе. Большая часть легионеров была отправлена в Данию, где объединилась с Эстонским авиалегионом. Большинство латышских авиаторов попали на службу в части ПВО, и лишь немногим посчастливилось летать. Так, в школе ВВС в Бромберге лучшие пилоты-латыши прошли переподготовку для полетов на истребителях «Фокке-Вульф-190». После окончания курса латыши были включены в состав 54-й эскадрильи истребителей, действовавшей с аэродрома Спильве близ Риги. В октябре того же года они были переброшены на аэродром Альт-Дамм близ Штеттина и позднее принимали участие в обороне Берлина. Несколько пилотов участвовали в воздушных боях с авиацией союзников на Западном фронте, четверо из них были сбиты.

Латышские помощники люфтваффе (люфтваффенхильферы) были мобилизованы «Латвийской молодежной организацией» в конце лета 1944 года по распоряжению генерального директора внутренних дел местного самоуправления

Данкерса. Эта акция шла с 2 августа по 9 сентября. Из 4139 человек (562 из них — добровольцы), 3614 были признаны годными к службе. В дальнейшем предполагалось использовать их в службе связи ВВС, моторизованных батальонах противовоздушной обороны, но только на территории Латвии, чтобы молодежь смогла завершить обучение в школах.

Впоследствии большая часть «хильферов» прошла подготовку в СС-лагере в Эгере уже в качестве «воспитанников СС» (SS-zoegling), откуда в апреле 1945 года 60 парней были переведены в Аусзиг, где из них в спешке создали танкоистребительную роту «Рига» (Panzer-Jagd-Kompanie «Riga») под руководством майора Руллиса. В своем составе рота имела три взвода по 20 человек. Подразделение так и не получило вооружения и в мае 1945 года, во главе с лейтенантом Индулисом сдалось союзникам.

Молодые добровольцы РАД (Имперской службы трудовой повинности) поступали на службу в надежде получить право на поступление в высшие учебные заведения Германии или в Рижский университет. На территории Германии из них формировали латвийские роты под командованием немецких офицеров и унтеров. В январе 1944 года латыши были возвращены на родину, где принимали участие в строительстве фортификационных сооружений на границах республики. После шестимесячного пребывания в РАД все парни переводились в 15-ю дивизию, но в августе 1944 года весь мужской состав был отправлен в Германию на полигон в Кенитце, где прошел мотострелковую подготовку. Через месяц наиболее подготовленные курсанты были отобраны на офицерские и унтер-офицерские курсы, остальные были переведены в железнодорожную охрану и саперные части армии. Лишь в феврале 1945 года они воссоединились с 15-й дивизией СС.

К маю 1945 года в рядах немецкой армии и других формирований насчитывалось следующее количество латвийских добровольцев:

в составе 19-й латвийской дивизии СС — 8000 человек,
в 7 инженерных батальонах — 2800 человек,
в трех полицейских батальонах — 1100 человек,
в помощниках Люфтваффе — 560 человек,
на службе в СД, ТОДТ, РАД — 1000 человек,
Итого: 13 460 человек.

Латыши в Истребительном соединении войск СС

В начале 1944 года по распоряжению рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера на базе части личного состава дивизии «Бранденбург» был создан **разведывательно-диверсионный орган «Ваффен СС Ягдвербанд» (Истребительное соединение войск СС)**. Соединение находилось в личном подчинении Гиммлера. Толчком для создания данного «спецназа» послужила удачно проведенная Отто Скорцени операция по освобождению Б. Муссолини.

Штаб соединения под руководством оберштурмбанфюрера СС Скорцени располагался в местечке Фриденталь в 5 км севернее г. Орианиенбурга.

В своей структуре «Истребительное соединение» имело три подразделения:

1. «Ягдвербанд “Ост”» (Истребительное соединение «Восток») осуществляло диверсионно-террористическую деятельность против Красной Армии. Во главе подразделения стоял балтийский немец, гауптштурмфюрер СС Адриан фон Фелькерзам, одновременно являвшийся начальником штаба «Ягдвербанда». В подчинении «Ягдвербанд “Ост”» находилось подразделение, именуемое «Ягдайнзатц “Балтикум”» во главе с штурмбанфюрером СС Манфредом Пехау. Деятельность данного органа ограничивалась пределами советских прибалтийских республик. Еще одно подразделение «Истребительная команда — вся Россия» («Ягдайнзатц Русланд им гезанд») подчинялось также Скорцени и действовало на всем советско-германском фронте. Главная квартира подразделения размещалась в городе Хохензальце, как и штаб «Ягдайнзатц “Балтикум”».

2. «Ягдвербанд “Вест”» действовал на территориях Франции, Бельгии, Голландии и имел в подчинении подразделения «Истребительная команда «Норд-Вест» и «Истребительная команда “Зюд-Вест”». Диверсанты «Ягдвербанд “Вест”» фактически взорвали тылы наступающих союзников высадкой своих диверсантов, облаченных в униформу армии США.

3. «Ягдвербанд “Зюд”» действовало на территориях Италии и Албании.

Остановимся подробнее на деятельности балтийского подразделения.

«Ягдайнзатц “Балтикум”» ограничивал свою деятельность Латвией и Эстонией и имел в своем подчинении **латвийский и эстонский штабы**.

Начальником латвийского штаба являлся Альфонс Райтумс — руководитель национальной партии «Лидумнекс». Именно Райтумс производил вербовку желающих вступить в диверсионный орган из числа личного состава латышских дивизий СС. Штаб занимался подбором агентуры и готовил рекомендации руководству «Ягдайнзатц “Балтикум”» по ее использованию. Личный состав агентурной сети на территории Латвии подбирался из числа служащих 15-й латышской дивизии СС, национальных полицейских и саперных частей, а также лагерей беженцев на территории Германии. Добровольцы в первый же день пребывания заполняли специальную анкету и в ней же давали подписку о сотрудничестве. Псевдонимы получались перед выброской в советский тыл.

Курс обучения агентуры включал диверсионное и стрелковое дело, изучалось и поведение в тылу противника. В каждой группе два человека проходили подготовку радистов. Срок обучения составлял не менее двух месяцев. Курсанты в период подготовки носили форму войск СС, на складах имелась гражданская одежда и красноармейское обмундирование. Агенты жили в казармах группами и ротами с учетом их предстоящей выброски в советский тыл.

В феврале 1945 года готовились к заброске следующие группы:

1. **Группа обершарфюрера СС Башко** — 18 человек, из них три девушки. Состав — латыши и русские, проживающие на территории Латвии. Цель заброски — проведение диверсионных актов на участке железной дороги Двинск (Даугавпилс) — Режица (Резекне), сбор сведений о военных перевозках на этом участке и их передача в штаб соединения «Ягдвербанд “Ост”» по рациям. Группе также было дано задание совершать теракты против работников НКВД путем минирования зданий, а также вести антисоветскую агитацию среди населения.

2. **Группа ротенфюрера СС Рудынскиса Ионеса** — 17 человек, в их числе 3 радиста с одной радиостанцией. Группа закончила

подготовку и ожидала заброски в район железной дороги Индра — Двинск для проведения диверсий. Группа также должна была контролировать параллельную железной дороге шоссейную магистраль.

3. «**Курляндская группа**» во главе с унтерштурмфюрером СС Янкаусом была сформирована в октябре 1944 года штурмбанфюрером СС Пехау и гауптштурмфюрером СС Янкаусом с задачей организации повстанческого движения в освобожденных от немцев районах Латвии. Укомплектована группа была 600 латышами, служившими ранее в легионе СС и полицейских частях. Группа должна была действовать в районе озера Лобее и совершать диверсии на железнодорожных и военных объектах в слабоохраняемых районах, захватывать власть в свои руки, вести антисоветскую агитацию, вовлекать население в борьбу против Советской власти. Псевдоним группы — «Wilde Katze» или «Межа Кати» (лат. — «Дикая Кошка»). Аналогичные группы коллаборационистов действовали в Белоруссии под названием «Черны Кот».

4. При «Балтикуме» постоянно находилась обученная **группа радистов**, 3 человека, двое из которых ранее воевали в составе 15-й и 19-й латышских дивизий СС.

Помимо диверсантов-латышей в составе головного предприятия «Ягдвербанд-Ост» служили преподаватели, уроженцы Латвии. Так, старший преподаватель радиодола шарфюрер СС Мазпрецниекс Эйжане ранее служил в полицейских формированиях, в 1944 году преподавал в «Предприятии «Цеппелин»». Обершарфюрер СС Э. Фрицнович (также преподаватель радиодола) до войны работал радистом на торговых судах. Преподаватель подрывного дела гауптшарфюрер СС Г. Лиспинг также служил ранее в «Цеппелине».

Всего Янкавсом были подготовлены 64 группы общей численностью 1164 человека. Кроме них были подготовлены 160 человек для объединения многочисленных групп и отрядов латышских повстанцев, действовавших в тылах советских войск.

В мае 1945 года органами военной контрразведки Ленинградского фронта были арестованы некоторые члены «Дикой Кошки». Один из участников этого проекта А. Гринховс рассказал, что в сентябре 1944 года он был завербован офице-

ром Абвергруппы-212 Хассельманом и по его заданию создал из айзсаргов отряд из 75 человек. Отряд был разбит на 7 мелких диверсионных групп, каждой из которых определили район ее действия после отступления немецких войск. В конце октября 1944 года отряд перешел из подчинения Абвергруппы-212 в подчинение штаба «Межа Кати», возглавляемого Янкавсом.

К лету 1945 года органы госбезопасности располагали информацией о том, что в первой половине ноября 1944 года из Германии в местечко Кабилес Кулдингского уезда прибыл капитан СД Янкавс, который поставил перед руководителями групп «Межа Кати» задачу оставаться на покидаемой немцами территории и подготовить бункеры на 5–6 человек каждый. В конце ноября и в декабре 1944 года руководители групп получили оружие, боеприпасы и продовольствие со складов «Ягдвербанд «Ост» в г. Кулдиге. Штаб Янкавса располагался на хуторе Дравас Кабилесской волости Кулдингского уезда, а его филиалы в городах Талси и Стенде.

В первых числах апреля 1945 года началась переброска групп «Межа Кати» вглубь Латвии. В день капитуляции Германии 8 мая 1945 года Янкавс со своим штабом ушел в лес, где собрал командиров групп, объявил им о капитуляции Германии и приказал направляться в заданные районы для организации и осуществления акций. Первая группа, возглавляемая лейтенантом Карклиньшем, с радистами К. Пумпансом и В. Петбронсом и вторая группа во главе с айзсаргом Ладыньшем отбыли в Рижский уезд. Третья группа под командованием Гибжей и Лиепиньша и четвертая, под руководством Балодиса с радистом В. Калниньшем — в район Лимбажи — Валмиера. Пятая во главе с Крустсом — в Цесисский уезд и шестая во главе с лейтенантом Г. Корки — в Екабпилсский уезд.

Борьба органов госбезопасности с «Дикой Кошкой» шла не один месяц. Руководитель штаба отрядов «Межа Кати» был захвачен лишь в январе 1947 года. В апреле-июне 1947 года на территории Арлавской волости была ликвидирована «кошачья» группа во главе с начальником одного из подразделений «Ягдвербанд «Ост»» Фельдбергом. При задержании у него были изъяты оружие, немецкий армейский радиоприемник, ротатор с принадлежностями для печати и документация.

Помимо людей Скорцени, в тылах советской балтийской группировки действовали **диверсионно-разведывательные резидентуры Абвера**. Абвергруппы 111, 211 и 212 планомерно и постоянно вербовали агентуру из числа местных жителей с целью дестабилизации советского тыла. Только в сентябре 1944 года в тыл советской балтийской группировки было заброшено 8 групп латышей численностью от 3 (группа «Вега») до 120 (группа «Незабудка») агентов.

Абверкоманды 102, 104, 166М («Маринен» — военно-морская), 206, 304, АСТ «Остланд», АНСТ «Таллин» и другие специальные органы создали на территории Прибалтики множество специальных школ и курсов по подготовке разведчиков, диверсантов и радистов.

В августе 1944 года после освобождения от немцев территории Мадонского уезда Латвии при прочесывании лесного массива в районе Левайссилс контрразведчиками 2-го Прибалтийского фронта был задержан бывший член организации айзсаргов Л.Э. Лаускис. На допросе задержанный показал, что он вместе с группой других агентов оставлен немцами на оседание в тылу Советской армии для ведения диверсионной и пропагандистской работы. В том же месяце, при попытке перехода линии фронта был задержан П.Я. Беркис, который по заданию начальника Мадонской тайной полевой полиции собирал сведения о советских воинских частях.

В сентябре 1944 года органами военной контрразведки 1-й Ударной армии 3-го Прибалтийского фронта была арестована группа агентов-латышей, оставленных немцами на территории Абренского уезда для сбора разведанных о наступающих советских войсках.

В октябре 1944 года в зоне боевой деятельности 3-го Прибалтийского фронта было ликвидировано несколько диверсионно-террористических групп. Среди них была группа Спрингиса, заброшенная в советский тыл 1 октября 1944 года Абвергруппой-206 для проведения терактов в отношении командного состава советских войск. У группы из семи человек было изъято оружие, 19 ящиков аммонала и 48 противотанковых мин.

В это же время в районе города Смилтене была арестована группа диверсантов-латышей во главе с капитаном немецкой армии Зендером. Диверсанты, подготовленные в разве-

доргане «Цеппелин-Норд» были одеты в советскую военную форму, частично в гражданскую одежду и снабжены большим количеством взрывчатки.

В районе латвийской столицы была ликвидирована разведывательно-диверсионная группа во главе с Р. Пусселем (немец), подготовленная Абвергруппой-112, а вместе с ней и обширная радиофицированная резидентура.

Еще в начале августа 1944 года немцами и их пособниками начали создаваться на территории Латвии специальные склады с оружием, взрывчаткой и продовольствием для снабжения действующих антисоветских повстанческих отрядов и подполья. В Рижском уезде формированием таких отрядов и созданием баз для них руководил бывший генерал латвийской армии Я. Курелис. К концу сентября 1944 года ему удалось создать партизанский отряд из 400 человек, который официально именовался «Группой генерала Курелиса 5-го полка айзсаргов». Личный состав отряда прошел курс подготовки по стрелковому и подрывному делу, а также методам действия мелких групп, применительно к тыловой зоне советских войск. При отступлении вермахта отряд был оставлен в Скриверской волости с заданиями диверсионного характера.

Еще несколько групп айзсаргов были вскрыты и ликвидированы советской военной контрразведкой. В их числе группа диверсантов, заброшенная в окрестности Риги Абвергруппой-212 с задачей всеми средствами тормозить продвижение советских войск после отхода немецкой армии. Аналогичное задание имели также группы П.Э. Леминьша и Дамбитиса, подготовленные тем же разведорганом.

3. ГОРЯЧИЕ ЭСТОНСКИЕ ПАРНИ В ВЕРМАХТЕ И СС

Эстонско-немецкие довоенные контакты

Задолго до начала Второй мировой войны высшее руководство эстонской армии и спецслужб установили контакт с соответствующими службами Рейха. Интересы двух стран в

области обмена информацией касались, прежде всего, состояния советских сухопутных и военно-морских сил, военно-стратегических планов СССР, уровня мобилизационной готовности, вооружения и снабжения частей РККА Ленинградского военного округа. В 1935 году сотрудники немецкого посольства в Таллине активизировали свою агентурную деятельность. Представители Абвера проводили регулярные совещания с руководством эстонских спецслужб. В сентябре того же года начальником 2-го отдела контрразведки Генштаба Эстонии был назначен полковник эстонской армии Рихард Маазинг. После его прихода в контрразведку сотрудничество с Германией развернулось на качественно новом уровне. В 1936 году шеф Абвера Канарис впервые посещает Эстонию и ведет секретные переговоры с руководством Генерального штаба эстонской армии и с Маазингом. На них была достигнута договоренность об обмене разведывательной информацией об СССР. Тогда же Абвер создает на территории Эстонии «Группу 6513» — совместно с эстонцами разведцентра. Офицером связи между эстонцами и Абвером назначается Андрей фон Юкскуль.

В июне 1936 года Маазинг нанес ответный визит к шефу Абвера в Берлин. Немецкая разведка получила официальное разрешение правительства Эстонии на активизацию действий и снабдила эстонцев фотоаппаратурой с телескопическими объективами и оборудованием для радиоперехвата и организации скрытого наблюдения за советской территорией на всем протяжении эстонско-советской границы. Фотоаппаратура устанавливается на маяках Финского залива для съемки боевых кораблей советского военного флота. В августе 1936 года Абвер направил в Эстонию экспертов технического подотдела для улучшения работы службы радиоперехвата. Вскоре Эстонию наводнили немецкие офицеры и инструктора. В воинских частях появились «стажеры», «отпускники», «изучающие язык», стали приходить небольшие боевые эскадры военных кораблей и прилетать немецкие эскадрильи.

В 1937 году Эстонию посещают Канарис и Пиккенброк с целью активизации и координации разведывательной деятельности против СССР.

В 1938 году полковник Маазинг был отправлен в отставку и отбыл в Берлин. Начатое им дело было передано в надежные руки нового начальника 2-го отдела Генштаба полковника Саарсена, при котором отдел фактически превращается в заграничный филиал Абвера. В том же году состоялась еще одна инспекционная поездка Канариса и Пиккенброка в «эстонский филиал». Во время визита к командующему эстонской армией генералу Лайдонеру (бывшему подполковнику Императорской русской армии) Канарис высказал пожелание об активизации работы по сбору информации о численности и типах самолетов советских ВВС. В мае того же года офицер связи Абвера Клее вылетел на секретное совещание в Эстонию. С 1939 года при эстонском Генштабе была аккредитована группа немецких «форбиндунгс офицеров» для связи с управлением «Абвер-Заграница». Вместе с ними эстонцы проводили отдельные разведывательные мероприятия, через них в Берлин шел поток разведывательной информации.

В 1939 году сложился тройственный союз разведок Германии, Финляндии и Эстонии. В июле того же года офицером связи между тремя спецслужбами был назначен фрегаттенкапитан Александр Целлариус (он же Келлер), руководивший одновременно передовым отделом Абвера в Финляндии «Кригсорганизация “Финляндия”».

Вплоть до 1940 года Абвер совместно с эстонцами забрасывает на территорию СССР диверсионно-разведывательные группы, однако все они были нейтрализованы органами госбезопасности.

Разведслужбы Германии действовали в следующих направлениях:

1. Обеспечение своего правительства информацией о Балтийском флоте и определенных для подрывной деятельности районах Ленинградской и Псковской областей с территории Эстонии.
2. Инфильтрация в государственный аппарат Эстонии.
3. Контроль и использование для сбора информации об СССР выходцев из Германии и русских белоэмигрантов.
4. Оказание поддержки спецслужбам Эстонии в борьбе против поползновений советских спецслужб и их пятой колонны.

Помимо союзников в эстонской армии и спецслужбах Абвер находил опору и в проживавших в Эстонии 20 тысячах этнических немцев. В стране существовало более 100 немецких организаций. Особую активность проявляло «**Балтийское братство**». Именно из его рядов вышел Альфред Розенберг.

Среди многочисленной немецкой агентуры в Эстонии длительное время действовала **резидентура** бывшего полковника русской армии Бориса Энгельгардта, состоявшего на связи с немецким журналистом Шедлихом, а после его смерти — с бароном Андреем Юксюлем. С сентября 1939 года Энгельгардт приступил к сбору информации о частях РККА, находившихся к тому времени в Эстонии. По предложению барона Юксюля, Энгельгардт сам создал резидентуру, в которую привлек бывших сослуживцев из армии Юденича. Впоследствии в мае 1940 года он был арестован советской контрразведкой.

20 июня 1940 года, накануне вступления советских частей в Эстонию, Абвер помог перейти на нелегальное положение и эвакуироваться в Штеттин (Германия) сотрудникам 2-го отдела Генштаба Эстонии. В конце июля Абвер-2 направляет эстонских эмигрантов в Финляндию для установления связи с эстонской диаспорой. В 40 км западнее Хельсинки был оборудован учебный центр для подготовки агентов-диверсантов и радистов.

Во время вступления в Эстонию в 1940 году советских войск эстонской военной разведкой и полицией были подготовлены и расставлены в районах расположения гарнизонов РККА агенты, подробно информировавшие своих шефов о вооружении и боеготовности советских частей. Одновременно с разведчиками осела резервная агентура, активизация действий которой началась за несколько дней до начала войны.

Помимо хорошо подготовленной агентуры большую роль в противодействии советским органам власти и спецслужбам играло национальное эстонское подполье, состоявшее из членов «**Союза защиты**» («**Кайтселиит**»), союза «**Вабс**», «**Отечественного союза**» («**Изамаалит**»).

«**Кайтселиит**» был создан в 1918 году правительством Эстонии, практическое руководство организацией осуществляло военное министерство. К июню 1940 года организация насчитывала свыше 60 тысяч человек. На вооружении союза находи-

лось 22 артиллерийских батареи, 44 тысячи японских винтовок, модифицированных под английский патрон, несколько сот пулеметов, несколько тысяч револьверов. У каждого члена организации имелось личное оружие. Территориальное строение «Кайтселиита» было следующим: в каждом уезде имелось по одной дивизии, кроме того, по одной дивизии размещалось в городах Тарту, Таллин, Пярну, Нарва — всего 15 дивизий. Начальником «Кайтселиита» был генерал Орасмаа, начальником штаба — полковник Палдер (оба арестованы советскими спецслужбами). В 1924 году члены союза принимали участие в подавлении просоветского восстания в Ревеле.

Инструкторы союза были обязаны создавать сеть контрразведывательной агентуры для наблюдения за коммунистами и выявления революционно настроенных элементов.

После ввода в Эстонию частей РККА «Кайтселиит» был официально распущен решением нового правительства, однако личный состав оружия не сдал и поддерживал между собой конспиративную связь.

«**Вабс**» («Союз участников освободительной войны») был создан в 1918–1919 гг., окончательно оформился в 1934 году. Численность организации к этому времени достигла 100 тысяч человек. После присоединения Эстонии к СССР немецкая разведка дала указание всем руководящим деятелям «Вабса» скрыться и принять меры к нелегальному переходу в Финляндию. НКГБ Эстонии был вскрыт ряд формирований «Вабс» в Таллине, Печорах и Тарту, которые в контакте с членами «Кайтселиита» вели антисоветскую работу, пытались создать эстонскую национал-социалистическую партию.

После прибытия в Эстонию советских войск эстонская армия была очищена от «неблагонадежных» элементов и преобразована в 22-й стрелковый (Эстонский) корпус. Одновременно с отстройкой партийно-советского аппарата в Эстонии начались специальные мероприятия по выявлению и ликвидации немецко-эстонской «пятой колонны». Всего по республике было арестовано 3178 человек, выселено 5978, всего подверглось репрессиям 9156 человек. Были также арестованы 224 военнослужащих эстонского стрелкового корпуса, на которых имелся компромат. Тем не менее, несмотря на активную работу советских контрразведывательных

органов, полного успеха в борьбе с национальным подпольем достичь не удалось.

Эстонские диверсионные, полицейские и вспомогательные формирования

До начала боевых действий на Востоке бюро Целлариуса совместно с финнами развернуло активную работу по созданию **диверсионных групп** из эстонцев для захвата стратегически важных объектов и организации повстанческого движения на территории Эстонии. Первая группа была создана и заброшена на территорию Эстонии под руководством бывшего полковника эстонской армии Антса-Хейно Курга, бывшего военного атташе Эстонии в Париже. Группа именовалась «**Эрна**». В нее вошли 14 агентов, окончивших разведкурсы в местечке Секе (Финляндия) и 70 бывших военнослужащих эстонской армии. Первые 40 человек во главе с Кургом на трех катерах, отправившись в путь 7 июля 1941 года, успешно достигли эстонского побережья в районе местечка Кабернээме Харьюсского уезда. Перед «**Эрной**» была поставлена задача — проводить диверсии на путях сообщения в тылу РККА. Для поддержания связи с руководством группа имела при себе 2 радиостанции. Оставшаяся в Финляндии часть «**Эрны**», ввиду невозможности пробиться к побережью морским путем, была пополнена, разбита на подгруппы и сброшена на парашютах в Эстонию.

Группа «Эрна-А» была сброшена 22 июля 1941 года в районе Вырусского уезда с заданием по наблюдению за путями сообщения.

«**Эрна-Б**» выброшена в тот же день в районе волости Равила Харьюсского уезда с задачей вести наблюдение за передвижением частей 8-й армии и за работой железной дороги Тапа — Таллин.

«**Эрна-Ц**» выброшена 21 июля 1941 года в районе Таллина с задачей разведки строительства оборонительных рубежей вокруг эстонской столицы.

«**Эрна-Д**» выброшена 22 июля в районе Харьюсского уезда с аналогичным заданием.

Все четыре группы были снабжены радиостанциями. Впоследствии к группам примкнули члены отрядов «Кайтселиита».

К концу июля 1941 года общая численность групп «Эрны» достигло 900 человек. В тяжелых боях с частями НКВД и истребительными батальонами эстонцы понесли ощутимые потери и с боями прорвались к немецким войскам. Впоследствии Кургом был сформирован **батальон «Эрна-2»**, личный состав которого принимал участие в блокаде и захвате островов Эзель, Муху и Сааремаа. В октябре 1941 года батальон был расформирован, а его личный состав передан в полицию, самооборону («Омакайтсе») или органы местного самоуправления.

Еще одно **диверсионное подразделение** было десантировано с самолетов в июне 1941 года на территорию волостей Миссо и Руусмяэ Вырусского уезда. Группу возглавлял уроженец этих мест капитан Курт фон Глазенапп, незадолго до начала войны выехавший из Эстонии в Рейх. Под руководством его диверсантов в Вырусском уезде активизировалось подполье. По просьбе Глазенаппа немцы произвели дополнительную выгрузку с самолетов оружия и боеприпасов. Это позволило привлечь на свою сторону всех местных «лесных братьев», в отряды которых были влиты радисты Глазенаппа.

В первых числах июля 1941 года немцами была выброшена разведывательно-диверсионная группа в волость Тали Пярнусского уезда, которая также сразу установила контакты с подпольем. Прямая радиосвязь позволила запросить у немцев оружие, после чего им было сброшено с самолетов 27 винтовок, 2 легких пулемета, 2 снайперские винтовки и 7 тысяч патронов. После оккупации немцами волости Тали вышедшие из леса «лесные братья», направили свою делегацию в Ригу и получили от немцев дополнительно 160 винтовок.

Тем временем по всей не оккупированной немцами территории Эстонии начались сражения «пятой колонны» с войсками НКВД и истребительными батальонами. Особый отдел НКВД Северного фронта сообщал 24 июня 1941 года в Военный совет о своих мероприятиях по ликвидации подполья:

«...Группой бойцов лейтенанта Гамаюнова 17 июля 1941 г. в р-не Ярва-Яани при попытке к бегству был убит один бандит. Проведено 4 обыска, в результате которых изъят один

револьвер “Наган” и три радиоприемника. 15 июля заградотрядом в расположении 320 стрелкового полка пойманы два шпиона из местного населения, которые сообщили противнику о расположении наших частей. Шпионы расстреляны на месте. 16 июля в лесу в районе расположения 320 стрелкового полка задержаны три местных жителя с телефонным аппаратом. Задержанные включались в провода связи с целью подслушивания разговоров. Задержанные расстреляны. 16 июля заставой лейтенанта Гамаюнова в районе м. Ракке задержаны 4 бандита, у которых изъято 20 кг взрывчатки и винтовка. 17 июля в районе м. Вахнья, северо-западнее Раквере, заставой ликвидирована банда. Глава банды, по специальности врач, при попытке к бегству был ранен и после допроса расстрелян. 19 июля группа диверсантов противника в количестве 4 человек при попытке возвратиться за границу в районе м. Кирп была обнаружена нашим наблюдателем на переднем крае обороны 43 сд 50 ск. В перестрелке командиром отделения 147 сп младшим сержантом Рубаном и красноармейцем Кудряшевым два диверсанта убиты, а двое скрылись на нашей стороне. У убитых обнаружено 2 пистолета “Суоми”, 500 патронов к ним, карты, схема на кальке, блокнот с записями на финском языке, деревянная коробка с тремя капсюлями, 2 капсюля с проводниками, взрыватель замедленного действия и 3 гранаты. Переводом записей установлено, что группа диверсантов в количестве 8 человек перешла границу 30 июня и действовала в прифронтовой полосе на нашей территории в течение 19 дней, вела наблюдение за движением на дорогах и совершала диверсионные акты. Так, в записях за 2 июля отмечен спуск под откос товарного состава в 5 км от ст. Карисалми. Указанная диверсия действительно имела место...

В записях от 7 июля указывается о совершенном диверсантами нападении на автомашины, в результате которого было убито около 25 человек. Факт нападения имел место, причем в перестрелке с диверсантами были убиты 5 человек и 8 ранены.

За 11 июля диверсантами отмечен взрыв железнодорожного полотна в районе ст. Мустамяки, что также имело место...».

Впоследствии для борьбы с десанниками и подпольем в советских воинских частях были созданы мобильные груп-

пы (роты), позже переформированные в заградотряды. Вопреки утверждениям некоторых авторов, основной задачей таких групп стало противодействие немецкой «пятой колонне». Помимо этого, заградотряды способствовали наведению порядка на рокадных путях сообщения армии и использовались в качестве обыкновенной пехоты. В любой момент военнослужащие отрядов были готовы принять бой, как с «лесными братьями», так и с регулярными частями вермахта. Так, заградотряд, сформированный 3-м отделом Балтийского флота, вел оперативную работу по ликвидации подполья, разгрому отрядов «Кайтселиита» и мелких немецких подразделений на передовой.

По мере продвижения немецких войск по всей Эстонии стали возникать местные органы самоуправления и полицейские части и подразделения, формировавшиеся из личного состава повстанческих отрядов. В отличие от Литвы и Латвии, местные полицейские силы не проводили массовых репрессий против еврейского населения, и организация погромов там оказалась для СД невозможной. Эстонцы убили лишь особо ненавистных коммунистов, а в основном ограничились арестами.

Вновь созданный аппарат полиции безопасности и СД состоял из немецких служащих и бывших руководителей и сотрудников полиции Эстонии, кайтселиитчиков, бывших офицеров эстонской армии. Аппарат полиции безопасности и СД делился на две части — немецкую и эстонскую, которые для различия имели перед своим условным обозначением соответствующие литеры: эстонские — Б, немецкие — А. Начальником группы Б до конца 1943 года был майор Мере, позднее гауптштурмфюрер СС Эннок Юлиус Юханович. В задачу эстонской полиции входили: розыск и арест антифашистов, прочес лесных массивов во время антипартизанских операций, охрана заключенных в тюрьмах и лагерях военнопленных, охрана важных объектов, несение патрульной службы, конвоирование лиц, отправляемых на работу в Германию.

В органах местного самоуправления была организована директория внутренних дел, в состав которой входили управленческие органы и «Омакайтсе» (самозащиты). Самостоятельным органом в этом управлении была эстонская политическая

полиция. Ее первым руководителем стал Роланд Лепик, являвшийся в июле-августе 1941 года одним из организаторов Тартусского концентрационного лагеря. Осенью 1941 года началось создание полицейских формирований, а в январе 1942 года была объявлена первая добровольная мобилизация молодежи 18–25 лет. Мобилизуемые должны были отвечать всем требованиям приема в части СС. Из мобилизованных были созданы батальоны: Нарвский, Тартусский, Вильяндский и др. Командирами батальонов и рот являлись немецкие офицеры, а также бывшие офицеры эстонской армии. Командиром Нарвского батальона был назначен майор Иоханнес Соодла (впоследствии генеральный инспектор эстонских воинских частей, бригаденфюрер СС). Вильяндским батальоном командовал немецкий офицер обер-лейтенант Вульф, 36-м — эстонцы Рентер и Х. Риипалу (затем оберштурмбанфюрер СС).

К сентябрю 1941 года было сформировано **6 эстонских охранных подразделений**, получивших номера с 181-го по 186-й.

29 августа в Тарту была сформирована эстонская часть, более известная как «**Эстонское охранный подразделение 181**» («**Estnische Sicherungsabteilung 181**») под командованием майора А. Васка. С 11 сентября батальон нес охрану железнодорожной ветки Нарва — Ямбург, в декабре был выдвинут на линию фронта.

182-й эстонский охранный батальон капитана Таммемяги был сформирован в г. Полтсамаа и придан 18-й немецкой армии. После гибели первого командира подразделение возглавляли капитаны Паас, Микумяги и Сооден.

183-й батальон полковника Стокеби был сформирован в Пярну и придан 18-й армии. В мае 1942 года батальон был придан 183-й охранный дивизии и нес охрану штаба 251-го пехотного полка.

184-м батальоном руководил майор Елларм, **185-м** — майор Эльянди.

Все эти подразделения в конце 1942 года были переформированы в три восточных батальона — 658-й (капитан А. Ребане, 200 человек), 659-й (капитан Сооден, 250 человек), 660-й (майор Элларм, 250 человек) и одну 657-ю восточную роту. Батальоны и рота находились в непосредствен-

ном подчинении немецкой армии (армейская группировка «Нарва») и с мая 1942 года принимали участие в боях против Красной Армии.

Немецким военным командованием неоднократно отмечались успехи 658-го остбатальона и его командира капитана (вскоре дослужившегося до майора) Альфонса Ребане. В марте 1944 года батальон был придан 170-й немецкой пехотной дивизии и принимал участие в боях против советских частей.

Эстонские шуцманшафтбатальоны формировались по территориальному принципу и в их официальное наименование включалось название местности, где они были созданы (например «Эстонский шуцманшафтбатальон «Плескау»). В мае 1943 г. слово «шуцманшафт» было заменено на «полицейский». В названия некоторых батальонов были добавлены литеры «F» («Ф» — фронт) и «W» («В» — вахт), обозначавшие служебные функции подразделений. Первоначально были сформированы 5 батальонов: «Дорпат», «Пихква», «Феллин», «Полтсама» и «Плескау». Кроме них были созданы запасной и строительный батальоны. Всего за время войны в Эстонии были созданы 26 батальонов «шумы» (номера с 29-го по 45-й, с 286-го по 293-й и 50-й) общей численностью 10 тысяч человек.

29-й полицейский батальон был расформирован в июне 1944 года и его личный состав пошел на формирование 37-го и 38-го батальонов.

30-й батальон майора Эльянди был создан весной 1943 года из членов «Омакайтсе» и принимал участие в Нарвском сражении. После него был отведен с передовой и нес охрану морского побережья. Расформирован в июне 1944 года.

31-й батальон майора Каска участвовал в антипартизанских операциях на эстонско-российской границе и также участвовал в «Битве европейских СС» под Нарвой. Расформирован в июне 1944 года, личный состав перешел в 37-й и 38-й батальоны.

33-й батальон был создан летом 1942 года на Ленинградском фронте. После тяжелых потерь остатки батальона были выведены в Эстонию, и в 1943 году официально был расформирован.

35-й батальон был сформирован в Пярну в начале 1942 года. Недостаток добровольцев не позволил развернуть его в полноценную единицу и в него зачислялись выздоравливающие.

36-й полицейский батальон майора Рентера (затем — Х. Риппалу), сформированный в г. Хаапсалу и на о. Сааремаа (500 человек), был направлен в район Сталинграда. В ноябре 1942 года батальон прибыл на фронт в излучину Дона, где и понес большие потери. В феврале-марте 1943 года в Белоруссии в ходе операции «Винтерцаубер» действовала 1-я рота 36-го эстонского батальона и после ее окончания отбыла в Ревель.

37-й батальон майора Бергмана был сформирован в Тарту осенью 1941 года. Его подразделения в октябре 1943 года находились в районе Савино близ г. Пскова. Батальон участвовал в боях с советскими войсками на территории Латвии близ Эмайоги и был расформирован уже в Германии.

38-й батальон полиции майора Эльянди был сформирован в июне 1944 года, вместе с 37-м батальоном участвовал в боях у Эмайоги, отступил в Германию, где был расформирован.

39-й полицейский батальон (затем — шумафронтбатальон) майора Соболева был сформирован в Тарту из переименованного охранного подразделения «Полтсамаа». В конце 1941 года он нес охрану латвийско-русской границы, одна из его рот была придана частям Люфтваффе и несла охрану авиабаз в городах Дно, Луга, Остров. Позднее был придан 207-й охранной дивизии. В 1943 году батальон был влит в состав эстонской дивизии СС.

40-й полицейский батальон майора Плаадо был сформирован из личного состава охранного подразделения «Пихква» и вел борьбу с партизанами в тыловом районе 18-й армии. Использовался для охраны побережья и участвовал в отражении советского десанта в феврале 1944 года, расформирован в августе того же года.

42-й полицейский батальон майора Шиллера сформирован из полицейско-инженерного подразделения «Дорпат» и также участвовал в боях у Эмайоги.

286-й полицейский батальон майора Мартинсена был сформирован из мобилизованных чинов полиции в мае 1943 года, принимал участие в боях под Невелем, где понес большие потери и был отведен в Латвию в феврале-марте 1944 года.

Оставшиеся полицейские были демобилизованы и возвратились на службу в полицию. Впоследствии батальон был вновь сформирован капитаном Кебаром и нес охрану побережья. В августе 1944 года стал резервным подразделением 30-й дивизии.

288-й полицейский батальон был сформирован в Таллине в феврале 1943 года, после чего выбыл в Белоруссию, где после месяца самостоятельных действий был передан в состав кампфгруппы Еккельна. Батальон принимал участие в боевых действиях против Россонской партизанской республики близ латвийской границы. Позднее батальон участвовал в Нарвской битве, понес невосполнимые потери и не был воссоздан.

292-й полицейский батальон также принимал участие в Нарвской битве в составе 300-й дивизии и также не был возрожден.

В «Справке об эстонских войсках», подготовленной Разведывательным управлением Генштаба РККА в июле 1944 года упоминаются следующие эстонские полицейские и пехотные батальоны: 1–4, 6-й, 18-й, 29–32, 33-й, 37–39, 41–43, 45–46, 181-й, 185-й, 658-й, 659, «Нарва» и «Саккола», из них 4 батальона (29-й, 33-й, 658-й, 659-й) с 1942 года действовали в составе немецких частей против Ленинградского и Прибалтийского фронтов, 8 батальонов (6-й, 30–32, 38-й, 40-й, 181-й и 185-й) до января 1944 года охраняли военные объекты и вели борьбу с партизанами Ленинградской области, а с выходом советских войск к реке Нарве участвовали в боях в составе немецких частей. 6 батальонов (1–4, «Нарва» и «Саккола») сформированы в феврале 1944 года, остальные 7 батальонов (18-й, 45–46, 37-й, 39-й, 41–42) несли охранную службу на территории Эстонии.

Эстонские полицейские формирования также придавались специальным формированиям полиции и СС для борьбы с партизанами. Так, 37-й, 29-й, 33-й, 288-й шумафронтбатальоны в разное время были приданы кампфгруппе Еккельна в период проведения антипартизанских акций.

В Эстонии в сентябре 1941 года также был сформирован **полицейский батальон «Остланд»**, состоявший из фольксдойче — уроженцев Латвии (1-я рота) и Эстонии (2-я и 3-я роты).

В том же месяце батальон был перемещен в г. Львов, затем в Житомир. В декабре 1942 года личный состав батальона принимал участие в блокаде советских партизан под Коростенем на р. Припять. В мае 1943 года в Киеве батальон был расформирован, его военнослужащие уроженцы Эстонии были направлены на формирование эстонского легиона СС в Дебицу (Польша).

Весной 1944 года из части эстонских полицейских батальонов начинается создание **полицейских полков** для последующего использования на фронте.

1-й эстонский полицейский полк был сформирован из 291-го, 292-го, 286-го и 288-го полицейских батальонов, в его состав также был влит 658-й эстонский ост-батальон. Полк использовался в качестве резервной части в боевых действиях на Восточном фронте и был расформирован в сентябре 1944 года.

2-й полицейский полк был сформирован усилиями штаба 1-го полка. В его состав вошли 37-й, 38-й, 40-й полицейские батальоны и рота орудий ПАК. В июле 1944 года полк занимал позиции у Даугавпилса. Часть была расформирована в августе того же года.

Помимо полицейских частей и подразделений, была создана местная самозащита «**Омакайтсе**», по немецким документам значившаяся как «Selbschutz» (самооборона). Организация была создана по примеру «Кайтселиита» и распространяла свою власть на всю территорию Эстонии. В состав самообороны вошли бывшие «лесные братья», бывшие военнослужащие эстонской армии, учащаяся молодежь. Набор личного состава сопровождался антисоветской и антирусской агитацией и призывами покончить с большевизмом, который якобы имеет целью полное выселение эстонцев в Сибирь.

Территориальное строение «Омакайтсе» повторяло структуру «Кайтселиита». Члены самообороны на хуторах, в деревнях, городах образовывали батальоны (в уездах и городах), роты (в масштабе волости) и взводы. Во главе городской или уездной организации находился уездный начальник «Омакайтсе», который подчинялся с одной стороны немецкому комиссару, с другой — командующему «Омакайтсе» майору Мере (затем полковник Яан Майде). Последний был подчинен немецкому генерал-комиссару Эстонии Лицману.

Личный состав был вооружен легким стрелковым оружием. Оружие постоянно находилось при военнослужащих, которые периодически собирались на военные сборы. Кроме того, члены «Омакайтсе» несли дежурство в волостях, уездных центрах и в наблюдательных пунктах ПВО, а также за движением на дорогах.

На крупных промышленных предприятиях была создана «Защита труда» («Тээкайтсе»), члены которой несли охрану самих заводов и заключенных, работавших на них. «Защитники труда» были освобождены от своей непосредственной работы на производстве, находились на казарменном положении, получали заработную плату и квартиры за счет предприятия.

«Наскодукайтсе» («Женская защита дома») являлась женской секцией «Омакайтсе», в ее функции входили хозяйственные работы, организация питания на маневрах и сборах, оказание санитарной помощи раненым и их семьям.

В связи с планами немецкого командования по использованию людских резервов Эстонии, распоряжением директора внутренних дел эстонского самоуправления Ангелуса от 20 октября 1943 года все мужское население Эстонии от 19 до 46 лет проходило медицинский осмотр в комиссиях «Омакайтсе». Пригодные к несению службы зачислялись в организацию и проходили курс военной подготовки без отрыва от работы. По данным разведотдела Эстонского штаба партизанского движения, общая численность членов «Омакайтсе» составляла от 90 до 95 тысяч человек, включая женщин (не более 20 тысяч).

В ноябре 1941 года из членов «Омакайтсе» в Таллине был сформирован 1-й эстонский вахт-батальон. 28 ноября он был переименован в 29-й шумафронтбатальон. Он включал в себя три стрелковых и штабную роты. Личный состав батальона был представлен либо совсем юными членами организации либо очень пожилыми. Вооружение подразделения было собрано по принципу «с бору — по сосенке» и представляло собой пеструю смесь русского, французского и чешского стрелкового оружия. Формирование именно этого подразделения положило начало формированию национальных частей в Таллине (Ревеле).

Личный состав вооруженных отрядов «Омакайтсе» был облачен в униформу эстонской армии и носил белую нарукавную повязку с надписью «На службе немецкой армии».

В январе 1944 года из членов «Омакайтсе» было начато формирование полка (Зельбштутц регимент) «Ревель». В его состав вошли 4 батальона «Омакайтсе» из уроженцев областей Вильянди и Пярну. Последний (3-й) батальон полка был сформирован лишь к сентябрю 1944 года. Полк не имел на вооружении артиллерии и тяжелого оружия, но, несмотря на это, был переброшен на фронт, где понес большие потери.

В июне того же года в Таллине был сформирован полк «Таллин». Позднее он был передан в подчинение 285-й охранной дивизии, затем переброшен на линию фронта в район немецкой армейской группировки «Нарва».

В сентябре 1944 года были созданы зельбштутц-полки «Феллин», «Пернау», «Киви». Все они принимали участие в боевых действиях на Восточном фронте и были расформированы лишь 16 января 1945 года.

В феврале 1944 года началось формирование эстонских пограничных полков («Гренштутц регимент») путем объединения некоторых эстонских батальонов. Было создано 6 полков, которые активно использовались на Восточном фронте. Каждый из полков включал в себя три стрелковых батальона, артиллерийскую батарею и насчитывал до 3 тысяч человек.

1-й пограничный полк формировался из уроженцев Таллина, Раквере, Риизепере и Вазалемаа (всего 2800 человек). Первоначально полк был дислоцирован в Печорах (Петсери). Впоследствии он был придан 207-й охранной дивизии и участвовал в боях за прибрежную зону озера Пейпус, где впоследствии нес охрану береговой линии. В мае 1944 года полк был придан 28-му Армейскому корпусу и вел боевые действия против советских частей в районе Вору — Плескау. В июне того же года полк вошел в подчинение штабу специального назначения ЦБФ-300 и занял оборонительную линию на позициях у реки Обтоки. В августе полк ценой больших потерь сумел остановить наступление советских войск. После отвода с линии фронта был расформирован.

2-й пограничный полк также был придан 207-й охранной дивизии и задействован на охране прибрежной зоны озера Пейпус. В марте полк был переброшен на линию фронта и придан 58-й немецкой пехотной дивизии. Здесь в августе полк отразил многократные атаки советских частей, после чего был переброшен на северный участок побережья оз. Пейпус и позднее придан боевой группе 227-й немецкой пехотной дивизии, заняв позиции у р. Нарвы. Здесь полк был подчинен штабу ЦБФ-300. Осенью полк был фактически уничтожен в районе р. Эмайоги. Части личного состава полка удалось прорваться и выйти в расположение немецких войск, другая часть солдат и офицеров полка остались в лесах до окончания военных действий.

Аналогичная судьба была у 3-го, 4-го, 5-го и 6-го пограничных полков. Эстонский штаб специального назначения **ЦБФ-300** 16-й немецкой армии руководил боевыми действиями эстонских частей в Курляндском котле вплоть до капитуляции в апреле 1945 года.

С первых дней оккупации Эстонии началось формирование **полка охраны побережья** или «Раннакайтсе» под патронажем немецкого ВМФ. Командиром формирования был полковник Саарсен, офицер эстонской армии и сотрудник Абвера. Два батальона возглавляли эстонские офицеры майоры Мулларт и Коргмаа. Весной 1942 года перед руководством полка возникла дилемма: влиться в состав СС или быть расформированными. В результате полковник Саарсен выпустил личный состав.

В апреле 1944 года началось формирование вспомогательных военно-инженерных, саперных и строительных эстонских подразделений. 10 тысяч уроженцев Эстонии 1904–1918 г. рождения были сведены в эстонские инженерные батальоны, служившие резервом для охранных полков.

1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й строительно-саперные батальоны были созданы для нужд группы армий «Север». Под контролем Вермахта был сформирован 42-й саперный батальон. В декабре 1944 года большинство эстонских вспомогательных батальонов было расформировано, а 5-й батальон включен в состав Штеттинского гарнизона.

Эстонские части Вермахта, СС и Люфтваффе

Одной из первых эстонских воинских частей, сражавшихся с частями Красной Армии, можно назвать **полк** под командованием полковника Ганса **Кальма**, который Эстония выставила в помощь Финляндии. Еще во время Зимней войны 70 эстонских добровольцев вошли в состав интербригады «Сису» в составе финской армии. Помимо эстонцев в ней воевали представители многих скандинавских стран.

К ноябрю 1943 года в рядах финской армии насчитывалось 1800 эстонцев, объединенных в один батальон. В феврале 1944 года батальон был переформирован в **200-й егерский пехотный полк (JR-200)** под командованием полковника Эйно Куусела. 180 эстонцев окончили финскую военную академию, из них 147 человек получили звание лейтенантов финской армии. 1-й батальон 200-го полка вошел в состав 10-й финской пехотной дивизии и оборонял Карельский перешеек, 2-й батальон оборонял Выборг (Вииппури). Впоследствии 1-й батальон 200-го полка финской армии был придан 87-й немецкой пехотной дивизии и использован в сентябре 1944 года в боях на Восточном фронте. Кроме того, более 250 эстонцев служили в финском флоте.

В конце августа 1942 года генеральный комиссар Эстонии Лицманн издал приказ о создании **эстонского легиона СС**. Требования к добровольцам предъявлялись такие же, как и к немецким рекрутам СС. Для их подготовки был отведен полигон Гайделагерь близ г. Дебица в Генерал-губернаторстве (Польша). Из рекрутов были созданы три батальона, впоследствии объединенные в 1-й Эстонский добровольческий полк СС («1-Estnischen S.S. Freiwilligen Grenadier Regiment»). В марте 1942 года 1-й батальон легиона был включен в состав 5-й дивизии СС «Викинг» под наименованием «**Эстонский добровольческий батальон “Нарва”**». Оставшаяся в Гайделагере часть легиона проходила подготовку до марта 1943 года.

Батальон «Нарва» прибыл в дивизию «Викинг», которая вела ожесточенные бои с частями РККА в районе Изюма и Харькова. Командиром батальона был назначен гауптштур-

мфюрер СС Георг Эберхардт. С марта 1944 года батальон стал именоваться 3-м батальоном 10-го панцергренадерского полка «Вестланд».

Впоследствии батальон «Нарва» вместе с дивизией «Викинг» попал в Корсунь-Шевченковское окружение зимой 1944 года, при прорыве из которого понес огромные потери. В апреле того же года эстонцы были выведены из состава дивизии «Викинг».

Тем временем поток добровольцев в Эстонский легион не ослабевал. В его состав были влиты военнослужащие 33-го, 36-го, 39-го эстонских шумабатальонов и полицейского батальона «Остланд».

В мае 1943 был сформирован новый 1-й батальон легиона и 2-й эстонский добровольческий полк. После столь успешного формирования частей пошла речь о создании эстонской добровольческой бригады СС. 26 октября 1943 года пока еще «виртуальной» бригаде был присвоен № 3 и наименование — «3 Estnische SS-Frw. Brigade». В состав бригады вошли 2 полка, учебно-запасной батальон и рота связи, артиллерийский и зенитный дивизионы под номерами 53. Номинальным эстонским командиром бригады был назначен легионс-оберфюрер Йоханнес Соодла, командиром 1-го полка — бывший командир диверсионной группы «Эрна» Ханс Кург, командиром 2-го полка — легионс-штандартенфюрер Туулинг.

Бригада вошла в состав 8-го армейского корпуса 16-й армии и в декабре 1943 — январе 1944 года участвовала в антипартизанских операциях на территории Ленинградской области. 20 января 1944 года был издан приказ о переформировании бригады в дивизию. Вскоре из Польши и Эстонии прибыло пополнение (37-й, 38-й полицейские фронт-батальоны, 287-й полицейский вахтбатальон, полицейская рота ПАК, личный состав запасного погранполка) и вместе с новобранцами, призванными в ходе последней мобилизации, влилось в состав бригады, именовавшейся теперь «20-я Эстонская добровольческая дивизия СС». Ее полки стали именоваться «добровольческими гренадерскими полками» №№ 45–46 (эстонские №№ 1–2).

21 февраля 1944 года все части дивизии были переброшены на Восточный фронт. Полки получили участок в 4–5 км

северо-западнее Нарвы, 33-й батальон северо-западнее местечка Васа. В марте 1944 года эстонцев ввели в состав 3-го танкового корпуса СС, под командованием группенфюрера СС Феликса Штайнера. Корпус входил в состав оперативной группы «Нарва». 26 мая 1944 года дивизия получила новое название и стала именоваться **«20-я ваффен-гренадерская дивизия СС» (эстонская № 1)**, соответствующие изменения были внесены и в нумерацию полков. Дивизия приняла участие в ожесточенных боях за Нарву, получивших затем название «Битвы европейских СС», ибо советским частям на данном участке фронта противостояли несколько иностранных соединений войск СС.

В начале июня 1944 года дивизия получила новое пополнение, когда из вермахта в ее состав были переведены 658-й и 659-й остбатальоны. На их базе был развернут третий полк под номером 47 (эстонский № 3). Теперь дивизия состояла из следующих частей:

45-й, 46-й, 47-й гренадерские полки СС трехбатальонного состава,

20-й артиллерийский полк СС под командованием штандартенфюрера СС Соболева (4 артдивизиона),

20-й фузилерный батальон (бывший батальон «Нарва»),

20-й инженерный батальон,

20-е подразделение орудий ФЛАК (три батареи ПВО),

20-е разведывательное подразделение (2 роты),

20-й полевой запасной батальон,

20-й полк снабжения,

20-й строительный русско-эстонский батальон (3 роты) и иные учебные и запасные подразделения.

В июле 1944 года дивизия вела бои с частями советской 2-й Ударной армии. При этом ее потери достигли невиданного до сих пор уровня. В октябре остатки дивизии были выведены на полигон в Нойхаммер. Перед этим в августе дивизия пополнилась эстонскими добровольцами, воевавшими в финской армии в составе 200-го егерского полка, о котором рассказано выше. После пополнения все части были собраны в боевую группу, введенную в состав 8-го армейского корпуса 17-й армии. Эта группа вела бои на Одере в районе города Оппельн. В марте 1945 года в бою погиб комдив, бригаден-

фюрер СС Франц Аугсбургер и его заменил оберфюрер СС Бертольд Маак. Под натиском превосходящих сил противника дивизия начала отступление и в апреле ее остатки перешли австрийско-чехословацкую границу. Большинство эстонцев было захвачено в плен передовыми советскими частями.

Одним из наиболее прославляемых в нынешней «независимой Эстонии» ветеранов СС стал командир 658-го остбатальона Альфонс Ребانه, дослужившийся от капитана вермахта до звания штандартенфюрера СС. До войны Ребانه окончил эстонское военное училище и служил в составе экипажа бронепоезда, а также на штабных должностях в «Кайтселиите». После ввода советских частей в Эстонию он покинул армию, а в мае 1941 года организовал партизанский отряд. После прихода немцев, Ребانه возглавил эстонский батальон. В 1944 году его батальон смог сдержать наступление превосходящих сил противника под Новгородом, что позволило немецким частям организованно отойти, избежав окружения. За свою службу Ребانه был удостоен Рыцарского креста с дубовыми листьями.

После окончания войны Ребانه сумел скрыться от расплаты в Великобритании, где сотрудничал с английскими спецслужбами и координировал их взаимодействие с действовавшими в Эстонии отрядами «лесных братьев». В последнее время появился ряд публикаций в эстонской и российской прессе, авторы которых утверждают, что Ребانه с 1940 года работал на НКВД, благодаря чему было уничтожено все партизанское эстонское сопротивление.

В 1944 году 4 из 6 эстонских пограничных полков, усиленные артиллерией и штабом расформированной 13-й авиаполевой дивизии, образовали 300-ю дивизию особого назначения (ЦБФ-300). Дивизия насчитывала 20 тысяч человек и обороняла участок фронта под Нарвой. Ее северная бригада включала в себя 2-й и 4-й эстонские полки, а южная — 3-й и 6-й. 18 сентября 1944 года дивизию атаковали части 2-й Ударной армии и фронт был прорван. Дивизия распалась на несколько разрозненных частей и продолжала вести бои на болотистой местности близ озера Пейпус.

В июне 1942 года стараниями сотрудника Абвера зондерфюрера Бушманна на базе остатков Таллинского аэроклуба

(4 тренировочных моноплана РТО-4) была создана морская разведывательная **авиаэскадрилья «Бушманн»**, укомплектованная эстонскими добровольцами. Впоследствии эскадрилья была переименована в 127-й дивизион. На вооружении дивизиона находились гидросамолеты «Арадо» и он проводил патрулирование акватории Финского залива. В октябре 1943 года после переобучения дивизион был вновь переименован и стал называться «Ночная группа 11». На вооружении группы оставались сильно устаревшие машины. Впоследствии от немцев были получены «Хейнкели-50» и «Фоккеры С-VE». В октябре 1944 года дивизион прекратил боевые вылеты из-за отсутствия топлива и запасных частей к самолетам. В конце войны летчики-эстонцы бежали воздушным путем в Швецию, набившись по несколько человек в кабины ветхих бипланов.

Молодежная унифицированная организация «Eesti Noored» была организована олимпийским чемпионом по бегу на лыжах лейтенантом Густавом Калкинем. Первые 5 групп новобранцев прошли подготовку в Германии по программе «Гитлерюгенда». Более 75 % ее личного состава служили в эстонских частях СС. После августа 1944 года все члены организации были призваны в ряды «Омакайтсе», Красного креста, пожарных частей и полиции. В Таллине 1250 членов организации были направлены на службу во вспомогательные охранные части.

Эстонские **«помощники ВВС»** или «люфтваффенхильферы» как организация были созданы 1 июля 1944 года решением совместного совещания представителей немецкой администрации, эстонского самоуправления и вышеупомянутой молодежной организации. Было решено создать молодежный корпус (возраст членов от 15 до 20 лет) для оказания помощи частям немецких ВВС и ПВО. Летом 1944 года «Кригсайдзатцкоммандо «Норд» (северное подразделение «Гитлерюгенда») организовало специальное подразделение под руководством гауптбаннфюрера Зигфрида Никеля для приема мобилизуемой молодежи оккупированных стран.

Всего до сентября 1944 года было мобилизовано около 3 тысяч молодых эстонцев, в том числе 478 девушек. После трехнедельной подготовки все они были распределены в дей-

ствующие части ПВО и иные подразделения ВВС Германии. 346 юных эстонцев были переведены в разряд «маринехильферов», то есть «помощников ВМС», но после занятия Эстонии советскими войсками были вновь возвращены в ВВС. В начале декабря 1944 года молодежь взяли под свою опеку СС и помощники стали именоваться «воспитанниками СС» (SS-zoegling). Эвакуированные из Эстонии молодые люди были размещены в лагерях на территории Германии, Чехословакии и Дании. 800 человек были направлены в г. Висмар, где из них был создан 60-й резервный батальон ПВО. Из Висмара после обучения они были переведены в Данию и в марте 1945 года были влиты в 20-й учебно-запасной полк СС 20-й эстонской дивизии СС.

Солдаты и офицеры разбитых эстонских частей СС и вермахта стали костяком послевоенного повстанческого движения в Эстонии. В немалой степени этому способствовало пристальное внимание к ним немецких спецслужб. Ими планировалось привлечение национальных кадров СС и вермахта для развертывания диверсионной деятельности в советском тылу на территории всех республик советской Прибалтики.

Эстонские диверсанты. Последний период войны

Сотрудничество эстонских коллаборационистов с немецкими спецслужбами не прекращалось на всем протяжении Второй мировой войны. Бюро Целлариуса и фронтовые органы Абвера в массовом порядке готовили и засылали диверсионно-разведывательную агентуру в тылы Красной Армии на территорию прибалтийских республик, уже освобожденных от оккупантов и на территорию Северной России. В последнем случае немцев интересовало разрушение железнодорожной сети под Архангельском и Мурманском с целью нарушения хода поставок грузов, прибывающих по лендлизу вглубь России.

В 1942 году стараниями бюро Целлариуса была организована и подготовлена **эстонская диверсионно-разведывательная группа**, в которую вошли бывшие бойцы подразделения

«Эрна», спортсмены, военнослужащие финской армии и члены «Кайтселиита». С эстонской стороны группу курировал кадровый сотрудник эстонской разведки майор Кристиан. 14 человек, прошедшие курс обучения в финской разведывательно-диверсионной школе в Вазене, были десантированы с самолетов в два этапа: 1-я группа — 1 сентября 1942 года в районе местечка Коноша Архангельской области, 2-я группа прибыла в тот же район 2 сентября. Группам было поручено разузнать о характере и количестве грузов, перемещаемых по железной дороге, и о количестве, составе и расположении советских воинских частей. Кроме того, членам группы было поручено произвести измерение уровня водной поверхности в озере Лача с целью выявления возможности посадки на него гидросамолетов и обнаружения удобных мест для приема десантных групп.

Операция не удалась, так как в первый же день после приземления 1-ю группу увидели местные жители. Кроме того, немецкой разведке не было известно, что в районе действует передвижная радиопеленгаторная станция. Сев «на хвост» эстонцам, местные контрразведчики и красноармейцы загнали их в болота и чашобы. Положение диверсантов ухудшалось в связи с резким изменением погоды и наличием раненых. Помощь от центра неоднократно сбрасывалась с самолетов, но большинство тюков попало в руки преследователей. В результате эстонцам пришлось грабить местное население, добывая продукты.

Установить связь со второй группой диверсантам так и не удалось. К месту операции подтягивались новые силы. Военный совет Архангельского военного округа принял решение о переброске под Каргополь курсантов пехотного военного училища из Великого Устюга. Попытка немцев установить с группами связь посредством гидросамолетов также не привела к успеху — один из них был изрешечен очередью из ручного пулемета группы преследования и не смог набрать высоты, приводнился на озеро, а экипаж почти полностью погиб. Группа постепенно уменьшалась в размерах — раненых пришлось пристрелить. Эпопея эстонских диверсантов окончилась в дождливую ночь на берегу реки Водла в Пудожском районе. Пятерых диверсантов и двоих членов эки-

пажа подбитого самолета захватили четверо пограничников заградительного отряда. Остальные были выловлены к 8 ноября. На этой бесславной ноте операция немецкой разведки «Гамбит парашютиста» закончилась.

После изгнания немцев из Прибалтики советская военная контрразведка 3-го Прибалтийского фронта начала работу по ликвидации осевшей и вновь засылаемой немецко-эстонской агентуры.

25 августа 1944 года на участке 326-й стрелковой дивизии был задержан некто Андерсон, направленный немцами в ближний тыл советских войск с минами и взрывчаткой.

13 сентября явился с повинной бывший легионер СС диверсант Постий, сброшенный с самолета и снабженный взрывчаткой для проведения диверсий.

В октябре того же года была арестована **группа агентов-диверсантов**, питомцев Абверкоманды-204 и разведывательно-диверсионной школы в м. Ульброк. Группу возглавлял лейтенант Вермахта эстонец А.И. Роотс, член «Омакайтсе». Впоследствии были задержаны еще 14 человек.

В Таллине был арестован Л.М. Пернцалу, завербованный в конце 1943 года Абвером и прошедший подготовку в разведывательно-диверсионной школе в местечке Кейла-Юа. На допросе арестованный показал, что вместе с ним в школе проходили курс обучения 22 эстонских диверсанта и 20 радистов во главе с сыном профессора Тартуского университета обер-юнкером СС Лепусом.

В конце 1944 года были ликвидированы несколько **повстанческих групп**. Четыре группы были созданы в Пярнусском уезде Ю.В. Экбаумом, агентом разведоргана «Динстштелле “Конрад”». Экбаум получил от «Конрада» большое количество оружия, боеприпасов, взрывчатки и продовольствия. Все это добро хранилось в нескольких оборудованных тайных складах.

В феврале 1946 года МГБ Эстонской ССР был арестован агент финской разведки Х.А. Кальюранд, переброшенный финнами в Эстонию для оседания. Вместе с ним были переброшены еще 13 человек. Почти все они были арестованы, некоторые погибли при захвате, оказывая сопротивление. Сам Кальюранд с мая 1945 года проживал у своей любовницы в Таллине, сам замаскировавшись под женщину.

Активным поставщиком разведчиков и диверсантов для нужд немецкой армии на конечном этапе войны стало созданное в 1944 году «Истребительное подразделение СС Восток» (СС Ягдвербанд-Ост) и его отдел «Ягдайнзатц “Балтикум”», включавший в себя **эстонское отделение** под руководством штандартенфюрера СС эстонца Пуулинга. В октябре 1944 в г. Гогензальц, где размещался отдел, прибыла эстонская рота СС, поступившая в распоряжение органа. Перед эстонцами были поставлены задачи, аналогичные тем, что предназначались для латышской группы диверсантов «Межа Кати». Регион ее деятельности ограничивался треугольником: г. Тервете, Петсери и озеро Пейпус. Командовал **эстонской ротой диверсантов** унтерштурмфюрер СС Густав Алуперс (Алупкре), ранее служивший в дивизии СС «Викинг» и удостоенный Железного Креста 2-й степени. Другие руководители группы ранее служили в 20-й эстонской добровольческой дивизии СС.

В отличие от Литвы и Латвии эстонское повстанческое движение было ликвидировано довольно быстро. Это дало повод некоторым СМИ уже в наше время озвучить версию о работе на советские спецслужбы Альфонса Ребане, благодаря чему якобы, и были ликвидированы все повстанческие группы в Эстонии, а национальная эмиграция находилась «под колпаком» Лубянки. Впрочем, аналогичные утверждения высказывались и в адрес создателя белорусских коллаборационистских формирований Франца Кушеля. Апофеоз же исторических выдумок пришелся на фигуру Власова, которого один бойкий автор объявил сотрудником Главного Разведуправления Генштаба, якобы выполнявшим особое задание в немецком тылу.

Часть IV.

Восточный легион Гитлера

1. ТУРКЕСТАНСКАЯ КАРТА ГЕРМАНИИ

Воинские подразделения и части, формируемые немцами из числа мусульманских народностей СССР, находились на особом счету. Заигрывание с ними было обусловлено заинтересованностью немецкого руководства в национальном расколе Советского Союза и разложении Красной Армии, чем значительно облегчался доступ к богатым природным месторождениям нефти и других полезных ископаемых. В случае успеха немцы также получали союзников на Востоке, необходимых им для войны с Великобританией, завоевания Индии и Тибета. Кроме того, параллельно шло формирование подразделений из арабов, индийцев, тибетцев, создание марионеточных «правительств» в изгнании и «освободительных комитетов». Большая роль отводилась эмигрантам из уроженцев советских республик Кавказа, Закавказья, Средней Азии и Поволжья.

Еще в годы Первой мировой войны в м. Вюнсдорф в 20 км от Берлина был создан крупный лагерь для военнопленных мусульман. Этот лагерь являлся центром подготовки мусульманских коллаборационистов из числа народов России и ряда колоний Англии и Франции.

В 1918 году Алимджаном Идриси было создано первое официально зарегистрированное объединение мусульман в Германии «Общество поддержки российских мусульман-студентов».

В ноябре 1927 года в Берлине был создан Исламский Институт под почетным председательством старого друга Германии «князя друзов эмира Шекиб Аслана».

31 октября 1932 года был официально зарегистрирован Берлинский отдел Исламского Всемирного Конгресса.

С приходом к власти нацистов все мусульманские организации попали под контроль Внешнеполитического отдела НСДАП.

1 апреля 1939 года при Верховном командовании немецких вооруженных сил было создано подразделение «Вермахт-Пропаганда». Перед нападением на СССР при Министерстве пропаганды был организован «Генеральный реферат “Восточное пространство”» во главе с доктором Эберхардом Таубертом. В 1943 году реферат был преобразован в отдел «Восток».

Используя принцип «Разделяй и властвуй», Вермахт, Министерство по делам восточных территорий, Главное управление СС (СС Гауптamt) были заинтересованы в формировании военно-полицейских подразделений и частей специального назначения из представителей народов Средней Азии и Кавказа. По их сценарию азербайджанцы несли бы службу на территории России, в Азербайджане стояли бы армянские батальоны, калмыки охраняли бы коммуникации в Узбекистане. Вместе с тем Гитлер и Восточное Министерство в большей мере полагались на народы мусульманского вероисповедания, нежели на христиан Грузии и Армении. Эта политика проводилась еще и для подталкивания Турции к участию в войне на стороне Рейха.

«Туркестанское» начинание немцев не могло не вызвать беспокойства японских спецслужб, также определивших Азию объектом своего пристального интереса. Впоследствии Азия была негласно поделена на зоны интересов Германии и Японии.

Для координации националистической и разложенческой работы при Главном Управлении Имперской Безопасности (РСХА) в Дрездене было создано объединение специалистов (институт) «**Арбайтсгемайнсшафт “Туркестан”**» (АТ) под руководством специалиста по восточной проблематике гауптштурмфюрера СС доктора медицины Райнера Ольцши. Ольцше исполнился 31 год, когда ему предложили возглавить институт. К этому времени за его плечами уже имелись авторство монографии «Туркестан — политико-исторические и экономические проблемы Центральной Азии» (1936 год) и успешная карьера медика и разведчика. Получив медицинское образование, Ольцша работал в Институте тропической медицины

имени Коха, объездил Иран, Турцию, Афганистан, Индию, Европу, изучил несколько европейских и восточных языков. В 1941–1942 гг. он фактически возглавлял особый батальон СС, занимавшийся сбором трофейного материала на территории СССР. Тогда же, по заказу Восточного министерства собрал материалы и написал книгу «Курорты Советского Союза», изданную в 1942 году. К 1944 году Ольцша возглавил отдел «Туран-Кавказ» в СС Гауптамте.

АТ «Туркестан» состоял из 9 отделов:

1. Страноведческий,
2. Транспортный,
3. Геология и полезные ископаемые,
4. Сельское хозяйство,
5. Климатология,
6. Этнография и фольклористика,
7. Ислам,
8. Медицина,
9. Литература.

Институт Райнера постепенно заменил собой «**Туркестанский Национальный Комитет**» во главе с Вали Каюм-ханом, не оправдавшим доверия немецких властей и к тому же погрязшим в интригах и внутренних склоках.

Институт также готовил кадры агентов-пропагандистов для работы в национальных формированиях. Под патронажем Института находились следующие комитеты: Туркестанский, Северокавказский, Крымский центр, Татарский (Идель-Урал), Азербайджанский, Грузинский и Армянский комитеты. Была предпринята попытка включить в сферу его влияния калмыков, однако сам калмыцкий штаб разделился на две группы противников и сторонников слияния, в результате чего объединение не состоялось.

Для духовной опеки мусульман при Институте была создана **Школа мулл** («Муллашулле») — учебное подразделение, готовившее священнослужителей для тюркских частей.

Кроме АТ «Туркестан», летом 1944 года в СС Гауптамте был создан специальный отдел «Руководящий отдел — Восточные добровольцы». В состав отдела входили следующие рефераты:

1. «Тюркские народы» — руководитель оберштурмфюрер Северин Шия. Реферат, в свою очередь, состоял из трех

подразделений: «Туркестан» (С. Шия), «Идель-Урал» (Х. Унглаубе), «Крым» (Гогартен)

2. «Кавказ» — руководитель Штойервальд. Реферат состоял из 4-х подразделений: «Азербайджан» (Штойервальд), «Северный Кавказ» (Орт), «Грузия» (Хорстманн), «Армения» (Хорстманн)

3. «Добровольческие соединения», в котором существовало подразделение 6 «Восточно-Туркестанское боевое соединение СС» (обершарфюрер СС Вольф) и подразделение 6 «Кавказское боевое соединение» (Вольф)

4. «Наука, пресса, пропаганда» (Р. Ольцша) состоял из подразделений «Ислам» (Ольцша Р.), «Буддизм» и «Пресса и пропаганда» (Шеффер).

Помимо эсэсовцев, в отделе работал отвергнутый Вермахтом и Абвером майор А. Майер-Мадер.

Армия также не осталась в стороне. Для розыгрыша национальной карты ею был создан **Инспекторат тюркских и кавказских формирований** во главе с генералом-инспектором, генералом от кавалерии, бывшим немецким атташе в Москве Э. Кестрингом, человеком, родившимся и выросшим в дореволюционной России.

Абвер, в свою очередь, имел свои виды на использование многонациональной эмиграции. Еще весной 1938 года адмирал В. Канарис поручил главному специалисту своего ведомства по «восточному вопросу» Теодору Оберлендеру провести исследование причин военных неудач белых армий. Оберлендер провел исследование и доложил свои выводы руководству. По его мнению, причинами, погубившими Белое движение, стали:

1. Недостаточное внимание белых правительств к национальным устремлениям народов России и
2. Нерешенность вопроса о земле.

Канарис представил это исследование немецкому руководству, но никаких выводов сделано не было.

Между тем весь Восток был оплетен сетью агентуры Абвера, которая была нацелена на разведывательно-диверсионную деятельность против СССР и Великобритании. В июле 1941 года майор Шенк провел совещание с лидерами узбекской эмиграции в Афганистане и начал вербовку доброволь-

цев из числа бывших белогвардейцев для проведения диверсионных акций в Узбекистане и Туркмении.

С 1942 года представитель Абвера Витцель вел переговоры с престарелым главой узбекской эмиграции в Афганистане бывшим эмиром Бухары Сеид Алим-ханом. Старый, неизлечимо больной эмир так и не решился на организованное выступление. Другой немецкий резидент Махмуд-бек получил от своих немецких покровителей задание по организации на территории СССР антисоветских повстанческих формирований. С Абвером также тесно сотрудничала организация «**Энджумен Бухари**», располагавшаяся в Дели. В марте 1942 года английская разведка сообщала в Лондон, что при благоприятном для немцев положении на Восточном фронте туркменская эмиграция может выставить против СССР и английских войск около 10 тысяч вооруженных воинов.

На Ближнем Востоке основным проводником германомусульманского союза выступал Великий муфтий Иерусалимский Амин эль-Хуссейни.

Будущий муфтий родился в 1895 году в Иерусалиме в семье Великого Муфтия Иерусалимского. В 1937 году Амин эль-Хуссейни бежал от преследования английских властей в Бейрут, осенью 1939 года — в Багдад. В Багдаде муфтий убеждал иракских политиков восстановить добрые отношения с Германией и создать блок арабских государств, ориентирующийся на Италию и Германию.

6 ноября 1941 года эль-Хуссейни прибыл в Берлин. Еще до приезда этого «друга Рейха» по указанию имперского министра иностранных дел И. фон Риббентропа была составлена подробная справка о муфтии.

28 ноября состоялась встреча Риббентропа с муфтием, после которой эль-Хуссейни заявил о нерушимой дружбе между Рейхом и мусульманскими странами, поскольку «...Арабы являются естественными друзьями Германии, так как имеют трех общих врагов — англичан, евреев и большевиков».

Вторая встреча Великого Муфтия Иерусалимского состоялась с Адольфом Гитлером. В результате, несмотря на некоторое разочарование в «великом эфенди Адольфе», ограничившимся туманными обещаниями, муфтий остался в Рейхе и активно включился в политику, став фактически духовником

всех мусульманских военных формирований. Он проповедовал родство ислама и национал-социализма, обосновывая это тем, что:

1. Германия никогда не воевала против мусульманских стран.
2. Германия борется против мирового еврейства — главного врага ислама.
3. Германия борется против Англии и ее союзников, которые угнетают миллионы мусульман.
4. Германия борется против большевизма, который тиранил 40 миллионов мусульман.

В конце 1941 года Великий муфтий получил «добро» от МИДа и лично от Гитлера на создание вместе с ОКВ **Арабского добровольческого легиона**. Легион предполагалось использовать в боевых действиях на Ближнем Востоке после завершения кампании на Кавказе. Ряд арабских подразделений использовался в составе специального корпуса генерала Фельми во время битвы за Кавказ.

Помимо идейного руководства арабскими легионерами Великий муфтий уделял внимание положению военнопленных и легионеров мусульман российского происхождения.

Туркестанский Национальный комитет и его функционеры

Как уже упоминалось выше, при РСХА функционировал специальный институт по восточным делам «Арбайтсгемайншафт «Туркестан» (АТ). Если институт готовил квалифицированные кадры и проводил работу по национальному расслоению, то параллельно «Предприятие «Цеппелин» и Абвер с помощью сети своих спецшкол вели подготовку и заброску в советскую Среднюю Азию агентуры. АТ готовил также и преподавателей для спецшкол Абвера.

Предшественником АТ был «**Туркестанский Национальный Комитет**» (ТНК), возглавляемый Вали Каюм-Ханом (Каюмовым). При комитете был собран актив из числа эмигрантов — представителей народов Средней Азии, которые использовались для допроса военнопленных и сбора различной информации. Комитет имел свою периодическую пе-

чать — газету «Яш Туркестан» и ежемесячные журналы «Милли Едабиат» и «Милли Туркестан».

Позднее на допросах в советских органах госбезопасности Олыцша заявлял, что «...Образование комитетов вовсе не означало, что Германия была намерена признать в будущем независимость народов, которых они должны были представлять. Она была заинтересована в том, чтобы, создавая видимость поддержки антисоветских националистов, привлекать к себе людей и держать их у себя на поводу».

Иные устремления были у естественных опекунов туркестанских коллаборационистов — турецких националистов. Так, в 1941 году Нури Киллигиль (Нури-паша, брат Энвера-паши) обратился к немецкому руководству с конкретными предложениями относительно своих единомышленников-военнопленных:

1. Отделить всех военнопленных тюрок и мусульман от остальных, создать особые лагеря, подобные существовавшему в годы Первой мировой войны в Вюнсдорфе, и проверить возможность использования добровольцев в качестве боевых отрядов.

2. Управление тюркскими и мусульманскими народами на оккупированной территории передать органам местного самоуправления.

В качестве организатора работы с военнопленными на территории Германии Нури-Паша предложил немцам себя. Однако его предложения не нашли отклика у немецкого руководства и деятельный паша уехал из Рейха разочарованным.

В октябре 1941 года при поддержке немецкого посла в Турции фон Папена в Крым прибыли турецкие генералы Али Фуад Эрден (начальник академии Генерального штаба Турции) и Хосню Эмир Эркилет (генерал в отставке). В поездке их сопровождал представитель Министерства Иностранных дел Рейха при командовании 11-й армии Вернер Отто фон Хентиг. По его мнению «...Генералы меньше интересовались военными успехами Германии, чем политическими намерениями ее руководства относительно тюркских народов России».

По инициативе бывшего посла Германии в СССР фон Шуленбурга весной 1942 года в Берлине состоялся «круглый стол» между представителями «туранской» эмиграции из СССР и чиновниками МИДа Германии. Слет представителей

эмиграции всех национальностей Кавказа, Закавказья и Средней Азии и всех оттенков политического спектра проходил в отеле «Адлон». Заседание закончилось принятием ряда деклараций о намерениях. Результатом этого сбора стал конфликт между МИДом и Восточным Министерством Рейха по поводу того, в чем именно ведении должны находиться «туркестанцы».

В Восточном Министерстве за работу с представителями тюркских народов отвечало отделение «Кавказ» профессора Герхарда фон Менде, которое, в свою очередь, было частью отдела «Политика» под руководством уроженца России Георга Лейббрандта.

Менде происходил из балтийских немцев, родился в 1904 году в Риге. Его отец был расстрелян большевиками во время революции. В 1927 году Менде поступил в Берлинский университет и в феврале 1933 года с успехом защитил диссертацию «Очерки по истории колонизации в СССР». В 1935 году он защитил докторскую диссертацию «Национальная борьба российских тюрков. Исследование национальной политики в СССР», а через год опубликовал ее как монографию. В 1933–1934 гг., не будучи членом НСДАП, фон Менде тем не менее участвовал в работе «Антикоминтерна». С 1936 года он руководил кафедрой в Берлинском университете. По свидетельству современников, фон Менде свободно владел русским, французским, английским, турецким, датским, шведским, норвежским и тюркским языками.

Летом 1943 года на службу в Восточное Министерство пришел генерал СС Г. Бергер. Отдел «Политика» был укрупнен и на базе отделения «Кавказ» был создан отдел «Чужие народы» под водительством того же Менде, который стал фактическим руководителем направления восточной политики ведомства Розенберга.

Весной 1942 года начались подготовительные мероприятия по созданию «Туркестанского Национального Комитета» (ТНК, Nationalturkestanisches Einheitskomitee). Фактически комитет был создан в начале осени 1942 года. Острые разногласия в среде немецкого руководства вызвало существование национальных представительств кавказских народов. Во второй половине 1942 года армянский, грузинский и азерб-

байджанский комитеты существовали лишь «виртуально» или уже были распущены.

Руководство ТНК состояло из людей, имевших принципиальные разногласия с Советской властью и принимавших ранее деятельное участие в работе партий и национальных группировок, стоявших в национальной оппозиции не только Москве Ленина и Сталина, но и Петербургу Керенского.

Узбек Вали Каюм-хан в 1922 году, будучи 17-летним подростком, выехал с другими 70 молодыми людьми из Средней Азии на учебу в Германию. Инициатором отправки был министр образования Бухарской республики Абдулрауф Фитрат. Договоренность с немецким правительством об обучении была достигнута также стараниями пантюркиста Алимжана Идриси. Вали Каюм поступил на сельскохозяйственный факультет Берлинского университета, затем учился на факультете политических наук. По окончании учебы он отказался от возвращения и принял германское подданство. В конце 1920-х годов Вали Каюм сотрудничал с М. Чокаевым и они совместно выпускали газету «Яш Туркестан». Его духовный наставник Идриси, работавший в германском МИДе, устроил Вали Каюма в отдел пропаганды МИДа. Находясь в тени Чокаева, Вали Каюм поставил своей целью выбиться вперед и подчинить себе всех туркестанцев, что впоследствии и попытался осуществить.

Мустафа Чокаев (Мустафа Чокай-оглу) происходил из интеллигентной казахской семьи. Его дед ведал делопроизводством у кокандского хана, отец был судьей. Чокаев получил образование на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета вместе с А.Ф. Керенским. Также вместе с будущим главой Временного правительства он вступил в партию социалистов-революционеров. После окончания университета Чокаев возвращается на родину, где создает кружок из представителей национальной интеллигенции и разрабатывает программу, близкую по своей сути эсеровской. После падения династии Романовых Чокаев был назначен Керенским «Уполномоченным временного правительства по Туркестанскому краю». Этот пост он использовал для агитации за создание автономной мусульманской республики. После падения Временного правительства Чокаев принял участие в национальном съезде представителей народов

Туркестана в Коканде. После съезда Чокаев объявил о создании организации «Кокандская автономия» и возглавил ее. Англичане сразу признали организацию, а позже ввели оккупационные войска.

Просуществовав три месяца, «Кокандская автономия» прекратила свою деятельность с приходом к власти большевиков. Для Чокаева настают мрачные времена. Он бежит в Турцию, после чего в центр эмиграции Париж. Здесь Чокаев выпускает газету «Яш Туркестан» и издает свою книгу «Советы в Средней Азии». С началом немецкой оккупации он оказывается в концлагере — за связь с англичанами. Его деятельная натура не может мириться с издевательствами и ничегонеделанием. В результате раздумий появляется на свет его письмо к Розенбергу. В нем Чокаев обосновывает свою новую политическую идею — создание с помощью Великой Германии исламского государства «Туркестан», организацию особой армии из бывших советских военнопленных-мусульман для высадки десанта в Каракумах и свержения Советской власти.

Чокаев умер при не вполне ясных обстоятельствах зимой 1942 года, когда вместе с Вали Каюмом объезжал лагеря военнопленных и заразился там тифом.

Еще одна крупная фигура — Заки Валидов (Заки Валиди Тоган). Этот глава башкирской эмиграции во время Гражданской войны пытался организовать в башкирском Зауралье республику «Малую Башкирию», однако после разгрома войск атамана Дутова плану не суждено было сбыться. Валидов просидел 2 месяца в Оренбургской тюрьме, освободил же его налет белых казаков на город. Впоследствии Валидов возглавил несколько башкирских полков, но это бело-башкирское воинство развалилось. В марте 1919 года была провозглашена Башкирская АССР, после чего Валидов ушел в подполье. В январе и в июне 1920 года он принимал участие в организации антисоветских мятежей. Эти выступления были жестоко подавлены, а их организатор укрылся в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате. Валидов снимал комнатку в доме небогатого ремесленника на окраине Бухары и мечтал об объединении всех мусульман России. Тогда же он начинает сотрудничать с бухарским эмиром Саид Алим-ханом. В ноябре 1921 года в Бухару тайно прибыл бывший турецкий военный ми-

нистр Энвер-Паша, который вместе с Валидовым возглавил басмаческое движение. После ряда военных неудач и ликвидации басмачества Валидов бежал в Афганистан, Персию и Турцию и в конце скитаний осел в Париже. Впоследствии Заки переехал в Берлин, где сотрудничал с Гаязом Исхаки, читал лекции в Стамбульском университете и издавал газету «Туркестан», в которой отстаивал свою идею о объединении всех мусульман вокруг Турции.

Все эти лидеры мелких эмигрантских группировок объединились вокруг Чокаева. В первые месяцы Великой Отечественной войны активисты эмиграции посещали лагеря военнопленных на территории Польши, отбирая будущих национальных легионеров. Вопрос о том, как называть военные формирования из мусульман решился просто: Чокаев предложил наименование «Туркестанская армия», немцы же остановили свой выбор на более скромном «Туркестанском легионе». Одновременно с этим Чокаев решил с помощью Розенберга создать **курсы национал-социализма** для командного состава «Туркестанской армии». Такие курсы были созданы **в лагере в Вустрау**. Они состояли из трех ступеней: первая («ауфангслaгeр») для только что прибывших из лагерей военнопленных включала в себя предварительную идеологическую обработку, вторая ступень («форлагер») — для подготовленных и зарекомендовавших себя курсантов и третья («штамлагер») — для выпускников. Первый набор из 30 человек изучал государственное устройство Рейха, его законы, программу и устав НСДАП, немецкий язык, слушал цикл лекций по истории Туркестана (читал Каюм-хан) и ислама.

Религиозно-идеологическую подпитку осуществлял журнал «Милли Туркестан», издававшийся Каюм-ханом. Впоследствии этот печатный орган сыграл негативную роль, ибо речь в нем шла в основном про легионеров-узбеков, в то время как легион был многонациональным. Вали Каюм вообще всячески превозносил перед своими немецкими хозяевами узбеков как лучших солдат Азии, чем ставил в положение изгоев глав других национальных группировок.

Постоянное соперничество лидеров национальных групп, работа советской разведки и подполья привели к многочисленным расколам в среде националистической эмиграции.

Так, Каюм-хан рассорился с А. Идриси, который откололся от комитета и вместе с А. Шафеевым сделал ставку на союз «Идель-Урал», объединив в нем татар, башкир и чувашей. Каюм-хан, не доверявший представителям волжских мусульманских народов («волжские татары, башкиры и чувашаи обрусели и стали русской прислугой») разработал свой план, согласно которому в будущем «Туркестане» надлежало произвести переселение мусульман, запятнавших себя сотрудничеством с русскими, — то есть волжских татар, чувашей, башкир, удмуртов — вглубь Туркестана, заменив их на туркменов, казахов и узбеков как «более надежных».

Между ведомством Ольциши и ТНК возникло соперничество за обладание и ведение агентуры. От руководителя АТ, опасавшегося, как бы комитет не установил связь с англичанами, к Каюм-хану был внедрен некто Джумабаев.

С осени 1944 года национальные лидеры тюркско-мусульманских группировок стали демонстрировать немецким шефам недовольство высказываниями генерала Власова. 13 октября 1944 года Каюм-хан обратился с письмом к Гиммлеру, в котором высказал мнение о том, что Власов имеет право говорить лишь от собственного имени и имени русского народа. Впоследствии на имя Розенберга была составлена гневная петиция, которую подписали Каюм-хан, Шафи Алмас, М. Кедия, Али-хан Кантемир, Н. Мельник, Р. Островский.

Все это ничуть не помешало Каюм-хану 23 ноября 1944 года приветствовать Пражский Манифест и позднее заявить о солидарности ТНК с Комитетом по Освобождению Народов России.

В конце войны ТНК выехал из Берлина. Часть его под руководством фон Ольссена разместилась в м. Беверунген близ г. Детмольд, где национальным активистам выдали турецкие паспорта.

После войны в Мюнхене было открыто представительство «**Комитета для перемещения эмигрантов тюркских национальностей**». Комитет признавал всех тюрков российского происхождения турецкими подданными, обеспечивал продовольствием и вывозил в Турцию. В 1946–1948 гг. Турция предоставила убежище 4–5 тысячам оказавшимся на Западе тюркам-мусульманам. Из них примерно 500 были туркестанцами.

Легионы и легионеры

Первыми мусульманскими формированиями в составе Вермахта можно считать созданные приказом ОКВ от 15 ноября 1941 года при каждой немецкой дивизии группы армий «Юг» сотни из военнопленных туркестанцев и уроженцев Северного Кавказа. Впоследствии эти **охранные сотни** были объединены при 444-й дивизии под Запорожьем в туркестанский полк (позднее известен как «**444 Ostturkische battalion**») под командованием обер-лейтенанта фон Таубе. Полк-батальон нес охранную службу в районе устья Днестра и на Перекопе.

В октябре 1941 года на полигоне в Рембертове (Польша) были созданы и вооружены **шесть туркестанских рот** в рамках спецподразделения Абвера «Предприятие Абвера “Тигр Б”».

Осенью 1941 года был создан **450-й туркестанский пехотный батальон** под командованием майора Майер Мадера.

Андреас Майер Мадер был специалистом по Востоку — в конце 1930-х гг. он командовал китайской армией, сформированной японцами из китайских коллаборационистов и сражавшейся против войск Чан Кайши и Мао за японские интересы. Вернувшись в Берлин состоятельным человеком, Мадер даже не успел отдохнуть, как ему поручили формирование туркестанских частей и подбор людей для нужд Абвера.

Им была организована **спецкоманда** из 15 отборных легионеров. Целями команды была высадка в Туркестане, похищение советского чиновника, занимающего достаточно крупный пост в структуре органов власти и его эвакуация в Берлин. Предполагалось склонить его к должности президента будущего Туркестана.

Другой целью Мадера была высадка десанта и организация в Туркестане басмаческого движения. Авария самолета с десанниками в Симферополе сорвала этот план. Советское наступление окончательно перечеркнуло намерения Мадера, но не Абвера, продолжавшего заброску агентуры.

Одна из **разведгрупп** была сформирована в спецлагере Луккенвальд. В группу входило 11 человек, большинство из которых были «туркестанцы», а командир — бывший майор РККА фольксдойче Иогансон. Группу удачно перебросили через фронт, но она в полном составе сдалась НКВД.

Еще одна **группа** возглавлялась советским разведчиком Али-Ханом Агаевым также прошла подготовку в вышеупомянутом лагере, и после выброски в советский тыл была нейтрализована. Создание и заброска групп происходили под опекой представителя «Предприятия “Цепелин”» гауптштурмфюрера СС Феннера, прибалтийского немца, уроженца Петербурга. Натаскивали разведчиков в «Вальдлагере СС-20» под Бреслау (Восточная Пруссия). В конце 1943 года группа была передислоцирована в Бердянск. В Бердянске Феннером были подготовлены **три десантные группы** под командованием Торегенова, Казтаева, Кокпаева. После выброски на советскую территорию ни одна из них на связь с центром не вышла.

«**Казахская**» **разведгруппа**, выброшенная под Гурьев, была нейтрализована советской разведкой и включена в радиоигру. После обмена информацией в ночь со 2 на 3 мая 1944 года в районе Гурьева были сброшены еще 8 парашютистов во главе с М. Амировым. В ходе боя 5 из них, в том числе командир и радист, были убиты, включение группы в радиоигру не состоялось. Допрошенные сообщили, что целями группы было ведение разведки и подготовка баз для проведения диверсий.

Третья группа парашютистов-связников была выброшена в ночь с 10 на 11 июня в том же районе для проверки первой группы. Один из агентов последовал в Гурьев, но по дороге был задержан патрулем, сразу же сознался в переброске «с той стороны» и указал местонахождение оставшихся членов. При аресте было изъято полмиллиона рублей, питание для рации, сто экземпляров Корана и фиктивные документы.

Фронтовой 450-й батальон туркестанцев формировался лично Мадером при поддержке Вали Каюм-хана (еще до ссоры с ним). В готовом виде батальон насчитывал 6 рот. Каждая рота (кроме шестой штабной — интернациональной) состояла из солдат одной национальности. Штабной ротой командовали немецкие командиры. Несмотря на кажущуюся самостоятельность, батальон был напичкан немецкими солдатами и унтер-офицерами. Под командованием Мадера он отбыл для борьбы с партизанами на Украину зимой 1941—1942 г. и размещен близ г. Ямполь и Глухов Сумской области. Вскоре Мадера отстранили от командования, вызвали в Германию, а батальон принял гауптман Копф.

После начала Сталинградской битвы 450-й батальон был переброшен в Калмыкию и вошел в состав 16-й немецкой мотомеханизированной дивизии. Здесь дезертировала группа легионеров вместе с муллой Гани Садыровым и рассеялась в степях и горах Северного Кавказа. После советского наступления батальон перебросили самолетами в Донбасс, на охрану железнодорожной магистрали Сталино-Иловайская. Штаб батальона во главе с Копфом располагался на станции Харцызск. В сентябре 1943 года две неполных роты батальона (130 человек) сдались в Макеевке наступающим частям Красной Армии.

Выступая против национальной политики, проводимой по отношению к легионерам, Мадер утверждал, что «...Немцы воспринимают мусульман не как таковых, а как большевиков, как бывших военнопленных. Исходя из этого, строились и взаимоотношения. В ротах было около 150 мусульман и 8–15 немцев, которые из-за противоречий и незнания языка составляли 2 лагеря... Проявления недовольства наказывались строго, а причины его практически не изучены...»

Летом-осенью 1942 года на территории польского Генерал-губернаторства закончилось формирование национальных легионов, в том числе и туркестанского. В состав туркестанских батальонов были включены узбеки, казахи, туркмены, таджики, киргизы, белуджи, дунгане, иранцы, кашгарцы, шугнанцы, тарачинцы, курамыны и «восточные татары».

Личный состав **452-го батальона** (2-й батальон легиона) набирался из лагерей в Ченстохове, Легионове, Едлине, Седлице и Демблине. После страшной для военнопленных зимы 1941–1942 года в ченстоховском лагере из 90 тысяч человек в живых осталось только три тысячи узников. Немецкой комиссией было отобрано 800 человек узбеков, казахов, таджиков, калмыков, башкир и киргизов. Сообщив, что из них будет сформирован строительный батальон, всех «туркмен» отправили в Легионовский спецлагерь. Отмыв и переодев их в форму французских пожарных (!), немцы объявили о создании туркестанского батальона. Впоследствии батальону присвоили номер 452. Командиром стал обер-лейтенант Бауман.

После Легионова батальон был переброшен в Едлин, где прошел курс тактической и строевой подготовки. На вооружении батальона состояло 10 станковых пулеметов (пулеметная рота),

12 ротных минометов (минометный взвод), 4 противотанковых орудия (противотанковый взвод) и 1 полевое орудие. Автоматы имелись только у немецких командиров, стрелки были вооружены русскими винтовками. Знамя батальона состояло из двух продольных полотнищ (верхнее — красного цвета, нижнее — синего) на красном полотнище был изображен полумесяц, пронзенный стрелой.

В Легионовском лагере для духовной опеки мусульман было 6 мулл. Каждый солдат был обязан содержать духовных лиц, выделяя из своего жалования по 10 марок. Ежедневно проводился намаз. Слабая религиозная подготовка мулл дала возможность солдатам, принимавшим присягу, перевернуть ее слова и получалось, что солдат клялся на Коране в отказе воевать. Муллы же призывали воевать за свободный Казахстан, во главе которого будет мулла Хаим, который эмигрировал из Казахстана в 1918 году.

В апреле 1942 года в Седлецком лагере военнопленных была отобрана группа из 350 представителей восточных народов, и вскоре они также были переброшены в Легионово. Таким образом, к середине мая в Легионово находились два батальона, 3-й и 4-й прибыли позже. Всего Туркестанский легион состоял из 13 батальонов, примерно по 850 человек в каждом, структуры рот и взводов повторяли собой организацию немецких горнострелковых подразделений.

Одновременно с легионом была создана **туркестанская рота СС**. Сформированная в Легионово, она состояла из трех взводов: первый и второй — пропагандистские, третий — радисты. Командиром роты был назначен Баймирза Хаит (Хаитов), добровольно перешедший к немцам. До войны Хаитов окончил Ферганский педагогический институт и работал в органах просвещения. Позднее гауптштурмфюрер доктор Хаитов занял пост руководителя военного отдела ТНК.

Весной 1942 года в Польше был сформирован **781-й батальон** в составе 3-х стрелковых, одной пулеметной и одной штабной рот по 150 человек в каждой. Командный состав был немецкий, вооружение — трофейное, советское. 20 октября батальон прибыл на прифронтовую ст. Куринскую.

452-й батальон был отправлен на Кавказ в августе 1942 года, куда и прибыл в сентябре, заняв боевые позиции в районе

ст. Ширванская-Хадыженск. По дороге имели место случаи дезертирства. По прибытии на фронт солдаты стали все чаще поговаривать о том, что каждому надо постараться пристрелить по одному немцу и перейти к передовым советским частям. Заговор уже сложился, но предатель выдал заговорщиков. Некоторым солдатам удалось дезертировать и перейти линию фронта. В самом батальоне начались аресты, и он был отведен с передовой.

Вместе с тем имелись национальные части, оправдавшие надежды немцев. Так, командование 16-й моторизованной дивизии Вермахта отмечало успешные действия 450-го, 782-го и 811-го туркестанских батальонов, заслуживших тем самым право на ношение немецкой военной формы.

О том, как они действовали против партизан, рассказывает очевидец:

«...Сделав каиново дело, мадьяры неожиданно оставили Путивль. Их заменил небольшой отряд “елдашей”. Это наши соотечественники из среднеазиатских народностей: сартов, узбеков, тюрков и др. Это молодежь, в большинстве комсомольцы, окончившие советские техникумы, десятилетки. Из них немцы организовали ударные национальные отряды. Обмундирование на них немецкое: новое, хорошо пригнанное, со всеми знаками отличия Вермахта. На рукавах красовалась у каждого эмблема — изображение месяца со звездой. По ночам “елдаши”, как гончие кошки, рыскали по лесам и везде обнаруживали склады, землянки, оружие и боевые группы. В лесных схватках пленных ни с той, ни с другой стороны не было. После походов и операций по несколько дней отдыхали в Путивле. Они занимали прекрасный особняк старого времени, в котором до войны помещался райком партии. Проходя для купанья в Сейме строем по улицам города, четко отбивая шаг, пели советские песни, так как других, видимо, не знали. При звуках “Конница Буденного”, “Страна моя, Москва моя”, “Катюша” — многие горожане в испуге из-за углов всматривались в поющих, не партизаны ли заскочили в город. Командиры “елдашей”, подтянутые, дисциплинированные и хорошо владели немецким языком. Они подчинялись лишь одному офицеру, как бы дипломатическому представителю вермахта. Однажды

они обнаружили среди своих трех шпионов — коммунистов, работавших на Советы. Сами судили их в городе, в парке, ночью, расстреляли. С населением были вежливы, в знакомства, разговоры не вступали. За два месяца их пребывания никаких конфликтов не случилось...»

15 октября 1943 года генерал СС Готтлоб Бергер обратился к Гиммлеру с просьбой о формировании мусульманской дивизии СС из числа уроженцев СССР. Согласие рейхсфюрера СС было получено.

В ноябре 1943 года легион был реорганизован, полностью попав под опеку ведомства Гиммлера. На его базе был развернут «**1-й Восточно-Мусульманский полк СС**». В будущем планировалось создать на его основе дивизию СС «**Нойе Туркестан**» («**Новый Туркестан**»), однако этому активно препятствовало руководство ТНК. В состав формирования вошли по одному батальону от Азербайджанского и Волжско-татарского легионов.

В декабре 1944 года взбунтовались туркестанцы, расположенные в Белоруссии близ станции Юратишки. 400 человек ушли к партизанам вместе с распропагандировавшими их офицерами. Оставшиеся через некоторое время были атакованы партизанами и своими недавними сослуживцами. Полк перевели в Минск, а затем в город Узду. После начала советского наступления полк передислоцировался под Гродно.

Формирование к тому времени возглавлял гауптштурмфюрер Биллиг, который методично истреблял кадры, выращенные Мадером. Это привело к тому, что оберштурмфюрер СС Асанкулов (начальник отдела пропаганды и глава тайной полиции полка), узнав, что ему грозит расправа, вместе со всеми казахами перешел к партизанам. После этого Биллиг был отстранен от командования и командиром стал Херман, вскоре погибший под Гродно. После его гибели полк возглавил узбек оберштурмфюрер Султан-Алим (Гулам Алимов — бывший старшина Красной Армии), его попечителем — унтерштурмфюрер СС Брюкнер. При Алимове подразделения полка «хорошо» показали себя при подавлении Варшавского восстания, где за полтора месяца потеряли в уличных боях сорок девять солдат.

Узбекский контингент полка контролировал унтерштурмфюрер СС Турсунов. От союза «Идель-Урал» связь поддерживал унтерштурмфюрер СС Даирский.

Азербайджанским батальоном полка командовал оберштурмфюрер СС Алекберли. Из национальных активистов соединения следует упомянуть оберштурмфюрера СС Назарова, главного редактора газеты «1-й Восточно-Мусульманский полк войск СС».

Следующей стадией развития восточных формирований СС стало создание «**Восточно-Туркестанского боевого соединения СС**» (ВТБС), которое должно было состоять из **четырёх боевых групп** (полков) — Идель-Уральской, Крымской, Туркестанской (в ее состав вошел 1-й Восточно-Мусульманский полк СС) и Азербайджанской.

Командиром ВТБС стал штандартенфюрер СС Гарун-эль-Рашид. Под этим экзотическим псевдонимом скрывался Вильгельм Хинтерзатц, к тому времени шестидесятилетний военный пенсионер. Уроженец Германии, он происходил из семьи евангелистского священника. В Первую мировую войну служил в качестве представителя немецкой армии при Генштабе Турции, где принял ислам. После поражения Германии вернулся в Берлин и занялся коммерцией. Во время итало-эфиопской войны находился в Эфиопии, работая на итальянскую разведку. В последующие годы был представителем РСХА при Великом Муфтии Иерусалимском. Два сына эль-Рашида также приняли ислам.

При формировании ВТБС эль-Рашид предлагал создавать полки смешанного национального состава, но это предложение было встречено «в штыки» руководителями различных национальных комитетов.

Осенью 1944 года началась вербовка добровольцев для нужд ВТБС в лагерях военнопленных в Польше, Австрии, Германии и Норвегии. Официально ВТБС начал существовать с 1 октября 1944 года. На 1 ноября были созданы три боевых группы — туркестанская, татарская и крымско-татарская.

2 февраля 1945 года оберштурмбанфюрер СС А. Циглер сообщал Р. Ольцше о том, что в составе ВТБС находится 2227 туркестанцев.

Тяжелое положение, связанное с недостатком национальных офицерских кадров, усугубил переход к словацким партизанам командира туркестанцев Гулама Алимова вместе с 458 легионерами. Впоследствии была разоружена как

ненадежная рота татар. В целом затея с ВТБС потерпела неудачу, и лишь некоторые его подразделения участвовали в боевых действиях в Словакии и Северной Италии.

Ранее упоминавшийся Агаев, заслуживший полное доверие немецкого командования и обер-лейтенантское звание, предложил немцам создать из казахов отдельное **боевое подразделение «Алаш»**. Батальон был действительно создан с дальним прицелом — как прототип одноименной национальной казахской партии. Отличительным знаком бойцов «Алаша» была нарукавная нашивка с надписью «Алаш». Численность батальона первоначально составляла 40 человек.

На базе батальона предполагалось развернуть **национальную армию Казахстана**. Все это начинание с первого до последнего дня находилось под контролем советской разведки. В конце войны батальон (80 чел.) дислоцировался в Толмеццо (Северная Италия), охраняя важные объекты от нападений партизан.

Знамя «Алаша» представляло собой шелковое желтое полотно с вышитым в центре зелеными нитками ромбом, внутри которого изображались белыми нитками полумесяц и звезда, лук и стрела и арабской вязью слово «Алаш».

Формирование не входило в состав Туркестанского легиона, что дало возможность его командиру вносить раскол в организацию Вали Каюм-хана, обвиняя его в попытках травли национальных меньшинств и возвышении узбеков за счет ущемления прав других.

В оперативном подчинении «Алаш» находился под контролем руководителя «Цеппелина» Хайнца Грейфе, рассчитывавшего на проведение десантной операции в Казахстане. Рассказывать об исходе этой операции нет смысла, ибо, как уже упоминалось, все начинание Агаева изначально контролировалось советской разведкой.

По информации немецкого историка И. Хоффмана на территории генерал-губернаторства (Польша) было создано не менее **14 туркестанских батальонов**. Олаф Каро утверждает, что три туркестанских батальона принимали участие в боях под Сталинградом и понесли невосполнимые потери, а шесть батальонов впоследствии приняли участие в обороне Берлина.

24 апреля 1943 года командующий военным округом Генерал-губернаторства фон Гинант приказал выделить 500 тюрк-

ских легионеров для несения погранично-таможенной службы. Из этих 500 человек 300 были направлены на восточную границу, 200 человек на границу с Украиной и Венгрией.

Параллельно с созданием «Туркестанского легиона» в 1942 году на базе почти уничтоженной в боях **162-й немецкой пехотной дивизии** на Украине был создан центр формирования национальных частей под руководством известного немецкого востоковеда профессора Оскара фон Нидермайера, бывшего военного атташе немецкого посольстве в Москве. Впоследствии командиром дивизии стал генерал-майор Ральф фон Хайгендорф. В феврале 1944 года немцы убрали его с этого поста за излишнюю мягкость и нетребовательность к национальным кадрам. В составе дивизии в Ромнах был организован **Туркестанский легион (батальон)** под командованием майора Эрбеля. Иные национальные подразделения дивизии были размещены в Гадяче (грузины — командир подполковник д-р Маус), Миргороде (уроженцы Северного Кавказа — подполковник Ристов), Лохвице (армяне — майор Энгхольм), Прилуках (азербайджанцы — капитан Ольбрихт). С мая 1942 до мая 1943 года в центре были сформированы 25 пехотных ост-батальонов, два полубатальона, семь строительных и три запасных батальона.

О том, какими видели своих восточных союзников немцы, говорилось в содержании «Памятки для немецкого персонала», разработанной Хайгендорфом:

«... Тюркские легионеры очень восприимчивы к чужому влиянию, поэтому воспитание их — задача очень важная, и в случае успеха они будут с нами до конца. Важно не допустить влияния на легионеров извне — со стороны враждебно настроенного населения, со стороны вражеских агентов изнутри.... Следует забыть, что это бывшие военнопленные, нельзя видеть в них людей, которые по моральным, расовым, культурным качествам ниже немецкого солдата... Восточные добровольцы различны даже по своей географической принадлежности — частью это азиаты, частью — примитивные горские народы Кавказа или Южного Туркестана, частью — обитатели степей между Волгой и Уралом. Они преимущественно дети природы с простейшими потребностями — голод и любовь... Их жизненные привычки примитивнее, чем наши.

Гигиена, чистота, порядок — о многих таких вещах они не слышали. У них нет понятия бережливости, пунктуальности, живут они “от руки до рта”, неторопливо, не зная даже порой деления времени. Также отличаются и их моральные качества. Долг, ответственность — это выглядит для них дико и примитивно. Они склонны к воровству, мести, разбою. Тяжело давит на них воспоминание о плене (воспоминания о голоде, о пережитом духовном унижении)... Немецкие солдаты должны быть образцом: никакого пьянства в присутствии легионеров, никакой непунктуальности, никакого обсуждения приказов вместе с легионерами, никаких унижений немецкого персонала перед легионерами».

Следует заметить, что немецкий персонал на службу в легионы шел не добровольно, а назначался. Зачастую эти офицеры и унтера не имели малейшего понятия об истории, культуре и языке своих подчиненных, что создавало обстановку взаимного недоверия и порождало конфликты. Позднее командование 162-й дивизии отмечало, что легионеры «...очень восприимчивы к вражеской пропаганде...»

Существовала и иная точка зрения на восточных союзников Гитлера. Так, один из функционеров СС докладывал своему руководству, что «...тюркские и кавказские народности хорошо готовы к борьбе на Востоке и в особенности против бандитов. Они надежнее, чем русские или украинцы, которых в Красной Армии большинство...»

В начале 1943 года 162-я дивизия была переброшена в Словению, где оперировала в районе железнодорожной магистрали Любляна — Триест. В начале 1944 года она вошла в состав немецкой группировки в Северной Италии. В июне-сентябре ее личный состав принимал участие в антипартизанских операциях в горах к северо-востоку от г. Ла-Специя и долины Таво. Дивизия капитулировала в г. Римини в сентябре 1944 года.

В 1943 году в центре формирования восточных частей в Польше были созданы помимо боевых единиц еще **5 усиленных туркестанских рабочих батальонов** общей численностью около 20 тысяч человек под командованием полковника Боллера. Впоследствии это формирование стало известно как Бригада Боллера. Кроме бригады были также созданы **111 туркестанских транспортных колонн**.

Согласно информации, сообщенной Баймирзой Хаитом немецкому руководству, к концу 1944 года число солдат и офицеров, состоявших в рядах Туркестанского легиона, составляло 181 402 человека. Кроме них существовал «Союз рабочих» («Ишчи Бирлиги»), объединивший в своих рядах 85 тысяч человек оstarбайтеров.

2. ТАТАРСКИЕ СОЮЗНИКИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

История тесно переплела национальные пути русского и татарского народов. За многовековую историю совместного проживания было немало событий, за которые несут ответственность обе стороны, и вина их в том или ином деянии не нуждается в доказательстве или опровержении. Некоторые страницы истории русско-татарских отношений до сих пор остаются малоизвестными. Таким «белым пятном» по-прежнему является тема сотрудничества части татарского населения СССР с оккупантами в годы Великой Отечественной войны. О сотрудничестве крымских татар с немецкими оккупационными властями мы мало информированы, лишь только при обсуждении причин выселения этого народа из Крыма в Казахстан глухо упоминалось, что татары наказаны за пособничество врагу в годы последней войны.

Пособничество это возникло не на пустом месте. До революции во владении крымских татар находились обширные виноградники и плантации табака. Во время Гражданской войны крымские татары организовывали собственные отряды и под руководством национальных или русских офицерских кадров вели партизанскую борьбу в горах. Ответ Советской власти был жестоким — расстрелы, ссылка и раскулачивание. Немцев татары встретили как своих освободителей.

Крымские пособники

Большую роль в формировании крымско-татарских вооруженных формирований и политических группировок играли спецслужбы Рейха, и особенно Министерство иностранных дел, открывшее при штабе 11-й армии в Крыму свой

отдел во главе с майором Вернером Отто фон Хентигом. Во время визита на Восточный фронт в октябре 1941 года турецкие генералы Эрден и Эркилет, сопровождаемые Хентигом, высказали пожелание о формировании татарской администрации в Крыму после окончания военных действий.

Активный член прогерманской группы в Турции Нури Паша (брат Энвера-паши) заявил, что «Предоставление свободы такой небольшой области как Крым, явилось бы для Германии не жертвой, а политически мудрым мероприятием. Это была бы пропаганда в действии. В Турции она нашла бы большой отклик».

Для оказания помощи германскому Министерству иностранных дел в проведении работ среди пленных крымских татар из Турции прибыли представители татарских эмигрантских групп Эдиге Шинкевич (Кирималь) и Мустежиб Улькасал.

Под опекой фон Хентига 23 ноября 1941 года был сформирован первый состав **Симферопольского (Крымского) мусульманского комитета**, в руководство которого вошли Джемил Абдурешидов (председатель комитета), Ильми Керменчекли (заместитель председателя), Мемет Османов, ранее судимый Е. Гафаров, предводитель действовавшего в Крыму в 1920—1921 гг. повстанческого отряда Аппая, сын муллы М. Джемилев и другие. При их участии были проведены сходы татарского населения в ряде городов и местечек Крыма, на которых были подготовлены обращения к германскому командованию с просьбой о разрешении создания татарских комитетов.

2 января 1942 года на совещании, состоявшемся в отделе разведки 11-й армии, было принято решение о передаче рекрутского набора татар в ведение айнзатцгруппы «Д». В штабквартире айнзатцгруппы в Симферополе состоялось заседание с участием представителей оккупационных властей и крымских татар. Результатом этого сборища стала немецко-татарская договоренность о создании отборочных комиссий из числа сотрудников СД и татарских «общественников». Этим комиссиям был поручен отбор добровольцев на службу в **татарские вспомогательные части и подразделения**.

Первые вооруженные татарские подразделения были сформированы в соответствии с приказом начальника штаба 11-й армии:

«1) Борьба против партизан должна предусматривать уничтожение продовольственных складов и складов боеприпасов. В этих случаях партизаны будут вынуждены получать помощь в населенных пунктах, зачастую применяя силу. Население вынуждено будет обороняться, в том числе и с помощью немецких войск, находящихся в этих районах. В населенных пунктах, далеко расположенных от немецких войск, нужно организовывать самооборону.

2) В борьбе с партизанами хорошо зарекомендовали себя татары и мусульмане, особенно в горах, сообщая о партизанах и помогая их выследить. Из этих слоев населения необходимо привлекать людей для дальнейшего сотрудничества и особенно активного сопротивления партизанам в получении ими продовольствия.

В населенных пунктах, где постоянно находятся немецкие части, создавать вспомогательные силы без оружия и для охраняемых целей (с оружием). Эти отряды вспомогательных сил должны управляться одним немецким офицером. Их количество в населенном пункте должно находиться в правильном соотношении с немецкими войсками, находящимися в населенном пункте. Вооружение и патроны (желательно трофейные, но не пулеметы и автоматы) выдавать только на время охраны объектов и сдавать после несения службы.

В населенных пунктах, где нет войск или где иногда расквартировываются немецкие части, можно выдавать оружие и боеприпасы в небольшом количестве. Это решает их командир, кому он доверяет. Членам вспомогательной организации под страхом смертной казни запретить появляться с оружием вне населенного пункта. Для этой цели необходимо проводить внезапные проверки немецкими патрулями. Временно можно использовать для руководства этими отрядами жандармских служащих и агентов, что определяется штабом армии и штабом по борьбе с партизанами.

...Служба в этих формированиях считается почетной службой и не оплачивается. Все же можно выплачивать денежное вознаграждение

Служащие этой службы во время несения наряда носят белые повязки с надписью «На службе у немецкой армии». Эти повязки изготовить в воинских частях на месте.

Каждому служащему этой службы выдавать на месяц удостоверение, где указывать номер удостоверения и персональные данные. Списки таких лиц вести аккуратно и постоянно проверять. Продлевать срок действия пропуска, отмечать в списках и скреплять печатью.

5) Создавая такие отряды самообороны, кроме всего прочего, нужно налаживать контакт между Вермахтом и населением. Особенно нужно оказывать внимание татарам и мусульманам за их антибольшевистское поведение.

8) Понятие “самооборона” среди населения не высказывать, а пользоваться термином “вспомогательная служба”.

Начальник штаба: Велер WF-03/10432».

Впоследствии армия передала рекрутскую работу в руки СД. Из дневника боевых действий 11-й армии в Крыму:

«Приложение в отделе разведки.

Айнзатцгруппа “Д” шефа безопасности (СД)

Рекрутский набор крымских татар.

Доклад о результатах добровольной вербовки, набор на военную службу и полученный опыт.

Положение на 15 февраля 1942 года.

1. План призыва татар армией.

Передача вопросов рекрутирования татар армией в айнзатцгруппу “Д”.

02.01.1942 года в отделе разведки армии состоялось совещание, где было заявлено, что Фюрер разрешил призыв добровольцев из крымских татар. Штаб армии передал эти вопросы рекрутирования айнзатцгруппе “Д”. Целью этого призыва являются: охватить крымских татар, способных служить в армии, для действия на фронтах в Крымской армии на добровольной основе, а также создать татарские роты самообороны, которые совместно с айнзатцгруппой “Д” можно будет использовать для борьбы с партизанами.

Задачи айнзатцгруппы “Д”:

А) На основании данных этнографического распределения населения необходимо проводить эту работу в татарских селах, особенно в северной части Крыма....

Б) Создать комиссии из представителей айнзатцгруппы “Д” и проверенных татар, чтобы провести призыв как можно лучше, проверить политическую лояльность и, наконец, провести

соответствующую регистрацию. Для вербовки в лагерях военнопленных согласовать вопросы с соответствующим отделом...

Результаты рекрутирования татар:

1. Город Симферополь — 180 человек;
 2. Округ северо-восточнее Симферополя — 89;
 3. Южнее Симферополя — 64;
 4. Юго-западнее Симферополя — 89;
 5. Севернее Симферополя — 182;
 6. Район Джанкоя — 141;
 7. Евпатории — 794;
 8. Зайтлер-Ички — 350;
 9. Сарабуса — 94;
 10. Биюк-Онлара — 13;
 11. Алушты — 728;
 12. Карасубазара — 1000;
 13. Бахчисарая — 389;
 14. Ялты — 350;
 15. Судака (ввиду высадки десанта русских данные проверяются) — 988;
 16. Лагерь военнопленных в Симферополе — 334;
 17. в Биюк-Онларе — 22;
 18. Джанкое — 281;
 19. Николаеве — 2800;
 20. Херсоне — 163;
 21. Дополнительно в Биюк-Онларе — 204.
- Всего 9255 человек...»

Кроме того, айнзатцгруппа создала из добровольцев **14 рот самообороны** общей численностью 1632 человека. Впоследствии роты были преобразованы в 10 батальонов, численностью по 200–250 человек в каждом. Эти подразделения использовались для несения караульной службы, охраны объектов СД, в антипартизанских операциях.

В январе-марте 1942 года во всех городах Крыма (кроме Севастополя) были сформированы **Мусульманские комитеты**, находившиеся в подчинении командующего полицией безопасности и СД Крыма. Каждый такой комитет включал в себя следующие отделы:

1. по борьбе с бандитами — вел сбор информации о партизанах, подпольщиках;

2. вербовочный — работал в тесном взаимодействии с Вермахтом;
3. обслуживания семей добровольцев;
4. пропаганды;
5. религии.

Работа комиссий по вербовке завершилась в феврале 1942 года. В 203 населенных пунктах было зачислено в татарские добровольческие формирования около 6 тысяч человек и в 5 лагерях военнопленных — около 4 тысяч человек.

К 29 января 1942 года в германскую армию было рекрутировано 8684 крымских татар, остальные были распределены малыми группами по 3—10 человек между ротами и батареями, дислоцировавшимися под Севастополем и на Керченском полуострове. По информации Симферопольского Мусульманского комитета, старосты татарских деревень организовали еще около 4 тысяч человек для борьбы с партизанами.

Всего же, согласно немецким документам, при численности населения около 200 тысяч человек, крымские татары предоставили немцам около 20 тысяч добровольцев.

Несмотря на успех в рекрутском наборе, немцы не слишком доверяли своим новым союзникам. В инструкциях предписывалось не допускать сотрудничества и совместных выступлений мусульманских комитетов и отрядов самообороны. Комитетам была запрещена какая-либо политическая деятельность.

Тем временем **Симферопольский мусульманский комитет** фактически стал представительным органом крымско-татарского населения Крыма. Группой членов комитета были разработаны устав и программа Крымского татарского комитета, предусматривавшие восстановление в Крыму национального представительного органа «Милли Фирк», действовавшего до прихода к власти большевиков, создание самостоятельного татарского государства под протекторатом Рейха, национальных вооруженных сил. Активисты комитета направили эти предложения в Берлин. В ответ поступило предложение о роспуске Симферопольского мусульманского комитета и организации в населенных пунктах Крыма местных комитетов с подчинением их СД в качестве отделов пропаганды.

После перевыборов правления комитета немецкими властями был признан полномочным представителем Эдиге

Шинкевич. Летом 1942 года немецкие власти уведомили его о признании представителем интересов крымских татар. При этом, несмотря на поддержку профессора фон Менде, полномочия представителя были ограничены возможностью решения экономических и гуманитарных проблем.

В начале 1943 года, несмотря на нежелание военных властей, крымско-татарское представительство в Берлине фактически было признано немецким руководством. Большую поддержку в этом вопросе оказало Восточное министерство. В это же время была создана служба поддержки крымских татар.

После возвращения в Крым из Турции активного участника революционных событий 1917–1920 гг. Амета Озенбашлы был создан **нелегальный политический центр крымских татар** во главе с Симферопольским комитетом. В местной газете «Азат Крым» Озенбашлы развернул пропагандистскую кампанию за возвращение татарам конфискованных большевиками земель, создание муфтията и подчинение ему всей духовной и светской жизни на полуострове. Одновременно в берлинском Восточном министерстве рассматривался вопрос об учреждении в Крыму муфтията под покровительством Великого муфтия Иерусалимского аль-Хуссейни. На пост крымского муфтия предполагалось избрать Озенбашлы. Это пропагандистское мероприятие должно было подорвать авторитет ташкенского муфтията, созданного с разрешения Москвы. Однако идею создания крымского муфтията спустили на тормозах. Озенбашлы не вошел в состав Симферопольского комитета, сосредоточившись на агитационной работе среди татарского населения.

В связи с началом советского наступления в конце октября 1943 года немецким командованием был издан приказ о добровольной эвакуации из Крыма. Э. Шинкевич, опираясь на поддержку Великого муфтия, пытался организовать вывоз татарских активистов воздушным путем, но лишь немногим удалось уйти с немцами воздушным или морским путем и осесть в Румынии.

В ноябре 1943 года при Восточном министерстве Рейха было создано **Крымско-татарское представительство** под руководством Концельсена. В его состав также вошли эмигранты из Крыма во главе с Кирималем.

Подрыв германо-татарских связей в Крыму произошел из-за издания командованием 17-й армии приказа об обеспечении транспортных перевозок. В соответствии с этим документом подлежало выселению население деревень, которые, по мнению немцев, поддерживали партизан. В результате акции переселения часть татар ушла к партизанам, часть населения высказывала открытое недовольство действиями немцев.

В марте 1944 года оккупационные власти предприняли попытку организации **Крымского правительства** из числа представителей основных национальных групп населения полуострова. В его состав предполагалось включить русских, украинцев и татар.

Во время эвакуации населения из Крыма весной 1944 года полуостров покинули около 2 тысяч крымских татар. Большая их часть осела в Румынии, некоторым был разрешен выезд в Рейх.

После эвакуации части местных татарских добровольческих подразделений из Крыма во второй половине 1944 года в Германии был создан «**Татарский горно-егерский полк СС**» (три батальона). Через некоторое время полк был преобразован в «**1-ю Татарскую горно-егерскую бригаду СС**» под командованием штандартенфюрера Фортенбаха (2500 человек). В конце 1944 года бригада была переброшена в Словакию и затем вошла в состав «Восточно-Туркестанского боевого соединения СС» в качестве боевой группы (полка) «Крым» в составе 2-х батальонов пехоты и 1 конной сотни. В марте 1945 года из-за больших потерь личного состава татары были переведены в состав Азербайджанской боевой группы.

После вступления в Румынию советских войск большая часть крымских татар была интернирована и впоследствии подверглась репрессиям.

Несколько слов об опыте применения татарских подразделений:

«... 3) Полученный в настоящее время опыт применения татарских рот.

Применение татарских рот в боевых действиях показывает, что они в основном действуют хорошо. Так, в Западном Крыму были задействованы 8 и 9 татарские роты Бахчисарая и Коуша и они показали себя в поиске отлично. Также и

другие группы татар при айнзатцкоманде “Д” в вопросах разведки показали себя хорошо. В вопросах дисциплины и поведения на марше татарские роты вели себя хорошо. В стычках с партизанами татары действовали умело и они побеждали: много партизан уничтожено, другие бежали. Так было в районе Бахчисарая, а в районе Судака они действовали и против регулярных войск (десант). Об их боевых качествах указано также и в партизанских донесениях, где указано количество убитых и раненых...

...Татары также хорошо несут внутреннюю службу, стараются хорошо выглядеть, соблюдают чистоту и в этом смысле лучше выглядят по сравнению с теми русскими подразделениями, которые у нас на службе...

Настроение в татарских ротах нужно считать хорошим. Немецкие воспитатели говорят, что татары очень горды тем, что им доверяется такая служба и уделяется им внимание или во время службы, или после нее...»

Попытка организации партизанского движения в Крыму также натолкнулась на резкое сопротивление татарского населения. В своей «Справке о фактах перехода партизан на сторону врага» Центральный Штаб Партизанского Движения отмечает, что: «В Крыму немцам удалось в начале оккупации большую часть татарского населения (сельского) склонить на свою сторону и даже восстановить его против русских, создать из татар вооруженные группы по борьбе с партизанами, насадить большую сеть шпионов и предателей в партизанских отрядах, что безусловно отразилось на размахе и боевых качествах партизанского движения в Крыму... В результате предательства командира Куйбышевского п/о Межметдинова, отряд противником был разогнан, а сам Межметдинов перешел на службу к немцам... Из Ак-Мечетинского п/о дезертировало 2 группы с оружием во главе с командиром Бондаренко и все сдались немцам. Всего по июль 1942 года дезертировало и перешло к врагу 1200 человек, из них 891 — татары».

Зачастую сами партизаны провоцировали татар на сотрудничество с оккупантами. Так, в начале 1942 года группа партизан 4-го района устроила погром в татарской деревне Коуш. Аналогичный дебош был устроен в деревне Маркур,

татарское население которой помогало партизанам. На следующий день немцы раздали населению оружие и направили его на борьбу с партизанами. В ходе стычки татары разбили партизан Севастопольского отряда.

Положение пыталось стабилизировать постановление бюро ОК ВКП(б) от 18 ноября 1942 года «Об ошибках в оценке поведения крымских татар по отношению к партизанам». Во второй половине 1943 года начался обратный процесс, когда татарские союзники немцев начинают переходить в стан партизан. В августе-сентябре 1943 года к партизанам перешли с оружием в руках 67 татарских добровольцев. Партизанской агитации подвергались татарские батальоны и роты. В 147-м крымско-татарском батальоне немцами были арестованы 76 добровольцев и расстреляны как просоветский элемент.

В 1943 году П.Р. Ямпольский докладывал руководству УССР, что для борьбы с партизанами в Крыму фашисты имеют специальные формирования добровольцев (8 батальонов), а некоторые татарские формирования численностью 200—250 человек направлялись на керченский и севастопольский участки фронта, где вступали в бой с Красной Армией. Помимо татар, в Крыму формировались русские добровольческие подразделения (в Бея-Сале, Мазанке и пр.).

Татарские группы под командованием Я. Смайла, Райлова и др. выполняли кровавые поручения гитлеровцев. На их счету расстрелы жителей селений Чаир, красноармейцев у села Ворон. Местное население и татары старшего возраста отрицательно относились к такой «службе». Старые татары зажиточных селений Ускут, Капсихар, Таук Кучун, Узень и др. осуждали действия своей молодежи, заявляя при этом, что оккупанты их так же обдурят, как обдурили их поколение в 1918 году, когда уже были в Крыму.

Несмотря на активное сотрудничество татар с оккупационными властями, различные ведомства Рейха разрабатывали собственные планы относительно будущего Крыма. В этих планах места татарским союзникам не было. Так, при благоприятном для немцев ходе боевых действий на Востоке, в недрах Главного управления СС родилась мысль о полной германизации полуострова. В июне 1942 года А. Фрауенфельд направил Гитлеру меморандум о будущем переу-

ройстве Крыма. В рамках этого проекта предлагалось переселить в Крым немецкое население Южного Тироля. План был одобрен Гитлером.

Помимо переселения тирольцев, в Крыму предполагалось разместить 140 тысяч немцев из Транснистрии и 2 тысячи переселенцев из Палестины. Впоследствии было решено использовать эти массы переселенцев для колонизации Украины.

Предводитель Трудового фронта доктор Лей предлагал организовать в Крыму после победы немецкого оружия огромный молодежный курорт.

В июле 1942 года совместным решением командования Вермахта и полиции предлагалось создать в Крыму сеть специальных лагерей для отбора расово неполноценного населения с целью его последующего переселения. Существовал план, предусматривающий переселение из Крыма всех национальных групп, за исключением украинцев. Против этих намерений выступил шеф Военно-хозяйственного управления генерал Томас, заявивший, что реализация этих планов повлечет потерю необходимых для фронта трудовых ресурсов.

Татарская эмиграция. Комитеты, союзы, амбиции

Военно-политическое сотрудничество татарских эмигрантов с немецкими военными властями имеет давнюю историю.

Зимой 1914–1915 гг. по личному указанию императора Вильгельма II в 20 километрах от Берлина между Цоссеном и Вюнсдорфом были созданы **два специальных лагеря для военнопленных мусульман**. В одном из них — «Лагере на виноградной горе» были размещены российские военнопленные мусульмане. Во втором лагере содержались пленные из британских колоний и арабских стран. Позднее оба лагеря были объединены в один Вюнсдорфский лагерь.

С 1916 года общее руководство лагерем осуществлял имам лагерной мечети Алимджан Идриси. Он окончил духовную академию в Стамбуле и получил светское образование в Брюссельском университете. Во время Первой мировой войны служил муллой в турецкой армии, затем был направлен

военным министерством Турции в Германию для вербовки российских военнопленных-мусульман в турецкую армию. Во время немецкой оккупации Украины в 1918 году Идриси возглавлял созданный немцами «**Комитет российских мусульман**». Под этой вывеской немцы формировали вооруженные отряды для действия на Кавказе и в Туркестане. В этом же году он создал первое официально зарегистрированное властями Германии «Общество поддержки российских мусульман-студентов», но начинание умерло, не получив финансовой помощи.

После окончания Гражданской войны в России Идриси совершил поездку в Татарстан, где сумел обзавестись мандатом на должность «уполномоченного Татарской АССР по культурной работе в Германии». Об истинном характере этой «культурной работы» можно легко догадаться. Неудивительно, что вскоре Идриси был арестован ОГПУ и около года провел в Бутырской тюрьме, однако был освобожден за недостатком улик.

В 1924 году Идриси, опираясь на поддержку Министерства иностранных дел, создал в Берлине «**Мусульманское объединение почтения к Аллаху**». В 1930-х годах совместно с предводителем татарской эмиграции Гаязом Исхаковым (Исхаки) он создал **эмигрантскую организацию «Идель-Урал»**, в которой занял пост руководителя комиссии по культуре. В этой организации также шли грызня и подсиживание. Исхаков пустил слух, что Идриси советский агент и последний был арестован Гестапо. Тем не менее, Идриси сумел убедить германские власти в своей лояльности, после чего получил теплое место в МИДе.

Звездный час Идриси наступил летом 1941 года, когда он по поручению МИДа Германии составил подробную справку о жизни тюркских народов в СССР. Заканчивался сей документ выводами о возможности заключения союза между германскими вооруженными силами и российскими тюрками после начала военных действий против Советов. 25 июня 1941 года представители немецкого руководства попросили Идриси составить обзорную справку о лидерах тюркской эмиграции. С помощью этого документа Идриси постарался убрать с дороги своих соперников и противников. В ней он назвал многих из них «сепаратистами», а грузинского эмигрантского лидера и социал-демократа Ноя Жорданию — «тайным другом Сталина».

Гаяз Исхаки (Исхаков) родился в 1878 году в Казанской губернии в семье муллы. Учился в медресе и Казанском университете, преподавал в Оренбургской медресе. В августе 1905 года на I-м мусульманском съезде в Нижнем Новгороде Исхаки возглавил группу социалистов, а в 1906 году организовал татарскую эсерскую партию. В феврале 1907 года он стал одним из инициаторов создания газеты «Тавыш» («Голос»), которая в августе того же года была закрыта, а Исхаки арестован и выслан в Архангельскую губернию. В 1913–1918 гг. Гаяз Исхаки был редактором, издателем и журналистом в ряде татарских газет, неоднократно арестовывался, отбывал тюремное заключение и ссылку. После Февральской революции Исхаки выступал за национальную автономию российских мусульманских народов. В том же 1917 году он был избран членом Всероссийского Мусульманского совета (Милли Шура) и председателем его исполкома. На этом посту Исхаки организовал поддержку мусульманской общественностью Временного Правительства, содействовал разложению корниловских войск, выдвигавшихся к Петрограду.

К Октябрьской революции Исхаки отнесся отрицательно. В то же время он был против создания башкирской автономии, так как она, по его мнению, противоречила идее единства тюркских народов. После прихода к власти в Поволжье Колчака Исхаки перешел на нелегальное положение. В 1920 году он эмигрировал из России в Германию.

Гаяз Исхаки знаменит прежде всего тем, что именно из-под его пера вышла идея создания поволжского государства «Идель-Урал». Книга с обоснованием необходимости создания такого государственного образования вышла в свет в Турции в 1920 году. В ней рассказывалось о былом величии татар, о том, что их царство включало в себя Казанское и Астраханское ханства, Золотую и Ногайскую орды. В пределах этого государства жили чуваша, мордва, марийцы, удмурты. Тем самым Исхаки обосновал необходимость включения в состав будущего «Идель-Урала» земель этих народов. Повторяя идеи пантюркистов, Исхаки выдвинул на первый план идею объединения всех тюркских народов в единое государство. Впоследствии эта точка зрения не была поддержана немецким руководством, кровно заинтересованным

в обратном — в расчленении нашей страны на мелкие национальные улусы.

Для немцев фигура Исхаки была весьма неоднозначной. Так, в конце 1930-х годов руководство МИДа получило предостережение от своего посла в Турции фон Папена. Он предупредил МИД о проанглийских настроениях Исхаки и сообщил, что в 1940 году тот выступил с резко антигерманской речью в «Турецком культурном объединении» в Лондоне. В сентябре 1941 года Идриси также представил в своей справке для МИДа Исхаки человеком честолюбивым и амбициозным. О нем и о главе туркестанцев Мустафе Чокай-оглу Идриси писал, что «Оба они сторонники демократии, оба являются врагами Германии. Оба сторонники русско-еврейского, а позднее польско-еврейского марксизма и в сотрудничестве использоваться не могут».

Помимо немецких ведомств, «татарским вопросом» в довоенный период активно интересовались спецслужбы Польши. Еще в апреле 1920 года лидер татарского правительства в эмиграции, председатель Курултая Крыма Джафар Сейдамет предложил Пилсудскому принять мандат на владение Крымом. Поляки в это время успешно наступали на Киев. Осторожный Пилсудский согласился на это, при условии, если такое решение будет принято Лигой Наций и УНР. Украинское правительство заявило о своей «готовности предоставить Крыму широкую автономию, но мандата Польши над Крымом не признает никогда».

В ноябре 1920 года в Варшаве состоялась встреча Сейдамета с Пилсудским, на которой татарский лидер заявил о желании крымских татар образовать самостоятельную республику, желании изгнать Врангеля и неприемлемости большевиков. С этого момента началось активное сотрудничество польского Генштаба с татарской эмиграцией, лидером которой спустя несколько лет стал Сейдамет.

В 1942 году в Рейхе началось создание национальных посредничеств — своеобразных опекунских органов над инациональными контингентами беженцев и граждан Германии. Вторым после туркестанского, 1 ноября 1942 года было создано **татарское посредничество** (Tatarische Mittelstelle, затем переименовано в Tatarische Leitstelle). Возглавил его человек

случайный — бывший адвокат Хайнц Унглаубе, который впервые увидел татар воочию лишь в лагерях военнопленных. Сам он в армии не служил по состоянию здоровья и был водителем грузовика. Однако поскольку водитель имел юридическое образование, его привлекли к работе с военнопленными. Унглаубе долгое время работал в комиссиях по делам военнопленных в Польше, после чего был направлен на службу в лагерь в г. Остров-Мазовецкий. Здесь в августе 1941 года он познакомился с майором Майером Мадером и в марте 1942 года был направлен в Люттензее (Бавария) на обучение премудростям руководства мусульманскими народами.

На посту немецкого руководителя «Татарского посредничества» Унглаубе сам подбирал кадры из числа татар в лагере в м. Вустрау, а также из числа работавших в МИДе, Восточном Министерстве, Министерстве пропаганды и др.

Вторым (татарским) руководителем посредничества был Шафи Алмас.

В сентябре 1944 года руководитель «АТ «Туркестан» гауптштурмфюрер СС Райнер Ольцша привлек Унглаубе к созданию «Восточно-туркестанского боевого соединения СС». К этому времени бывший водитель уже являлся официальным сотрудником этой эсэсовской теплицы по выращиванию национальных кадров. Помимо Ольцши, Унглаубе благоволил Готтлоб Бергер, видевший его на посту командира ВТБС. Параллельно с этим Унглаубе сохранял свой пост в Восточном Министерстве, несмотря на то, что с осени 1944 года руководителем татарского посредничества был граф Леон (Константин) Стамати.

В последние месяцы войны Унглаубе организовал в своем родном городе Анкламе Волжско-татарское бюро как отделение посредничества, курировавшее специальные татарские лагеря в Даргибеле, Цемпине, Кринке и занимавшееся подготовкой национальных офицерских кадров татарской боевой группы ВТБС.

На роль руководителя Туркестанского Национального Комитета небезуспешно претендовал Шафи Алмас (настоящее имя Габдрахман Габидуллоевич Галиуллин, он же Шафеев или Шафиев). Уроженец Татарстана, он в годы Гражданской войны эмигрировал в Турцию, получив ее подданство. В

1930-е годы он осел в Берлине, где владел недвижимостью. По характеру он был тихим, покладистым человеком, поэтому его кандидатура устраивала Вали Каюм-хана. По мнению немецких коллег, Алмас «предпочитал алкоголь политике». Против него активно выступал Ольцша, что вызвало негативную реакцию Главного Управления СС.

В марте 1944 года в Грайфсвальде состоялся конгресс крымских и поволжских татар. На курултае было принято решение о переименовании Татарского посредничества (комитета) в «Союз борьбы тюрко-татар Идель-Урала» Шафи Алмас был избран президентом. В состав «Союза Борьбы» также вошли:

Салих Файзуллин — заместитель президента;

Гариф Султан — организатор-руководитель;

Вафин — капитан, адъютант при штабе генерала добровольческих формирований и руководитель военного отдела Союза;

Скобелев Иван — чуваш, руководитель отдела немусульманских народов Идель-Урала;

Алкаев Шакир — бывший советский полковник;

Шимаев — руководитель газеты «Идель-Урал»;

Гунафин — руководитель татарских лагерей в Даргигеле и Биверунгене.

Другое «судьбоносное» действие состоялось 3 мая 1944 года. Курултай представителей народов Идель-Урала собрал 200 делегатов из числа легионеров и сотрудников посредничества. Курултай был объявлен логическим продолжением Милли Меджлиса, состоявшегося в Уфе в 1917–1918 гг. На курултае были провозглашены цели борьбы тюрко-татар:

1. Единство народов Идель-Урала и образование свободного национального государства.
2. Равноправие всех народов Поволжья и Урала.
3. Ликвидация колхозов и передача земли крестьянам, так как колхозы разрушили уклад деревенской жизни.
4. Национализация полезных ископаемых, лесов, рек, озер.
5. Развитие промышленности, торговли, транспорта и др.
6. Развитие и сохранение истинной национальной культуры, своеобразия и чистоты языка.
7. Свобода вероисповедания и религиозных обычаев, их обеспечение законом.

На курултае также было предложено решить ряд военных вопросов:

1. Просить высшее немецкое командование об организации самостоятельных татарских соединений (полков, дивизий) из добровольцев, под руководством собственных национальных командиров по аналогии с РОА или казаками.

2. Просить немцев о создании офицерских и унтер-офицерских школ.

3. Просить разрешения о переводе во вновь образованные соединения добровольцев Идель-Урала тех, кто уже причислен в прочие добровольческие соединения или находится в составе вооруженных сил.

4. Предложить высшему командованию создание собственной униформы, знамен и знаков различия для татарских соединений и, в случае согласия, выступить с конкретными предложениями.

Однако все эти предложения были лишь приняты к сведению немецким руководством.

Идеологическим рупором «Идель-Урала» была одноименная газета. Она издавалась регулярно с 15 ноября 1942 года раз в неделю на четырех страницах, иногда выходили двойные 6–8 страничные номера. Печатали газету на латинском шрифте в Берлинской типографии издательства «Дойче Верлаг». Главным редактором газеты до осени 1944 года был Кыям Галлиев, затем его сменил фельдфебель Шинаев. Основные материалы в газете публиковались на татарском языке. С марта 1944 года регулярно издавались приложения на языках народов Поволжья.

Помимо газеты, Шафи Алмас издавал журнал «Татар Эрбияты». С июля 1944 года выходила в свет газета Волжско-татарского легиона «За национальную свободу» для военнослужащих чувашей, марийцев, мордвы и удмуртов. На двух страницах обычно публиковались материалы на русском языке. Редактировал газету Федор Паймук под псевдонимом «Ф. Пулод».

Для идеологической обработки татарских и поволжских волонтеров ВТБС предполагалось выпускать газету «Тюрк Берлиги». Фактическое руководство газетой осуществляло ведомство Ольшци. В сентябре 1944 года шеф-редактором газеты от поволжских татар стал Шихап Нигмати.

Тяжелый удар по пропагандистам «Идель-Урала» нанесла подпольная группа, в состав которой входил бывший политработник 2-й Ударной армии Муса Джалиль (Халилов). Заговорщики фактически завладели газетой легиона «Идель-Урал» и, используя ее редакцию, слушали московское радио и печатали антинацистские листовки. По доносу предателя группа была раскрыта, и все ее участники казнены. Всего в августе 1943 года было арестовано 40 человек.

Помимо Германии, центрами татарской коллаборации на оккупированных территориях стали Белоруссия и Литва. В 1944 году здесь был создан «Союз Татарской Молодежи».

В начале войны белорусские татары, настроенные на сотрудничество с новой властью, группировались около муфтия Якуба Шинкевича. С 1942 года он вел переговоры с Генеральным комиссаром Белоруссии о включении представителей татар в административные структуры. Тогда же им было предложено создать татарский молодежный союз и ряд татарских комитетов. Немцы отмахивались от предложений Шинкевича. Так продолжалось до августа 1942 года, когда Кубе разрешил представителю муфтия в Белоруссии А. Смайкевичу и его заместителю Б. Халецкому составить подробные списки лояльных татар, желающих сотрудничать с оккупационными органами. Впоследствии планировалось задействовать этих лиц в военно-политической сфере и в экономических интересах Рейха.

Осенью 1942 года в Минске открылось официальное представительство муфтия (муфтият) под началом Смайкевича. Именно вокруг этой организации стали формироваться татарские националисты. В конце августа 1943 года Я. Шинкевич обратился с официальной просьбой к Кубе помочь организовать экскурсионную поездку для молодых татар в Рейх. Просьба была удовлетворена. Следующим шагом татарского духовенства было создание в местах компактного проживания татар организационных центров-комитетов. К концу февраля 1944 года их имелось три — в Минске, Клецке и Ляховичах. Основной задачей комитетов было выявление и постановка на учет татарских национальных кадров для последующего их военно-хозяйственного использования. Попытки «достучаться» до Кубе и К. фон Готтберга и

получить разрешение на создание своего молодежного объединения не приносили результатов.

Разрешение на создание СТМ было получено после выделения в апреле 1944 года Генерального округа Беларусь и его подчинения Восточному министерству Розенберга. В марте 1944 года в Вильнюсе состоялись переговоры между муфтием Я. Шинкевичем, обербанфюрером «Гитлерюгенда» Шульцем и представителем СД о создании молодежной организации. Договоренность была достигнута, во главе союза встал Б. Халецкий и два его заместителя — один по генеральному округу «Беларусь», другой — по генеральному округу «Литва». Штаб-квартира «Союза Татарской Молодежи» разместилась в Вильнюсе.

В начале марта 1944 года началась разработка положения о Союзе и иной необходимой документации. За основу было взято строение «Гитлерюгенда». В отличие от последнего, СТМ охватывал собой молодежь от 6 до 20 лет, но его членами могли быть люди и более старшего возраста. Вступление в Союз было добровольным, однако покинуть его ряды член мог только с разрешения своего юнгфюрера. Союз делился на три возрастные группы: дети 6–10 лет, подростки 11–14 лет, старшие — 15–20 лет. Кроме деления по возрасту, Союз делился на женскую и мужскую организации. В основе деятельности Союза был принцип фюрерства, то есть единоначалия. Регионами деятельности СТМ были Литва и Белоруссия, с их местами расселения татарского населения. Первоначально Союз возглавлял наместник муфтия Б. Халецкий. В марте 1944 года его сменил бывший начальник штаба Союза в генеральном округе «Беларусь» 25-летний трактирщик из Вильнюса Хусейн Якубовский.

Под присмотром спецслужб и Шульца была подготовлена вся документация Союза и согласована с генеральными комиссарами Литвы и Белоруссии. Будущие руководители Союза прошли стажировку в Германии. В мае 1944 года Х. Якубовский, А. Шагильевич, Л. Канапацкая, Т. Мухарский и И. Гембицкий посетили ряд городов Рейха, где ознакомились с деятельностью «Гитлерюгенда». Торжественное заседание с провозглашением создания Союза состоялось в литовском городе Олита 19 мая 1944 года.

Помимо работы с молодежью, организация производила вербовку молодых татар в добровольные помощники ПВО и Люфтваффе. Впоследствии всех добровольных помощников прибрало к своим рукам ведомство Гимmlера.

Огромное влияние на немцев и их мусульманских союзников имел в Германии Великий муфтий иерусалимский Амин эль-Хуссейни. Переехав в Берлин в 1941 году, муфтий развернул большую пропагандистскую и религиозную работу среди мусульман, популяризируя Третий Рейх в мусульманском мире и способствуя таким образом созданию мусульманских воинских формирований. Навстречу пожеланиям муфтия охотно шли Розенберг, Гимmlер и руководство армии. Учитывая пожелания муфтия, в Германии были открыты школы мулл.

Школы мулл в Геттингене и Дрездене-Блаузевице были открыты также при поддержке Исламского института. Руководил им известный немецкий востоковед, профессор Бертольд Шпеер. В вопросах ритуала ему помогали Я. Шинкевич и обер-мулла ТНК Инноятов. После окончания курса обучения выпускники получали тюрбаны, украшенные полумесяцем и звездой.

В ноябре 1944 года при ведомстве Ольциши открылись курсы подготовки мулл для удовлетворения нужд ВТБС.

О степени влияния мулл на татарских легионеров сообщал руководитель Татарского посредничества граф Л. Стамати: «Татарам, рассудительному крестьянскому народу, религиозный фанатизм не присущ вовсе. Панисламизм вряд ли найдет у них широкий отклик и, может быть, даже вызовет смех. Выступление палестинского Великого муфтия как друга и соратника перед татарами-добровольцами будет выслушано, безусловно, с большим вниманием, если оно будет сопровождаться раздачей сигарет и шнапса».

Ислам не способствовал единению рядов татарских и поволжских коллаборационистов. Склокам и ссорам с «Туркестанским Национальным Комитетом» Вали Каюм-хана сопутствовали внутренние «разборки». Так, чувашаи, мордва и марийцы чувствовали себя в татарской среде угнетенным меньшинством. Представители немусульманских народов Поволжья объединились вокруг лидера чувашских военно-

пленных Федора Дмитриевича Паймука (Блинова). Паймук был представителем «нового поколения» в легионе. Его отец и братья были раскулачены, а сам он добровольцем пошел в Красную Армию. После службы с 1925 по 1928 год Паймук учился в техникуме и Промышленно-экономическом институте, после чего вернулся в Чувашию. В сентябре 1941 года он был мобилизован в РККА, где в звании старшего лейтенанта занимал должность полкового инженера. Попав в плен, Паймук прошел через ужасы Шепетовского лагеря, затем был переведен в Польшу. Дальнейший его путь лежал в лагерь пропагандистов в Вустрау. Здесь Паймук был привлечен к работе в Татарском посредничестве Х. Унглаубе. К этому времени здесь уже работал чуваш Иван Скобелев.

Паймук и Скобелев вдвоем пытались противостоять насильственному вовлечению в мусульманские религиозные обряды легионеров православного вероисповедания. По свидетельству современника «Два раза Паймук проводил беседы с чувашами, мордвой, мари, удмуртами. Здесь он утверждал, что их предки казанскими татарами эксплуатировались и подвергались издевкам во сто крат более, чем при покорении их русским царизмом, и что татарские мурзы отнимали у них лучшие земельные угодья, леса и прочее. Эту беседу подслушали татары и донесли Султану (секретарь Шафи Алмаса — Ч.С.), а тот вместе с фельдфебелем Салеховым пытался за это арестовать неосторожного чуваша... На допросах в МГБ Паймук говорил, что не дали ему работу в комитете из-за возражения татар, так как он восстанавливает чувашей, мордву, мари и удмуртов против татар. После этого военнопленный ходил в Восточное Министерство и был направлен в дом отдыха для легионеров туркестанцев и кавказцев...»

После возвращения в Берлин немцы использовали Паймука в газете для легионеров-немусульман «За национальную свободу». Не являясь профессиональными журналистами, Паймук и его коллеги Скобелев и Кадеев кроили русскоязычную газету из уже готовых материалов, предлагая своим читателям в основном исторические публикации. На послевоенных допросах в МГБ Паймук сообщал, что «...из 15 выпущенных им номеров газеты лишь 6 имели передовицы, подтасованные и окрашенные кое-как в национальные тона, так

как мы не умели писать, не имели газетного опыта и достаточной подготовки. Мы и не ставили, откровенно говоря, задачи пропагандировать в них национальные идеи, все было недостаточно развито и не подготовлено к пониманию каких-либо национальных задач».

В марте 1944 года по указанию Унглаубе Паймук не был допущен на курултай, решения которого были напечатаны только в татарской газете, а Паймук в своей газете поместил выдержки из речи Ивана Скобелева. Чувашскими легионерами Паймук был включен в состав президиума «Союза борьбы», но Унглаубе и Шафи Алмас не утвердили его кандидатуру.

С 1944 года Паймук начинает работу по включению части поволжских легионеров в состав власовской армии. Сотрудникам МГБ позднее он заявит: «У меня были намерения создать в легионе роты из чувашей, мордвы, марийцев и удмуртов, так называемые “православные роты”, укомплектовать их своим национальным командным составом, обучать их военному делу на своем родном языке. Мои шаги в этом направлении встречали отпор со стороны руководства организации “Идель-Урал”». В дополнение Паймук сообщил, что для усиления религиозной пропаганды в православных ротах хотел иметь священников и издавать для православных легионеров свою газету. Ф. Паймуком и С. Николаевым были разработаны отдельные нарукавные эмблемы для отличия поволжских легионеров от татарских военнослужащих. Николаев предложил эмблему с изображением на желтом фоне колосистой ржи со снопом и воткнутым серпом в него и надписью «Идель-Урал».

В январе 1945 года Паймук по собственной инициативе посетил генерала Власова и заявил, что лично он и часть чувашских легионеров сочувствуют платформе Русского Комитета. На встрече была достигнута договоренность о переходе православных легионеров в ВС КОНР, образовании секции поволжских народностей, а вопрос о государственном устройстве будет решен позднее. Власов предложил Паймуку договориться с Восточным министерством о переходе чувашей, мордвы, мари, удмуртов с их газетой в ведение Русского Комитета с образованием в нем национальных секций. Организационное управление Русского Комитета (генерал

А.Ф. Малышкин) подтвердило свое согласие. Паймук известил об успехе переговоров И. Скобелева и Ш. Алкаева. Последние также посетили Малышкина и услышали из его уст согласие. Этот визит был санкционирован заместителем президента «Идель-Урал» Файзуллиним. С его стороны было сформулировано следующее требование: слияние сил должно произойти при условии выдачи письменного обязательства Русским Комитетом «Идель-Уралу» о том, что Волжско-татарский легион войдет в РОА, как самостоятельная боевая единица и руководить им будут татарские военные. Малышкин ответил делегатам, что легион будет расформирован и войдет в состав РОА, сохранив отдельные национальные подразделения. Против слияния выступило Восточное министерство и руководство «Идель-Урала».

Татары в рядах «Восточно-туркестанского боевого соединения СС»

Началом формирования татарских воинских частей на Восточном фронте можно считать предложение сотрудника МИДа Германии фон Хентига, в котором он обосновал необходимость формирования татарского легиона. В своем послании он также предложил создать **кавказский легион** из трех национальных батальонов. Штаб формирующегося тюркского легиона был создан в польском г. Рембертове (летом 1942 года переведен в г. Радом). С 23 января 1943 года этот штаб именовался «Штабом командующего Восточными легионами».

Отделение уроженцев Поволжья и Уральского региона от остальной массы советских военнопленных началось в лагерях уже осенью-зимой 1941–1942 гг. Официальный приказ о создании татарского легиона был издан 15 августа 1942 года. Документ предписывал создание легиона из татар, башкир и представителей народов Поволжья, говорящих по-татарски. Татар, зачисленных в Туркестанский легион, надлежало перевести в новое формирование. Других военнопленных татар надлежало срочно отделять от остальных и направлять в сборный лагерь в г. Седлец. Использовать вновь созданный легион планировалось против партизан.

Путь татарских добровольцев проходил через три лагеря. Первый (предварительный) располагался в Острове-Мазовецком, 2-й — Седлец «А», его комендантом некоторое время был бывший советский полковник Ш. Алкаев, 3-й лагерь — отборочный в Едлине. Еще до выхода в свет приказа в седлецком лагере насчитывалось 2550 человек.

В сентябре 1942 года командующий военным округом Генерал-губернаторства фон Гинант дал указание о правилах непосредственной организации **полевых национальных батальонов**. В соответствии с этим приказом срок подготовки легионеров на первом этапе насчитывал 4 недели и занятия шли индивидуально и в группах. Второй этап подготовки (6–8 недель) проходил уже в ротах и взводах.

Летом и осенью 1942 года формирование легиона было в основном завершено. В его состав вошли представители поволжских народов — уфимские и казанские татары, башкиры, чуваша, марийцы, удмурты, мордва. Уже 6 сентября 1942 года легиону было торжественно вручено знамя, а через два дня командование над ним принял штаб восточных легионов совместно с командующим военным округом Генерал-губернаторства.

Командиром волжско-татарского легиона был уроженец Москвы, пожилой майор фон Зиккендорф. Майор владел русским, английским, французским и китайским языками. 12 мая 1944 года он был вынужден уступить свой пост ротмистру Келле. Это стало результатом недовольства гитлеровской верхушки политикой, которую Зиккендорф вел по отношению к своим легионерам. После ухода из легиона Зиккендорф служил в штабе восточных легионов, затем был назначен на должность командира школы офицеров и переводчиков восточных соединений в Нойхаммере. После этого он возглавил аналогичную школу в Мюнзингене, куда она была переведена из Франции. В результате интриг противников Зиккендорф уже собирался уйти на пенсию, но неожиданно за него вступился Ольшца и рекомендовал на службу в СС Гауптamt.

В состав Волжско-татарского легиона входили 825-й, 826-й, 827-й, 828-й, 829-й, 830-й, 831-й татарские батальоны.

825-й батальон был сформирован к 25 декабря 1942 года и состоял из штаба, штабной и четырех стрелковых рот. Уже 18 февраля 1943 года батальон прибыл в Витебскую область

в деревню Белыничи. Здесь часть батальонцев договорилась с партизанами о времени и месте перехода батальона в лес. За час до планировавшегося восстания 23 февраля 1943 года его руководители были арестованы, тем не менее сигнал к выступлению был подан. Большинство батальонцев с оружием в руках перешли на сторону партизан. Это стало неожиданностью для немецкого командования, возлагавшего надежду на татар при проведении операции «Шаровая молния». Во время восстания была убита большая часть немецкого персонала. Оставшийся верным немцам шофер командира батальона майора Зекса спас своего начальника, вывезя его в багажнике автомашины.

Расследованием причин перехода батальона к партизанам занимался Абвер. Из показаний Зекса следовало, что виной тому было слабое идеологическое воспитание легионеров, наличие сильного противника, ведущего усиленную пропаганду. В отчете о результатах расследования сообщалось, что переход легионеров стал возможен в результате деятельности «отдельных интеллигентных татар». Всего на сторону противника перешло 557 легионеров. Оставшиеся верными немцам татары были отправлены в тыл и влиты в другие части.

2-й батальон легиона (826-й) был сформирован в Едлине 15 января 1943 года. Командиром батальона был капитан Шермули. Батальон действовал на территории Голландии. По свидетельству современника, в батальоне также готовилось восстание. 26 человек из батальона были расстреляны, 200 переведены в штрафные лагеря.

3-й батальон легиона (827-й) был сформирован в Едлине 10 февраля 1943 года. Командир — капитан Прам. Батальон воевал против партизан под Дрогобычем и Станиславом, где из него ушли в лес 50 человек. Во Франции батальон был придан 7-й армии и располагался в районе г. Ланьон.

По информации бывшего военнослужащего Р. Мустафина, в батальоне готовилось восстание, в результате чего два взвода и штрафная рота перешли к партизанам, но немцами был схвачен и убит руководитель выступления старший лейтенант Мифтахов. Во Франции также продолжались переходы — к партизанам ушли командиры штрафной и 2-й рот и с ними 28 легионеров. В конце 1943 года батальон был выведен в

распоряжение командира немецкой группы войск в Бельгии и Северной Франции и нес охрану важных объектов.

828-й батальон легиона был сформирован к 1 июня 1943 года в Едлине под командованием капитана Гаулинца и не избежал печальной участи иных татарских частей. На территории Западной Украины в ноябре 1943 года ушли в лес 2 командира рот, 7–9 января 1944 года — 8 легионеров, с 14 по 17 января — 9 легионеров. В конце месяца 30 легионеров, несущих дежурство на таможенном посту, сняли его охрану, убили одного командира отделения, ранили другого и ушли в лес к партизанам. Помимо переходов батальон нес большие потери пленными, не желавшими воевать против партизан и сдававшимися при первой же возможности.

Г. Тессин сообщает, что в 1944–1945 гг. батальон именовался строительно-саперным и дислоцировался в Западной Пруссии.

829-й батальон Волжско-татарского легиона был сформирован к 24 августа 1943 года. Командир батальона — капитан Рауш. Позднее батальон упоминался в немецких учетных документах в качестве небоеспособного подразделения, приданного 829-й полевой комендатуре. 29 августа 1944 года батальон был расформирован приказом командующего военным округом Генерал-губернаторства, а его личный состав отозван в Краков.

830-й батальон нес охрану объектов на территории Польши и Западной Украины. В июне 1944 года отделом Гестапо в г. Радоме был раскрыт заговор в батальоне и проведены аресты более 20 человек. На заседании военно-полевого суда 17 из них были освобождены из-за отсутствия доказательств. Впоследствии батальон стал именоваться саперно-строительным и в него влили некоторые подразделения 791-го туркестанского батальона. В конце войны присутствие 830-го батальона было отмечено в излучине Вислы, затем в Померании.

831-й батальон был сформирован в Едлине в качестве охранного (Зихерунгс-батальон) для несения охраны татарского лагеря и позднее был переведен на охрану в Легионово.

Осенью 1943 года планировалось формирование 832, 833 и 834-го волжско-татарских батальонов.

После переброски татарского легиона на Западный фронт **штаб легиона** разместился в г. Ле-Пюи. В начале июня 1944

года татарские военнослужащие действовали против партизан в департаменте Шанталь, затем в районах Иссуар и Рошфор, Клермон-Ферран.

Некоторые восточные и национальные батальоны включали в себя уроженцев Поволжья. Так, в **627-м восточном батальоне**, сформированном в конце 1942 года при центральной армейской группировке немецких войск, служили татары, узбеки, киргизы, русские и украинцы. Трое татарских военнослужащих были награждены Железными Крестами 3-й степени.

1/370-й туркестанский батальон имел в своем составе **1 татарскую роту**, 2 узбекские и 1 киргизскую роты.

811-й туркестанский батальон имел в своем составе 130 поволжских татар.

14 января 1943 года ОКХ издал приказ № 15285/40 о начале формирования на территории Генерал-губернаторства татарских строительных и снабженческих формирований в Седлецком лагере. Здесь же был создан штаб волжско-татарских строительных рот. 24 мая 1943 года штаб был переведен в Крушину и просуществовал здесь до 30 ноября 1943 года. Руководство штабом осуществлял специально назначенный командующим восточными частями офицер.

Каждая вспомогательная рота насчитывала в своем составе 3 немецких офицеров, 1 чиновника, 9 унтер-офицеров, 6 рядовых и 2 переводчиков. Роты придавались крупным немецким соединениям.

На 1 сентября 1943 года существовали следующие татарские вспомогательные подразделения:

18-й волжско-татарский строительный батальон майора Деккера.

522-й волжско-татарский батальон снабжения дислоцировался близ Варшавы. В его составе были 3411 человек, из них 1220 туркестанцев, 425 грузин, 1061 волжский татарин, 352 азербайджанца, 242 армянина, 111 уроженцев Северного Кавказа.

2-й тюркский рабочий батальон имел в своем составе 4 роты поволжских татар.

3-й тюркский рабочий батальон во время дислокации в Львове включал в себя 3 роты поволжских татар. Кроме них, в батальоне служили грузины и армяне, всего 6153 чел.

Позднее вышеупомянутые подразделения влились в состав бригады полковника Боллера. Кроме татарских подразделений в ее состав вошли вспомогательные подразделения, сформированные из уроженцев Туркестана, Северного Кавказа, Закавказья.

Осенью 1943 года большинство вспомогательных подразделений было переброшено во Францию. Штаб формирования татарских рот в Польше был распущен, 8 рот были приданы тюркским рабочим батальонам, либо строительным ротам в окрестностях Минска.

15 января 1944 года в Радоме был расформирован 2/IV рабочий батальон, состоявший из 735 уроженцев Поволжья, 120 из которых исповедовали православие.

По состоянию на 10 марта 1945 года комитет «Идель-Урал» располагал информацией о татарских ротах: 3/78, 4/100, 5/144, 4/214, 4/806, 4/523, 4/562, 4/677, 4/786, 1/825, 1001–1003, 3/592, 2/314, 3/314, 2/862, 4/18, 2/14. Несколько сотен татар служили в 35-й полицейской дивизии.

Исследователь татарского коллаборационизма И. Гилязов сообщает, что по состоянию на 10 октября 1944 года в 12 полевых батальонах служило 11 тысяч татарских добровольцев, 4 тысячи в иных соединениях, 8 тысяч в рабочих батальонах, также насчитывалось 5 тысяч восточных рабочих и до 20 тысяч военнопленных. Большое количество татар служило в РОА.

14 декабря 1944 года руководитель отдела «Восток» СС Гауптамта Ф. Арльт сообщил Ольшце, что число татар в РОА составляет 20 тысяч и еще столько же служит в качестве «хиви».

20 марта 1945 года руководитель татарского посредничества граф Стамати располагал информацией о 19 300 татар в составе легионов, боевых и вспомогательных частей, 4 тысячах восточных татарских рабочих и 20 тысячах военнопленных.

Помимо Вермахта, основным «владельцем» инациональных частей стали войска СС. Контроль за деятельностью татарской эмиграции и воинских формирований помимо Хайнца Унглаубе осуществлял обершарфюрер СС Вольф — руководитель реферата 6 «Восточно-туркестанское боевое соединение СС» подотдела «Политика», входившего, в свою очередь, в состав «Руководящего отдела “Восточные добровольцы” СС Гауптамта».

Как уже было сказано выше, осенью 1944 года было создано Восточно-Туркестанское боевое соединение СС, в которое входила и татарская войсковая группа. Ввиду нехватки командных кадров в январе-феврале 1945 года Х. Унглаубе предпринял попытку организации **татарской офицерской школы** в лагерях Татарского посредничества на острове Уезе-дом и в г. Даргибеле. Первая группа выпускников прибыла в ВТБС в конце февраля 1945 года. В середине марта еще 11 татар из числа бывших советских офицеров были направлены в Италию. Несмотря на провал проекта «ВТБС», некоторые татарские подразделения принимали участие в антипартизанских операциях в Словакии и Северной Италии.

Окончание войны для татар-изменников стало таким же трагическим, как и для тысяч коллаборационистов. Лишь некоторые из них, пользуясь поддержкой влиятельных друзей из ряда правительств мусульманских стран, укрылись на Ближнем Востоке и в Турции.

Органами Госбезопасности СССР был задержан Шафи Алмас и впоследствии расстрелян по приговору военного трибунала. Бывший советский военный комендант г. Баку, полковник Шакир Алкаев сфабриковал для КГБ несколько протоколов заседаний тайной подпольной группы легиона. Это не спасло его от тюремного срока. Повторно он был привлечен к уголовной ответственности в конце 1950-х годов.

Федор Паймук сумел присоединиться к наступающим советским частям и принял участие в Берлинской операции, за что был награжден медалью. В феврале 1946 года он был арестован в Чебоксарах и по приговору военного трибунала Приволжского военного округа расстрелян. Аналогично сложилась судьба Ивана Скобелева, захваченного передовыми частями Красной Армии в Даргибеле.

Секретарь Шафи Алмаса С. Файзуллин (Файзи) после войны работал в татарской редакции «Голоса Америки», с 1952 года занимался геологоразведкой, преподавал в Бостонском университете, работал в Министерстве торговли США. Умер в США в 1980-х годах.

Гариф Султан долгое время работал руководителем татарско-башкирской редакции радио «Свободная Европа» и жил в Мюнхене.

Массовые репрессии обрушились на крымских татар. Вину им, а также проживавшим в Крыму армянам, болгарам, немцам было вменено сотрудничество с оккупационными немецкими властями, участие в массовых расстрелах военнопленных и партизан.

3. КАЛМЫКИ В ВЕРМАХТЕ

После окончания Гражданской войны на Юге России некоторое количество калмыков эвакуировалось за границу вместе с Русской Армией генерала Врангеля и осела в Европе и США. При этом калмыцкую эмиграцию можно было условно разделить на два политических лагеря: «националисты» и «казакоманы».

Националисты (астраханские калмыки) вели работу по объединению всех калмыков, их «политическому пробуждению». Врагами были объявлены русские.

Казакоманы в основном состояли из представителей калмыков-донцов и не мыслили себе жизни без объединения с казачеством. Мысли казакоманов простирались до идеи равноправного объединения с казаками в рамках федерации «Казакия». Казакоманы были тесно связаны с «самостийниками», провозглашавшими своей целью обособление казачества и его развитие как отдельного этноса.

Существовала своя националистическая организация «Хальм Тангалин Тук» (ХТТ) почетным председателем которой была вдова князя Тундутова, главы калмыков во время Гражданской войны. Лидерами ХТТ были Санджи Балыков и Шамба Балинов. ХТТ имел свой печатный орган «Ковыльные Волны» («Улан Залат»), выходивший в свет на русском и калмыцком языках.

После начала Великой Отечественной войны калмыками заинтересовалась «теплица» по выращиванию «пятых колонн» — ведомство Розенберга. Тогда же были востребованы калмыцкие эмигрантские лидеры — Шамба Балинов, Санжи Балыков и др. Под контролем Восточного министерства и спецслужб был создан Калмыцкий Национальный Комитет, руководителем которого был назначен Шамба Ба-

линов. Одновременно шла работа по созданию калмыцких подразделений и частей на Восточном фронте.

Первым калмыцким формированием можно назвать **спецподразделение** Абвергруппы-103. Оно было создано из добровольцев-военнопленных для ведения разведки на территории Калмыцкой АССР. Возглавлял его зондерфюрер Отто Рудольфович Верба (он же доктор Долль). Позывной радиостанции — «Краних» («Журавль»). Первоначально отряд дислоцировался в г. Степном (Элиста), впоследствии на базе отряда было развернуто так называемое «Спецподразделение доктора Долля». В конце 1942 года Верба командовал уже **«Калмыцким воинским соединением»** (Kalmuken Verband dr. Doll).

Отрывочные данные о самом докторе Долле свидетельствуют о том, что он происходил из судетских немцев и имел русские корни, долгое время жил в России, служил в Белой Армии, работал в немецкой военной миссии в Одессе, в эмиграции стал сотрудником Абвера.

В августе 1942 года немецкое командование поручило Доллю завязать контакт с калмыцкими националистическими лидерами, пообещав им создать после войны самостоятельное государство под протекторатом Германии. Долль устремился в калмыцкие степи на легковом автомобиле в сопровождении шофера и радиста. Его миссия увенчалась успехом, и цель была достигнута.

В середине сентября 1942 года в 16-й немецкой моторизованной дивизии из числа бывших красноармейцев-калмыков 110-й Отдельной калмыцкой кавалерийской дивизии и местного населения был сформирован первый **кавалерийский калмыцкий эскадрон**. Он вел разведку и партизанскую борьбу, как и многие другие казачьи подразделения немецкой армии. Вооружен был советским трофейным оружием, униформа у калмыков была немецкая.

Одну из **боевых калмыцких групп** сформировал Азда Болдырев. Дезертировав из Красной Армии, он прибыл в родное село Кетченеры, где организовал свой отряд, который впоследствии волился в Калмыцкий Кавалерийский Корпус. Болдырев до декабря 1943 года служил помощником начальника штаба, после чего в чине обер-лейтенанта командовал вторым дивизионом Корпуса.

Некто Арбаков после оккупации Элисты работал начальником уголовного розыска, затем вступил в Корпус, где занимал должность коменданта штаба, помощника начальника штаба по вооружению, с сентября 1944 года — начальник штаба Корпуса. После окончания войны Арбаков и Болдырев очутились в лагере для перемещенных лиц в Германии, после чего эмигрировали в США.

Врожденные наездники, калмыки зарекомендовали себя как храбрые солдаты и разведчики. Военное руководство, поддержав инициативу создания калмыцких частей, разрешило создавать аналогичные боевые единицы. В то же время калмыки первыми из всех восточных союзников Германии официально получили признание и немцы придали калмыцким формированиям статус союзной армии.

К ноябрю 1942 года в Калмыкии действовали уже 4 кавэскадрона, к концу августа 1943 года был сформирован **Калмыцкий Корпус**, в который вошли следующие подразделения:

1-й дивизион: 1, 4, 7, 8 и 18 эскадроны;

2-й дивизион: 5, 6, 12, 20 и 23 эскадроны;

3-й дивизион: 3, 14, 17, 21 и 25 эскадроны;

4 дивизион: 2, 13, 19, 22 и 24 эскадроны;

9, 10, 11, 15, 16 эскадроны партизанили за линией фронта.

Это калмыцкое формирование именовалось также «Калмыцким легионом», «Калмыцким Кавкорпусом доктора Долля» и пр. Соединение входило в состав 4-й танковой армии и оперировало в районах Ростова и Таганрога. К маю 1943 года под руководством генерал-майора Неринга в Новопетровске и Таганроге были организованы еще несколько эскадронов из числа бывших перебежчиков и военнопленных.

Партизанившие за линией фронта эскадроны находились под опекой Абвера, их снабжение оружием и боеприпасами осуществлялось воздушным путем. Так, 23 мая 1944 года в районе калмыцкого поселка Утта — в районе действия **партизанской калмыцкой группы Огдонова** — были десантированы 24 диверсанта под командованием гауптмана фон Шеллера («Кваст»). В задачу группы входило создание мини-плацдарма для приема других самолетов с доллевцами, которые впоследствии должны были развернуть мощную партизанскую войну в советском тылу — вся операция Абвера именовалась

«Римская цифра II». Советские силы ПВО засекали пролет вражеского самолета в тыл, и через некоторое время группа была нейтрализована. Далее события развивались по уже хорошо отработанному СМЕРШем сценарию. Захваченный радист самолета и сам Кваст согласились передать сигнал о прибытии, и дальнейшее существование группы проходило под контролем советской контрразведки. Был оборудован ложный аэродром для приема самолетов. Второй самолет с тридцатью десантниками был уничтожен в ночь на 12 июня 1944 года на посадочной площадке, никому из его пассажиров скрыться не удалось. Некоторое время советская контрразведка вела радиоигру со своим противником, и постепенно ей удалось убедить Абвер в полном разгроме группы в боях с войсками НКВД.

В сентябре 1943 года ККК находился на Днестре, а в мае 1944 года был включен в 6-ю армию как **531-й полк**. Летом 1944 года в Корпусе насчитывалось 3,6 тыс. бойцов, из них 92 человека — немецкий персонал. Дивизионы состояли из четырех эскадронов, каждый из них, в свою очередь, насчитывал 150 человек. Существенное отличие калмыцких подразделений от других восточных формирований состояло в том, что командирами подразделений были свои, а не немецкие офицеры.

Вооружение Корпуса составляли 6 минометов, 15 ручных и 15 станковых минометов, 33 немецких и 135 советских автоматов, советские, немецкие и голландские винтовки. Униформа калмыков не имела собственных знаков различия и ничем не регламентировалась. Зачастую в обмундировании калмыков присутствовали элементы народного костюма — меховые шапки, халаты и пр. По неподтвержденной информации, у немецкого офицерского состава ККК существовала своя круглая нарукавная нашивка с надписью на немецком и калмыцком языках «Калмыцкое подразделение д-ра Доля».

Зимой 1944—1945 гг. Корпус (не менее 5 тыс. чел.) находился в Польше, где воевал против советских партизан и Украинской Повстанческой Армии, а затем вел тяжелые бои с передовыми советскими частями под Радомом.

После кровопролитных боев Корпус был переведен в учебный лагерь СС в Нойхаммер — «кузницу» восточных формирований СС. Вновь сформированный полк калмыков

отправили в Хорватию, где он органично влился в 15-й Казачий Кавалерийский Корпус Хельмута фон Паннвица и впоследствии формально вошел в состав Вооруженных сил Комитета по Освобождению Народов России. Калмыки стали единственными инонациональными представителями в КОНРе.

Впоследствии калмыки разделили общую участь казаков, большая часть их была выдана в СССР.

4. «КАВКАЗСКИЕ ОРЛЫ» НА СЛУЖБЕ У РЕЙХА

Азербайджанцы в рядах немецкой армии

Первые контакты представителей немецких спецслужб с лидерами азербайджанской эмиграции были установлены перед началом войны. Для удара по Кавказу Абвер усиленно пестовал свою пятую колонну в портовых городах Ирана Ноушехре, Бендер-Шахе, Пехлеви. Диверсанты проходили обучение для действий в Азербайджане и Туркмении. Агентурой Канариса был завербован руководитель национальной азербайджанской партии «Мусават» Эмин Расул-заде. Помимо азербайджанцев Абвер установил контроль над многочисленной эмигрантской колонией в Иране, в состав которой входили представители множества народов Кавказа, Закавказья и Средней Азии.

Кадры Абвер черпал из азербайджанцев-эмигрантов, а с началом военных действий против СССР — из числа военнопленных, перебежчиков и лиц, недовольных Советской властью. Этому способствовало предвоенное повстанческое движение в Азербайджане. В республике с конца 1929 до 1931 гг. включительно прокатилась волна восстаний против Советов. Повстанцами были захвачены города Нуха, Шуша, взрывались мосты и железнодорожное полотно, совершались нападения на поезда. Общее количество повстанцев достигало 10 тысяч человек. Против восставших применялись авиация, танковые подразделения и химическое оружие. Постепенно сопротивление ушло в горы, затем повстанцы ушли в Персию (Иран). Можно предположить, что восставшие имели

контакты с **обществом «Прометей»** — Лигой угнетенных **Российских народов** — эмигрантской организацией, созданной в 1928 году в Варшаве 2-м отделом (Дефензива) Польского Генерального Штаба и Восточным отделом МИД Польши.

Немецкие спецслужбы «унаследовали» от Дефензивы агентуру общества «Прометей» и установили контакт с **азербайджанской боевой эмигрантской организацией «Истиклал»**.

В составе диверсионно-разведывательной Абверкоманды-201, действовавшей на южном участке Восточного фронта, находилась **группа Алхазова**. Это подразделение было сформировано из уроженцев азербайджанского города Нухи. Агентам предстояло действовать в советском тылу близ упомянутого города. В задачу вменялось воспрепятствовать вывозу промышленных предприятий и организовать повстанческое движение. Заброска группы не состоялась, и ее личный состав был использован в качестве пехотного подразделения одной из немецких воинских частей.

Большую заинтересованность в существовании азербайджанских частей в составе Вермахта проявлял турецкий генерал Эркилет. В сентябре 1941 года военная делегация Турции во главе с ним побывала на южном участке Восточного фронта. После возвращения в Турцию Эркилет издал книгу «Что я видел на Восточном фронте». Еще одним результатом посещения стали переговоры с немецким командованием об улучшении положения советских военнопленных-мусульман (особенно азербайджанцев). Тогда же был положительно решен вопрос о создании национального азербайджанского комитета. В августе 1941 года руководитель немецкой миссии в Турции фон Папен докладывал Риббентропу: «Хорошо осведомленное доверенное лицо сообщает: ввиду успехов немцев в России турецкие правительственные круги все больше начинают заниматься судьбой... азербайджанских турок. В этих кругах, по-видимому, склонны возвратиться к событиям 1918 года, и хотят присоединить к себе эту область, особенно ценнейшие бакинские месторождения нефти».

Впоследствии при Восточном Министерстве Германии и Институте по исследованию Туркестана (АТ) был создан «Азербайджанский Комитет», состоявший преимущественно из бывших граждан СССР. Возглавлял его 35-летний бывший

майор Красной Армии Дудангинский Або Алиевич, известный также как Фаталибейли. Он был взят в плен, некоторое время воевал в составе национальных формирований, затем был назначен начальником азербайджанского «штаба». Первоначально Дудангинский поддерживал Власова, разделяя его точку зрения о необходимости объединения всех антисоветских сил. Впоследствии эта позиция была пересмотрена в связи с отказом других членов Комитета сотрудничать с Власовым. Дудангинский поддерживал также отношения с лидером азербайджанской эмиграции в Германии Эмином Резуль-Заде. Последний проводил в жизнь идею пантюркизма, в связи с чем не был назначен предводителем национального штаба, так как создание сильного Азербайджана под покровительством Турции противоречило планам немецких специалистов по Востоку, видевших в будущем Кавказе лишь особый рейхскомиссариат Германии.

Большую роль в «Азербайджанском комитете» играл также бывший полковник царской армии штандартенфюрер СС Исрафилов Магомед Наби-Оглы он же Исрафил-Бей, впоследствии расстрелянный в 1946 году по приговору военного трибунала Бакинского военного округа. В состав комитета входил также бывший военнопленный, сотрудник «Цепелина» штурмбанфюрер СС Алиев.

Одним из первых восточных формирований Вермахта, где служили азербайджанские добровольцы-эмигранты, был кавказский **батальон специального назначения «Бергманн» («Горец»)**. 3-я рота батальона была укомплектована азербайджанцами и вела боевые действия в предгорьях Кавказа у ст. Ищерская. 2-я азербайджанская рота батальона была сформирована непосредственно на фронте из местных добровольцев. Впоследствии «Горец» был развернут в полк, а роты — во 2-й азербайджанский батальон. После вывода с линии фронта он действовал на территории Польши, в августе 1944 года принимал участие в подавлении Варшавского восстания.

К концу 1941 года в Польше в г. Едлине был сформирован **кавказско-магометанский легион**, включавший в себя представителей Азербайджана, Армении, уроженцев Северного Кавказа. Весной 1942 года легион был переименован в азербайджанский, остальные национальности были выделены из

него на формирование «Северокавказского легиона», который создавался в Весоле. Набор в легион производился из Могилевского и Молодечненского лагерей военнопленных.

Командиром азербайджанцев был майор Ридер, в недалеком прошлом — специалист по Японии. Возможно, он ранее служил в германском посольстве в Японии, так как фамилия «Ридер» упоминается в литературе о Рихарде Зорге.

Осенью 1942 года **804-й и 805-й азербайджанские батальоны** были направлены на фронт. Их вооружение, командование и структура были аналогичны уже упоминавшимся выше национальным батальонам.

Весной 1943 на фронт были направлены 806-й «Игит», 807-й, 817-й и 818-й батальоны, а летом и осенью — 819-й и 820-й. За три года в Польше было сформировано 8 азербайджанских батальонов.

В начале февраля 1943 года **804-й батальон** под командованием майоров Глогера и А.А. Фаталибейли (Дудангинского) отличился в боях в районе станицы Старокорсунская на Кубанском переднем укреплении. Здесь азербайджанцы нанесли существенный урон советским 40-й и 119-й стрелковым бригадам 153-й стрелковой дивизии. Позднее за боевые отличия на Кубани 804-й батальон получил название «Аслан» («Лев»).

В 1943 году 807-й батальон нес службу на территории Брянщины, 804-й «Аслан» и 806-й «Игит» — в Крыму.

Две азербайджанских роты входили в состав «Kaukasien Kriegsgefangen Baukompanien» («Кавказские строительные роты из военнопленных»), сформированные на Украине в 1942 году.

Азербайджанское подразделение (бывший **818-й батальон**) имелось в интернациональном «Восточно-туркестанском соединении СС», которым командовал штурмбанфюрер СС Майер-Мадер. Два батальона азербайджанцев принимали участие в ликвидации Варшавского восстания 1944 года.

На базе 162-й пехотной дивизии (центр формирования восточных частей генерала Нидермайера) были сформированы еще **шесть азербайджанских егерских и горно-егерских батальонов**: I/4, I/73, I/97, I/101, I/111, II/73. Римская цифра обозначала порядковый номер подразделения, арабская — сообщала номер дивизии, предоставившей кадровый персонал. Впоследствии из некоторых азербайджанских батальонов

в составе 162-й дивизии был сформирован **314-й азербайджанский полк**.

Зимой 1944–1945 гг. на полигоне в Нойхаммере было сформировано «12-е кавказское истребительно-противотанковое подразделение», куда вошли также представители азербайджанских частей. Весной 1945 года соединение вело тяжелые бои с наступающей Красной Армией на Одерском плацдарме, а позднее участвовало в обороне Берлина.

Для нужд Восточного фронта из азербайджанцев была сформирована 21 азербайджанская вспомогательная рота.

В марте 1945 года в состав «Восточно-туркестанского соединения СС» была включена азербайджанская боевая группа под командованием штандартенфюрера Гаруна-эль-Рашида. В Северной Италии оперировало «Кавказское соединение СС» под командованием штандартенфюрера Израфил-Бея, также имевшее в своих рядах уроженцев Азербайджана. По свидетельствам местных жителей эта «армия» представляла собой совершенно необычное войско из-за своего облика, наличия семей, множества лошадей и небольшой компании комедиантов.

В апреле 1945 года одно из таких подразделений (100 человек) взбунтовалось, предчувствуя несчастливый для них финал войны. Выступление было подавлено в г. Монте-ди-Незе частями итальянских фашистов, немцами и азербайджанцами, оставшимися верными немецкой присяге. По информации бывшего партизана Н. Маццалла «дезертирство азербайджанцев имело печальный конец из-за несогласованности в действиях их офицеров». Около 300 азербайджанцев были взяты в плен и, по-видимому, казнены. Некоторым немногочисленным счастливым удалось укрыться в Италии, вступив в партизанские отряды. К отряду Маццаллы примкнул со своими людьми лейтенант Муса Мамедов, оставшийся с партизанами до конца мая 1945 года. Большинство восточных солдат были летом того же года переданы командованию американских войск в Бергамо, а затем советской стороне.

По окончании войны азербайджанцы 162-й дивизии фон Хайгендорфа, сдавшейся в районе Падуи, были выданы в СССР. По свидетельству очевидцев, при перевозке их морским путем в Одессу один мулла сжег себя в знак протеста, многие пытались свести счеты с жизнью, прыгая с борта корабля.

Армянский Легион

Еще до начала Второй мировой войны немецким руководством был присвоен статус «арийских беженцев» членам армянской эмигрантской колонии в Германии. Специально для армян в Берлине издавались газеты на их родном языке — еженедельники «Армения» и «Родина». В середине 1930-х годов часть национальной армянской партии «Дашнакцутюн» откололась от основного ядра и вступила в контакт с руководством Третьего Рейха.

При Восточном министерстве Рейха был создан **«Армянский Национальный Комитет» (АНК) и легион (полк)**. Во главе национального комитета встали Арташес Абетян, некто Багдасарян (он же Симонян, он же Тигран Саркисян, он же Вартан Михайлович Саркисян) и наиболее одиозная фигура — Дро. Под этим псевдонимом (сокращение имени Драстамат) скрывался начальник Абвергруппы-114 Драстамат Мартиросович Канаян («Каляев»). Сведения об этом человеке крайне противоречивы, из одних источников известно, что Дро входил в состав первого советского правительства Армении, по другим — активно сотрудничал с дашнаками и английской разведкой. По сведениям армянской стороны, Драстамат Канаян был офицером русской Императорской армии, затем генералом Республики Армения и командовал национальной армией при обороне Нагорного Карабаха.

Другим предводителем армянских активистов был Гарегин Тер-Арутюнян (Нжде). С юных лет Нжде посвятил себя служению идее национального освобождения Армении. В 1904 году он становится членом партии Дашнакцутюн, впоследствии заканчивает курс болгарской офицерской школы и возвращается в Армению. Активный участник революционных событий в Иране, Нжде был арестован российской полицией и провел три года в заключении. В 1912 году, после освобождения, Нжде уезжает в Болгарию, где вместе с воеводой Андраником формирует армянские добровольческие формирования для участия в Балканской войне против Турции. В 1914 году Нжде получает амнистию от российского правительства и переезжает на Кавказ. Здесь он формирует армянские воинские подразделения Русской

армии для их дальнейшего использования на Кавказском фронте против турецких войск.

После революции в России Нжде принял активное участие в создании армии Республики Армения, в сражении у Каракалиса армянские части под его командованием обратили в бегство превосходящего противника.

После прихода к власти в Армении коммунистов Нжде был вынужден покинуть родину и поселился в Болгарии, где принял активное участие в политической и общественной жизни армянской общины. На рубеже 1920—1930 гг. он создает в ряде стран Европы и США национальные организации, ставившие целью объединение всех армян.

Еще до начала войны с СССР в ряде германских и европейских изданий появились материалы, авторы которых утверждали, что армяне являются семитами и их надлежит уничтожать, как и евреев. Массовым репрессиям властей подверглись армянские общины Болгарии, Венгрии, Румынии. На встрече с Розенбергом Нжде узнал, что решение о репрессиях было принято под влиянием Турции и грузинского националиста Александра Никурадзе. Для спасения людей и армянской диаспоры Нжде предпринял ряд ответных действий, в результате чего вера нацистов в их союзника Турцию была сильно подорвана. При этом Нжде был достигнут союз с предводителем Азербайджанского легиона Эмином Расул-Заде. Нжде убедил его в том, что распространение пантюркизма будет способствовать поглощению Азербайджана и уничтожению самобытности азербайджанцев турками. Союз армян и азербайджанцев в противовес турецким устремлениям на Кавказе устроил и Розенберга, представившего даже проект Главного комиссариата «Армения» — своеобразного буфера, препятствующего устремлениям Турции на Кавказе.

В 1944 году, когда Красная Армия вошла в Болгарию, Нжде отказался покинуть страну и был арестован. В 1955 году он умер во Владимирской тюрьме.

Одним из активистов армянского движения был бывший офицер Русской Императорской армии Мисак Торлакян. В его биографии было участие в Первой мировой войне, защита границ Армянской Республики от турецких банд, сра-

жение с турецкой группировкой близ Сардарапата. Позднее, находясь в подполье, Торлакян убил организатора армянской резни министра внутренних дел Азербайджана Бехбут-Хана Джаваншира.

Проживая в эмиграции, Торлакян находился в непосредственном контакте с генералом Дро и Нжде. Впоследствии он руководил агентурными и разведывательно-диверсионными подразделениями Армянского легиона. По неподтвержденной информации, лично им была организована операция по захвату турецких документов, раскрывавших захватнические планы Турции на Кавказе. Эти документы были представлены Розенбергу в качестве подтверждения ненадежности турецкого союзника Германии.

Некоторые фронтовые органы Абвера были сформированы из числа армянских эмигрантов и в своей работе делали ставку на привлечение советских военнопленных, уроженцев Армении.

114-я разведывательная абвергруппа входила в состав Абверкоманды-101, обслуживающей группу армий «Юг» и первоначально именовалась «Зондеркоманда “Дромедар”». Позывной — «Ирена». В апреле 1943 года зондеркоманда получила статус самостоятельного фронтового разведоргана. Группа занималась организацией разведывательно-диверсионных мероприятий и повстанческого движения в тылах войск Северо-Кавказского фронта и вела контрразведывательную работу на части оккупированной территории Северного Кавказа. Часть завербованной агентуры проходила обучение в Варшавской разведшколе. При группе существовали курсы подготовки радистов.

Агенты, негодные для ведения разведки, направлялись в строевую часть «Дромедара» (40–60 человек) и на охрану помещений группы.

Группа имела 4 передовых разведывательных пункта (мельдекопфа) в прифронтовой полосе. Мельдекопфы, возглавлявшиеся также агентами-армянами вели переброску через фронт агентуры, контрразведывательную и пропагандистскую работу, оказывали большую помощь в формировании добровольческих частей. На территории Винницкой области Абвергруппа-114 размещалась под «крышей» штаба в/ч № 57758.

При отступлении немецкой армии группой оставлялись на оседание радиофицированные агентурные группы из числа функционеров Армянского Национального комитета.

В июле 1944 года абвергруппа-114 была реорганизована. На базе части личного состава, в Белграде было создано спецподразделение «Айнхайт Штурм», также готовившее и засылавшее своих агентов в советский тыл.

Абвергруппа-106 также имела в своем составе **группу агентов-радистов** во главе с бывшим советским военнослужащим Степаняном и агентурную группу Саркисяна.

Основным центром формирования армянских фронтовых добровольческих частей стал полигон в Пулаве (Польша), где было создано **8 армянских батальонов**.

В мае 1942 года были сформированы первые батальоны (808-й и 809-й). Командный состав **809-го батальона** состоял из бывших офицеров-военнопленных, командиром батальона был немецкий офицер. Отличительным признаком в униформе легионеров была щитообразная нарукавная нашивка, повторяющая цвета национального флага с белой надписью на латыни «Armenien Legion».

Помимо военнопленных армян, в легион шла эмигрантская молодежь из разных стран. Офицерский состав в основном был представлен офицерами-армянами армий царской России, Болгарии, Греции, Сербии, Польши, Венгрии, Румынии и Французского Иностранного Легиона.

Командование держало легионеров в ежовых рукавицах. Царила круговая порука, и за малейшую провинность солдат подвергали наказаниям (стояние на ветке дерева, приседания в противогазе и пр.). В качестве поощрения по воскресеньям легионеров отпускали в город, устраивались экскурсии в Берлин. Несмотря на строжайшую дисциплину и сеть осведомителей, в батальоне была организована подпольная ячейка, тесно связанная с польскими подпольщиками. От поляков получали сводки Совинформбюро и информацию о положении на фронте.

25 августа 1942 года один батальон прибыл на фронт под Майкоп, два других батальона остались в Польше продолжать обучение. Весной 1943 года на фронт были направлены **814-й, 815-й и 816-й армянские батальоны**. Всего на террито-

рии Польши были созданы **девять армянских батальонов** (807–809, 812–816).

В ночь на 26 сентября 1943 года из армянского батальона в Майкопе дезертировало 15 человек во главе с бывшим капитаном Красной Армии Хачатуряном. Впоследствии также ушло к партизанам отделение Н. Арушяна и унесло с собой два ручных пулемета. 26 ноября на советскую сторону перешло еще 14 человек.

809-й армянский пехотный батальон прекрасно зарекомендовал себя во время боевых действий на Кавказе. Позднее ему было присвоено наименование «Зейтун» (или «Зейтунцинер»).

Батальон был организован приказом от 29 августа 1942 года в г. Пулаве. Приказом от 18 ноября того же года он был переброшен на Кавказ. За храбрость и мужество на фронте личный состав батальона заслужил благодарность генерал-фельдмаршала фон Клейста и генерала Кестринга, как «...мужественное формирование, достойное воинских традиций своих героических предков». Многие военнослужащие были награждены Железными Крестами и медалями для восточных народов.

Впоследствии 809-й батальон «Зейтун» был переброшен на Украину и Польшу, где участвовал в антипартизанских операциях. Здесь личный состав батальона заслужил похвалу от командующего Вермахта на Украине Гитцингера и командующего восточными частями генерал-майора Ильгена.

16 октября 1943 года батальон «Зейтун» (844 человека, из них 792 армянина) прибыл в Бельгию, где был влит в состав 128-го гренадерского полка 48-й пехотной дивизии. Командиром батальона был немец капитан Герман Беккер. С 29 ноября по 20 декабря 1943 года батальон проходил обучение на полигоне в Сиссоне, после чего в начале января 1944 года был перемещен в Южный Бевеланд и занял линию обороны на Атлантическом валу. В августе 1944 года батальон был переброшен в Нормандию, где противостоял американским частям. Часть личного состава батальона перешла к американцам, другие погибли в боях.

812-й армянский батальон был организован в конце ноября 1942 года в г. Пулаве. Свой боевой путь он начал с несения охраны близ г. Радом, откуда в марте 1943 года был направлен

в Нидерланды и размещен в крепостях г. Берген и Зум. Особенностью батальона было наличие своего священнослужителя. Численность батальона к апрелю 1943 года достигла 959 военнослужащих, из них 58 немцы, 901 — армяне. В состав батальона, помимо четырех стрелковых рот, входили кавалерийский и вспомогательный взводы. Батальон был вооружен оружием исключительно советского производства.

Немецкое командование отмечало, что 812-й батальон фактически не подчиняется немецким офицерам и склонен к бунту. Из всех армянских батальонов 812-й отличался самым большим количеством убийств немецких офицеров и солдат. В январе 1944 года несколько взводов и рот перебили немецкий персонал. Бунт был подавлен, предполагаемые зачинщики расстреляны, а батальон переформирован в инженерно-строительный. По времени бунт в армянском батальоне совпал с волнениями в гарнизонах Грузинского легиона.

К концу 1944 года батальон вновь был переформирован в стрелковый, после чего направлен на Атлантический Вал в районы Роттердама и Амстердама. После высадки союзников и тяжелых боев остатки батальона сдались в окрестностях Утрехта.

По данным архивов партизанского движения в Нидерландах, в 812-м батальоне действовала подпольная антифашистская группа, созданная еще в Польше. Командование местных партизан наладило постоянную связь с батальоном с помощью бывшего фельдфебеля Вермахта, армянина, возглавившего местный партизанский отряд из 200 человек. Установление контакта способствовало получению секретной информации об укреплениях и вооружении участков Атлантического Вала. В местах расположения батальона партизаны не действовали. Переписка подпольщиков и партизан велась с использованием древнего армянского языка грабара. Чтобы прочитать такое послание, нужно было досконально знать этот язык и виды его тайнописи. Специалистом в данной области мог быть лишь человек, имеющий армянское высшее духовное образование.

В «Восточно-туркестанском формировании СС» также существовало обособленное **армянское подразделение**.

На базе 162-й дивизии Нидермайера до мая 1943 года в Лохвице были сформированы **3 армянских батальона** (I/125, I/198, II/9) — армянский полк (или легион) под командованием майора Энгхольма.

I/198 батальон в 1943 году действовал в районе Остров-Опочка на северном участке Восточного фронта, I/125 — был задействован в борьбе с партизанами в Брянской области.

В составе 162-й дивизии армяне были направлены в Словению, а в октябре 1943 в Италию для борьбы с партизанами, однако антипартизанская борьба закончилась, не начавшись, переходом армян на сторону партизан.

II/9 пехотный батальон был размещен восточнее Тулона на островах. В 30 километрах от Марселя близ г. Экс-ан-Прованс располагался I/125-й пехотный батальон, юго-западнее Тулона на побережье были расквартированы роты I/198-го армянского батальона. С первых же дней нахождения во Франции армянские легионеры попали под пропаганду своих земляков из числа местных партизан и подпольщиков.

За период боев на побережье, под Тулоном и Марселем три армянских пехотных батальона потеряли до 80 % личного состава, оставшиеся в живых попали в плен к союзникам и были впоследствии выданы в СССР.

На юге Франции действовал партизанский отряд под командованием бывших легионеров Петросяна и Титаряна. Этот отряд прославился освобождением городов и деревень, об их подвигах писала газета французских коммунистов «Юманите». Отряд был награжден почетным знаменем от коммунистов Лиона и от партизан Франции, 300 человек были награждены орденами. После окончания боевых действий французское правительство разрешило бывшим легионерам выехать на родину с оружием.

На Украине 29 апреля 1942 года было создано Кавказское строительное подразделение военнопленных («Kaukasien Kriegsgefangenen Baukompanien»), в состав которого вошли три армянских роты под командованием немецкого персонала.

На полигоне в Нойхаммере зимой 1944—1945 гг. было сформировано 12-е Кавказское истребительно-противотанковое соединение, включавшее в себя часть армянских военнослужащих. Вместе с ним армяне принимали участие в боях на

Одере и в обороне Берлина. По неподтвержденной информации, в составе подразделения находилось 2500 армян.

Кроме этих боевых подразделений были созданы **22 армянских вспомогательных роты** (снабжения, строительные, железнодорожные, транспортные).

По неподтвержденной информации в составе «Африканского Корпуса» также имелись армянские подразделения.

После окончания Второй Мировой войны большая часть армянских коллаборационистов была выдана в СССР, некоторым удалось остаться на Западе, чему в немалой степени способствовало наличие разветвленной национальной диаспоры.

В 2000 году прах армянского генерала Дро Канаяна был привезен в Армению и 27 мая захоронен в святом городе Эчмиадзине.

Грузинский легион

Накануне Великой Отечественной войны опыт сотрудничества грузинских националистов с Германией насчитывал не один год. Так, еще в 1915 году в составе немецкой армии был сформирован малочисленный «**Грузинский Легион**», в состав которого вошли эмигранты-националисты, противники нахождения Грузии в составе Российской Империи. Соответственно и пропаганда, направленная на грузин, воевавших в составе русской армии, велась под лозунгом «Освобождение Грузии от русского ига». Офицерский состав легиона состоял из немецких офицеров.

В 1918 году легион был перебросен из Германии в Грузию. К тому времени там уже стояли немецкие батальоны, приглашенные грузинским правительством, а немецкие инструктора помогали формировать национальную армию. Черноморский порт Поти был передан Германии в долговременную аренду.

Когда Грузия вошла в состав СССР, легионеры, часть офицерского корпуса и интеллигенции ушли в эмиграцию. Основными центрами грузинской военной эмиграции стали Париж и Варшава. В армиях Польши и Франции служили бывшие юнкера тифлисской юнкерской школы.

Польско-грузинское сотрудничество в военной сфере началось сразу же после признания Польшей независимости Грузии в 1920 году. После эмиграции грузинского правительства в Париж был установлен регулярный обмен информацией между правительствами и военными структурами Польши и грузинской колонии. В марте 1922 года заместитель министра иностранных дел эмигрантского «правительства» Грузии информировал 2-й отдел Генерального Штаба Польши о том, что между Грузией, Арменией и Азербайджаном имеется договоренность о совместном выступлении против Советов. Грузинские деятели предполагали наладить контракты с военным атташе Польши в Париже, с целью получения военной помощи в виде оружия и боеприпасов. По личному приказу Пилсудского для обучения по контракту в польскую армию в 1922 году были приняты 42 офицера и 48 подхорунжих грузин. Грузинские военнослужащие оставались в подчинении генерала А. Захариадзе — командующего грузинскими вооруженными силами эмигрантского правительства. Грузины проходили курсы обучения в нескольких военно-учебных центрах Польши: в инженерной и офицерской пехотных школах, центре обучения автомобильных войск, Высшей военной школе, Военно-географическом институте, Высшей артиллерийской школе и школе пилотов в г. Торунь. В сообщении польского МИДа отмечалось, что грузинские военнослужащие были приняты на обучение как служащие демократического грузинского правительства.

Несмотря на постепенное потепление в советско-польских отношениях и налаживание торговых контактов, польский Генштаб не отказывался от использования грузинской эмиграции в своих целях. Так, в январе 1924 года военный министр Польши уведомлял начальника 2-го отдела Генштаба: «Сотрудничество с Грузией во время войны является ценным и желательным, помощь Грузии в настоящий момент должна исключать политические и крайние меры. К таковым может относиться отправка неофициальной польской миссии на Кавказ...».

Второе дыхание «грузино-немецкой дружбе» придала Вторая мировая война и полный разгром Польши, в наследство от которой к Германии перешла и грузинская «пятая колонна». Немцы, известные своей бережливостью и пунктуальностью,

в полной мере использовали опыт Первой мировой войны и агентуру польской «Двуйки».

Еще в 1938 году в Берлине для регистрации и наблюдения за жизнью грузинских эмигрантов было учреждено **Грузинское бюро** под руководством князя Абхази. В 1939 году бюро было переименовано в «Кавказише фертрауэрнштелле» и его возглавил доктор Ахметели. В эмигрантском журнале «Кавказ» сообщалось: «...Компетентные германские правительственные власти заверили нас в том, что это бюро несет только лишь полицейские обязанности административного характера и решительно не обладает никакими политическими функциями».

В 1939 году в Риме был созван конгресс представителей грузинских фашистских организаций Берлина, Праги и Варшавы, на котором было принято решение об объединении. Слияние группировок произошло в январе 1940 года в Париже, где было объявлено о создании «**Грузинского Национального Комитета**». Руководителем был избран лидер национал-демократов Александр Асатиани, которого затем сменил генерал Спиридон Чавчавадзе. В конце июля 1940 года в Риме вторично собрались грузинские «правые». Ими велись переговоры с лидером горской эмиграции Гейдаром Бамамом о создании общекавказской фашистской организации. Соглашения достигнуто не было, так как каждая из сторон претендовала на руководство.

Восточное министерство Германии даже подобрало для будущей «освобожденной Грузии» престолонаследника князя Багратиона Мухранского.

Добровольцы из числа грузинской молодежи поступили на службу в Абвер. В первые дни войны они были использованы в авангарде группы армий «Юг»:

«Секретное распоряжение

Отдел иностранной контрразведки № 53/41

Берлин 20 июня 1941 г.

Для выполнения полученных от 1-го оперативного отдела военно-полевого штаба указаний о том, чтобы для использования нефтяных районов обеспечить разложение в Советской России, рабочему штабу «Румыния» поручается создать организацию «Тамара», на которую возлагаются следующие задачи:

Подготовить силами грузин организацию восстания на территории Грузии.

Руководство организацией возложить на обер-лейтенанта доктора Крамера (2-й отдел контрразведки). Заместителем назначается фельдфебель доктор Хауфе (контрразведка 2).

Организация разделяется на две агентурные группы:

А. «Тамара-1» — состоит из 16 грузин, подготовленных для саботажа (Ц) и объединенных в ячейки (к). Ею руководит унтер-офицер Герман (учебный полк «Бранденбург» ЦБФ 800, 5-я рота).

Б. «Тамара-2» — представляет собой оперативную группу, состоящую из 80 грузин, объединенных в ячейки. Руководителем данной группы назначается оберлейтенант доктор Крамер.

Обе оперативные группы «Тамара-1» и «Тамара-2» предоставлены в распоряжение 1-С АОК (разведотдел Главного командования армии).

В качестве сборного пункта оперативной группы «Тамара-1» избрать окрестности г. Яссы, сборный пункт группы «Тамара-2» — треугольник Браилов — Каларас — Бухарест.

Вооружение организаций «Тамара» проводится отделом контрразведки 2».

Вышеупомянутые «Тамары» были сформированы во Франции при активном участии руководителя «Грузинского военного Комитета» Михаила Кедия. В начале войны личный состав групп использовался для ведения разведывательно-диверсионной работы в тылу советских войск на Кавказе. Часть агентов окончила специальную разведывательную школу в 30 км от Парижа.

В начале июля 1941 года группа «Тамара-2», насчитывавшая до 80 человек, была направлена в Вену. Личный состав группы был экипирован в форму военнослужащих немецкой армии. Из Вены группа была направлена в Бухарест. Позднее она дислоцировалась в г. Фокшаны, затем в г. Браилове (Румыния). Личный состав группы использовался для разведывательно-диверсионных операций в тылу советских войск на территории Кавказа.

Специальное подразделение Абвера «Бергманн» насчитывало в своих рядах три грузинских стрелковых роты (1-я, 4-я и

5-я) общей численностью в 700 человек. Грузинские военнослужащие спецподразделения участвовали в операции по захвату стратегически важного моста в районе Пятигорска. Один из них, Г. Надарая — был награжден Железным Крестом второй степени. Впоследствии он погиб при захвате разведпункта советского батальона и был посмертно награжден Железным Крестом 1-го класса.

В состав формирования полностью вошла группа «Тамара-2». К концу 1942 года полк «Бергманн» имел в своем составе грузинский батальон.

Грузинские диверсанты принимали участие в операции «Шамиль», организованной Абвером для захвата Грозненского нефтеперерабатывающего завода. Операция провалилась, но диверсантам удалось установить связь с чеченскими бандами.

Удачно для грузин из «Бергманна» закончилась пропагандистская операция, проведенная против личного состава 414-й советской грузинской стрелковой дивизии, занимавшей в октябре-ноябре 1942 года линию фронта Бено-Юрт — Мунедар-Юрт южнее ст. Ищерской. В результате ведения передач через громкоговорители на грузинском языке на сторону бергмановцев почти полностью перешел 3-й батальон 1375-го стрелкового полка дивизии и личный состав одной из артиллерийских батарей.

Из-за разложения личного состава дивизия была снята с передовой и заменена азербайджанской национальной дивизией. Ее подразделения также подверглись пропаганде со стороны «Бергманна», но передачи вела уже азербайджанская рота подразделения.

В результате успешных действий грузинских пропагандистов, при «Бергманне» были развернуты грузинская стрелковая рота и конный эскадрон под командованием князя М. Дадиани.

Параллельно развертыванию национальных частей в немецком тылу шло создание марионеточного правительства Грузии в эмиграции. Так, при Восточном министерстве Рейха был создан «**Грузинский национальный комитет**» основной задачей которого была консолидация антисоветски настроенных национальных кадров. Комитет возглавили эмигранты доктор Магалов, М.М. Кедия и бывший советский воен-

нослужащий Г. Габлиани. Активное участие в формировании легиона принял эмигрант Цхомеладзе, также сотрудничавший с Гестапо.

К концу 1941 года в Польше, в местечке Крушина был организован «**Грузинский легион**». Как и аналогичные формирования, он состоял из четырех батальонов — трех боевых и одного рабочего. Личный состав легиона, помимо грузин, включал в себя осетин, абхазцев, адыгов, черкесов, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев. Первым командиром легиона был бывший пилот люфтваффе майор Уссель, а после его отбытия на Восточный фронт — обер-лейтенант Брайтнер. Из лагерей добровольцы направлялись в учебные роты для прохождения курса подготовки, затем переводились в батальоны, где получали немецкое обмундирование, снаряжение и вооружались.

Отличительным знаком легионеров была нарукавная нашивка в форме щитка с изображением фрагмента грузинского национального флага и надписью «Georgien Legion». Первым батальоном Легиона командовал бывший полковник Императорской армии, бывший губернатор Тифлиса Шалва Маглакелидзе. После прибытия в легион большого количества грузин-добровольцев, завербованных Маглакелидзе в лагерях военнопленных, каждый полевой батальон легиона составлял 800–1000 солдат и офицеров, включая немецкий персонал.

Все вновь прибывавшие грузинские военнослужащие проходили учебу в лагере в близ г. Бяла Подляска, в программу которой входили общефизическая и строевая подготовка, усвоение немецких команд и уставов. После окончания курса обучения новобранцы переводились в батальоны.

Грузинские легионеры давали присягу на верность грузинской земле и батальонам вручались знамена. Все грузинские батальоны носили имена известных исторических личностей. В конце 1942 года были сформированы 795-й («Шалва Маглакелидзе») и 796-й батальоны. В начале 1943 года — 797-й «Георгий Саакадзе», 798-й «Царь Иракий II», 799-й «Давид Строитель» и 822-й «Царица Тамара». Во второй половине 1943 года — 823-й «Шота Руставели» и 824-й «Илья Чавчавадзе».

795-й батальон был переброшен на фронт в октябре 1942 года в район Нальчика и придан 23-й танковой дивизии 3-го танкового корпуса 1-й танковой армии. Батальон состоял из 934 грузин и 41 немца. Командовал им обер-лейтенант Ширр и полковник Ш. Маглакелидзе. При наборе в батальон принцип добровольности не соблюдался, в результате чего данное подразделение вызывало у немцев и Маглакелидзе сомнение в его надежности.

Немецким командованием были приняты меры по нормализации обстановки в батальоне и часть ненадежных солдат была сведена в дорожно-строительную роту, из которой 13 человек впоследствии дезертировали. В ночь с 9 на 10 октября группа просоветски настроенных солдат батальона во главе с командиром взвода штабной роты М. Мурманидзе предприняла попытку перехода на советскую сторону. Заговорщиков выдал немцам свой же унтер-офицер и перебежчик-грузин из 392-й грузинской советской дивизии. Заговорщики были расстреляны. 33 человека смогли переплыть реку Баксан и присоединиться к советским частям.

796-й батальон, действовавший на туапсинском направлении, также потерял в результате перехода к противнику 82 человека под командованием командира роты В. Чичинадзе. Батальон был реорганизован в дорожно-строительную часть.

Наблюдатели по обе стороны фронта фиксировали и обратный процесс. Так, противостоящие 795-му батальону грузинские части советской 392-й стрелковой дивизии подверглись массовой пропаганде со стороны грузинских легионеров. Результатом стал переход красноармейцев-грузин на сторону немцев. За период с 26 августа по 6 октября 1942 года было зарегистрировано около 2 тысяч перебежчиков из состава грузинской советской дивизии. 26 и 27 сентября 1942 года в районе Чегема на сторону немцев в полном составе перешли 2 батальона 790-го стрелкового полка 392-й дивизии.

795-й батальон был снят с передовой и отведен в Крупско-Ульяновский район на переформирование. К началу ноября личный состав был сведен в две роты (стрелковую и пулеметную). Впоследствии батальон участвовал в кровопролитных боях на осетино-грузинской границе на участке Газнидон — Новый Урух. Грузинам удалось отбить по-

пытки советских подразделений овладеть селениями и захватить пленных и трофеи.

После Сталинградского поражения батальон 31 декабря 1942 года оставил свои позиции и отступил к Ростову-на-Дону, а оттуда на Тамань. С Тамани грузин перебросили в Крым и батальон поступил в подчинение штаба генерал-лейтенанта фон Клейста.

Весной 1943 года из Польши на Восточный фронт прибыли 797-й, 798-й, 799-й и 822-й грузинские батальоны, летом и осенью — 823-й и 824-й батальоны. Всего на территории Польши было сформировано 8 грузинских батальонов (795—799, 822—824), четыре батальона были созданы на Украине. 799-й батальон нес охранную службу в Крыму.

В составе Центра восточных формирований Оскара фон Нидермайера (162-я дивизия Вермахта) в Лохвице и Гадяче был создан грузинский легион. Легионом последовательно командовали подполковники Ристов, доктор Маус, Хайне, Линде. Легион насчитывал в своем составе 4 батальона (I/1 горнострелковый, I/9, II/4 горнострелковый, II/198). Впоследствии II/198-й действовал в Италии, I/9-й II/4-й были размещены в 1943 году в центральных районах Франции.

При развертывании 162-й пехотной дивизии в ее состав вошли два грузинских батальона — III/9 и II/125.

II/198 батальон перед началом операции «Цитадель» был придан 198-й немецкой пехотной дивизии, а после ее начала был введен в состав 3-го танкового корпуса 4-й танковой армии, наступавшей со стороны Белгорода. В сражении под Курском, по словам западногерманского историка И. Хоффмана, грузинские добровольцы отлично проявили себя. По свидетельству командира батальона капитана фон Мюллера, легионеры добросовестно несли патрульную службу, строили позиции под сильным артогнем противника. Батальон охранял от нападений партизан коммуникации в тылу 4-й танковой армии. После начала советского наступления грузинские легионеры защищали подступы к Харькову под Качуьей Лопанью.

Удар по грузинским воинским формированиям на Восточном фронте был нанесен приказом Генерального штаба о переброске всех добровольческих частей во Францию.

Грузинский командир легиона полковник Ш. Маглакелидзе в своих воспоминаниях писал, что в некоторых батальонах личный состав продемонстрировал неповиновение. После переговоров напряжение было снято, но Маглакелидзе был отстранен от командования легионом и переведен на службу в немецкие части в Прибалтику.

II/198 батальон был переброшен с Украины в Северную Италию и передан в состав 2-го танкового корпуса СС. Вместе с ним батальонцы воевали против партизан в районе Джунео, Домодосолле и Брешии.

Сформированное на Украине 29 апреля 1942 года объединение Кавказских военно-строительных рот военнопленных имело в своем составе **четыре грузинских роты** с немецким командным составом. Для обслуживания нужд Восточного фронта были созданы также **30 грузинских транспортных колонн**.

Кроме этих подразделений, СС располагало **кавалерийским грузинским эскадронам**. Грузины также находились в рядах «Восточно-туркестанского» полка СС Майер-Мадера.

Грузинское подразделение (40 человек) из числа бывших легионеров служило в Украинской Повстанческой Армии (УПА) и, судя по воспоминаниям партизанского командира А.Ф. Федорова, перешло к советским партизанам.

В конце 1943 года 797-й батальон был переброшен во Францию (район Лиона) и впоследствии разоружен немцами как ненадежный, 822-й батальон располагался до февраля 1945 года в Зандвурте (Дания) и один батальон — в Греции. 795-й батальон стойко оборонял Шербур от войск англо-американской коалиции, 798-й был блокирован в Сен-Назере, 823-й — на Нормандских островах.

К 1944 году **грузинская боевая группа** (полк), сформированный после объединения батальонов, под командованием штандартенфюрера СС князя П. Цулукидзе, располагался в Северной Италии. В планы немецкого командования входило объединение грузин с Северокавказским полком СС Кучука Улагая для последующего развертывания в Горскую Кавказскую дивизию под командованием генерал-майора белоэмигранта Лазаря Бичерахова.

Во время боев в провинции Вальдосолла 80 грузин примкнули к гарибальдийской партизанской бригаде, еще 5 чело-

век присоединились к ним позднее. Еще 36 грузин перешли к партизанам, когда гарибальдийцы атаковали немецкую автоколонну, в грузовиках которой сидели грузины. В тот же день это пополнение, не снимая немецкой формы, вступило в бой против немцев. В сражении за город Гравеллона грузины шли в авангарде наступающих.

Зимой 1944–1945 гг. на полигоне в Нойхаммере было создано 12-е Кавказское истребительно-противотанковое подразделение, куда вошли наиболее боеспособные кадры грузинских батальонов. Соединение вело боевые действия на Одере и принимало участие в уличных боях в Берлине.

О трагической судьбе **822-го грузинского батальона** сообщалось голландской газете «Свободный Народ». 800 грузин были переброшены немцами с материка на остров Тексель для отдыха и несения охранной службы. В планах немецкого командования была переброска этого отряда в Хельдерскую провинцию для ведения боевых действий против английских войск.

Грузины установили связи с голландским подпольем, а 6 апреля 1945 года началось восстание. Заговорщики предварительно договорились с командиром береговой артиллерийской батареи о том, что восстание будет поддержано огнем, однако в последний момент командир артиллеристов сбежал в Англию на шлюпке. Штаб восставших во главе с капитаном Шалвой Ломадзе располагался в бункерах близ железнодорожной станции Денбрих, но вскоре был вынужден отступить в осушенные болота Аерландского района под огнем танков противника, и укрепился в здании морского маяка. Соотношение сил было четыре к одному в пользу немцев. Подполье оказывало лишь моральную помощь, уповая на англичан. Некоторые местные жители укрывали раненных, за что впоследствии немцами было расстреляно 100 человек. Однако большая часть местного населения жила при оккупантах припеваючи, не ведая поборов и обысков, поэтому обыватели осуждали восставших, ведь при подавлении их выступления обстреливались дома и фермы. После подавления восстания из 800 грузин в живых осталось 235 человек, все раненые и больные были добиты.

Немецкая разведка продолжала использовать добровольцев грузинской национальности для проведения своих операций в советском тылу.

27 сентября 1942 года в Телавском районе Грузии был арестован немецкий агент, эмигрант Чиракадзе Г.С., заброшенный вместе с группой агентов с заданием установить связь с бывшими членами антисоветских политических партий Грузии и при их помощи попытаться организовать вооруженное восстание и диверсии на коммуникациях, вести сбор военно-разведывательных сведений.

9 июля 1944 года на территорию двух районов Грузинской ССР была выброшена **группа грузин-диверсантов** (позывной «Вера-1»), прошедших спецподготовку в «Предприятии «Цеппелин»». Руководил заброской грузинских групп начальник «Цеппелина» Х. Грейфе.

В качестве первоочередных задач было оседание в районе Тбилиси и развертывание работы по привлечению на свою сторону националистически настроенных граждан. Еще в Германии члены группы получили от своих эмигрантов адрес известного в Тбилиси профессора медицины, не зная о том, что его квартира находится под постоянным наблюдением НКВД. При задержании один диверсант погиб, остальные были схвачены. Радиоигра позволила вызвать из Германии немецко-грузинскую агентуру.

Вторая группа диверсантов (позывной «Вера-2») насчитывала шесть человек. От эмигрантов Картвелишвили и Вачнадзе они имели адреса людей, на помощь которых, по мнению эмигрантов, можно было надеяться, в том числе бывшего участника Белого Движения Чолокаева. У группы было изъято стрелковое оружие, радиостанция, 700 тысяч советских денег, инструкции.

Вызванная **третья группа диверсантов** из 4 человек также была арестована. При ней находились 12 автоматов, 9 винтовок, 14 пистолетов, 30 гранат, 780 тысяч рублей, рация. Группа имела заданием организацию проверки работы предыдущих групп, и в случае выявления их работы под контролем НКВД получила санкцию на самостоятельную антисоветскую работу. Радиоигра продолжалась еще некоторое время и была свернута из-за изменения обстановки на фронте.

В мае 1943 года в курортном местечке Симеиз (Крым) была организована разведывательно-диверсионная школа Абвера. Основной задачей органа была подготовка разведчиков-

диверсантов для ведения подрывной работе на Кавказе. В школе было создано три специализированных отделения, одно из которых — морское — состояло из агентов-грузин. Во второй половине сентября 1943 года морская группа прибыла в город Подгорица (Югославия), где принимала участие в антипартизанских операциях. В мае 1944 года диверсанты выехали во Францию, где влились в состав грузинского ост-батальона. В августе того же года батальон был разоружен немцами в районе города Кастр и в конце месяца пленен французскими партизанами.

Стоит упомянуть и о том, как представители грузинской эмиграции относились к власовскому движению. Во время организационных мероприятий, проводившихся штабом генерала Власова по созыву первого съезда Комитета по Освобождению Народов России, в штаб-квартиру Власова без приглашения явился М.М. Кедия в сопровождении двух эсэсовцев. Полковник Кромиади встретил гостей и предложил им расположиться в гостиной. Гости продолжали стоять. Вошел Власов, предложил гостям присесть, сам направился к креслу. Гости продолжали стоять. Не думая о гостях ничего дурного, генерал еще раз предложил им сесть, на что Кедия вдруг заявил:

— Генерал, очевидно, вы собрались прочесть нам лекцию, но лекцию и я могу прочесть.

Недоумевая от такого выпада, Власов ответил:

— Никакой лекции я читать не собираюсь, но раз приехали ко мне, полагаю, что хотите со мною поговорить.

Далее Кедия заявил, что прибыл сюда по настоянию своих друзей-эсэсовцев:

— Но раз приехал, считаю нужным заявить, что вы стараетесь свалить Сталина и занять его место сами, а для нас ни Сталин, ни вы неприемлемы.

После такого заявления Власов сказал:

— Я думаю, что нам с вами не о чем говорить.

Кедия ответил, что думает так же, и троица удалилась.

Впоследствии полковник Кромиади, присутствовавший при этом разговоре, сообщил его содержание другим представителям грузинской эмиграции. После изложения разговора, грузины просили передать Власову, что поддерживают

его начинание и войдут в состав КОНР, но, в силу обстоятельств, временно будут в стороне. Впоследствии от грузинских эмигрантов в состав Комитета вошел в личном порядке только генерал Ш. Маглакелидзе.

После окончания боевых действий в Европе судьба грузин находилась целиком в руках союзников. Военнослужащие 162-й дивизии Хайгендорфа осели в провинции Карния, успев обзавестись хозяйством и семьями. Н.Д. Толстой сообщает, что князь Ираклий Багратион явился в английское посольство и заявил, что сто тысяч (!) грузин сдадутся в плен английским войскам, если их после этого не выдадут СССР. Министерство иностранных дел Великобритании дало посольству указание не отвечать на это предложение. Некоторые грузины присоединились к Казачьему Стану и отправились с ним в последний поход в Австрию, откуда были репатриированы в СССР. Лишь немногим посчастливилось бежать и затеряться в перепаханной войной Европе.

Батальон (полк) «Горец» и северокавказские формирования Вермахта

Наряду с национальными спецподразделениями Абвера в боевых действиях немецких войск участвовало специальное подразделение (батальон/полк) «Бергманн» — «Горец», сформированное по инициативе шефа военной разведки адмирала Канариса.

Батальон был создан в октябре 1941 года в лагере «Штранс», в 5 км от г. Нойхаммера отделом «Абвер-2» Управления «Абвер-заграница». Немецким командиром батальона до июня 1943 года был профессор Теодор Оберлендер, впоследствии член правительства ФРГ, его заместителем — обер-лейтенант фон Кутченбах, эмигрант из Грузии. В батальоне также служил лейтенант фон Крейссенштайн.

Батальон насчитывал 1500 человек, разделенных на пять рот. Национальный состав «Горца» был смешанным. Так, в состав 1-й роты входили грузины и немцы, 2-й — уроженцы Северного Кавказа, 3-й — немцы и азербайджанцы, 4-й — грузины и армяне, 5-й штабной — примерно 30 человек из белоэмиг-

рантов всех национальностей, командный состав — немцы. В состав спецподразделения вошла группа грузинских эмигрантов из числа сотрудников Абвера, действовавших под кодовым наименованием «Тамара-2», под руководством А.М. Циклаури, которого впоследствии сменил на этой должности Г. Габлиани. Немецкий состав перешел в батальон из 1-й, 2-й, 3-й горно-стрелковых дивизий германской армии. Непосредственно при штабе батальона был взвод подрывников и группы специального назначения.

Униформа «Горца» была стандартной немецкой тропической или обычной полевой. По фотографиям тех лет можно сделать вывод, что офицерский состав батальона носил знаки различия, разработанные для восточных частей, а также нерегламентированное уставами миниатюрное эмалевое изображение кавказского кинжала на отворотах горных кеппи или на петлицах.

По приглашению адмирала Канариса на смотр батальона в Нойхаммере прибыли представители японской военной миссии для получения необходимого им опыта по созданию инациональных частей японской армии.

В конце августа 1942 года (по информации МГБ СССР — в июле 1942) батальон в немецкой тропической форме был переброшен из Нойхаммера в Россию, оттуда уже в форме горнострелкового подразделения на Кавказ. При переброске личный состав батальона выдавал себя за басков. Переброска батальона осуществлялась автобусами по линии Варшава — Минск — Харьков — Сталино (с двухдневной остановкой на отдых) — Таганрог (остановка на 8 дней) — Ростов — Пятигорск — Моздок, куда «Бергманн» прибыл 10 сентября и занял оборону в районе р. Терек, ст. Ищерская и высоты 116. До прибытия в Моздок, в Таганроге подразделения были распределены следующим образом:

1-я и 3-я роты были приданы 23-й танковой дивизии и действовали в районе Моздока;

2-я рота — 13-й танковой дивизии в районе Майкопа;

4-я рота оперировала в районе горы Эльбрус;

перед 5-й ротой была поставлена задача захватить Военно-Грузинскую дорогу.

Кавалеристы действовали в районе реки Боксан. Из состава 2-й и 4-й рот были намечены кандидатуры для назначения

бургомистрами и старостами в оккупированных районах Северного Кавказа.

Подразделения «Горца» перебрасывали в тыл советских войск диверсионные группы для разрушения коммуникаций и создания паники. Все роты вели активную добычу «языков», разбрасывали листовки за линией фронта, вели радиопередачи с призывом переходить к немцам. Перебежчиков после обработки перебрасывали обратно в тыл советских войск с заданиями склонять советских военнослужащих к переходу на сторону немцев. Командиры рот батальона производили вербовку агентов из антисоветски настроенных местных жителей.

Начальник штаба группы армий «А» генерал-лейтенант Грейфенберг в своем докладе, отмечая заслуги ряда восточных национальных подразделений и батальона «Бергманн», сообщал, что действовали они в лесистой местности, порой самостоятельно и успешно вели боевые действия против партизан.

Штаб батальона осенью 1942 года размещался в Пятигорске, затем в Нальчике при штабе 1-й танковой армии генерала Клейста. В сентябре 1942 года при штабе «Горца» в Нальчике была создана запасная рота, впоследствии развернутая в батальон, укомплектованный военнопленными, завербованными в Моздокском и других лагерях Северного Кавказа. Личный состав запасного батальона пополнял основные подразделения «Горца». Осенью и зимой 1942–1943 гг. батальон проводил антипартизанские операции в районе Моздока, Нальчика и Минеральных Вод. В сентябре 1942 года на территории Кабардино-Балкарии при батальоне был сформирован кавалерийский дивизион из трех эскадронов — кабардинского, балкарского и русского (по 200 человек в каждом), под командованием Касыма Бештокова. Эта боевая единица содействовала отступлению «Горца» до Тамани, после чего оба подразделения были объединены в полк.

При отступлении немецких войск с Северного Кавказа все подразделения батальона через Краснодар, Славянскую и Керчь перебрались в Крым и разместились в деревне Коккозы.

В апреле 1943 года батальон был переформирован в полк, весь личный состав распределен по национальному признаку в три батальона четырехротного состава.

В Крыму батальоны использовались для проведения карательных операций против партизан, для охраны побережья в районе Балаклавы и западнее Евпатории, а также железной дороги Симферополь — Севастополь.

В конце 1943 года полк «Бергманн» был переименован в полк «Альпинист», командный состав его заменен офицерами, прибывшими с Таманского полуострова.

В начале апреля 1944 года полк был переброшен в Румынию, а затем в Грецию, где до октября использовался для охраны шоссейных и железных дорог и борьбы с партизанами. В октябре полк передислоцировался в Албанию, затем — в Македонию и принимал участие в боях против советских и болгарских войск, после чего был переведен в Сербию. В феврале 1945 года полк находился в Хорватии, в районе Сараева, откуда в марте года выбыл в район города Аграма.

Одним из центров формирования северокавказских батальонов был польский город Едлин, где в начале 1942 года был создан **Кавказско-Магометанский легион**, объединявший уроженцев Азербайджана и Северного Кавказа (дагестанцев, балкарцев, карачаевцев). Сформированный в это же время в польском г. Крушине Грузинский легион включал в себя помимо грузин также адыгейцев, черкесов, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев. 2 августа 1942 года Кавказско-магометанский легион был переформирован — из его состава были выведены уроженцы Северного Кавказа. Аналогичная операция была проведена в Грузинском легионе. Все уроженцы Северного Кавказа были объединены в м. Весола в **Северо-Кавказский легион**.

К концу 1942 года на Восточный фронт была отправлены **три северо-кавказских батальона** — 800-й (черкесы и карачаевцы), 801-й (уроженцы Дагестана) и 802-й (осетины). В начале 1943 года из Весола выбыл 803-й батальон, во второй половине 1943 года три батальона — 835-й, 836-й и 837-й. Всего на территории Польши было сформировано семь северокавказских батальонов.

800-й батальон был придан 4-й горно-стрелковой дивизии 49-го горного корпуса и действовал в направлении Сухуми. Восточнее него, в районах Нальчика и Моздока было отмечено боевое применение 801-го и 802-го батальонов.

Структура этих северокавказских формирований, их вооружение и численность были аналогичны другим национальным формированиям, созданным в Польше в это же время.

В связи с увеличением притока военнопленных — уроженцев Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии немецким руководством было принято решение о создании центра формирований восточных легионов на Украине на базе 162-й пехотной дивизии. В г. Миргороде Полтавской области был создан штаб Северо-Кавказского легиона. Командир формирования — подполковник Ристов. До мая 1943 года на Украине были сформированы **два усиленных северокавказских полубатальона** — 842-й и 843-й, которые впоследствии действовали в Хорватии и Греции.

В составе 17-й авиаполевой дивизии Люфтваффе находился **835-й северокавказский батальон**.

Отличительным знаком военнослужащих северокавказских ост-батальонов служила нарукавная нашивка-щиток, разделенная по горизонтали на две части — зеленого и красного цвета, в верхней части щитка имелась надпись «Nordkaukasien» и изображение полумесяца. Имелась также разновидность нашивки аналогичной формы с изображением на синем фоне трех желтых лошадиных голов, составляющих вместе своеобразную свастику.

Северокавказские батальоны, так же как и другие инациональные подразделения в конце 1943 года были переброшены в Западную Европу. Польский и украинский центры формирования были также передислоцированы в г. Кастр, где был образован северокавказский запасной батальон.

800-й, 803-й и 835-й батальоны охраняли Атлантический Вал. Во время наступления союзников 800-й батальон был блокирован в одном из укрепрайонов и сдался американским частям.

Остатки разбитых ост-батальонов зимой 1944 года были сведены в 12-е кавказское истребительно-противотанковое подразделение. Позднее оно принимало участие в боях на Одере и в обороне Берлина.

На базе 836-го северокавказского и 799-го грузинского батальонов был сформирован 1607-й гренадерский полк 599-й русской бригады в Дании.

Летом 1944 года в Белоруссии на базе 70-го и 71-го полицейских батальонов началось формирование Северокавказского и Кавказского полков СС. В конце войны в Северной Италии в состав Кавказского соединения войск СС в качестве полка вошла **Северокавказская боевая группа**. Командир — штандартенфюрер СС, бывший офицер Белой Армии Кучук Улагай.

К этому времени в Италии помимо боевых частей из уроженцев Северного Кавказа находилось примерно 7 тысяч беженцев под предводительством генерала Султана Келеч-Гирея. Все беженцы мужского пола, способные держать в руках оружие были сведены в два полка, состоявших из национальных рот. Эта вооруженная сила охраняла большой беженский обоз и являлась резервом для укомплектования Кавказского соединения СС. Впоследствии все беженцы вместе с казаками Казачьего Стана генерала Доманова были выданы СССР. Атаман Султан Келеч-Гирей предстал перед советским судом и был приговорен к высшей мере наказания. В числе предъявленных обвинений в вину ему было поставлено командование Дикой дивизией в годы Гражданской войны.

Кроме полевых батальонов из уроженцев Северного Кавказа было создано 3 отдельных роты, а также существовало множество мелких боевых и строительных единиц.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1.

Периодические издания русских формирований немецких вооруженных сил и органов местного самоуправления

Азовский вестник. Газета. Геническ, 1942–1943.

Бич. Сатирический журнал. Смоленск (затем Минск), гл. ред. К.А. Долгононков, Периодичность 1 раз в месяц, 1943–1944.

Ведомости Русского Охранного Корпуса. Югославия, 1943. №№ 1–23.

Великолуцкие известия. Великие Луки, 1942.

Вестник. Орган «Бюро поверенного по делам русского населения Литовской генеральной области», Ковно, 1943–1944.

Вестник дирекции путей сообщения. Издание для железнодорожных служащих (на немецком и русском языках). Минск, 1943 — июнь 1944. Периодичность 1 раз в неделю (1 раз в месяц выпускалась только на русском языке), формат 30 x 21, кол-во страниц — 4–8, общее кол-во номеров — 96. Типография Дирекции путей сообщения.

Витебские ведомости. Орган Витебской городской управы. Витебск. С 1942 вместо «Витебских ведомостей» стала выходить газета «Новый путь». Известен 1 номер на белорусском языке. Гл. ред. А. Брандт. Август 1941— 3 декабря 1941, Периодичность 2–3 раза в неделю, тираж 3000–7000 экз., формат 38 x 28, кол-во страниц — 2–4, кол-во номеров — 44.

Вольный Дон. Ростов-на-Дону, 1941–1944.

Возрождение (Der Aufbau). Газета для рабочих промышленных предприятий. Смоленск, 1942–1943.

Возрождение Кубани. Газета. Кропоткин (на Кубани), 1941–1942.

Вольный казак. Газета. Станица Славянская (Кубань), 1941–1943.

Вольное Приазовье. Городская газета. Периодичность 2 раза в неделю. Азов, 1942–1943.

Восход. Газета на русском языке. Белгород, 1941–1942.

Гдовский вестник. Газета. Гдов, 1943.

Голос Донбасса. Официальная газета г. Горловки и района; гл. ред. Н.Н.Самойлов. Горловка, 1941–1944.

Голос Крыма. Издание Симферопольского Городского Самоуправления; ред. А.И. Булдеев. Периодичность 3 раза в неделю. Симферополь, 1942–1944.

Голос Кубани. Армавир, 1942.

Голос народа. Печатный орган Локотского Окружного Самоуправления (затем орган оргкомитета Национал-Социалистической Трудовой Партии России и Лепельского окружного самоуправления). Периодичность 1 раз в 1–3 недели. Локоть (Брянская обл.), позже Лепель (Белоруссия), 1942 — январь 1944. Тираж 10 000 экз., формат 45 x 28,5, кол-во страниц — 4.

Голос Ростова. Орган управления бургомистра г. Ростов-на-Дону; ред. С. Гротов. Ростов-на-Дону, 1942–1943.

Дмитровская Газета. Дмитровск Локотского района, 1942–1943.

Двинский вестник. 1942–1944.

Для женщин. Бобруйск. 1942–1944. Гл. ред. М. Бобров. Периодичность 1 раз в месяц, кол-во страниц — 2–4.

Для стражников. Бобруйск, 1943. Формат 30 x 21, кол-во страниц — 2.

Донецкий вестник. Газета Юзовской Городской управы. Юзовка (Сталино), 1941–1943.

Ейские новости. Ейск, 1941–1944.

Жало. Юмористическое приложение к газете «Речь». Орел (затем Бобруйск), 1942–1944.

Женский листок. Еженедельное приложение к газете «Новый Путь». Клинцы (Брянская обл.), затем Витебск, 1941 — январь 1943. Периодичность 1 раз в месяц, формат — 52 x 36, кол-во страниц — 2.

Живое слово. Бобруйск.

Жидоед. Приложение к «Штюрмеру». Ред. Марков. Нерег., 1942.

За мир и свободу. Орган «Народного антибольшевистского комитета» генерала Власова. 1944.

За Новую Россию! Газета. Выходила еженедельно. Станица Верхне-Баканская (позднее — Симферополь), 1943.

За Родину! Точная копия советской фронтовой газеты. Предназначалась для советского тыла. Бобруйск, 1942–1943.

За Родину! Дновская областная, еженедельная газета для рабочих и крестьян. Дно, 1941–1943.

За Родину! Вести из освобожденных областей. Издательство газеты «Новый Путь». Отв. ред. А. Михайлов. Псков, 1941–1944.

За Родину! Бобруйск. Гл. ред. А. Михайлов. Кол-во страниц — 2.

Заря Кавказа. Георгиевск, 1941–1944.

Земледелец Тавриды. Крестьянская газета. Редакция газеты «Голос Крыма», гл. ред. А.И. Булдеев. Периодичность 3 раза в месяц. Симферополь, 1943, № 17, № 19 (август).

Инструкции. Издание Центрального контрольно-инструкторского бюро белорусской пропаганды (Выходили на русском, белорусском и

немецком языках). Минск, апрель-июнь 1943. Кол-во страниц — 4, кол-во номеров — не менее трех, формат 29 x 20.

Информации. Бобруйск, 1943–1944. Формат 34,5 x 21; 39,5 x 21; 30 x 21, кол-во страниц — 4–24.

Кавказ. Пятигорский вестник. Периодичность 3 раза в неделю. Пятигорск, 1942–1943.

Кавказский казак. Майкоп, 1941–1944.

Казак. Издание Стана казачьих беженцев. 1943–1944.

Краткие информации. Бобруйск, 1943–1944. Формат 31 x 21, кол-во страниц — 2–9.

Колокол. Крестьянская газета, ред. К.А. Долгоненков. Периодичность 2 раза в месяц. Смоленск, 1942–1943.

Кубань. Городская газета, периодичность 2 раза в неделю. Краснодар, 1942, 21–24 декабря.

Курские известия. Газета. Курск, 1942.

Лужский вестник. Луга, 1942.

Майкопская жизнь. Майкоп, 1942–1944.

Мир женщины. Приложение к газете «Голос Крыма». Периодичность 1 раз в месяц. 1943.

Мозырские известия. Мозырь, 1943. Гл. ред. С.Г. Глаз. Периодичность 1 раз в 7–10 дней, формат 41,5 x 31, кол-во страниц — 4. Типография издательства «Мозырские известия».

Морозовские известия. Морозовск, 1942.

Молва. Ежедневная информационная газета. Одесса, 1943–1944.

Молодость. Приложение к газете «Голос Крыма». Периодичность 1 раз в месяц. 1942.

На переломе. Литературно-публицистический журнал, издательство газеты «Новый Путь». Смоленск, 1942–1943.

На страже Родины. Газета Народной Стражи и отрядов самообороны. Гл. ред. М.А. Октан, зам. ред. В.Д. Самарин, затем (в Бобруйске) — М. Бобров. 1943 — апрель 1944. Периодичность 1 раз в 10 дней, формат — 36 x 24; 39,5 x 28, кол-во страниц — 4.

Наши Вести. Издание Союза Чинов Русского Корпуса. Журнал основан полковником А.И. Рогожиным. Югославия, 1944; Австрия (лагерь Келлерберг), 1945; Санта-Роза (Калифорния, США), с 1949 ред. Н.Н. Протопопов; Москва — Санкт-Петербург, 1991 (Редколлегия: С.В. Волков, Н.Л. Казанцев, Н.Н. Протопопов).

Наше слово. Газета. Таганрог, 1942–1943.

Наше слово. Березино, 1944. Формат 28,5 x 20, кол-во страниц — 4.

Наше слово. Брест, 1942–1944. Гл. ред. В. Кольчак. Периодичность 1–2 раза в неделю, тираж — 10 000 экз., формат 41 x 28, кол-во страниц — 4. Брестская городская типография.

Неделя. Листок для населения, 1941.

Новое время. Городская газета. Вязьма, 1941–1943.

Новое время. Станица Кавказская, 1942–1944.

Новое время. Газета. Печоры, 1941–1943.

Новый Дон. Станица Нижнее-Чирская, 1942–1943.

Новая жизнь. Газета. Рославль (Смоленская обл.), 1941–1943.

Новая Кубань. Газета. Станица Лабинская (Кубань), 1941–1943.

Новая мысль. Николаев, 1943–1944.

Новый Мир. Журнал намечался к выпуску редакцией газеты «Новое Слово» (Берлин) на оккупированных территориях.

Новое слово. Таганрогская городская газета, 1942–1943.

Новости Беларуси. Газета-листовка. 1944. Место издания неизвестно.

Новости за неделю. Информационное приложение к газете «Новый Путь». Клинцы (Смоленская обл.), 1941–1943.

Новый путь. Еженедельная газета. Калуга, 1941.

Новый путь. Газета для эвакуированных лиц, отошедших с немецкой армией. Барановичи, 1941–1944. Гл. ред. В.А. Федоров, Г.Б. Тер-Маркарян. Периодичность 1 раз в неделю, тираж — 14 000 экз., формат 44,5 x 30,5, кол-во страниц — 2–4. Типография Отдела пропаганды вермахта, издательства прессы «Менск».

Новый путь. Борисов, 1942–1944. Гл. ред. Н. Глаголев, А Катков, В Михайловский. Периодичность 1 раз в неделю, формат 46 x 30; 49,5 x 31; 46 x 33.

Новый путь. Газета. Бобруйск, 1942 — сентябрь 1943. Гл. ред. М. Бобров, А. Прокофьев. Периодичность 1–2 раза в неделю, тираж — 70 000 экз., формат 50,5 x 35; 41,5 x 29,5; 45,5 x 30,5, кол-во страниц — 4. Газета имела приложение — «Новь». Издание прекратилось в связи с переводом из Смоленска в Бобруйск редакции газеты «Речь».

Новый путь. Газета. Курск, 1942.

Новый путь. Деревенское издание, Витебск. Периодичность 3 раза в месяц, тираж 40 000 экз., формат 47 x 31, кол-во страниц — 2–4. Типография издательства газеты «Новый Путь» (Витебск).

Новый путь. Витебск, 1941–1944. Гл. ред. А. Брандт, Данилов. Периодичность 2 раза в неделю, тираж — 7000–15 000 экз., формат 47 x 31, кол-во страниц — 4–7. Типография издательства газеты «Новый путь» (Витебск), Двинская городская. С 15 по 28 февраля

1942 — на белорусском языке, последние номера печатались в Двинске с сохранением старых реквизитов издания.

Новый путь. Гомель, 1942 — конец 1943. Гл. ред. А. Демченко, И. Корнеев. Периодичность 1 раз в неделю, формат 42 x 28,5; 52 x 34,5, тираж 15 500 экз., кол-во страниц — 4. Типография издательства «Новый Путь» (Гомель).

Новый путь. Могилев, 1942—1943. Гл. ред. А. Сенкевич, К. Долгононков. Периодичность 1—2 раза в неделю, формат 40,5 x 29, кол-во страниц — 4.

Новый путь. Орша, 1942 — июль 1943. Гл. ред. А. Березовский, Е. Уральский. Периодичность 1 раз в неделю. Формат 41 x 29,5, кол-во страниц — 4. Типография издательства «Новый путь» (Орша).

Новый путь. г. Червень, 1943 — май 1944. Гл. ред. М. Ростовцев. Периодичность 1 раз в неделю, формат 41 x 30, кол-во страниц — 4.

Новое слово. Газета. Таганрог, 1942—1943.

Новая станица. Газета. Станица Крымская (Кубань), 1941—1943.

Новая жизнь. Газета. Станица Егорлыцкая, 1942—1943.

Новая жизнь. Еженедельная газета. Рославль, 1942—1943.

Новая жизнь. Газета. Трубчевск, 1943. № 3, 8, 10.

Новочеркасский вестник. Газета городской управы. Новочеркасск, 1941—1943.

Новь. Бобруйск, 1942—1943. Гл. ред. М. Бобров. Периодичность 1 раз в месяц, кол-во страниц — 2—4.

Обзор современного положения. Бобруйск, 1943. Формат 29 x 19,5, кол-во страниц — 2.

Обзор русских газет. 1944, № 13 (23 июня), № 14 (30 июня). Выборка из газет «За Родину!», «Северное Слово», «Правда» и журнала «Новый Путь», издающихся в северных областях. Издавалась на русском и немецком языках.

Одесса. Ежедневная информационная газета. Одесса, 1943.

Одесская газета. Газета Одесского муниципалитета, 1944.

Особые информации для городских начальников и старост. Бобруйск, 1943. Формат 34 x 22; 27 x 18,5, кол-во страниц — 6.

Плуг и меч. Издание для жителей оборонных деревень. Газета крестьянской самообороны. Минск, 1943 — июнь 1944. Гл. ред. К.А. Долгононков. Периодичность 1 раз в неделю, формат 45 x 30, кол-во страниц — 4.

Политический недельный отчет. Бобруйск, 1943 — апрель 1944. Периодичность 1 раз в неделю, формат 29 x 21; 39 x 22, кол-во страниц — 3.

Посев и жатва. Курск, 1942.

- Посев и жатва.** Орша, 1942–1943.
- Последние известия.** Орша, 1943. Периодичность — ежедневно.
- Последние известия.** Могилев, 1943. Периодичность — ежедневно.
- Последние новости.** Смоленск, 1942 — май 1944. Периодичность — ежедневно, формат 29 x 23; 27 x 22; 39 x 23; 43 x 23; 36 x 24; 32 x 24; 32 x 21,5; 27,5 x 21; 27 x 26; количество страниц — 1–4.
- Последние новости.** Газета. Феодосия, 1941.
- Православный христианин.** Псков, 1942–1944.
- Правительственный вестник окружного комиссара в Пинске.** Пинск, 1942.
- Псковский вестник.** Русская еженедельная газета для Пскова и его окрестностей. 1942.
- Пятигорское эхо.** Газета. Отв. ред. Г.И. Дашанов. Периодичность — ежедневно. 1942–1944.
- Речь.** Газета для населения освобожденных областей. Орел, затем Смоленск и Бобруйск (в Бобруйске с подзаголовком — газета «Союза борьбы против большевизма»), 1941–1944. Гл. ред. М.А. Октан, зам. гл. ред. В.Д. Самарин. Периодичность 1–2 раза в неделю, формат 43 x 29, кол-во страниц — 4. Бобруйская городская типография.
- Родимый край.** Газета. Станица Цимлянская (Дон), 1942–1943.
- Руль.** Русская антибольшевистская газета. Бобруйск (затем Минск), 1944. Гл. ред. М. Бобров. Выходила по средам и субботам.
- Русское Дело.** Печатный орган Русского Охранного Корпуса. 1944.
- Рыльский новый путь.** Газета для населения освобожденных областей. Рыльск, 1943.
- Свободное казачество.** Станица Великокняжеская (Пролетарская), 1941–1943.
- Свободная Калмыкия.** Элиста, 1942.
- Свободная мысль.** Газета. Выселки (Кубань), 1941–1943.
- Свободный пахарь.** Газета для крестьян освобожденных областей. Витебск, 1943. Гл. ред. Данилов. Периодичность 2–3 раза в месяц, тираж 15 000 экз., формат 42 x 29, кол-во страниц — 2. Типография издательства «Новый путь» (Витебск).
- Свободный Терек.** Газета. Прикумск (Терская обл.), 1942–1943.
- Северное слово.** Иллюстрированная политико-литературная газета. Ревель (Таллин), 1943–1944.
- Сводка военных сообщений германской действующей армии.** Бобруйск, 1941–1942. Формат 27,5 x 20, кол-во страниц — 1–2.
- Сельскохозяйственный листок.** Приложение к газете «Новый путь» (Витебск). Витебск, 1942 — январь 1943. Периодичность 1–2 раза в

месяц, формат 43 x 29; 41 x 27,5; кол-во страниц — 2. Типография издательства «Новый путь» (Витебск).

Сигнал. Издание Русского Корпуса. 1944.

Сигнал. Витебск.

Смоленский вестник. Орган Смоленского Городского Управления. Смоленск, 1941—1943.

Современник. Журнал. Севастополь, 1943.

Ставропольское слово. Газета Городского Управления. Ред. Б. Ширяев. 1942 (№15, ноябрь — специальный казачий номер).

Станичник. Станица Славянская, 1942—1944.

Тихорецкие вести. Газета станицы Тихорецкой, 1942—1943.

Уманец. Станица Уманская (Кубань), 1942—1943.

Утро. Молодежный журнал, г. Лепель, 1944.

Утро Кавказа. Ставрополь. (После отступления с Кубани продолжало выходить в виде листовки и забрасывалось в советский тыл).

Церковный благовест. Бобруйск, 1943. Гл. ред. Симонов, Н. Ясинский. Периодичность 2 раза в месяц, формат 37,5 x 25, кол-во страниц — 8.

Шахтинский вестник. Шахты, 1943.

Школьник. Смоленск (затем Витебск и Бобруйск), 1943.

Юному читателю. Витебск, 1942 — март 1943. Периодичность 1—2 раза в неделю, формат 55,5 x 30, кол-во страниц — 2.

Юношеству. Бобруйск. Гл. ред. А. Прокофьев. Периодичность 1 раз в месяц, кол-во страниц — 4.

Русскоязычные периодические издания инонациональных воинских частей немецких вооруженных сил

Боевой путь. Орган бригады РОНА. Лепель (до февраля 1944), пос. Дятлово Гродненской обл., 1943 — июнь 1944. Гл. ред. К. Калиновский. Периодичность 2—4 раза в месяц, формат 42 x 28, кол-во страниц — 4. Типография им. Г. Скоблякова.

Боец РОА. Бобруйск.

Боец РОА. Газета русских воинских частей РОА генерала А.А. Власова. Периодичность 2 раза в неделю. Берлин, фельдпост¹, 1944—1945.

Борьба. 1942—1945. Соединение газет «За Родину!» и «Русское дело». Ред. фельдфебель Е. Месснер. Вена, фельдпост 47579.

¹ Фельдпост (нем.) — полевая почта.

Блокнот солдата ДНО. 1943.

Блокнот пропагандиста. Издание Главного управления пропаганды КОНР. Январь 1945.

В штыки! Газета для русских частей. 1944.

Верные соратники. Газета соединения РОА в Крыму. 1943–1944.

Воля народа. Печатный орган КОНР. Периодичность 2 раза в неделю. Отв. ред. генерал-лейтенант Г.Н. Жиленков. Берлин, 1944–1945.

Всегда с народом! Всегда за народ! Издание КОНР. Австрия, 1948, № 1.

Голос воина. Добровольческая газета одной войсковой группы. Ред. поручик К.А. Быкович, периодичность 2 раза в неделю. Германия, фельдпост 27361, 1944, №№ 1–9.

Голос правды. Фельдпост 09656, 1944.

Доброволец. Информационный листок для русских частей в Италии + ежедневная фронтовая сводка. Отв. ред. полковник Риль. 1943–1944. В декабре 1943 переименована в «**Информационный листок добровольческих частей**».

Доброволец. Информационный листок газеты. Ред. Вл. Мухин. Периодичность — ежедневно. Псков, Рига, 1943–1944.

Добровольческий вестник. Газета танковой роты пропаганды РОА. 1944.

За Родину! Ежедневная прифронтовая газета. Отв. ред. Е. Леонидов. Фельдпост 17007, 1941–1944.

За Родину! Фельдпост 28264, 1945.

За Родину! Военный печатный орган КОНР. Гл. ред. полковник Н.В. Пятницкий. 1944–1945.

Заря. Газета штаба РОА, для военнопленных. Гл. ред. генерал-майор Р.Ф. Благовещенский. Берлин, 1943.

Заря. Гл. ред. Арнольдов.

За Русь! Печатный орган русских добровольцев. 1944. №2 (6 июня).

За свободу. Печатный орган Русской Народной Армии. Гл. ред. П.Н. Кожушко. Периодичность — ежедневно. 1943.

Информационный листок добровольческих частей. Периодичность — ежедневно. Париж, фельдпост 03069ФС, 1943–1944.

Казак. Первая казачья еженедельная газета. Печатный орган штаба Походного Атамана Казачьих войск С.В. Павлова. Гл. ред. В. - Каршев, А. Болдырев, сотник П.Н. Донсков. Украина, Белоруссия (Новогрудок), январь 1944 — июнь 1944. Периодичность 1–2 раза в неделю, тираж — 5000 экз., формат 31 x 21, кол-во страниц — 2–9. Фельдпост 38716.

Казачьи ведомости. Литературный журнал. Официальный орган «Козакен Ляйтенштелле Дона, Кубани, Терека». При сотрудничестве

генерала П.Н. Краснова и Маркова-второго. Тех. ред. есаул Ивановский. Берлин, 1943–1945.

Казачий вестник. Прага, 1941–1944.

Казачье дело. 1942, №№ 1–4.

Казачья земля. Газета Штаба Походного Атамана Казачьих войск генерал-майора Т. Доманова. Ред. есаул Болдырев. Жемона, Толмеццо (Северная Италия), 1944–1945.

Казачий клинок. Ежедневная газета для казаков Дона, Кубани, Терек и горцев Кавказа. Изд. Л.Н. Польский, есаул Земцов. Краснодар, фельдпост 27361 (с марта 1943 до конца 1944 — в Симферополе, фельдпост 27361). С № 1/12 — «Кубанец», с № 27 (сентябрь 1943) по № 645 (февраль 1944) — «Казачий клинок». «Кубанец» распространялся на Кубанском предместном укреплении, «Казачий клинок» — на Украине.

Казачий клыч. Ежедневная газета 1-й Казачьей дивизии (Корпуса). Гл. ред. есаул Бескровный. Фельдпост 59998, 1943–1945.

Казачья лава. Центральная Общеказачья еженедельная газета (печатный орган Главного Управления Казачьих Войск). Ред. Л.Н. Польский, затем — П.Н. Донсков, есаул Болдырев. Берлин, фельдпост 62306, 1943–1945.

Казачий листок. Печатный орган атамана П.Н. Краснова. Северная Италия, 1944.

Казачий смех. Место и время выхода неизвестно.

Красная Армия. Фальсифицированная газета РОА, 1944.

К победе! Газета РОА и добровольческих частей одной танковой армии. Отв. ред. ефрейтор Н.А. Нарейкис. Фельдпост 10792, 1943.

Кубанец. Ежедневная газета для Кубанских частей. Сотрудники: Капралов, Ширяев, Польский, Ларский и др. Фельдпост 27361, 1942–1944.

Кубанские думы. Время и место выхода неизвестно.

Набат. Вестник добровольческих отрядов. Периодичность 2 раза в неделю. Фельдпост 05767, 1943.

На дальнем посту. Печатный орган добровольческих частей в Дании. 1945, № 2.

На досуге. Дабендорф, 1943–1944.

На казачьем посту. Журнал-официоз Главного Управления Казачьих Войск. Ред. сотник П. Гусев. Берлин, 1943–1945.

На страже Родины. Газета «Союза Борьбы против большевизма» (для ОД). Бобруйск, 1944.

Наши крылья. Печатный орган ВВС КОНР. Мариенбад (Германия), 1945.

Новости. Еженедельное издание газеты «Боец РОА». Сводки командования Вермахта. Фельдпост 09455, 1943.

Новый путь. Гл. ред. А. Огнев. Фельдпост 10792, 1944.

Общеказачье объединении в протекторате Чехия и Моравия. Прага, 1940.

Отважный воин. Фальсифицированная газета РОА, 1943.

Офицерский бюллетень РОА. Бобруйск, 1943–1944. Гл. ред. полковник В.И. Боярский., Периодичность 1–2 раза в месяц, формат 30 x 21; 32 x 25, кол-во страниц — 4.

Песни добровольцев. Приложение к «Информационному листку добровольческих частей». Периодичность 1 раз в неделю. Фельдпост 03069, 1944.

Последние сообщения. Сводка Верховного Главного Командования Германской Армии. 1943.

Правда. Еженедельная газета. Идентична по формату и заголовку советской «Правде». 1944.

Пропагандист. Восточный фронт, 1943–1944.

Путь на Родину. Печатный орган Вооруженных сил КОНР. 1945, №№ 1–2.

Речь. Казачий печатный орган в Сербии. 1944.

Родина. Газета соединения войск Русской Национальной Народной Армии (РННА). Пос. Осинторф (под Оршей), 1942–1943. Ред. капитан Родин. Первые номера — в виде стенгазеты, затем выпуск типографским способом. После ухода всей редакции в партизаны газета закрыта.

Родина. Литературно-политический журнал.

Руль. Фронтовой орган «Комитета Освобождения Народов России» генерала А.А. Власова. 1943–1945.

Рупор. Стенгазета лагеря военнопленных РОА в Дахау.

Русская мысль. Литературный журнал лагеря военнопленных РОА в Дахау. Рота капитана Протодяконова. Январь 1945.

Советский воин. Фальсифицированная газета РОА. 1944.

Сталинский воин. Фальсифицированная газета РОА. 1944.

Страница добровольца. Франция, 1944.

Фронтовик. Фальсифицированная газета РОА, 1944.

Фронтовой листок. Газета войск Освободительного движения. 1943–1944.

Юмористический листок. Издание для русских частей в Италии. Италия, 1944.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2. Список аббревиатур

- АНСТ** — Абвернебенштелле
АСТ — Абверштелле
АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
АК — Армия Крайова
АНК — Армянский Национальный Комитет
АТ — Арбайтсгемайншафт (объединение научных специалистов и преподавателей, нем.) «Туркестан»
БА — броневедомоциль
БРП — Братство Русской Правды
БОВО — Балтийский Особый Военный округ
БРЭМ — Бюро по делам русских эмигрантов
БСА — Белорусская Самаахова (Самооборона)
БСБ — Белорусская Служба Батьковщине
БСРН — Боевой Союз Русских Националистов
БКО — Белорусская Краевая Оборона
БКВ — Белорусские Краевые Войска
БКС — Белорусский Комитет Самопомощи
БНР — Белорусская Народная Республика
БНС — Белорусская Народная Самопомощь
БНП — Белорусская Незалежницькая Партия
БНСП — Белорусская Национал-Социалистическая Партия
БНФ — Белорусский Народный Фронт
БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика
БЦР — Белорусская Центральная Рада
ВВ — взрывчатые вещества
ВВС — Военно-Воздушные Силы
ВПНВ — Всероссийская Партия Национального Возрождения
ВТБС — Восточно-Туркестанское Боевое соединение СС
ВКОЛ — Верховный Комитет Освобождения Литвы
ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков)
ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи

- ВЛИК** — Главный Комитет Освобождения Литвы
ВМФ — Военно-морской флот
ВМС — Военно-морские силы
ВНП — Всероссийская Национальная Партия
ВНОС — Воздушное наблюдение, оповещение, связь
ВУЗ — Высшее учебное заведение
ВС КОНР — Вооруженные Силы Комитета по Освобождению Народов России
ВФП — Всероссийская Фашистская Партия
ВФО — Всероссийская Фашистская Организация
ВЧ — высокочастотная связь
Генштаб — Генеральный Штаб
ГКО — Государственный Комитет Оборона
Горотдел — городской отдел (отделение)
ГРУ — Главное Разведывательное Управление
ГФП — Гехайм Фельд Полицай (нем.) — Тайная Полевая Полиция
ГУКВ — Главное Управление Казачьих Войск
ГУКР — Главное Управление Контрразведки
ГУЛАГ — Главное Управление Лагерьей
ГУУР — Главное Управление уголовного розыска
ГШ — Генеральный Штаб
Ди-Пи (DP — Displaced Persons, англ.) — перемещенные лица
ДККП — Донской казачий конный полк
ДОТ — долговременная огневая точка
ДП — Дегтярев пехотный (советский пулемет)
Дулаг — пересыльный лагерь (нем.)
ДУН — Дружина Украинских националистов
Зипо (Зихерхайд Полицай, нем.) — охранная полиция
ИТЛ — Исправительно-трудовые лагеря
ККК — Кавалерийский Казачий Корпус
КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
КГБ — Комитет Государственной Безопасности
ОКПП — отдельный контрольно-пропускной пункт
КПЗ — камера предварительного заключения
КО (Кригсорганизация, нем.) — военная организация
Кристо (Криминаль Полицай, нем.) — криминальная полиция
ЛИТ — Совет Освобождения Литвы
ЛЛА — Армия Освобождения Литвы

ЛО/ЛВО — Ленинградский округ/Ленинградский Военный Округ

ЛТК — Армия Обороны Отечества (Жемайтский шущманшафт)

МГБ — Министерство Государственной Безопасности

МГУ — Московский Государственный Университет

МИД — Министерство Иностраннных Дел

МНР — Монгольская Народная Республика

МТС — Машинно-тракторная станция

МХАТ — Московский Художественный Академический Театр

МУР — Московский Уголовный Розыск

НБО — Нахрихтенбеобахтер (Разведывательно-информационный, нем.)

НИИ — Научно-Исследовательский Институт

НКВД — Народный Комиссариат Внутренних Дел

НКГБ — Народный Комиссариат Государственной Безопасности

НСДАП — Национал-Социалистическая Рабочая Партия Германии

НСНП — Национальный Союз Нового Поколения

НСКК — Национал-Социалистический Моторизованный Корпус

НСТПР — Национально-(Народно-) Социалистическая Трудовая Партия России

НСРМ — Национальный Союз Русской Молодежи

НТС — Национально-(Народно-) Трудовой Союз

НОРР — Национальная Организация Русских Разведчиков

НОРМ — Национальная Организация Русской Молодежи

ОББ — Отдел по борьбе с бандитизмом

ОГПУ — Объединенное Государственное Политическое Управление

ОД (орднунгсдинст — служба порядка, нем.) — полиция (служба) порядка

ОКВ — Высшее Командование Вермахта

ОКЛ — Высшее Командование Военно-Воздушных Сил Германии

ОКХ — Высшее Командование Сухопутных Сил Германии
ОНОКС — Организация Национальной Обороны Карпатской Сечи

ОПКБ — Объединенная Партия Кавказских Братьев

ОРИОР — Организация Российских Юных Разведчиков

ОТ — Организация Тодта

Офлаг — офицерский лагерь (нем.)

ОУН — Организация Украинских Националистов

ОУН(Б) — ОУН (Бандеры)

ОУН(М) — ОУН (Мельника)

ПВО — Противовоздушная оборона

ПрибВО — Прибалтийский Военный Округ

ПУН — Провод Украинских Националистов

ПЦБ — Политический Центр по борьбе с Большелизмом

РАД (Рейхсарбайтсдинст, нем.) — Рабочая служба Германии

РВНД — Российское Военно-Национальное Движение им А.В. Суворова

РОВС — Русский Общевоинский Союз

РОД — Русское Освободительное Движение

РОА — Русская Освободительная Армия

РОНА — Русская Освободительная Народная Армия

РОНД — Русское Общенациональное Движение

РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия

РК — Районный Комитет

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РСХА — Главное Управление Имперской Безопасности

РТНП — Русская Трудовая Народная Партия

РИСО — Российский Имперский Союз-Орден

РФС — Русский Фашистский Союз

РФО — Российская Фашистская Организация

РНА — Русская Национальная Армия

РННА — Русская Национальная Народная Армия

РНСД — Русское Национал-Социалистическое Движение

РЦХИДНИ — Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории

СА — Штурмовые отряды

САФ — Союз Андреевского Флага

- СБМ** — Союз Белорусской Молодежи
СБП — Союз Белорусских Патриотов
СБОНР — Союз Борьбы за Освобождение Народов России
СБПБ — Союз Борьбы Против Большевизма
СВТ — Самозарядная винтовка Токарева
СД — служба безопасности
С.Е.И.В. — Собственный Его Императорского Величества
СЗФ — Северо-Западный фронт
СНК — Совет Народных Комиссаров
СРМ — Союз Русской Молодежи
СТМ — Союз Татарской Молодежи
СОУ — Союз Освобождения Украины
СП — Служба Предупреждения
СС — Охранные отряды
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
СУ — самоходная установка
СХС Королевство — Королевство Сербов, Хорватов, Словенцев
США — Соединенные Штаты Америки
СМЕРШ («Смерть шпионам!») — Главное Управление Контрразведки
ТДА — Батальоны охраны труда
ТЛВ (Технише люфтваффе) — авиационная техника
ТТ — Тульский Токарев (пистолет)
ТНК — Туркестанский Национальный Комитет
УВВ — Украинское Вызвольное Войско (Украинская Освободительная Армия)
УВО — Украинская Военная Организация
УГА — Украинская Галицийская Армия
УДРЭ — Управление по делам русской эмиграции
УКВ — ультракороткие волны
УНА — Украинская Национальная Армия
УНА-УНСО — Украинская Национальная Ассамблея — Украинская Национальная Самооборона
УНК — Украинский Национальный Комитет
УНР — Украинская Народная Республика
УНРА — Украинская Народная Революционная Армия
УПА — Украинская Повстанческая Армия

- УПА(Б)** — УПА (Бандеры)
УПА(Б-Б) — УПА (Бульбы-Боровца)
УСС — Украинские Сечевые Стрельцы
УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
УЦК — Украинский Центральный Комитет
ФРГ — Федеративная Республика Германия
ХССПФ — Командующий полиции безопасности и СД
ХТТ — Хальм Тангалин Тук
ЦБФ — отряд специального назначения
ЦБУ — Центральная Боевая Управа
ЦК КП(б) — Центральный Комитет Коммунистической
Партии (большевиков)
ЦРУ — Центральное Разведывательное Управление
ЧК — Чрезвычайная Комиссия
ЧОН — Части Особого Назначения
ЦШПД — Центральный штаб партизанского движения
Шталаг — сборный лагерь (нем.)
Шума — Шуцманшафт
ЯВМ — Японская военная миссия

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абрамов Ю. В квадрате Е2... // Служба Безопасности. Новости разведки и контрразведки. 1995. № 7.

Абрамян Э. Формирования армянских батальонов на <http://arm-military.narod.ru>

Александров К. Комбриг Бессонов и десанты в ГУЛАГ // Посев. 1999. № 5.

Александров К. Восточные войска Вермахта и Вооруженные силы Комитета Освобождения Народов России. К истории разведывательных и контрразведывательных служб // Клио. 1999. № 2.

Александров К. Русское казачество во Второй мировой войне: трагедия на Драве. Декабрь 1944 // Новый Часовой. 2001. № 11–12. С. 119.

Александров К. Трагедия донского казака Ивана Кононова // Посев. 2000. № 5. С. 43–46; № 6. С. 43–46.

Алексеев Н.С. Злодеяния и возмездие М.: Юридическая литература, 1986.

Алексеев В. С нашивкой «Идель-Урал» на фашистской форме // Советская Чувашия. 06.03.2000.

Алферьев Б.О. Походный атаман батько фон Паннвиц. М.: Коммерческий вестник, 1997.

Андреева Е.А. Генерал Власов и Русское Освободительное движение. М.: Странник, 1993.

Антропов О. Калмыки в Астраханском Казачьем войске // На Казачьем посту. Октябрь 1997 — январь 1998. № 2-3. С. 12.

Артемьев В.П. Первая дивизия РОА. СБОНР 1974.
Армянский Легион на <http://www/arm-military.narod.ru/armenische.html>

Арсенич П. Родина Шухевичів. Коломия: «Вік», 1995.

Ауски С. Предательство и измена. Войска генерала Власова в Чехии. Сан-Франциско, 1982.

Ахтамзян А. Подвиг Мусы Джалиля // Сборник «Мужество». М., 1997. № 1 (32).

Баган О. Націоналізм і націоналістичний рух. Дрогобич: «Відродження», 1994.

Балега Ю. Семінарист із Красного поля // Карпатская Сечь. Материалы научно-практической конференции, посвященной 56-й годовщине Карпатской Сечи (на укр. яз.). Ужгород: МПП «Гражда», 1996.

Балтиньш В. Не смею молчать // Часовой. Брюссель. 1958. № 9 (358). С. 17–18.

Бангерскис Р. Письмо в редакцию // Часовой. Брюссель. 1958. № 10 (359). С. 22.

- Барков Л.** В делях Аберера. Таллин: «Ээсти Раамат», 1971.
- Бахвалов А.** Генерал Власов. Предатель или патриот? СПб.: ВШ МВД РФ, 1994.
- Башилов Б.** Правда о Бригаде Каминского // Наша Страна. 1952. № 12/13.
- Белик И.К. Шумилова Е.В.** «Немецкая разведка является довольно-но сильным противником» // Исторический Архив. № 5.
- Белоус И.В.** От Путивля до Карпат. Ч.2 // Русское Возрождение. 1981. № 16 (IV).
- Белоусов М.А.** Об этом не сообщалось. М.: Воениздат, 1989.
- Беляев В.П.** В калмыцких степях // Военные контрразведчики. 60 лет Особым отделам ВЧК–КГБ.
- Блюмфельд Э.А.** Гитлеровский оккупационный режим в Латвии 1941–1945. Автореферат диссертации. Рига: Институт Истории АН ЛатССР, 1967.
- Бобров М.** Страшное безмолвие России // Возрождение. Париж, 1949. № 11–12.
- Болтроеук В.** С кем мы сражались? // Служба Безопасности. Новости разведки и контрразведки. 1993. № 6.
- Биографическая справка к воспоминаниям А.Р. Трушновича «Русская эмиграция в Югославии 1941–1945» // Новый Часовой. 1996. № 6.
- Броди // Збірник статей і нарисів за ред. О. Лисяка. Мюнхен, 1951.
- Васильев А.Н.** В час дня, Ваше превосходительство. М.: Воениздат, 1994.
- Ванцак Б.С., Козюра В.М.** Ридний край. Лубны, 1993.
- Ваупшасов С.А.** На тревожных перекрестках. М.: ИПЛ, 1971.
- Венков И.Н.** «Допустить размещение войск...» // Военно-исторический журнал. 1999. № 4.
- Вестерман С.** Фронт без линии фронта... Рига: Латгосиздат, 1959.
- Верига В.Б.** Дорогами Другой світової війни. Торонто, 1981.
- Верига В.Б.** Буковинський курінь 1941 // Сборник «На зов Києва». Київ: «Дніпро».
- Виноградов В., Решин Л.** Пропавший генерал // Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки. 1995. № 7.
- Витковский Е.В.** Предисловие к сборнику стихотворений А. Немелова «Без Москвы, без России». М.: «Московский Рабочий, 1997.
- Военные контрразведчики. Сборник статей и воспоминаний. М.: Воениздат, 1986.
- Война в тылу врага. М., 1974.
- 800 грузин в борьбе против немцев в Голландии. Неизвестный эпизод великой войны // Новое Русское Слово. 27.05.1946.
- Всеволодов И.В.** Беседы о фалеристике. М.: «Наука», 1990.

- Войцеховский С.Л.** Эпизоды. Лондон (Канада), 1978.
- Войцеховский С.Л.** Так это было... // Часовой. 1949. № 5.
- Галлени М.** Советские партизаны в итальянском движении Сопротивления. М.: «Прогресс», 1988.
- Галицкий В.П.** «Обязуюсь... помочь германской армии» // Военно-исторический журнал. 2000. № 3.
- Галицкий В.П.** Чеченские повстанцы в 1941–1944 гг.: правда и вымысел // Обозреватель. 2001. № 5–6.
- Генералы «пятой колонны» // Газета Дона. Ростов-на-Дону. 18.03.1999. № 11 (14).
- Германские документы о борьбе с крымскими партизанами в 1941–1942 гг. // <http://www.moscow-crimea.ru/history>
- Гелагаеу А.** Беларускія нацыянальныя вайсковыя фармацыі у часе другога сусветнага вайны. Минск: Голас Краю, 2002.
- Гетманенко О.Д., Юшко А.А.** Черная белая гвардия. О судьбе белогвардейцев эмигрантов // Военно-исторический журнал. 1993. № 4.
- Гломозда К.** Відзнаки українського війська доби визвольних змагань. С. 810–811.
- Гилязов И.** Восточные легионы // Родина. 1999. № 7.
- Гилязов И.** На другой стороне // Панорама — Форум. Казань, 1998.
- Гіммельрайх К.** Спогади командира відділу особливого призначення «УПА-Схід» // Літопис УПА. Т.15. Торонто, 1987.
- Герои подполья. Сборник. Вып. 1. 4-е изд. М., 1972.
- Голос Народа 1941–1942 гг.
- Гудериан Г.** Воспоминания солдата. Ростов-на-Дону: «Феникс».
- Долгополов Ю.Б.** Война без линии фронта. М.: Воениздат, 1981.
- Дичбалис С. (Дубов А.)** Детство, отрочество, юность — не по Льву Николаевичу Толстому на: <http://www.powerup.com/au~dubov/goa/book>
- Дзинтарс Я.К.** «Пятая колонна» в Латвии служила Гитлеру // Сборник Лубянского чтения. 1999.
- Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 2. М, 1964.
- Документы со стола Сталина // Лимонка. № 5 (34).
- Для регистрации советских беженцев // Кавказ. 1939 январь. № 1/61.
- Дмитриев Ю.** Кого опекает американская администрация? // Сборник «Каратель живет в Клифтоне». М.: Юридическая Литература, 1983.
- Дробязко С.И.** Казачья эмиграция во второй мировой войне // Материалы по истории Русского Освободительного Движения. Сборник статей, документов, воспоминаний. Вып. 4. Под общ. ред. А.В. Огорокова. М.: Архив РОА, 1998.
- Дробязко С.И.** Политика «коллорабионизма» и казачий вопрос в годы Второй Мировой войны // Наши Вести. № 445/2746.

Дробязко С.И. Локотский автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия // Материалы по истории РОД. Вып. 2.

Дробязко С.И. Эпопея генерала Смысловского // Материалы по истории Русского Освободительного движения под общ. ред. А.В. Огорокова. Вып. 4. М.: Архив РОА, 1999.

Дробязко С., Ермолов И. Добровольческий полк «Десна» и другие военные формирования из советских граждан на территории Орловской области. М., 2001.

Дугас И.А., Черон Ф.Я. Вычеркнутые из памяти. Париж: ИМКА-пресс, серия ИНРИ, 1994.

Дуда А., Старик В. Буковинський Курінь в боях за українську державність. 1918–1941–1944. Киев; Черновцы, 1995.

Дужий П. Роман Шухевич — політик, воїн, громадянин. Львов, 1998.

Дужий П. Генерал Тарас Чупринка. Львов: «Галицька Видавнича Спілка», 1997.

Дулгов И. Фильм о генерале Хольмстоне // Наша Страна. 1993. № 2230.

Дунаев Ф. О преступлениях коллаборационистов. Не марайте подвиг. На <http://www.bryanskregion.ru/history>

Емельяненко И. Кавалерийский полк «Юнгшульц» на <http://ostbataillon.fromru.com>

Ермолович В.И. Анализ достоверности исторического источника (По материалам листовых изданий партизан и подпольщиков Беларуси 1941–1944 гг.) // Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі. Вып. 2. Минск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 1998.

Ефимов А.В. Некоторые аспекты германской оккупационной политики в отношении крымских татар в 1941–1944 гг. // Крым в XX веке на <http://www.moscow-crimea.ru/history/20vek/efimov.html>

Загоруйко М.М., Юденков А.Ф. Крах плана «Ольденбург». М.: Экономика, 1980.

Заки Валиди Тоган. Биография на <http://www.bashedu.ru/konkurs/baimov>

Записка УШПД про деятельность украинских националистов от 7 января 1943 г. // Сергійчук В. ОУН-УПА в роки війни. Киев: «Дніпро», 1996. С. 21–22.

Замулин В.Н., Лопуховский Л.Н. Прохоровское сражение. Мифы и реальность // Военно-Исторический архив. 2003. № 1.

«Заря». 03.03.1943.

Захаров В.В., Колунтаев С.А. Русская эмиграция в антисоветском, антисталинском движении (1930-е — 1945 гг.) // Материалы по истории Русского Освободительного Движения. Вып. 2. М.: Архив РОА, 1998.

Зевелев А.И., Курлат Ф.Л., Казицкий А.С. Ненависть, спрессованная в тол. М.: Мысль, 1991.

Зеленій З. Українське юнацтво в вирі Другої Світової війни. Торонто, 1965.

Зинченко Ю.И. Правда и ложь про долю крымских татар в годы Великой Отечественной войны // Украина во 2-й мировой войне: уроки истории и современность. Материалы международной научной конференции. 27–28 июля 1994 г. на рус. и укр. яз. Киев: Институт истории Украины НАН Украины, 1995.

Ибрагимбейли Х.-М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М.: «Наука», 1971.

Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала от 30 ноября 1945 г. Допрос свидетеля Эрвина Лахузена // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 7 тт. Т. 2. М., 1958.

Иностранцы добровольцы вермахта. Армейская серия № 52. Рига: Tornado.

Истоки Кокандской автономии. Мустафа Чокай-оглу // Электронный журнал «Центральная Азия и Кавказ» на <http://www.ca-c.org/journal/>

Каваленя А. Апошняя стаўка нацыскага рэжыму: заснаванне, структура Беларускай службы бацькаўшчыны, Саюза татарскай моладзі, Саюза рускай моладзі, Саюза барацьбы супраць бальшавізму.

Карпов В. Долгая дорога в Лиенц // Станица. 2000. № 3 (33).

Карпов В. Письмо // Станица. 1997. № 3 (23).

Казак П. Беларускі нацыяналізм. Давэднік // Голас Краю, Минск, 2001.

Казачья Голгофа. Предательство в Тирольских Альпах. Сборник документов. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2002.

Казицкий А. Коварство «Седой головы» // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985.

Калганов А. Дело № 2783: военные преступления не забыты // Независимая газета — Спецслужбы. № 16 от 12 мая 2000 г.

Кальба М. Дружини українських Націоналістів. Детройт, 1992.

Каров Д. Партизанское движение в СССР 1941–1944. Мюнхен: Институт изучения СССР, 1952.

Касмовіч Д. Успаміны пра Беларускаю Незалежніцкую Партыю (БНП) // Terra Historica, Минск. 2002. № 1.

Касаткин М.А. В тылу немецко-фашистских армий «Центр». М: Мысль, 1980.

Катусев А.Ф. Чужая слава // Военно-исторический журнал. 1990. №№ 8–9.

Катусев А.Ф., Оппок В.Г. Иуды. Власовцы на службе у фашизма // Военно-исторический журнал. 1990. № 6.

Катусев А.Ф., Оппоков В.Г. Движение, которого не было. История власовского предательства // Военно-исторический журнал. 1991. № 8.

Каширин. Российское Военно-Национальное Движение им. Генералиссимуса А.В. Суворова // Часовой. 1971. № 542.

Кайгородов А. Маньчжурия: август 1945 г. // Станица. 1993. № 2/11.

Кичихин А.Н. Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-исторический журнал. 1990. № 9.

Клыкковская Т. Обреченный эскадрон: в 1942 году они мечтали создать национальные белорусские войска // Имя. № 173 от 15.10.1998.

Клыкковская Т. Крик о помощи восставшей Праги услышали власовцы // Имя. № 8. Май 1999.

Крикунов П.Н. «...Начальникам своим, как немецким так и своим казачьим во всем буду послушен...» // Военно-исторический журнал. 2002. № 2.

Крысин М.Ю. «С Адольфом Гитлером — к победе, к оружию, к труду!» // Военно-исторический журнал. 2002. № 9.

Ковалев Б.Н. Работа советских спецслужб по разложению коллаборационистских формирований в годы Великой Отечественной войны на <http://www.fsb.ru/history/museum/1997/kovalev>

Ковалев М.Ф. Лесной фронт. М.: ДОСААФ, 1983.

Косик В. Німеччина й українське питання (жовтень 1938 — грудень 1941) // Україна у другій світовій війні: уроки історії та сучасність. Матеріалі міжнародної наукової конференції (27–28 жовтня 1994 р.). Київ: Інститут Історії України НАН України, 1995.

Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. НТШ. Париж; Нью-Йорк; Львів, 1993.

Колісник Р., Малецький М. 1-ша українська дивізія Української Національної Армії (Дивізія «Галичина») // Історія Українського війська 1917–1995. Львів: «Світ», 1996.

Копейкин А. «Реабилитации не подлежит...» // Электронная версия газеты «Звезда» от 01.19.1991.

Кромиади К.Г. За землю. За волю. На путях освободительной борьбы 1941–1947. Сан-Франциско: Глобус, 1980.

Крикунов В.П. Палачи // Военно-исторический журнал. 1990. № 7. К статье «Тайна генерала Эйзенхауэра» // Наши Вести. № 433/2734. С. 13.

Кук В. Степан Бандера (1909–1999). Ивано-Франковск: «Лілея-НВ», 1999.

Купяк Д. Спогади нерозстріляного. Торонто; Нью Йорк, 1991.

Кушаль Ф. Спробы стварэння беларускага войска. Минск: БГА, 1999.

Літвін А. Акупацыя Беларусі (1941–1944). Пытанні супраціву і калабарацыі. Минск: «Беларускі Кнігазбор», 2000.

Літвін А. К вопросу о восточных воинских формированиях на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941—1944) // Страницы военной истории Беларуси. Вып. 1. Минск, 1992.

Літвін А. Казачий Стан в Беларуси // Неман. 1996. № 12.

Литвин Г.А. Крымско-татарские формирования // Военно-исторический журнал. 1991. № 3.

Лобанюк В.Е. До последней капли крови. Герои подполья. О борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Вып. 1, изд. 4-е испр. и доп. М., 1972.

Львів. Историчні нариси. Львов: НАН України, 1996.

Мадер Ю. Абвер — щит и меч Третьего Рейха. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999.

Майданов А.Г. Рассудит Клио // Военно-исторический журнал. 1990. № 5.

Мамулиа Г. Битва за Кавказ 1942—1943 гг. // Политика. Тбилиси. 2001. № 2.

Мацях Е. Українці в Югославії // Сборник «На зов Києва». Киев: «Дніпро».

Меженко А.В. Военнопленные возвращались в строй... // Военно-исторический журнал. 1997. № 5.

Мельник Д., Черная Л. Двуликий адмирал. М.: ИПЛ, 1965.

Мечник С. У вирі военного лихоліття. Львов: «Край», 1992.

Минаева Н.В. Между жерновами Гестапо и КГБ // Посев. 2001. № 4.

Моисеев А. Былое 1894—1980. Сан-Франциско: «Глобус», 1980.

Молоде життя, 1949—1952. Т. 3.

Музычук С. Батальоны «Nachtigall» и «Rolland» 1941—1942 // Однострий. Форменная одежда. Ровно. № 3.

Музычук С. Дивизия СС «Галичина» и Украинская Национальная Армия 1943—1945 гг. // Однострий. Форменная одежда. Ровно. 1999. № 2.

Муковський І.Т., Лисенко О.Э. Звитяга и жертвовність. Українці на фронтах Другої світової війни. Киев: «Книга памяти Украины», 1997.

Мюллер Н. Вермахт и оккупация 1941—1944. М.: ВИМО СССР, 1974.

Назаревич Р. Варшавское восстание. 1944 год. М, 1989.

Назаров М. Миссия русской эмиграции. Т. 1. Ставрополь: «Кавказский Край», 1992.

На врагов не обижаются: НТС во время войны. Интервью с Е.Р. Романовым // Посев. 1998. № 1—2.

Найдзюк Я., Касяк І. Беларусь учора і сяння. Минск: «Наука и техника», 1993.

- На Казачьем посту. Берлин. 1944. № 5.
- Нерсисян В.** Переговоры с руководством немецкой армии в 1938 году // Посев. 2000. № 7.
- Николаев Н.** Так это было... Б/м, 1982.
- Николаев Н.** Судьба полка РОА в Дании и Шлезвиг-Гольштейне в 1945 г. // Часовой. 1955. № 3.
- Никифоров И.** Неоконченная война Альфонса Ребане // Эстония. 28.06.1999.
- Николаевский Б.** Пораженчество 1941–1945 годов и ген. А.А. Власов // Новый Журнал. 1948. XVIII.
- Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов под общ. ред. Р.А. Руденко. Т.6. «Преступные организации». М.: Юридическая литература, 1960.
- Образ руководителя бандитов. Бандиту Родионову, под кличкой Гиль / Юхнов. Майор и преподаватель тактики отряда СС «Дружина». РАМ 130/44. Листовка из фонда «Русское Зарубежье» Государственной Публичной Исторической библиотеки.
- Окороков А.В.** Ликвидация А.Э. Вюрглера // Материалы по истории Русского Освободительного движения под общ. ред. А.В. Окорокова. Вып. 4. Архив РОА. 1999.
- Окороков А.В.** Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.). М.: Русаки, 2002.
- Окороков А.В.** Антисоветские воинские формирования в годы Второй Мировой войны. Монография. М.: Военный университет, 2000. С. 54–59.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. I. Кн. 2 «Накануне» (1 января — 21 июня 1941 г.). М.: АО «Книга и бизнес», 1995.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. II. Кн. 1 «Начало». М.: «Русь», 2000.
- Онегина С.В.** Крах расчетов и иллюзий («Внутрисоюзная» работа ВФП в Маньчжурии) // Кентавр. 1993. № 5.
- Освободители // Родина. 1991. № 8–9.
- Осипов Г.** Пароль — «Наступает осень...». М.: ИПЛ, 1984.
- Остряков С.З.** Военные чекисты. М.: Воениздат, 1979.
- Офицеры Императорской Гвардии в Русском Корпусе // Наши Вести. № 460.
- Палачи // Российские Вести. № 19 (1537) от 24.05.2000.
- Партизаны Брянщины. Сборник рассказов бывших партизан. Т. I. Брянск: Брянский Рабочий, 1959.
- Партизаны Брянщины. Сборник рассказов бывших партизан. Тула: Приокское книжное изд-во, 1970.

Петров Б. Вооруженные формирования Прибалтики накануне и в начале Великой Отечественной войны // Военно-Исторический Архив. Вып. 10. М., 2000.

Петренко Р. За Україну, за її волю. Спогади // Літопис Української Повстанської Армії. Т. 27. Торонто; Львів, 1997.

Плющов Б. Генерал Мальцев. Сан-Франциско: «Глобус», 1983.

Полчанинов Р. Неизвестный бунт в РОА на <http://www.pskov.org.ru/news/1999/Feb/15/5.htm>

«Правительство и ЦК Литвы позорно бежали» Письмо С. Болотского Председателю ГКО И.В. Сталину // Источник. 1995. № 2.

Прянишников Б.В. Новопоколенцы. 1-е изд. Мериленд, 1986.

Поздняков В. Республика Зуева // Новый Журнал.

Помощники Люфтваффе // Однострий. Ровно. № 4.

Противотанковая бригада «Вильна Украина» см на <http://www.geocities.com/ssgalitsija>, а также см. Энциклопедія українознавства: Словникова частина / под ред. В. Кубийовича. Мюнхен.

Радзевич К. Перша київська похідна група ОУН // На зов Києва. Сборник. Киев: «Дніпро», 1993.

Расул-Заде Э. Национальное движение в Азербайджане // Вопросы Истории. 2002. № 2.

Редлих Р.Н. В бригаде Каминского // Материалы по истории Русского Освободительного Движения. Вып.2. Под общ. ред. А.В. Огорокова. М.: Архив РОА, 1998.

Решин Л.Е., Степанов В.С. Судьбы генеральские // Военно-исторический журнал. 1993. № 6.

Решин Л. Охота на «Ворона» // Альманах «Шпион». 1994. № 6.

Речь. Бобруйск. № 24 (380) от 22.03.1944; № 27 (383) от 01.04.1944; № 34 (390) от 26.04.1944; № 47 (403) от 10.06.1944.

Ронге М. Война и индустрия шпионажа. М.: ИД «Правовое просвещение», 2000.

Росси М. Советские солдаты в партизанских батальонах гарибальдийцев // Военно-исторический журнал. 2001. № 6.

Росох С. Військо Закарпатської України // Історія українського війська 1917–1995. Львов: «Світ», 1996.

Ржезач Т., Цуркан Р. Разыскиваются... М.: ИПЛ, 1984. С. 169–170.

Российская эмиграция в Маньчжурии. Военно-политическая деятельность 1920–1945 гг. Хабаровск, 1991.

Россось в годы Великой Отечественной войны — на <http://www.rossosh-v-reg.narod.ru>

Русин О. Карпатська Січ та Угорщина // Карпатская Сечь. Материалы научно-практической конференции, посвященной 56-й годовщине Карпатской Сечи (на укр. яз.). Ужгород: МПП «Гражда», 1996.

- Рутыч Н.** Между двумя диктатурами // Родина. 1995. № 6–7.
- Рыцарь Белой идеи.** Жизнь и смерть Михаила Александровича Натарова // Луч Азии. Харбин. 1939. № 60/8.
- Сагалов З.В.** Прелюдия к Нюрнбергу. Харьков: «Простор», 1990.
- Самарин В.** Фронт в тылу // Грани. 1953. № 17–18.
- Самутин Л. А.** Я был власовцем... СПб., 2002.
- Санников В.** Под знаком восходящего солнца в Маньчжурии. Воспоминания. Сидней, 1990.
- Семенов А.П.** Неустрасимые. Рига: Латгосиздат, 1963.
- Семиряга М.И.** Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй Мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000.
- Симонова Т.М.** «Прометеизм» во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4.
- Скородумов М.Ф.** История возникновения Русского Корпуса в Сербии // Русский Корпус на Балканах во время 2-й Великой войны 1941–1945. Сб.2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
- Скорупський М.** Туда де бій за волю. Спогади курінного УПА. Киев: Козаки, 1992.
- Семенов А.С.** Атаман Семенов: малоизвестные факты биографии // Новый Часовой. 1997. № 11.
- Согрина З.** Каратели // Каратель живет в Клифтоне. Сборник. М.: Юридическая литература, 1985.
- Спецхран** // Новая Газета. 17.06.1996.
- Стахів Е.** Кризь тюрми, підпілля й кордони. Киев: «Рада», 1995.
- Степанов А.** Черная Сотня: взгляд через столетие. СПб., 2000.
- Стефан Д.** Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945. М.: СП «Слово», 1992.
- Сечкин Г.** Граница и война. М.: «Граница», 1993.
- Талалай М.** Азербайджанские легионеры в 1945 г.: трагедия на Аппенинах // Новый Часовой. 2001. № 11–12.
- Тараткевич М.В.** Такой должна быть легенда. М.: ИПЛ, 1985.
- Тарджиманов М.О., Шахов В.Н., Дунаев Ф.П.** Всегда на боевом посту. Тула: Приокское книжное издательство, 1985.
- Тачмурат М.** Мемуары на <http://turkmeny.h1.ru/memuar/m2>
- Телицын В.** «СМЕРШ»: операции и исполнители. Смоленск: «Русич», 2000.
- Тихонов Ю.Н.** Кабул-42 или как был сорван поход Гитлера в Индию // Военно-исторический журнал. 2000. № 3.
- Толстой Н.** Жертвы Ялты. Т. 7. Париж: ИНРИ, 1988.
- Трушнович А.Я.** На путях в Россию // Посев. 2000. № 7.
- Трушнович А.Я.** Русские в Югославии и Германии 1941–1945 // Новый Часовой. 1994. № 2.

Уильямсон Г. СС — инструмент террора / пер. с англ. А.В. Бушуева, И.С. Соколова. Смоленск: «Русич», 1999.

Украинцы в 5-й дивизии СС «Викинг» см. на: <http://www.geocities.com/ssgalitsija>

Украинцы в танковых войсках см на: <http://www.geocities.com/panzer>

Украинский Морской легион см. на: <http://www.geocities.com/navalleg>

УСС — січові стрільці. Ивано-Франковск: Обллиздат, 1996.

Федоров А.Ф. Последняя зима. М.: «Советский Писатель», 1981.

Федосеев Л. Заговор полковников // Час. Ежедневная газета Латвии. 08.05.1999. № 105 (524).

Федоров Е. Правда о военном Ржеве. Ржев: Книжный клуб, 1995.

Фрелих С. Генерал Власов: русские и немцы между Гитлером и Сталиным». Tenafly (N.Y.): Hermitage, 1990.

Фирсанов Т.Г. Ради жизни. Записки чекиста. Куйбышев, 1973.

Хастингс М. Операция «Оверлорд». Как был открыт второй фронт. Пер. с англ. Е.М. Федотова. М.: Прогресс, 1989.

Хизгилов М. Черный Капитан: легионер, партизан, патриот. Воспоминания. Мальчик: ИЦ «Эль-Фа», 1994.

Хименец Ю. Закарпаття — земля Украинської держави. Ужгород, 1991.

Худанич В. Виникнення, структура і діяльність Карпатської Січі // Карпатская Сечь. Материалы научно-практической конференции, посвященной 56-й годовщине Карпатской Сечи (на укр. яз.). Ужгород: МПП «Гражда», 1996.

Хлобустов О. Провал «Цепелина» // Профи. 1997. № 4.

Хольмстон-Смысловский Б.А. Избранные речи и статьи. Буэнос-Айрес, 1953.

Хоффманн Й. История Власовской армии. Пер. с нем. Е. Гессен Париж: ИМКА-пресс, 1990.

Хруцкий Э. Будьте вы прокляты! // Московский Комсомолец. 11.02.2001.

Цурганов Ю. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй Мировой войне. М.: Intrada, 2001.

Чавчавадзе Г.Н. О Русском Освободительном Движении // Материалы по истории РОД. Вып. 2. М.: Архив РОА, 1998.

Чайковський А.С. Невідома війна. Киев: «Україна», 1994.

Чернов С.В. «О деятельности контрразведывательных органов противника на оккупированной территории Ленинградской области», докладная записка П.Н. Кубаткина // Новый Часовой. 1996. № 6.

Что такое НТС. На <http://posev.ru>

Чистяков С. Снова крупная победа «днепровцев» // За Свободу! 1943. № 18.

Шакибаев С. Падение «Большого Туркестана» / пер. с казах. П. Косенко. Алма-Ата: «Жазуши», 1972.

Шандор В. Армія і Карпатська Січ // Карпатская Сечь. Материалы научно-практической конференции, посвященной 56-й годовщине Карпатской Сечи (на укр. яз.). Ужгород: МПП «Гражда», 1996.

Шелленберг В. Мемуары. Пер. с нем. М.: Прометей, 1991.

Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера. М.: Посев, 1993.

Эсенов Р. Эхо подвига. М.: Патриот, 1992.

Юрэвіч Л. Жыцьце пад агнем. Минск: «Агचे», 1999.

Юрэвіч Л. Вырваныя бачыны. Да гісторыі Саюзу Беларускай Моладзі. Минск: «Энцыклапедыкс», 2001.

Юрчук П. Спогади куренного УПА. Киев, 1998.

Якимович Б. Збройні сили України. Наріс історії. Львов: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, «Просвіта», 1996.

Ямпольский В.П. Русские эмигранты на службе Квантунской армии // Военно-исторический журнал. 1997. № 5.

Ямпольский В.П. Там, на Востоке... // Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки. 1996. № 7.

Ямпольский В.П. «В Литве больше нет евреев...» // Военно-исторический журнал. 1990. № 6.

Ямпольский В.П. Мусульманская плаха для России // Военно-Исторический журнал. 1997.

Архивные материалы

Госархив Могилевской обл. (ГАМО) РБ, ф. 840, оп. 2, д. 8, л. 2–3 «Отчет о деятельности Бобруйской Городской Полиции, за период с 15 декабря 1942 г. по 15 января 1943 года».

ГАМО РБ, ф. 1008, оп. 1, д. 1, л. 224–225. «Справка о деятельности в г. Бобруйске в период оккупации немецкого контрразведывательного органа “ЗИВА” (стража безопасности)».

Личный архив К.К. Семенова

Национальный архив РБ, ф. 854, п. 1, л.д. 11.

О Союзе борьбы против большевизма. НАРБ, ф. 4п, оп. 33а, д. 573, л.д. 2.

1-й Русский национальный полк СС НАРБ, ф. 3500, оп. 3, д. 99, л.д. 221.

РЦХИДНИ, ф. 68 (ЦШПД), оп. 1, д. 1084, рол. 10744.

Справка о переходе на сторону партизан бригады РОА под командованием Родионова-Гиля и создании Первой Антифашистской бригады // НАРБ, ф. 4п, оп. 33а, д. 439, л.д. 7.

Иностранные источники

Anders W. Russian volunteers in Hitlers army 1941–1945.

Littlejohn D. Foreign legions of the Third Reich. Vol. 4. San Jose: R.J. Bender, 1987.

Carnier P.A. Larmata Cosacca in Italia 1944–1945. Milan, 1990.

Caroe O. Soviet Empire: the turks of Central Asia and stalinism. London: McMillan, 1953.

Hoffmann J. Kaukasien 1942/43 Das Deutsche Heer und die Orientvolker der Sowjetunion. Freiberg: Rombach, 1991.

Hoffmann J. Die Ostlegionen 1941–1943. Freiberg: Rombach, 1991.

Hoffmann J. Deutsche und Kalmyken 1942 bis 1945.

Mollo A. Uniforms of the SS. Vol. 5. London: Windrow & Green, 1992.

Munoz A.J. Hitlers Eastern legions Vol. 1. The Baltik Schutzmannschaft 1941–1945. New York: Axis Europa Books, 1998.

Munoz A.J. Hitlers Eastern legions. Vol. 2. Osttruppen.

Munoz A.J. The Kaminski brigade: a history 1941–1945.

Munoz A.J. The Druzhina SS Brigade: a history 1941–1943.

Schandruk P. Arms of valor. New York: Speller & Sons, 1959.

Thomas N. Partisan warfare 1941–1945. London: Osprey militaria, 1983.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Часть I. Русские формирования	9
1. <i>Русская эмиграция в «Восточном походе» 1941–1945 гг.</i>	9
Русские «правые» в Германии	9
Зондерфюреры-переводчики, агенты Абвера	15
Русские на Балканах или эпопея «Русского Корпуса»	23
Русские под знаменем Восходящего солнца	40
Русская Национальная Народная Армия	52
2. <i>Русские фронтовые формирования</i>	61
«Хиви» и восточные роты	61
Восточные батальоны, эскадроны, батареи, эскадрильи	68
Восточные полки	78
Местные полицейские формирования	89
3. <i>«Король Локтя» и его армия</i>	107
Инженер винзавода и преподаватель техникума	107
Локотский дебют	109
Жизнь под оккупацией	111
Разведка и контрразведка	118
Русская Освободительная Народная Армия	121
Война после освобождения	129
Каминцы вдали от дома	132
Каминцы в Варшаве	135
Гибель комбрига	137
Каминцы в РОА	138
4. <i>Под казачьим знаменем</i>	143
Эпопея Казачьего Стана	143
Казачьи формирования на Восточном фронте	157
Казачьи формирования немецких спецслужб	175
1-я Казачья Кавалерийская дивизия. XV Казачий Кавалерийский корпус	182
5. <i>Русские в немецких спецслужбах</i>	190
Генерал Смысловский и его тайная армия	190
Русские в «Предприятии “Цепелин”»	210
Бригада «Дружина»	232
Бессоновщина	244
6. <i>Антисоветские организации</i>	251

Часть II. «Братья-славяне» на немецкой службе	273
<i>1. Белорусские формирования</i>	273
Эскадрон Бориса Рагули	273
Франц Кушель, минская полиция и «Самаахова»	279
Белорусские полицейские батальоны	283
Белорусская Краевая Оборона	290
Бригада Зиглинга и 30-я дивизия СС	300
<i>2. Украинские формирования</i>	308
Легион Украинских Сечевых Стрельцов	308
Неизвестная война в Карпатах. Карпатская Сечь	322
Легионы и дружины украинских националистов	332
Украинская полиция и штурманшафтбатальоны	344
Украинцы в СС и Вермахте	358
Часть III. Прибалтийские формирования	378
<i>1. «За свободу Литвы...»</i>	378
Литовское довоенное сопротивление. Первые дни войны	378
От «партизанских отрядов» к штурманшафту. Холокост по-литовски	386
Литовцы в Вермахте и СС	395
<i>2. Латыши в боях за «Новую Европу»</i>	399
В Латвии перед войной	399
Латвийские полицейские формирования	408
Латыши в вермахте и СС	420
Латыши в Истребительном соединении войск СС	428
<i>3. Горячие эстонские парни в вермахте и СС</i>	433
Эстонско-немецкие довоенные контакты	433
Эстонские диверсионные, полицейские и вспомогательные формирования	438
Эстонские части Вермахта, СС и Люфтваффе	450
Эстонские диверсанты. Последний период войны	455
Часть IV. Восточный легион Гитлера	459
<i>1. Туркестанская карта Германии</i>	459
Туркестанский Национальный комитет и его функционеры ...	464
Легионы и легионеры	471
<i>2. Татарские союзники Третьего Рейха</i>	481
Крымские пособники	481
Татарская эмиграция. Комитеты, союзы, амбиции	491
Татары в рядах «Восточно-туркестанского боевого соединения СС»	503

3. <i>Калмыки в Вермахте</i>	510
4. <i>«Кавказские орлы» на службе у Рейха</i>	514
Азербайджанцы в рядах немецкой армии	514
Армянский Легион	519
Грузинский легион	526
Батальон (полк) «Горец» и северокавказские формирования Вермахта	538
Приложение № 1. Периодические издания русских формирований и органов местного самоуправления	544
Приложение № 2. Список аббревиатур	554
Использованные источники и литература	560